Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

КАРАИМЫ КРЫМА

исторические очерки

Москва
2022

УДК 94(477.75)
ББК 63.3(2Рос.Крм)
К 93

Утверждено к печати Издательской комиссией Института востоковедения РАН

Составители:
В.З.Тирияки, В.А.Ельяшевич, А.В.Ефимов
Ответственный редактор:
кандидат исторических наук В.В.Лебединский
Рецензенты:
доктор исторических наук А.Ш.Кадырбаев
кандидат исторических наук А.Д.Васильев

К 93 **Караимы Крыма: исторические очерки** / Сост. В.З.Тирияки, В.А.Ельяшевич, А.В.Ефимов. – М.: ИВ РАН, 2022. – 498с. ил.
ISBN 978-5-907543-16-4

Данное издание представляет собой сборник научных статей, в которых рассматриваются различные аспекты истории, религии и культуры традиционной общины крымских караимов XIX–XX вв. В сборник входят статьи на некоторые актуальные темы современности, биографические очерки и мемуары. Издание дает представление о самобытности культуры крымских караимов и ее роли в истории многонационального Крыма, предназначено для историков и краеведов, а также для широкого круга читателей.

УДК 94(477.75)
ББК 63.3(2Рос.Крм)

© Ельяшевич В.А., текст, иллюстрации, 2022
© Кушуль С.И., текст, 2022
© Тирияки В.З., текст, 2022
© Шайтанов И.А., текст, 2022
© Шайтанов С.И., текст, 2022
© ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2022

ISBN 978-5-907543-16-4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

ИСТОРИЯ

Религиозная жизнь

Сергей Шайтанов
Из истории симферопольской караимской кенасы и её настоятелей 8

Вячеслав Ельяшевич
Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя 17

Вячеслав Ельяшевич
История караимского молитвенного дома (кенасы) Карасубазара 36

Виктор Тирияки
Закрытие Малой кенасы в 1959 году и ликвидация общины караимов в Евпатории 49

Культурная жизнь

Вячеслав Ельяшевич
«Карай Битиклиги». Краткий исторический очерк 66

Виктор Тирияки
Современное состояние «Карай Битиклиги» 88

Сергей Шайтанов
К истории симферопольского караимского женского бесплатного училища 91

Вячеслав Ельяшевич
Караимская книга в Крыму. Исторический очерк караимского книгопечатания 100

Виктор Тирияки
Караимский музей в Евпатории периода немецкой оккупации 1941–1944 годов 121

Этнографические памятники

Виктор Тирияки
Исчезнувшая надпись портала киевской кенасы 126

Вячеслав Ельяшевич
К вопросу о датировке надписи на гехале Большой кенасы Чуфут-Кале 128

Виктор Тирияки
Надписи на мраморных плитах комплекса кенас в Евпатории 131

Вячеслав Ельяшевич
Пятикнижие 1274 года. Об одной реликвии из феодосийской кенасы 142

Виктор Тирияки
Локализация топонима «Бур-к» в письме хазарского царя Иосифа.... 148

Исторические личности
Вячеслав Ельяшевич
Из истории усадьбы Симы Соломоновича Бобовича «Ган Яфе» в Карасубазаре.... 152
Сергей Шайтанов
Бабакай Соломонович Бобович – второй Таврический и Одесский караимский Гахам 170
Вячеслав Ельяшевич
Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в Советской России 174
Вячеслав Ельяшевич
Верноподданные своего народа: Моисей Самуилович и Самуил Моисеевич Нейманы.... 219
Виктор Тирияки
Последний Гахам крымских караимов?.... 234

ЭТНОГРАФИЯ
Виктор Тирияки
Литературное наследие И.И.Казаса в «Карай Битиклиги» (К 180-летию со дня рождения Ильи Ильича Казаса) 236
Виктор Тирияки
Караимские брачные договоры в фондах МИЭКК имени С.И.Кушуль.... 239
Вячеслав Ельяшевич
Коллекция караимских брачных договоров (шетаров) в Евпаторийском краеведческом музее из собрания «Карай Битиклиги» 249
Вячеслав Ельяшевич
Караимское разводное письмо *гет*.... 259
Вячеслав Ельяшевич
Традиционная караимская культовая терминология по материалам описей имущества кенас и других источников.... 263
Виктор Тирияки
Евпаторийское издание ТаНаХа на караимском языке 276

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ
Виктор Тирияки
Дубы в сакральном пространстве караимов 287
Сергей Шайтанов
Суккот или Орах тою?.... 295
Виктор Тирияки
Добыча камня из карьера мертвецов.... 299

Виктор Тирияки
О родном размышляя ... 302

ВОСПОМИНАНИЯ

Виктор Тирияки
Восстановление надгробия Авраама Фирковича (по материалам архива С.И.Кушуль) ... 332
Симита Кушуль
Наследие Бориса Яковлевича Кокеная ... 335
Виктор Тирияки
Алтарь караимский с земли украинской (воспоминания очевидца 20 лет спустя) ... 338
Вячеслав Ельяшевич
Три дня в Галиче (Поездка Вячеслава Ельяшевича и Екатерины Мироновой 21–27 мая 2013 года) ... 345
Яков Авах
Первые караимские Гахамы Симха и Нахаму Бобовичи ... 353
Виктор Тирияки
Живая традиция ... 367
Александр Рофе
Воспоминания ... 372
Игорь Шайтанов
Возвращение памятника ... 381

БИОГРАФИИ ГАЗЗАНОВ (ТЕМУНОТ ЛЕ-ГАЗЗАНИМ)

Сергей Шайтанов
Исаак Иосифович Синани (1833–1890) ... 384
Вячеслав Ельяшевич
Исаак Юфудович Ормели ... 390
Вячеслав Ельяшевич
Саадья Элиша Симович Ельяшевич: ремесленник и философ ... 396
Сергей Шайтанов
Иосиф Моисеевич и Аарон Моисеевич Кефели ... 409
Вячеслав Ельяшевич
Султанские: отец, сыновья и внук ... 416
Сергей Шайтанов
Исаак Абрамович Бейм (1828–1892) ... 423
Вячеслав Ельяшевич, Сергей Шайтанов
Лувах газзаним ... 427

Содержание всех выпусков «Известий» 2011–2019 ... 448
Глоссарий ... 479
Список сокращений ... 481

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! В данной книге собраны научные статьи, публиковавшиеся в караимском ежеквартальном печатном органе «Известия Духовного управления караимов Республики Крым» с 2011 по 2019 год (с 2011 по 2014 год «Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины»). В статьях, основанных на новых архивных материалах, рассматриваются различные аспекты истории и этнографии крымских караимов XIX – XX веков, а также актуальные темы современности. Журнал «Известия Духовного управления караимов Республики Крым», который являлся единственным караимским печатным органом в России, был учрежден в Евпатории в 2011 году председателем Духовного управления Виктором (Давидом) Захаровичем Тирияки при поддержке рабочей группы в составе О.М.Айваза, Л.Л.Ильченко и В.А.Ельяшевича.

В первую очередь новое издание задумывалось как информационное, освещающее религиозно-общественную жизнь крымских караимов, живущих не только в Крыму, но и за его пределами, что могло бы способствовать консолидации караимских религиозных общин. В самом конце прошлого века Евпатория стала центром возрождения караимских религиозных традиций – здесь были восстановлены два молитвенных дома (кенасы) и возобновлены богослужения, зарегистрированы религиозная община и Духовное управление, уже много лет ведется плодотворная работа по популяризации караимской религии. Шаг за шагом возрождается прежняя религиозная жизнь, утраченная в советский период.

Логическим продолжением этой деятельности стало появление нового печатного органа, который смог бы отображать все события в религиозной жизни современных караимов и исторические связи с прошлым. Неслучайно название нового журнала практически совпадает с названием печатного органа, издаваемого Таврическим и Одесским Караимским Духовным Правлением в 1917–1919 годах. Согласно замыслу В.З.Тирияки новые «Известия» должны стать продолжением «Известий» начала прошлого века и тем самым подчеркнуть преемственность традиций и обозначить основную линию Духовного управления, которая заключается в реконструкции религиозных традиций образца досоветского периода. Поэтому первому номеру современных «Известий» исторически соответствует номер десятый.

Очень скоро новые «Известия» стали не только информационным изданием, но также и научно-популярным, раскрывающим различные вопросы караимской истории и культуры. Возрождение религиозных традиций оказалось невозможным без тщательного изучения истории, благодаря чему на страницах «Известий» появились научные и научно-популярные статьи, являвшиеся результатом исторических исследований. Журнал стал набирать популярность не только среди караимов, но также и среди ученых. В 2013 году редактором «Известий» становится В.А.Ельяшевич, появляются новые рубрики, среди

которых «Путеводитель по архиву», знакомящий читателя с архивом Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. За несколько лет существования «Известий» в них был собран большой научный материал, поднимающий огромный пласт малоизвестной истории караимов Крыма.

17 сентября 2017 года в Евпатории была проведена научно-практическая конференция, посвященная столетию выхода первого номера «Известий Духовного Правления» и 180-летию создания Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Во время конференции историк, на тот момент кандидат исторических наук, Дмитрий Анатольевич Прохоров отметил научный характер современных «Известий» и высказал мысль о необходимости издания материалов этого журнала отдельной книгой для удобства ознакомления с ними исследователей и историков. По его мнению, «Известия» вводят в научный оборот совершенно неизвестные ранее источники и открывают новые страницы истории такой интересной этноконфессиональной группы, как крымские караимы.

Понимая актуальность издания материалов «Известий» отдельной книгой, Духовное управление караимов Республики Крым подготовило материалы сборника, издание которого было намечено на 2021 год – к 10-летию выхода первого номера. Осуществить этот проект удалось благодаря Алексею Александровичу Геллеру (Минашу), за что мы выражаем ему глубокую благодарность. Сборник предназначен как для историков и краеведов, так и для широкого круга читателей, интересующихся этнической историей Крыма.

Так как со времени публикации большинства статей были найдены новые материалы, редакция «Известий» предоставила право каждому автору публиковать в данном сборнике обновленные и дополненные статьи с учетом самых последних находок. В качестве приложения публикуется список всех выявленных имен газзанов под названием «Лувах газзаним», составленный на основе архивных документов, а также фотографии из статей, не вошедших в сборник.

Обращаем внимание читателей на то, что вся караимская терминология и антропонимика в материалах данного сборника приводится в соответствии с произношением крымских караимов. Например: «Шемуэль», а не Шмуэль, «Ичхак», а не Ицхак, «чичит», а не цицит, «лувах», а не луах, «чадык», а не цадык, «Шалом алехэм», а не Шолом алейхэм, «бене Микра», а не бней Микра и т. д.

Сергей
Шайтанов

ИЗ ИСТОРИИ СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ КАРАИМСКОЙ КЕНАСЫ И ЕЕ НАСТОЯТЕЛЕЙ

В губернском городе Симферополе караимы стали селиться в начале XIX века. Занимались ремеслом, садоводством, виноградарством, торговлей. По сложившейся традиции, как только община караимов обосновывалась в новом городе, она тут же ходатайствовала об открытии молитвенного дома или о постройке кенасы – центра духовной и общественной жизни караимов.

В конце XIX века численность караимского населения Симферополя стремительно растет[1], поэтому местная община решает построить для своих религиозных потребностей новое здание кенасы, которое вместило бы больше молящихся, чем старая кенаса, уже порядком обветшавшая. 4 (16) февраля 1889 года симферопольские караимы обращаются к Таврическому губернатору А.Н.Всеволожскому с просьбой о разрешении постройки нового здания кенасы. Рядом со старым караимским молитвенным домом у местного купца и табачного фабриканта Абрама Осиповича Шишмана за 1500 рублей была куплена земля площадью 160 кв. саженей[2]. Свое согласие на строительство дал Таврический и Одесский Гахам С.М.Панпулов. Симферопольским старшим газзаном И.М.Султанским был объявлен сбор средств на постройку кенасы. Всего было собрано 15 тысяч рублей. В созданный 20 мая 1890 года оргкомитет по постройке здания вошли видные деятели местной караимской общины: И.И.Казас, С.С.Исакович, Ш.В.Дуван, Я.А.Хаджи, учитель Я.С.Майкапар, землевладельцы Черкес и Комен, лесопромышленник Каракоз[3]. Основные пожертвования в фонд постройки кенасы сделали известные в городе купцы и мещане: Ефетов, Каракоз, Комен, Пастак, Прик, Сарибан, Черкес, Шапшал, Шишман и другие. Новое здание строилось по проекту, утвержденному строительным отделением Таврического губернского правления и Департаментом

[1] 389 муж. и 439 жен. караимов в 1885 г. и 130 муж. и 146 жен. в 1858 г. (см.:ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 44; Д. 19. Л. 46).

[2] *Прохоров Д.А.* Молитвенные дома караимов в Российской империи в XIX – начале XX в.: К вопросу об изменении названия «синагога» // Научные труды по иудаике: Материалы XVIII ежегодной Международной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 37. М., 2011. Т. II. С. 181; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 486. Л. 3.

[3] *Прохоров Д.А.* И.И.Казас – просветитель караимов и крымских татар // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 7. Симферополь, 2009. С. 42; Крымский вестник. № 110. 25.05.1890.

духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи, а старое же планировалось вначале закрыть, а потом снести[4]. Возведение кенасы началось в мае 1891 года на улице Старопочтовой (ныне ул. Караимская, 6)[5]. Официальная церемония закладки состоялась 23 июля 1891 года. Соответствующие событию молитвы читал Гахам С.М.Панпулов в сослужении с местным газзаном. На торжестве присутствовали: таврический губернатор П.М.Лазарев, и. д. вице-губернатора, советник губернского правления Г.В.Тарновский, симферопольский уездный предводитель дворянства Н.И.Иванов и другие. После закладки в краеугольный камень медной доски с надписями на древнееврейском и русском языках все участники мероприятия (кроме губернатора) проследовали в дом Черкеса, где был дан завтрак[6].

Основным строительным материалом служил бодрацкий камень[7], добываемый на берегах реки Бодрак, левом притоке реки Альмы. Крымовед и этнограф Е.Л.Марков так описывает этот род камня: *«Берега Бодрака – это сплошные карьеры известняка, мягкого в обработке, белого и прочного в кладке. Бодрацкий камень – самый ценный и красивый материал для местных построек, бахчисарайских и симферопольских. Он напоминает инкерманский плитняк, из которого выстроен Севастополь. Его кладут обыкновенно только в углы и цоколи зданий; для сплошной кладки он слишком дорог, хотя зато вечен и не нуждается в штукатурке»*[8].

Симферопольская кенаса построена в эклектическом стиле, сочетающем черты готической, мавританской и византийской архитектуры[9]. Автор проекта – гражданский инженер Бронислав Адольфович Зайончковский (1861–?), служивший в должности симферопольского городского архитектора с 1889 года[10]. Площадь симферопольской кенасы составляет 8×5 кв. саженей[11]. На территории двора кенасы находились фонтан для омовения и специальная железная беседка, сукка, которая использовалась для религиозных обрядов во

---

[4] *Ильяшенко Л.К.* Памятник архитектуры конца XIX века караимская кенаса в г. Симферополе, ул. Караимская, № 6: Краткая историческая справка. 19.08.1991. На 2-х л. // Личный архив И.А.Шайтанова; Крым. № 86. 20.07.1891; *Шайтан И.А.* Караимы Симферополя // Караимские вести. М., 2012. № 1 (103).

[5] Предыдущее название улицы Караимской – Старопочтовая – зафиксировано, к примеру, на Плане г. Симферополя в «Практическом путеводителе по Крыму» Г.Г.Москвича (Одесса, 1896). Если быть точнее, то участок от нынешних улиц Крылова до Сергеева-Ценского назывался ул. Старопочтовой, а от ул. Козлова до Крылова – Караимской (см.: План города Симферополя // Прибавление к диссертации А.Гидалевича «Медико-топографическое исследование г. Симферополя». Симферополь, 1891). Позже (вероятно, после постройки кенасы) Старопочтовая и Караимская были объединены в одну улицу Караимскую.

[6] Крым. № 86. 20.07.1891; Крымский Вестник. № 161. 26.07.1891.

[7] ГАРК. Р-663. Оп. 10. Д. 177. Л. 6.

[8] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. 2-е изд. СПб., 1884. С. 321.

[9] *Шайтан И.А.* О судьбах караимских кенас в Крыму // Мещанская газета. 1994. № 22, 26 марта. С. 8.

[10] Крымский вестник. № 186. 27.08.1896 (Искренняя благодарность П.Б.Иванову за предоставленный источник); Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 / сост. Г.В.Барановский. СПб., 1893. С. 118–119.

[11] 1 кв. сажень = 4,5 кв. метров; ГАРК. Р-663. Оп. 10. Д. 177. Л. 6.

Фрагмент фасада симферопольской кенасы

время праздника Суккот[12]. Ни сукка, ни фонтан до наших дней не сохранились. Аттик кенасы украшала шестиконечная звезда – знак единобожия, который ввел в религиозную символику в XII веке караим Й.Гадаси[13]. Внутреннее убранство храма составляли: ковры, бархатные парохеты и масахи (завесы для алтаря), деревянные духаны (аналои), подсвечники и канделябры из фраже, стеклянные люстры разных размеров, электрические кронштейны, деревянные кресла, скамьи, стулья, настенные часы, шкаф для книг; в арон га-кодеш, центральной части гехала (алтаря), хранились пять свитков Сэфер Тора[14]. Постройка кенасы завершилась в 1896 году, а ее освящение состоялось в воскресенье 25 августа (6 сентября по новому стилю) того же года. Как писала газета «Крым», на сооружение было израсходовано 40 тысяч рублей, не считая стоимости внутренней отделки. Прессой отмечались богатый внутренней интерьер и культовый декор новой кенасы: *«Во всех украшениях, как внутренних, так и внешних, повторяется изображение двух скрестившихся треугольников, символ так называемой соломоновой печати <…>. Вверху алтарной стены тянется полукругом надпись из священного писания: “Слушай, Израиль, твой Господь Адонай Бог единый”»*[15]. На торжество освящения прибыли Таврический и Одесский Гахам С.М.Панпулов и бахчисарайский (бывший симферопольский) старший газзан И.М.Султанский, вместе с местным караимским духовенством участвовавшие в обряде освящения нового дома молитвы. Также на церемонии присутствовали местные власти во главе с симферопольским уездным предводителем дворянства Н.И.Ивановым, редактор газеты «Крым» Н.Н.Балабуха, представители христианского духовенства, симферопольский раввин Ф.А.Перельман. Свои поздравления караимам Симферополя прислали единоверцы из Керчи, Николаева, Санкт-Петербурга, Севастополя и Феодосии[16].

Во дворе кенасы располагалась караимская начальная приходская школа – мидраш. В 1878 году на базе мидраша было открыто русско-караим-

[12] ГАРК. Р-663. Оп. 10. Д. 177. Л. 6.

[13] *Тирияки Д.* Караимские кенасы в Евпатории. Севастополь: Библекс, 2008. С. 28.

[14] По данным описи движимого имущества кенасы за 1922 г. (см.: ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 7а. Л. 4).

[15] Два освящения // Крым: газета общественной жизни, литературная и политическая. № 191. 27.08.1896.(Автор благодарит М.Б.Кизилова за предоставленный источник).

[16] Там же.

ское министерское училище. Курс обучения был бесплатным и составлял 4 года, прием учеников осуществлялся с 7 лет[17]. Специально для содержания училища в 1910 году по завещанию местного караимского общественного деятеля Гануки Ильича Рофе (1843–1910) было организовано Общество попечения о нуждах Министерского караимского училища, в пользу которого Г.И.Рофе завещал 7 тысяч рублей золотом, проценты с которых выделялись учителю (меламмеду) этого училища[18]. Председателем же общества по данным за 1917 год был А.Я.Хаджи[19]. Почетными блюстителями караимского училища были в разное время Я.А.Хаджи[20], А.И.Рофе[21], С.И.Шишман[22].

Кенаса Симферополя.
Фотография начала XX в.

Интересные сведения о строительстве симферопольской кенасы имеются в архивном письме от 13 сентября 1891 года в Департамент Иностранных Исповеданий при Министерство внутренних дел Российской империи евпаторийского мещанина Мортхая Исааковича Шишмана, торговавшего в Симферополе кашерным мясом[23]. В этом письме, помимо всего прочего, Шишман приводит два интересующих нас факта: перед строительством кенасы местный старший газзан И.М.Султанский провел в обществе голосование: «В какую сторону должен быть обращен престол синагоги, т. е. на юг или на юго-восток?» Общество проголосовало за второй вариант. И второй факт: в мае 1891 года, когда строители приступили к постройке здания, при раскопке земли под фундамент были обнаружены человеческие кости, свидетельствующие о том, что там раньше было кладбище. М.И.Шишман посчитал все это отступлением от Закона Моисея. В объяснительном письме симферопольский старший газзан

[17] Хроника текущей жизни: Симферополь. Общие данные о симферопольских караимах // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3-4. С. 134–135.

[18] Хроника текущей жизни: Симферополь. Новое общество. Пожертвование // Караимская жизнь. 1911. Кн. 2. С. 92; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / Под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова. Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. XIV, кн. 2. С. 173. (Материалы к серии «Народы и культуры».)

[19] Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 3. С. 18.

[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1729. Л. 2.

[21] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1900 год… С. 47.

[22] Список чинам Таврической губернии на 1908 год // Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии на 1908 год. Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1908. С. 54.

[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 516. Л. 5–7.

Оригинальные парадные двери кенасы. Демонтированы во время ремонтно-реставрационных работ в 2017 году

И.М.Султанский в адрес Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления пишет, что *«в Законе Моисея нет никаких указаний на то, чтобы алтарь в синагогах был непременно обращён на юг, что ни в построенной св. пророком Скинии, ни в Соломоновом храме место, называемое Святая Святых, не было обращено на эту сторону, и что установившийся в этом отношении у нас, караимов, обычай не имеет для нас обязательного религиозного значения»*. Султанский указывает на то, что в данных условиях невозможно было ориентировать алтарь согласно обычаю на юг, «не нарушив законов строительного искусства», а только на юго-восток и с согласия и ведома Гахама. По поводу человеческих останков в фундаменте кенасы газзан ответил: *«Относительно отрытия человеческих костей (хотя не в таком количестве, чтобы предполагать там существование когда-то кладбища) совершенно справедливо, но, к сожалению, он [Шишман] умалчивает о том, что для очищения места под синагогу была употреблена известная в подобных случаях мера: вынутие почвы до известной глубины, что было сопряжено с довольно значительными издержками»*[24]. Таким образом, данный документ внес новые, ранее неизвестные сведения в историю постройки симферопольской кенасы.

Известно, что одним из первых газзанов в Симферополе в 1840-х годах был выходец из караимской общины Литвы Гавриил Симович Фиркович (1805–1869/1870), зять известного караимского археолога и коллекционера древних восточных рукописей А.С.Фирковича (1787–1874)[25]. По архивным данным за 1846 год, в ведении Гахама в Симферополе состоял некто Шамуил Кефели[26]. К сожалению, не указано, кем был Кефели – настоятелем кенасы, габбаем или шаммашем. Можно предположить, что он был в то время симферопольским газзаном.

В 1856 году исполняющим обязанности Гахама С.А.Беймом старшим газзаном был назначен бывший бахчисарайский младший газзан Исаак Иосифович Синани (1833–1890)[27]. Он был автором двухтомного труда «История возникнове-

[24] Там же. Л. 11.

[25] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь…С. 193–194.

[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 143.

[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 3, 6–7; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 178.

ния и развития караимизма». В 1870 году из-за неуплаты жалования И.И.Синани выехал в Феодосию, где занял должность вероучителя[28]. На его место в 1872 году был назначен перекопский мещанин Илья Калевович Синани[29], ушедший с должности старшего газзана в 1881 году по состоянию здоровья[30]. Временно же с 1870 по 1872 год обязанности симферопольского газзана исполнял бахчисарайский старший газзан Юфуда Шолемович (Соломонович) Хаджи-Узун[31].

В 1878–1882 годах газзаном в Симферополе служил Самуил Шемарьевич Пигит (1849–1911) – собиратель и издатель восточных сказок, караимских пословиц и поговорок[32]. В годы служения в Симферополе у него учился знаменитый в будущем тюрколог, ориенталист и Гахам С.М.Шапшал (1873-1961)[33]. Ранее С.Ш.Пигит служил газзаном в Карасубазаре, а с 1882 по 1911 год – в Екатеринославе.

С 1889 по 1894 год старшим газзаном в Симферополе был Исаак Мордехаевич Султанский (1828–1899), выдающийся караимский ученый, учитель и проповедник. Его учениками были И.И.Синани, Т.С.Леви-Бабович (в будущем – феодосийский и севастопольский газзан, каирский Гахам), И.И.Султанский (киевский газзан)[34]. Благодаря инициативе И.М.Султанского в городе началась постройка нового здания кенасы. Первым газзаном, служившим в новой кенасе, стал Шаббетай Берахович Койчу. Также он был преподавателем в караимском министерском училище[35].

С 1900 по 1904 год младшим симферопольским газзаном был уроженец Евпатории Иосиф Моисеевич Кефели (1846–1927), которого общество первоначально просило утвердить в должности старшего газзана[36]. С 1904 года и до самой смерти он служил старшим газзаном в Одессе[37].

С 1905 по 1907 год старшим симферопольским газзаном был прибывший из Трок (Виленская губерния) Юфуда Шелумиэлевич Безекович (ок. 1858–?). Ранее он занимал должность старшего трокского газзана и исполнял обязанности трокского Гахама. В 1907 году Ю.Ш.Безекович увольняется и переезжает в Киев. В 1909 году в Бердичеве вместе с трокским старшим газзаном И.-Б.Н.Фирковичем он издает сборник караимских религиозных гимнов «Тихиллот Исраэль»[38].

В 1908–1915 годах газзаном в Симферополе служил Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971), уроженец г. Поневежа Ковенской губернии (ныне г. Пане-

---

[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–2, 10.

[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 189. Л. 1.

[30] Там же. Д. 319. Л. 1.

[31] Там же. Д. 985. Л. 126.

[32] Сведения Б.С.Ельяшевича о службе С.Ш.Пигита газзаном в Симферополе до сего дня не подкреплены данными архива; Памяти С.Ш.Пигита // Караимская жизнь. 1911. Кн. 2. С. 68–70; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 166–167.

[33] *Шайтан И.А.* Караимы Симферополя // Караимские вести. 2012. № 1 (103). С. 13–14.

[34] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 181–182; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17.

[35] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1900 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1900 год. Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1900. С. 47.

[36] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 773. Л. 1.

[37] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 96.

[38] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 195; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 988, 1064.

вежис, Литва), выпускник Александровского караимского духовного училища (АКДУ), ученик И.И.Казаса, выдающийся караимский общественный деятель, хранитель единственной в мире караимской библиотеки «Карай битиклиги» в Евпатории[39]. В Симферополе в 1911 году им был создан хор из учеников караимских училищ и местных любителей, который выступал на различных торжественных событиях[40].

В 1915 году младшим газзаном кенасы был утверждён Исаак Юфудович Ормели (1882–1940) – выпускник АКДУ, ученик И.И.Казаса, бывший преподаватель екатеринославской и феодосийской караимских школ[41]. Он стал последним газзаном, служившим в симферопольской кенасе в советское время. С приходом власти большевиков караимы Симферополя 12 октября 1922 года заключают с Администрацией НКВД в лице представителя (уполномоченного НКВД, зав. церковным подотделом) М.Ф.Седых договор о бесплатном пользовании кенасой[42]. Предварительно 10 октября того же года двадцать караимов – жителей Симферополя, в конторе народного нотариуса Ильи Иосифовича Шакая (ул. Пушкинская, 14) составляют заявление для представления в церковный подотдел НКВД с просьбой о передаче им кенасы и движимого имущества «для удовлетворения наших духовных потребностей»[43]. Упомянутый договор был подписан двадцатью уполномоченными караимами (т. н. двадцаткой), в число которых вошли: Шаббетай Вениаминович Дуван, Иосиф Моисеевич Султанский, Моисей Иосифович Шишман, Самуил Иосифович Шишман, Соломон Самойлович Акав, Исаак Юфудович Ормели, Авраам Самойлович Джумук, Исай Самойлович Черкес, Соломон Иосифович Чинак, Борис Иосифович Чуюн, Авраам Моисеевич Максимаджи, Марк Исаакович Кефели, Моисей Ильич Черкес, Исаак Моисеевич Султанский, Иосиф Самойлович Борю, Шалом Итрович Синани, Юфуда Самойлович Черкес, Исаак Ильич Комен, Соломон Ильич Пандул и Абрам Ильич Пандул[44]. Была произведена опись капиталов, движимого и недвижимого имущества, печатей и штампов, ценного имущества, принадлежавшего кенасе[45]. Ценности кенасы (серебряная лампадка с серебряной цепью, шесть серебряных поясов со звездочками со свитка Торы и два серебряных тапухим) шаммашем Ш.И.Синани 10 марта 1922 года были сданы и хранились в Наркомфине[46].

В 1923 году создается симферопольское караимское религиозное общество, учредителями которого были 53 караима. «Церковный совет» общества состоял из Соломона Иосифовича Чинака (председатель совета), Марка Иосифовича Аваха (секретарь), Рафаэля Яковлевича Кальфы (член совета), Исаака Юфудовича Ормели (газзан) и Шалома Итровича Синани (шаммаш)[47]. В 1924 го-

[39] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 50–56.
[40] Хроника текущей жизни: Симферополь. Хор в кенаса // Караимская жизнь. 1911. Кн. 2. С. 92.
[41] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 154; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1312. Л. 1.
[42] ГАРК. Р-663. Оп. 10. Д. 7а. Л. 7.
[43] Там же. Л. 1.
[44] ГАРК. Р-663. Оп. 10. Д. 177. Л. 19.
[45] Там же. Д. 7а. Л. 2–6.
[46] Там же. Л. 6.
[47] Там же. Д. 792. Л. 3–5.

ду из «двадцатки» выходят Ш.И.Синани и М.И.Шишман, вместо них утверждаются Михаил Иосифович Прик и Шаббетай Абрамович Ерака (сторож кенасы[48]). По данным 1926 года, членами правления караимской кенасы были: Соломон Осипович Чинак (староста), Самуил Осипович Шишман, Осип Яковлевич Ичаджик, Вениамин Соломонович Алюк, Вениамин Моисеевич Телал и Исаак Ильич Шакай[49]. В 1927 году шаммашем числился С.С.Акав. В том же году 24 апреля на общем собрании членов религиозной общины под председательством М.Новицкого из-за загруженности габбая С.О.Чинака его заместителем был избран М.А.Зайончковский[50]. 16 января 1930 года караимская «двадцатка» обратилась в административный отдел Симферопольского райисполкома с просьбой исключить их из числа членов «двадцатки» и аннулировать заключенный договор о пользовании зданием кенасы ввиду невозможности ее дальнейшего содержания и проведения ремонта. Был организован штаб по сбору подписей местных караимов, отказывающихся от кенасы в пользу караимского клуба, который должен был там расположиться. Сбором подписей занимался в том числе Яков Шамаш, во время оккупации в 1942–1944 годах и до весны 1945 года исполнявший обязанности симферопольского газзана[51]. 18 января в Горсовет было представлено 4 списка с подписями 332 караимов Симферополя[52]. Для переоборудования здания через Совнацмен Крыма должен был быть предоставлен кредит[53]. В феврале заведующий столом религиозных культов Файнберг на основании заявления караимского религиозного общества «полагает» кенасу ликвидировать и использовать под клуб[54]. 5 марта 1930 года на заседании Президиума КрымЦИКа было принято решение о ликвидации кенасы и использования ее под клуб[55]. Его заведующей с 1931 по 1933 год была Е.О.Пилецкая[56].

Далее решением Правительственной комиссии от 14 декабря 1932 года кенаса передается под радиоузел[57]. На ее переоборудование Крымским отделением связи запрашивалось 80 тысяч рублей[58]. В 1934–1936 годах кенаса перестраивается: внутри ее разделили на три этажа, высокие стрельчатые окна на боковых фасадах были заложены (пробиты новые), разобраны первоначальная внутренняя лестничная клетка и балкон для женщин, внутренняя роспись и большая часть религиозной символики были уничтожены. Поверх Звезды Давида на аттике главного фасада была установлена красная звезда. Во время фашистской оккупации в здании кенасы находились немецкие конюшни. Уже после войны, в 1946 году, караимская религиозная община Симферополя (председатель Коген) предприня-

[48] Там же. Д. 421. Л. 8.
[49] Там же. Д. 7а, Л. 18, 26.
[50] Там же. Д. 177. Л. 32–33.
[51] Там же. Д. 7а. Л. 17; *Катунина Е.В.* Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в. / Е.В.Катунина, Ю.А.Катунин // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 62. С. 74.
[52] Там же. Д. 7а. Л. 16–17.
[53] Там же. Л. 17.
[54] Там же. Л. 12.
[55] Там же. Д. 177. Л. 39.
[56] Клуб и храм-кенаса караимов в Симферополе / ЭКЦ «Кале» // Къырым. 2013. 31 июля (№ 57) : (Къырым къарайлар. 2013. № 9 (113). С. 5).
[57] ГАРК. Р-652. Оп. 6. Д. 142. Л. 2.
[58] Там же.

Первоначальная охранная доска на здании кенасы

ла попытку возврата кенасы, но в такой просьбе ей было отказано[59].

В 1985 году Крымским отделом института «Укрпроектреставрация» были проведены научно-изыскательные работы по выявлению архитектурно-строительной истории кенасы в связи с предполагаемой реставрацией здания[60]. 30 декабря 1992 года на фасаде кенасы была открыта мемориальная доска[61] с надписью: «Памятник архитектуры конца XIX века / Здание кенаса – караимский храм / Построено на средства караимов г. Симферополя / Время постройки 1891–1896 гг.».

Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 за № 284 симферопольская кенаса была внесена в реестр памятников архитектуры и градостроительства.

В 1996 году караимская община добилась разрешения о проведении праздничных богослужений во дворе кенасы, а в 2012 году караимам был выделен третий этаж для проведения субботних и праздничных молебнов. В конце 2013 года здание окончательно покинула редакция радиовещания ГТРК «Крым». 15 июля 2014 года Распоряжением Совета министров Республики Крым № 667-р здание кенасы было передано в безвозмездное пользование Симферопольской караимской религиозной общине «Чолпан». В октябре–ноябре того же года в одном из бывших кабинетов радиокомпании на первом этаже силами и за средства прихожан был выполнен ремонт с целью проведения богослужений. В 2016 году в рамках реализации мероприятий Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» началась реставрация кенасы, для чего Постановлением Совета министров Республики Крым от 29.06.2015 № 363 было выделено 115 294 600 рублей. К сожалению, в ходе работ главный фасад здания был окончательно лишен первоначального культового оформления: на аттике заштукатурены следы шестиконечной звезды, демонтированы старинные решетки с окон, заменены новыми центральные двери, на которых еще просматривались следы двух Звезд Давида[62].

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 12 (21)

---

[59] ГАРК. Р-3295. Оп. 3. Д. 7. Л. 36, 45.

[60] *Ильяшенко Л.К.* Памятник архитектуры конца XIX века караимская кенаса в г. Симферополе, ул. Караимская № 6: краткая историческая с правка // Личный архив И.А.Шайтанова.

[61] *Шайтан И.А.* О судьбах…

[62] *Щёголева Т.* Караимы Крыма: история, самосознание, современное состояние // Евреи Евразии. Режим доступа: http://jewseurasia.org/page18/news19640.html (дата обращения: 17.11.2018).

Вячеслав
Ельяшевич

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАРАИМСКОГО МОЛИТВЕННОГО ДОМА (КЕНАСЫ) СЕВАСТОПОЛЯ

Караимский молитвенный дом Севастополя разделил судьбу города во время двух войн – Крымской и Великой Отечественной. Дважды, во время Обороны Севастополя 1854–1855 и 1941–1942 годов, он был разрушен, как и многие другие здания города. И если во время Крымской войны кенаса была разрушена полностью, то в Великую Отечественную войну, пострадав от авиабомб и снарядов, здание устояло и затем было восстановлено.

По сведениям севастопольских газзанов Товии Симовича Леви-Бабовича и Исаака Мордехаевича Султанского, предоставленным в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление, первая кенаса в Севастополе, утвержденная губернским начальством, находилась в приобретенном общиной в 1840-х годах здании на Петропавловской улице[1]. Согласно данным Т.С.Леви-Бабовича, первым газзаном караимского молитвенного дома Севастополя с 1833 по 1840 год был Авраам Самуилович Фиркович (1787–1874), широко известный караимский коллекционер древнееврейских рукописей[2]. У нас есть причины усомниться, по крайней мере, в датах службы газзана А.С.Фирковича, потому что известно, что в 1833 году, после возвращения из Стамбула, А.С.Фиркович занял должность газзана и учителя в Евпатории, в 1838 году он сначала жил в Карасубазаре, а затем снова в Евпатории. В 1839 году А.С.Фиркович совершил экспедицию по Крыму, по окончании которой в 1840 году он жил в Симферополе, а затем отправился в экспедицию на Кавказ, из которой вернулся в конце 1840 года. Как видим, в конце 1830-х годов А.С.Фиркович не мог быть газзаном в Севастополе. Кроме того, известно, что после 1833 года А.С.Фиркович жил в Евпатории, где занимался книгоиздательством. Возможно, что какое-то время в промежутке между 1833 и 1838 годом А.С.Фиркович действительно служил газзаном в Севастополе, но подтверждения этому пока не найдено.

Далее, как сообщает Т.С.Леви-Бабович, с 1840 по 1850 год газзаном в Севастополе был Гавриил Фиркович[3]. Частично эти сведения подтверждаются документально, так как имя Гавриила Фирковича как газзана Севастополя упоминается в списке караимских духовных лиц, опубликованном в «Новороссийском календаре на 1842 год»[4]. При этом в «Новороссийском календаре

[1] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 9.
[2] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.
[3] Там же.
[4] Новороссийский календарь на 1842 г. Одесса. 1841. С. 192.

Севастополь. Артиллерийская бухта

на 1845 год» газзаном Севастополя назван Самуил Вениаминович Сараф[5], а с 1845 по 1847 год, согласно архивным документам и «Новороссийскому календарю», эту должность занимал Аарон Казас, которого нет в списке газзанов Севастополя, составленном Т.С.Леви-Бабовичем[6]. А вот имя Авраама Тепси, который, по его сведениям, был газзаном с 1851 по 1854 год, наоборот, в архивных документах пока не обнаружено и имеется только в списке Т.С.Леви-Бабовича.

После окончания Крымской войны и до 1876 года молитвенный дом караимов находился в разных наемных помещениях, пока для этой цели не была куплена временная постройка (буквально в документе «балаган») в Артиллерийской бухте[7]. В этот период времени, по сведениям Т.С.Леви-Бабовича, подтвержденным документально, газзанами в Севастополе были: Исаак Яковлевич Леви-Микей (1854–1860), Давид Асаба (1860–1869) и Исаак Мордехаевич Султанский (1869–1889). Надо отметить, что поскольку в Севастополе не было утвержденной губернским начальством кенасы, то все эти люди официально на службе не состояли, а были только «исполняющими должность газзана». Вторым утвержденным газзаном в Севастополе (после Гавриила Фирковича) стал И.М.Султанский (1824–1899), приехавший в этот город по приглашению общества из Евпатории после того как был уволен в 1863 году с должности младшего газзана[8].

Весной 1879 года караимская община Севастополя вплотную подошла к строительству нового здания кенасы и уполномочила представлять свои ин-

[5] Новороссийский календарь на 1845 г. Одесса. 1844. С. 204.

[6] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 233; Новороссийский календарь на 1846 год. Одесса. 1845. С. 210.

[7] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 9.

[8] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 291. Л. 6–7.

Кенаса Севастополя. *1908 г.*

тересы в этом деле перед городскими властями Почетного гражданина города Моисея Иосифовича Кефели[9]. Местом для строительства кенасы, а также училища и служебных помещений при ней был выбран участок земли, принадлежащий общине на улице Адмиральской (ныне ул. Фрунзе)[10]. Руководителями строительных работ выступили братья Иосиф и Соломон Коджак[11].

Однако, еще на начальном этапе строительства (был выкопан котлован) работы пришлось остановить – 16 октября 1879 года от Главного командира Черноморского флота и портов Николая Андреевича Аркаса на имя М.И.Кефели пришел отзыв о том, что Святейший Синод «признал противным закону построение Караимской Синагоги в Севастополе на избранном месте»[12]. В своем отказе Синод опирался на закон, согласно которому синагоги должны строиться на расстоянии не менее 100 сажень от территории православного храма, в то время как согласно проекту, предоставленному караимским обществом, место, в котором планировалось строительство кенасы, находилось на расстоянии 65 саженей от собора Св. Владимира. В связи с этим караимский Гахам С.М.Панпулов обратился с ходатайством к генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, а затем и в Святейший Синод, опираясь также на российское законодательство, в котором существовало отдельное правовое

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 301. Л. 1, 7.
[10] Там же. Л. 40.
[11] Там же. Л. 10.
[12] Там же. Л. 19.

положение о караимах, уравнивающее их в правах с русскими подданными. Ссылаясь на это положение, С.М.Панпулов уверял, что закон о строительстве еврейских синагог не распространяется на караимские кенасы. Рассмотрев ходатайство Гахама С.М.Панпулова, Святейший Синод определил, что закон, представляющий караимам все права русских подданных, не освобождает их от соблюдения законов, защищающих права господствующего вероисповедания, и постановил ходатайство Гахама оставить без рассмотрения[13].

Получив отказ на строительство кенасы на Адмиральской улице, в 1884 году караимская община купила у провизора Турчинского за 6600 рублей пустопорожний участок на улице Большая Морская, на что последовало высочайшее соизволение императора Александра III[14]. Здесь был построен временный молитвенный дом, в котором совершались богослужения, пока собирались средства на строительство новой кенасы[15], которая, по мнению севастопольских караимов, должна быть не только домом для молитвы, но и украшением города. Закладка кенасы состоялась 6 мая 1896 года, но из-за недостатка средств ее строительство, едва начавшись, было приостановлено на долгие 12 лет, и возобновлено лишь после того, как местный благотворитель Иосиф Давидович Бурназ выделил для этой цели крупную сумму[16]. Торжество освящения кенасы под руководством Феликса Иосифовича Харченко, в присутствии генерал-губернатора и Гахама состоялось 15 мая 1908 года[17]. В комиссию по строительству кенасы входили: М.И.Кефели, Б.А.Коген-Пембек (казначей), И.Д.Бурназ, И.Д.Койчу, И.И.Кальфа, М.Э.Фуки, Э.И.Баккал, Ю.И.Алмаз, И.С.Пандуло, Б.Б.Койчу. К окончанию строительства кенасы, а именно к январю 1908 года, комиссия была пополнена следующими лицами: И.И.Челеби, И.С.Кефели, А.Ю.Эрак, О.А.Григулевич, Э.С.Бебеш, Е.Л.Безекович[18].

В 1889 году газзан И.М.Султанский переехал на службу в Симферополь, а 27 сентября этого же года младшим газзаном севастопольской кенасы был утвержден Авраам Моисеевич Азарьевич (1843–1908), приехавший из Керчи, где он занимал должность младшего газзана[19]. При газзане А.М.Азарьевиче было закончено строительство кенасы, состоялось торжество освящения, однако ему было суждено недолго служить в новом великолепном храме – 13 ноября 1908 года, спустя четыре месяца после освящения А.М.Азарьевич скончался в возрасте 65-ти лет[20]. С конца 1908-го и до 1911 года должность газзана севастопольской кенасы была вакантна и храм относился к приходу ближайшей Бахчисарайской кенасы[21]. В это время «исполняющим должность газзана»

[13] Там же. Л. 41.

[14] Там же. Л. 53.

[15] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.

[16] Симпатичное дело. К пожертвованию И.Д.Бурназа // Караимская жизнь. Кн. 3–4. Август–сентябрь. 1911. С. 129.

[17] См.: Программа торжества освящения севастопольской караимской кенасы // Известия Духовного управления религиозных организаций караимов Украины. № 9 (18). 2013. С. 18–20.

[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.

[19] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1024. Л. 3–4.

[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1074. Л. 4.

[21] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1165. Л. 38–39.

в Севастополе был учитель из Бахчисарая, автор учебника «Огель Авраам» Авраам Яковлевич Кокей[22]. 11 марта 1911 года караимская община Севастополя избрала газзаном Товию Симовича Леви-Бабовича, младшего газзана и учителя из Феодосии. И только в октябре этого же года Т.С.Леви-Бабович приедет из Феодосии в Севастополь, чтобы вступить в новую должность старшего газзана, которую он будет занимать на протяжении 19 лет[23].

Историю караимской кенасы Севастополя после 1911 года невозможно представить без ее бессменного газзана Товии Симовича Леви-Бабовича (1879–1956), которого в народе назвали просто «рибби Товия» – общественного деятеля, учителя, разносторонне образованного караима, одного из представителей интеллектуальной элиты крымских караимов того времени. Деятельность Т.С.Леви-Бабовича в первое десятилетие его службы севастопольским газзаном очень слабо отражена в документах. Нам известно, что севастопольский газзан помимо службы в кенасе работал преподавателем в старших классах караимского училища и занимался исследовательской работой в области караимской истории. В 1917 году по инициативе Т.С.Леви-Бабовича в средних учебных заведениях Севастополя были открыты вечерние курсы по караимской религии и истории[24]. С приходом Советской власти Т.С.Леви-Бабович, попав в категорию неблагонадежных граждан, прекратил преподавательскую деятельность и вынужден был вести постоянную борьбу за кенасу и собственное существование. В новом обществе не нашлось места для караимского газзана, сначала лишенного избирательных прав (читай – гражданских прав), а затем и вовсе выселенного из своего города. В конце концов, тернистый путь Т.С.Леви-Бабовича закончился в далеком и чужом ему Каире, куда он переехал в 1934 году.

После установления Советской власти в 1920 году в соответствии с декретом СНК[25] «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и постановлением СНК КАССР от 31 декабря 1921 года караимская кенаса Севастополя, также как и остальные кенасы, была национализирована. По законам новой власти прихожане, желающие продолжать посещать свои храмы, должны были организоваться в религиозное общество с двадцатью учредителями (знаменитые «двадцатки») и заключить договор с городскими властями на взятие здания во временное пользование. Неся полную ответственность за здание храма, религиозные общества не имели на него никаких прав и выступали как пользователи имущества. Такой договор был заключен повсеместно со всеми караимскими общинами Крыма, где были действующие кенасы. Севастопольская «двадцатка» заключила договор с Севастопольским Отделом Управления Исполкома 16 ноября 1922 года[26]. Уместным будет упомянуть фамилии всех учредителей караимской религиозной организации, членов «двадцатки»: М.А.Болек, А.И.Пандуло, И.В.Сакизчи, А.Б.Арабаджи, И.Э.Кефели,

[22] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.

[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1188. Л. 30; Прибытие нового газзана // Караимская жизнь. № 5–6. 1911. С. 143.

[24] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.

[25] СНК (Совет народных комиссаров) – правительство Советской России с 1917 по 1946 г.

[26] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 9.

Я.С.Мангуби, И.И.Кальфа, И.И.Аяш[27], И.С.Азарьевич, И.Е.Ялпачик, З.И.Кумыш, Г.Я.Лаврецкий, Ю.И.Баккал, И.С.Коджак, И.О.Балакай, И.А.Камбур, И.А.Гаммал, И.А.Максимаджи, А.Л.Троицкий[28].

Скудные архивные документы не дают представления о жизни караимской религиозной общины Севастополя советского периода, но все же и из них мы можем почерпнуть некоторые интересные сведения. Например, известно, что в 1923 году «Севастопольское Караимское религиозное общество» состояло из 167 человек[29]. До 1924 года габбаем общества был Абрам Эзрович Троицкий, а с 1924 по 1925 год – Иосиф Эфраимович Кефели, председатель Правления до 1925 года – Яков Самойлович Мангуби[30]. Газзаном продолжал оставаться Т.С.Леви-Бабович, шамашом – Э.Эринчек-Капуджи. После заключения договора с Севастопольским Отделом Управления Исполкома караимская религиозная община находилась под непрестанным и бдительным надзором органов власти – администрации города, милиции, ГПУ. Согласно договору община была обязана доводить до сведения обо всех изменениях в текущей деятельности, а также беспрепятственно пускать уполномоченного на свои собрания. Ответственность за имущество кенасы и состояние здания также возлагалась целиком на общину. 20 сентября 1922 года Т.С.Леви-Бабовичем была составлена опись имущества кенасы, которая дает некоторое представление о внутреннем убранстве храма. Сравнивая эту опись с описью 1879 года, составленной И.М.Султанским, мы можем примерно представить себе, как менялось убранство кенасы. Например, нам становится известно, что в период с 1879 по 1922 год в кенасу Севастополя было пожертвовано два Свитка Торы («Сефер Тора»). В обеих описях указывается Свиток Торы, отделанный серебром, так называемый «Кумуш Тора», который был пожертвован следующими лицами: газзан Давид Асаба, Мордехай Леви Ботук, Моисей Бабай, Иосиф Мумджи, Бераха Койчу, Исаак Леви Муки, Илья Чавке, Соломон Бабакаевич Коджак, Авраам Сарибан, Йегонатан Асаба, Илья Леви Муки[31]. Такие Свитки Торы, жертвуемые группой лиц, назывались у караимов «Аркадашлар Торасы» («буквально «Тора друзей»). По словам Т.С.Леви-Бабовича «Аркадашлар Торасы» был пожертвован в севастопольскую кенасу в 1868 году, а самый древний Свиток Торы из кенасы Севастополя был пожертвован караимами Чуфут-Кале в 1858 году. По колофонной записи Т.С.Леви-Бабович датирует этот свиток 1418 годом[32]. В 1920-е годы имущество кенасы пострадало от частых краж, о которых писал Т.С.Леви-Бабович в 1924 году. В ночь с 8 на 9 сентября 1924 года воры проникли в кенасу и похитили из нее три последних ковра. В связи с этим Т.С.Леви-Бабович принял решение перенести имущество кенасы к себе на квартиру[33].

---

[27] Вероятно опечатка, так как в караимской ономастике фамилия Аяш отсутствует. Возможно, имеется в виду фамилия Аваш.

[28] Там же. Л. 1.

[29] ГАГС. Р–420. Оп. 1. Д. 119. Л. 8–12, 43.

[30] Там же. Л. 4, 56, 74.

[31] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 11.

[32] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.06.1926 // Архив Д.М.Гумуша. Карай Битиклиги (Евпатория).

[33] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 08.09.1924 // Архив Б.С.Ельяшевича. Карай Битиклиги (Евпатория).

Некоторые интересные сведения о жизни религиозной общины Севастополя конца 1920-х годов можно получить из переписки газзана Т.С.Леви-Бабовича с караимским общественным деятелем Б.Я.Кокенаем (1893–1967)[34]. Например, из письма от 12 июля 1929 года мы узнаем об угрозе закрытия кенасы, возникшей вследствие того, что городские власти обязали караимскую религиозную общину на основании заключенного с ней договора произвести за свой счет ремонт здания и составили смету на 2200 рублей. В том случае, если бы религиозная община не выполнила своего обязательства по ремонту здания, городские власти наложили бы на нее штраф, невыплата которого привела к расторжению договора с верующими и снятию религиозной общины с регистрации. Немногим ранее, в 1925 году, караимская религиозная община, не сделав своевременно ремонта в одном из двух зданий во дворе кенасы, была оштрафована, после чего, не имея возможности погасить штраф, была вынуждена отказаться от здания[35]. Не до конца ясно, на каком основании от караимов требовали произвести ремонт, ведь еще 15 октября 1925 года комиссия под председательством руководителя церковного стола сделала осмотр здания кенасы и вынесла заключение: «*Кенаса содержится в чистоте, как внутри, так и снаружи, ремонта никакого не требуется*»[36]. Возможно, кенаса пострадала в результате произошедших в Крыму в июне и сентябре 1927 года землетрясений, и власти решили использовать ситуацию в свою пользу.

Чтобы собрать необходимые деньги, было созвано общее собрание, во время которого Т.С.Леви-Бабович призвал прихожан пожертвовать свои личные средства на общее дело. Надо отметить, что в деле спасения кенасы активное участие приняли пожилые караимки Севастополя, отдавшие на ремонт самое дорогое и ценное, что у них было. Вот, что пишет Т.С.Леви-Бабович: «*Одна женщина отдала для спасения кенасы единственную свою ценность – золотой браслет, припрятанный ей для расходов на ее похороны, другая отдала деньги, которые она собирала по копеечке, намереваясь устроить ограду вокруг могилы любимой сестры, третья отрывает от рта последний кусок и отдает для кенасы, говоря: "Если мне суждено умереть голодной смертью, пусть я умру на один месяц раньше, а душу народа должно спасти"*»[37].

Сам Т.С.Леви-Бабович очень болезненно переживал ситуацию, сложившуюся вокруг кенасы, так как деньги хоть и собирались, но все-таки их было недостаточно. «*Если бы у меня было 2200 рублей,* – напишет он Б.Я.Кокенаю, – *сумма потребная для ремонта кенасы, то я не стал бы тревожить членов нашей общины, и отдал бы эти деньги целиком для спасения кенасы даже в том случае, если бы власти сказали мне определенно, что на следующий день после ремонта они отнимут у нас кенасу. Ибо мы спасаем душу народа, мы спасаем идею, которую заключает в себе кенаса, а не само красивое здание, именующееся у нас Кенасой*»[38].

---

[34] Автор выражает благодарность евпаторийскому газзану В.З.Тирияки за предоставленную возможность ознакомится с этими материалами.

[35] ГАГС. Р–420. Оп. 1. Д. 119. Л. 8–12, 43.

[36] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 101.

[37] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.07.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. Карай Бити-клиги (Евпатория).

[38] Там же.

Кенаса Севастополя после ВОВ.
Фото с официального сайта Федерации бокса г. Севастополя

Кенаса Севастополя после ВОВ.
Фото с официального сайта Федерации бокса г. Севастополя

Как отмечает Т.С.Леви-Бабович, существовало и диаметрально противоположное отношение караимов к идее кенасы. Многие севастопольские караимы смотрели на кенасу как на пережиток прошлого, препятствующий строительству социалистического общества, как на «очаг темноты» и «штаб вредительства»[39]. В основном, конечно, это была молодежь, разделяющая атеистическую идеологию Советской власти и строившая свое будущее на коммунистических ценностях. Люди среднего и особенно старшего возраста придерживались более традиционных взглядов и от кенасы не отказывались, но их сопротивление было очень слабым. В то время центром, объединяющим караимов Севастополя, служил Севастопольский караимский клуб, полностью поддерживающий Советскую власть и оказывающий ей поддержку в антирелигиозной политике. Влияние клуба на караимское население города было велико и с каждым годом его членство неуклонно росло, в то время как посещаемость кенасы резко падала. Несмотря на численный перевес «лагеря гонителей» все же в 1929 году кенасу удалось отстоять. Чтобы достать необходимые деньги, Т.С.Леви-Бабовичу пришлось продать всю свою домашнюю обстановку[40]. В сентябре–октябре необходимый ремонт, в котором Т.С.Леви-Бабович принял непосредственное участие, был сделан.

Бросив все свои силы на спасение кенасы, сам Т.С.Леви-Бабович летом 1929 года остался без жилья. Сбылось то, о чем он писал Б.С.Ельяшевичу еще в 1926 году – городские власти при участии и поддержке Севастопольского караимского клуба выселили его из квартиры. Сразу после выселения Севастопольский караимский клуб занял квартиру газзана, а другое здание, находящееся во дворе кенасы, было отведено под детский сад[41]. Так Т.С.Леви-Бабович с семьей буквально оказался на улице. Ему хватило средств только на то, чтобы снять подвал для хранения личных вещей. Имущество кенасы, которое Т.С.Леви-Бабович хранил у себя на квартире, он снова перенес в кенасу, при которой теперь стал постоянным сторожем. Одно из писем Б.Я.Кокенаю Т.С.Леви-Бабович закончил такими словами: «*Письмо пишу на дворе перед нашим подвалом*»[42]. Но севастопольский газзан не падал духом и надеялся на то, что до холодов удастся найти жилье. Действительно, осенью семья Леви-Бабовичей сняла первый этаж в доме № 49 по улице Боско[43] (ныне ул. Новороссийская).

Роковым для севастопольской кенасы стало постановление ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», с которого началось массовое закрытие культовых зданий по всей стране. Крымские власти на это постановление из центра откликнулись инструкцией НКВД от 30 ноября 1929 года «О порядке проведения перерегистрации религиозных объедине-

---

[39] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25, 26.

[40] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.05.1936 // Архив Б.Я.Кокеная. Карай Битиклиги (Евпатория).

[41] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25, 26.

[42] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.07.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. Карай Битиклиги (Евпатория).

[43] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 2.12.1929 // КБ-2. Коллекция Б.Я.Кокеная. №2588..

ний в Крыму», согласно которой с 1 декабря 1929 года по 1 мая 1930 года все религиозные общества должны были пройти перерегистрацию[44]. Несомненно, инструкция была рассчитана на то, что религиозные общества, обремененные налогами и трудновыполнимыми обязательствами, откажутся заново регистрироваться и тем самым прекратят свое существование. Именно так и произошло. За 1930 и 1931 годы были закрыты или, если говорить языком документов того времени, «ликвидированы» все кенасы на полуострове за исключением феодосийской, так как их прихожане отказались проходить перерегистрацию. Однако не стоит думать, что ликвидация кенасы Севастополя осуществлялась в одностороннем порядке. Протоколы заседаний общественных и профессиональных организаций караимов красноречиво свидетельствуют нам о том, что «ликвидация» проходила с согласия и при поддержке самих караимов, желающих избавиться от кенасы как от ненужного бремени.

Закрытие культовых зданий должно было происходить в соответствии с законодательством Советской власти и поэтому в целях успешного претворения в жизнь новой инструкции власти проводили агитационную и пропагандистскую работу среди верующего населения, использовали ходатайства рабочих и необходимость в помещениях, а также сбор подписей. Видимо, в рамках этой работы на прошедшем 26 января 1930 года заседании Правления Севастопольского караимского клуба был сделан доклад председателя Союза воинствующих безбожников «товарища Киселева» об антирелигиозном и культурном походе в СССР и возбуждение ходатайства перед Горсоветом о закрытии караимской кенасы. После доклада и прений было вынесено постановление, в котором указывалось, что *«собрание актива Севастопольского караимского клуба считает несовместимым дальнейшее существование кенасы рядом с клубом и необходимым закрыть ее, как очага темноты и передачи кенасы для культурного учреждения»*[45]. Для окончательного разрешения этого вопроса было решено также провести ряд мероприятий, в числе которых была организация сбора подписей за закрытие кенасы. Вслед за этим было проведено общее собрание членов профсоюзов и военнослужащих караимов (7 февраля), общее собрание караимов, работающих на производственных предприятиях Севастополя, общее собрание женщин караимок (16 февраля) и общее собрание неорганизованного караимского населения (19 февраля). На всех этих собраниях было вынесено решение о закрытии кенасы. В довершение ко всему в октябре 1930 года из «двадцатки» выбыло семь ее членов, а новые члены не избирались, что уже непосредственно грозило закрытием кенасы[46]. В итоге на заседании фракции ВКП(б) Президиума Горсовета 26 марта 1930 года было вынесено следующее постановление: *«В виду того, что верующие совершенно отказались от пользования молитвенным домом (кенасой), принимая во внимание, что двадцатка распалась и арендатор из верующих не имеется, кенасу закрыть, здание использовать для культурных нужд трудящихся караимов»*[47].

[44] *Терещук Н.М.* Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 224.

[45] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25.

[46] Там же. Л. 15–21.

[47] Там же. Л. 13.

Однако благодаря активному вмешательству Т.С.Леви-Бабовича кенасу не закрыли. Срочным порядком севастопольский газзан стал собирать распавшуюся «двадцатку», используя свой авторитет среди верующих караимов. *«Недели две я кипел в огне, пока набрал двадцатку, необходимую для удержания кенасы, – пишет он в мае Б.Я.Кокенаю. – Все боялись войти в двадцатку, так как их пугали, говоря, что это повлечет за собою лишение их всех гражданских прав и в том числе право на хлебную карточку, что может повлечь за собою голодную смерть. Но, слава Богу, в конце концов, чувство долга перед святыней взяло вверх и двадцатка набралась. Святая кенаса теперь в наших руках»*[48].

Без сомнения, сохранить за религиозной общиной уже приговоренную к «ликвидации» кенасу удалось благодаря стараниям Т.С.Леви-Бабовича. Это прекрасно понимали как городские власти, так и Севастопольский караимский клуб, которые признавали его авторитет среди караимов Севастополя и видели в нем основное препятствие для осуществления своих планов. Ранее органами местной власти Т.С.Леви-Бабовичу была дана следующая иезуитская характеристика: *«Большой агитатор и всегда находится среди караимов, пользуется среди них большим авторитетом, имеет высшее духовное образование и считается ученым археологом… Они (караимы) находятся под его влиянием, благодаря чему не могут извне получать должное понятие о лжеучении своего ловкого, умного и корыстного проповедника»*[49]. Поэтому, когда 10 февраля 1930 года Президиум ВЦИКа принял постановление, в котором разрешалось производить выселение из Севастополя лиц, лишенных избирательных прав, Т.С.Леви-Бабович сразу увидел в нем опасность для себя. *«Приближаются очень тяжелые времена,* – написал он 14 февраля Б.Я.Кокенаю на караимском (крымскотатарском) языке. – *Возможно, что меня выселят из этого города»*[50].

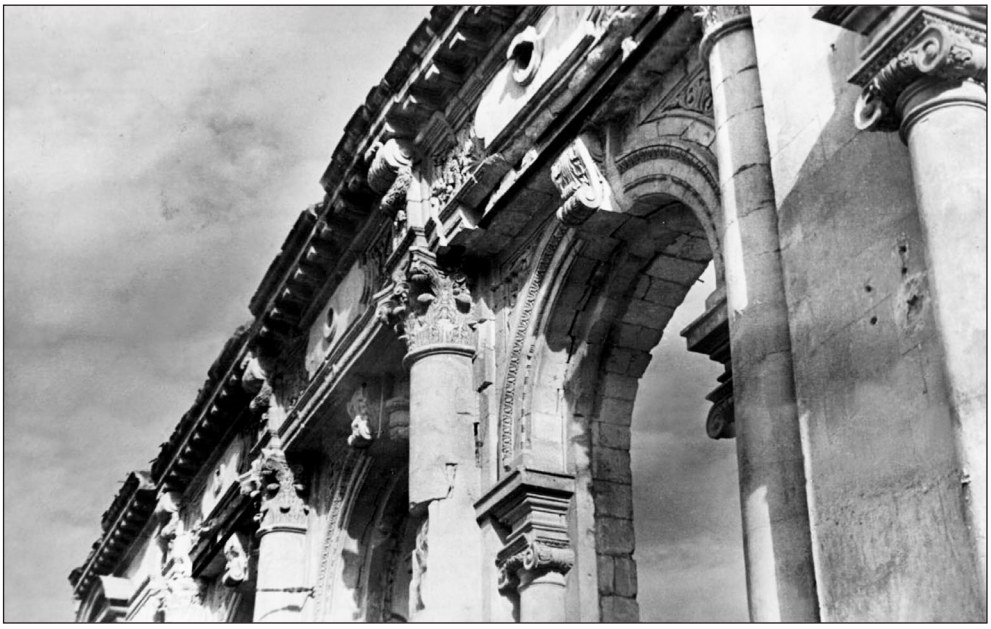
Прошло некоторое время, и опасения Т.С.Леви-Бабовича оправдались. 11 июля 1930 года он был вызван в Севастопольский Административный отдел, где ему объявили, что он должен выехать из города. Когда Т.С.Леви-Бабович заявил о том, что он является штатным газзаном кенасы, ему разрешили остаться в городе, но 15 июля его вызвали вновь и объявили, что его выселение не приостанавливается, и он должен покинуть Севастополь в указанный срок. В этот же день Т.С.Леви-Бабович написал прошение в Особую Комиссию при КрымЦИКе, в котором просил дать ему разрешение остаться в Севастополе.

«*Не усматривая в себе особой вины*, – писал Т.С.Леви-Бабович, – *я считаю выселение для себя незаслуженным, тем более, что оно не применяется ни к кому из штатных религиозных служителей. Я же являюсь не только штатным, но и единственным служителем культа для Караимской Кенасы, како-*

[48] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 19.05.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. Карай Битиклиги (Евпатория).

[49] *Терещук Н.М.* К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов // Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Том II. Выпуск 35. М., 2011. С. 209.

[50] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 14.02.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. Карай Битиклиги (Евпатория).

Кенаса Севастополя после ВОВ.
Фото с официального сайта Федерации бокса г. Севастополя

вая Кенаса также является единственным храмом в городе Севастополе для удовлетворения религиозных потребностей местных верующих караимов.

Посему прошу Особую Комиссию сделать распоряжение об оставлении меня в Севастополе»[51].

Прошение Т.С.Леви-Бабовича власти оставили без внимания и постановили выселить его из Севастополя 26 июля. Оставив свою семью, Т.С.Леви-Бабович переехал в Симферополь, где поселился у своего знакомого Соломона Исааковича Синани на улице Мало-Базарной, 21 (ныне улица Некрасова). В жизни Т.С.Леви-Бабовича начался новый период, связанный со столицей Крыма Симферополем, который он будет называть на древнееврейском языке «ир галути» – «город моего изгнания».

Некоторые севастопольские исследователи, занимавшиеся вопросами взаимоотношения Советской власти с религиозными общинами города, например Н.М.Терещук и Н.А.Давыдова, склонны видеть в выселении Т.С.Леви-Бабовича повод для закрытия кенасы. «*Очевидно*, – пишет Н.А.Давыдова, – *выселение газзана было лишь поводом для дальнейшего закрытия кенасы и передачи ее в пользование госучреждению*»[52]. Действительно, вскоре после отъезда Т.С.Леви-Бабовича собранная им «двадцатка» стала распадаться – один за другим караимы выходили из ее состава. Одновременно с этим в городскую администрацию от караимов поступали ходатайства о закрытии ке-

[51] ГАГС. Р–79. Оп. 2л. Д. 345. Л. 3.

[52] *Давыдова Н.А*. Отношение Советской власти к служителям культа // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 191.

насы. Вследствие этого постановлением КрымВЦИКа от 5 февраля 1931 года караимская религиозная община Севастополя была снята с регистрации, а через несколько месяцев здание кенасы отдано под «Интернациональный клуб караимов, татар и крымчаков»[53].

В апреле 1931 года в газете «Маяк коммуны» была опубликована небольшая заметка неустановленного автора по фамилии Чинак «*Бывшая кенаса – должна стать образцовым клубом*», в которой пафосными выражениями в духе того времени говорилось о достигнутых победах караимов Севастополя: «*Не так давно мы имели победу трудящихся караимов гор. Севастополя – закрытие кенасы, а сейчас мы празднуем вторую победу – на место закрывшейся кенасы открываем клуб, очаг культуры, который должен воспитывать всю трудящуюся массу караимов, организовать их и мобилизовать их внимание на выполнение задач, поставленных партией и совластью*»[54].

На этом историю кенасы Севастополя, вероятно, можно считать и законченной. В годы Великой Отечественной войны здание кенасы было частично разрушено авиабомбами и снарядами. Сохранились фотоснимки, демонстрирующие ее плачевное состояние после войны. Но все же, при всех повреждениях здания сохранились все его конструктивные элементы, фундамент, цоколь и три стены, кроме южной, почти полностью разрушенной. В соответствии с решением Севгорисполкома 1952 года коробка здания была передана городскому спортобществу «Спартак» для восстановления под спортзал[55]. В 1953 году по проекту А.В.Бобкова здание было восстановлено. Во время восстановительных работ оно было разделено на два этажа, а главный вход с северного фасада перенесен на южный. В 1960 году в спортзале ДСО «Спартак» прошли первые спортивные соревнования, а затем бывшее здание кенасы было связано исключительно с боксом. В 1971 году в госсовете ДСО «Спартак» был открыт опорный пункт по олимпийской подготовке боксеров. Сейчас в здании находится Севастопольская детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва № 4 по боксу[56].

---

[53] *Терещук Н.М.* Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму: сборник научных работ. Симферополь, 2008. С. 218; ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 35.

[54] *Чинак*. Бывшая кенаса должна стать образцовым клубом // Маяк коммуны. 28.04.1931. С. 8. (Автор выражает благодарность А.Кохану за предоставленный источник).

[55] ГАГС, Р–308, оп. 2, д. 914. Л. 6, 10.

[56] См.: сайт «Федерация бокса Севастополя».URL: http://www.sevboxing.ru/sduspartak_history.html.

Приложение

Из ответа газзана Исаака Султанского на предписание Таврического и Одесского Караимского Гахама

Письмо севастопольского газзана И.М.Султанского от 20 ноября 1879 года, написанное в ответ на предписание Гахама С.М.Панпулова, представляет большой интерес в контексте истории караимской общины Севастополя. Вступив в 1879 году в должность караимского Гахама, С.М.Панпулов издал предписание для караимских общин Российской империи о предоставлении в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление самых полных статистических сведений. Благодаря этому предписанию в распоряжении исследователей имеется архивное дело № 260 (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1) со сведениями о состоянии караимских общин на 1879–1880 года и посемейными списками, в том числе и общины Севастополя.

Что касается севастопольской общины, то для нее 1879 год был знаковым, так как именно в этом году община начала строительство кенасы. Правда, в ответе И.М.Султанского встречаются противоречивые данные относительно названия улицы, на которой был приобретен участок для строительства: в одном месте эта улица названа Соборной, в другом – Адмиральской, а еще в одном документе указано, что участок земли, приобретенный для строительства кенасы, находился «на линии Адмиральской площади». Суммируя все эти сведения, а также учитывая то обстоятельство, что параллельные улицы Соборная и Адмиральская (современные Суворова и Фрунзе) расположены близко друг к другу, с двух сторон от Собора Св. Владимира, можно предположить, что участок земли, купленный караимской общиной, находился сразу на двух улицах. Из ответа И.М.Султанского мы также узнаем, что еще до Крымской войны (1853–1856) в Севастополе при содействии Гахама С.С.Бобовича была утвержденная кенаса на Петропавловской улице. Во время Обороны Севастополя она была разрушена, после чего кенаса находилась в наемных помещениях. В 1876 году под кенасу было приспособлено временное строение (у И.М.Султанского – балаган) в Артиллерийской бухте, принадлежащее Зараху Фирковичу. Как нам уже известно, в 1879 году караимская община начала строить кенасу на купленной ею земле на улице Адмиральской (или Соборной), но из-за близости к православному собору на строительство был наложен запрет. В 1884 году на улице Большая Морская был куплен участок и возведено временное здание кенасы, а в 1908 году закончено строительство нового здания.

Ваша честь Таврический и Одесский караимский Гахам![57]

Письма с Вашим предписанием от 7 ноября за № 79 и от 8 ноября за № 80 я получил и по вашей просьбе сообщил о них общине. Теперь отвечаю на поставленные вопросы:

[57] Публикуется по документу – ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 9–11 (на караимском языке).

1. У Севастопольской караимской общины собственного здания кенасы нет. Еще три года назад, как и все время до того, под кенасу были приспособлены наемные помещения. И вот, три года назад общиной был приобретен за 250 рублей старый балаган Зараха Фирковича, на городской земле в Артиллерийской бухте, сохранившийся еще со времен войны, и в нем была устроена кенаса. Хотя это так, еще во времена покойного Хаджи Ага[58] здесь была утвержденная синагога[59], и я до сих пор пользуюсь (ее) печатью. Несмотря на это, вот уже который год невозможно добиться утверждения (кенасы), потому что указ (об утверждении) остался у покойного Якова Софера и на сегодняшний день считается пропавшим.

2. После старшего газзана, покойного рибби Гавриила Фирковича здесь утвержденного газзана не было, а обязанности газзана исполняли частные лица. Сегодня, вот уже 11 лет, начиная с 1 мая 1868 года, в этой общине старшим газзаном служу я, и утвержден по приговору общины от 18 июля 1869 года за № 4 и рапорту в Духовное Правление от 26 октября 1869 года за № 8. А в евпаторийскую Большую кенасу младшим газзаном я был утвержден Таврическим Губернским Правлением 31 октября 1859 года за № 7036.

3. Младшего газзана и утвержденного шамаша[60] нет. Сейчас обязанности шамаша исполняет местный мещанин Ганука Иосифович Кефели.

4. На сегодняшний день общине принадлежат два пустопорожних участка земли. Один из них – это участок старой кенасы на Петропавловской улице. Купчая на эту землю осталась у Якова Софера и пропала. Второй – пустопорожний участок на Соборной улице, пожертвованный сотоварищами, на котором теперь строят кенасу. Их имена я сообщаю в другом месте[61].

4. Об имуществе кенасы я сообщаю в другом месте.

5. У общины нет никакого источника для содержания кенасы и мидраша, кроме маалот и чедакот[62]. Таких пожертвований в год может собраться до 500 рублей. В то время как расходы в этом году составили восемьсот восемьдесят пять рублей: газзану и на обучение детей бедняков – 600 рублей, шамашу – 120 рублей, на содержание кенасы – 60 рублей, каббарам[63] – 30 рублей, на расходы Правления – 20 рублей, пожертвования в Иерусалим – 30 рублей, на мелкие расходы – 25 рублей. Местная караимская община насчитывает 90 семейств. Габбаем[64] сейчас служит молодой Юфуда Алмаз.

6. Мидраша два. Один из них общественный, который располагается в женском отделении кенасы. В этом мидраше преподаю я. Сейчас у меня обучаются десять учеников, имена которых я сообщаю в другом месте. Кроме письма и чтения молитв, другим предметам не обучаю. Из этих десяти учеников за учебу мне платят трое, а остальные семь учатся бесплатно. Эти трое ходят также

---

[58] Во времена С.С.Бобовича (1790–1855), то есть еще до Крымской войны.

[59] Так в тексте.

[60] Шамаш – служка в кенасе.

[61] Ниже, в Описи имущества севастопольской кенасы, где перечисляются имена дарителей, указана не Соборная, а Адмиральская улица.

[62] Чедака (мн. – чедакот) – оплата за чтение заупокойной молитвы.

[63] Члены общины, ответственные за совершение погребального обряда.

[64] Габбай – староста общины.

в русский класс. В реальном училище обучаются 12 учеников, по-караимски не обучаются. Из всего имущества в мидраше один сломанный стол и один небольшой стульчик для меня. Печка имеется, но, на случай сильных холодов второй такой же печки нет.

Второй мидраш – это мидраш местного мещанина рибби Исаака сына Юфуды, БП, Ерака. Учительствовать начал с первого января этого года. С согласия родителей он обучает десять учеников: семь из них платно, а трое – бесплатно. За этих троих учеников каждый месяц по два рубля серебром платят Соломон Коджак и Давид Ага. Кроме священного языка[65] никаким другим языкам не обучаются. Имена учеников я сообщаю в другом месте.

Я, газзан Исаак Султанский.
20 ноября 1879 г.
Севастополь.

ИМУЩЕСТВО СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И УТВАРЬ КЕНАСЫ

1. Старой кенасы пустопорожнее место на Петропавловской улице. Купчая у покойного Софера, потеряна.

2. Пожертвованное сотоварищами для строительства новой кенасы пустопорожнее место на Адмиральской улице. Купчая передана в общину на прошлой неделе. – Имена дарителей: Чефанья Алты Ока, БП[66], Мордехай Юфудович Леви, БП, его брат Эммануил Леви, Моисей Эмильдеш, БП, Нагаму Рофе, Моисей Казас, Самуил Коген-Айваз, Бераха Кушуль, Иосиф Ходжаш, Авраам Сарибан, Авраам Иосифович, БП, Кефели, рибби Авраам Прик.

3. (…)[67] балаган[68] в Артиллерийской бухте, в котором до сегодняшнего дня находилась кенаса, на городской земле, без фундамента.

Дары в кенасу

1. Сефер Тора[69] в футляре, покрытом бархатом и серебром, с таппухим[70], пожертвованная сотоварищами. Вот их имена: почтенный рибби газзан Давид Асаба, БП, Мордехай Леви Ботук, Моисей Бабай, Иосиф Мумджу, БП, Бераха Койчу, рибби Исаак Леви Мукий, БП, Илья Чавке, Иосиф Кефели, Соломон сын Нагаму Коджак, Авраам Сарибан, Йонатан Асаба, Илья Леви Мукий, БП.

2. Вторая Сефер Тора с таппухим в футляре, покрытом бархатом. (Пожертвовал) гевир Давид Ага.

---

[65] Древнееврейского языка.

[66] БП – благословенна его память. Эвлогия, употребляющаяся после имени умершего человека.

[67] Слово неизвестно.

[68] Так в тексте. Балаган – временная постройка.

[69] Сефер Тора – Свиток Торы. Буквально в тексте: «Сефер Тора арони» – Свиток Торы в ковчеге (в футляре).

[70] Таппухим с (*др.-евр.* – «яблоко») – в караимской терминологии навершия на Свитке Торы обычно круглой формы, напоминающей яблоко.

3. Третья Сефер Тора без футляра[71], пожертвованная сотоварищами. Вот их имена: рибби Иосиф Эгиз, Сима Кефели Соломон акай, Сима Юрга, габбай Исаак Кефели, Исаак Баккал, Яков Баккал. Для (украшения) этого Свитка Торы у этих друзей было 160 рублей серебром. С шестнадцати лет эти деньги находились у Иосифа Эгиза для роста, но по словам сотоварищей, упомянутый Эгиз роста деньгам не дал, и Тора осталась пока без футляра.

4. Тора с разделами-парашот в футляре, покрытом бархатом и серебром. Пожертвование рибби Авраама, БП, сына Симы Рофе, БП.

Меноры

1. Большая менора одна. Дар гевира Симы Кефели в память о его отце.
2. Дар габбая Иосифа Кефели (Апе), БП.
3. Дар вышеупомянутого Иосифа Кефели в память о жене Соломона Софера, БП.
4. Дар Симы Юрга в память о его матери.
5. Старая бронзовая менора. Дар братьев Иосифа и Соломона Коджак.

Подсвечники

1. Больших двухрожковых серебряных подсвечников одна пара. От гевира Симы Кефели в день освещения кенасы.
2. Серебряных подсвечников одна пара. Имя дарителя неизвестно.
3. Новых металлических подсвечников одна пара. От молод. Шаббетая Койчу, БП.
4. Металлических подсвечников одна пара. От рибби Иосифа Эгиза.
5. Хрустальных подсвечников одна пара. От старого Юфуды Шайтана, БП.
6. Латунных подсвечника три. От общины.
7. Серебряная Кетер Тора[72] с надписью «Слушай, Израиль». От почтенного рибби гевира Чадука Шакая.
8. Одна позолоченная табличка с «Десятью заповедями». От почтенного рибби писца Якова Фирковича, БП.

Серебряные канделябры

1. От Нагаму, сына Ильи, БП, Рофе.
2. От Биче, дочери Авшалома Рофе.
3. От Тотеке, жены Юфуды, БП, Асаба.
4. От молодого Мордехая, БП, сына гевира Эфраима Кефели, БП.
5. От Шеломит, БП, жены Берахи, БП, Илика.
6. От газзана рибби Давида Асаба, БП.
7. От Мамук, жены рибби Мордехая Кефели Шеломо акай.

---

[71] Буквально в тексте: «Сефер Тора чыплакъ» – голый Свиток Торы. В другом месте: «Сефер Тора аронсыз» – Свиток Торы без кочега (футляра)..

[72] Корона Торы – декоративный элемент центральной части гехала (алтаря) с изображением короны.

8. От Баруха, БП, сына Чадука, БП, Мангуби.
9. От молодого рибби Нагаму, БП, сына Исаака, БП, Леви Чельтека.
10. От Аарона Когена рибби оглу.
11. От Эстер, жены рибби Аарона, БП, Казаса.
12. От Арзу, жены Мордехая Леви Ботука.
13. От Эстер, жены рибби Исаака Челеби.
14. От благотворителя Моисея Шишмана, БП.
15. От газзана рибби Давида Асаба, БП, и его жены Тотеке.
16. От Хавивы, жены Авраама, БП, Асаба.
17. От молодого Якова, сына Нагаму, БП, Тиро.
18. От благотворителя Давида Ага.
19. Старый, от гевира Симы Кефели в память о его матери.
20. Старый, имя (дарителя) неизвестно.

Парохеты[73]

1. Парохета, вышитых канителью, два. От Биче, жены почтенного рибби гевира Якова Кальфа.
2. Парохет с вышивкой. От Ривки, дочери Баруха Койчу.
3. Парохета три. От рибби Авраама, сына Иосифа Кефели (Джанкос).
4. Парохет без вышивки. От гевира рибби Юфуды Рофе.
5. Маленький парохет на духан[74]. От Эстер, жены Давида, БП, Аттара.
6. Таких же парохетов семь. Без надписи. (В книге габбая никакой надписи об этом пожертвовании также не имеется).

Ковры

1. Большой бархатный ковер один. От гевира Давида Ага в день освещения кенасы.
2. Маленький ковер. От Нагаму Шишмана. В день его венчания[75].
3. Маленький ковер. От Ильи Бурназа. В день его венчания[76].
4. Маленький ковер. От Якова Сарача.
5. Маленький ковер. От молодого Самуила Пигита в (поминовение) души его матери.
6. Старых ковров пять. От общины.

Утварь кенасы

1. Шкаф один.
2. Духан с дверцами. От почтенного рибби гевира Юфуды Рофе.
3. Стоящие в кенасе духана два. От общины.
4. Ореховый стол один. От почтенного рибби гевира Юфуды Рофе.

---

[73] Парохет – занавес на арон га-кодеш (центральная часть гехала (алтаря)).
[74] Духан – высокий столик для молитвенника (ср. аналой).
[75] Буквально в тексте: «бе-шаббат хатаним» – «суббота перед венчанием».
[76] Буквально в тексте: «бе-йом хатунато» – «в день его венчания».

5. Ореховых кресла два. От почтенного рибби молодого Самуила Ага.
6. Скамеек для сиденья восемнадцать. От общины.
7. Таллета[77] три.
8. Чичита[78] два. Один из них от старого Моисея Оксюза, БП.
9. Субботних молитвенников четыре. Два из них от Мордехая Яшиша, два – от Якова Шапшала.
10. Пятикнижия двадцать два. Книг ТаНаХа[79] два. Тегилим[80] десять.
11. Молитвенников покойного Эвен Решефа[81] десять. От Моисея Фирковича.

Написал и подписал я, газзан Исаак Султанский.
20 ноября 1879 г.
Севастополь.

Перевод с караимского (крымскотатарского) языка В.А.Ельяшевича

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 20 (29)

[77] Молитвенное облачение газзана.
[78] Молитвенное облачение прихожан.
[79] ТаНаХ – Ветхий Завет.
[80] Псалтырь.
[81] Эвен Решеф – акроним А.С.Фирковича.

Вячеслав
Ельяшевич

ИСТОРИЯ КАРАИМСКОГО МОЛИТВЕННОГО ДОМА (КЕНАСЫ) КАРАСУБАЗАРА

По причине своей малочисленности караимская община Карасубазара (ныне Белогорск) не оставила значительного следа в истории и является одной из самых малоизученных караимских общин Крымского полуострова. До настоящего времени не только вопросам истории кенасы, но и в целом общины караимов Карасубазара не было посвящено ни одного исследования. Исключение составляют статьи М.Б.Кизилова и Д.А.Прохорова, в которых некоторые аспекты истории этой интересной общины рассматриваются среди прочих общин Крыма и Российской империи. Показательно, что Д.А.Прохоров в своей статье «Историко-культурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов» даже не выносит Карасубазар под отдельный подзаголовок, как остальные общины, и рассматривает его вместе с общиной Солхата (Старый Крым) – еще одной малоизвестной общиной, находящейся на периферии караимской истории[1]. Таким образом, проблема изучения карасубазарской общины сохраняла свою актуальность, и только целенаправленное выявление документов карасубазарского происхождения из обширного архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (Государственный архив Республики Крым – ГАРК. Ф. 241. Оп. 1, 2), проделанное автором этой статьи в 2015 году, дало свои результаты. В данной работе на основе этих документов мы попытаемся в общих чертах восстановить картину религиозной жизни караимов Карасубазара и историю их молитвенного дома – кенасы.

«*Каждая община должна построить бет-гакнессет, чтобы собираться в нем на молитву*» – написано в одной из самых авторитетных книг караимского богословия «Аддерет Ильягу»[2]. Кенаса служила не только духовным, но также и административным центром общины, так как именно газзан вел учет рождаемости и смертности караимского населения, записывал данные о бракосочетаниях и других событиях в жизни общины. К чести караимской общины Карасубазара надо сказать, что кенаса в этом городе была еще тогда, когда в нем не было общины как таковой, а проживали временно караимы из других городов, ведя здесь торговлю. Однако, судьба молитвенного дома караимов Карасубазара сложилась крайне непросто.

---

[1] *Кизилов М.Б.* К истории малоизвестных караимских общин крымского полуострова // Тирош. Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 128–129; *Прохоров Д.А.* Историко-культурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 250.

[2] *Башиячи Ильягу.* Сефер га-мичвот га-никра Аддерет Ильягу. Константинополь, 1531. Л. 65.

Караимская община Карасубазара была одной из малочисленных общин Крымского полуострова, меньше нее, хотя и не намного, была только община в Керчи. В первой половине XIX века в Карасубазаре временно, по торговым делам, проживало всего несколько караимских семей[3]. Немного позже, в 1858 году все также временно, не имея по большей части собственных домов, здесь проживало 18 караимов мужского пола, что вместе с женской половиной семей составляло примерно около 40 человек[4]. Максимальная численность караимов Карасубазара отмечена в 1879 году, когда здесь проживали согласно предоставленному в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление (далее – ТОКДП) посемейному списку 84 человека[5]. После этого численность караимов в этом городе стала падать и сократилась к 1909 году всего до 7 человек (или семей)[6].

Первые сведения о кенасе Карасубазара встречаются в пинкасе[7] караимской общины этого города с заглавием «*В (5)596 [1836] году, в начале месяца сиван, пожертвованные в кенасу Карасува[8] Пятикнижия, молитвенники, подсвечники и парохеты*»[9]. В то время это было еще не собственное здание, а наемный дом, только приспособленный под кенасу, как об этом сообщается в рапорте караимской общины Карасубазара 1858 года: «*...синагоги в кругу нашем нет, а имеется молитвенный дом, который имеем в найме, и плата за оный производится между нами*»[10]. Вероятно, этот дом был взят в наем в 1836 году, когда были сделаны первые пожертвования.

Впервые собственный дом для кенасы появился у караимской общины Карасубазара в 1865 году. Известно, что дом для молитвы был приобретен караимами у жены Губернского Секретаря Ольги Илларионовны Соляник и в этом же году на средства Бабакая Ильча Бобовича и Иосифа Авраамовича Черкеза перестроен под кенасу[11]. Строительные работы были закончены в 29 элула 4624 года по караимскому летоисчислению, или же 18 сентября 1865 года. Об этом мы узнаем из документа на караимском (крымскотатарском) языке, представляющего собой список пожертвований в новую кенасу с перечислением всех предметов, которые были пожертвованы, и имен дарителей, среди которых такие фамилии как Бобович, Черкез, Мичри, Шишман, Бабаджан, Кефели, Фарумда, Бобович-Тавук, Иртлач, Кискачи. Упоминаются также имена дарителей 1836 года: Шаббетай, его брат Исаак Симович Кефели, Мордехай Тришкан, Авраам Крыми и Моисей Тонгур. К открытию кенасы на общественные деньги был приобретен свиток Торы в серебряном футляре.

Нам неизвестно, кто был первым газзаном кенасы Карасубазара, но первый упоминаемый в документах газзан – это Ешува Элишевич Мичри[12], имя кото-

[3] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1.
[4] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
[5] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 14–15.
[6] ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 125. Л. 73.
[7] Актовая книга.
[8] Название Карасубазара в караимской традиции.
[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1.
[10] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
[11] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 395. Л. 18.
[12] Е.Э.Мичри приходился дедом симферопольскому газзану И.Ю.Ормели.

рого встречается в отчете Б.И.Бобовича о доходах и расходах вакуфной мельницы[13] за 1859 год[14]. Неофициально, без утверждения Таврическим губернским правлением, Е.Э.Мичри занимал должность газзана до 1874 года, вероятно, до самой своей смерти. С 1876 года также неофициально, как и Е.Э.Мичри, газзаном в караимской кенасе Карасубазара служил Эфраим Самуилович Кефели (1859–1909). Известно, что в 1907 году был также и габбаем[15]. Вероятно, в этой должности он пробыл не более двух лет, так как в 1905 году габбаем был Ю.Я.Мичри, а в 1907 году на эту должность был избран В.С.Шишман. Вместе с должностью газзана Э.С.Кефели совмещал обязанности шамаша и шохета.

С историей кенасы Карасубазара связана такая известная личность как Самуил Шемарьевич Пигит (1849–1911), газзан Екатеринослава и автор книги «Иггерет нидхе Шемуэль». В Карасубазаре С.Ш.Пигит жил в течение десяти лет, с 1868 по 1878 год. Первое время, с 1868 по 1870 год, по словам самого С.Ш.Пигита, он жил в качестве учителя в доме Бобовичей в имении «Ган Яфе»[16]. Позже он переехал, по всей видимости, жить в город, где продолжал заниматься учительством и заменял в случае необходимости газзана Е.Э.Мичри. Его имя с указанием должности учителя встречается в документах до 1874 года[17], а в 1874 году его должность указывается как «исполняющий обязанности газзана и шамаша»[18].

В 1885 году карасубазарское караимское общество избрало Э.С.Кефели младшим газзаном и написало в ТОКДП прошение о ходатайстве перед Таврическим губернским правлением об утверждении этой кандидатуры[19]. Однако, по причине того, что караимский молитвенный дом не был утвержден Таврическим губернским правлением, ходатайство ТОКДП было оставлено без последствий. Вопрос с утверждением в Карасубазаре караимской кенасы не решался в течение многих лет, а потому Э.С.Кефели, несмотря на избрание общины, продолжал оставаться на неофициальном положении. Даже после того, как в Карасубазаре была утверждена кенаса, Э.С.Кефели так и остался только исполняющим обязанности – в списках газзанов из архива ТОКДП напротив города Карасубазар неизменно вместо имени газзана стоял прочерк. Газзан Э.С.Кефели с семьей жил очень бедно на скромное жалованье, которое ему платило небольшое караимское общество Карасубазара. Скончался 14 июня 1909 года и похоронен в Карасубазаре[20].

Во время переписки ТОКДП с Таврическим губернским правлением об утверждении Э.С.Кефели газзаном выяснилось, что существующий в Карасубазаре караимский молитвенный дом был открыт без разрешения губернского начальства. Когда же Гахам обратился с ходатайством о разрешении на открытие в Карасубазаре караимского молитвенного дома, то выяснилось еще одно об-

[13] Вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.
[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1676. Л. 4.
[15] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1690. Л. 3.
[16] *Пигит С.Ш.* Иггерет нидхе Шемуэль. СПб., 1894. С. 75.
[17] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1676. Л. 10, 13.
[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 245. Л. 33.
[19] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 395. Л. 3, 4.
[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1125. Л. 90.

стоятельство, которое завело все дело в тупик – караимская кенаса находилась на недопустимом законом расстоянии от православной церкви. По закону Российской империи синагоги (а к ним относились и караимские кенасы, которые официально в то время так и назывались) должны были строиться на расстоянии не менее 100 сажень от православных церквей, если они находились на одной с ними улице, и не менее 50 сажень, если находились на другой улице. Караимская же кенаса, как показало полицейское расследование, находилась всего в 27 аршинах от стены храма (в документе не сказано от какого именно)[21].

В связи с этим обстоятельством Таврическое губернское правление отказало Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению в ходатайстве об открытии молитвенного дома и запретило проводить в нем богослужения следующим постановлением 25 октября 1889 года: «*Просьбу Карасубазарского Караимского общества и ходатайство Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления по объясненному предмету оставить без последствий о чем сообщить Караимскому Духовному Правлению и Симферопольскому Уездному Полицейскому Правлению предписать об изложенном объявить Карасубазарскому Караимскому обществу и притом распорядиться, чтобы в общественном Караимском доме в городе Карасубазаре, в котором общество ходатайствует открыть караимский молитвенный дом, не было отправляемо караимами богослужения и об исполнении сего донести немедленно*»[22].

Итак, караимскому обществу надо было искать новое здание для кенасы, которое бы отвечало всем требованиям закона. К 1894 году община наняла для кенасы дом армянина Тараса Мордиросова в городском квартале «Ильдрым» в 75 саженях от православной церкви (в документах снова не указано от какой именно) и вновь обратилось в ТОКДП с просьбой ходатайствовать перед Губернским правлением об утверждении молитвенного года[23]. На этот раз ТОКДП, не доводя дела до губернского начальства, отправило караимам Карасубазара запрос, находится ли дом Т.Мордиросова на одной улице с православной церковью или нет. Оказалось, что этот дом находился на одной улице с малым входом в православную церковь, но уже в другом городском квартале. Ведший переписку от лица всей общины С.Е.Мичри пытался объяснить, что город Карасубазар не имеет улиц, а делится на кварталы, и дом Т.Мордиросова находится в квартале «Чилтерли», в то время как православная церковь в квартале «Ильдрым». Однако, Гахама С.М.Панпулова этот ответ не удовлетворил, так как расстояние между этими двумя зданиями было меньше дозволенного. Поэтому 4 сентября 1894 года Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление постановило: «*Ввиду того, что пространство между домом Мордиросова и православной церковью не имеет указанного законом расстояния, Правление не находит возможным ходатайствовать пред Губернским Правлением о разрешении совершения Богослужения в означенном доме Мордиросова*»[24].

В августе 1895 года, в преддверии осенних религиозных праздников, караимская община Карасубазара обратилась в Министерство Внутренних Дел

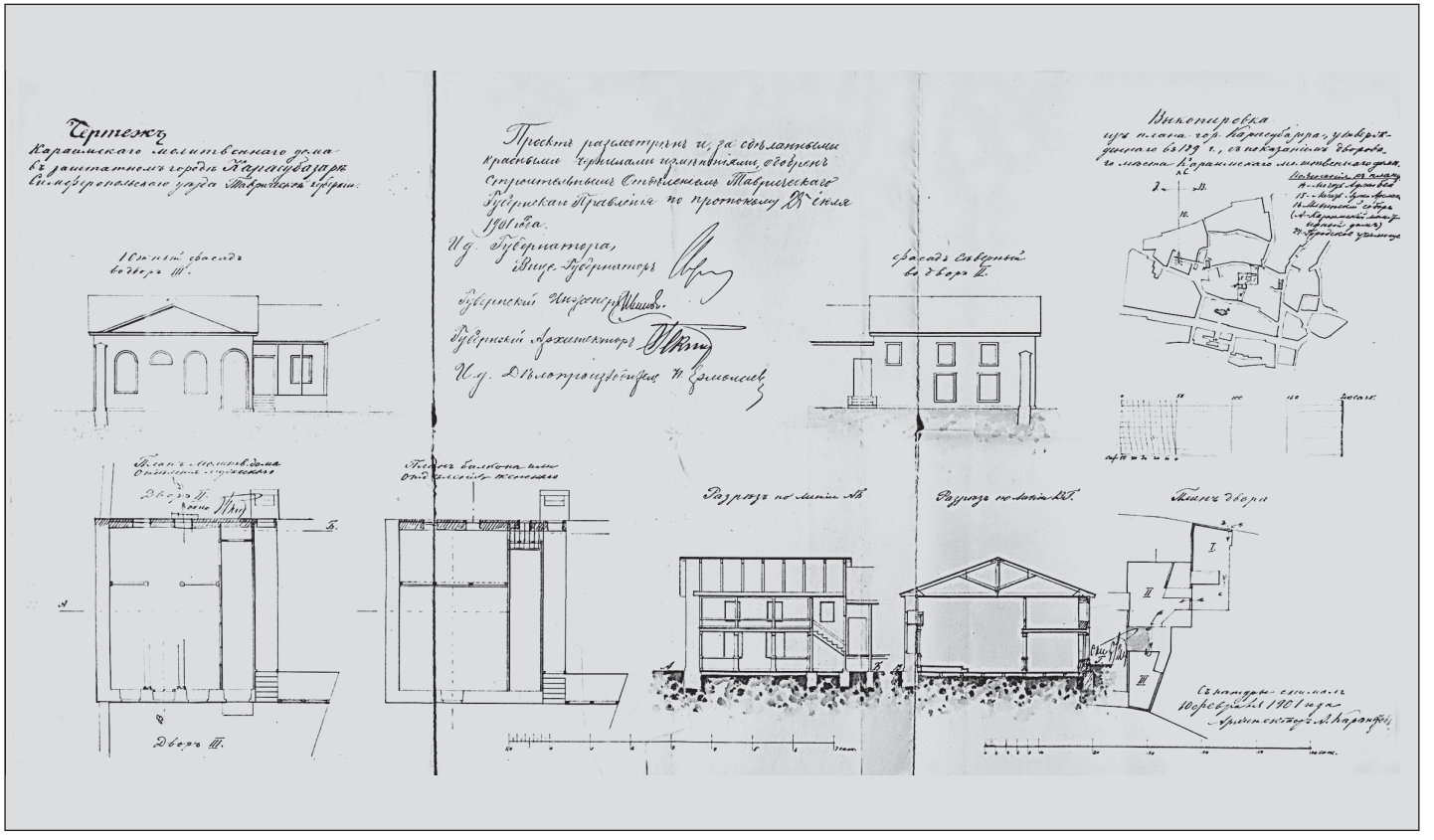
[21] Там же. Л. 21.
[22] Там же.
[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 597. Л. 1.
[24] Там же. Л. 5.

с просьбой разрешить ей проводить богослужения[25]. Решился этот вопрос в пользу караимов лишь отчасти: им разрешили проводить богослужения по большим праздникам. Об этом, к примеру, свидетельствует следующий документ. В марте 1896 года, накануне праздника Песах, караимская община Карасубазара обратилась в ТОКДП с просьбой разрешить ей проводить богослужения на все праздники текущего года. В свою очередь ТОКДП отправило запрос в Таврическое губернское правление, в котором говорилось только о праздниках Песах, Шемини Ачерет и Шавуот и получило положительный ответ следующего содержания: «*Вследствие ходатайства Вашего от 4 сего Марта за № 102, Губернское Правление имеет честь уведомить, что согласно распоряжению Губернского Таврического Губернатора Карасубазарскому Караимскому Обществу разрешено отправлять Богомоления в предстоящие праздники 18 и 24 марта и 12 мая в частном доме, предварительно осмотренным Полициею, о чем для исполнения вместе с сим прописано Симферопольскому Уездному Полицейскому Управлению*»[26].

Удивительно, но, несмотря на крайнюю малочисленность караимской общины Карасубазара, которая со временем только уменьшалась, кенаса здесь все же была открыта. Об этом мы узнаем из письма ТОКДП от 12 мая 1902 года с ходатайством в Таврическое Губернское правление о переименовании караимского молитвенного дома Карасубазара в синагогу, которое было удовлетворено 27 мая этого же года. В виду важности этого письма в контексте рассматриваемого нами вопроса процитируем его полностью: «*В Карасубазаре разрешением Губернского Правления от 2 июля 1901 года за № 3864 открыт караимский молитвенный дом, а между тем, как видно из примечания к ст. 1284 т. XI ч. 1 Свода законов изд. 1896 г., названия молитвенных домов для караимов не установлено. Почему и имея в виду, что в Карасубазаре заботами караимского общества открыт храм Божий в общественном постоянном, а не временном здании, вполне соответствующем своему назначению, Духовное Правление имеет честь покорнейше просить разрешения Губернского Правления открытый караимами в Карасубазаре храм Божий именовать караимской синагогой*»[27].

Интересно, что на этот раз Гахам С.М.Панпулов лично приезжал в Карасубазар в августе 1900 года, чтобы замерить расстояние от кенасы до ближайшей к ней Ильинской церкви, которое оказалось на 12 саженей больше дозволенного[28]. После этого, вероятно, губернское управление утвердило кенасу, хотя точной даты мы не знаем, а 22 июня уже и Министерство внутренних дел удовлетворило ходатайство караимской общины Карасубазара[29], и, таким образом, с июля 1901 года кенаса была открыта, и в ней регулярно проводились богослужения. Сохранившийся «Чертеж караимского молитвенного дома в заштатном городе Карасубазаре Симферопольского уезда Таврической гу-

[25] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1413. Л. 17.
[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1030. Л. 27.
[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 861. Л. 4.
[28] Крымский вестник. № 218. 17.08.1900. (Автор выражает глубокую благодарность П.Б.Иванову за предоставленный источник).
[29] Крымский вестник. № 159. 22.06.1901. Автор выражает глубокую благодарность П.Б.Иванову за предоставленный источник.

Чертеж Караимского молитвенного дома в заштатном городе Карасубазаре Симферопольского уезда Таврической губернии. *ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1602. Л. 1*

Чертеж Караимского молитвенного дома в заштатном городе Карасубазаре Симферопольского уезда Таврической губернии. *ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1602. Л. 2*

бернии», с небольшими изменениями одобренный Строительным отделением Таврического губернского правления 25 июля 1901 года, дает нам представление о том, как выглядела караимская кенаса в Карасубазаре[30].

К сожалению, после 1902 года сведений о новой кенасе крайне мало. Известно, что в 1903 году кенаса Карасубазара относилась к приходу симферопольской кенасы, и все метрические записи вел газзан И.М.Кефели. Однако, в письме 1905 года феодосийский газзан Б.М.Бабаев сообщает о совершении обряда обрезания над сыном Ефета Кокея в Карасубазаре и о записи его рождения в метрической книге газзаном Э.С.Кефели[31]. Надо сказать, что ранее, как минимум с 1880 года, караимы, рожденные в Карасубазаре, записывались в метрические книги ближайшего города Симферополя, а одно время и Бахчисарая, в связи с тем, что кенаса Карасубазара не была утвержденной. О существовании в Карасубазаре после 1901 года действующей кенасы могут свидетельствовать также записи в книге караимской общины Карасубазара, которые велись в 1905 году габбаем Ю.Я.Мичри и были продолжены с 1908-го по 1910 год габбаем В.С.Шишманом. В этих записях неоднократно упоминается именно кенаса, а не молитвенный дом, а на русском языке – синагога[32]. В то же время в списке караимских кенас Российской империи, опубликованном в журнале «Караимская жизнь» за 1911 год, кенаса Карасубазара не значится. Возможно, это произошло в связи с тем, что после смерти в 1909 году Эфраима Самуиловича Кефели кенаса Карасубазара осталась без газзана и была вновь отнесена к приходу симферопольской кенасы; с другой стороны, возможно, ее просто забыли упомянуть[33].

Благодаря приложенной к чертежу кенасы выкопировке из плана Карасубазара нам известно, в какой именно части города она находилась. Это было небольшое здание примерно 6,5×8,5 м с небольшим портиком с северной стороны. Планировка здания была традиционной для караимской кенасы, с разделением ее внутреннего пространства на основную мужскую половину и балкон для женщин с отдельным входом. Как указано в экспликации, кенаса находилась поблизости от Ильинского собора (Ильинской церкви), то есть в самом центре города; с другой стороны, она была «спрятана» в глухом переулке соседнего с ним квартала. Здание Ильинского собора не сохранилось, но, по наведенным в Краеведческом музее Белогорска справкам, на его месте сейчас находится универмаг «Весна». Зная место, где находился собор, а также учитывая, что расположение улиц на выкопировке практически полностью совпадает с современным, мы можем приблизительно установить местонахождение последней из кенас Карасубазара. К сожалению, она не сохранилась до наших дней. Возле дома № 9 на Симферопольской улице узкий переулок сворачивает с улицы во внутренний двор, со всех сторон окруженный домами. Здесь, в этом дворе, вероятнее всего, и находилась кенаса, однако уже ничего не напоминает нам о ней.

---

[30] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1602. Л. 1, 2.
[31] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 970. Л. 6.
[32] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1690.
[33] Караимская кенаса // Караимская жизнь. Книга 3–4. 1911. С. 118.

Приложение

«Священная утварь святой общины Карасува, да возвеличит ее Всевышний!»[34]

(ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1679. Л. 1–2)
Транслитерация и перевод В.А.Ельяшевича

4 января 1872
Карасув

Священная утварь (кодешлер)[35]

Молитвенные коврики (седжаде) и ковры

Почтенный учитель наш и рибби Нагаму Бобович, габбай шель га-коддеш, главный и знатный гевир – один персидский седжаде[36].

Высокочтимый учитель наш и рибби Авраам Черкез, габбай, гевир, достославный и почтенный, блаженной памяти – один седжаде.

Почтенный учитель наш и рибби Иосиф Черкез, габбай, гевир, образованный, достославный и почтенный – один седжаде в 624 году по малому счислению [1864] 29 элула.

Стамбульский седжаде одна штука из общинных денег.

Почтенная госпожа Ханыш, женщина скромная и праведная, жена просвещенного Авраама Фарумды, блаженной памяти – один тканный ковер в том же году.

Почтенный учитель наш и рибби Иосиф Бобович, гевир, образованный и почтенный, и жена его Рахель, скромная и образованная – один бархатный ковер в том же году.

Высокочтимый учитель наш Яков, почтенный, сын почтенного рибби Нагаму Черкеза, блаженной памяти – один маленький бархатный ковер в том же году.

Почтенная госпожа Бубюш, женщина скромная и образованная, блаженной памяти, жена Авраама Черкеза, габбая и гевира, благословенна память праведника – два ковра.

Почтенный учитель наш и рибби Ильягу Иртлач, габбай славный, великолепный и выдающийся – один ковер.

Рибби Мордехай Тавук, славный, великолепный и выдающийся – один ковер.

Высокочтимый учитель наш молодой, милый и приятный Самуил Черкез – два ковра из набивного ситца в 624 году по малому счислению [1864] 29 элула.

Почтенная госпожа Мирьям, женщина скромная, жена почтенного учителя нашего и рибби Чадука Леви, габбая славного, дорогого, великолепного,

---

[34] Ритуальная формула, применяемая к Иерусалиму, а также ко всем городам, где были караимские общины.

[35] *Евр*. «кодеш» – «священный», *тюрк*. «лер» – окончание множественного числа. Термином «кодешлер» называли все то, что находится в молитвенном доме.

[36] Седжаде – молитвенный коврик (*тур*.).

блаженной памяти – один ковер из набивного ситца в 5631 году по большому счислению [1871].

Почтенный учитель наш и рибби Яков Бабаджан, габбай почтенный, образованный, знатный – один ковер в 624 году по малому счислению [1864] в месяц элул.

Серединный ковер[37] из общинных денег.

Войлочный тифлисский ковер из общинных денег.

Всего 17 предметов.

Парохеты большие и маленькие

Господин наш и учитель, почтенный учитель наш и рибби, достославный гевир, глава мудрецов Нагаму Бобович Иерусалимский – один парохет из материи севье, с одной стороны подшитый атласом.

Высокочтимый учитель наш Авраам Черкез, габбай, гевир, достославный и скромный, блаженной памяти – один шелковый парохет с атласным наличником.

Почтенная госпожа Рахель, женщина скромная и образованная, жена Ильягу Бобовича, гевира достославного и главного, блаженной памяти – один дамасовый[38] атласный парохет с бархатным наличником с одного края, и на нем канителью вышита надпись: «В 624 году по малому счислению [1864] 29 элула».

Почтенная госпожа Беруха, скромная и справедливая, жена почтенного учителя нашего и рибби Нагаму Бобовича, габбая шель га-кодеш, предводителя и главы – два маленьких дамасовых парохета на духаны, которые перед гехалом, атласные с двух сторон, в этом же году.

Рибби Мордехай Тавук, уважаемый, славный – один атласный парохет на духан, вышитый золотом в этом же году.

Почтенная госпожа Алтын, скромная, справедливая, жена Иосифа Черкеза, уважаемого габбая, блаженной памяти – один дамасовый парохет с бахромой для покрытия свитка Торы.

Всего 7 больших и маленьких парохетов.

Таллеты[39] и чичиты[40]

Почтенный учитель наш и рибби Йешува Мичри, мудрый, славный, уважаемый – один дюльбент-таллет[41] с бархатной нашивкой с одного края, на которой канителью вышита надпись.

[37] См.: с. 272 данного сборника.

[38] В оригинальном тексте «дамас». Вероятно, адаптированная форма французского damas – дама, двухлицевая шелковая ткань с рисунком, известная также под названиями «дамассин», «дамаст» или «дамаск» (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Под. ред. А.Н.Чудинова. СПб., 1894. С. 273). Используемая нами форма «дамасовый», т. е. из дамаса, была в употреблении у караимов, на что указывает перевод на русский язык одного из караимских брачных контрактов (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 297. Л. 2).

[39] Талиты в произношении крымских караимов.

[40] В караимской терминологии сложенный в несколько раз в виде шарфа таллет, надеваемый на плечи во время молитвы.

[41] Дюльбент или дельбент, – у караимок покрывало, закрывающее лицо и голову. Вероятно, дюльбент-таллет – это покрывало, одеваемое во время молитвы, или просто таллет.

Почтенная госпожа Ханыш, женщина скромная и праведная, жена образованного Авраама Фарумды – один дюльбент-таллет, вышитый с одного края золотом, в 624 году по малому счислению [1864].

Почтенный учитель наш и рибби Ильягу Иртлач, габбай славный, великолепный и выдающийся – один шелковый таллет, вышитый с одного края золотом, в 624 году по малому счислению [1864] 29 элула.

Высокочтимый учитель наш и рибби Авраам Черкез, габбай верный, гевир, достославный и почтенный, благословенна память праведника – один чичит.

Почтенная госпожа Ханыш, женщина скромная и справедливая, жена Йичхака Мичри, почтенного и славного, блаженной памяти – один чичит.

Всего 5 таллетов и чичитов.

Семисвечники (меноры) и подсвечники

Почтенный учитель наш и рибби Нагаму Бобович, габбай шель га-коддеш, главный и знатный гевир; и почтенный учитель наш и рибби Йаков Бабаджан, габбай верный, образованный, знатный; и почтенный учитель наш и рибби Иосиф Черкез, габбай, гевир, дорогой, достославный, благословенна память праведника; и почтенный учитель наш и рибби Бераха Нейман, образованный, мудрый, славный; и почтенный учитель наш и рибби Элиша Черкез, достославный, дорогой, знатный, во время окончания строительства бет-га-кнесета в 624 году по малому счислению [1864] 29 элула подарили четырнадцать подсвечников и одну хрустальную менору.

Почтенная госпожа Алтын, скромная, справедливая, жена Иосифа Черкеза, габбая, достославного, дорогого, знатного, благословенна память праведника, и сын ее высокочтимый Яков Черкез, молодой, милый, приятный, знатный – хрустальную менору в поминовение своего отца, вышеупомянутого.

Почтенный учитель наш и рибби Нагаму Бобович габбай шел га-коддеш, главный и знатный гевир – один серебряный подсвечник в 616 году по малому счислению [1856].

Почтенный учитель наш и рибби Яков Бабаджан, габбай верный, дорогой, славный, знатный – один варшавский серебряный подсвечник.

Один варшавский серебряный подсвечник из общинных денег.

Пара таких же варшавских серебряных подсвечников из общинных денег.

Всего 7 семисвечников и подсвечников.

Настенные подсвечники

Почтенный учитель наш и рибби Яков Бабаджан, габбай верный, дорогой, славный, знатный, и почтенный учитель наш и рибби Иосиф Черкез, габбай, гевир, уважаемый, дорогой, славный, блаженной памяти – одну пару бронзовых настенных подсвечников.

Одна пара настенных подсвечников из общинных денег.

Всего четыре настенных подсвечника.

Канделябры

Почтенный учитель наш и рибби Иосиф Черкез, габбай, предводитель, достославный, знатный, блаженной памяти, и его жена почтенная госпожа Алтын, женщина скромная и справедливая – один серебряный канделябр.

Рибби Элиша, славный, дорогой, знатный, и его жена почтенная госпожа Тотай, женщина скромная и образованная – один серебряный канделябр.

Почтенный учитель наш и рибби Яков Бабаджан, габбай верный, дорогой, славный, знатный – один серебряный канделябр в 624 году [1864] 29 элула по малому счислению.

Всего три канделябра.

Молитвенники (сиддуры)

Почтенный учитель наш и рибби Мордехай Тришкан, гевир, достославный и уважаемый, блаженной памяти – один комплект сиддура, изданного в Гезлеве [Евпатории].

Высокочтимый Моисей Тонгур, габбай, гевир, достославный, блаженной памяти – один комплект сиддура, изданного в Гезлеве.

Почтенный учитель наш и рибби Авраам Крыми, габбай, гевир, достославный, мудрый, разумный, блаженной памяти – сиддур (раздел на день субботний), изданный в Кале [Чуфут-Кале].

Высокочтимый Шемарья Пигит, уважаемый, и сын его Самуил Пигит, молодой – один сиддур (раздел на Киппур), изданный в Кале, в 631 году [1871] 11 нисана.

Четыре комплекта сиддура, изданного в Гезлеве, из общинных денег.

Всего 26 сиддуров.

Пятикнижия и книги ТаНаХ

Высокочтимый Шаббетай Кефели, гевир, достославный, возвышенный, блаженной памяти – два Пятикнижия австрийского издания в 596 году [1836] в рош ходеш сиван.

И брат его высокочтимый Исаак Кефели, габбай, уважаемый, славный, блаженной памяти – два Пятикнижия австрийского издания в 596 году [1836] в рош ходеш сиван.

Почтенный учитель наш и рибби Авраам Черкез, габбай, гевир, достославный, скромный, почтенный, блаженной памяти – два Пятикнижия.

Высокочтимый Соломон Бобович, уважаемый, возвышенный – одно Пятикнижие, изданное в Лондоне.

Почтенный учитель наш и рибби Яков Бабаджан, габбай верный, дорогой, славный, знатный – один ТаНаХ, изданный в Вене.

Пять Пятикнижий, изданных в Лондоне, из общинных денег.

Всего 13 Пятикнижий и книг ТаНаХ.

После всего вышеперечисленного [сообщаем, что] у нас с фундамента построенной кенасы нет, а есть дом молитвы, для которого мы поправили один

из домов во дворе, принадлежащем общине. В этом же дворе есть также дом для митпалеля. Один Свиток Торы с таппухим[42] из общинных денег.

Вот вся священная утварь, которая у нас имеется, да будет угодно это Отцу нашему на небесах, да ляжет роса на ложа пожертвовавших, да будут души их завязаны в узле жизни среди представших пред лице Его, да будет доброй их память и не забудется их потомками в этом мире.

Написал и подписал я, служащий сейчас [в доме молитвы], здесь в городе Карасув, малейший Самуил Пигит.

И вот пришедшие на подпись:

Габбай Яков Бабаджан.
Гевир Иосиф Шалом Бобович.
Предводитель Нагаму Бобович.
Мордехай Тавук.
Самуил Савускан.

Год 5632 [1872] по большому счислению, 22 тевета, день четвертый.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 22 (31)

[42] Навершия на Свитки Торы, иначе – венцы.

Виктор
Тирияки

ЗАКРЫТИЕ МАЛОЙ КЕНАСЫ В 1959 ГОДУ И ЛИКВИДАЦИЯ ОБЩИНЫ КАРАИМОВ В ЕВПАТОРИИ

В день освящения восстановленной Малой кенасы в Евпатории был открыт вновь созданный Мемориал, посвященный караимам, погибшим в Великой Отечественной войне на фронтах и в оккупации. Надпись на одной из его мраморных плит гласит: «*Мемориал открыт 4 сентября 1999 года в день возобновления богослужения в Малой кенасе после насильственного закрытия храма осенью 1959 года*». На момент восстановления Малой кенасы в живых уже не оставалось ни одного участника печальных событий 40-летней давности, поэтому дата закрытия Малой кенасы, хотя и была определена по воспоминаниям старейшин, но, поскольку они не являлись очевидцами, оказалась несколько неточной.

Впоследствии работа в «Карай Битиклиги» и исследование архива С.И.Кушуль[1] – одной из очевидцев закрытия Малой кенасы и активной участницы защиты прав религиозной общины караимов Евпатории – позволили подробно восстановить хронику событий и определить точную дату закрытия караимского храма. Немало интересных материалов, касающихся этой темы – в особенности о причинах закрытия Малой кенасы – нашлось и в Государственном Архиве АРК.

Религиозная община караимов Евпатории после ее ликвидации советской властью в 1927 году, возобновила деятельность во время фашистской оккупации в 1942 году. Решением городской управы верующим передавались здания Большой и Малой кенас. Молитвенные собрания проходили в Малой кенасе, в Большой кенасе был открыт и непродолжительный период действовал караимский музей[2]. Газзаном в это время служил Р.Я.Кальфа[3], старостой общины

[1] Кушуль Симит Исааковна (1906–1996) активно включилась в общественную жизнь караимов поле смерти отца в 1953 г. Многие годы занималась исследованием истории караимов, передала караимам Евпатории сохраненные ею материалы для создания музея при ЕНККО «Кардашлар» и библиотеки «Карай Битиклиги» при ДУ.

[2] По воспоминаниям евпаторийской караимки Культе Анны Ильиничны (1827–2009), мать которой работала уборщицей в кенасе во время оккупации. В «Карай Битиклиги» хранится несколько фотографий со штампом «Караимский музей» и неполная опись его экспонатов, датированных 1942–1944 гг.

[3] Кальфа Рафаэль Яковлевич (1874–1951) был газзаном в Евпатории в 1941–1944 гг. Составил полный перевод на русский язык всех надписей на мраморных плитах в Комплексе кенас.

был избран М.М.Кумыш-Кара[4]. После освобождения Евпатории в 1944 году здание Большой кенасы было добровольно передано общиной для создания детского сада. В последующие 15 лет дошкольное детское учреждение № 4 и караимский храм взаимоуважительно соседствовало на одной территории.

На общем собрании Евпаторийской Караимской Общины 10 сентября 1944 года под председательством С.Ф.Джигита (секретарь Г.С.Иртлач) в члены «двадцатки» – «эсрим» – были избраны С.Ф.Пембек, А.С.Мурза, Т.С.Гамал, А.И.Оксюз, А.С.Кефели, А.Ф.Кара, Э.И.Туршу, Б.М.Аксуяк, И.С.Кушуль, И.Б.Сарач, С.И.Иорга, С.И.Кальфа, Т.И.Коген, Ш.И.Пампу, Б.С.Каракоз, И.А.Акав, Э.М.Коген. Кандидатами в эсрим избрали И.А.Туршу и С.А.Манана. В ревизионную комисию вошли С.Ф.Кара, А.С.Мурза, Ш.И.Пампу[5]. На момент избрания эсрима в общине состояло 380 человек[6]. 23 ноября 1944 года решением Уполномоченного Советом по делам религиозных культов при СНК СССР по Крыму за № 73/22-6 караимская община Евпатории была зарегистрирована «как возобновившая свою деятельность в период немецкой оккупации Крыма»[7].

В соответствие с договором, заключенным с исполкомом Евпаторийского городского совета депутатов трудящихся от 16 августа 1945 года, общине в бессрочное бесплатное пользование передавалось здание Малой кенасы, содержание которого, отопление, ремонт, налоги и сохранение находящихся в здании предметов принимала на себя караимская община[8].

На прошедшем общем собрании общины 2 сентября 1945 года под председательством В.С. Тонгур (секретарь А.М.Бебеш) в присутствии 50 человек газзаном был избран Джигит Соломон Федорович. В исполнительный орган из «двадцатки» были избраны Э.С.Эртлач, А.С.Мурза, В.М.Юрга. В ревизионную комиссию были избраны А.Ф.Кара, Э.М.Коген, А.И.Оксюз[9].

26 мая 1946 года на общем собрании по личной просьбе газзана С.Ф.Джигита вместо него был избран Ельяшевич Борис Саадьевич,[10] проживавший к тому времени в Москве. Переезду Б.С.Ельяшевича[11] в Евпаторию из Москвы предшествовала определенная работа со стороны караимов. Так, в письме от 26 декабря 1944 года С.М.Кумыш[12] писал Б.С.Ельяшевичу: «*Что касается Евпатории, то, по-моему, эта должность за тобой сохраняется, и ты на это име-*

[4] Кумыш-Кара Марк Моисеевич (1875–1953) – легендарная личность, активист и староста евпаторийской общины периода немецкой оккупации. Во время войны он организовал швейную артель, благотворительную столовую и караимский музей; спас от расстрела славян караимского вероисповедания, проживавших в с. Комзетовка (ныне с. Вересаево Сакского р-на) и, согласно доносу обвиненных в еврействе, укрывал у себя в доме участников Евпаторийского десанта с января 1942 г. Среди караимов он был известен под прозвищем «Караман».

[5] ГАРК. Р3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 3.

[6] Там же. Л. 2.

[7] Там же. Л. 27.

[8] Там же. Л. 10.

[9] ГАРК. Р3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 11.

[10] Там же. Л. 17.

[11] Ельяшевич Берахья-Эзриэль бен Саадья (1881–1971). Духовное Управление готовит к изданию книгу с подробным описанием его жизни и деятельности.

[12] Кумыш Соломон Маркович (1888–1955) – караимский учитель в Мелитополе, Кременчуге, Бердянске, газзан в Бердянске (1913–1926), Мелитополе (1926–1929), Симферополе (1946–1949).

ешь полное право и никто не имеет право претендовать кроме тебя на это, но там община бедная, всего осталось 380 человек с детьми»[13]. Спустя полгода он же обращается к Б.С.Ельяшевичу напрямую: «*Как ты смотришь на то, что в Евпатории при Кенаса не имеется ни газзана, ни шамаша – это недопустимое явление*»[14]. На собрании Евпаторийской общины в конце февраля – начале марта 1946 года рассматривался вопрос о приглашении Б.С.Ельяшевича газзаном Евпаторийской общины. В письме, отправленном уполномоченными общины к Б.С.Ельяшевичу говорится следующее: «*Вся община очень горячо отнеслась к этому вопросу, многие члены общины выступили по данному вопросу, и все выражали свое мнение о необходимости попросить Вас быть газзаном Евпаторийской общины; при голосовании вопрос о Вас прошел единогласно и с выражением надежды у каждого видеть в Вашем лице пастыря, который мог бы объединить и сплотить наш маленький народ…*»[15].

Желание евпаторийских караимов, безусловно, базировалось на прежнем служении Б.С.Ельяшевича старшим газзаном в Евпатории в 1915–1925 годах, самоотверженной работе по сохранению «Карай Битиклиги», опыте руководителя общины, знании караимской религии и обрядовости, высоких моральных качествах. В средине апреля 1946 года в возрасте 65 лет Б.С.Ельяшевич прибыл в Евпаторию.

Отмечая активную роль Б.С.Ельяшевича в формировании религиозности караимов, уполномоченный отдела по делам религиозных культов при Крымоблисполкоме И.Македонов в отчетах в Москву характеризует его как «националиста». Мотивация И.Македонова основывается на призывах Б.С.Ельяшевича к запрещению межэтнических браков, которые, по его мнению, приводят к вымиранию караимского народа[16]. Впоследствии термины «националист», «диктатор» часто будут фигурировать в характеристиках евпаторийского газзана.

Несмотря на несколько авторитарные методы руководства Б.С.Ельяшевича, его авторитет был необычайно высок среди караимов Крыма. Являясь бесспорным лидером караимской общины Евпатории, он в то же время был основным движителем всей духовной жизни караимов полуострова. Видя в религии панацею для караимского народа, Б.С.Ельяшевич вместе с активистами посещает Феодосию, Бахчисарай, Ялту, проводит увещевательные беседы с караимами, уговаривая их создавать религиозные общины. Он прилагает все усилия, чтобы воссоздать Караимское Духовное Правление. В информационном отчете И.Македонова Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР И.В.Полянскому за I квартал 1947 года сообщается: «*…караимская религиозная община добивается организации Караимского духовного управления в Крыму. В особенности один из инициаторов в разрешении этого вопроса является старший газзан Ельяшевич, которого поддерживают и верующие*»[17].

---

[13] «Карай Битиклиги» (КБ), архив Б.С.Ельяшевича. Письмо С.Б.Кумыша от 26.12.1944.

[14] Там же. Письмо С.Б.Кумыша от 4.06.1945.

[15] Там же. Датировка письма отсутствует, но рукой Б.С.Ельяшевича написано: «Получено мною в конце марта 1946 г. в Москве».

[16] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

[17] Там же.

В Евпатории молитвы проводятся ежедневно, постоянно растет число верующих. В 1950 году верующих числилось 41 человек. В обычные дни кенасу посещали не более 10 человек, в дни праздников до 50 «*с преобладающим большинством женщин престарелого возраста*»[18]. В 1953 году в общине зарегитрировано 100 человек, в 1955 численность доходит до 150 человек[19]. По информации уполномоченного отдела по делам религиозных культов при Крымоблисполкоме М.М.Рудакова о состоянии и деятельности общин и групп в Евпатории на 23 ноября 1954 года, в простые дни собирались 13–60 человек, в праздники – до 150 человек[20]. Иногда в дни праздников (Песах, Суккот) за счет приезжих из городов Симферополя, Бахчисарая, Феодосии и др. мест посещаемость доходила до 250–300 человек[21].

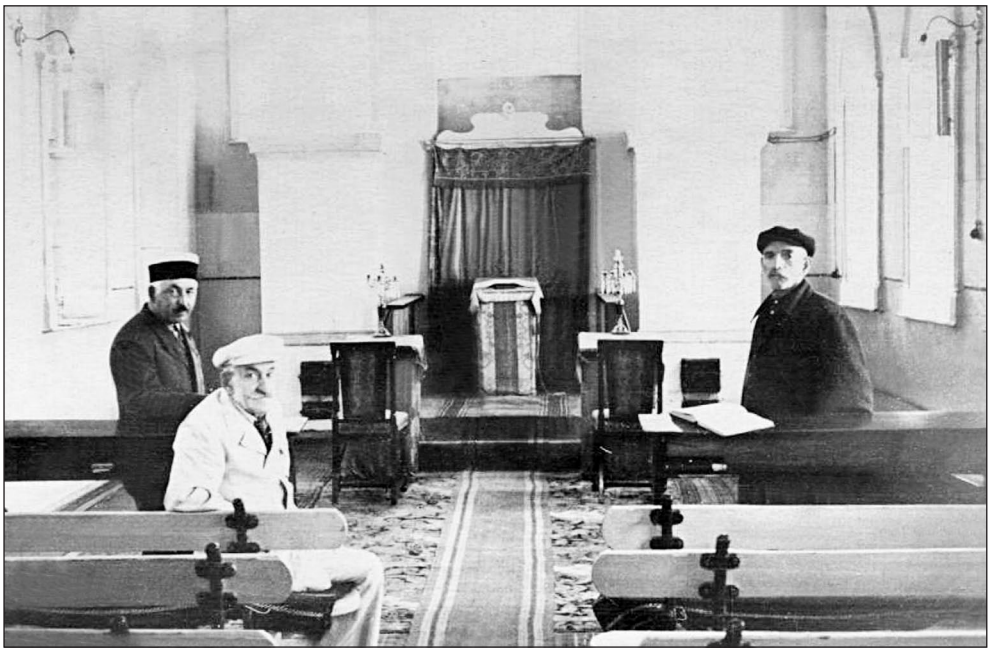
На 1 января 1951 года в штате караимской религиозной общины состояло 5 человек с ежемесячной выплатой заработной платы в 1000 рублей[22]. В конце 1958 года в штате числилось 6 человек с месячной зарплатой в 1965 руб. Среди штатных сотрудников находился «каббар» – лицо, «*которое отвечает за омовение и погребение умерших*»[23].

Возраст членов общины свидетельствует, что это были практически пенсионеры 1878–1910 годов рождения. Единственным исключением, пожалуй, являлась Т.Г.Терьяки 1925 года рождения[24]. По состоянию на 1 января 1951 в общине числилось 40 человек верующих, в том числе 13 мужчин. По возрастному составу они были распределены по следующим группам: от 18 до 25 – нет, от 25 до 40 – нет, от 40 до 50 – 12 человек, от 50 до 60 – 7 человек, от 60 до 70 – 13 человек, от 70 до 80 – 14 человек, от 80 – 3 человека[25].

В сентябре 1957 года Евпаторию посетил Уллу хаззан С.А.Фиркович[26], исполнявший почетную обязанность духовного главы караимов Литвы. В кенасе в присутствии 40 прихожан он провел молебен вместе с Б.С.Ельяшевичем. В доме у С.И.Кушуль была организована встреча С.А.Фирковича. с караимами Евпатории, в которой участвовали 26 человек[27]. Встреча не была санкционирована Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Крымском облисполкоме, и газзан Б.С.Ельяшевич, присутствующий на ней, «*был предупрежден в последний раз*»[28].

В апреле 1958 года Б.С.Ельяшевич инициировал собрание общины, на котором, ссылаясь на свой преклонный возраст (77 лет) заявил, что с 1 июня оставляет свой пост. В поисках новой кандидатуры караимы Евпатории обратились к жителю г. Симферополя И.Я.Культе, который, отказавшись по уважительным

[18] ГАРК. Р3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 27.
[19] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 12. Л. 91.
[20] Там же.
[21] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
[22] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 4. Л. 88–89.
[23] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
[24] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
[25] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 4. Л. 88–89.
[26] Фиркович Семен Адольфович (1897–1962) – караимский поэт, религиозный лидер караимов Литвы, Уллу хаззан (Старший газзан) в 1920–1982 гг.
[27] КБ. Фотоархив.
[28] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

Малая кенаса. Слева направо: и.о. газзана Я.С.Ельяшевич, Е.Э.Безекович, Я.А.Фарумда

причинам (возраст и больная жена), предложил на должность евпаторийского газзана избрать ростовчанина Б.Я.Кокеная[29]. Несмотря на желание Б.Я.Кокеная переехать на постоянное место жительства в Евпаторию, по ряду причин это предложение не могло быть осуществимо. Желание Б.С.Ельяшевича оставить должность газзана диктовалось еще и его стремлением завершить научный труд по истории караимов. В силу ряда причин желание евпаторийских караимов не могло быть релизовано, и на должность газзана, вместо отстраненного М.М.Рудаковым Б.С.Ельяшевича, в ноябре был избран Я.С.Ельяшевич[30].

На вторую половину июля была запланирована конференция караимоведов СССР и Польши, но по каким-то причинам она не состоялась[31]. Быть может, власти просто решили не привлекать лишнего внимания к караимам, но, несмотря на это, в июле 1958 года по командировке Академии Наук СССР в Евпаторию для сбора лексического материала приехала группа ученых, занимающихся изучением караимского языка. Среди них были представители Института языкознания во главе с Н.А.Баскаковым и представитель Польской АН академик А.А.Зайончковский[32]. Поездка состоялась в соответствии с пла-

[29] КБ. Фонд Кокеная Б.Я. Письмо Я.А.Фарунда Б.Я.Кокенаю от 22.04.1958, № 2912.

[30] Ельяшевич Яков Самойлович (1899–1984) – избранный на должность газзана в октябре 1958 г., он так и не был утвержден в этой должности уполномоченным отдела Крымоблисполкома по делам религиозных культов.

[31] КБ. Фонд Кокеная Б.Я.. Письмо С.М.Шапшала Б.Я.Кокенаю от 6.08.1958, № 2923.

[32] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

ном работ по изданию караимско-русско-польского словаря[33]. Для ознакомления властей с целью своего приезда ученые посетили горисполком, городской комитет партии и краеведческий музей. В помощь ученым Евпаторийский горком партии прикрепил директора краеведческого музея Б.А.Ермака.

Община решила организовать торжественный прием ученым-тюркологам, один из которых – А.А.Зайончковский – был караимом. Евпаторийский горисполком запретил это мероприятие, вместо него на 17 июля было назначено собрание с верующими во дворе кенасы. В связи с небольшим количеством прихожан, пришедших на собрание, встречу перенесли на 21 число.

К назначенному времени во дворе кенасы собрались более 40 человек. Газзан Б.С.Ельяшевич поблагодарил ученых за визит, отметил важность предстоящих исследований, призвал всех оказывать помощь в сборе материалов, необходимых ученым для работы, а затем перешел к изложению своего взгляда об исключительной роли караимов в мировой истории. Ему оппонировал директор краеведческого музея Б.А.Ермак, присутствующий на встрече. Газзана поддержали некоторые из прихожан, в результате собрание приняло бурный характер и положительных результатов, ожидаемых всеми участниками, не принесло[34].

28 июля караимы Евпатории все же устроили ученым торжественные проводы в доме сестер Л.Ф. и Н.Ф.Авах по ул. Революции, 71. Присутствовали Н.А.Баскаков с женой, А.А.Зайончковский с дочерью, караимская интеллигенция города, члены «двадцатки» – всего 27 человек[35].

В сентябре Крым посетил профессор С.М.Шапшал. Он побывал в Евпатории, Симферополе, Феодосии, Бахчисарае и Кале, встречался с друзьями и родственниками, лечился, проходил процедуры, прочел лекцию в Ханском дворце, консультировал его руководство по созданию музея в кенасе Кале. Опасаясь провокаций со стороны властей и, как следствия – репрессивных последствий для общины караимов Евпатории, С.М.Шапшал кенасу не посещал.

О приезде ученых в Евпаторию и их встречах с караимами уполномоченный М.М.Рудаков узнал от сотрудников Комитета государственной безопасности. Вполне вероятно, что, проанализировав «негатив» караимов за последние годы (приезд и проведение молебна Уллу хаззаном[36] С.А.Фирковичем из Литвы и его встречи с караимами, посещение караимов Крыма С.М.Шапшалом, публичные высказывания газзана-«националиста» Б.С.Ельяшевича о роли караимов в мировой истории, избрание евпаторийской общиной по согласованию с С.М.Шапшалом вместо престарелого Б.С.Ельяшевича другого газзана – Я.С.Ельяшевича и др.) он, ввиду возросшего личного недовольства, резко меняет свое отношение к руководству общины. Действия караимов, не противоречащие Советской конституции, в его «сигналах» приобретают извращен-

[33] Караимско-русско-польский словарь под ред. Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала. «Русский язык», М., 1974.

[34] ГАРК. Р. 3295. Оп. 1. Д. 21. Л. 186–190.

[35] Пофамильный список присутствующих, размер «складчины», меню и затраты приведены в отчете, составленном С.И. Кушуль – КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3 Л. 36, 39.

[36] Должность «Уллу хаззан» у караимов Литвы соответствует «Старшему газзану» у караимов Крыма.

Встреча караимов Евпатории с уллу газзаном С.А.Фирковичем. 1957г.

ную трактовку, граничат с уголовной ответственностью, подрывают единство СССР: они исполнены махрового национализма.

В секретной записке председателя Евпаторийского горисполкома В.Горелышева на имя Уполномоченного Крымского облисполкома по религиозным культам М.М.Рудакова от 19 января 1959 г. акт караимского гостеприимства по отношению к ученым А.А.Зайончковскому и Н.А.Баскакову будет представлен одной из многих попыток «ПОКРОВИТЕЛЕЙ КАРАИМСКОЙ РЕЛИГИИ» по созданию центра националистической работы в Крыму.[37]

По убеждению М.М.Рудакова, акция по разжиганию караимского национализма была разработана С.М.Шапшалом и осуществлена под его непосредственным руководством, для ее реализации ему удалось привлечь не только частных лиц и ученых в отдельности, но и некоторые научные учреждения: Институт истории и права Литовской ССР, Институт языкознания АН СССР, АН Польской республики.[38] Поскольку авторитет С.М.Шапшала среди караимов и ученых СССР, Литвы и Польши был необычайно высок, для дискредитации ученого стали использовать пасквильную брошюру о его пребывании в Персии и близком знакомстве с императорской семьей и лично с Николаем II[39].

[37] ГААРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
[38] ГААРК. Р3295. Оп. 1. Д. 21. Л. 186–190.
[39] ЗОИЛ. «Правда о Шапшале-персидском, гахаме караимском», 1917.

В ноябре 1958 г. уполномоченный М.М.Рудаков отказался регистрировать газзаном общины Я.С.Ельяшевича, стал настаивать на закрытии кенасы. В процесс борьбы с «караимским национализмом» включились партийные и советские органы Крыма, власти Евпатории, горфинотдел.

В упомянутой выше секретной записке председатель Евпаторийского горисполкома «в целях предотвращения создания центра караимского духовенства в Крыму просит закрыть кенасу в г. Евпатории». Уполномоченный М.М.Рудаков получил записку 24 января, а уже через 5 дней – 29 января 1959 года – Исполнительный Комитет Крымского областного Совета Депутатов Трудящихся принял решение № 81 «О закрытии караимского зарегистрированного религиозного общества в г. Евпатории», в нем отмечалось:

«*Рассмотрев заключение Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Облисполкоме о деятельности зарегистрированного общества караимов в г. Евпатории, Облисполком установил, что данное общество, несмотря на неоднократные предупреждения Уполномоченного Совета, систематически нарушает советские законы о культах: деятельность этого общества и его служителей вышла за пределы культовых целей, они не ограничиваются местом жительства членов общества г. Евпатории, а распространяют свою деятельность почти на всю Украинскую республику, верующим оказывают незаконную материальную помощь из кассы общества; под вывеской религиозных убеждений, группа националистов кенасу использует в своих целях; распространяется религиозная литература.*

Исполнительный Комитет Крымского Областного Совета Депутатов Трудящихся решил:

Просить Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР закрыть караимское религиозное общество в г. Евпатории, а находящееся в пользовании этого общества здание возвратить горисполкому для использования его под культурно-просветительные учреждения»[40].

Известия о закрытии кенасы в Евпатории быстро распространились среди караимов, но в это никто не хотел верить. Московский караим А.И.Фуки в письме к своим родственникам от 11 февраля 1959 года писал: «*Во-первых, нет такой организации, а тем более человека, который смог бы закрыть кенасу для верующих. Это мне ответили в Совете по религиозным культам при Совете Министров СССР. Во-вторых, где сейчас находится детский сад, там будет филиал музея краеведческого, специально отображающего историю, этнографию, культуру нашего народа*»[41].

Власти Евпатории и Крыма почти праздновали победу по закрытию кенасы, как дело получило совершенно неожиданный оборот. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ УССР П.Вильховой, ознакомившись с заявлением Крымоблисполкома и изучив все информационные материалы, отправленные из Крыма в вышестоящие организации, 19 февраля 1959 года направил в Москву на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А.Пузина заключение, содержащее следующий вывод: «не

[40] ГАРК. Р3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
[41] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2. Л. 39.

нахожу основания вносить предложение Совету по делам религиозных культов о снятии с регистрации общества караимов г. Евпатории». Проанализировав информационные материалы, полученные от уполномоченного по Крыму М.М.Рудакова, П.Вильховой отмечал, что ни в одном из них за последние годы не было даже намека о нарушении законодательства. Не нашли согласия и постоянные «финансовые нарушения» караимов, о которых было заявлено только во второй половине 1958 года. Вызвало сомнение у П.Вильхового и «незначительное количество верующих караимов Евпатории», т. к. по предыдущим отчетам посещение кенасы доходило до 300 человек[42].

Заключение П.Вильхового явилось полной неожиданностью как для Крымского облисполкома, так и для руководства Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, а возможно и стало впоследствии причиной его увольнения с занимаемой должности уполномоченного.

Не получив поддержки у П.Вильхового и поняв всю бесперспективность «вербовки» так и не утвержденного газзана Я.С.Ельяшевича, власти Евпатории и Крыма разработали другой план по ликвидации караимской общины. Они решили использовать руководство детского сада № 4 и родителей для проведения активной работы по дискредитации караимов и закрытию кенасы.

26 марта 1959 года в детском саду № 4, занимавшем здания Большой кенасы и мидраша, состоялось общее родительское собрание. С докладом «О коммунистическом воспитании подрастающего поколения» выступила заведующая Е.А.Киселева. В докладе и выступлениях говорилось о негативном влиянии верующих караимов (!) на подрастающее поколение, что правильному воспитанию детей мешает то, что на территории детсадика расположился (!) молитвенный дом – кенаса. Собрание родителей единогласно приняло резолюцию следующего содержания: «*Считая дальнейшее функционирование на территории детского сада № 4 молитвенного дома несовместимым, а также противоречащим нормам санитарного режима, просим горисполком и гороно принять неотложные меры к тому, чтобы на территории детсада не было молитвенного дома*»[43]. Для публичного позора верующих караимов и обвинении их в тлетворном влиянии на подрастающее поколение в местной газете была опубликована порочащая статья под названием «Это – несовместимо!».

Днем ранее, 25 марта, в Евпатории прошла каникулярная общегородская учительская сессия, на которой присутствовали до 200 человек. На ней заведующий Областным Отделом культов М.М.Рудаков прочел лекцию на тему «Религиозные, реакционные секты в Крыму, с которыми следует вести борьбу». К числу реакционеров были отнесены баптисты, евангелисты и караимы; религию последних лектор охарактеризовал как еврейское сектантство, а сами они были названы отатарившимися евреями. В адрес «караимской секты» прозвучали обвинения в проведении подпольных собраний, встречах с иностранцами (имелась в виду встреча с академиком Польской АН А.А.Зайончковским). В заключение сессии выступил присутствующий педагог А.В.Кискачи и указал на ошибочность мнения лектора. После окончания сессии при частной беседе с М.М.Рудаковым к его оппонентам обратилась сотрудница городского

[42] ГАРК. Р. 3295. Оп. 1. Д. 22. Л. 23–26.

[43] Советская здравница № 39 (6194) от 29.03.1959. КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2. Л. 38.

комитета партии примерно с такими словами: «*Вы уж не говорите! Нам по этому поводу целое лето морочил голову приехавший Кобецкий, и вопрос о караимах мы еще пересмотрим*»[44].

8 апреля за подписями всех членов «эсрима» в Евпаторийский горисполком с копией М.М.Рудакову от верующей части караимов гор. Евпатории было направлено заявление на статью «Это – несовместимо!» в газете «Советская здравница» с убедительной просьбой разрешить старикам и старухам продолжать молиться в здании кенасы[45].

Сразу после лекции М.М.Рудакова А.В.Кискачи от своего имени подал заявление в отдел пропаганды и агитации Крымского обкома КПУ, где сообщил об искажающей действительность и порочащей караимов лекции Рудакова и просил пресечь на будущее подобные его лекции. Как на один из фактов признания государством караимской народности, он указал, что у него, как и у остальных караимов, указана национальность «караим»[46]. Аналогичного содержания заявление в Обком КП Украины 11 апреля 1959 года подала и С.И.Кушуль.

Через десять дней в Евпаторию приехал М.М.Рудаков, которому от имени эсрима было подано заявление с просьбой, ввиду наступления 22 апреля праздника Песах, утвердить Я.С.Ельяшевича в должности газзана хотя бы на пасхальную неделю. На эту просьбу М.М.Рудаков «*ответил категорическим и безапелляционным отказом*»[47].

28 апреля 1959 года в газете «Крымская правда» была опубликована заметка коммуниста С.Лихачева, отражающая слабую подготовку внештатного лектора КПУ М.М.Рудакова, который «*не сумел раскрыть перед аудиторией реакционную сущность религиозного сектантства, их мракобесие*»[48]. 18 мая Заведующим отделом пропаганды и агитации Крымского обкома КП Украины В.Волковым был направлен ответ следующего содержания: «*Тов. Кушуль! В ответ на Ваше письмо о лекции т. Рудакова сообщаем, что он приглашался на беседу в отдел пропаганды и агитации обкома партии*»[49]. Разумеется, что и статья в газете и беседа в обкоме партии только подлили масла в «священный огонь» борьбы М.М.Рудакова с караимами.

Последовавшие вскоре события развивались стремительно, и целью их, без всякого сомнения, было желание властей указать караимам-маргиналам соответствующее им место и обезопасить себя на будущее от возможных неприятностей.

Участница событий С.И.Кушуль в письме к научному секретарю Государственного музея этнографии народов СССР З.В.Калинниковой об этом сообщает следующее:

«*30 мая приехавший РУДАКОВ созвал караимов, а главным образом "двадцатку" в кенасса. Пошла узнать, в чем дело и я. Кроме Рудакова было еще*

[44] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 41.
[45] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3, Л. 19а–22а.
[46] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2. Л. 11.
[47] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 35.
[48] Крымская правда от 28.04.1959, № 84 (10773). КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 43.
[49] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 16.

7 чел. представителей власти. Основным вопросом было сообщение РУДАКОВА о решении Отдела Религиозного Культа при Совете Министров СССР от 8.V[50] о передаче помещения молитвенного дома караимов горисполкому; постановление вынесено на основании ходатайства родителей Евпаторийского детсада № 4, прошедшее соответствующие инстанции.

Одновременно указано, что религиозную общину караимов с регистрации не снимать, т. е., как пояснил Рудаков, караимам следует самим подыскать помещение, где-либо в частном доме, т. к. городские власти предоставить такового, взамен отобранному, не могут.

Взяв по этому вопросу слово, в связи с тем, что тут же были представители местных властей, я попросила, что поскольку согласно решению Москвы здесь не может находиться молитвенный дом, то, чтобы это помещение (т. е. хотя бы помещение "малого кенасса") было бы отдано под музей.

На это РУДАКОВ мне ответил, что здание числится под охраной закона, как памятник старины, оно детсадом не будет разрушаться, но тут же не преминул "поддеть" меня, сказав: "напрасно Вы агитируете верующих, что с их уходом здание будет разрушаться. Это может привести к неприятностям для Вас"».

И далее через абзац:

«*Во всей этой истории меня поразило то, что тут же, после объявления, не выходя из кенассы, было предложено все имущество кенассы тот час же снести в кладовую и сдать на ответственное хранение детсаду и помещение кенассы тут же в присутствии представителей города было передано детсаду, который тот час же на него повесил свой замок. Так что не только не было представлено другое помещение (ведь вообще-то кенасса, т. е. моление караимов, Москвой не закрыто), но даже не дали абсолютно никакого срока, чтобы верующие караимы могли бы подыскать другое помещение или хотя бы обсудить положение в связи с этим.*

В этом, Зоя Васильевна, я также усматриваю ту недоброжелательность последнего времени со стороны местных властей к караимам, о которой я писала выше.

В силу этого же, я убеждена, что Евпаторийским Горисполкомом заявление, поданное верующими караимами, не было препровождено по инстанции вместе с заявлением родителей и при рассмотрении этого вопроса в Москве оно не фигурировало»[51].

Некоторые дополнения к происходящим событиям можно найти в тексте составленного караимами Евпатории письма в Президиум Верховного Совета СССР:

«*…В просьбе верующих отложить передачу помещения хотя бы до понедельника, так как суббота является праздничным днем у караимов, им было отказано.*

Тут же, по окончании собрания, завхозу кенасы было предложено вынести все имущество кенасы из молитвенного зала в подсобную комнату-кладовую кенасы и сдать на хранение детсада. Тут же были приглашены рабочие (види-

[50] Копия постановления караимам вручена не была, несмотря на их неоднократные просьбы.
[51] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2 Л. 13–14.

мо специально ожидавшие на улице) и алтарь сразу же был сломан, разобран и вынесен из молитвенного зала, совершенно опустевшего, на дверь которого тотчас был повешен замок детсада»[52].

В тот же день – 30 мая – Евпаторийский горисполком принял решение[53] о передаче здания кенасы детсаду № 4 для его расширения, а исполняющий обязанности газзана Я.С.Ельяшевич подал заявление в «двадцатку» с просьбой об увольнении с 1 июня и дальнейшем нежелании работать в общине[54]. Летом из состава учредителей вышли А.А.Юрга, В.М.Юрга, Б.Капон и Б.И.Гелелович. В связи с тем, что в составе учредителей осталось всего 16 человек, М.М.Рудаков обратился с предложением о снятии с регистрации караимской общины Евпатории.

Была поставлена еще одна галочка в исполнении решений партии. Приближался «судьбоносный» XXII съезд КПСС, на котором готовились принять новую программу партии. Советским гражданам было обещано к 80-му году построение коммунизма, а в идеальное человеческое общество нельзя входить с религиозными пережитками, атеизм должен одержать верх в борьбе за человеческое сознание. При встрече с главой газетно-издательского треста в ноябре 1957 года Н.С.Хрущев заявил, что в СССР верующих в бога становится все меньше и меньше, что «*научное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога*». Слово вождя не могло расходиться с делом, с действительностью, атеистическая машина была включена и работала на полную мощь по всей стране. В газете «Крымская правда» за 3 августа 1959 года о победе над верующими писалось следующее: «*Только за последнее время в Крыму отказались от сана 4 священника… по решению самих трудящихся в области закрыты 4 церкви и одна кенесси*».[55]

Сразу после конфискации здания кенасы караимы начали ходатайствовать о создании караимского историко-этнографического музея в здании храма. Были составлены и направлены письма в комиссии партийного контроля ЦК КПУ и ЦК КПСС, в Верховный Суд СССР, Генеральному прокурору СССР, газету «Правда». В этом им активно помогали караимы Москвы и, в частности, А.И.Фуки. Несмотря на то, что со стороны караимов предлагалась активная помощь в сборе материалов для будущего музея, власти не поддержали их инициативу. 12 марта 1960 года на имя евпаторийского караима Е.Л.Безековича, отправителя обращений, из Управления культуры исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся пришло письмо следующего содержания:

«*Уважаемый тов. Безекович!*

Крымское областное Управление культуры, рассмотрев Ваше письмо Генеральному прокурору Союза ССР с предложением о создании в Евпаторийской кенассе караимского музея, сообщает следующее:

В гор. Евпатории при краеведческом музее создан отдел, посвященный истории и культуре караимов.

---

[52] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2. Л. 1.
[53] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 64.
[54] ГАРК. Р3295. Оп. 3. Д. 14. Л. 56.
[55] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 31.

Учитывая это, Управление культуры считает нецелесообразным создавать в г. Евпатории отдельный караимский музей.

Управление культуры готовит предложения по улучшению экспозиции караимского отдела Евпаторийского краеведческого музея и усилению работы, связанной со сбором караимского историко-этнографического материала.

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ КРЫМОБЛИСПОЛКОМА (П.РЕЗАНОВ)»[56].

Караимы лишились здания кенасы, но поскольку с регистрации община не была снята, они занялись поиском помещения для проведения молитвенных собраний. Когда помещение было найдено, техническая комиссия потребовала от караимов чуть ли не полной его перестройки, поэтому стали подыскивать иное помещение. Во время переговоров с владельцем нового помещения, находившегося в частном доме караимки Шакай, 3 мая 1960 года председатель общины М.Ю.Синани получил сообщение о снятии с регистрации караимской общины и полной ее ликвидации.

На следующий день, 4 мая, власти полностью изъяли имущество кенасы, потребовали сдать все имеющиеся денежные средства в фонд государства. Вся мебель передавалась детскому саду, без оформления надлежащих документов были изъяты скамьи, ковры, дорожки, часы, канделябры, печать общины. Из 6094 рублей общинной кассы 4000 рублей было перечислено государству, а 2094 рублей оставлено под отчет М.Ю.Синани, И.С.Фарумда, В.С.Тонгуру на содержание кладбища[57]. По акту было изъято 3 Сефер Тора, 7 парохетов, 7 головных уборов газзана, 2 таллета, 54 шетара, 467 томов духовной библиотеки[58]. 9 мая завотделом культуры Евпаторийского горисполкома разъяснил С.И.Кушуль, что «*караимская община снята с регистрации согласно письму Отдела Религиозных культов при Совете Министров от 25 марта 1960 г. и постановления горисполкома от 22 апреля 1960 г.*»[59]. Причины, по каким община снимается с учета, объяснены не были. Гражданке С.И.Кушуль, как и ранее обращавшимся караимам И.С.Фарумда и В.С.Тонгур, несмотря на их просьбы, копии документов о снятии общины с учета выданы не были.

На момент закрытия и изъятия здания кенасы никто из караимов не знал о Постановлении Правительства СССР от 8 апреля 1929 года. На основании 44-й статьи Постановления они могли в двухнедельный срок просить об отмене решения о конфискации здания храма. Свои права они постарались реализовать сразу же после снятия общины с регистрации. С.И.Кушуль было составлено письмо в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой восстановить регистрацию общины и возвратить конфискованное имущество[60]. Однако никто из оставшегося состава «двадцатки» не решился его подписать, на 14 мая 1960 года письмо не было отправлено.

[56] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-2. Л. 9.
[57] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 60.
[58] ГАРК. Р. 3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 61.
[59] КБ. Фонд Кушуль С.И.
[60] КБ. Фонд Кушуль С.И. Д-3. Л. 1–3.

Так усилиями «самого демократического государства в мире» в 1960 году была ликвидирована караимская религиозная община в Евпатории – духовном центре крымских караимов.

Детский сад на территории кенасы ликвидировали через 9 лет после закрытия Малой кенасы – в 1968 году.

Караимская религиозная община Евпатории свидетельство о государственной регистрации за № 1 получила 20 августа 1991 года.

Музей истории и этнографии крымских караимов им. С.И.Кушуль открыли в Евпатории 9 августа 1996 года.

Малая кенаса, восстановленная силами караимов, была открыта 4 сентября 1999 года.

Право собственности на Комплекс караимских кенас Караимская религиозная община получила 17 июля 2009 года.

Лаколь земан – всему свое время.

Приложение

(ГАРК. Р. 3295. Оп. 1. Д. 21. Л. 186–190)

Секретно
экз. № 5
21 ноября 1958 г.

Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР
тов. Пузину А.А.

Уполномоченному Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Украинской ССР
тов. Вильховому П.А.

Секретарю Крымского Обкома КП Украины
тов. Комяхову В.Г.

Председателю Крымского Облисполкома
Тов. Филлипову И.М.

Информация
О пребывании караимских научных сотрудников в Евпатории
и отношение к ним
исполнительного органа и газзана караимской кенасы

При выезде на место выяснилось следующее:

В конце июля и начале августа сего года в Евпаторию приезжали следующие научные сотрудники караимов:

Из института языкознания АН СССР – БАСКАКОВ Н.А. и КАБЕЦКИЙ

Из академии наук Польской республики – ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.А.

Вышенаименованные лица были в Евпаторийском горкоме партии и горисполкоме. Горком партии для оказания практической помощи на месте этим научным работникам прикрепили директора Евпаторийского музея тов. Ермак.

Основная цель приезда в Евпаторию караимских ученых, якобы, собрать материал и различные научные исторические ценности для составления Караимско-польско-русского словаря.

Эти ученые остановились в гостинице. Верующие караимы, в частности, газзан кенасы гр. ЕЛЬЯШЕВИЧ Борис, был заранее извещен о приезде наименованных ученых в г. Евпаторию. Потому совет кенасы и газзан ЕЛЬЯШЕВИЧ со своим религиозным активом, доктором ДЖИГИТОМ, бухгалтером КУШЕЛЬ С.И., БАЗИКОВИЧЕМ (все 3 человека не члены «двадцатки», но актив кенасы) решили торжественно встретить и проводить этих ученых. Они думали устроить вечер-банкет для встречи, с этой целью приступили к сбору средств, но горисполком сумел вмешаться и сбор денег сорвать.

Тогда решили провести во дворе кенасы собрание-митинг верующих караимов в честь приезжих ученых: БАСКАКОВА и ЗАЙОНЧКОВСКОГО. С согласия ЕЛЬЯШЕВИЧА Бориса актив кенасы: КУШЕЛЬ С.И., БАЗИКОВИЧ и ЕЛЬЯШЕВИЧ Яков обошли по домам верующих с приглашением их в кенасу на встречу с БАСКАКОВЫМ и ЗАЙОНЧКОВСКИМ, одновременно договорились и с учеными о дне и часе встречи.

17 июля сего года БАСКАКОВ и ЗАЙОНЧКОВСКИЙ пошли в кенасу под видом осмотра исторических ценностей. Во дворе кенасы их встретил актив верующих караимов во главе с ЕЛЬЯШЕВИЧЕМ. В этот день на встречу прибыло до 20 человек. Это не удовлетворило ни ученых, ни организаторов, потому более массовую встречу перенесли на 20 июля сего года, а в этот день ограничились осмотром кенасы и короткими беседами с теми верующими, которые пришли на это собрание.

20 июля сего года собралось во дворе кенасы до 35–40 человек верующих караимов и ученые. Со вступительной речью выступил газзан ЕЛЬЯШЕВИЧ. В своей речи поздравил этих ученых, а потом говорил, что этот маленький караимский народ в истории человечества сыграл огромную роль; по его словам выходит, что караимы были первыми создателями культуры, науки на земном шаре, что это один из умнейших народов и в данный момент, что этот народ в Крыму пережил много различных правительств, но со всеми сумел ужиться.

Далее ЕЛЬЯШЕВИЧ призывал караимов передать ученым, у кого имеется, старинные книги, имеющиеся ценные исторические вещи и т. д., как доказательство того, что караимы были первоначальными организаторами и носителями культуры.

Этот митинг мог развернуться, но прикрепленный горкомом партии к этим ученым тов. ЕРМАК сумел культурно сорвать остальные выступления, чем вызвал недовольство ученого ЗАЙОНЧКОВСКОГО и актива верующих караимов. Последний заявил, что они рады этой встрече, но по душам не удалось поговорить.

Актив кенасы с помощью ЕЛЬЯШЕВИЧА Бориса сумел в конце июля у доктора Джигита и Авах по ул. Революции, в доме № 71 устроить встречу БАСКАКОВА и ЗАЙОНЧКОВСКОГО с караимской интеллигенцией, где был организован и банкет. На этой встрече присутствовало до 15 человек. Что там говорили, узнать не удалось.

Считаю, что цель приезда этих ученых и ранее приезжавших ученых караимов ШАПШАЛА, кроме того, ФИРСОВИЧ и других, идет гораздо дальше, чем составить словарь. Между прочим, ШАПШАЛУ С.М. в составлении так называемого словаря отводится в их плане большая роль. Он является лицом, которое координирует научные учреждения, которые принимают участие в этой работе: а) институт языкознания АН СССР; б) институт истории и права АН Литовской ССР; в) академия наук Польской республики.

Из беседы с Евпаторийскими караимами: ЕЛЬЯШЕВИЧЕМ Борисом, ЯКОВОМ, ДЖИГИТОМ, БАЗИКОВИЧЕМ и другими выясняется, что им требуется доказать, что караимский немногочисленный народ является основателем всей культуры и нации, что он самый умный и образованный. Вывод после беседы с ними можно сделать, что не будь караимов, не было бы и современной науки и культуры.

Ученые караимы много ходили по квартирам верующих, о чем они там беседовали, для меня неизвестно.

По заявлению ЕЛЬЯШЕВИЧА Бориса и Якова видно, что в период немецкой оккупации Крыма ШАПШАЛ сыграл огромную роль в спасении караимов от немецкой каторги и расстрелов. Они заявляют, что к ШАПШАЛУ, который находится в Литве, из Евпатории и Крыма ездило несколько караимских делегаций, которые просили его доказать гитлеровцам, что караимы – это не евреи, а особая караимская национальность, принадлежащая к тюрским народам.

До 1917 года ШАПШАЛ проживал при Персидском шахе Магомете. Об этом хорошо описано в небольшой брошюрке, изданной в 1917 году. Автор этой книжонки – ЗОИЛ. Наименование брошюры: «Правда о ШАПШАЛЕ – Персидском ГАХАМЕ караимском». В этой книжонке ссылаются на фельетон о ШАПШАЛЕ, напечатанный в газете «Утро России» от 4 февраля 1917 года, фельетон подписан журналистом А.ТАМАРИНЫМ.

В книжке описывается, что ШАПШАЛ, находясь в Персии, был сподвижником шаха МАГОМЕТА и основным помощником в жестоком, кровавом подавлении национально-освободительного движения персидского народа. Данная книжка имеется у «соседей».

Пенсионер КАБЕЦКИЙ себя считает сотрудником того же института, где работает БАСКАКОВ. Был обижен, что его караимы не приглашали на банкет, а сам все время посещал квартиры верующих по сбору исторического материала для караимов.

Газзан кенасы ЕЛЬЯШЕВИЧ Борис и члены исполнительного органа меня не поставили в известность о вышеизложенном, кроме того, с согласия ШАПШАЛА (хотя последний юридически отошел от руководства кенасами,

но практически руководит ими) газзан ЕЛЬЯШЕВИЧ Борис собрал собрание «двадцатки», где снял с себя должность газзана, в виду глубокой старости, и избрали нового газзана Ельяшевич Якова, а меня об этом в известность не поставили. За такие проделки ЕЛЬЯШЕВИЧА Бориса исполнительный орган с регистрации снял, нового газзана ЕЛЬЯШЕВИЧА Якова регистрировать отказался.

Прошу Совет и уполномоченного при Совете Министров УССР дать санкцию на закрытие караимской кенасы (причины вышеизложенные).

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Крымском облисполкоме М.Рудаков.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 10 (19), 11 (20)

Вячеслав Ельяшевич

«КАРАЙ БИТИКЛИГИ». КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Часть I. Досоветский период (1916–1920)

В данной работе мы не претендуем на абсолютную новизну материала, так как Караимская национальная библиотека «Карай Битиклиги» в последние годы достаточно подробно изучена историком Д.М.Парафило, автором ряда статей, освещающим самые разные аспекты ее истории. Мы же ставим перед собой задачу дать нашим читателям общую историю библиотеки, разделив ее на два основных периода: 1. Дореволюционный период (1916–1920) и 2. Советский период (1920–1931). Впервые используются документы из архива бывшего смотрителя «Карай Битиклиги» Б.С.Ельяшевича, а также другие новые источники.

Караимскую национальную библиотеку «Карай Битиклиги» можно сравнить со сгорающей и восстающей из пепла мифологической птицей Феникс – дважды она была ликвидирована и трижды восстановлена, выведена на свет из полного небытия, но уже в другом качестве. Собственно говоря, библиотека, известная под названием «Карай Битиклиги», о которой будет идти речь в настоящей статье, была основана караимским Гахамом Серайей Марковичем Шапшалом (1873–1971). В конце декабря 1915 года С.М.Шапшал приехал из Петрограда в Евпаторию, чтобы вступить в обязанности Таврического и Одесского караимского Гахама, а уже в июне 1916 года он предпринял меры к возрождению караимской библиотеки при Духовном Правлении. Название библиотеке дал также С.М.Шапшал. «Карай Битиклиги» с караимского (крымскотатарского языка) переводится как «Караимская библиотека», в русском языке ее было принято называть «Караимская национальная библиотека».

По словам последнего заведующего библиотекой Бориса Саадьевича Ельяшевича (1881–1971), начало ей было положено еще в 1805 году известным караимским ученым Иосифом-Соломоном Луцким, известным под акронимом Яшар (1768–1844). В то время библиотека находилась в караимском мидраше Евпатории и насчитывала около 500 томов. Впоследствии библиотеке были подарены книги, приобретенные первым караимским Гахамом Симой Соломоновичем Бобовичем во время его паломничества в Иерусалим в 1830 году, а

Печать «Карай Битиклиги».
Фото предоставил К.Бурмистров

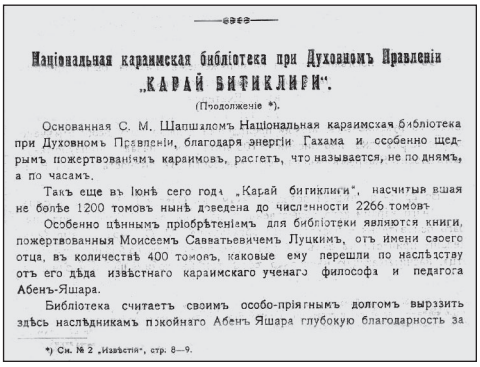
затем и 37 старинных рукописей, перевезенных в Евпаторию в 1832 году из Дамаска, после ликвидации в нем одной из древнейших караимских кенас. Однако в Крымскую войну, во время занятия Евпатории неприятельскими войсками, библиотека вместе с архивом Духовного Правления погибла. После войны библиотека была восстановлена, но уже не представляла такой ценности как прежде из-за утраты редких рукописей. Вплоть до 1916 года, по выражению Моисея Яковлевича Фирковича, библиотека «влачила жалкое существование»[1]. Лишь в июне 1916 года новый караимский Гахам С.М.Шапшал поручил М.Я.Фирковичу, внуку известного караимского ученого А.С.Фирковича, привести библиотеку в порядок и открыть при ней читальню для караимов. С этого времени и начинается история библиотеки.

Первый этап истории «Карай Битиклиги» довольно подробно описан М.Я.Фирковичем в издании Духовного Правления «Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления». Библиотеку М.Я.Фиркович нашел в полном беспорядке, по его словам на тот момент в ней насчитывалось около 400 томов с печатью Синана Давидовича Кокизова, сына известного караимского интеллектуала Д.М.Кокизова, жившего в Санкт-Петербурге и скончавшегося в 1908 году. Заинтересовавшись тем, как эти книги могли попасть в Евпаторию, М.Я.Фиркович подал запрос в Духовное Правление. Оттуда ему был дан ответ, что библиотека С.Д.Кокизова в количестве 600 томов была приобретена С.М.Шапшалом в 1910 году у сыновей С.Д.Кокизова и принесена в дар в библиотеку при Караимском Духовном Правлении. «*Таким образом можно с уверенностью сказать*, – пишет М.Я.Фиркович, – *что честь возрождения существующей ныне при духовном правлении библиотеки принадлежит Гахаму С.М.Шапшалу*»[2]. Этот факт отражала также и печать библиотеки с надписью: *«Карай Битиклиги. Караимская Национальная библиотека. Основал в 1916 году Гахам Серайя*».

Возродив библиотеку, С.М.Шапшал постоянно заботился о пополнении ее фондов. Так, при содействии Гахама у семьи умершего в 1916 году газзана Самуила Моисеевича Неймана, за 2 тысячи рублей была приобретена его библиотека, которая насчитывала 600 томов. В библиотеку стали поступать и добровольные пожертвования, среди которых надо отметить 40 томов, принесенных в дар семьей покойного Б.М.Шишмана. Известно также, что после смерти

[1] *Фиркович М.Я.* Национальная Караимская Библиотека при Духовном Правлении «Карай Битиклиги» // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 2. С. 8.

[2] Там же. С. 9.

Національная караимская библіотека при Духовномъ Правленіи
„КАРАЙ БИТИКЛИГИ".

(Продолженіе *).

Основанная С. М. Шапшаломъ Національная караимская библіотека при Духовномъ Правленіи, благодаря энергіи Гахама и особенно щедрымъ пожертвованіямъ караимовъ, растетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ.

Такъ еще въ іюнѣ сего года „Карай битиклиги", насчитывавшая не болѣе 1200 томовъ нынѣ доведена до численности 2266 томовъ.

Особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для библіотеки являются книги, пожертвованныя Моисеемъ Савватьевичемъ Луцкимъ, отъ имени своего отца, въ количествѣ 400 томовъ, каковые ему перешли по наслѣдству отъ его дѣда извѣстнаго караимскаго ученаго философа и педагога Абенъ-Яшара.

Библіотека считаетъ своимъ особо-пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь наслѣдникамъ покойнаго Абенъ Яшара глубокую благодарность за

*) См. № 2 „Извѣстія", стр. 8—9.

Фрагмент страницы Известий Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. *1917 г.*

Гахама С.М.Панпулова его семьей были пожертвованы в библиотеку «два ящика ценных книг, принадлежащих покойному»[3]. К июню 1917 году «Карай Битиклиги» насчитывала уже 1200 томов печатных книг и множество рукописей. Здесь были сочинения религиозного характера, книги по философии, астрономии, словесности, истории, этике, физике, математике, комментарии к Священному Писанию, словари и учебники. Первым заведующим «Карай Битиклиги» стал М.Я.Фиркович, также пожертвовавший свою небольшую библиотеку, в которой находились неизданные рукописи и переписка его деда А.С.Фирковича. С М.Я.Фирковича началась систематизация фондов «Карай Битиклиги».

«Карай Битиклиги» постоянно пополнялась за счет многочисленных частных пожертвований. Уже к ноябрю 1917-го года она увеличилась до 2266 томов, то есть за четыре месяца в нее поступило более тысячи томов. «Караимская библиотека при Духовном Правлении, – писал М.Я.Фиркович – благодаря энергии Гахама и особенно щедрым пожертвованиям, растет, что называется, не по дням, а по часам». Самое значительное пожертвование было сделано Моисеем Саватьевичем Луцким от имени его покойного отца. М.С.Луцкий подарил библиотеке 400 томов, перешедших к нему по наследству от его знаменитого деда Абен Яшара, в числе которых было 340 старинных печатных книг и 60 рукописей. В середине 1917 года по распоряжению Гахама С.М.Шапшала для «Карай Битиклиги» у вдовы газзана кенасы Екатеринослава С.Ш.Пигита было приобретено 75 редких книг, из которых 15 были рукописными. Во время поездки Гахама С.М.Шапшала в Одессу сыновьями Моисея Симовича Сарача, Лазарем и Самуилом, в «Карай Битиклиги» была подарена библиотека их отца, насчитывавшая несколько сот томов. В октябре 1917 года М.Я.Фиркович приступил к составлению описи библиотеки. По его словам самой старой из датированных рукописей являлось Пятикнижие 1280 года, «написанное на тонко выделанной коже неким караимом Екар-Галлеви и пожертвованное в том же году Моисеем Когеном, сыном Авраама Когена в Кенасу г. Дамаска»[4].

29 января 1918 года первый заведующий библиотекой М.Я.Фиркович скончался. В некрологе, написанном А.И.Катыком, о покойном было сказано много теплых слов, и особенно была отмечена его любовь к библиотеке: «*В лице покойного "Карай Битиклиги" потеряла неоценимого работника, относившего-*

[3] Там же.

[4] *Фиркович М.Я.* Национальная Караимская Библиотека при Духовном Правлении «Карай Битиклиги» // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 41–43.

ся с любовью к своему делу. Каждая книга, каждая рукопись, казалось, для него были не просто книгой или рукописью, а каким-то одушевленным существом, жившим своей оригинальной жизнью: так осторожно М. Я. с ней обращался, с такой любовью перелистывал ее, с таким интересом рассказывал историю ее приобретения и происхождения»[5]. 13 (18) июля 1918 года по предложению заместителя Гахама Б.С.Ельяшевича на должность заведующего библиотекой был взят его старший брат Сима Саадьевич Ельяшевич (1879–1933) – яркая и одаренная личность, человек, идеолог национального караимского движения, соратник и единомышленник Гахама С.М.Шапшала[6]. В этом же месяце «Карай Битиклиги» вместе с канцелярией Духовного Правления была перевезена на новое место рядом с кенасами: в общественный дом, пожертвованный караимской общине Б.М.Шишманом, по адресу ул. Нижняя, д. 13 (совр. ул. Ефета, 13)[7]. В этом доме вместе с семьей и проживал новый заведующий[8]. Уже в бытность С.С.Ельяшевича заведующим библиотекой в 1918 году в нее поступило крупное пожертвование сыновей М.С.Сарача (Одесса), Лазаря и Самуила Сарачей, насчитывающее 440 книг. С.С.Ельяшевич составил опись библиотеки М.С.Сарача, которая сейчас хранится в Евпаторийском краеведческом музее[9].

Продолжая традицию, начатую его предшественником, С.С.Ельяшевич также вел рубрику «Карай Битиклиги» в «Известиях Караимского Духовного Правления», в которой сообщал обо всех поступивших пожертвованиях в библиотеку. После переезда библиотеки С.С.Ельяшевич занимался ее благоустройством, по его словам, работа была «самая разнообразная, вплоть до переделки разобранных шкафов вследствие отсутствия необходимых для Библиотеки кредитов»[10]. Как следует из рапорта С.С.Ельяшевича, написанного в начале 1920 года, штат библиотеки начал формироваться только с начала 1919 года, а до этого времени он являлся ее единственным сотрудником. Известно, что с января и до августа 1919 года штат «Карай Битиклиги» состоял из заведующего С.С.Ельяшевича, делопроизводителя Пилецкого и регистратора Акав[11]. С августа 1919 года и как минимум до начала 1920 года в связи с уходом со службы Пилецкого и Акав, С.С.Ельяшевич являлся, по-видимому, снова единственным сотрудником.

По имеющимся сведениям библиотека «Карай Битиклиги» была общедоступной и пользовалась популярностью у населения. «*Караимская национальная библиотека в последнее время довольно часто посещается публикой для обозрения, и, хотя она далеко еще не приведена в желательный вид, все же производит сильное впечатление*», – пишет С.С.Ельяшевич[12]. При библиотеке имелся читальный зал и постоянная экспозиция, на которой выставлялись как

---

[5] *Фиркович М.Я.* Некролог // Известия Караимского Духовного Правления. Декабрь. 1918. № 2. С. 22–23.

[6] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.

[7] Объявления // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 1. С. 36.

[8] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 17.

[9] *Парафило Д.М.* Книжные раритеты «Карай Битиклиги»: опыт реконструкции на примере «Списка С.М.Сарача» // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Том 27 (66), № 2. С. 58–59.

[10] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 111. Л. 8.

[11] Там же.

[12] Карай Битиклиги // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2. С. 11.

предметы старины, так и интересные рукописи. По существу «Карай Битиклиги» являлась одновременно и национальной библиотекой, и этнографическим музеем, и зачастую так и именовалась – Библиотека-Музей. По-прежнему поступали пожертвования книг и предметов старины. В конце декабря 1918 года «наследник известного в свое время газзана и караимского ученого Ю.Савускана» И.Ю.Савускан передал в «Карай Битиклиги» библиотеку своего отца, приблизительно несколько сот караимских книг[13]. Наследники умершего И.А.Гелеловича принесли в дар библиотеке 53 тома. Что интересно, среди жертвователей были не только караимы. Так, например, Сергей Степанович Чех принес в дар «Карай Битиклиги» шестнадцать томов из библиотеки своего отца. Не переставал пополнять «Карай Битиклиги» книгами из своей личной библиотеки «ее Высокостепенный основатель», как выражался С.С.Ельяшевич, Гахам С.М.Шапшал. От Гахама в «Карай Битиклиги» поступило более тысячи томов, а общий список книг, рукописей, карт, фотографий, гравюр и предметов старины, подаренных Гахамом, состоял из 1446 единиц. С.М.Шапшалом на временное хранение были переданы ценные и редкие вещи, среди которых: доска с надписью на древнееврейском языке из дома Вениамина Ага, умывальный прибор Вениамина Ага с выгравированным гербом, 5 орнаментированных досок из кенас Чуфут-Кале и Каира, 4 брачных акта “времен Польских королей”, две серебряные указки с надписью из кенасы Чуфут-Кале[14]. Все эти вещи, а также и многие другие, хранящиеся в библиотеке, выставлялись для всеобщего обозрения. Свою домашнюю библиотеку передал в «Карай Битиклиги» и заместитель Гахама, старший газзан Б.С.Ельяшевич[15].

Вместе с книгами поступали также и денежные пожертвования. По словам С.С.Ельяшевича с конца августа до начала декабря 1918 года, то есть за три месяца, в библиотеку было пожертвовано 496 рублей. Среди донаторов: С.И.Чуюн, Д.Ю.Экмекчи, М.И.Эль, М.Ю.Кобецкий, А.Я.Шапшал, Э.Ю.Шапшал, С.Будун, В.С.Черкес, Ю.С.Фарумда, И.А.Бобович[16]. Деятельное участие в пополнении фондов «Карай Битиклиги» принимали братья Ельяшевич. Как сообщает в своей «Автобиографии» Б.С.Ельяшевич, он «*со своим братом Сима Саадьевичем Ельяшевичем, заведовавшем в то время Библиотекой «Карай Битиклиги» и Музеем, значительно пополнил «Карай Битиклиги» рукописями, книгами, портретами выдающихся деятелей и благотворителей, написанными на полотне маслом с натуры известными русскими художниками и представляющими собой большой интерес вместе с тем и как собрание караимских типов; затем художественными картинами с видом домов 17–18 веков и Евпаторийской Кенасы – работы разных художников, в том числе академиков: Самокиша и Химона, а также различными старинными музейными предметами из домашнего обихода караимов*»[17].

[13] ГАРК. Ф. 214. Оп. 2. Д. 45. Л. 1; Карай Битиклиги // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2. С. 12.

[14] Карай Битиклиги // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2. С. 12.

[15] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 2.

[16] Там же.

[17] *Ельяшевич Б.С.* Автобиография // Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Книга 3.

Самым большим приобретением «Карай Битиклиги» стала библиотека умершего в 1918 году караимского ученого-самоучки Авраама Юфудовича Мичри, которая включала, согласно записи принимавшего ее С.С.Ельяшевича, «17 380 томов книг, кроме небольшого количества неподсчитанных в сундуке»[18]. Помимо библиотеки наследники А.Ю.Мичри передали в дар «Карай Битиклиги» коллекцию живописи и музыкальных инструментов. Как сообщает Б.С.Ельяшевич «Библиотека А.Ю.Мичри заключала в себе более 20 тысяч томов произведений выдающихся авторов разных народов и времен, разных изданий и размеров и на разных языках; она же имела около 40 караимских старинных редких рукописей, 10 инкунабул и множество ценных старопечатных книг всяких размеров и изданий и занимала 70 огромных, битком набитых книгами шкафов»[19]. Библиотека покойного А.Ю.Мичри была перевезена в Евпаторию из деревни Терекли-Конрад, где находилось его имение, с 19 мая по 1 июня «на 24 больших подводах и манжарах» и размещена в актовом зале и вестибюле Александровского караимского духовного училища, заняв 67 шкафов, из которых 56 были с книгами[20]. 3 июня 1919 года был составлен акт о передачи библиотеки А.Ю.Мичри в собственность «Карай Битиклиги»: «*1919 года июня 3 дня, мы, нижеподписавшиеся Эстер Авраамовна Мичри, Иосиф Авраамович Мичри, Назлы Авраамовна Мичри, Моисей Вениаминович Нейман, Рахиль Вениаминовна Нейман, согласно воле покойного мужа, отца и деда нашего Авраама Юфудовича Мичри жертвуем и передаем в полную собственность Караимской нации, представляемой Таврическим и Одесским Караимским Духовным Правлением всю библиотеку, доставшуюся нам от покойного отца, деда и мужа Авраама Юфудовича Мичри, со всеми книгами, картинами и музыкальными инструментами, и вообще со всеми произведениями науки и искусства, со шкафами и со всем оборудованием…*»[21]. Библиотека была подарена на девяти условиях, первым из которых было следующее: «Жертвуемая библиотека, если к тому не встретится препятствий, должна носить название: «Караимская Национальная Библиотека – Дар Авраама Юфудовича Мичри»[22]. Так была создана еще одна национальная библиотека, получившая название «Библиотека А.Ю.Мичри». В этом же году было выбрано Правление библиотеки, председателем которого стал Ф.Н.Раецкий[23]. Однако в силу разных обстоятельств «Библиотека им. А.Ю.Мичри» начала работать лишь в 1921 году, а до этого времени представляла собой никем не посещаемое книгохранилище в здании Александровского караимского духовного училища.

Создание и расцвет библиотеки «Карай Битиклиги» совпал во времени с революционными событиями в стране, отразившимися на ее дальнейшей судьбе. Гражданская война и частая смена власти на полуострове нередко ставили под угрозу существование новой библиотеки. В тяжелом положении оказал-

[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 16.
[19] *Ельяшевич Б.С.* Автобиография // Материалы к серии «Народы и культуры»… С. 196.
[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 16.
[21] Там же. Л. 20.
[22] Там же.
[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 15.

ся также заведующий С.С.Ельяшевич, взявший на себя в это трудное время всю ответственность по защите и охране «Карай Битиклиги». Нелегко было и содержать библиотеку. Еще с конца 1918 года «Карай Битиклиги» содержалась всецело на личные средства Гахама С.М.Шапшала, стремившегося сохранить это национальное достояние. Гахам выплачивал скромное жалованье заведующему С.С.Ельяшевичу и другим сотрудникам, но из-за стремительного роста инфляции его едва хватало на жизнь. В августе 1919 года ушли со службы Пилецкий и Акав, и временно их должности были предоставлены С.С.Ельяшевичу, что дало ему дополнительный заработок. Однако, в конце 1919 года, вследствие сильного скачка инфляции, он снова оказался в критическом материальном положении и даже вынужден был продавать свою одежду, чтобы достать денег на пропитание своей семьи – жены Александры и новорожденного сына Ильи[24].

В мае 1919 года, когда Крымский полуостров был занят советскими войсками, С.С.Ельяшевич, опасаясь погромов и грабежей, которыми сопровождался захват власти большевиками зимой 1917–1918 годов, обратился в Отдел просвещения с ходатайством о принятии мер к защите «Карай Битиклиги». Но переговоры С.С.Ельяшевича с заведующим Отделом просвещения «гражданином Штейнбахом» приняли нежелательный оборот – заведующему библиотекой было сообщено о создании в городе Дворца культуры (по другим источникам – Дворца искусств) и перемещении туда «Карай Битиклиги», и потребована опись караимской библиотеки. Передача «Карай Битиклиги» в государственное учреждение никак не входило в планы С.С.Ельяшевича и караимской общины. С.С.Ельяшевич направил в Отдел просвещения письмо, в котором, ссылаясь на нарушение Конституции РСФСР, сообщал о неправомерности требований Отдела просвещения. *«По общему духу статей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики* – пишет С.С.Ельяшевич – *в основании федеративности положено и свободное право каждой нации и народности распоряжаться своей культурой, жизнью, деятельностью, а следовательно также и органами своей культуры и общественности. Посему, что все так или иначе должно или может служить поводом или средством для передачи в распоряжение другой нации культурные достояния, жизнь или общественность нации-меньшинства (ст. 22) бесспорно носит характер либо общественно-культурного угнетения такой нации-меньшинства, либо навязанной ей гегемонии, являясь, во всяком случае, прямым нарушением статьи 22 означенной Конституции»*[25]. Отстоять «Библиотеку А.Ю.Мичри» тогда все же не удалось – из здания Александровского Караимского Духовного Правления ее перевезли в здание Дворца культуры. Но здесь она пробыла недолго. С приходом в Крым П.Н.Врангеля «Библиотека А.Ю.Мичри» снова была возвращена караимам и перевезена в здание Александровского караимского духовного училища[26].

[24] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 111. Л. 8.
[25] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 5–6.
[26] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 3.

2. Советский период (1920–1931). Под сенью науки

После установления Советской власти в Крыму в 1920 году обе караимские библиотеки «Карай Битиклиги» и «Библиотека А.Ю.Мичри» перешли в ведение подотдела Политпросвета отдела Народного образования Крымского Ревкома, но сохранили определенную самостоятельность в ведомстве новой организации Евпаторийский Караимский «Культпросвет». В конце 1920 года сформировался новый штат библиотеки, в который вошли заведующий С.С.Ельяшевич, помощник заведующего и библиотекарь Сарра Яковлевна Нейман, библиотекарь Захарья Яковлевич Юхневич, кладовщик Марк Соломонович Шайтан[27]. В январе 1921 года был значительно пополнен штат «Библиотеки им. А.Ю.Мичри» в который вошли: Э.И.Ерусалми, О.М.Бебеш, М.И.Иртлач, К.С.Кальфа, Т.И.Пигит, В.А.Оксюз, Т.Б.Рофе, В.С.Чореф, Р.А.Черкес, по большей части это были женщины[28]. Однако, вскоре после этого по решению Караимского исполкома «Библиотека им. А.Ю.Мичри» была передана в ведение заведующего «Карай Битиклиги» С.С.Ельяшевича и по требованию Отдела народного образования в срочном порядке вывезена из здания Александровского караимского духовного училища, которое было отведено под военно-командные курсы. Сохранился акт приема и осмотра «Библиотеки им. А.Ю.Мичри», составленный С.С.Ельяшевичем в присутствии специальной комиссии из сотрудников библиотеки. Из этого акта мы узнаем, что работы по приведению книг в порядок и их подсчет длился с 28 января по 5 февраля 1921 года. При окончательном подсчете книг в библиотеке оказалось 16 865 томов, что по предположению представителя от дарителей И.А.Мичри было на 515 томов меньше, чем в библиотеке, вывезенной из Терекли-Конрад. 6 февраля на десяти подводах «Библиотека им. А.Ю.Мичри» была перевезена в новое помещение, в дом, ранее принадлежавший караимской общине, бывший магазин Караимского кооператива в Кустарном переулке[29].

Судя по подписям в акте приема «Библиотеки им. А.Ю.Мичри», принадлежащим исключительно караимам, библиотеки в то время еще находились в распоряжении караимского «Культпросвета». Однако, книжное богатство «Карай Битиклиги» и «Библиотеки им. А.Ю.Мичри» не могло не обратить на себя внимания новых госучреждений. Перед чиновниками и учеными из Политпросвета встал вопрос о сохранности уникальных караимских библиотек и передачи их в полное распоряжение соответствующих органов. 16 мая 1921 года на одном из заседаний Евпаторийской секции КрымОХРИСа[30] хранитель Евпаторийского музея Г.Х.Бояджиев сделал доклад о передаче караимских библиотек в ведение КрымОХРИСа. «*Евпаторийская секция [Крым] ОХРИС при Евпаторийском Наробразе доводит до сведения Библиотечной секции*, – сообщалось в докладе, – *что ученым совещанием при КрымОХРИСе решено принять все библиотеки музейного караимства в свое ведение. А по-*

[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 111. Л. 1–3.
[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 45. Л. 15.
[29] Там же. Л. 18.
[30] КрымОХРИС – секция по охране памятников старины и искусства, созданная в структуре подотдела изобразительных искусств отдела народного образования Крымского Ревкома.

этому караимская национальная библиотека-музей "Карай Битиклиги", библиотека имени А.Ю.Мичри, как ценности, подлежат охране и контролю в секции [Крым]ОХРИС. Работа в них должна проводиться под руководством ОХРИСа. Готовить в известной секции меры по охране и характере работ на будущее время»[31]. Вопрос о переходе караимских библиотек в ведение КрымОХРИСа рассматривался на собрании коллегии Бибсекции Политпросвета 8 августа 1921 года, на котором было постановлено о приглашении специальной ученой комиссии в составе востоковеда А.Б.Челебиева, професора Крымского университета А.И.Маркевича и заведующего университетской библиотекой Н.Л.Эрнста. Комиссия совместно с заведующим Бибсекцией установила наличный состав книг, их ценность и дальнейший круг работ в библиотеке[32]. Документально не выявлено, когда именно караимские библиотеки перешли в ведение Евпаторийского отдела секции по охране памятников старины и искусства (КрымОХРИС), но если проанализировать сохранившиеся документы Евпаторийского археолого-этнографического музея, то можно прийти к выводу, что это произошло в период с августа по сентябрь 1921 года. К этому времени Евпаторийским отделом КрымОХРИСа была закончена организация научного музея, получившего название Археолого-этнографический музей и разместившегося в здании дачи караимского купца Ю.М.Гелеловича. Таким образом, к концу 1921 года в ведении Евпаторийского ОХРИСа находились: 1. Археолого-этнографический музей; 2. Караимский музей и «Карай Битиклиги» с двумя подотделами: духовный (библиотека «Карай Битиклиги») и светский («Библиотека им. А.Ю.Мичри»)[33]. Видимо, вскоре после создания музея, благодаря стараниям заведующей Евпаторийским отделом КрымОХРИСа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947), «Библиотека им. А.Ю.Мичри» была перевезена из ветхого и непригодного для хранения книг здания в Кустарном переулке в здание нового музея[34]. Так началась новая история «Карай Битиклиги»и «Библиотеки им. А.Ю.Мичри» в составе госучреждения.

27 апреля 1921 года заведующий обеими библиотеками С.С.Ельяшевич был принят Евпаторийским отделом КрымОХРИСа на должность научного сотрудника по охране архитектурных памятников[35]. 22 июня С.С.Ельяшевич приступил к составлению описи «Библиотеки им. А.Ю.Мичри», но закончить ее не успел[36]. 2 сентября по собственному желанию он был освобожден от должности заведующего «Библиотекой им. А.Ю.Мичри», и вместо него был назначен С.И.Шайтан. В ноябре 1921 года во время начавшегося в Крыму голода С.С.Ельяшевич выехал к своему отцу в Москву. На должность заведующего «Карай Битиклиги» Караимским «Культпросветом» был назначен Абрам Иосифович Ходжаш, утвержденный П.Я.Чепуриной в должности заведующего

[31] *Парафило Д.М.* «Культпросвет» или КрымОХРИС: новые факты о передаче «Карай Битиклиги» // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Збірник наукових праць. Випуск 21. Частина II. Київ, 2012. С. 381.

[32] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

[33] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 3.

[34] *Леви-Бабович Т.С.* Три странички. Севастополь. 1926. С. 3–4.

[35] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

[36] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1897.

охраной караимскими домами[37]. После отъезда С.С.Ельяшевича в доме № 13 по Нижней улице, где находилась библиотека «Карай Битиклиги», остался жить с семьей его младший брат Борис Саадьевич Ельяшевич (1882–1971), бывший в то время газзаном евпаторийской кенасы, который неофициально взял на себя обязанности смотрителя библиотеки. В этом доме Б.С.Ельяшевич с семьей занимал две комнаты, а вся библиотека «Карай Битиклиги» хранилась в трех комнатах. Известно, что в 1922 году в этом же доме проживали М.С.Шайтан и Г.Э.Койчу[38].

Борис Саадьевич Ельяшевич.
Фото из коллекции «Карай Битиклиги» (Евпатория)

Заведующей Евпаторийской секцией КрымОХРИСа П.Я.Чепуриной, а с 1923 года и заведующей Археолого-этнографическим музеем, сразу стало ясно, какую большую научную ценность представляют рукописные и книжные коллекции «Карай Битиклиги», хранящиеся в старом караимском доме. Вскоре после вступления в должность заведующего музеем П.Я.Чепурина приступила к научной обработке материалов «Карай Битиклиги». Вот как сама она пишет о начале этой работы: «*Разбор караимских предметов материальной культуры, поступивших с 1921 г. в ведение Евпаторийского музея, заставил задуматься над документальными источниками для научной классификации и правильной экспозиции его собраний. С этой целью были применены все способы исследования: произведен опрос старейших членов караимской общины Евпатории и других городов, просмотрена та немногочисленная литература, где имеются указания по караимскому быту, изучались собрания дагерротипов и фотографических снимков Карай Битиклиги и были просмотрены ее архивные документы, среди которых внимание остановилось на брачных договорах*». Однако, понимание того, что нельзя будет обойтись без привлечения специалистов, вызвало у П.Я.Чепуриной сомнение в целесообразности продолжения начатой работы, и только после того, как она поделилась своими сомнениями с историком Крыма и архивистом А.И.Маркевичем, настоятельно советовавшем не останавливаться на начатом, работа была продолжена[39].

[37] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
[38] ГАРК. Р–138. Оп. 1. Д. 3.
[39] *Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С.* Караимские брачные договоры «шетары» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (58-й). С. 181.

С именами П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича неразрывно связана дальнейшая история «Карай Битиклиги»и вся научно-исследовательская деятельность, которая была проделана в библиотеке с 1923 по 1929 год. Конечно, роль караимского газзана в этом деле была более скромная, но и П.Я.Чепурина крайне нуждалась в знаниях Б.С.Ельяшевича, необходимых при работе с библиотекой. Б.С.Ельяшевич разбирал материалы библиотеки, приводил в порядок рукописные и книжные коллекции, был постоянным сторожем при библиотеке, а в летнее время водил экскурсии по кенасам. Будучи караимским священником, а затем и лишенцем, он так и не смог официально трудоустроится в музее и являлся внештатным смотрителем библиотеки. Первой совместной работой П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича стала организованная летом 1924 года экспозиция «Выставка старины Крыма и Востока» из разобранного Б.С.Ельяшевичем материала[40]. Затем на основе шетаров из «Карай Битиклиги» ими была написана совместная работа «Караимские брачные договоры «шетары», опубликованная в 1927 году в научном издании «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» – первое в истории исследование караимских шетаров.

В 1925 году Археолого-этнографический музей был реорганизован в Музей краеведения с пятью отделами, из которых самым крупным был караимский. «*Из имеющихся в распоряжении Евпаторийского музея материалов,* – пишет П.Я.Чепурина в краткой заметке на страницах общественно-научного и общественного журнала «Крым», – *первое место занимают материалы по караимству. Наличие этих материалов, их качество и количество, объясняются тем, что Евпатория является для караимов последним историческим пунктом местоизбрания и пребывания главы народа – Гахама. Она вместе с тем была самой богатой общиной – опорой всех бедняков, вдов и сирот народа. В Евпаторию постепенно вливаются все историко-культурные ценности караимства в его целом. Сюда свозят после закрытия общин из разных стран и мест книги по караимским наукам, предметы религиозного культа, архивы. Именно здесь все это складывается, хранится до тех пор, пока волею выдающихся караимских деятелей не создается собрание музейных предметов и национальная библиотека (Карай Битиклиги) в 1250 томов книг, представляющих собой особую ценность*»[41]. Надо отметить, что П.Я.Чепурина, в течение всего времени пребывания в должности заведующего музеем, старалась привлечь внимание общественности к материалам «Карай Битиклиги» с целью их сохранения и введения в научный оборот. Свою озабоченность положением караимской библиотеки П.Я.Чепурина не раз выражала в письмах, докладах, статьях, написанных ею в разные учреждения и научные издания. Обращалась П.Я.Чепурина также и к караимской общественности. Так, в караимском журнале «Бизым йол» («Наш путь») было опубликовано ее письмо в редакцию, в котором она обращает внимание на большую научную ценность библиоте-

[40] *Дмитерко Н.Б.* Фонд Карай Битиклиги в собрании Евпаторийского краеведческого музея // Вестник музея. Евпатория, 2012. Выпуск 8. С. 229.

[41] *Чепурина П.Я.* Евпаторийский музей // Крым: общественно-научный и экскурсионный журнал. 1926. № 2. С. 200.

ки. «*Позвольте мне на страницах вашего журнала "Бизым йол",* – начинает свое письмо П.Я.Чепурина, – *сказать несколько слов о громадной научной, историко-культурной ценности, сокрытой в стенах маленького старо-караимского домика на Нижней улице, 13 в Евпатории, о Карай Битиклиги*»[42]. О том, что значила «Карай Битиклиги» для науки, мы можем судить из краткого отзыва о ней русского и советского арабиста, академика И.Ю.Крачковского. Летом 1924 года по приглашению Крымского университета имени товарища Фрунзе И.Ю.Крачковский был командирован Академией наук в Крым для прочтения курса лекций по арабистике на Восточном отделении Педагогического факультета. Во время визита в Евпаторию И.Ю.Крачковский вместе с П.Я.Чепуриной осмотрел караимские кенасы и посетил «Карай Битиклиги», сделав заключение, что по своему составу караимская библиотека «*напоминает собрание Фирковича в Публичной библиотеке, но уступает в качественном отношении*»[43].

В августе 1925 года для работы в «Карай Битиклиги» в Евпаторию на девять дней приехал севастопольский газзан Т.С.Леви-Бабович, собиравший материалы для своего труда по истории караимов «Три странички». В Евпатории Т.С.Леви-Бабович остановился у жившего при «Карай Битиклиги» Б.С.Ельяшевича, так что работать в библиотеке он мог, не выходя из дома. «*Вторую поездку мы совершили в Евпаторию,* – пишет Т.С.Леви-Бабович в предисловии к «Трем страничкам», – *и там в «Карай Битиклиги» (Караимская Национальная Библиотека) и Городском Музее (куда перенесена целиком б. частная библиотека известного караимского библиофила А.Ю.Мичри) изучили все известные нам и открытые нами, при любезном содействии глубокоуважаемого Б.С.Ельяшевича, источники, где только можно было найти хоть какие нибудь ответы на интересующие нас вопросы*»[44]. Во время приезда Т.С.Леви-Бабовича шла совместная работа П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича над караимскими брачными договорами (шетарами), в которую был также вовлечен и севастопольский газзан. Вернувшись в Севастополь, он выслал Б.С.Ельяшевичу два шетара из Феодосии середины XIX века. А несколько ранее, еще до поездки в Евпаторию, Т.С.Леви-Бабович в письме Б.С.Ельяшевичу объяснил значения некоторых слов из списка приданного невесты, присланного его коллегой.

По инициативе П.Я.Чепуриной летом 1926 года специально для руководства по разбору материалов «Карай Битиклиги» на один месяц в Евпаторию был командирован из Ленинграда научный сотрудник Азиатского музея[45], хранитель Еврейского отдела Михаил Николаевич Соколов. Это было давнишним

---

[42] *Чепурина П.Я.* В редакцию «Бизым Йол» // Бизым Йол (Наш путь). Симферополь. 1927. С. 91.

[43] *Непомнящий А.А.* Академик И.Ю.Крачковский и крымские памятники истории и культуры. Страницы истории крымской ориенталистики // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: збірник науковых праць з мистецтвознавства, архітектурознавства и культурології / Ин-т проблем сучасного мистецтва Академії України. Київ. 2009. С. 211.

[44] *Леви-Бабович Т.С.* Три странички. Севастополь. 1926. С. 3–4.

[45] С 1930 г. – Институт восточных рукописей РАН.

Современный вид здания на ул. Нижней (совр. Ефета), 13, в котором находилась библиотека «Карай Битиклиги». *Фото В.А.Ельяшевича*

желанием П.Я.Чепуриной, ведь до сих пор «Карай Битиклиги» не была описана. Ознакомившись на месте с караимской библиотекой, М.Н.Соколов присоединил к одному месяцу командировки один месяц своего отпуска. Ученый решил составить описание в первую очередь рукописного материала, как самого интересного для науки. За два месяца вместе с Б.С.Ельяшевичем им было составлено краткое описание большей части рукописного собрания, а именно свыше 500 сочинений, главным образом, караимских авторов, приблизительно в 300 томах. В описании указывался автор сочинения, его название, переписчик, время и место написания. Из-за нехватки времени пришлось отказаться от учета объема рукописей, за исключением наиболее ценных произведений. Несмотря на краткость описания, к концу работы остались не описанными всего 170 рукописей. В «Карай Битиклиги» М.Н.Соколов обнаружил фрагмент сочинения основателя караимизма Анана Ганаси «Сефер га-мичвот» («Книга заповедей»), дополняющий опубликованные фрагменты А.Я.Гаркави в 1903 году и С.Шехтера в 1910 году[46]. В 1928 году в «Известиях Академии Наук СССР» будет опубликована статья М.Н.Соколова «Фрагмент “Книги закона” Анана га-Наси» с факсимиле фрагмента, оригинальным текстом и переводом.

Хранитель библиотеки Б.С.Ельяшевич посоветовал М.Н.Соколову ознакомиться также с «Библиотекой им. А.Ю.Мичри», где ученый обнаружил 10 инкунабул и около 40 рукописных сочинений караимских авторов, среди которых считавшаяся погибшей во время Крымской войны единственная рукопись

[46] Отчет о командировках и экспедициях Академии наук в 1926 г. // Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1926 г. Издание Академии Наук СССР. Ленинград. 1926. Кн. 2. С. 144–145.

комментариев на Пятикнижие Товии бен Моше (XI–XII вв.). По ходатайству Б.С.Ельяшевича эти материалы были перевезены в «Карай Битиклиги»[47]. Для окончания начатого описания рукописей летом 1927 М.Н.Соколов был вновь командирован в Евпаторию. Совместно с Б.С.Ельяшевичем им было составлено описание всего рукописного собрания «Карай Битиклиги» – 100 рукописей в 438 томах, из которых 30 томов на арабском языке, остальные – на древнееврейском. Среди них были обнаружены две полные библейские пергаментные рукописи, с датами, одна – 1280 года, другая, с орнаментами, 1456 года. Несколько дней, оставшихся у М.Н.Соколова после описания рукописей, он потратил на разбор книжного собрания «Карай Битиклиги» и выделил из общего числа книг 5 инкунабул и до 200 книг XVI века. Архивные материалы остались нетронутыми[48]. После отъезда М.Н.Соколова в декабре 1927 года Б.С.Ельяшевич по собственной инициативе занялся обмером рукописей и составлением на них карточек, в которых помимо имени автора и названия, имени переписчика, времени и места написания, указывалось количество листов и отмечались различные особенности. К январю 1927 года Б.С.Ельяшевич описал 180 томов рукописей и выслал М.Н.Соколову 323 карточки «с довольно подробным описанием их»[49]. Кроме того, Б.С.Ельяшевич составил опись инвентаря «Карай Битиклиги», также отправленный им М.Н.Соколову в Азиатский Музей[50].

Следующая научная работа в «Карай Битиклиги» была связана с изучением караимского языка, и вновь не обошлось без участия П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича. В декабре 1927 года на зимние каникулы в Евпаторию приехал Владимир Александрович Гордлевский, специалист по языку, фольклору, литературе и истории Турции, заведующий восточным отделом Государственной библиотеки имени В.И.Ленина. Во время десятидневного отдыха в Евпатории ученый решил воспользоваться представившейся ему возможностью ознакомиться с языком крымских караимов, и через П.Я.Чепурину вышел на представителей караимской общественности. Не найдя для себя ничего интересного в разговорной речи караимов Евпатории, В.А.Гордлевский обратился к письменному языку рукописей «Карай Битиклиги», для чего Б.С.Ельяшевич предоставил ученому рукописный перевод на караимский язык первых книг ТаНаХа (Ветхого Завета) из коллекции М.С.Сарача. Сравнив рукописный перевод ТаНаХа с изданием 1841 года, В.А.Гордлевский пришел к выводу, что при его издании устаревший язык рукописи был подновлен, и признал, что «значение рукописного перевода неоспоримо»[51]. В ходе работы ученым было выявлено «около сотни» архаизмов, не встречающихся в современном караимском языке.

---

[47] *Ельяшевич Б.С.* Автобиография // Б.С.Ельяшевич Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Кн. 3. М., 1994. С. 199–200.

[48] Отчет о командировках и экспедициях Академии Наук в 1927 г. // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Издание Академии наук СССР. Ленинград. 1927. С. 175–176.

[49] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 18.01.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[50] *Старкова К.Б.* Гебраистика // Азиатский музей – Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 550.

[51] *Гордлевский В.А.* Лексика караимского перевода Библии // Доклады Академии Наук. 1928. № 5. Издательство Академии Наук СССР. Ленинград, 1928. С. 87–91.

Часть II. Советский период (1920–1931). Разгром

Несмотря на усилия П.Я.Чепуриной сохранить фонды «Карай Битиклиги», в 1926 году появились первые признаки приближающейся грозы. О существующей угрозе ликвидации «Карай Битиклиги» уже в июне 1926 года мы узнаем из письма М.Н.Соколова П.К.Коковцеву, в котором он сообщал о ходе своей работы в библиотеке[52]. Все началось с Керченской конференции, на которой П.Я.Чепурина выступила с докладом, посвященным рукописному Корану из Евпаторийского музея. В своем докладе заведующая музеем рассказала о самоуправстве заместителя заведующего КрымОХРИСа Я.П.Бирзгала, который без соответствующего на то разрешения вывез этот ценный фолиант из Евпатории в Симферополь. Доклад об уже отсутствующем в музее памятнике был направлен против руководства КрымОХРИСа, по своему усмотрению распоряжающегося материалами крымских музеев, что, конечно же, не осталось без последствий. Далее 6 марта 1927 года евпаторийский музей посетил нарком просвещения Крымской АССР Усеин Балич в качестве уполномоченного Главнауки и объявил о решении Академического совещания КрымНаркомпроса о закрытии Евпаторийского археолого-этнографического музея и передачи его материалов в Государственный музей-дворец тюркско-татарской культуры в Бахчисарае. Однако после осмотра его коллекции У.Балич тут же на месте принял решение отложить выполнение данного решения на два года[53].

Понимая, что и это решение могло быть в любой момент отменено, П.Я.Чепурина обращается с письмом в Москву, в Государственную Академию истории материальной культуры, с просьбой о спасении собрания музея. Его самой большой и ценной частью являлся караимский отдел, который, по словам П.Я.Чепуриной, не мог быть передан в Бахчисарайский музей, специализирующийся на изучении крымских татар. Кроме того, заведующая евпаторийским музеем обратила в своем письме внимание на то, что караимские материалы музея были подарены большей частью караимской общиной Евпатории и являются достоянием этого города. «*Нахожу совершенно невозможным,* – пишет П.Я.Чепурина, – *вести работу в подобных условиях, когда Администрацией решается судьба научного учреждения, его материалов, не учитывая ни исторических условий, ни перспектив развития музея. Постоянные попытки перевода, перетасовки караимских материалов, совершенно приостановили приток новых пожертвований, грозят порвать уже налаженное музеем общение с караимскими общинами СССР, мешают провести в жизнь план работ научного обследования имеющегося уже материала*». В другом письме в Академию от 5 апреля 1927 года П.Я.Чепурина пишет: «*Прошу Академию оказать содействие своим научным авторитетом… в деле сохранения полной неприкосновенности караимских материалов*»[54].

[52] Письма М.Н.Соколова о работе в «Карай Битиклиги» // Известия Духовного управления караимов Республики Крым. 2016. № 20 (29). С. 12.

[53] *Мусаева У.К.* Подвижники крымской этнографии 1921–1941: исторические очерки. Полина Яковлевна Чепурина // Библиография крымоведения. Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского. Симферополь, 2004. Выпуск 2. С. 147–148.

[54] Там же.

Также 6 мая П.Я.Чепурина выступила на заседании Правления Крымского Объединения Караимских Общин (КрымОКО) с докладом о предполагающемся закрытии археолого-этнографического музея и распределении его фондов, среди которых первое место занимали караимские материалы. После доклада Правление КрымОКО командировало П.Я.Чепурину в Москву и Ленинград для ходатайства перед Академией наук СССР, Академией истории материальной культуры, Ассоциацией востоковедения, и Главнаукой[55]. Во все города, где имелись караимские общины, были отправлены письма, в которых излагалась сложившаяся ситуация, и было объявлено о сборе средств в пользу евпаторийского музея. В итоге решение местных крымских органов о закрытии музея было отменено.

Однако, дело этим не кончилось. Административная верхушка не могла просто так снести дважды брошенный ей вызов заведующей Евпаторийским музеем. В мае 1927 года при проверке фондов евпаторийского музея Я.П.Бирзгал выявил «злоупотребления и должностные преступления» П.Я.Чепуриной, заключающиеся в раздаче «художественных ценностей» музея частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению. На самом деле, а не в рапортах чиновников, П.Я.Чепурина возвращала владельцам их вещи, которые были незаконно реквизированы в первые годы Советской власти. Так, например «гражданке Ходжаш-Каплановской» были выданы пять картин известных мастеров XIX века, а «гражданину Казасу» были выданы ваза, две скульптуры, ковер и скатерть. Против П.Я.Чепуриной было возбуждено уголовное дело. Хотя в ходе следствия обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что «краевед лишь пыталась восстановить социальную несправедливость», П.Я.Чепурина была уволена с должности заведующей музеем[56].

Новым заведующим был назначен Яков Георгиевич Благодарный, с именем которого связана ликвидация «Карай Битиклиги». В отличие от своей предшественницы, отдавшей много сил для сохранения в неприкосновенности «Карай Битиклиги», Я.Г.Благодарный проявлял полное равнодушие к ее судьбе, а по мнению востоковеда В.И. Филоненко и вовсе тяготился библиотекой и хотел от нее избавиться[57]. Причину халатного отношения к ценностям библиотеки сам В.И.Филоненко, а также и Б.С.Ельяшевич, видели в конфессиональном конфликте между евреями и караимами, так как новый директор был из румынских евреев. Однако, на Б.С.Ельяшевича Я.Г.Благодарный сперва произвел благоприятное впечатление, о чем он написал в письме М.Н.Соколову: «*Наш новый заведующий, который, к слову сказать, производит впечатление человека довольно культурного и даже, как будто бы неплохой, пригласил меня на службу на лишние месяцы (*на летний сезон. *– В.Е.) на прежних условиях. Он обещает даже хлопотать о закреплении меня при Карай Битиклиги, но при этом оговаривается, что мое утверждение зависит главным образом от симферопольцев*». Здесь же Б.С.Ельяшевич обмолвился о своих натянутых

[55] Письмо Крымского Объединения Караимских Общин Ростовской караимской общине. 12.05.1927 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[56] *Мусаева У.К.* Подвижники крымской этнографии… С. 149–150.

[57] *Непомнящий А.А.* Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай Битиклиги // Крымский архив. Симферополь. 2009. С. 311.

отношениях с симферопольскими учреждениями, причиной которых стала личная неприязнь к нему некоего Раврабе. «*Рассчитывать же на последних,* – пишет дальше Б.С.Ельяшевич, – *мне особо не приходится, так как успел против меня настроить их Раврабе, который описал им меня как юдофоба. Сделал же он это только из зависти, ибо с ним я никогда никаких дел не имел. Недаром он так недружелюбно отнесся ко мне, когда увидел меня работающим вместе с Вами – бывшим его учителем – в Карай Битиклиги!*»[58].

В то время как Б.С.Ельяшевич связывал с Я.Г.Благодарным свои надежды на получение должности, П.Я.Чепурина не питала по поводу него никаких иллюзий. Оставшись в музее в должности помощника директора и хранителя музейного имущества, она стала свидетелем расхищений фондов караимских библиотек. В частности, по заявлению П.Я.Чепуриной редчайшие книги «Библиотеки им. А.Ю.Мичри» отдавались в рыбацкие союзы для упаковки товара! В качестве протеста бывшая заведующая вновь выступила с докладами в Государственной академии художественных наук, в Антропологической секции Тимирязевского научно-исследовательского института, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, реставрационных мастерских Главнауки РСФСР. В ответ Я.Г.Благодарный развернул деятельность по привлечению П.Я.Чепуриной к судебной ответственности «за умышленное и злостное намерение помешать развитию музея, организации новых отделов и приведению в порядок фондового имущества». Вследствие чего в январе 1929, находясь на выставке в Москве, П.Я.Чепурина вынуждена была написать заявление об увольнении из Евпаторийского музея[59].

Но вернемся к 1927 году. После отъезда М.Н.Соколова в Ленинград между ним и П.Я.Чепуриной, а затем и Б.С.Ельяшевичем завязалась переписка. Ученый внимательно следил за развитием событий в Крыму и интересовался судьбой «Карай Битиклиги». В декабре в музей пришел отзыв М.Н.Соколова о его работе с Б.С.Ельяшевичем, в котором ученый дает самую положительную характеристику хранителю библиотеки. «*Не нахожу слов,* – пишет Б.С.Ельяшевич М.Н.Соколову, – *достаточных для выражения всей глубины моего чувства признательности Вам за присланный чрезвычайно ценный для меня отзыв о моей совместно с Вами работе в Карай Битиклиги. Крепко и дружески жму Вашу руку и от души приношу Вам самую горячую благодарность за него. Своим столь лестным отзывом, превзошедшим все мои ожидания, Вы доставили мне, а со мною вместе и всей моей семье, большую радость. Тот день, когда его Полина Яковлевна передала мне (это было 29 декабря) был для всех нас настоящим праздником, ибо Ваш отзыв дорог для меня сам по себе, независимо от того, поможет ли он мне получить штатную должность при Карай Битиклиги,– на что, к слову сказать, всякая надежда для меня пропала*»[60].

Несмотря на отзыв М.Н.Соколова, Я.Г.Благодарный отказал Б.С.Ельяшевичу в штатной должности в «Карай Битиклиги». В связи с этим в нача-

[58] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 3.07.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[59] *Мусаева У.К.* Подвижники крымской этнографии… С. 150–151.

[60] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 18.01.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

ле 1928 года Б.С.Ельяшевич окончательно решил уехать из Евпатории, о чем сообщил в письме Т.С.Леви-Бабовичу[61]. «*В общем положение неважно,* – пишет он М.Н.Соколову, – *хорошего трудно ожидать. По крайней мере никакой гарантии ни в чем нет. До осени думаю здесь пробыть, а там – что Бог даст!*»[62]. Интересно, что в отказе принять Б.С.Ельяшевича на работу М.Н.Соколов увидит угрозу для библиотеки, о чем и напишет в своем письме Б.С.Ельяшевичу: «*...отказ утвердить вас штатным сотрудником, несмотря на мой отзыв, внушал мне самые серьезные опасения за Библиотеку. Если результатом всего будет сохранение Библиотеки в Евпатории и Ваше утверждение, я буду сердечно рад этому, так как более преданного делу хранения караимского духовного имущества человека, чем Вы, я и не представляю себе*»[63].

Однако «результат всего», как известно, оказался совсем иным. Я.Г.Благодарный нисколько не заботился о сохранности «Карай Битиклиги», и фонды библиотеки продолжали безнаказанно расхищаться. Вот только один случай. В 1928 году в районе Евпатории проводил археологические исследования заведующий Сумским археологическим музеем археолог Н.Е.Макаренко, который был приглашен Я.Г.Благодарным для оценки ценности книг «Карай Битиклиги» и выставки тканей. В качестве оплаты Н.Е.Макаренко попросил вывезти с собой часть книг, на что ему дано было разрешение. По словам Б.С.Ельяшевича, он отобрал из «Библиотеки имени А.Ю.Мичри» на свое усмотрение «около 80 книг» и увез их с собой. Против этого разграбления снова выступила П.Я.Чепурина, но теперь она уже ничего не могла сделать[64]. Возможно, не без участия бывшей заведующей музеем, Я.Г.Благодарный получил запрос из Главнауки, на каком основании он позволил Н.Е.Макаренко увезти с собой книги. «Интересно, чем это разрешится? Полагаю, что ничем» – пишет в одном из писем Б.С.Ельяшевич. Караимская общественность, видя, как поступают с ее национальным достоянием, забила тревогу и настояла, чтобы в Евпаторию была командирована комиссия во главе с академиком И.Ю.Крачковским[65]. О «большой неразберихе» в евпаторийском музее после увольнения П.Я.Чепуриной писал В.И.Филоненко в письме И.Ю.Крачковскому 18 июля 1928 года: «*...но хуже всего страдает Караимская библиотека. Это какой-то мертвый капитал. И никому нет до нее дела. И никто не знает даже, что там есть. Я не говорю про рукописи. Я имею вообще все печатные книги, там находящиеся. Ведь нет никакого каталога. Да что каталога! Нет самой простой описи. И найти там нужную книгу – дело невозможное. Я пытаюсь там описать книги Шапшала. Не знаю, удастся ли довести эту работу до конца, ибо администрация в лице библиотекаря Ильяшевича страшно боится такой описи: "<...> узнают татары, что у нас тут*

[61] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 16.03.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича.«Карай Битиклиги».

[62] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 3.06.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[63] Письмо М.Н.Соколова Б.С.Ельяшевичу от 22.06.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[64] *Мусаева У.К.* Подвижники… С. 160.

[65] Там же. С. 161.

есть, и прощай библиотека…". И вот из-за этого страха – библиотечный хаос – книги портятся, покрываются плесенью, тлеют. А есть очень и очень интересные книги. Все издания нашего факультета, кажется с 50-тых годов [XIX века. – А.Н.], почти все иностранные издания. Очень много арабских грамматик на немецком и французском языках. И все это без всякого употребления. Даже боятся сказать кому-нибудь об этом»[66].

Как известно из косвенных источников, в планы Я.Г.Благодарного входила передача всего рукописного фонда «Карай Битиклиги» в Румянцевский музей в Москве, а из части книжного фонда им предполагалось создать краеведческую библиотеку при музее. Узнав в Ленинграде о планировавшемся расформировании караимской библиотеки, М.Н.Соколов обратился со служебной запиской в Академию наук с просьбой о сохранении библиотеки в Евпатории, о чем он сообщил в одном из писем Б.С.Ельяшевичу. Затем, когда было принято решение о передаче рукописного фонда в Румянцевский музей, М.Н.Соколов стал настаивать на том, чтобы рукописи передали не в Москву, а в Азиатский музей в Ленинграде[67].

В общем, к 1928 году обстоятельства вокруг библиотеки складываются таким образом, что ее судьба фактически решалась четырьмя людьми: И.Ю.Крачковским, М.Н.Соколовым, Я.Г.Благодарным и В.И.Филоненко. Именно эти люди определили дальнейшую судьбу библиотеки, исходя из личных и научных интересов. Например, если И.Ю.Крачковского и М.Н.Соколова интересовал прежде всего рукописный фонд библиотеки, то Я.Г.Благодарный и В.И.Филоненко интересовались книжным фондом, причем, по свидетельству Б.С.Ельяшевича, последний из них проявлял особый интерес к библиотеке С.М.Шапшала[68]. 24 ноября 1928 года состоялось заседание Совещания по обследованию библиотечного фонда Евпаторийского ОХРИСа под председательством В.И.Филоненко, который являлся научным консультантом Евпаторийского музея. На этом заседании В.И.Филоненко выступил с докладом «О караимской библиотеке в Евпатории», в котором остановился на характеристике книжного фонда «Карай Битиклиги»[69]. Вскоре после заседания, для решения наболевшего вопроса о «Карай Битиклиги» в начале декабря 1928 года Крымнаркомпрос направил в Евпаторию комиссию, возглавляемую В.И.Филоненко, которая совместно с Я.Г.Благодарным должна была, вероятно, дать по библиотеке окончательное решение. Схема расформирования библиотеки, предложенная Я.Г.Благодарным и комиссией (а фактически В.И.Филоненко), была следующей: весь рукописный фонд передать в Румянцевский музей в Москве или в Азиатский музей в Ленинграде (ныне Институт восточных рукописей РАН), из книжного фонда всю литературу о Крыме – в

[66] *Непомнящий А.А.* Неизвестные документы… С. 310.

[67] *Ельяшевич Б.С.* Автобиография // Б.С.Ельяшевич Историко-этнографические очерки (1926 – 1929 гг.). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV «Караимы». Книга 3. Очерк 7. М., 1994. С. 187.

[68] Письмо Б.С.Ельяшевича Т.С.Леви-Бабовичу от 05.12.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[69] Там же. С. 308.

планируемую краеведческую библиотеку при музее, все книги по истории караимов и книги на древнееврейском языке – оставить в «Карай Битиклиги», библиотеку А.Ю.Мичри и С.М.Шапшала – в Симферопольский педагогический институт.

Вскоре после этого состоялась поездка Б.С.Ельяшевича в Ленинград, где при содействии М.Н.Соколова он обратился через академика П.К.Коковцева в Академию наук с просьбой о принятии мер для сохранения библиотеки в неприкосновенности в Евпатории. По свидетельству самого Б.С.Ельяшевича, поездку в Ленинград он совершил за собственный счет и представлял в ней евпаторийскую караимскую общину[70]. В марте 1929 года Я.Г.Благодарный пригласил на должность библиотекаря «Карай Битиклиги» Шаббетая Марковича Тиро, человека, хорошо известного евпаторийским караимам, прослужившего учителем около 40 лет. Известно, что в должность библиотекаря» Ш.М.Тиро вступил в конце марта 1929 года[71]. Однако, в августе этого же года в переписке Т.С.Леви-Бабовича с Б.Я.Кокенаем обнаружено обсуждение кандидатуры на эту должность. Из числа предполагаемых кандидатов были Марк Симович Леви-Бабович, брат Т.С.Леви-Бабовича, и брат Б.С.Ельяшевича Семен Ельяшевич. Как видно из переписки, это были желаемые кандидатуры, но вряд ли возможные, потому что М.С.Леви-Бабович был «лишенцем», а С.С.Ельяшевич был братом «лишенца»[72]. Свою кандидатуру выдвигал также и Борис Яковлевич Кокенай, проживающий в Ростове-на-Дону. Из писем, написанных ему Т.С.Леви-Бабовичем, видно, что он готов был переехать в Крым и занять должность библиотекаря в «Карай Битиклиги».

В сентябре 1929 года Б.С.Ельяшевич покинул Крым и переехал вместе с семьей к своему отцу в Москву. Проживая в Москве, вдалеке от Крыма и Евпатории, Б.С.Ельяшевич внимательно следил за судьбой оставленной им библиотеки, для чего он не переставал вести переписку с М.Н.Соколовым и П.Я.Чепуриной. Однажды он получает письмо от П.Я.Чепуриной, в котором она сообщает о новой угрозе, нависшей над библиотекой. О характере этой угрозы мы узнаем из письма Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову, написанного им под впечатлением новостей, сообщенных П.Я.Чепуриной. «*На нее покушаются,* – пишет Б.С.Ельяшевич, – *некоторые, не имеющие никакого понятия о ее громадном значении, госучреждения, желающие изъять из нее для коммерческих целей ценнейшие из ее рукописей и книг, не учитывая того обстоятельства, что этим они могут погубить всю библиотеку*»[73]. По совету П.Я.Чепуриной Б.С.Ельяшевич в начале 1930 года, уже проживая в Москве, вновь ездил в Ленинград, где совместно с М.Н.Соколовым обратился с письмом в Академию наук с обоснованием перевоза самой ценной рукописной части «Карай Би-

[70] Письмо Б.С.Ельяшевича Иосифу Леоновичу 18.02.1963 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[71] ГААРК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

[72] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 7.08.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[73] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 6.06.1930 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

тиклиги» в Азиатский музей[74]. Вскоре после этой поездки в Крым приезжает Владимир Львович Дашевский, который сыграет последнюю роль в деле раздела «Карай Битиклиги».

Ученик профессора Д.А.Хвольсона В.Л.Дашевский в 1930 году возглавил Рукописный отдел Института Востоковедения АН СССР, реорганизованного из Азиатского музея и других научных учреждений[75]. Совместно с М.Н.Соколовым он начал подготавливать передачу в возглавляемый им отдел самой ценной части «Карай Битиклиги» – рукописной. Впервые В.Л.Дашевский приехал в командировку в Крым в 1929 году, но по причине смены административной верхушки в госучреждениях, от которых зависела библиотека «Карай Битиклиги», рукописи ему вывезти не удалось. Сам В.Л.Дашевский объяснял свою неудачу тем, что «Карай Битиклиги» имела пять хозяев: Наркомпрос, Главнаука, Центрархив, Евпаторийский музей и Совнарком[76]. Во время командировки В.Л.Дашевский стал налаживать контакты с представителями караимской общественности, например с Т.С.Леви-Бабовичем, Б.Я.Кокенаем, А.И.Катыком, обещая устроить их на работу в Академию наук (А.И.Катыка он действительно устроил в 1933 году)[77]. В личных беседах с караимами он настаивал на необходимости перевоза рукописей для лучшей сохранности в Ленинград, а также обещал содействие в научной работе. Отношение караимов к В.Л.Дашевскому было неоднозначное, Т.С.Леви-Бабович считал его узурпатором караимского наследия – он вообще, в отличие от Б.С.Ельяшевича, не был сторонником вывоза рукописей в Ленинград[78]. Так или иначе, в первый свой приезд в Крым В.Л.Дашевский вывез в Ленинград рукописи закрывшейся в Карасубазаре крымчакской синагоги[79].

Вторая командировка В.Л.Дашевского в Крым состоялась в декабре-январе 1930–1931 гг. На этот раз, несмотря на встретившиеся препятствия со стороны Крымского Наркомпроса, В.Л.Дашевскому удалось вывезти рукописную часть «Карай Битиклиги», о чем он отмечает в своем отчете о командировке: «*По оформлению и получению разрешительных бумаг я отправился в Евпаторию, где немедленно занялся отбором и проверкой караимских рукописей, подлежащих изъятию в Академию наук. Рукописи эти разных эпох и дат, начиная с X века и позже, написанные на древнееврейском языке, на арабском еврейскими буквами и на татарском языке также еврейскими буквами. Их оказалось 1000 с лишним экземпляров. Всем им была составлена мною краткая опись, затем написан акт о сдаче, после чего отобраны рукописи, большей*

[74] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 23.03.1931 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[75] По свидетельству В.И.Филоненко Владимир Львович (Вольф Лейбович) Дашевский был по происхождению крымчаком по фамилии Бакши.

[76] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 6.06.1930 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[77] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[78] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 23.04.1931 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[79] Письмо М.Н.Соколова Б.С.Ельяшевичу от 25.06.1930 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

частью переплетенных, были отправлены мною из Евпаторийского музея на адрес Академии. Инкунабул же вовсе не оказалось». 2 февраля 1931 года Институт востоковедения подтвердил передачу рукописей[80].

Вероятно, эту дату можно считать началом раздела «Карай Битиклиги». Основная часть рукописного и книжного фонда караимской национальной библиотеки была передана в Институт востоковедения АН СССР, часть книг попала в собрание Российской государственной библиотеки в Москве и Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Небольшая часть фондов библиотеки и музея осталась в Евпаторийском музее и сохранилась до наших дней (среди прочего – 310 книг, 23 шетара, картины Барри Эгиза). Архив Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления, который также хранился в «Карай Битиклиги», сейчас находится в Государственном архиве Республики Крым в Симферополе. Со слов Т.С.Леви-Бабовича известно, что часть фондов караимской библиотеки была вывезена в Киев[81], а по свидетельству Б.С.Ельяшевича в Государственный дворец-музей тюркско-татарской культуры в Бахчисарае была вывезена часть музейного фонда «Карай Битиклиги», в частности, уникальная коллекция тканей работы дамасских караимов[82]. Что касается «Библиотеки имени А.Ю.Мичри», то, по словам Б.С.Ельяшевича, уже в 1928 году от нее «и четверти не уцелело»[83]. Так разъехалась «Карай Битиклиги» по городам и весям огромной страны, и лишь малая ее часть осталась в Евпатории. Пройдет много лет и в 1996 году «Карай Битиклиги» снова оживет, созданная заново из коллекция караимских общественных деятелей XX века Б.Я.Кокеная и С.И.Кушуль, но это уже совсем другая история.

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 19 (28) – № 20 (29)

---

[80] *Парафило Д.М.* К истории передачи рукописного фонда «Карай Битиклиги» в Институт востоковедения АН СССР // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы VIII Международной научной конференции. Симферополь – Судак, 2015. С. 97.

[81] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 15.12.1932 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[82] Письмо Б.С.Ельяшевича Б.Я.Кокенаю от 24.01.1945 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[83] Письмо Б.С.Ельяшевича М.Н.Соколову от 3.07.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

Виктор
Тирияки

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ «КАРАЙ БИТИКЛИГИ»

Известно, что основой нынешней библиотеки «Карай Битиклиги» и фондов МИЭКК им. С.И.Кушуль послужила коллекция ростовчанина Бориса Яковлевича Кокеная, унаследованная Симит Исааковной Кушуль после его смерти в 1967 году.

Почти 30 лет эта коллекция пополнялась материалами, передаваемыми хранительнице и другими караимами. Условно все хранимое и предназначенное для пользования в будущем можно разделить на две категории: материалы библиотеки и экспонаты музея. Предметы, предназначенные для музея (кроме посуды), хранились в доме Симит Исааковны в разных комнатах, где можно было хоть как-то регулировать температурный режим, медная, керамическая и стеклянная посуда была размещена в подвале. На площадке между кухней и подвалом, в объемном шкафу находились книги на разных языках, дубликаты русскоязычных изданий, которыми хозяйка не пользовалась, рабочие экземпляры книг и журналов – в комоде в гостиной комнате.

В 1996 году С.И.Кушуль передала бóльшую часть музейных экспонатов, которые стали возможны для публичного осмотра на выставке, открывшейся 10 августа этого же года. Смерть Симит Исааковны 11 декабря не позволила продолжить передачу музейных предметов и книг библиотеки, этот процесс возобновился только летом 1997 года. Долгий период передачи материалов объяснялся тем, что М.А.Кискачи[1] жил в Симферополе и не мог часто бывать в Евпатории. Однако, по возможности, быстрейшей передаче способствовала В.И.Комиссарова – мама Михаила. Передаваемые материалы библиотеки первоначально размещались в нижних, наглухо закрываемых частях музейных витрин и для постоянного использования были практически недоступны.

В 2000 году, в соответствии с планом передачи помещений общине, была освобождена комната площадью 10,6 м^2, где после ремонта разместились канцелярия и шкафы с переданными материалами библиотеки. Первоначально материалы были разложены бессистемно, но позже к работе по их учету и тематическому распределению приступила Надежда Павленкова.

Позже приобретенное библиотечное оборудование позволило перенести большую часть материалов в небольшое помещение на хоздворе, которое выстроила община взамен освобождаемой заместителем директора Евпаторийского краеведческого музея канцелярии.

Зимой 2012–2013 годов на хозподворье прошел ремонт подсобных помещений, в результате которого были подготовлены еще 2 небольшие комнаты,

[1] Михаил Александрович Кискачи – внук Симит Исааковны Кушуль.

приспособленные под библиотечное хранилище. В помещения библиотеки, отапливаемые в зимний период электрическими радиаторами, провели централизованное отопление, вентиляцию, установили пожарно-охранную сигнализацию и кондиционер. Постоянно отслеживался температурно-влажностный режим хранения. Вход в библиотеку, стены и крыша находятся под видеонаблюдением, в ночной период территорию охраняют сторожа и служебная собака.

В начале 2013 года к работе в библиотеке приступила Анна Паша. Ей удалось разобрать, систематизировать и взять на учет фонды Будуна, Д.М.Гумуша, Б.Я.Кокеная, Б.С.Ельяшевича (не в полном объеме). По ее предложению была заведена картотека персоналий, позволяющая быстро отыскать биографические данные того или иного общественного деятеля, ученого, просветителя, благотворителя.

Кроме материалов, унаследованных С.И.Кушуль от Б.Я.Кокеная, в библиотеку также поступали книги, письма, фотографии, рукописи, брачные договора, вышивки и документы от Р.А.Айваза, Т.С.Бабаджан, супруги С.Б.Гелеловича, М.Я.Дубинского, А.Н.Казас, В.С.Казаса, М.А.Казаса, дочери И.С.Кобецкого, Л.В.Пенбек, супруги Л.И.Пьясора, С.Б.Синани, В.З.Тирияки, А.В.Хаджи, Д.М.Эля и многих других.

Находящиеся в библиотеке материалы условно можно разделить на следующие группы:

– 20-летняя переписка на караимском языке отца и сына Нейманов конца XIX – начала XX века;

– аттестаты об окончании караимских учебных и ремесленных заведений;

– фотографии XIX–XX веков, на которых представлены индивидуальные и семейные портреты, интерьеры караимских домов и храмов, вышивки, картины, караимские кладбища, караимы-военные, учащиеся мидрашей и АКДУ, газзаны, участники съездов;

– книги по краеведению дореволюционного и советского периода;

– коллекцию караимских брачных договоров, начиная от фрагментарного экземпляра 1767 года;

– несколько сотен книг религиозного содержания на русском, караимском, латинском, немецком, древнееврейском, турецком, арабском и др. языках;

– описи имуществ кенас Феодосии и Мелитополя;

– печатные материалы по фольклору караимов;

– письма И.И.Казаса, Авр.С.Фирковича, С.М.Шапшала, С.А.Фирковича, Б.С.Ельяшевича, С.И.Кушуль, Б.Я.Кокеная, И.Я.Круглевича и многих других;

– подборки караимских журналов;

– подборку караимских рукописных и печатных календарей;

– путеводители и фотоальбомы о Крыме;

– рассылочные документы Духовного Правления;

– рукописи переводов ТаНаХа на язык караимов Крыма;

– рукописные караимские фольклорные сборники;

– рукописные листы траурных песен, составленных Яковом Кокенаем и другими;

– рукописные молитвенники караимов Галича и Крыма;

– собрание караимских молитвенников, начиная от венецианского издания 1529 года;

– три альбома уникальной подборки фотографий Кале и кладбища начала 1970-х годов и др.

С 1 октября 2016 года на постоянную работу в библиотеку принята Анна Паша. Пока невозможно назвать количество единиц хранения в библиотеке, это можно будет сделать после многолетней работы по систематизации и учету всех материалов. Нельзя также говорить и о широкой доступности материалов библиотеки, т. к. условия ее существования далеки от нормативных (отсутствие достаточных площадей и помещений, металлических шкафов для хранения и боксовых картотек, целевого финансирования на охрану и оплату сотрудников, приобретение компьютерного оборудования, систем безопасного хранения…).

Но сохраняется надежда, что с возвращением здания АКДУ караимам, их усилиями, решатся многие проблемы «Карай Битиклиги».

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 21 (30)

Сергей
Шайтанов

К ИСТОРИИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО КАРАИМСКОГО ЖЕНСКОГО БЕСПЛАТНОГО УЧИЛИЩА

Частное караимское женское бесплатное училище 3-го разряда г. Симферополя, также известное под названиями Симферопольская караимская девичья школа имени Эстер Чефаньевны Коген, Караимская женская общественная школа, Караимское общественное девичье училище, Частное женское училище Сараф, было открыто в Симферополе 19 января 1892 года[1]. Инициаторами создания учебного заведения выступили: ученый, общественный деятель и педагог Илья Ильич Казас (1832–1912), который с начала 1890-х годов ходатайствовал перед руководством Одесского учебного округа об открытии подобного училища для

Вечерняя (сменная) школа г. Симферополя.
Здание бывшей Симферопольской караимской женской школы. *Фото 2017 г.*

[1] ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. Л. 41.

караимских девушек, а также его дочь – Анна Ильинична Казас (1867–1942), первая заведующая и содержательница училища. В конце 1891 года ею было направлено прошение инспектору народных училищ Крымского района Таврической дирекции Д.И.Писаревскому об открытии в Симферополе частного караимского бесплатного женского училища 3-го разряда[2]. Прошение было рассмотрено и удовлетворено 2 января 1892 года, когда окружное управление Одесского учебного округа дозволило открыть в Симферополе частное женское караимское училище[3]. По образцу этого училища впоследствии был создан ряд подобных женских караимских школ в других городах, где проживали караимы[4].

«План предполагаемого к открытию в г. Симферополе частного караимского женского училища 3-го разряда», в разработке которого принимали участие, вероятно, сам И.И.Казас и его дочь А.И.Казас, состоял из пятнадцати пунктов. Согласно ему, в училище должны были обучаться девочки караимского вероисповедания без различия сословий от семи до одиннадцати лет. Курс обучения составлял три года и велся на бесплатной основе. Максимальное количество обучающихся не должно было превышать 40 человек. Учебный год длился с 15 августа по 15 июня. Выходными в училище считались высокоторжественные дни, субботы, дни главных караимских праздников: 1-й и 7-й день праздника Пасхи, Шавуот, Рош га-Шана, Йом Киппур, 1-й и 8-й день праздника Суккот, а также дни основных христианских праздников: Новый год (1 января), Крещение (6 января), Рождество Христово (25 декабря), Светлое Христово Воскресение и день Святой Троицы. Предметами преподавания в училище были: русский язык, арифметика, чистописание, рукоделие, пение, гимнастика и караимское вероучение. Содержалось училище за счет симферопольского караимского благотворительного общества, симферопольской городской управы и дохода от ежегодно проводимых в пользу учебного заведения вечеров. Продолжительность урока в училище составляла 50 минут, при этом предполагались между 1-м и 2-м, 2-м и 3-м уроками 10-минутные перемены, а между 3-м и 4-м – получасовая перемена. Учебные пособия в училище использовались только одобренные Министерством народного просвещения. Для преподавания караимского вероучения приглашался человек, имеющий на то право, а все остальные предметы вела содержательница (заведующая) и другие лица, также имеющие на то установленное право. Первоначально училище располагалось в квартире дома Казасов по Малобазарной улице (ныне Некрасова)[5].

На первых порах заведующей и содержательницей училища была дочь И.И.Казаса – Анна Ильинична Казас. Родилась она в 1867 году в Симферополе. В конце 1880-х годов успешно окончила Симферопольскую женскую казенную

[2] *Прохоров Д.А.* И.И.Казас – просветитель караимов и крымских татар // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 7. 2009. С. 138.

[3] *Прохоров Д.А.* Просветительская деятельность Ильи Казаса в конце XIX – начале XX в. : пример межэтнического сотрудничества и добрососедства // Межэтнические отношения в Крыму: поиск путей раннего предупреждения конфликтных ситуаций: сборник исследований, документов и материалов. Симферополь: Сонат, 2005. С. 191–195.

[4] *Ельяшевич Б.С.* И.И.Казас. Его жизнь, научно-литературная, педагогическая и общественная деятельность: Биографический очерк. Евпатория: Типография «Ярык», 1918. С. 18.

[5] ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. Л. 2–3об.

гимназию со званием домашней учительницы. Проживала в начале 1892 года в здании Симферопольской татарской учительской школы[6]. 19 января 1892 года в Симферополе открыла частное бесплатное караимское женское училище 3-го разряда. Почти все предметы (русский язык, арифметика, чистописание, гимнастика), кроме рукоделия и караимского вероучения, преподавала А.И.Казас. Вскоре ее помощницей стала выпускница Симферопольской женской казенной гимназии Рахиль (Раиса) Яковлевна Хаджи[7]. Караимское вероучение преподавал И.И.Казас, а рукоделие вела Рассия Берковна (Розалия Борисовна) Марголина, преподававшая этот же предмет в бесплатном профессиональном женском училище А.М.Коган[8]. 7 декабря 1892 года А.И.Казас подала рапорт на имя инспектора народных училищ Таврической губернии о состоянии училища, согласно которому в конце 1891–1892 учебного года в училище обучалось 26 учениц, из которых выбыло 3, вновь поступило 4. На тот момент в училище было 27 учениц, из них в 1-м отделении 16, во 2-м – 7, а в 3-м – 4. Все ученицы принадлежали к мещанскому сословию и караимскому вероисповеданию[9].

В декабре 1892 года Анна Ильинична Казас вынуждена была оставить должность заведующей открытого ею училища и переехать в Харьков в связи с замужеством. Ее муж, Марк (Мордехай) Моисеевич Кальфа (Кальф) (1855–1918) – харьковский 2-й гильдии купец, благотворитель, учредитель табачной фабрики «Кальфа» в Харькове, крупный землевладелец и промышленник и некоторое время в 1890-х годах гласный Харьковской городской думы. В Харькове А.И.Казас занялась благотворительной деятельностью. В 1912 году она была избрана в состав правления Харьковского благотворительного общества. Также она состояла казначеем местного караимского благотворительного общества по оказанию помощи недостаточным ученикам. А.И.Казас жертвовала крупные суммы на нужды Александровского караимского духовного училища и караимской богадельни «Ярдым» имени Акбике Шапшал в Евпатории[10]. После смерти мужа Кальфы перебрались в Краснодар. Также одной из причин переезда были непрекращающиеся уличные бои в Харькове. В Краснодаре у семьи Кальфов был собственный дом, в котором проживали Анна Ильинична, ее сын Яков Маркович Кальф с женой Саррой Соломоновной и дочерями Тамарой и Анной. Судьба А.И.Казас и её семьи сложилась трагически. 21 августа 1942 году в Краснодаре в возрасте семидесяти четырех лет Анна Ильинична Казас погибла вместе с членами своей семьи во время уничтожения немецкими оккупационными войсками местных и эвакуированных евреев, в число которых попали и караимы[11].

После отъезда из Симферополя А.И.Казас в должности содержательницы караимского бесплатного женского училища ее сменила Султан (Софья) Марковна (Мордехаевна) Сараф, утвержденная Попечителем Одесского учебного округа 5 января 1893 года, но с условием перемены свидетельства об окончании курса

[6] Там же. Л. 44.
[7] Там же. Л. 44, 53.
[8] Там же. Л. 103.
[9] Там же. Л. 104.
[10] *Прохоров Д. А.* И.И.Казас – просветитель караимов и крымских татар… С. 217–218.
[11] Автор стати выражает благодарность М.А.Иванову-Казасу за предоставленные сведения о семье Казас-Кальф.

VIII класса гимназии и аттестата на установленное свидетельство на звание домашней учительницы[12]. Утверждению предшествовало прошение С.М.Сараф от 8 декабря 1892 года на имя директора народных училищ Таврической губернии о назначении ее в звании содержательницы училища в связи с отъездом А.И.Казас[13]. Из биографии С.М.Сараф известно, что родилась она в 1874 году в семье евпаторийского мещанина Мордехая Исааковича Сарафа[14]. 10 июня 1892 года Султан Марковна получила свидетельство Симферопольской женской казенной гимназии на звание домашней учительницы. В Симферополе С.М.Сараф проживала по улице Полицейской (Екатерининской), 14 в собственном доме. Пробыла заведующей училища до 1901 года. В 1902 году С. М. Сараф поступила в Санкт-Петербургский женский медицинский институт, который окончила в 1909 году[15]. Работала городским врачом в г. Карасубазаре Таврической губернии (ныне Белогорск)[16]. После революции эмигрировала в Константинополь (ныне Стамбул), где на май 1921 года была членом Общества русских врачей[17]. Дальнейшая судьба С.М.Сараф неизвестна.

В 1902 году начинается новая страница в истории училища. В этом году на постройку отдельного здания для караимского женского бесплатного училища вдова киевского купца Эстер Чефаньевна Коген[18] пожертвовала 15 тысяч рублей с условием присвоить училищу имя «Когеновское»[19]. Можно предположить, что именно с этого времени учебное заведение начинает располагаться в двухэтажном здании по Кантарной улице (ныне Чехова), д. 13[20], которое находилось в собственности симферопольского караимского благотворительного общества[21]. Стоило здание 22 тысячи рублей. На втором этаже располага-

[12] ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2080. Л. 6.

[13] Там же. Л. 4.

[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 35. Л. 77; там же. Д. 260. Л. 222 об.

[15] ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 4. Д. 3733; ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 9943.

[16] Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1916 г. Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Петроград : Типография Министерства Внутренних Дел, 1916. С. 643.

[17] *Волков С.В.* База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2014. Буква С. С. 121.

[18] Эстер Чефаньевна Коген – дочь евпаторийского купца Чефаньи Шишмана, с 1862 г. была замужем за евпаторийским купеческим сыном Соломоном Ароновичем Когеном (Коген-Ребиоглу) [см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1490. Л. 6], будущим киевским купцом, основателем киевских табачных фабрик «Соломон Коген» (1861 г.) и «Братья Коген» (1863 г.).

[19] Летопись. Вдова киевского купца… // Салгир. № 52. 5.03.1902. С. 2.

[20] По данным МБОУ «Вечерняя (сменная) школа», здание по ул. Чехова, 13, было построено в 1894 г. [см.: Программа развития МБОУ «Вечерняя (сменная) школа» г. Симферополя. Режим доступа: https://s.siteapi.org/a8cdb096f79ff22/docs/16dc17912bd7db4e07738cdb5c2916ed4920e2f1.pdf (дата обращения: 04.10.2018)].

[21] ГАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 69; также известно, что в 1911 г. в здании караимского общества на ул. Кантарной было открыто Крымчацкое женское городское училище 3-го разряда [см.: *Комиссарова В.В.* Служение Симферополю. Александр Шлее. Симферополь, 2009. С. 23]. Т. к. нет данных, что на этой улице караимскому обществу принадлежали еще какие-либо здания, можно заключить, что крымчацкое училище было открыто именно в здании по ул. Кантарной, 13, где к тому времени находилось и описываемое нами караимское женское училище. Подтверждением этому может служить то, что по данным за 1915 г. заведующей крымчацким училищем была караимка Елена Михайловна Кефели, а одной из учительниц – Елена (Эсфирь) Юфудовна Максимаджи, также караимка [см.: Список чинам Таврической губернии на 1915 год // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1915. С. 34].

лись швейные мастерские, где обучающиеся девочки получали навыки кройки и шитья. Выпускницам училища дарили швейные машинки фирмы «Singer». Попечительницей учебного заведения была Вера Самуиловна Пастак (урожд. Крым)[22]. На праздники ее муж А.И.Пастак приглашал всех учениц и учителей училища в свое имение (на территории современного села Мирного Симферопольского р-на), где в саду накрывал богатые столы[23].

В 1902 году заведующей училищем становится Рахиль (Раиса) Яковлевна Хаджи, одна из выдающихся преподавателей симферопольского караимского женского училища. Родилась она в 1868 году в Симферополе в семье бахчисарайского мещанина, будущего почетного блюстителя симферопольского русско-караимского министерского училища Якова Абрамовича Хаджи[24]. В 1890 году окончила симферопольскую женскую гимназию. После открытия караимского бесплатного женского училища Р.Я.Хаджи работает в нем учителем. Предметами ее преподавания были русский язык, арифметика, чистописания и черчение. Также Р.Я.Хаджи активно занималась общественной деятельностью. Она была бессменной председательницей симферопольского караимского благотворительного общества вплоть до ликвидации его в 1920 году[25]. В 1902 и 1903 годах Таврический и Одесский караимский Гахам С.М.Панпулов ходатайствовал перед директором народных училищ Таврической губернии о представлении Р.Я.Хаджи к награде золотой медалью для ношения на груди на Аннинской ленте. Гахам дал следующую оценку Р.Я.Хаджи: «*Рахиль Яковлевна Хаджи <…> посвятила себя всецело заботам и труду по обучению молодого бедного поколения; все почти учившиеся в том училище своим начальным образованием обязаны преподавательнице Рахили Хаджи. Мало того, что Хаджи с полнейшей любовью относится к своим обязанностям преподавателя, но к тому же обязанности эти все время она несет безвозмездно*»[26]. Награждение Р.Я.Хаджи золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте «за усердную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения» последовало 24 ноября 1903 года[27]. Б.С.Ельяшевич называет ее «самой выдающейся общественной деятельницей караимской общины г. Симферополя»[28]. Проживала Р.Я.Хаджи в собственном доме по улице Екатерининской, 3. Умерла в пожилом возрасте.

Курс общеобразовательных предметов караимского женского училища соответствовал программе начальных народных училищ[29]. Среди караимов,

[22] «След малого, но гордого народа»: буклет / Крымская республиканская федерация караимов. Симферополь, 2012.

[23] *Лебедев В.* Караимы в Симферополе // Крымская правда. 1992. № 187 (20652). С. 2.

[24] ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2154. Л. 18.

[25] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / Под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова, Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 198. (Материалы к серии «Народы и культуры».)

[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 865. Л. 2.

[27] Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCLI, февраль. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 96.

[28] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 198.

[29] *Прохоров Д.А.* И.И.Казас – просветитель караимов и крымских татар… С. 138.

Биче Моисеевна Султанская. 1901 г.
Из архива С.М.Танатар

преподававших в училище, также были:

Мария Яковлевна Майкапар, родилась в 1878 году в Симферополе в семье учителя арифметики и геометрии Симферопольской татарской учительской школы, личного дворянина Якова Самуиловича Майкапара (1843–1908). В 1895 году получила свидетельство от педагогического совета симферопольской женской гимназии о присвоении ей звания домашней наставницы по русскому языку и математике. Работала в училище до 1896 года[30]. Проживала М.Я.Майкапар в собственном доме по Верхне-Петропавловской (Володарского) улице, 25. Была замужем за Азарием Гелеловичем Азарьевичем. Умерла в 1902 году в Симферополе[31].

Биче Моисеевна Султанская, родилась в 1877 году в Харькове в семье старшего газзана Моисея Марковича Султанского (1832–1890)[32]. В 1896 году окончила 8-й дополнительный класс Харьковской 1-й Мариинской женской гимназии с присвоением звания домашней наставницы и правом быть преподавателем по выбранным ею предметам (географии) и воспитательницей в женских учебных заведениях. Преподавала Б.М.Султанская в училище с 1897 года около десяти лет[33]. Была замужем за выпускником Санкт-Петербургского лесного института, ученым-лесоводом Авраамом Авессаломовичем Танатаром (1879–1945). Проживала вместе с семьей в доме брата Иосифа по улице Фонтанной (Сергеева-Ценского), 12, а затем по улице Турецкой, 11. Умерла в Симферополе в 1919 году[34].

Марьям Юфудовна Шапшал, родилась в 1888 году в Симферополе в семье потомственного почетного гражданина Юфуды Мордехаевича Шапшала. Преподавала в училище по данным за 1911 год[35]. В 1912 году проживала на улице Кантарной[36]. Позже получила медицинское образование, работала детским врачом-инфекционистом. Умерла в Симферополе[37].

[30] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1897 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1897 год. Симферополь: Таврическая губернская типография. С. 34.

[31] Автор статьи благодарит внучку М. Я. Майкапар И.О.Аметову за предоставленную информацию.

[32] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 127.

[33] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1898 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1898 год. Симферополь: Таврическая губернская типография. С. 39.

[34] Автор статьи благодарит внучку Б.М.Султанской С.М.Танатар за предоставленную информацию.

[35] Справочная книга по г. Симферополю. 1911 г. Симферополь: Типография Г.М.Эпеля и Ф.Т.Коршунова, 1911. С. 239.

[36] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 868. Л. 128, 128об.

[37] *Ормели В.Ю.* Мои встречи с Ханом Шапшалом // Хаджи Серайя Хан Шапшал – выдающийся сын караимского народа. Симферополь, 2010. С. 162.

Эмилия (Мильке) Самойловна Коген. Преподавала в училище по сведениям за 1913 и 1917 годы[38]. Более подробной информации об Э.С.Коген обнаружить не удалось[39].

Преподавателями некараимского происхождения были Розалия Борисовна Марголина, Евдокия Петровна Ростовцева и Мария Владимировна Перепелицына[40].

Важно отметить также основные темы преподаваемого в училище караимского вероучения. Согласно плану вероучение велось 2 раза в неделю. В первом отделении (т. е. на первом курсе обучения) ученицы знакомились с караимскими молитвами и древнееврейской грамотой. Во втором отделении преподавалась ветхозаветная история до Вавилонского пленения, объяснялись главные догматы караимской религии и значение караимских праздников. На третьем курсе ученицы изучали историю до разрушения Иерусалима Титом, историю возникновения караимства, биографии главных караимских вероучителей и продолжали знакомиться с догматами караимской религии и праздниками[41]. В разное время преподавателями караимского вероучения в училище были:

Илья Ильич Казас (1832–1912), караимский просветитель, педагог и поэт. Безвозмездно преподавал в училище с 1892 по 1894 год[42].

Шаббетай Борисович Койчу, преподавал в училище до 1898 года. Он также служил с 1878 году вероучителем при симферопольском караимском министерском училище (мидраше). Проживал на улице Фонтанной в доме Иовани[43]. Из донесения Ш.Б.Койчу на имя Гахама о состоянии караимских школ в 1897 и 1898 годах видно, что в частном женском училище Сараф состояло три учительницы и один законоучитель, обучалось 25 учениц[44].

Бераха (Берехья) Шаалтиэлевич Харченко, трокский мещанин. С 1884 по 1892 годы служил шаммашем, а с 1892 по 1896 годы – младшим газзаном при перекопской кенасе. Уволился по собственному прошению[45]. В училище преподавал с 1898 по 1900 год[46].

Иосиф Моисеевич Кефели (1846–1927), младший газзан в Симферополе с 1900 по 1904 год. В 1900–1904 годах преподавал в училище. По данным

[38] Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1 (20 мая). С. 9; Адрес-календарь г. Симферополя на 1913 год // Справочная книга по г. Симферополю на 1913 год. Симферополь, 1913. С. 52.

[39] Ее можно идентифицировать с Орленко (Коген) Эмилией Самойловной, 1888 г. р., которая в 1940-х гг. проживала в Симферополе.

[40] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1896 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1896 год. Симферополь: Таврическая губернская типография. С. 36–37.

[41] ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. Л. 2об. – 3.

[42] *Прохоров Д.А.* Просветительская деятельность Ильи Казаса…

[43] ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2181. Л. 37.

[44] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. Л. 8, 29, 29об.

[45] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 14об.–16.

[46] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1899 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1899 год. Симферополь: Таврическая губернская типография. – С. 42; Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1901 год // Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1901 год. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. С. 46.

И.М.Кефели, в Симферопольском караимском девичьем училище в 1900 году обучалось 28 девочек, преподавало 6 учителей: по караимскому языку, учитель пения, три учительницы по предметам и учительница рукоделия[47]. На следующий год И.М.Кефели доложил Гахаму, что в общественной караимской девичьей школе 30 учениц, прибыло 7, выбыло 4; три преподавателя и один законоучитель[48].

Рафаил (Рафаэль) Яковлевич Кальфа (1873–1951). В годы немецкой оккупации служил газзаном в Евпатории с 1942 года два года и два месяца[49]. Преподавал в училище с 1904 года. В 1907 году должность вероучителя была вакантной. В 1908 году по сведениям габбая М.Шишмана в бесплатной девичьей школе имени Коген обучалось 18 учениц и преподавали две учительницы[50].

Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971), младший (1909–1913), а затем старший (1913–1915) газзан в Симферополе[51]. Жил на улице Госпитальной (ныне Курчатова), 3[52]. Преподавал караимское вероучение в училище по данным на 1911 и 1913 годы[53].

Исаак Юфудович Ормели(1882–1940), младший газзан в Симферополе с 1915 года. Проживал на улице Малобазарной в доме Иванова[54]. В 1916–1917 годах, а скорее всего и до дня закрытия училища, служил преподавателем караимского вероучения при училище[55]. В марте – апреле 1916 года вокруг И.Ю.Ормели разгорелся небольшой скандал, поводом для которого стало якобы участие с разрешения симферопольского газзана в богослужении женщин. Этот инцидент стал даже достоянием печати. Но на деле все оказалось гораздо иначе – И.Ю.Ормели ввел в практику чтение ученицами школы благотворительного общества (т. е. училища имени Э.Ч.Коген) после богослужения глав из книги «Минхат Югуда» («Приношение Иуды») караимского экзегета из Константинополя Иегуды бен Элиягу Гиббора (жил в конце XV – начале XVI века[56]), помещенной в 1-й части «Молитвенной книги по обряду караимов» издания купца Я.И.Шишмана. «Допущено это было с моей стороны с целью поощрения и проявления некоторого интереса к своему языку и Закону Божьему», – писал в своем объяснительном рапорте от 5 апреля 1916 года в адрес Духовного Правления И.Ю.Ормели. В дополнение к этому 25 апреля симферопольский газзан доводит до сведения Духовного Правления, что чтение вышеуказанного сочинения «…было допущено только в женском отделении кенасы»[57]. Таким образом, И.Ю.Ормели стал жертвой злых языков, из-за чего подвергся незаслуженным обвинениям на страницах прессы.

---

[47] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. Л. 50.

[48] Там же. Л. 61.

[49] Письмо Р.Я.Кальфы Б.Я.Кокенаю // Карай Битиклиги. Архив Б.Я.Кокеная. № 2768.

[50] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1073. Л. 40.

[51] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17об. – 18.

[52] Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1915. С. 331.

[53] Справочная книга по г. Симферополю. 1911 г…; Адрес-календарь г. Симферополя на 1913 год…

[54] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1312. Л. 4.

[55] Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1 (20 мая). С. 9.

[56] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 27.

[57] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342.

К сожалению, на сегодняшний день нам мало что известно из истории училища после Февральской революции и до его ликвидации. В 1917 году в здании училища проходили встречи «Культурно-просветительского кружка караимской молодежи» (председатель А.А.Зайончковский). Так, 16 сентября 1917 года по инициативе организационной комиссии по учреждению кружка в помещении девичьей караимской школы был устроен вечер, прибыль с которого поступила в фонд кружка. 15 октября того же года вновь в помещении училища правлением кружка для своих членов была устроена лекция на тему «Социализм и Учредительное собрание в России», которую провел помощник присяжного поверенного З.И.Синани[58]. В 1921 году здание по Кантарной, 13, продолжало принадлежать караимскому обществу, в нем проживала Сарра Марковна Оксюз[59], а само училище просуществовало до 1924 года, когда по решению местных властей оно было закрыто. В его здании на верхнем (втором) этаже в августе 1924 года расположился центральный клуб Крымского объединения караимских общин (КрымОКО)[60], председателем которого был Марк Самойлович (Семенович) Новицкий[61].

Таким образом, проследив историю училища от его основания в 1892 году и до закрытия в 1924 году, мы приходим к выводу, что данное учебное заведение сыграло важную роль в становлении женского караимского образования в Крыму, став одним из первых подобных училищ в России. Немало этому способствовали видные деятели караимского просвещения: И.И.Казас, А.И.Казас, С.М.Сараф, Р.Я.Хаджи. В память об училище в его бывшем здании на 1-м этаже по ул. Чехова, 13, по инициативе караимского национально-культурного общества «Карайлар» и в его кабинете с разрешения Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры в 2001 году была установлена мемориальная доска с текстом: «Здание караимской школы. Построено в 1892 г. на средства караимского народа. С 1924 г. по 1930 г. здесь размещался Центральный клуб Крымского объединения караимских общин».

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 23 (32)

---

[58] Симферополь: хроника // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6 (1 ноября). С. 55.

[59] ГАРК. Р–219. Оп. 1. Д. 63в.

[60] Сводка Правления Крымского объединения караимских общин от 1-го июня до 1-го ноября 1924 года // Личный архив И.А.Шайтанова; Крым : путеводитель / Ред. комиссия Крымск. о-ва естествоиспытателей в составе: И.М.Волошинова, проф. В.В.Лункевича, проф. И.И.Пузанова, А.О.Штекера. 3-е изд. полное. Симферополь: Крымск. гос. изд-во, [19]. С. 324.

[61] М.С.Новицкий родился в 1892 г. в г. Троках (ныне – Тракай) в семье Самуила Осиповича Новицкого (1849–1929) и Асенат Эфраимовны Дубинской (1843–1930). Имел высшее образование. С 1922 г. был женат на Эстер Исааковне Султанской. Жил в Симферополе, затем в Севастополе. Арестован 23.08.1937 Севастопольским ГО НКВД Крыма по статье 58–6 УК РСФСР: польский шпион. Осужден 28.10.1937 Тройкой НКВД Крыма к расстрелу. Реабилитирован 29.03.1990 г. Военной прокуратурой Одесского военного округа [см.: ГАРК. Р–4808. Оп. 1. Д. 017003. За предоставленную информацию благодарю М.Абкович и С.М.Танатар.

Вячеслав
Ельяшевич

КАРАИМСКАЯ КНИГА В КРЫМУ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАРАИМСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Караимское книгопечатание является одним из самых ярких и интересных эпизодов в истории крымских караимов, интерес к которому не спадает на протяжении многих лет. Впервые тему караимского книгопечатания стал изучать в 1920-х годах севастопольский газзан Товия Симович Леви-Бабович (1879–1956), написавший статью «Книгопечатание у караимов», которая, к сожалению, не была опубликована и не сохранилась. Затем к караимскому книгопечатанию обращались наши современники: доктор Ф.Миллер, Б.Д.Валвиш, С.Приднев, М.Гаммал, М.Б.Кизилов и Д.А.Прохоров, благодаря которым мы имеем общее представление об истории караимских типографий[1]. Несмотря на это, по причине скудности источников, тема до конца не изучена и, таким образом, сохраняет свою актуальность и сегодня. В настоящей работе, воспользовавшись опытом наших предшественников и дополнив его новыми материалами, которые вводятся в научный оборот впервые, мы предоставим читателю очерк по истории возникновения и развития караимского книгопечатания в Крыму.

В качестве основного материала для данной статьи послужили книжные коллекции фондов Национальной караимской библиотеки «Карай Битиклиги» и Евпаторийского краеведческого музея, ознакомиться с которыми автору удалось благодаря содействию евпаторийского газзана В.З.Тирияки и главному хранителю музея Н.Б.Дмитерко. Дополнительные сведения о выпущенных в Крыму караимских книгах получены из каталога выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки «Книги караимов

[1] *Miller Philip.* Prayer Book Politics: An Attempt to Print the Karaite Siddur in 1866 that was Canceled // Studies in Bibliography and Booklore. V. 18. 1993. P; Miller Philip. Agenda in Karaite Printing in the Crimea During the Middle Third of the Nineteenth Century // Studies in Bibliography and Booklore. V. 20. 1998. P. 82–88.

Приднев С. Караимские книги, изданные в Евпатории // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. №14. 1996. С. 58–64; *Walfish Barry D.* Karaite Pressand Printing // Karaite Judaism. A Guidetoits Historyand Literary Sources (editedby Meira Polliack/ Leiden-Boston. 2003. P. 925–940; *Walfish Barry D. with Mikhail Kizilov*. Bibliografia Karaitica. Leiden – Boston. 2011. 810 p.; *Гаммал М.* Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2013. С. 265–286; *Кизилов М.Б.* История караимского книгопечатания и судьба библиотеки «Карай Битиклиги» // Книги караимов Крыма. Каталог выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки (составитель К.Ю.Бурмистров). М., 2016. С. 70–71; *Прохоров Д.А.* Караимское книжное собрание из фондов Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника // МАИАСК. Вып. 8. 2016. С. 485–520.

Крыма» (составитель К.Ю.Бурмистров), изданного в 2016 году. Совершенно новым, неизвестным до сегодняшних дней источником, послужила хранящаяся в Государственном архиве Республики Крым переписка о создании в Евпатории караимской типографии, написанная на караимском (крымскотатарском) языке[2].

С появлением караимов в Крыму в XIII веке в этот регион приходит традиция переписывания свитков Торы и религиозных трудов. Как следует из колофонов, оставленных переписчиками рукописей, эта традиция была развита в Крыму так же, как и в других регионах, где были крупные еврейские общины с высоким уровнем образованности[3]. После изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом в XV веке книжная культура вступила в новую эпоху, и для караимской общины Крыма со временем стал актуальным вопрос издания печатных книг. Первой караимской печатной книгой, появившейся в Крыму, был изданный в 1528 году по заказу константинопольского караима Иосифа Реббичи в типографии Даниэля Бомберга (Венеция) молитвенник «Седер hатефилот ле-минhаг кеhилот hа-караим» – «Порядок молитв (или же «молитвенник», «молитвенная книга») по обычаю караимских общин», более известный среди караимов как «венецианский молитвенник»[4]. В наше время эта книга является библиографической редкостью, в Республике Крым ее экземпляры хранятся в фондах Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника и Национальной караимской библиотеки «Карай Битиклиги» (Евпатория).

Немногим позже караимские книги были изданы в Константинополе (Стамбуле), которые, несомненно, имели хождение и в Крыму, но сами крымские караимы в то время были еще очень далеки от создания собственной типографии. Перед тем, как перейти к рассказу о караимском книгопечатании в Крыму, отметим, что под караимской типографией мы понимаем такую типографию, которая была основана караимами и печатала только караимские книги.

Типография в Чуфут-Кале

Впервые караимская типография в Крыму была основана в 1731 году в Чуфут-Кале – это была первая типография на Крымском полуострове. Типографию основали братья Афеда и Шаббетай Ерака, Менахем Чадык Иерушалми и Ильягу Иерушалми под покровительством лидера крымских караимов Исаака бен Моше Челеби Синани (1697–1756). Надо сказать, что упоминаемая во многих публикациях дата основания типографии 1731 год, на которую указывает также и Т.С.Леви-Бабович, пока что не имеет документального подтверждения[5]. Достоверно известно лишь то, что в 1734 году в этой первой крым-

[2] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 79–112.

[3] *Ахиезер Г.* Караимские и раббанитские переписчики периода генуэзской Каффы по материалам рукописных собраний // Караимы Феодосии. История. Религия. Культура. Симферополь-Феодосия, 2018. С. 12–23.

[4] *Кокенай Б.Я.* Крымские караимы. С. 18 (рукопись) // Архив Б.Я.Кокеная, Караимская национальная библиотека «Карай Битиклиги».

[5] См., напр.: *Шапшал С.М.* История происхождения должности и характер деятельности караимских гахамов // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 1. С. 6.

סדר התפטרות ושאר הדברים המקבצים מפה
ומפה כאלו היו נדחים ונפוצים איש מעל אחיו
ועתה נקבצו במקום אחד במצות השר הגדול
העומד על בני עמנו כמהר יצחק צלבי סינאני
החכם הגביר נרו בכהר משה צלבי סינאני
החכם השלם הנביר הנעלה האלהי והקדוש
זצוקל וקרא את שמו
מקבץ נדחי ישראל
לכונה ידועה אצלו
קלעא
נדפס פה בעיר יעפ בבית הספר
נדפוס חדש על כני מקרח שם הקימו בם
החכמים המכונים
החכם כהר אפדה ירקא יצו ואחיו
כהר שבתי ירקא החם שביל יצו בני
החכם החזן כמהר אברהם ירקא
חזן הנכבד נרו
וחברו כהר מנחם צדיק ירושלמי המשביל יצו
בכר מרדכי צדיק זל
וחברו כהר אליהו ירושלמי הנחמד יצו בכמהר
שלמה ירושלמי החכם הנכבד נפת
תחת ממשלת אדוננו המלך קפליאן גראי כאן
ירום הודו ותנשא מלכותו אמן
ויכתבון
נפוצת מי יתן לפו מלי
כענן בניל ועופרה

Титульный лист молитвенника 1734 г. «Мекабеч нидхе Йисраэль»

ской типографии была напечатана книга под названием «Мекаббеч нидхе Йисраэль» («Собрание изгнанников Израиля»), которая является первой книгой, изданной на Крымском полуострове. Полное название книги на титульном листе дает нам некоторое представлении о личности Челеби Синани: «Собрание hафтарот[6] и других вещей, собранных отовсюду, которые были разбросаны и рассеяны, «и отделились друг от друга»[7], и теперь собраны в одном месте по указу великого князя, стоящего во главе нашего народа, почтенного нашего учителя и рибби Исаака Челеби Синани, гевира, мудрого, да хранит его Твердыня его и Избавитель, сына почтенного учителя нашего и рибби Моше Челеби Синани, совершенного мудреца, гевира возвышенного, божественного и святого, вечная память праведным и святым, и назвали его «Собрание рассеянного Израиля»[8]. В конце книги было напечатано интересное письмо Моше бен Ильягу Паша, в котором вкратце рассказывается об обстоятельствах появления типографии в Чуфут-Кале. Так, например, из письма мы узнаем, что по приглашению Челеби Синани в Чуфут-Кале из Стамбула приехали три типографа, Шемуэль бен Ефет, Ирмиягу бен Эзра, Шемуэль бен Моше, а сам Паша был редактором и корректором. По сведениям Филиппа Миллера и Дана Шапира типография была перевезена в Чуфут-Кале из Стамбула, где она уже начала свою работу[9].

В 1737 году типография Синани переиздала исправленный «венецианский молитвенник» в четырех частях[10] под названием «Седер hа-тефилот ле-минhаг кеhилот hа-караим ашер бе-гелилот Къырым ве-Кустандина ве-hа-кеhилот бе-

[6] Гафтарот (*евр.*) – отрывки из пророческих книг, которые читают по субботам во время богослужения.

[7] Библейская цитата (Бытие, 13:11).

[8] Мекаббеч нидхе Йисраэль. Чуфут-Кале. 1734 (фотокопия титульного листа) // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги» (Евпатория).

[9] *Miller Philip.* Agendain Karaite Printing in the Crimea During the Middle Third of the Nineteenth Century // Studies in Bibliography and Booklore. V. 20. 1998. P. 82–88; *Shapira Dan D.Y.* Karaite Printing in Ottoman Empire // Paper submitted to the 2nd International Symposium History of Printing and Publishing in the Language and Countries of the Middle East. Paris, 2005.

[10] Традиционно караимский молитвенник состоит из четырех частей: 1. Молитвы на будние дни и субботы, с гафтарот; 2. Молитвы на праздники; 3. Молитвы на Йом Киппур; 4. Благословения.

мединат Полин» – «Порядок молитв по обычаю караимских общин Крыма, Константинополя и Польши». Причем четвертый том вышел в свет в 1741 году под заглавием «Берахот» – «Благословения», после чего первая караимская типография, вероятнее всего, прекратила свое существование, так как не сохранилось ни одной выпущенной ею книги с более поздней датой издания[11]. Известно, что первой типографией в Крыму воспользовался также крымчак Моше Кокоз, который издал в ней молитвенник по обряду крымчаков Кефе и Карасубазара[12].

סדר התפלות למנהג קהלות הקראים

Титульный лист молитвенника 1737 г.
EKM

Издательское дело в Крыму возродилось лишь в следующем столетии. В 1804 году в Чуфут-Кале под покровительством лидера крымских караимов и бывшего ханского вельможи Вениамина Ага (?–1824) была основана новая типография, которая в 1805 году издала молитвенник в трех частях – «Сиддуре ha-тефилот ле-коль ha-шана кефи минhаг каhалот ha-караим ha-дарим бе-гелилот Къырым ве-Костантина ве-Полин ве-Лита» («Порядок молитв на весь год по обычаю караимских общин, проживающих в Крыму, Константинополе, Польше и Литве»). Как следует из текста на титульном листе молитвенника, изначально издатели планировали издать только три части, но позже, в 1809 году была издана и четвертая часть «Сиддур берахот ле-коль ha-шана ле-йамей ha-холь у-ле-шаббатот» («Благословения на весь год, на будние и субботние дни»). Кроме этого, в 1806 году в новой типографии был издан календарь на 1807–1840 годы – первый печатный караимский календарь.

Руководителем нового издательского проекта стал известный караимский ученый Исаак бен Шеломо (1755–1826), который, по сведениям Б.С.Ельяшевича, также выступал и в качестве редактора[13]. Основная информа-

[11] *Walfish D. Barry.* Karaite Press and Printing // Karaite Judaism. A Guide to its History and Literary Sources (edited by Meira Polliack). Leiden-Boston, 2003. P. 934.

[12] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 432. Л. 1 (об). (Автор благодарит М.Б.Кизилова за предоставленный материал) *Miller Philip*. Agenda in Karaite Printing in the Crimea During the Middle Third of the Nineteenth Century // Studies in Bibliography and Booklore. V. 20. 1998. P. 83; Кая И.С. По поводу одной крымчакской рукописи // ИТОАиЭ. Т. 1 (58). 1927. С. 102.

[13] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Книга 2. М., 1993. С. 72.

Молитвенник 1809 г.
ЕКМ

ция о второй типографии Чуфут-Кале содержится в текстах вступительных статей и на титульных листах изданных ею молитвенников. Как следует из вступления к изданию 1805 года (Евпаторийский краеведческий музей), написанного Исааком бен Шеломо, типография была основана на пожертвования гевиров (предводителей, финансистов) караимских общин Кале (Чуфут-Кале), Гезлева (Евпатории) и Кефе (Феодосия), а печатный станок был выписан «из Польши». В поэтической форме Исаак бен Шеломо сокрушается о том, что в течение почти семидесяти лет не нашлось людей, которые взялись бы издавать молитвенники, между тем как даже в переизданном и исправленном венецианском молитвеннике осталось много ошибок[14]. Эту задачу берет на себя Исаак бен Шеломо, и не только правит издание 1737 года, но и дополняет его новыми пиютами и земмерами (религиозными песнопениями). Во вступительной статье сообщается, что гевиры и ученые (в количестве двенадцати человек) отозвались на идею издания нового молитвенника, и была собрана, как буквально в тексте «большая сумма». Так появилась на свет новая караимская типография, просуществовавшая всего лишь пять лет.

Причина столь недолгого существования обеих типографий, по мнению Т.С.Леви-Бабовича, заключается в том, что ее основатели не ставили своей задачей широкую издательскую деятельность, а скорее руководствовались практичной и насущной задачей – обеспечить караимов собственными молитвенниками, которые были бы дешевле и доступнее молитвенников, изданных в Венеции[15]. Поэтому, как только молитвенники были изданы, типографии, по выражению Т.С.Леви-Бабовича, «умерли естественной смертью»[16].

Большой интерес вызывает вопрос местонахождения первой в истории Крыма типографии, на который пока не найдено однозначного ответа. Без-

[14] Сиддур ha-тефилот ле-коль ha-шана кефи минhаг kahалот ha-караим ha-дарим бе-гелилот Къырым ве-Костантина ве-Полин ве-Лита. Чуфут-Кале, 1805. Караимская национальная библиотека «Карай Битиклиги».

[15] На титульном листе ошибочно указан 1742 г. издания. См.: Книги караимов Крыма. Каталог выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки / составитель Константин Бурмистров. М., 2016. С. 34.

[16] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 432. Л. 1 (об). (Автор благодарит М.Б.Кизилова за предоставленный материал).

Типографские литеры, найденные в Чуфут-Кале.
Из коллекции М.Б.Кизилова

успешные попытки найти караимскую типографию в Чуфут-Кале были предприняты в 1920-х годах историком и этнографом Османом Акчокраклы[17]. Лишь в наше время удалось обнаружить артефакты, не решающие вопроса о местонахождении типографии, но имеющие к ней прямое отношение. В 1987 году по свидетельству археолога М.Я.Чорефа под южными обрывами плато Чуфут-Кале местными краеведами было найдено несколько металлических литер длиной 24 мм с древнееврейскими буквами[18]. Литера с буквой «шин» (длиной в 2,5 см) – передана М.М.Чорефом М.Б.Кизилову. В 2015 году среди подъемного материала были обнаружены и переданы М.Б. Кизилову четыре свинцовых заготовки. Одна заготовка – длиной около 2,4 см и три более широких заготовки под несколько букв – длиной 2 см. Это явно отражает два этапа функционирования типографии и использование двух разных станков для печати[19].

Из титульного листа перовой караимской печатной книги известно, что напечатана она в доме Исаака Челеби, но это не решает проблемы. По сведениям Б.Я.Кокеная в Чуфут-Кале было два дома Челеби Синани. Определенно заслуживает внимания свидетельство смотрителя Чуфут-Кале А.С.Дубинского, сообщившего Б.Я.Кокенаю о том, что караимская типография находилась рядом с кенасой. В своем письме В.Г.Гарагуле Б.Я.Кокенай приводит небольшую схему расположения типографии по отношению к кенасе, ссылаясь на А.С.Дубинского[20]. Учитывая тот факт, что А.С.Дубинский проживал в Чуфут-Кале с 1911 года и мог располагать показаниями караимов – старожилов Бахчисарая, к его сведениям можно относится с доверием, и потому предположительно считать, что типография находилась в указанном им месте.

«Хевра кедуша» и типографии в Евпатории

Прошло сравнительно немного времени после того, как вторая типография прекратила свое существование, и в караимской общине вновь стал актуальным вопрос книгопечатания. У истоков нового издательского проекта стоял видный караимский ученый Иосиф-Соломон бен Моисей Луцкий (1768–1844), более известный под акронимом Яшар, в 1803 году переехавший из Луцка в

[17] *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале. Симферополь, 1928. С. 2–3.
[18] *Чореф М.Я.* Крымские караимы. М., 1993. С. 17.
[19] Написано со слов М.Б.Кизилова.
[20] Письмо Б.Я.Кокеная В.Г.Гарагуле от 10.11.64 // Архив Б.Я.Кокеная. Караимская национальная библиотека «Карай Битиклиги» (Евпатория); *Кокенай Б.Я.* Караим-Калэ. Древний караимский городок близ Бахчисарая. Исторический очерк // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги» (неопубликованное).

Евпаторию. В первой четверти XIX века центр караимской жизни перемещается из Чуфут-Кале в Евпаторию, где заметно возвышаются братья Сима и Бабакай Бобовичи, ставшие во главе караимской общины Крыма. Здесь же, в Евпатории, в 1837 году по инициативе Симы Соломоновича Бобовича учреждается Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление. Поэтому именно в Евпаторию стекаются лучшие умы приходящей в упадок караимской общины Луцка и принимают самое активное участие в интеллектуальной жизни крымских караимов, и среди них Иосиф-Соломон бен Моисей Луцкий.

В отличие от своих предшественников, печатавших богослужебные книги, Яшар поставил перед собой задачу издания экзегетических трудов караимских законоучителей, которые были известны караимам только в рукописях. Это было актуально, поскольку по словам А.С.Фирковича, из-за отсутствия печатной караимской экзегетики караимам приходилось обращаться к толкованиям евреев-раввинистов[21]. Интересно, что инициатива издания исходила от караимов Галича, а Яшар первое время выступал в качестве посредника в этом деле между двумя общинами[22].

О самом начальном этапе создания типографии мы узнаем из его письма 1831 года, из которого видно, что галицкие караимы планировали издавать книги по подписке в Вене и искали недостающее количество подписчиков в Крыму. Сначала дело шло медленно, и Яшар жаловался, что в этом деле у него не было помощника, кроме его зятя Давида[23]. Однако все же нужное количество подписчиков в Крыму, желающих приобрести книги, было найдено. Первые подписчики, как их называли «хаверим» («друзья»), составили ядро общества, поучившего название «хевра кедуша» («святое общество», то есть общество людей, занимавшихся «святым делом» по изданию священных книг), которое затем было пополнено десятками новых «друзей» из Евпатории, Чуфут-Кале, Феодосии и Стамбула. В их числе были такие известные караимские деятели, как Сима Соломонович Бобович (1790–1855), Авраам Самуилович Фиркович (1787–1874), Давид Мордехаевич Кокизов (1797–1846). «Хаверим» платили взнос не менее, чем 100 рублей и определяли, какую рукопись надо издавать, они-то и были основателями типографии, без участия которых типографский станок так бы и не заработал. В благодарность за это имена всех членов «священного общества» публиковались в начале каждой изданной книги.

Начало работы новой типографии в 1833 году было ознаменовано двумя небольшими изданиями: «Шивхе тода» («Слова благодарности») – сборник хвалебных од в честь императора Николая I и царских вельмож, написанных Яшаром, его сыном Авраамом, Мордехаем Казасом и А.С.Фирковичем (на древнееврейском и крымскотатарском языках)[24], и «Иггерет тешуат Йисраэль»

---

[21] *Яков бен Реувен.* Га-Ошер // Мивхар йешарим. Евпатория, 1836. Л. 26.

[22] Здесь и далее сведения об издательской деятельности Яшара почерпнуты из его переписки с караимскими общинами Галича и Крыма (ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 86–112).

[23] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

[24] *Walfish D. Barry.* Karaite Pressand Printing // Karaite Judaism. A Guide to its History and Literary Sources (edited by Meira Polliack) Leiden–Boston, 2003. P. 927, 940. Жанр хвалебной оды, к которому часто прибегали, чтобы восхвалить ту или иную царскую особу за милости и благодеяния, был очень популярен у караимов на протяжении всего XIX в., особенно в первой его половине.

(«Послание о спасении Израиля») – описание поездки караимской делегации во главе с Симой Соломоновичем Бобовичем в 1827 году в Санкт-Петербург с целью ходатайства об освобождении караимов от рекрутской повинности (на древнееврейском языке)[25]. По сведениям Б.С.Ельяшевича роли в новом издательском проекте были распределены следующим образом: А.С.Фиркович был организатором, работой по отбору рукописей и их редактированием занимался Яшар, корректура была возложена на Д.М.Кокизова[26]. Интересно, что сам А.С.Фиркович в своей книге «Авнэ зиккарон» (1872) отводит себе главную роль в издательском деле и совершенно умалчивает о роли Яшара[27]. Такое же главенство приписывает А.С.Фирковичу и Б.С.Ельяшевич[28]. Однако, у нас есть основания усомниться в безусловном лидерстве А.С.Фирковича. Дело в том, что в переписке Яшара в 1831 году по вопросу издания книг имя А.С.Фирковича не упоминается ни разу, да и сам он был в то время в Стамбуле и не вошел в число первых подписчиков. К издательскому проекту он присоединился после своего возвращения из Стамбула в 1832 году. Вероятно, он действительно взял на себя организацию этого дела, но говорить о его главенствующей роли будет несправедливо по отношению к Яшару, который, несомненно, стоял у истоков издания и был его двигающей силой. Непосредственное отношение к издательству имел также сын А.С.Фирковича Яков Фиркович, который в 1842 году издал небольшие сочинения своего отца «Седдер ha-лиммуд ле-хиннух ha-наарим ми альфа бета би-келалим кечарим у-вераха ве-hодаа» (учебник древнееврейского языка) и «Бераха ве-hодаа» (сборник пиютов).

По целому ряду причин, и в первую очередь экономического характера, Яшар отказался от планов издавать книги в Вене и Стамбуле (что тоже рассматривалось) и решил приступить к изданию в Крыму, а именно в Евпатории. До конца не ясно, была ли третья караимская типография совершенно новой или же она была перевезена из Чуфут-Кале, как сообщает нам об этом Б.С.Ельяшевич. Возможно, с появлением новых материалов этот вопрос в дальнейшем прояснится.

Как нам известно из письма Яшара в Галич, в первую очередь в планах издателей стояло издание таких экзегетических трудов как «Мивхар», «Аддерет Эльягу», «Эшколь ha-кофер», «Эч хаим» и «Кетер Тора»[29]. Есть сведения, что луцкий ученый собирался также издавать книги по логике и медицине и все имеющиеся у караимов труды средневекового еврейского философа Маймонида[30]. Однако, этот список пришлось сократить, так как большинство

---

[25] *Шапшал С.М.* Краткий очерк тюркско-караимской литературы // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 1. С. 7.

[26] *Ельяшевич Б.С.* Авраам Самуилович Фиркович. 1786–1874 // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Выпуск XIV. Караимы. Книга 2. С. 104.

[27] Авнэ зиккарон // Известия Караимского Духовного Правления. № 2. Евпатория, 1918. С. 9.

[28] *Ельяшевич Б.С.* Авраам Самуилович Фиркович…С. 109.

[29] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

[30] *Гаммал М.* Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2013. С. 279.

ספר

המצות הנקרא

אדרת אליהו

להרב האלהי אדוננו מורנו ורבנו כמהר"ר **אליהו** בשייצי החכם השלם והכולל הפילוסוף הרוכן הכלי הכפורסם הפוסק האחרון בן הר"ר **מנחם** יעמ"ש האדרבי פוליסי : אשר לא ישוער חין ערכו וחועלתו : כי ירדך עניים בכשפטי התורה התמימה וילמד עניים דרכי ה' ואחזות חסד ואמת לנוצרי בריתו יח' ועדותיו : הובא לבית הדפוס בהוצאת החברים המכורכים מעמידי הדפוס הכבורים בשמותם בלוח התחיסות המורפסות פה יצ"ו :

адресть елиу

פה

גוזלוו

въ ЕВПАТОРІИ

תחת ממשלת אדוננו הארון החסכן הקיסר הגדול **ניכולאיי הראשון** אבפראטור פוולאוויץ המושל כל ארצות רוססייא ושאר הגלילות המשועבדות תחת יד ממשלתו ירום הודו ותגשא מלכותו כעלה אבי"ר :

בשנת **תקנד** לפ"ק

והסימן הזה **אנכי** שולח לכם **את אליה** הנביא לפני בוא יום יהוה הגדול והנורא : **והשיב לב אבות** על **בנים** ולב **בנים** על **אבותם** :

נדפס בבית הר"ר **דוד** המגיה בבמה"ר **מרדכי** החזן נב"ח :

Титульный лист «Аддерет Эльягу» (1835). *EKM*

подписчиков-«хаверим» согласились на издание только двух наиболее авторитетных сочинений караимских авторов, изучение которых было обязательным в караимских мидрашах: это книга «Мивхар» («Избранное», 1294 г.) Аарона бен Иосифа ha-Рофе (1260–1320) – комментарии на Пятикнижие Моисея; и книга «Аддерет Эльягу» («Плащ Ильи») Эльягу бен Моисея бен Менагема Башиячи (?–1490) – систематическое изложение религиозных законов. Обе книги были изданы в 1834 году вместе с трудом современника издателей Исаака бен Шеломо «Пиннат икрат» – толкование десяти основ веры («асара икарим»). На титульных листах этих книг сообщается, что «Аддерет» был напечатан в доме Давида Мордехаевича Кокизова, а «Мивхар» – в доме Шаббетая Вениаминовича Танатара[31].

В истории третьей типографии нам известен конфликт, возникший между Яшаром и корректором Д.М.Кокизовым на самом начальном этапе издательского дела[32]. Как мы знаем со слов сына Д.М.Кокизова, Нисана Кокизова, и А.С.Фирковича, изначально подписчики пожелали издавать книгу «Мивхар» с комментариями к ней Мордехая бен Нисана Кокизова «Маамар Мордехай» («Слово Мордехая»), однако Яшар настоял на том, чтобы книга была издана с его собственными комментариями под названием «Тырат кесеф». Кроме того, Д.М.Кокизов обвинил Яшара в том, что тот заимствовал многие места из комментариев его прадеда Мордехая бен Нисана Кокизова, жившего в XVIII веке. Вероятно, чтобы не остаться без ответа, Д.М.Кокизов написал сочинение «Шевер Иосиф» («Сокрушение Иосифа»[33]), и в это же время им были написаны два астрономических сочинения «Гелихот олам» («Движения вселенной») и «Йомот олам» («Дни вселенной»). Последние два сочинения были изданы А.С.Фирковичем, вероятно симпатизирующим Д.М.Кокизову, в типографии Янкеля Шмуйловича Финкельмана в 1835 году в качестве приложения к книге «Аддерет Эльягу». Как сообщает нам М.Гаммал в своей статье «Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму», в результате этого конфликта Д.М.Кокизов лишился места корректора в издательстве[34]. Однако, его сын Нисан Кокизов в предисловии к книге «Чемах Давид», напротив, пишет о том, что Д.М.Кокизов работал корректором в течение десяти лет с 1835 по 1845 год[35].

Издав книги и тем самым выполнив свою задачу, общество «хевракедуша» распалось, однако издание рукописных книг продолжало сохранять свою актуальность. Так, в 1835 году книги «Мивхар» и «Аддерет Эльягу» вторично были изданы в типографии Янкеля Шмуйловича Финкельмана. К 1836 году со-

---

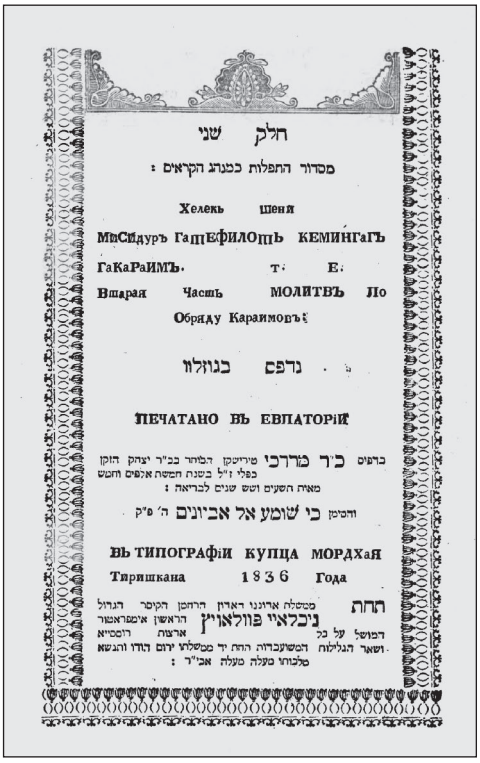
[31] *Башиячи Ильягу.* Сефер мичвот ha-никра Аддерет Ильягу. Евпатория, 1834 (титульный лист) / Национальная караимская библиотека «Карай Битиклиги»; Аарон бен Иосиф ha-Рофе. Сефер Га-Мивхарветовha-мивхар. Евпатория, 1834. Евпаторийский краеведческий музей.

[32] История этого конфликта отражена в следующих изданиях: Кокизов Давид бен Мордехай. Чемах Давид. СПб., 1890. С. XIV-XV; Авнэ зиккарон // Известия Караимского Духовного Правления. № 2. Евпатория, 1918. С. 9–10; Гаммал М. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2013. С. 281.

[33] Имеется в виду Иосиф-Шеломо бен Моше Луцкий, то есть Яшар.

[34] *Гаммал М.* Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2013. С. 281.

[35] *Кокизов Д.М.* Чемах Давид. СПб., 1890. С. XV.

חלק שני

מסדור התפלות כמנהג הקראים :

Хелекъ шени

МѢСидуръ ГаЩЕфилоЩЪ КЕМИНГаГЪ

ГаКаРаИМЪ. т: Е:

Вшарая Часть МОЛИТВЪ По

Обряду Караимовъ:

נדפס בגוזלוו

ПЕЧАТАНО ВЪ ЕВПАТОРІИ

כרוזים כ"ר מרדכי שרושקן המדפיס בכ"ר יצחק הזקן
בפלי ז'יל בשנה חמשה אלפים וחמש
מאות השעים ושש שנים לבריאה :

והמתין כי שומע אל אביונים ה' פ"ק

ВЪ ТИПОГРАФІИ КУПЦА МОРДХАЯ

Тяришкана 1836 Года

חתה מסשלה אדוננו ראדון הרחמן הקיסר הגדול
ניכלאי פוולאוויץ הראשון אימפראטור
דמושל על כל ארצות רוסיא
ושאר הגלילות המשעבדות תחת יד ממשלתו ירום הודו והגשא
מלכותו מעלה מעלה אכ"ר :

Молитвенник 1836 г.
(Типография М.Тришкана).
Из фондов «Карай Битиклиги»

бирается второе общество «хеврakeдуша» и вновь приступает к изданию караимской экзегетики, первой среди которых была «Мивхар йешарим» – комментарии Аарона бен Иосифа ha-Рофе на канонические книги ТаНаХа (кроме Пятикнижия). С этой книги началось издание в типографии, принадлежавшей евпаторийскому купцу Мордехаю Исааковичу Тришкану, о личности которого нам, к сожалению, почти ничего неизвестно. В типографии Тришкана было издано несколько экзегетических трудов, молитвенник, календарь, и впервые – Пятикнижие Моисея, а также перевод Пятикнижия на караимский (крымскотатарский) язык, как более доступный большинству караимов. Последней книгой, изданной в типографии Мордехая Тришкана, был философско-религиозный трактат Аарона Младшего бен Эльягу из Никомедии «Эч хаим» («Древо жизни»), вышедший в свет в 1847 году. В этом же году сыновья Мордехая Тришкана, Исаак и Юфуда, издали грамматику древнееврейского языка Аарона бен Иосифа ha-Рофе «Калили йофи» («Совершенство красоты»)[36].

Отдельно следует сказать, что до того, как заработала типография Мордехая Тришкана, то есть до 1836 года, в Евпатории частными лицами не по подписке было также издано несколько караимских книг (без указания имени владельца типографии на титульных листах) в большинстве своем на караимском (крымскотатарском) языке, либо двуязычных – на крымскотатарском и древнееврейском языках. Кроме уже упомянутой нами книги «Шивхе тода» и двух книг, изданных Яковом Фирковичем, в 1834 году на деньги Аарона бен Авраама Оксюза была издана книга анонимного автора «Рувах хен»; в этом же году на деньги А.С.Фирковича и Симы бен Иосифа книга «Пиннат икрат»; в 1835 году Зарах Авраамович Фиркович (сын Авраама Самуиловича Фирковича) издал небольшую, почти карманного формата книгу, «Чуф деваш» («Сотовый мед») в которую вошли сочинения на караимском (крымскотатарском) языке Мордехая Соломоновича Казаса и учебник древнееврейского языка ав-

[36] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 2; WalfishD. Barry. Karaite Pressand Printing // Karaite Judaism. A Guideto its History and Literary Sources (edited by Meira Polliack). Leiden–Boston, 2003. P. 938.

торства его отца; в 1841 году вышло в свет сочинение Якова Авраамовича Фирковича (также сына Авраама Самуиловича Фирковича) «Несиет адам эвладына веяхид тефилласы» на караимском (крымскотатарском) языке, а также «Иггереттешуат Йисраэль» с переводом А.С.Фирковича. Помимо этого, по распоряжению Гахама С.С.Бобовича в Евпатории также была напечатана книга Авраама бен Иосифа-Соломона Луцкого «Мишле мусар» («Нравоучительные притчи») также на караимском (крымскотатарском) языке без указания даты издания[37]. В общем и целом, с момента создания первого издательского общества и до времени прекращения деятельности второго были изданы следующие книги:

86.

ספר

תיט ב דעת

Сефер Тетивъ Даатъ, т. е.
Руководствованія Ума, Соч.
Мордехая Султанскаго.
ВЪ ЕВПАТОРІИ ВЪ ТИПОГРА-
ФІИ А. ФИРКОВИЧА. 1858 года.

Титульный лист книги Тетив даат М.И.Султанского (Типография А.С.Фирковича).
Из фондов «Карай Битиклиги»

Книги, изданные караимскими книгоиздательскими обществами «Хевра кадиша» в Евпатории

Год издания	Название	Автор	Жанр	С какими сочинениями издано
1833	«Шивхе тода» («Слова благодарности»)	Иосиф-Соломон бен Моисей Луцкий (Яшар), Авраам бен Иосиф-Соломон Луцкий (Эвен Яшар), Мордехай бен Соломон Казас, Авраам бен Самуил Фиркович	Поэзия	
1833	«Иггерет тешуат Йисраэль» («Послание о спасении Израиля»)	Иосиф-Соломон бен Моисей Луцкий, Яшар (1768–1844)	Путевой дневник	

[37] Книги караимов Крыма. Books of the Crimean Karaites: кат. выст. кн. из фондов Российской гос. б-ки, Центр восточной лит. / Российская гос. б-ка; сост. Константин Бурмистров. М., 2016. С. 33.

1834	«Сефер ha-Мивхар ве тув ha-мисхар» («Избранное»)	Аарон бен Иосиф ha-Рофе (ок. 1260–1320)	Комментарии к Пятикнижию Моисея (Тора)	комментарии к «Мивхар» «Тырат кесеф» («Серебряный дворец»), Яшар
	«Сефер ha-мичвот ha-никра Аддерет Эльягу» («Книга заповедей, называемая «Плащ Ильи»)	Эльягу бен Моше Башиячи (?–1490)	«Книга заповедей» (галахический корпус)	«Иггерет га-чом» (о посте в субботу) и «Гид га-ннаше» (комментарии к книгам Навиим и Кетувим (кроме Тегилим), Авраама га-Рофе бен Яков
	«Пиннат икрат» («Драгоценная основа», «Драгоценный камень»)	Исаак бен Соломон (1755–1826)	Экзегетика	«Масат Моше» Моисей Беги, письмо Иосифа Соломона к Зараху бен Натану из Трок, письма М.И. Йоста к С.С. Бобовичу (1829–1830 гг.)
	«Рувах хен» («Дух милости»)	Анонимный автор	Комментарий к «Путеводителю рассеянных» Рамбама	
1835	«Чуф деваш» («Сотовый мед»), «Тув таам» («Благоразумие»), «Мешалим у-маасиот», «Кэляле ha-дикдук бе-лешон кедар аль дерех шэилот у-тшувот» («Общая грамматика на татарском языке в вопросах и ответах»)	Мордехай бен Соломон Казас (?–1835)		
	«Сефер ha-мичвот ha-никра Аддерет Ильягу» («Книга заповедей, называемая «Плащ Ильи»)	Эльягу бен Моше Башиячи (?–1490)	«Книга заповедей» (галахический корпус)	«Гелихот олам» («Движение вселенной»), «Йомот олам» («Дни вселенной»), Давид бен Мордехай Кокизов
	«Сефер ha-Мивхар» («Избранное»)	Аарон бен Иосиф ha-Рофе (ок. 1260–1320)	Комментарии к Пятикнижию Моисея (Тора)	

1836	«Мивхар йешарим»	Аарон бен Иосиф ha-Рофе (ок. 1260–1320)	Комментарии на книги Иисуса Навина, Судей, Самуила, Царей, Исайи, Псалмы Давида, Иов	«Га-Ошер» («Счастье», комментарии к книгам Иеремии, Иезекии и Малым Пророкам), Яков бен Реувен; «Зехор ле-Авраам» (суперкомментарии на книгу Иисуса Навина), Авраам бен Самил Фиркович; «Масат Биньямин» (книга толкований заповедей), Биньямин Нагавенди; «Хотем технит» («Печать совершенства», полемика), Авраам бен Самуил Фиркович
	«Эшколь ha-кофер» («Кисть кипрея», «Кипарисовая ягода», «Букет кипарисовых цветов», «Ветвь лавсонии»)	Йегуда Гадасси ha-Авель бен Эльягу Гадасси (?–1157)	Философско-религиозный трактат	«Нахал эшколь» Калев Эфендопуло бен Ильягу (введение к главам «Эшколь ha-кофер»)
	«Сиддур ha-тефиллот кеминhаг ha-караим» («Порядок молитв по обряду караимов»)		Молитвенник в 4-х частях	
	«Месират модаа» («Обращение»)	Авраам бен Самуил Фиркович, Эвен Решеф (1787–1874)		
1837	«Иггерет зуг ве-нифрад» (Послание о браке и разводе»)	Авраам бен Иосиф-Соломон, Эвен Яшар (1793–1855)	Экзегетика	
1838	«Масса у-мрива» («Испытание и спор»)	Авраам бен Самуил Фиркович, Эвен Решеф (1787–1874)	Полемика, поэзия	
1840	«Хамиша хумше Тора»		Пятикнижие Моисея (Тора)	
	«Кевиот ле-роше ходашим у-текуфот ha-караим ве-ходаше Руми»	Давид бен Мордехай Кокизов (1777–1855)	Календарь	

1840	«Пиннат икрат» («Драгоценная основа», «Драгоценный камень»	Исаак бен Соломон (1755–1826)	Экзегетика	
1841	«Таргум Тора бильшон татар» («Перевод Торы на татарский язык»)		Перевод ТаНаХа (Тора, Кетувим, Навиим) на караимский (крымскотатарский) язык	
	«Несиет адам эвладына ве яхид тефилласы» («Поучение людям и одиночная молитва»)	Мордехай Соломонович Казас (1779–1835) и др.	Молитвы	
	«Иггерет тешуат Йисраэль» («Послание о спасении Израиля»)	Иосиф-Соломон бен Моисей Луцкий, Яшар (1768–1844)	Путевой дневник	
1842	«Седдер ha-лиммуд ле-хиннух ha-наарим ми альфа бета бикелалим кечарим у-верахав ве-hодаа» («Учебник для юношей от алфавита в кратком и расширенном изложении»)	Авраам бен Самуил Фиркович, Эвен Решеф (1787–1874)	Учебник древнееврейского языка	
	«Бераха ве-hодаа»	Авраам бен Самуил Фиркович, Эвен Решеф (1787–1874)	Поэзия	
1846	«Эмуна омен» («Истинная вера»)	Авраам Кальи бен Иошиягу (?–1714)	Полемика	
1847	«Эч хаим» («Древо жизни»)	Аарон Младший бен рав Эльягу из Никомедии (1300–1369)	Философско-религиозный трактат	«Ор ha-хаим» («Свет жизни», комментарии), Сима-Исаак бен Моисей Луцкий; «Дерех эч хаим», Калев Эфендопуло бен Ильягу
	«Калиль йофи» («Совершенство красоты»)	Аарон бен Иосиф ha-Рофе (ок. 1260–1320)	Грамматика древнееврейского языка	

Таким образом, третья и четвертая караимские типографии обеспечили караимскую общину Крыма самыми разными жанрами религиозной литературы, от канонических текстов и комментариев к ним до небольших авторских произведений. Отличительной особенностью деятельности обеих «хеврake-душа» стало издание классических религиозных трудов совместно с сочинениями современников. Что касается местонахождения типографии, то о нем нам известно только из одного источника, в котором упоминается о трех караимских школах в Евпатории «с типографией», из чего мы делаем вывод, что караимские книги печатали на территории современного комплекса кенас в Евпатории[38].

Типография А.С.Фирковича

Исходя из того факта, что последняя книга типографии Мордехая Тришкана была выпущена его сыновьями, можно предположить, что к 1866 году владельца типографии уже не было в живых. По сведениям Б.С.Ельяшевича и Т.С.Леви-Бабовича, типография Мордехая Тришкана была приобретена сыном А.С.Фирковича Гавриилом[39]. Здесь, скорее всего, мы имеем дело с ошибкой, так как хорошо известно, что у А.С.Фирковича не было сына по имени Гавриил. Как же тогда понимать инициалы «Г.А.Фиркович» на титульном листе книги «Петах тиква» 1857 года издания? Ведь если допустить, что владельцем типографии был не сын, а зять А.С.Фирковича Гавриил Семенович Фиркович, то в таком случае не совпадают инициалы. По предположению С.И.Шайтанова, имя владельца «Г.А.Фиркович» может быть прочтено как «Г[осподин] А[враам] Фиркович». Косвенно это подтверждается и тем, что с 1858 года на титульных листах владельцем типографии указан уже А.С.Фиркович. По имеющимся сведениям, типография Мордехая Тришкана погибла во время Крымской войны, а, стало быть, у Авраама Фирковича была совершенно новая типография[40]. Во всяком случае, у нас есть все основания считать, что с 1857 года в Евпатории заработала новая, четвертая караимская типография.

В 1857 и 1858 годах в типографии А.С.Фирковича были изданы два сочинения газзана и учителя Мордехая Иосифовича Султанского (1771–1862), написанных им для учеников мидраша, – это «Петах тиква («Врата надежды»), введение в грамматику древнееврейского языка, и «Тетив даат» («Руководство ума», буквально «Превозносит знание» (Притчи, 15:12), экзегетический труд для учащихся, написанный в форме ответов на вопросы. Спустя несколько лет в типографии А.С.Фирковича газзан Юфуда Исаакович Савускан издал с собственной корректурой два сочинения Аарона Младшего бен Эльягу из Никомедии (1300–1369): в 1864 году галахический корпус, или «книгу заповедей»,

[38] Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области. Таврическая губерния. Евпатория // Новороссийский календарь на 1838 г. Одесса, 1837. С. 119. Автор выражает глубокую благодарность П.Б.Иванову за предоставленный источник.

[39] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 189.

[40] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 378. Л. 47.

«Сефер мичвот гадоль ha-никра Ган Эден» («Большая книга заповедей, называемая «Райский сад») и в 1866 году комментарии к Пятикнижию «Сефер Кетер Тора» («Книга «Корона Торы»). Эти издания были подписными. В отличие от предыдущих изданий, на которые традиционно подписывались караимы из Евпатории, Чуфут-Кале, Феодосии и Стамбула, география подписчиков 1860-х годов стала значительно шире: Одесса, Евпатория, Феодосия, Бахчисарай, Симферополь, Севастополь, Ялта, Перекоп, Карасубазар (Белогорск), Херсон, Николаев, Кременчуг, Екатеринослав (Днепр), Харьков, Стамбул и Поневеж. По-прежнему, как и на издания в типографии Мордехая Тришкана, самое большое число подписчиков было из Евпатории. Книги издания 1864 и 1866 годов отличались от предыдущих изданий более мелким и четким шрифтом и более тонкой бумагой, и в целом лучшим оформлением[41].

Следует сказать, что владелец типографии А.С.Фиркович был постоянно в разъездах, путешествуя от Санкт-Петербурга до Ближнего Востока. Поэтому издательским делом заведовали его сыновья, проживающие в Евпатории – Яков и Зарах Фирковичи (как было сказано выше, Зарах Фиркович в 1835 году выступал в качестве издателя). Известно, что типография находилась в доме Якова Фирковича, после смерти которого в 1866 году, А.С.Фиркович, проживавший в то время в Чуфут-Кале, хотел перевезти ее в этот старинный караимский городок, чтобы, по его собственным словам, издавать «древности наших мудрецов прошлого, караимов и раббанитов». Осуществил ли А.С.Фиркович свое намерение перевезти типографию в Чуфут-Кале, нам неизвестно[42]. Однако заслуживает внимания тот факт, что именно в год смерти Якова Фирковича была издана последняя книга в этой типографии, после чего о ней нам совершенно ничего неизвестно. В скорбной элегии «Эвель кавед» («Тяжкая скорбь»), написанной А.С.Фирковичем на смерть своего сына, упоминает об издательской деятельности Якова, сообщая нам о том, что он издавал книги, которые «будут полезны ученикам»[43]. Видимо, со смертью Якова Фирковича и прекратила свое существование караимская типография. Известно, что в 1866 году Зарах Фиркович и Авраам Юфудович Мичри из Одессы стали инициаторами нового издательского проекта, благодаря которому было издано несколько книг в Одессе, но как это, так и все последующие издания, выходили в свет уже не из караимских типографий[44].

Русско-караимская типография М.Л.Мурованского и «Ярык»

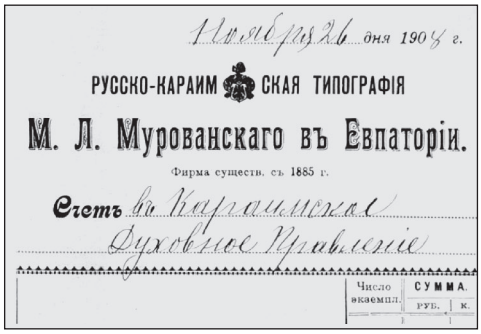
Отдельно от всех караимских типографий стоит Русско-караимская типография М.Л.Мурованского, основанная в 1885 году. Конечно, эта типография, принадлежавшая виленскому мещанину Моисею Львовичу (Лейбовичу) Мурованскому, не была в полном смысле караимской, но она была открыта при прямом содействии Гахама С.М.Панпулова и печатала в том числе и караимские книги.

[41] *Приднев С.* Караимские книги, изданные в Евпатории // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. № 14. 1996. С. 61.

[42] *Фиркович А.С.* Эвель кавед. Одесса. 1866. С. 4–5.

[43] Там же. С. 5.

[44] *Miller Philip.* Prayer Book Politics: An Attempt to Print the Karaite Siddur in 1866 that was Canceled // Studies in Bibliography and Booklore. V. 18. 1993. P. 15.

Ноября 26 дня 190 4 г.

РУССКО-КАРАИМСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. Л. Мурованскаго въ Евпаторіи.

Фирма существ. съ 1885 г.

Счетъ въ Караимскаго Духовное Правленіе

Число экземпл. | СУММА. руб. | к.

Счет из типографии М.Л.Мурованского.
ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1072. Л. 153

В начале 1884 года М.Л.Мурованский, вероятно, воспользовавшийся тем, что у караимов не было своей типографии, обратился к С.М.Панпулову с предложением об открытии в Евпатории типографии для издания караимской литературы с русским отделением, прося для этого у караимов денежного пособия на выгодных для них условиях. «При несогласии же общества (караимского. – *В.Е.*), – пишет М.Л.Мурованский в конце письма, – оказать мне материальную поддержку, я постараюсь лично найти средства к открытию типографии»[45]. Несмотря на то, что сначала к этому предложению Гахам отнесся прохладно, считая его бесперспективным, к 1885 году с его участием типография была все же открыта с официальным названием «Русско-караимская типография М.Л.Мурованского в Евпатории», хотя на обложках изданных ею книг и брошюр название указывалось более кратко «Типография М.Мурованского»[46]. В письме С.М.Панпулову М.Л.Мурованский горячо благодарит Гахама за оказанную помощь следующими словами: *«Перо мое не в состоянии выразить моего внутреннего чувства благодарности и признательности, я только могу сказать: «Благодарю Вас и вечно буду благодарить, никогда не забуду того добра, которое Вы сделали для меня как своими стараниями, так и письмами Вашими, которыми Вы не замедлили ответами на мои вопросы». Одним словом я могу назвать Вас своим благодетелем, и если я [добился] чего-либо, то исключительно, повторяю, благодаря Вашему старанию»*[47]. В основном типография М.Мурованского специализировалась на печати бланков, прейскурантов, пригласительных билетов, отчетов, счетов, чековых книжек и т. п. Известно, что в 1913 году она находилась на Лазаревской улице в доме Д.Мичри[48]. К 1914 году типография принадлежала, по всей видимости, жене Мурованского – М.М.Мурованской[49]. Новая типография М.Л.Мурованского печатала не только караимские книги, из караимских же были напечатаны следующие: «Ле-регель ha-йеладим. Практический учебник древнееврейского языка для караимских училищ» И.И.Казаса (1896), его же «Кившоно шель олам» («Мировые тайны») (1899) и молитвенник в двух частях «Сиддур ha-тефилот ке-минhаг ha-караим» («Порядок молитв по обряду караимов»). Отличительной чертой типографии М.Мурованского было издание небольших по размеру и объему брошюрок с молитвами, таких как «Сиддур катан ле талмидей бете-мидрашот шель бене Микра» («Маленький молитвенник

[45] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 378. Л. 52.
[46] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 378. Л. 47–48, 52, 64; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 393. Л. 12, 27, 58–60; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 639. Л. 35.
[47] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 393. Л. 59.
[48] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1234. Л. 59.
[49] Агават лелайла Пурим. Евпатория, 1914. 7 с.

для учеников караимских мидрашей») (1896), «Кеторет тамид» («Постоянный фимиам», или молитва) (1905), «Ahават ле-лайла Пурим» («Агават на вечер Пурим») (1914), а также карманного формата календарей, например календаря на 1900–1905 годы, составленного С.Дубинским, и на 1905–1910 годы, составленного С.М.Нейманом. Кроме того, типография М.Мурованского обеспечивала Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление бланками и счетами, а также печатала для караимов различные проекты и уставы, например «Проект положения об Александровской караимской духовной прогимназии в г. Евпатории» (1908) и «Отчет о приходе и расходе сумм Общества Вспомоществования нуждающимся учащимся в караимских училищах г. Евпатории за 1910 г.» (1911) и другие[50].

Не до конца ясным остается вопрос с типографией под названием «Ярык» («Свет»), принадлежавшей Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению. Известна всего одна книга, выпущенная этой типографией в Евпатории в 1918 году – «И.И.Казас. Его жизнь, научно-литературная, педагогическая и общественная деятельность» авторства Б.С.Ельяшевича. Как следует из текста на обложке книги, типография была подарена Духовному Правлению С.А.Бабаевой. Известно, что еще в 1911 году Сарра Абрамовна Бабаева пожертвовала 500 рублей на издание и покупку двуязычных молитвенников (на древнееврейском и русском языках) специально для женщин, посещающих кенасы[51]. Известно также, что в 1919 году типография «Ярык» «со всеми обслуживающими ее машинами, приспособлениями, станками, инвентарем, принадлежностями, запасом шрифта и прочим, находящимся в ней движимым имуществом» была продана Таврическим и Одесским Караимским Духовным Правлением виленскому мещанину Шевелю Ионовичу Антокольскому[52]. Интересно, что в заметке о купле-продаже, опубликованной в газете «Вестник Крымского Правительства», указывается адрес типографии – дом Мичри на Лазаревской улице[53]. Именно по этому адресу находилась типография М.Л.Мурованского в 1913 году[54]. В связи с этим можно предположить, что после смерти М.Л.Мурованского типография была куплена С.А.Бабаевой и подарена Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению. Это могло произойти в период с 1914 по 1918 год. Пожалуй, это самая неизвестная нам караимская типография, выпустившая, вероятнее всего, только одну книгу. И это единственная караимская типография, имеющая собственное название.

Говоря о караимских типографиях, следует упомянуть о «Караимском книгоиздательском фонде», учрежденном Таврическим и Одесским Караимским Гахамом С.М.Панпуловым в самом конце XIX века. Из архивных документов известно, что в 1899 году С.М.Панпулов ходатайствовал перед Таврическим Губернатором П.М.Лазаревым о создании при Духовном Правлении книгоиздательского фонда. Из ответного письма Гахаму следует, что целью создания

[50] ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 125. Л. 16; ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 157. Л. 30.

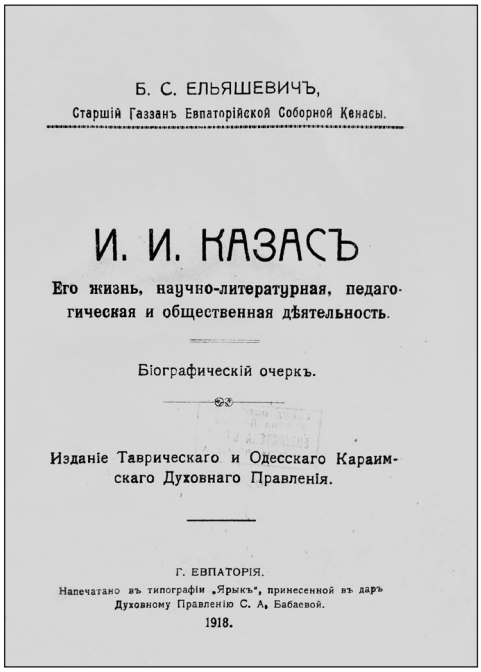
[51] Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. 1911. Кн. 1. С. 83.

[52] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 80. Л. 2.

[53] Там же. Следует сказать, что в другом документе из этого архивного дела сообщается, что типография «Ярык» находилась на Лазаревской улице в доме Гелеловича.

[54] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1234. Л. 59.

этого фонда было издание старинных караимских рукописей[55]. Незадолго до этого, в 1897 году, С.М.Панпулов вступил в переписку с библиотекарем Императорской публичной библиотеки, известным гебраистом Авраамом Яковлевичем Гаркави с просьбой о содействии в выборе караимских рукописей из собрания А.С.Фирковича для их издания. Еврейский ученый с симпатией отнесся к этой идее, и, приступая к отбору рукописей, посоветовал Гахаму привлечь к этой работе также Авраама Юфудовича Мичри и Юфуду Исааковича Савускана, как людей, хорошо знавших старинную караимскую литературу (см. о них выше)[56].

Б. С. ЕЛЬЯШЕВИЧЪ,
Старшій Газзанъ Евпаторійской Соборной Кенасы.

И. И. КАЗАСЪ

Его жизнь, научно-литературная, педагогическая и общественная дѣятельность.

Біографическій очеркъ.

Изданіе Таврическаго и Одесскаго Караимскаго Духовнаго Правленія.

Г. ЕВПАТОРІЯ.
Напечатано въ типографіи „Ярыкъ", принесенной въ даръ Духовному Правленію С. А. Бабаевой.
1918.

Титульный лист книги, изданной в типографии «Ярык»

В 1901 году в ходатайстве С.М.Панпулова о создании книгоиздательского фонда было отказано в Министерстве внутренних дел на основании законов об управлении духовными делами караимов[57]. Отказав в создании фонда Духовным Правлением, С.М.Панпулову разрешили заняться этим делом самостоятельно как частному лицу. «*Покойный гахам энергично принялся за организацию этого фонда, обратившись с призывом ко всем общинам,* – читаем мы на страницах «Караимской жизни». – *Скоро стали поступать пожертвования, но главный доход представился от продажи пожертвованных И.И.Казасом 900 экз. его сочинений. С 1901 по 1912 г. общие размеры этого фонда выразились в сумме 3736 р. 86 к.*»[58]. Самым крупным изданием фонда стал караимский молитвенник «Сиддур hа-тефиллот кеминhаг hа-караим» («Молитвенная книга по обряду караимов»), изданный в типографии М.Л.Мурованского в двух частях в 1903 и 1904 годах. Кроме молитвенника, фонд издал в той же типографии два календаря, составленных С.Дубинским и М.С.Нейманом, о которых уже говорилось выше. Потратив все собранные средства на издание молитвенника и календарей, к 1912 году фонд уже практически прекратил свое существование и о его дальнейшей судьбе нам ничего неизвестно[59].

В начале XX века известны две типографии, владельцами которых были караимы, С.Б.Синани в Симферополе и Д.О.Харченко в Севастополе, но

[55] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1412. Л. 21, 26–28.
[56] Там же. Л. 7–9.
[57] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1 Д. 1412. Л. 30.
[58] Книгоиздательский фонд. Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. 1912. Кн. 12. С. 94–95.
[59] Там же. С. 95.

они не являлись караимскими в указанном нами значении в самом начале статьи.

На этом мы заканчиваем наш очерк истории караимских типографий. Подводя итоги, скажем, что в истории крымских караимов известно пять типографий: первая – 1731–1741 гг. (Чуфут-Кале), вторая – 1805–1809 гг. (Чуфут-Кале), третья – 1833–1847 гг. (Евпатория), четвертая – 1857–1866 гг. (Евпатория) и пятая – (1914)–1919 гг. (Евпатория). Первая из этих типографий была также и первая на всем Крымском полуострове, а третья типография была первой в Евпатории. Все пять типографий открывались с конкретной практической задачей, актуальной для своего времени, что стало причиной их недолгого существования, особенно это относится к первой и второй типографиям. Несмотря на свою эпизодичность и кратковременность, типографии все же на какое-то время обеспечили караимскую общину Крыма необходимой литургической и экзегетической печатной литературой, некоторые экземпляры которой используются в богослужении и в наши дни.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 29 (38) – 30(39)

Виктор
Тирияки

КАРАИМСКИЙ МУЗЕЙ В ЕВПАТОРИИ ПЕРИОДА НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941—1944 годов

Известно, что во время оккупации Евпатории немецкими войсками Малая кенаса возобновила деятельность и использовалась как действующий храм, а в здании Большой кенасы по инициативе и под руководством М.М.Кумыш-Кара (Карамана) был открыт караимский музей. О существовании музея в период оккупации сообщали в 1989 году Анна Моисеевна Пампу, Анна Шаббетаевна Чинак (Пампу) и другие. На тот момент фиксация устной информации не проводилась, а в настоящее время, к великому сожалению, среди караимов-старожилов Евпатории нет кого-либо, кто мог бы рассказать о деятельности караимского музея в период оккупации.

Некоторую информацию о караимском музее удалось собрать в последние годы, и хотя эти сведения скудны и не могут обрисовать всю историю деятельности культурного заведения, они являются документальными доказательствами его существования.

По рассказу евпаторийской караимки Анны Ильиничны Малышевой (урожденной Культе) (1927–2009), ее мать Раиса Моисеевна Культе (1904 г. р.) реализовывала билеты в караимский музей и производила уборку в его помещениях. Сама же А.И.Малышева помогала ей по работе.

Документальным подтверждением существования караимского музея может служить письмо русских караимов[1] Гахаму С.М.Шапшалу, которое начинается так: «*Господин наш[2] и отец наш Гахам! Мы русские караимы от уважаемого Карамана узнали о Вашем здоровье и видели Вашу карточку и очень обрадовались, что Вы слава Богу живы и здоровы. Ходили в караимский музей и там видели Ваш портрет. Бываем в кенаса и там все в порядке. Уважаемый староста М.М.Караман всех караимов взял под свое крыло и мы также выбрали его старостой и подчиняемся ему. Спасибо ему, он за нас хлопотал и выручил нас от смерти…*»[3].

[1] «Русские караимы» – бытующее среди караимов название славян, исповедующих караимское вероучение, проживающих в Крыму в Сакском районе и Евпатории.

[2] Адонёну (в русском переводе – «Господин наш») – термин традиционного обращения караимов к Гахаму С.М.Шапшалу или упоминания о нем в переписке вне зависимости от региона их проживания. Письмо Уллу хаззана С.А.Фирковича к Б.Я.Кокенаю от 12.06.1949. КБ, фонд Кокеная Б.Я., № 2809, а также по воспоминаниям А.И.Малышевой (Культе) и др.

[3] Ксерокопию письма без даты передал в «Карай битиклиги» Бабаджан Александр Азарьевич, за что приношу ему глубокую благодарность. Использование в письме в обращении к адресату титула «Гахам», довоенных крымских топонимов, выражения «староста Караман», отсутствие указаний причин и источника смертельной опасности и др. позволяет сделать предположение о датировке письма не позднее апреля 1944 г.

Интересные фотоматериалы с изображением атрибутов явно «музейной» направленности хранятся в «Карай Битиклиги» в фонде М.М.Кумыш-Кара (Карамана). На одной из фотографий на фоне тканного турецкого ковра запечатлен в караимской национальной одежде Караман, живо напоминающий персонаж из восточных сказок, на другой – он же, но поверх антери надето атласное джубэ, в правой руке «алтын баш»[4], а на голове – шапка Гахама. Возникшее предположение о том, что Караман сфотографирован в караимском музее в Евпатории рассеяло последующее изучение фотоматериалов 1948 г., присланных О.Я.Прик, и переписки С.М.Шапшала с Б.Я.Кокенаем. Исследуемые материалы дали однозначный ответ: на фото Караман во время его пребывания в Литве в мае 1949 года при посещении караимского музея. О нем в письме к Я.Б.Кокенаю С.М.Шапшал писал: «*11-го числа уехал отсюда Караман, прогостив 10 дней*»[5].

Примерно семь-восемь лет назад дальний родственник Карамана А.М.Сердюков (1945 г.р.) передал в библиотеку несколько фотографий караимов. На одной из них, наклеенной на паспорту «CABINET PORTRAIT», запечатлен С.М.Панпулов со всеми регалиями и наградами. На обороте паспорту написано: «Евпатор. караим. музей. Пампулов С.М.Гахам караимск.». Справа вверху и в центре наклеены две бумажные бирки, на одной из которых значится: «44 по описи 13/VII 1942 г.», на другой – «Евпатор. караим. музей. Инв. № 180. 1942 г.». Фотография эта являлась единственным доказательством существования и функционирования караимского музея, и указывала на численность (очевидно, неполную) его экспонатов.

При работе с материалами «Карай Битиклиги» мною была обнаружена записанная на листах амбарной книги пьеса «Кайна» на караимском языке.[6] Кроме текста пьесы в книге имелись записи различного содержания, среди которых находилась и эта[7]:

«Караимскому комитету.

Отчет о проделанной работе в качестве заведующей в музее с ……. по сей день.

Получив экспонаты от Карамана и Эгиза как отмечено в описи я приступила к приведению (их) в надлежащий вид, а именно:

Все обработаны, инвентаризированы, сделаны надписи на немецком и русском языках и водворены по местам.

Затем моим содействием пополнены нижеследующими предметами:

1) кафтан-пальто;

2) бархатная хиркха старухи, лифчиком невесты, зеркальце с инкрустациями, туалетный ……. с со всеми принадлежностями, мешочек для молитвенников, 2 подушечки для иголок, 2 курама бохча и одна цветная бохча, 3 пары подвязок, 1 донышко от кисета.

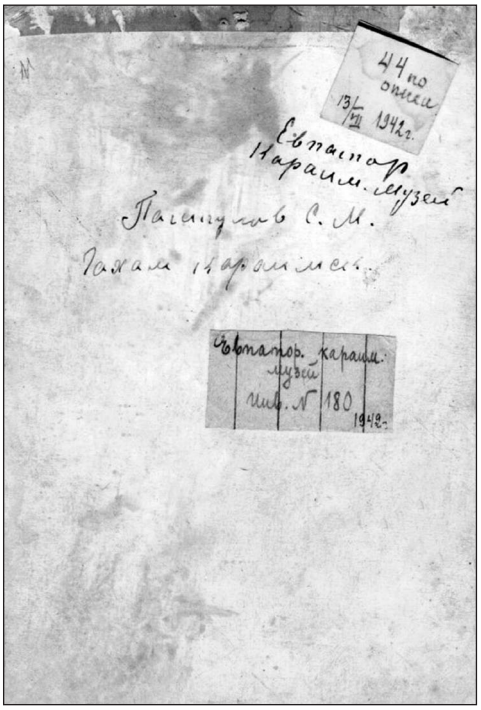
[4] «Алтын баш» (золотая голова) – посох с золотым оголовком, представительский атрибут Гахама.

[5] Письмо С.М.Шапшала к Б.Я.Кокенаю от 16.05.49. КБ, фонд Кокеная Б.Я. № 2811.

[6] На первой странице присутствует запись: «Караимская пьеса Кайна или Переходное время. Принадлежит Б.В.Кефели. Евпатория 1930 года Октября 5 числа».

[7] Текст документа приводится без корректуры.

Экспонат караимского музея в Большой кенасе Евпатории. *1942 г.*

Посуды:

1 …. с крышкой, бакрач, подносик медный, мерка для вина. Решето медное старинное, 2 банных тазика, куб для воды.

При моем ходатайстве через Шмидта получено из городского музея 2 пары ходуль, бронзовая люстра, полоскательница из бронзы и столик французской работы.

Обнаружены мною из под мусора мраморная колонка от солнечных часов, мраморная раковина от фонтана и старинные железные ворота от кенасы.

По предложению Шмидта спрятаны от воздушной опасности венецианская люстра цветная и реликвии Шапшала. О месте нахождения коих могу указать».

Небольшой по объему документ позволяет сделать утвердительный вывод о существовании караимского музея в период оккупации Евпатории, уточнить первоначальный (основной) источник поступления экспонатов, и дает возможность ознакомиться с организацией работы самого музея. Из текста ясно видно, что в музее были налажены учет, обработка экспонатов и контроль их движения, велась постоянная работа по поиску и привлечению новых экспонатов как из евпаторийского городского музея, так и от частных лиц. В музее были оборудованы витрины и экспозиционные стенды, оснащенные аннотациями на русском и немецком языках.

Информация о том, что мраморный столик от солнечных часов, раковина от фонтана и старинные железные ворота от кенасы были извлечены из-под мусора, свидетельствует, что при использовании комплекса кенас под госучреждение, о поддержании чистоты на территории храмового комплекса особенно не заботились.

В 1944 году здание Большой кенасы караимской общиной было передано городу для устройства детского сада. Судьба экспонатов караимского музея неизвестна, можно строить только предположения. Учитывая тот факт, что в экспозиции Евпаторийского краеведческого музея выставлены «2 пары ходуль[8], бронзовая люстра», а в прошлом году реконструирована «венецианская люстра цветная», напрашивается вывод, что экспонаты были возвращены в краеведческий музей Евпатории (б. м. к ним еще и присовокупились другие). В одном из своих первых писем к Б.Я.Кокенаю в августе 1944 года Б.В.Кефели сообщает: «Музей наш теперь ликвидировали и часть вещей *перешла* в городской музей»[9]. По прошествии года, в августе 1945 года, на вопрос Б.Я.Кокеная о сохранности караимских святынь в Евпатории, Б.В.Кефели отвечает, что кенаса требует серьезного ремонта, а «Музейные вещи это обстоит гораздо хуже и конца не найдешь»[10].

В «Карай Битиклиги» в фонде М.М.Кумыш-Кара хранится группа датированных 20.01.1953 фотографий, на которых запечатлен момент прощания караимов с почившим Караманом в одной из комнат его дома по ул. Демышева, 17. Видимое пространство увешено картинами и фотопортретами И.И.Казаса, С.М.Панпулова, самого Карамана (две картины маслом), а также множеством фотографий караимских типажей. Музейный антураж усиливает и домашняя обстановка: стол, резные стулья с мягкой обивкой, тумбочки, светильники, колонки для статуэток. Принимая во внимание тот факт, что М.М.Кумыш-Кара во время оккупации Евпатории являлся старостой караимской общины, ее лидером и благодетелем, можно предположить, что организация караимского музея, дальнейшее функционирование и последующая ликвидация (закрытие) не могли проходить без его активного участия. Сознавая огромное значение предметов материальной и духовной культуры для будущей истории караимов, Караман, по закрытии музея, мог попытаться сберечь некоторую часть экспонатов, поместив их к себе на хранение. К тому же он имел полное право возвратить принадлежавшие ему предметы, переданные им для открытия музея.

Вызывает интерес то обстоятельство, что из всех предметов в доме М.М.Кумыш-Кара, представляющих несомненный интерес для создания караимского музея, практически ни один не числится среди экспонатов МИЭКК им. С.И.Кушуль. В «Карай Битиклиги» на учете находятся только несколько караимских книг и фотоматериалы, переданные С.И.Кушуль доктором Семеном Борисовичем Гелеловичем – опекуном супруги Карамана Арзу Вениаминовны Кумыш-Кара (1875–1974) и наследователем имущества семьи. Исключение, пожалуй, составляет портрет старца Ю.Синани в национальной караимской

[8] Деревянная обувь для бани.
[9] Письмо Б.В.Кефели от 3.08(09).44. КБ, фонд Б.Я.Кокеная, № 2727.
[10] Письмо Б.В.Кефели от 26.08.1945. КБ, фонд Б.Я.Кокеная, № 2740.

одежде, экспонируемый в МИЭКК им.С.И.Кушуль[11]. Запись на тыльной стороне портрета, сделанная рукой С.И.Кушуль, сообщает, что он был передан ей в 1968 году Синани Марком Иосифовичем из Симферополя – внуком запечатленного на фотопортрете (в то время пополнение коллекции для будущего караимского музея шло наиболее интенсивно). Мать М.И.Синани (урожденная Кумыш) была родной сестрой Карамана.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы и предположения:

Караимский музей в период немецкой оккупации Евпатории был открыт караимами под руководством старосты общины М.М.Кумыш-Кара (Карамана) не позже июля 1942 года и работал во время оккупации в 1943–44 гг.

Обслуживающий персонал музея был набран из местных караимов при «кураторе» от немецких оккупационных властей.

Заведующей музеем, вероятнее всего, была Биче Вениаминовна Кефели – активистка караимской общины Евпатории. Этот вывод позволяет сделать сличение почерков составителя отчетного документа о музее, надписи на бирке фотографии С.М.Панпулова, записей пьесы, ей принадлежавшей, ее писем. Проживала она в г. Евпатории по пер. Училищному, № 4.

Ценные экспонаты музея – такие, как хрустальная венецианская люстра и «реликвии Шапшала», не были разворованы или вывезены оккупантами даже перед угрозой бомбардировок, а по рекомендации «куратора» Шмидта перенесены в более надежное место.

Часть экспонатов после ликвидации музея в 1944 году, возможно, перешла на хранение к М.М.Кумыш-Кара, после смерти которого могла разойтись среди караимов, проживавших в Крыму. Другая же часть, очевидно, наиболее ценная, была отдана городскому музею Евпатории, где хранится и ныне. Правда, на обращение в Евпаторийский краеведческий музей 30 октября 2014 г. о наличии какой либо информации о деятельности Караимского музея в период оккупации, хранитель фондов Н.Б. Дмитерко сообщила, что по данному вопросу никаких сведений не имеется.[12]

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 14 (23)

[11] МИЭКК, КП-469.

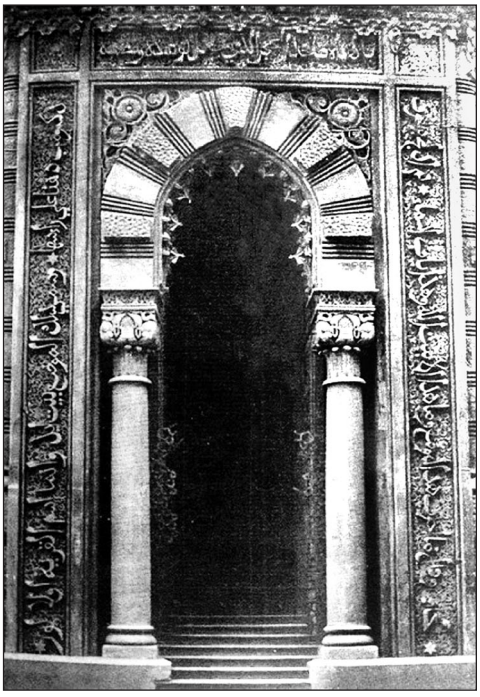
[12] Как позже стало известно, в Евпаторийском краеведческом музее хранится немало экспонатов с отметками караимского музея периода оккупации. Среди них – портрет Гахама Бабакая Бабовича (ЕКМ-11733/И-672) и фотографии газзанов (ЕКМ-8815/Ф-11, ЕКМ-8819/Ф-14, ЕКМ-8838/Ф-38, ЕКМ-8839/Ф-38, ЕКМ-8849/Ф-44, ЕКМ-8854/Ф-46) и др.

Виктор
Тирияки

ИСЧЕЗНУВШАЯ НАДПИСЬ ПОРТАЛА КИЕВСКОЙ КЕНАСЫ

Караимская кенаса в городе Киеве была построена на средства Соломона Когена по проекту известного архитектора Владислава Городецкого. Торжественное освящение храма состоялось 27 января 1902 года. После смерти киевского газзана Иосифа Султанского в 1922 году кенаса по своему прямому назначению не использовалась.

По установлении советской власти деятельность караимской общины в Киеве была прекращена, а кенаса закрыта. С 1926 года в здании кенасы размещались учреждение политпросвета, Дом народов Востока, молельный дом католиков (период ВОВ), кукольный театр, кинотеатр. С 1952 года в здании разместился кинотеатр «Заря», а в настоящее время – Дом актера. В 1968 году при реконструкции здания был демонтирован купол кенасы. К многочисленным «улучшениям» здания кенасы, нанесшим непоправимый вред архитектурному облику святыни и опошлившим идею автора проекта, можно причислить уничтожение надписи на портале, выполненной арабской вязью. Надпись эта отчетливо просматривается на фотографических открытках начала XX века, и, если бы не эти свидетели прошлого, о ее существовании невозможно было бы догадаться.

Первоначальный вид портала киевской кенасы.
(с открытки до 1917 г.)

Для перевода надписи я обратился с просьбой к газзану кенасы Ашдода Аврааму Кефели. Вот что он ответил: «Надпись оказалась трудночитаемая. Только один из семи читающих по-

арабски мог её прочитать. В основном говорили, что это не арабский, а какой-то другой язык. По сообщению Овадьи Гамиля, это перевод Берешит 28:17-19».

Привожу эти стихи из Торы по изданию «Шамир», Иерусалим, 5757 г.:

17. И испугался он и сказал: «как страшно место это! это не что иное, как дом Всесильного, а это – врата небес».

18. И встал Иаков рано утром, и взял камень, что сделал своим изголовьем, и поставил его памятником, и возлил масло на его вершину.

19. И назвал это место Бейт-Эль, но Луз первоначальное имя этого города.

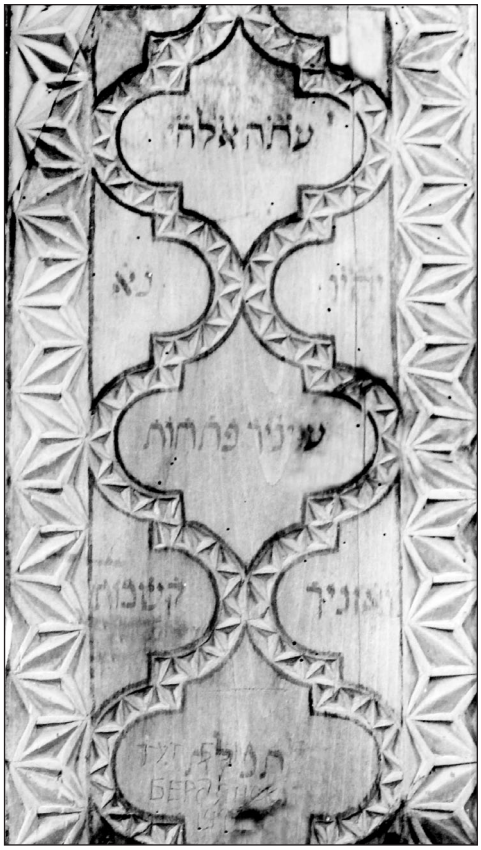
Бейт-Эль (в синодальном переводе Вефиль) на языке Библии означает «Дом Божий».

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 22 (31)

Вячеслав
Ельяшевич

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НАДПИСИ НА ГЕХАЛЕ БОЛЬШОЙ КЕНАСЫ ЧУФУТ-КАЛЕ

В данной статье нами впервые будет рассмотрена частично сохранившаяся оригинальная надпись на гехале Большой кенасы Чуфут-Кале, до сих пор не попавшая в поле зрения исследователей. Надпись выполнена на древнееврейском языке квадратным еврейским шрифтом и представляет собой компиляцию из трех стихов (40, 21 и 38) 6-й главы книги Диврэ ha-йамим II (Вторая книга Паралипоменон) – это отрывок из молитвы израильского царя Соломона, произнесенной по окончании строительства Храма в Иерусалиме. Надпись находится на двух деревянных панелях с резным узором, расположенных справа и слева от арон га-кодеш – центральной части гехала. Нижняя часть правой панели заменена на новую с утратой части надписи. На левой панели нижняя часть текста также не сохранилась, однако ее можно восстановить, если логически продолжить 38-й стих, обрывающийся на фразе «и соверши суд их».

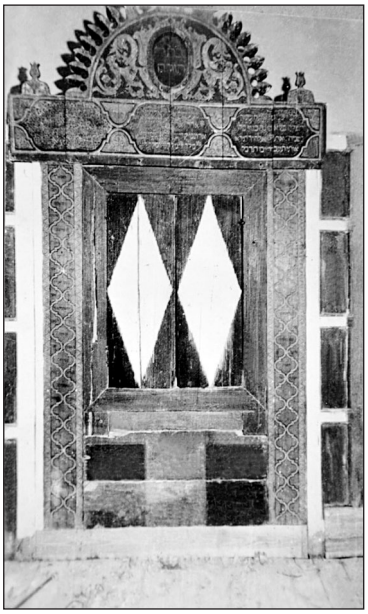

Фрагмент резной панели с датой

Большой интерес представляет имеющаяся в надписи дата, записанная хронограммой[1], хорошо сохранившейся и не вызывающей трудностей при прочтении. Числовое значение хронограммы выражено в проблематичной дате 2559 (עתה אלהי יהיו נא עיניך פתחות ואזניך קשבות), которую не можем считать по традиционно использовавшейся караимами эре от сотворения мира, так как при переводе ее в григорианский стиль мы получим 1201 год до н. э., что само по

[1] Хронограмма – в литературе и эпиграфике сентенция или стих, отдельные буквы которого выражают своим числовым значением известную дату, в то время как смысл всей фразы намекает на данное событие.

себе невозможно. Также мы не можем считать эту дату и по Селевкидской эре, используемой караимами в Средние века, так как в этом случае при переводе в григорианский стиль мы получим 2247 год. По какой же эре следует считать дату? Исходя из того, что вся надпись представляет собой фрагмент из молитвы царя Соломона, произнесенной после окончания строительства первого Храма в Иерусалиме, можно предположить, что дата записана именно от этого события. Согласно хронологии Ю.Д.Кокизова, автора караимского календаря на 2200 лет, Храм Соломона был построен в 2928 году от сотворения мира[2]. Прибавим к этому числу нашу дату 2559 и получим дату 5487 от сотворения мира, или 1727 по григорианскому стилю. Если наше предположение верно, то примерно в это время и была сделана надпись. Предлагаем вниманию читателей перевод надписи на русский язык (по изданию: Кетувим. Мосад Арав Кук. Иерусалим. 1978). Перевод следует читать справа налево.

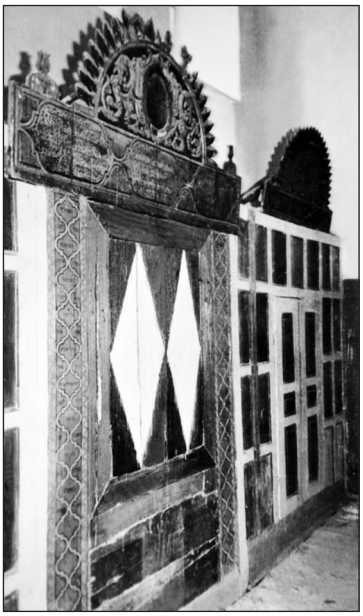
«И обратятся к Тебе всем сердцем своим и всей душою своею в земле врагов их[3], куда отвели их в плен, и будут молиться, обратившись к стране своей, которую Ты дал отцам их, и к городу, который Ты избрал, и к Дому, который я построил ради имени Твоего.		«Ныне, Боже мой, да будут очи Твои отверсты и уши Твои внимательны[4] к молитве на месте сем»[5]. «И Ты услышь моления раба Твоего и народа Твоего Израиля, которые будут молиться на этом месте.

[2] Караимский катихизис вкратце. Составлен М.Я.Фирковичем. Мелитополь, 1915.

[3] Фраза 38 стиха «в земле пленения своего» заменена устоявшимся оборотом «в земле врагов их».

[4] Первые четыре строки представляют собой хрононограмму, составляющую число 2559.

[5] Диврэ ha-йамим II, 6:40 (Вторая книга Паралипоменон, 6:40).

Тогда услышь с небес, с места обитания Своего, молитву их и мольбу их и сверши суд их (и прости народу Твоему, который грешил пред Тобою»)[6]		Ты услышь с места обитания Твоего, с небес; когда Ты услышишь, то простишь»[7] (…)[8]

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 19 (28)

[6] Диврэ ha-йамим II, 6:38 (Вторая книга Паралипоменон, 6:38).
[7] Диврэ ha-йамим II, 6:21 (Вторая книга Паралипоменон, 6:21).
[8] Продолжение не сохранилось.

Виктор
Тирияки

НАДПИСИ НА МРАМОРНЫХ ПЛИТАХ КОМПЛЕКСА КЕНАС В ЕВПАТОРИИ

«Среди достопримечательностей гор. Евпатории видное место занимают две старинные караимские кенасы (храмы): Большая или Соборная, предназначенная для праздников, и Малая – для будних дней» – таким определением начинается небольшая по объему, но остающаяся базовой в любом исследовании по караимским кенасам изданная в 1928 году работа Б.С.Ельяшевича «Евпаторийские караимские кенасы». Любое знакомство с Евпаторией и ее историей останется неполным без посещения Комплекса караимских кенас. И, конечно, на каждого посетителя произведут впечатление не только интерьеры восстановленных храмов, но и множество орнаментированных плит каррарского мрамора[1], испещренных письменами. Эти тексты содержат сведения о важных событиях в жизни караимов Крыма, а сами мраморные плиты «являются как-бы каменною летописью караимов Крыма 19 века»[2].

Несмотря на сложную историю XX века, воинствующий атеизм и борьбу с религиозными «предрассудками», практически все мраморные плиты и надписи сохранились в первоначальном виде, хотя некоторые и были зацементированы или покрывались битумом.

Заслуга копирования текстов надписей и наиболее полного их перевода принадлежит Рафаилу Яковлевичу Кальфа[3] – газзану евпаторийской общины периода фашистской оккупации Крыма. Запись текстов и их перевод на русский язык размещены в общей тетради 96 листов выпуска 1941 года[4]. Копии оригинальных текстов надписей размещены на листах 81–95, а их переводов на листах 2–34. Листы 35–80 записей не содержат. Всего в тетради содержится текст и перевод 51 надписи. На первой странице рукой Р.Я.Кальфа сделана восьмистрочная запись следующего содержания: «*Переложение на бумагу записей на памятниках Караимской кенасы и перевод их на русский язык. Исполнено мною Рафаилом Яковлевичем Кальфа. Передается гр-ке Кефели Биче Веняминовне для обслуживания интересующихся содержанием записей на памятниках. Евпатория, 1950 г. 17-го Ноября*»[5].

---

[1] Каррарский мрамор (лат. *marmor lunensis*) – мрамор, добываемый в Апуанских Альпах на территории Каррары. Считается одним из ценнейших сортов мрамора.

[2] *Ельяшевич Б.С.* Евпаторийские караимские кенасы. Евпатория, 1928. С. 7.

[3] Р.Я.Кальфа (1873–1951), переехав в начале 1942 г. из Бахчисарая в Евпаторию, 2 года и 2 месяца прослужил газзаном Малой кенасы (из письма к Б.Я.Кокенаю от 11.03.1947 г. КБ, архив Кокеная Б.Я., № 2768).

[4] КБ, № 3837.

[5] Сохранен стиль автора.

Из материалов «Карай Битиклиги», посвященных надписям на мраморных плитах Комплекса кенас, следует также назвать сшивку 42-х листов формата А-4 с вклеенными фотографиями плит и напечатанным кратким содержанием перевода[6]. Из текста на первой странице видно, что «Аннотированный (сокращенный) перевод на русский язык и фотографии произвел БЕЗЕКОВИЧ Езекель Эзрович»[7]. Оборотная сторона последнего листа содержит запись С.И.Кушуль, что эти материалы «25 декабря 1962 г. принесены мне сестрой от имени брата Аркадия Павловича Эринчек». По дате изготовления скоросшивателя можно определить, что сшивка листов была произведена не ранее 1968 года. В этой работе приводится краткий перевод 41 надписи.

Следует также указать копию записей с переводами Р.Я.Кальфа в общей тетради из 50 листов со вставкой из 16 тетрадных листов[8]. Несмотря на идентичность текстов, эта тетрадь интересна тем, что в ней имеются сведения как о истории написания переводов, так и об их авторе. В начале тетради помещен следующий автограф: «*Вследствие того, что для Биче Вениаминовны пришлось написать по ея просьбе другую книгу, где я написал оригинал на библейском языке, перевод на русском языке и оставлены свободные листы для фотокарточек с камней, настоящая книга мною преподносится гражданке Симид Исааковне Кушуль. Р.Я.Кальфа. Евпатория 1951 г. 2 марта*»[9]. Автограф следующей страницы сохранил сведенья о времени работы над переводами: «*Перевод с библейского языка на русский язык из камней-памятников, поставленных рядами во дворе караимской кенасы. Переписал из камней на бумагу Р.Я.Кальфа при помощи С.Ю.Джигита*[10] *18–26 июня 1942 г. Перевел Р.Я.Кальфа на русский язык за время с 29/VI по 11/VIII 1942 г.*».

Последняя страница тетради содержит записи С.И.Кушуль, одна из которых свидетельствует, что «*Р.Я.Кальфа умер 5 сентября 1951 года в больнице от рака поджелудочной железы и печени. Хоронили его сестра и караим. община*», а вторая – что с 20 февраля 1994 года по 18 февраля 1995 год тетрадь находилась у Ю.А.Полканова.

В конце 1993 года, проявив интерес к содержанию надписей на мраморных плитах во дворах кенасы, я обратился к Симит Исааковне Кушуль. Она-то и рассказала мне о существовании этой тетради с переводами. Получив от нее тетрадь, я переписал от руки переводы надписей на русский язык в нескольких экземплярах (2 или 3), из которых один, вместе с полученной ранее тетрадью, возвратил Симит Исааковне, а первый экземпляр оставил у себя. В начале 2000-х гг. текст переводов надписей был оцифрован[11].

В данной работе не предусматривается публикация перевода текстов на мраморных плитах – содержание надписей без сопутствующих комментариев было бы для многих читателей мало понятно. Первоначально задача состояла

[6] КБ, № 3841.

[7] Е.Э.Безекович – активист и общественный деятель Евпаторийской караимской общины.

[8] КБ, № 3838.

[9] Сохранен стиль автора.

[10] Джигит Соломон Юфудович (род. в 1874) – газзан Малой кенасы в Евпатории в 1945–1946 гг.

[11] Впоследствии все материалы «личной» караимики мною переданы в «Карай Битиклиги».

в том, чтобы провести обобщающий статистический анализ и рассказать о появлении новых надписей за период с 1995 по 2016 год, однако были затронуты и другие вопросы, речь о которых пойдет ниже.

По своему содержанию надписи на мраморных плитах Виноградного и Мраморного дворов, а также Двора ожидания молитвы и портиков обеих кенас можно разделить на следующие категории:

– псалмовые стихи о величии Бога;
– надписи, посвященные императорским указам в отношении караимов;
– жертвователям на различные общинные и общенародные нужды;
– устроителям ритуальных фонтанчиков;
– времени строительства кенас;
– руководителям и вождям караимов, ученым;
– историческим событиям.

Начиная с 1995 года караимское общество Евпатории начало устанавливать новые мраморные плиты, тексты которых записывались на русском, караимском и древнееврейском языках. Также на территорию Комплекса кенас были перевезены уцелевшие надгробия и некоторые фрагменты с евпаторийского караимского кладбища, которые представляют определенный исторический интерес, повествуют о караимской традиции форм надгробий и используемых эпитафий. Были восстановлены тексты утраченных плит, открыт Мемориал с 748[12] фамилиями караимов, погибших в годы ВОВ. Если принимать в расчет старые и современные надписи, то общее их число составит 122 шт., а количество по местам расположения следующее:

– Виноградный двор – 25 шт.
– Мемориальный двор – 32 шт.
– Двор Соборной кенасы – 28 шт.
– Мраморный двор – 12 шт.
– портик Малой кенасы – 2 шт.
– портик Соборной кенасы – 4 шт.
– Соборная кенаса – 1 шт.
– Двор ожидания молитвы – 18 шт.

ВИНОГРАДНЫЙ ДВОР

Виноградный двор имеет форму трапеции, в которой северная аркада расположена перпендикулярно восточной и западной стенам, а южная сторона (портал главного входа) находится под углом к ним. Асимметричность конструктива, скорее всего, можно объяснить тем, что при строительстве портала главного входа в 1900 году, он не только сменил существовавший ранее вход меньших размеров (чего требовало восприятие нового архитектурного объема), но, неся завершенность исполнения авторского решения, занял несколько иное положение – параллельно красной линии. При этом западную сторону «косынки» нового пространства заполнили сооружением дополнительной арки, отчего количество таковых на восточной и западной стенах Виноградного двора стало неодинаковым.

[12] На момент издания на плитах Мемориала значатся 900 фамилий.

В западной стене Виноградного двора, начиная от северной аркады, следует непрерывный ряд мраморных плит в количестве 13 шт., расположенных как в арочных нишах, так и в массиве стены. В восточной же стене мраморные плиты в нишах не располагались, их устанавливали только в стенном массиве. Исключение составлял второй от аркады массив, где плита не устанавливалась[13]. Отсутствие плит в арочных нишах восточной стены объясняется тем, что до строительства нового здания мидраша в 1907 году к восточной стене Виноградного двора примыкало старое здание религиозной школы, окна которой выходили в арочные ниши Виноградного двора. С открытием нового здания мидраша проемы окон, выходящие в Виноградный двор, были заложены.

Достаточно сложно определить время установки первых мемориальных плит, т.к. в текстах одних из них указываются лишь даты смерти тех караимов, в память которых эти плиты установлены, а в других обозначено время установки самой плиты. Не используя какой-либо критерий для решения этого вопроса, отметим лишь, что наиболее старая дата встречается на мраморной плите Виноградного двора в надписи № 14 по переводу Р.Я. Кальфа – 1790 год, а самая ранняя после этой даты – 1825 год. Эта датировка присутствует на мраморных плитах № 9 и № 10, установленных в память денежного пожертвования Эстер, супруги Шеломо Бабовича и их сыновей – Симхи и Нагаму. Начальные слова «Этот вышел первый» на мраморной плите № 9, расположенной на восточной стене Виноградного двора рядом с аркадой, возможно, служат доказательством того, что именно эта мраморная плита была установлена первой в Виноградном дворе.

Даты, указанные в текстах на плитах в массивах стен (всего таковых во дворе установлено 15 шт.), расположены в хронологическом ряду 1825–1861 гг. На 12 из них (позднейшая с датой 1840 г.) текст выполнен рельефным шрифтом, на 3 – резным (1831, 1861, и одна без даты). Встречаются плиты без дат, где текст выполнен рельефным шрифтом. Так, например, в массиве восточной стены установлена плита без указания даты[14], но в западной стене, строго напротив, находится плита с датой 1831 года[15], с абсолютно идентичным орнаментальным украшением. Учитывая то, что в тексте недатированной плиты временем ее установки указано царствование Николая I (1825–1855), условно датировку плиты можно определить тем же годом.

Мраморные плиты, установленные в арочных нишах западной стены Виноградного двора в количестве 7 шт., по обозначенным на них датам являются более поздними. От остальных плит они отличаются более крупными размерами, формой, копирующей арку, более сложными элементами декора и информационной наполненностью. Надписи на всех этих плитах выполнены резным шрифтом, а датировка находится в пределах 1847–1907 гг.

[13] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. Этнография Тавриды. М., 1883. С. 18 рисунок. Следует также отметить, что при работах в 2016 г. по установке мраморной плиты в память о столетии посещения кенас императором Николаем II не выявлено каких-либо следов наличия мраморной плиты, установленной в этом месте. Отсутствие таковой предположительно можно объяснить тем, что родственники благотворителя, выкупившие место для установки, впоследствии не смогли по каким-то причинам установить саму плиту.

[14] По тетради Р.Я.Кальфа № 6.

[15] По тетради № 18.

Есть в Виноградном дворе две мраморные композиции, которые отличаются от других по функциональности, несут не только информацию о жертвователях, но и являются элементами исполнения предмолитвенного ритуала. Это несложные по конструкции фонтанчики для омовения рук и ног перед посещением храма (№ 9 и № 23 по тетради Р.Я.Кальфа с датами 1825 и 1851 гг.), установленные последним в восточной стене и первым в западной[16]. Фонтанчики подобного типа с резервуарным наполнением называются «муслук таш», а в тексте надписи на нем, как правило, содержатся сведения о донаторе. Муслук таш восточной стены являлся комбинированным, т. е. приспособленным отдельно для омовения рук и ног – подтверждение этому служат места установки кранов, находящиеся на разной высоте. Вода в разные краны поступала из изолированных друг от друга резервуаров.

5 января 1995 года, в день памяти высадки евпаторийского десанта, в нише восточной стены была установлена мраморная плита, текст которой напоминал о непреходящей скорби караимов о соплеменниках, погибших в годы войн и террора. 16 мая 1916 года в свободном от мраморных плит массиве восточной стены открыли памятную плиту, посвященную 100-летию со дня посещения караимских кенас императором России Николаем II[17].

В мраморной плите дворового покрытия, установленной в центральной аркаде, видно отверстие, предназначенное для нижнего стопора калитки. До 1999 года на одной колонне этой аркады еще находился кованый элемент, предназначенный, очевидно для крепления металлического ограждения. Подтверждение тому, что все проемы аркады могли быть полностью закрыты железным ограждением, можно встретить на рисунке, помещенном в книге Кондараки В.Х. «В память столетия Крыма. Этнография Тавриды».

Во время реставрационных работ 2005 года были восстановлены утраченные элементы мраморных мемориальных плит в Виноградном дворе и Дворе ожидания молитвы, в 2007 году – проведены работы по очистке мраморных поверхностей и покрытию защитным составом.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ДВОР

На южной стене Мемориального двора установлены 15 вертикальных плит размером 80х50 см, на восточной стене 16 горизонтальных плит 50х35 см. На плитах содержатся сведения о дате открытия Мемориала (1999 год) и перечень фамилий караимов, погибших на фронтах, в партизанских отрядах и в оккупации во время Великой Отечественной войны – всего 748 фамилий[18].

На восточной стене установлена также памятная мраморная плита Михаилу Семеновичу Сарачу из Парижа, который неоднократно выделял средства на восстановление Малой кенасы и создание Мемориала.

---

[16] Эта запись в тетради Р.Я.Кальфа не содержит даты, хотя она обозначена внизу вертикальной мраморной плиты (611 г. по малому летоисчислению, т. е. 1851 г.). Фонтанчик и его назначение восстановлены на средства, пожертвованные потомками С.Э.Дувана, посетившими Евпаторию в дни празднования юбилея городского головы Евпатории 14–15 мая 1995 г.

[17] Подробнее см.: «Известия…» № 20.

[18] К настоящему времени выявлены фамилии еще 15 погибших караимов.

Надпись на плите с указанием даты насильственного закрытия Малой кенасы в 1959 году временем закрытия ошибочно определяет осень, фактическая дата закрытия – 30 мая 1959 года.

На фасаде южной стены Малой кенасы, выходящей в Мемориальный двор, в простенках между окнами в полной ассиметрии установлены две небольшие мраморные плиты с одинаковыми орнаментами без каких-либо надписей. Эти орнаменты были обнаружены при проведении ремонтных работ Малой кенасы в 1998 году.

ДВОР СОБОРНОЙ КЕНАСЫ (ЛАПИДАРИЙ)

Изначально во дворе Соборной кенасы была известна одна мраморная плита небольшого размера, вмурованная в западной стене над первым окном у алтарной стены. На этой плите на русском и древнееврейском языках были указаны краткие сведения о «ядре русского орудия», долетевшем до кенасы во время артобстрела города русскими войсками в субботу, 5 февраля 1855 года.

В апреле 1995 года при подготовке празднования городом 120-летия городского головы С.Э.Дувана, во дворе был обустроен лапидарий[19] из нескольких уцелевших надгробий с караимского кладбища в Евпатории. В течение нескольких последующих лет лапидарная коллекция пополнялась за счет инициативы нескольких лиц, перевезших с разрушенного евпаторийского кладбища небольшие по размеру надгробия своих родственников. Последними на данный момент лапидарными пополнениями явились 4 фрагмента надгробных надписей, извлеченные в 2017 году при реконструкции улицы Красноармейской, где они были использованы в качестве бордюрных камней.

Таким образом, большинство надписей двора Соборной кенасы представляют эпитафии или их фрагменты на русском (9) или древнееврейском (19) языках.

МРАМОРНЫЙ ДВОР

В Мраморном дворе на стенах Соборной и Малой кенас расположены 10 надписей, по 5 на каждой. Они представляют собой краткие двустрочные стихи из Тегиллим (113:2, 113:3, 92:9, 28:9, 29:11, 89:53, 102:2, 51:17, 34:2) и Деварим (6:4). Все стихи посвящены восхвалению Всевышнего, поэтому в каждом из них присутствует Тетраграмматон. Одинаковый размер мраморных плит (113х63 см), структура мрамора и рисунок орнамента указывают на то, что все они были установлены в одно и то же время. Средняя мраморная доска на стене Малой кенасы и вторая от портика на стене Соборной кенасы имеют следы заделанных трещин: косой поперечный и вертикальный, соответственно. При записи стиха из Псалма 51:17 на стене Соборной кенасы допущена ошибка в слове «отверзи», где конечной буквой записали «ה» вместо «ח».

[19] Лапидарий – экспозиция образцов лапидарного письма: старинной письменности, выполненной на каменных плитах (в том числе надгробиях). Лапидарное письмо требовало особых резчиков, которым иногда, помимо надписей, приходилось изображать и рисунки. Лапидарное письмо иногда также называют квадратным или монументальным.

По словам одного пожилого караима, во время оккупации Евпатории немцами плиты демонтировались в поисках схрона золотых предметов.

Еще две надписи находятся на стеле в память о посещении кенас в 1825 году императором Александром I. На южной стороне стелы надпись выполнена на русском языке, на северной – на караимском, записана буквами еврейского квадратного письма. В этой надписи отмечен единственный случай, когда дата (1825) обозначена цифрами арабского письма.

Первоначально в надписи на южной стороне вместо существующего ныне слова «Кенасы» написано было «Синагоги». Скорее всего, замена терминов была сделана после получения разрешения при Гахаме С.М.Панпулове: «*Таврический и Одесский караимский гахам С.М.Панпулов перед Министерством Внутренних Дел возбудил ходатайство о переименовании караимских синагог в "кеннаса". По требованию департамента духовных дел по данному вопросу – о переименовании караимских синагог в "кеннаса" виленским губернатором затребованы были сведения от трокского караимского гахама, который сообщил, что "кеннаса", происходя от корня глагола древнебиблейского языка "канос" (собирать), как видно из старинных караимских летописей, служила наименованием мест общественного богослужения караимов и посему переименование караимских синагог в "кеннаса" он признает весьма желательным*»[20].

Замена была продиктована необходимостью приведения всех религиозных терминов в соответствии с древнееврейским языком, так как «синагога» являлась словом греческим, его употребление нарушало существующий канон, по которому караимы свой храм именовали бет а-тефилла, бет а-кнессет, бет а-микдаш и др. Надпись с северной стороны стелы осталась нетронутой и сохранила аутентичный текст со словом «синагога». Во всех существующих надписях на территории Комплекса кенас термин «синагога» употреблен единственный раз на этом монументе.

На фотографии, выполненной в 1958 г., можно увидеть, что, несмотря на отсутствие двуглавого бронзового орла на вершине стелы, мраморная сфера, на которой он был закреплен, еще сохранилась.

ПОРТИК МАЛОЙ КЕНАСЫ

В портике находятся две плиты, расположенные одна под другой по центру арочного входа. На одной их них – верхней – на караимском языке в русской транслитерации помещен текст Псалма 113:2 (доска установлена в 1999 г.), на другой – отражающий информационную и орнаментальную аутентичность текст 1815 года на древнееврейском языке (установка 2014 г., шрифт рельефный)[21].

ПОРТИК СОБОРНОЙ КЕНАСЫ

Восточный вход в Соборную кенасу украшают две объемные мраморные композиции, посвященные освобождению караимов от рекрутской службы

[20] Караимская жизнь № 1. М., 1911. С. 109.

[21] Историю восстановления текста мраморной плиты см.: «Известия …» № 12. С. 5.

императором Николаем I в 1829 году[22]. Несомненно, обе являются наиболее выразительными в эстетическом плане и сложнейшими по исполнению. Разные по внешнему виду, они выполнены в едином композиционном решении: поверх капителей двух колонн находится антаблемент сложной конфигурации, украшенный множеством объемных элементов в виде розеток и картушей. Внутри этой композиции установлена венчаемая двуглавым орлом стреловидная мраморная плита с письменами. Текст на левой композиции выполнен на русском языке, на правой – на древнееврейском. Колонны и поверхности украшены рельефными изображениями венков, муаровых лент, гроздьев винограда, роз, фруктовых ваз, плодов граната, императорским вензелем, розетками и иными декоративными деталями. В верхней части левой композиции от венка до центрального картуша антаблемента определяется отсутствие декоративных элементов (в сравнении со второй плитой – вазы с листьями аканта, символа триумфа).

Обе композиции на момент установки были местами позолочены и частью окрашены в яркие цвета, сохранявшиеся на мраморе до реставрации в 2005 году. Во время подготовки к реставрации поверхностей мрамора следы краски и позолоты были полностью удалены, а на их восстановление, к сожалению, средств не хватило. Следует признать, что до реставрационных работ обе композиции выглядели выразительнее.

Над восточным входом в 2005 году была установлена небольшая прямоугольная плита с текстом на древнееврейском языке. Во вторичном переводе надпись содержит сведения о строительстве Соборной кенасы и первом богослужении в ней. Перевод с русского языка был составлен по тексту, опубликованному в газете «Караимские вести» № 12 за 1995 год.

На момент открытия Соборной кенасы в 2005 году над северным входом была установлена доска аналогичных размеров, повествующая о дате восстановления Соборной кенасы при участии гевира С.Б.Синани. Тексты обеих досок, установленных одновременно, повествуют о событиях, удаленных одно от другого исторически ровно на 200 лет.

СОБОРНАЯ КЕНАСА

Единственная надпись в Соборной кенасе находится на падуге потолка над алтарем и расположена ниже изображения предполагаемого вида Храма Соломона. Текст содержит цитату из Библии (Быт., 22:14) и сведения о строительстве Соборной кенасы при императоре Александре I. Года постройки Соборной кенасы в надписи не указано, но он определяется суммированием числовых значений выделенных букв, которые указывают на 1806 год. Различные даты строительства Соборной кенасы (1805 год на мраморной плите над восточным входом, 1806 год на потолке и 1807 год из краеведческой литературы) можно объяснить пошаговым завершением отдельных этапов строительства: общестроительных работ, росписи потолка, внутренней отделки.

[22] По тетради № 34[А].

ДВОР ОЖИДАНИЯ МОЛИТВЫ

В этом дворе на мраморных поверхностях расположены 18 надписей: 15 на мемориальных плитах, 1 на фонтанчике для омовения и 2 на столбах южного (центрального) входа в Портик Малой кенасы. На северной стене двора в арочных проемах установлены 7 плит, фонтанчик для омовения находится в углу северной и восточной стен, далее – от старого входа на территорию двора к южной стене 5 плит и еще 3 на стене портика Малой кенасы.

Все мраморные плиты установлены в арочных проемах и по своей форме повторяют их. Композиционное решение на всех плитах одинаково: две полуколонны на базах со слабо обозначенными капителями поддерживают полукруг, в котором размещен растительный или геометрический орнамент. Текст надписи помещен в междуколонном пространстве. Из 15 плит на 11 надписи выполнены резным шрифтом, 4 – рельефным (1845, 1851, 1866, 1899[23]). Наиболее ранняя дата, обозначенная на плитах – 1832 год, наиболее поздняя – 1899.

На южной стороне двора, в стене портика Малой кенасы расположена мраморная плита с изображением рабочего инструмента в нижней части. Посвящена она Соломону Аароновичу Когену, который пожертвовал на строительство ремесленного училища в городе своего рождения, Евпатории, 120 тысяч рублей. Из текста следует, что это училище было открыто в 1896 году[24], сама же памятная плита была открыта 2 апреля 1898 года[25], когда С.А.Коген был тяжело болен.

По обе стороны южного входа в портик Малой кенасы установлены 2 мраморные колонны, на которых абсолютно идентичный текст надписей повествует[26]: «*Столбы, что вокруг двора и состоящие из шести мраморных столбов, посвятили приятные братья, желанные Симха и Нагаму. Они же сыновья вождя Шеломо. Да будет покой его во славу между стоящими*[27]*. По малому летоисчислению 579*»[28].

В тексте повествуется о будущих караимских Гахамах Хаджи Ага Симе Бабовиче и Хаджи Ага Нагаму Бабовиче, а также об их отце Соломоне Бабовиче. Этому достойнейшему вождю караимов посвящена отдельная памятная плита на восточной стене двора со стихами восхваления его достоинств. Текст этой надписи представляет чрезвычайный интерес[29].

Из начальных букв шестнадцати рифмованных строк складывается имя Шеломо бен Нагаму Ерушальми. Однако информационная ценность этой над-

[23] Эту дату, определенную суммированием числовых значений выделенных букв, приводит в тетради Р.Я.Кальфа. Временной перерыв между смертью Шеломо бен Нагаму Ерушальми в 1812 г., в память которого установлена плита, и датировкой 1899 г. вызывает удивление. К тому же трудно представить, что в конце XIX в. еще пользовались рельефным шрифтом.

[24] Строительство ремесленного училища в Евпатории, однако, не является единственным, хотя и очень объемным по затратам, благодеянием С.А.Когена. По его инициативе в Киеве в 1898 г. началось строительство здания кенасы, на что меценат первоначально выделил 65 тысяч рублей.

[25] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1413. Л. 9.

[26] По тетради № 35 и № 36.

[27] Пред Богом.

[28] 1819 г.

[29] По тетради № 41.

писи заключается и в другом: из нее мы не только узнаем о том, что покойный «имел большую заслугу строить малое святилище»[30], но и о том, что «молиться начали в Йом Теруа 5560 г.», т. е осенью 1799 года. Исторически известно, что обе кенасы Евпатории строились под руководством Соломона (Шеломо) Бабовича[31], а в Соборной кенасе первое богослужение состоялось в 1805 году. Следовательно, дата начала молений в 1799 году может относиться только к Малой кенасе[32].

Как следует из содержания надписи на мраморной доске, установленной над входом в Малую кенасу, «Микдаш меат» был восстановлен в 1815 году при участии братьев Шемуэля и Ильи (Бабовичей). Из предыдущей надписи известно, что, благодаря стараниям их брата Соломона Бабовича в строительстве храма, молиться в Малой кенасе начали в 1799 году. Напрашивается вполне резонный вопрос: последствия каких событий заставили восстановить Малую кенасу всего через шестнадцать лет после ее постройки[33].

Возможно, ответом этому может служить землетрясение в Крыму в 1802 году силой в 6 баллов, приведшее к повреждениям здания Малой кенасы. Небезопасное состояние храма (а также численный рост общины) заставило караимов обратиться к императору Александру I за разрешением на строительство Соборной кенасы, которое началось после получения высочайшего соизволения в 1803 году. Продолжительный срок восстановления небольшого по объему здания Малой кенасы можно объяснить «всенародным» сбором средств и капитальной сменой конструктивно-планировочного решения (переделкой оконных проемов, увеличением высоты, устройством сводчатого потолка, новой крыши, приведением фасада в соответствие с внешним видом Соборной кенасы и др.)[34].

Принятие такой хронологии в отношении строительства Малой и Соборной кенас могло бы устранить (или корректировать) алогичные сведения, распространенные в краеведческой литературе, кочующие из одной публикации в другую: вначале караимами строится Соборная кенаса, а затем – Малая (?!), в 3,5 раза меньшая по объему. Нормальная логика подсказывает, что основанием строительства больших по размеру храмов может служить только рост численности общины верующих.

Из мраморных плит, установленных в арочных проемах северной стены двора, две из них привлекают своей необычностью[35]: на обеих в верхней части изображены рельефные двуглавые орлы. Одна из них, с вензелями Е I, П I и

---

[30] Малое святилище (Микдаш меат) – термин, который мог применяться к любому храму, кроме Иерусалимского. В надписях при Комплексе караимских кенас «Микдаш меат» относится только к Малой кенасе, а прямое указание на это – текст мраморной доски над входом в храм.

[31] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XIV. Ч. 2. М., 1993. С. 15.

[32] Симха и Нагаму Бабовичи, возможно, установили столбы двора в ознаменование 20-летия начала молитв в Малой кенасе, восстановленной их отцом Шеломо.

[33] Восстановление Малой кенасы, очевидно, началось ранее 1815 г.

[34] Эти и другие изменения удалось выявить во время восстановительных работ Малой кенасы в 1998–1999 гг.

[35] По тетради № 50 и 51.

А I, установлена в ознаменование присоединения Крыма к России и свидетельствует о заслугах лиц, возглавлявших караимов в период нахождения их под властью Екатерины I, Павла I и Александра I, вторая – с вензелями А I, Н I и А II – установлена в память о Симхе Бабовиче, возглавлявшем караимов при означенных императорах и обессмертившем свое имя многими заслугами перед народом. Интересно отметить, что базы колонн этих плит выполнены в виде развернутых свитков, напоминающих, очевидно, о царских указах по отношению к караимам.

Фонтанчик для омовения представляет горизонтальный мраморный массив с овальным углублением и отверстием для стока воды, поступающей из каменного резервуара в стене через кран, установленный в орнаментированной мраморной плите. Надпись на боковой стороне фонтанчика сообщает следующие сведения о донаторе: «Святыня в дом кенасы святого Гозлевского общества. Да благословит его Господь, да сохранит его. Посвятил его маловажный Авраам Леви житель Иерусалима, сын господина нашего и венца главы нашей Моше Галлеви Иерусалимского. Да будет память его благословенна. 28 дня месяца Сивана 592 г.[36] по малому вычислению»[37].

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 26(35) – 27(36)

[36] 1832 г.

[37] Текст посвящения может вызвать некоторое недоумение: события какой важности заставили коренного жителя Иерусалима Авраама Леви посетить далекую Евпаторию и в память о себе оставить в дар отнюдь не дешевый по стоимости ритуальный фонтанчик? Ответ на этот вопрос можно найти в дневниковых записях А.Фирковича, совершившего поездку в Святую землю вместе с Хаджи Ага Бабовичем и десятью лицами сопровождения в 1830–1831 гг.: «…Мы все сделали земной поклон и поцеловали землю, и, прочтя благодарственные молитвы, вошли в святой город и пришли к нашим вакуфным домам. Но в доме ученого Авраама Леви Иерусалимского ничего не поели, хотя он и постарался много приготовить. В Хас-Кое его родственники про него передавали много плохого. Из-за этого Хаджи Ага отверг его пищу, а жену его для него сделал запретной, а его самого устранил от должности уполномоченного до тех пор, пока он не приедет в Крым и не оправдается на суде, и он повиновался его приказу и согласился» (перевод Б.Я.Кокеная).

Вячеслав
Ельяшевич

ПЯТИКНИЖИЕ 1274 года. ОБ ОДНОЙ РЕЛИКВИИ ИЗ ФЕОДОСИЙСКОЙ КЕНАСЫ

Благодаря запрету на уничтожение текстов со священным именем Бога – тетраграмматона – караимскую кенасу в прошлом можно рассматривать и как своего рода хранилище рукописных свитков возрастом до двух-трех и более столетий. И только с приходом Советской власти хранившиеся веками рукописные свитки и книги навсегда исчезли из караимских кенас бывшей Российской империи, лишь изредка напоминая о себе в письменных источниках. Самой известной рукописью, извлеченной из гениз караимских кенас, является Вавилонский кодекс – книга «Поздние пророки» (15 книг от Исаии до Малахии), датируемая по колофонной записи 916 годом. Вавилонский кодекс, один из самых ранних цельных библейских текстов, интересен еще и тем, что имеет редкую вавилонскую (надстрочную) вокализацию, разработанную вавилонской масоретской школой[1]. Рукопись была обнаружена А.С.Фирковичем в Малой кенасе Чуфут-Кале в 1839 году и вместе с другими рукописями поступила в Императорскую публичную библиотеку (сейчас Российская государственная библиотека), и тем самым спасена от гибели[2]. Однако большинство рукописей осталось в генизах кенас до прихода Советской власти и потому безвозвратно потеряно для религии и науки.

Среди них особого внимания заслуживает хранившаяся в караимской кенасе Феодосии рукопись 1274 года, о которой известно сразу из трех письменных источников, причем один из них не караимского происхождения. Рассмотрим эти источники по порядку. Впервые рукопись была описана А.С.Фирковичем, ознакомившемся с ней во время своих поисков караимских древностей в Крыму в 1839 году. Перечисляя все достойные внимания, с его точки зрения, рукописи феодосийской кенасы, А.С.Фиркович подробно останавливается на одной из них:

«*И последнее – Хамиша Хумшэ*[3]*, написанное на пергаменте, высота десять с половиной вершков, ширина восемь с половиной вершков, 71 лист. На каждой странице три столбца, шират га-йам в одном столбце и шират гаазину*

[1] *Якерсон С.М.* От буквы к литере. Очерки по истории средневековой еврейской книги. СПб., 2016. С. 286.

[2] «Авнэ зиккарон». Путевые заметки Авраама Фирковича // Караимская жизнь. Кн. 12. 1912. С. 13, 16.

[3] Хамиша Хумшэ Тора (Пятикнижие Моисея).

в двух столбцах, в каждом столбце 38 строк. Книга целая, без каких-либо повреждений и не тронутая гнилью, имеются никудот вэ-таамим[4], Большая и Малая Масора[5]. Из этого Хамиша Хумшэ читают парашот[6] в шаббат, когда не выносят Сефер Тора[7], и он находится в духане[8], пожертвованном городом Азаком. Свиток написан способом "вавэ га-амудим" и в конце его есть приписка, в которой говорится о том, что книга эта пожертвована Шаббетаем, сыном рибби Йичхака, из общины города Азак во время его болезни в 5035 году от сотворения (1275) в общину караимов Крыма (т.е. Солхата) и посвящена Богу Израиля. Очевидно, что этот Шаббетай, сын Йичхака, из города Азака и Шаббетай из приписки в шестой Сефер Тора – одно и то же лицо. Я спросил шаммаша, есть ли здесь гениза, где хранятся испорченные книги и свитки, и он ответил, что такая гениза есть на кладбище»[9].

Итак, перед нами описание рукописи Хамиша Хумше (Пятикнижие), которая, согласно находящейся в ней приписке, была подарена в 1275 году Шаббетаем сыном Йичхака из Азака общине караимов Солхата. Хотя А.С.Фиркович и выражает сожаление по поводу того, что в кенасе Феодосии он не нашел достаточно древних рукописей, все же рукопись 1275 года его явно заинтересовала, и настолько, что он составил ее описание. Несомненно, этот интерес вызван тем, что в рукописи упоминаются ранее неизвестные ему караимы города Азака (Тана, Азов). Более того, А.С.Фирковичу удалось отыскать в Феодосии еще один важный артефакт, также имеющий непосредственное отношение к караимам Азака. Речь идет о хранившейся в доме феодосийского газзана Йешувы Когена деревянной доске от духана, пожертвованного в кенасу Феодосии, с посвятительной надписью следующего содержания: «*5164 год от сотворения мира [1404], 6 день недели 11 адара (согласно наблюдению за луной), я, Йичхак сын Моше и Сарра, дочь Моше, с матерью Келая, азаковцы, поставили этот духан в общине бене Микра города Кефе, дабы была память о нас в чертоге Божьем*»[10]. Интересно, что в то время сохранился и сам духан, в котором и лежала рукопись из Азака. Вот, что пишет А.С.Фиркович о своих находках: «*Я обрадовался этой находке, хоть она и не очень древняя, ведь она относится к караимам, которые жили за пределами полуострова Крыма. Место расположения города Азака – левый берег Дона, при его впадении в Азовское море. Город этот древний, в 1392 году Тамерлан отвоевал его у генуэзцев. Тора, из которой читают в шаббат парашот, пожертвована из города Азак братьям их бене Микра города Каффа[11] в 1275 году, то есть за 117 лет*

[4] Кантилляционные знаки (система над- и подстрочных знаков, регулирующих правильность чтения).

[5] Справочный аппарат, в сжатой форме фиксирующий сложные случаи написания, вокализации и интонации (Малая Масора) и содержащий подобие конкорданции с примерами индентичных случаев в других частях библейского текста (Большая Масора) (С.М.Якерсон).

[6] Параша (мн. ч. – «парашот») – недельный раздел чтения Пятикнижия Моисея (Торы).

[7] Свиток Торы.

[8] Духан – высокий и узкий столик в кенасе для молитвенников и подсвечника (ср. аналой).

[9] *Фиркович А.С.* Сефер Авнэ-зикарон. Вильна, 1872. С. 23 (перевод с иврита В.А.Ельяшевича).

[10] Там же. С. 24–25.

[11] Здесь у А.С.Фирковича ошибка. Следует читать «города Крыма».

до завоевания города Тамерланом, а духан пожертвован во время хана Тохтамыша в 1404 году. Но когда и откуда пришли караимы в Азак и куда оттуда ушли – об этом ничего неизвестно»[12].

Действительно, сведения о поселении караимов в Азаке полностью отсутствуют. Однако, сам город ко времени, указанном в приписке, уже существовал и был втянут в торговую экспансию генуэзцев и венецианцев в устье Дона во второй половине XIII века, о чем известно из многих источников. По мнению С.П.Карпова, проанализировавшего все известные документы по генуэзской и венецианской колонизации в районе Северного Причерноморья, город Тана (Азак) существовал с X века, а в 1260-х годах в нем уже было венецианское поселение. Что же касается восточного названия Таны – Азак, то оно известно со второй половины XIII века[13].

Если о караимах Азака, откуда был даритель рукописи Шаббетай сын Йичхака, мы ничего не знаем, то о караимах Крыма (Солхата), в общину которых была подарена рукопись, достоверно известно из книги караимского законоучителя Аарона бен Иосифа га-Рофе «Сефер ha-мивхар», написанной в 1294 году в Константинополе. В книге есть упоминание о том, как в 1279 году в «месте, называемом Солхат» караимы и евреи-талмудисты разошлись в дате празднования новолуния[14]. Использованные в этих источниках два названия одного и того же города, Крым и Солхат, также известны со второй половины XIII века[15]. Таким образом, мы видим, что находки А.С.Фирковича, в которых упоминаются караимы Азака XIII века, не противоречат историческим данным и потому заслуживают доверия.

Второй раз, как мы считаем, рукопись упоминается в очерке французского археолога и путешественника барона Жозефа де Бая «В Крыму», где она выделена среди других старинных рукописей, увиденных им в караимской кенасе Феодосии в 1905 году: «*У дверей кенасы нас очень любезно встречает караимский священник газзан Бабаев. Он показывает нам хранящиеся в храме бесценные рукописи, написанные на пергаменте. Самые древние рукописи были вывезены из Старого Крыма около двух веков назад, когда караимы покидали этот город. Возраст одной из этих рукописей – 631 год*»[16]. Несомненно, сообщаемый бароном де Баем возраст рукописи (1905–631=1274) указывает нам на то, что это был рассматриваемый нами подарок из Азака 1274 года.

Подтверждением этому служит еще один письменный источник, а именно инвентарная книга кенасы Феодосии[17], составленная учителем караимского мидраша Марком Симовичем Леви[18] в 1906 году. К счастью, М.С.Леви приводит

[12] Там же.

[13] *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. Т. 57. С. 11.

[14] *Аарон бен Йосеф ha-Рофе*. Мивхар. Евпатория, 1835. Л. 14 (об).

[15] *Гаврилов А.В, Майко В.В*. Средневековое городище Солхат-Крым. Симферополь, 2014. С. 25–27.

[16] *Le Baronde Baye.*En Crimee. Paris, 1906. P. 25 (перевод с французского Г.И.Беднарчик).

[17] Условное название документа, хранящегося в библиотеке «Карай Битиклиги» (Евпатория).

[18] Родной брат Товии Симовича Леви-Бабовича (1879–1956), газзана Феодосии и Севастополя, Гахама каирских караимов.

посвятительную надпись полностью с указанием полной даты дарения, что позволяет скорректировать данные А.С.Фирковича. Пятикнижие было подарено в месяц хешван, а, значит, более точная дата будет 1274 год. Приводим полный текст описания рукописи М.С.Леви в переводе с иврита автора данной статьи:

Свиток Торы во дворе феодосийской кенасы.
Из альбома барона Ж. де Бая. 1905 г.

«*Одна Тора очень и очень старая, написанная на пергаменте квадратными буквами с никудот ве-таамим и со всеми значками для чтения согласно масоре. Длина листа десять с половиной вершков, ширина – восемь с половиной вершков. На каждой странице [текст] в три столбца.*

Из этой [Торы] читают в обычные субботы, когда не выносят свиток Торы. По причине ветхости этого Хумаша некоторое время из него не читали до тех пор, пока один из благотворителей не переплел его. Обложка вместо старой сгнившей заменена на новую из толстой кожи с медными креплениями. На последнем листе Торы надпись:

*"В нашем присутствии, нижеподписавшихся, в четвертый день, в двадцать девятый день месяца хешван, в пять тысяч тридцать пятый год [1274][19] по счету, которого мы придерживаемся, прибыл в общину города АЗАК (*выделено в оригинальном тексте. *– В.Е.) господин Шаббетай, сын рибби Йичхака, и слег в постель от смертельной болезни. И пожелал пожертвовать эту книгу "Эсрим вэ-арбаа"[20] в ясном уме и полном сознании. В нашем присутствии решив окончательно, без принуждения и не по ошибке, пожертвовал эту книгу В БЕТ ГА-КНЕСЕТ[21] КАРАИМСКОЙ ОБЩИНЫ КРЫМА. И пусть будет проклят всякий, кто украдет или продаст ее. И тот муж, кто не исполнит слов господина Шаббетая, не будет прощен Господом, и будет изгнан и отлучен от общины Израиля. И муж, который придет с четырех сторон света, будь то сын или дочь, брат или сестра, близкий или чужой, чужестранец или иудей, или еще кто-то, и станет известна его вина в том, что он требовал и предъявлял права на эту пожертвованную книгу, то будет такой изгнан и отлучен от общины Израиля, и никому из израильтян не разрешается разговаривать с ним. И <…>[22].*

---

[19] В инвентарной книге рукопись датируется 1275 г.

[20] «Эсрим вэ-арбаа» (букв. – «двадцать четыре) – полный канон Священного Писания (книги Тора, Навиим и Кетувим), объединяющий двадцать четыре книги.

[21] Кенаса.

[22] Пропуск в инвентарной книге, вероятно, также и в самой рукописи.

Страница из инвентарной книги феодосийской кенасы с описанием рукописи 1274 г. *«Карай Битиклиги»*

Этот свиток Торы есть пожертвование Господу, который нельзя продавать и выкупать. И услышали мы это и подписались. И все справедливо, истинно и верно <…>.

<…> Авраам <…>.

(Имена свидетелей не сохранились после вторичного переплета.)

Этот Хумаш завернут в шелковое покрывало с серебряными застежками и с атласными краями. И на нем надпись:

“Этот парохет подарила госпожа Фумла Иерусалимская, жена старого Моше, блаженной памяти, в бет га-кнесет Кефе, в 5608 г. [1848], 28 ияра”»[23].

Итак, к началу XX века самой старой рукописью в кенасе Феодосии было Пятикнижие из Солхата (Крым, Старый Крым) 1275 года, которое дает нам ряд важных исторических свидетельств. Полный канон священных писаний, состоящий из двадцати четырех книг и называемый «Эсрим ве-арбаа», был пожертвован караимом из города Азак (Азов) в караимскую общину Солхата. Следовательно, мы впервые узнаем о существовании в это время караимской общины в Азаке, или же, как минимум, о проживании в нем караимов. Год пожертвования, 1275 год, отодвигает самое раннее свидетельство о караимах в Крыму (1279) на 4 года назад. Мы также узнаем, что рукопись, которая хранилась в кенасе Солхата около пяти веков, была перевезена в Феодосию, после того, как караимы окончательно покинули Солхат, то есть на рубеже XVIII – XIX веков. В Феодосию, видимо, было перевезено уже только Пятикнижие, где его переплели и стали читать во время субботних богослужений. Эта интересная рукопись, вероятно, была конфискована вместе с другими рукописями феодосийской кенасы в 1939 году, но, к счастью, исчезла не бесследно для истории.

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 28 (37)

[23] Инвентарная книга феодосийской кенасы / сост. М.С.Леви. // Библиотека «Карай Битиклиги» (Евпатория). 1906. С. 11

Виктор
Тирияки

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМА «БУР-К» В ПИСЬМЕ ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА

В 1932 году в издательстве Академии наук СССР вышла работа академика Павла Константиновича Коковцова «Еврейско-хазарская переписка в X веке»[1]. В этом труде автор подвергает обстоятельному критическому анализу все известные на тот момент документы, относящиеся к исследуемой теме, а именно:

– письмо сановника испанских халифов Абд-аль-Рахмана (912–961) и Хакама II (961–976) еврея Хасдая ибн Шафрута (Шапрута) к хазарскому царю Иосифу[2];

– ответное письмо хазарского царя Иосифа согласно краткой редакции[3];

– ответное письмо хазарского царя Иосифа согласно пространной редакции[4].

В дополнение к исследуемым материалам, тексты которых даны и в языке оригинала – древнееврейском, и в переводе на русский язык, автор рассматривает вступление Исаака Акриша к еврейско-хазарской переписке в Константинопольском издании 1577 г., а также отрывок из письма неизвестного еврея X века – т. н. кембриджский аноним.

П.Коковцов, обобщая результаты проведенной работы, уверенно высказывается за подлинность писем Хасдая и Иосифа, хотя также называет имена сторонников иного мнения. Приведем краткое содержание письма Хасдая ибн Шафрута хазарскому царю и ответ последнего по версии краткой редакции.

Хасдай ибн Шафрут, занимающий высокие должности при дворе испанских халифов, узнает от купцов и путешественников, что существует могучее государство, царь которого, приближенные царя и многие жители страны – иудеи, т. е. исповедует ту же религию, что и Хасдай. В письме, адресованном хазарскому царю, Хасдай задает интересующие его вопросы о месте расположения страны, ее границах, войске, населении, времени и обстоятельствах принятия царем этой религии и о многом другом.

В ответном письме хазарский царь Иосиф, умалчивая о сведениях стратегического значения, отвечает Хасдаю на его вопросы.

---

[1] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. Ленинград, 1932.

[2] Предполагаемая датировка письма между 954 и 961 гг.

[3] Предполагаемая датировка написания копии между 1070 и 1105 гг.

[4] Предполагаемая датировка написания копии – 1070 г.

В 1874 году российский гебраист А.Я.Гаркави[5] во втором собрании рукописей А.С.Фирковича обнаружил документ[6], в котором, хотя и отсутствовала заключительная часть, содержались новые сведения, значительно дополняющие текст известного ответного письма царя Иосифа (по краткой редакции). Эта рукопись в дальнейшем получила название «пространная редакция».

Среди отмечаемых П.Коковцовым дополнительных сведений пространной редакции значится и «перечисление местностей, преимущественно крымских, расположенных на западной границе Хазарии»[7]. О них говорится следующее: «С западной стороны – Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин»[8].

Из тринадцати приведенных древних топонимов, в большинстве отражающих географическую последовательность крымских местностей, среди немногих других не идентифицирован Бур-к. При рассмотрении этого названия П.Коковцов лишь ссылается на мнение А.Гаркави, который предлагает два варианта локализации Бур-к:

1. Близ Балаклавы, исходя из греческого Παλάχιου.

2. На Таманском полуострове, причем в этом случае А.Гаркави исходит из того, что в рукописи, возможно, следует читать не Бур-к, а Курк[9].

Два возможных варианта локализации Бур-к, территориально отдаленных друг от друга на 500 км, свидетельствуют о неуверенности ученого в обоих предлагаемых случаях.

В факсимильной части рукописи пространной редакции, которую приводит Коковцов на страницах книги[10], в тексте отчетливо читается Бур-к, поэтому напрашивается предположение, что во втором варианте локализации Бур-к А.Гаркави допускал искажение (умышленную замену или небрежность при переписке) первоначально написанного в тексте документа слова Курк на существующее в рукописи Бур-к.

На основании предположения А.Гаркави о локализации топонима Бур-к можно поставить два невольно напрашивающихся вопроса, которые ученый оставил вне объяснений, а именно:

---

[5] Гаркави Авраам Яковлевич (1839–1919) – российский востоковед и гебраист. Учился в раввинском училище и на восточном факультете Санкт-Петербургского университета (1863). Работал в императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге (1872–1919). Был членом правления Петербургской еврейской общины, членом хозяйственного комитета, габаем Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга. Редактор издательства Русско-еврейского археологического общества.

[6] Копия оригинала.

[7] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. Ленинград, 1932. С. XVI.

[8] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. – Ленинград, 1932. – С. 102.

[9] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. – Ленинград, 1932. С. 109. В предположении А.Гаркави нет ничего удивительного: тот, кто знаком с еврейскими рукописями, знает, как легко, при небрежности переписчика, спутать схожие по написанию буквы ב и כ , и вместо «Бурк» прочесть «Курк».

[10] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. Ленинград, 1932. С. XVI, табл. 3.

Почему в перечне территориально следующих одна за другой крымских местностей, находящихся на западной границе Хазарии, вдруг появляется населенный пункт, который по предположению ученого, возможно, находится на далекой Тамани?

Если А.Гаркави допускает замену буквы כ (каф) – первой в слове Курк – на схожую по написанию букву ב (бэт) в слове Бур-к, то что удерживает его от предположения, что буква ו (вав) в слове Бур-к появилась из буквы י (йод) простым удлинением ножки?

Ответы на поставленные вопросы позволяют сделать следующее предположение: первоначально в рукописи могло стоять слово Кирк – не что иное, как нынешняя крепость Чуфут-Кале в пятнадцати километрах от нынешнего Мангуб-Кале, и недалеко от Альмы. Чуфут-Кале в исторических документах и описаниях путешественников разных времен не раз меняла названия: Кырк, Кырк Йэр, Кырк Ор, Киркери, Гевхер Кермен, Кале, Чуфут-Кале.

Об упоминании крепости под названием Кырк можно найти сведения у Ф.Ф.Лашкова[11]. В своем труде «Исторический очерк Крымско-татарского землевладения» он пишет: «Яшлавские ведут свой род от Абак-бея Кудалака. Перекочевав в Крым по указанию Ногая, предок Яшлавских завоевал еврейский городок Кырк и «поселился», как говорится в родословной, «в Яшдаге, т. е. на полянах в молодом лесе, между городом Кырком и рекой Альмой, от чего прозвался Яшлав, и потомки его и народ распространились в разных местах, им приобретенных»[12].

Из приведенного выше становится очевидным, что на момент завоевания крепости предком Яшлавских – в 1299 году – крепость носила название Кырк, а ее население, по всей видимости, было гомогенным (вернее – единоверческим) по составу. Позже, уже при крымских ханах, в XVII веке эта «гомогенность» жителей крепости Кырк была отражена в существующем ныне названии – Чуфут-Кале (в переводе с татарского «еврейская крепость»). В 1666 году турецкий путешественник Эвлия Челеби подтверждает конфессиональную однородность население крепости[13].

П.Коковцов отмечает, что в текст пространной редакции письма хазарского царя Иосифа вносились дополнения последующими переписчиками. Основываясь на наличии в тексте названия Манк-т (крепость Мангуп-Кале?) одного слова и эвлогии, применяемых только у караимов, автор делает вывод, что дополнения вносились переписчиками-караимами.

Полагаю, что столь категоричному выводу П.Коковцова, при отсутствии надлежащей «караимской» мотивации, противоречит наличие в тексте слов «Талмуд и Мишна». Если бы копия пространной редакции (ведь П.Коковцов исследовал только копию, а не сам оригинал) подвергалась идеологической чистке караимами средневековья, то последние непременно бы постарались

---

[11] *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк Крымско-татарского землевладения. ИТУАК № 22. С. 73.

[12] Ф.Лашков ссылается на свой реферат «Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве», опубликованном в Трудах VI Археологического Съезда в Одессе. Т. IV. С. 105.

[13] *Челеби Э.* Книга путешествий. Симферополь, 1999. С. 36.

изъять из текста эти исключительно равинистические термины вместе с названием отсутствующего у караимов праздника Ханука[14].

Вряд ли перо караима касалось копии пространной редакции, т. к. община крепости Кырк (Кале, Чуфут-Кале) являлась «матерью в Израиле и госпожой караимских общин»[15], и исправить ошибку (неизвестное Бур-к на знакомое и родное Кырк) было делом чести для каждого просвещенного караима.

Скорее всего, изменения в текстуальной основе пространной редакции (Кырк – Бур-к) были внесены переписчиком, прекрасно знающим о существовании крепости Кырк и конфессиональной принадлежности ее жителей – караимов, но исповедующим иное, чем караимы, вероучение.

Очевидно, понимал это и А.Гаркави, ибо как иначе можно объяснить его удивительную «несообразительность» в очевидной трансформации Кырк-Курк-Бур-к (בורק ־ כורק ־ כירק). Однако для мэтра российской гебраистики потрясающим открытием явилось упоминание о Мангупе в документе X века, который он сам признал подлинным. Ведь именно этот критерий у А.Гаркави[16] являлся одним из главных при опровержении подлинности караимских древностей в Крыму ранее XIII века. На эту поразительную «забывчивость» А.Гаркави указывает и П.Коковцов[17].

Полагаю, что вышеизложенное позволяет хотя бы с некоторой долей вероятности локализовать неизвестный и нигде более не упоминаемый (!) крымский топоним Бур-к из пространной редакции хазарского царя Иосифа с нынешней крепостью Чуфут-Кале около Бахчисарая.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 2 (11)

---

[14] Упоминание о Хануке в краткой редакции отсутствует. Согласно логике рассуждений П.К.Коковцева, из этого можно сделать вывод, что появление Хануки в пространной редакции – дело рук переписчика-талмудиста.

[15] *Кефели А. О* становлении и глобальной роли караимской ученой мысли в регионе современных Западной Украины и Литвы. Матеріали міжнародної конференції «Караїми Галича: історія та культура». Львів, 2002.

[16] Более 40 лет А.Гаркави обвинял караима А.Фирковича в подделках рукописей и дат надгробных камней. Как пишет В.Л.Вихнович в своей книге «Караим Авраам Фиркович» (СПб., 1997. С. 197), по убеждению израильского историка А.Поллака, «Гаркави ошибался больше Фирковича и виновен в том, что придал всей полемике идеологизированный характер. Но самое главное: Поллак пишет, что профессор Иосиф Клаузнер, близко знавший А.Гаркави, сообщил ему, что последний в конце своей жизни отказался от убеждения, что Фиркович фабриковал приписки к рукописям…» Поразительно не само признание А.Гаркави, идеология которого доминировала над истиной и позволяла возводить клевету на «еретика» А.Фирковича, а то, что в течение 40 лет с момента выхода книги Поллака признание А.Гаркави ни разу не было опубликовано в русскоязычной литературе. До сих пор оно отсутствует и в русскоязычном Интернете.

[17] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР. Ленинград, 1932. С. XVIII: «Не мешает припомнить, что в известном споре о древности еврейских надгробных надписей в Чуфут-Кале между Д.А.Хвольсоном и А.Я.Гаркави имя «Мангуп» выдвигалось именно в качестве бесспорного критерия поддельности тех памятников, в которых оно находилось, и следует положительно удивляться, что, в увлечении ценностью новой открытой им редакции царского хазарского письма, А.Я.Гаркави совершенно позабыл применить тот же критерий к своей новой находке».

Вячеслав
Ельяшевич

ИЗ ИСТОРИИ УСАДЬБЫ СИМЫ СОЛОМОНОВИЧА БОБОВИЧА «ГАН ЯФЕ» В КАРАСУБАЗАРЕ

Одной из ключевых фигур в истории восточноевропейских караимов XIX века является Сима[1] Соломонович Бобович (Бабович)[2] (1790–1855) – предводитель караимских общин Крыма и первый Таврический и Одесский караимский Гахам. На протяжении всей своей общественной деятельности С.С.Бобович успешно отстаивал интересы караимских общин Крымского полуострова и Новороссии, благодаря чему приобрел огромный авторитет среди своих соплеменников. На посту председателя Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (далее – ТОКДП) С.С.Бобович отличился тем, что сумел освободить караимов от ограничений, наложенных на еврейское население Российской империи, тем самым подготовив почву для законопроекта об уравнивании караимов в правах с русскими поданными[3].

Сима Соломонович Бобович владел в Крыму и за его пределами деревнями, садами и обширными земельными угодьями, среди которых Беркут, Курулу, Кырк-Кулач, Донузлав-Кипчак, Дорт-Сакал, Шейх-Эли и Донузлав. Некоторые из этих имений по завещанию Гахама были пожертвованы в вечное владение караимской кенасе Евпатории[4]. Но среди всех владений С.С.Бобовича особое место занимает имение вблизи города Карасубазара (современный Белогорск) с поэтическим названием на древнееврейском языке «Ган Яфе» – «Прекрасный Сад», которым он владел совместно со своим младшим братом Бабакаем (Нагаму) Соломоновичем. Именно это имение было выбрано Гахамом как основное место жительство после его родного города Евпатории.

[1] Караимское произношение имени Симха (см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 525. Л. 228, 237, 273, 291).

[2] Неустоявшаяся форма. Согласно архивным документам, сам С.С.Бобович и его брат Б.С.Бобович чаще всего писали свою фамилию через две буквы «о» (см., напр.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 112. Л. 1). Именно эту форму мы и будем использовать.

[3] *Прохоров Д.А.* Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Симферополь, 2019. С. 73.

[4] *Ельяшевич В.А.* Некоторые сведения о землевладениях С.С.Бобовича в Крыму и за его пределами // Известия Духовного управления религиозных организаций караимов. 2015. № 17 (26). С. 11–13.

Несмотря на то, что среди специалистов, занимающихся вопросами караимской истории, усадьба «Ган Яфе» известна достаточно хорошо, до сих пор не было установлено ее местонахождение и считалось, что здание усадебного дома не сохранилось. Однако, в ходе проведенного автором этих строк исследования весной 2013 года, удалось установить место, где находилось имение, а также обнаружить сохранившееся здание усадебного дома, который первоначально был построен как путевой дворец Екатерины II во время ее путешествия в Крым в 1787 году. Оказалось, что у имения С.С.Бобовича «Ган Яфе» интересная история, связанная с известными историческими лицами Российской империи.

Земли, на которых возникло имение «Ган Яфе», во времена Крымского ханства принадлежали татарской знати. После присоединения Крыма к Российской империи и эмиграции с полуострова татар, опустевшие земли близ Карасубазара вместе с деревнями, садами, огородами, овчарнями, мельницами и прочим в 1784 году были «описаны в казну»[5]. Здесь согласно указанию князя Г.А.Потемкина и под наблюдением генерал-аншефа М.В.Каховского (брата первого правителя Таврической области В.В.Каховского) в 1786 году был построен путевой дворец для Екатерины II, предназначенный для ночлега императрицы во время ее знаменитого путешествия по покоренной Тавриде. Путевой дворец близ Карасубазара был не единственный в Крыму. Князь Г.А.Потемкин сумел создать прекрасные дворцы во всех городах полуострова, которые лежали на пути царственной особы – в Симферополе (Ак-Мечеть), Севастополе (Инкерман), Карасубазаре, Старом Крыму, Феодосии. В Бахчисарае для Екатерины II дворец уже был готов – Ханский. Вот, что пишет о путевых дворцах князя Г.А.Потемкина путешественница Мария Гатри: *«В каждом месте, в котором она останавливалась для отдыха или ночлега, она находила дворец, готовый ее принять. Многие из них сохранились в хорошем состоянии, другие, как в Старом Крыму, – пришли в упадок. Они включали в себя спальню для императрицы с примыкающей к ней ванной комнатой, танцевальный зал, маленькую часовню и несколько других апартаментов для ее свиты»*[6].

Дворец в Карасубазаре вполне соответствовал рангу принимаемой гостьи – на его отделку ушли дорогостоящие материалы, был разведен роскошный парк, устроены фонтаны. Благодаря воспоминаниям Марии Гатри, посетившей дворец в 1795 году, мы имеем представление об изначальном архитектурном стиле дома, созданным зодчими Г.А.Потемкина. По словам английской путешественницы, «изысканный временный дворец» был построен в «татарском стиле»[7], вероятно, подражающем стилю Ханского дворца и фамильных усадеб крымских беев. Удачно было выбрано и место для дворца – на невысоком холме недалеко от города, с вершины которого открывалась великолепная панорама: город Карасубазар лежал как на ладони, а вдалеке виднелась сверкающая на солнце белоснежная скала Ак-Кая. Холм с двух сторон огибали две реки, Биюк-Карасу и

[5] ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 998. Л. 1.

[6] *Guthrie Maria.*A tour performed in the years 1795–6 through the Taurida, or Crimea, the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, 1802. P. 205.

[7] Там же.

Танасу, соединяясь у самого города и образуя полуостров, посередине которого возвышался холм с дворцом. Все это вместе создавало необычайную живописность местности, которой обитатели дворца могли любоваться прямо из окон.

Вот как описывает местоположение дворца русская писательница Олимпиада Шишкина: «*В бытность Ея в Крыму, Екатерина II посетила и Карасу-Базар, где для приезда Ея выстроен был в некотором расстоянии от города, на высокой горе, дворец несравненно обширнее Севастопольского. Между обнесенным службами двором, и садом, оттуда виден весь город с его церквами и минаретами, среди которых раскиданы зеленые пирамиды раин. Над всем эти возвышаются горы, и одну белую, совершенно отвесную, можно почесть богатым зданием*»[8]. Кстати, есть упоминание о том, что здание дворца было не построено, а перестроено из более старого здания, возможно из «господского дома», упоминаемого в описании перешедших в казну земель, и, вероятно, принадлежавшего какому-нибудь татарскому мурзе. Об этом можно прочесть в ордере князя Г.А.Потемкина за № 28 «*Господин Генерал аншеф и Кавалер Михайло Каховский уведомляет меня, какое по случаю намериваемого шествия Ея Императорского Величества в область Таврическую в рассуждении построения домов и исправления дорог сделано исполнение, а именно: бывшей в Карасу-Базаре старый дом перестроен, а вновь заложенная галерея и прочие покои отделываются с поспешанием…*»[9].

Возле дворца был разведен английский сад служившим у князя Г.А.Потемкина «аглицким садовником» В.Гульдом, который специально для этой цели был командирован в Крым[10]. Мария Гатри оставила нам краткое описание прогулки по этому парку: «*Здесь мы увидели группы величественных деревьев, гордо возвышавшихся над цветочными клумбами, которые находили спасение от полуденной жары под тенью их широких крон. И могу заверить вас, мы были просто счастливы найти тень в таком благоухающем обществе. Прогуливаясь по прекрасному, широкому газону, мы достигли очаровательного леса, который был частью чудесного парка, разведенного нашим соотечественником Гульдом, императорским садовником (когда он служил у князя Потемкина), украсившим эту местность*»[11]. Свое впечатление о дворце и саде оставил также граф Луи Филипп де Сегюр, посол Франции при дворе Екатерины II: «*Кроме прекрасной широкой дороги, которую он* (*М.В.Каховский.* – В.Е.) *выровнял трудами своих солдат, он с их же помощью развел на берегу Карасу обширный английский сад и посреди его выстроил изящнейший дворец*»[12]. Императрица дважды останавливалась на ночлег в «возникшем

[8] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. Часть первая. СПб., 1848. С. 261.

[9] Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796). Сообщение члена Комиссии Г.К.Кириенко // ИТУАК. 1897. № 3. С. 18.

[10] Ордера кн. Потемкина за 1787-й год (продолжение). Сообщение Г.К.Кириенко // ИТУАК. 1888. № 6. С. 21.

[11] *Maria Guthrie.* Atourperformed… P. 205–206.

[12] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 220.

словно по волшебству Потемкина» дворце: по дороге в Феодосию, проходившей через Карасубазар, и на обратном пути из Феодосии.

В мае 1786 года во дворце побывала английская писательница Элизабет Кравен, по ее словам в «генеральском доме, весьма хорошо сделанном к приезду Императрицы»[13]. Здесь ее принимали братья В.В.Каховский и М.В.Каховский, последний из которых заведовал строительством дворцов в Карасубазаре, Инкермане, Старом Крыму и Феодосии. В апреле 1788 года дом перешел в ведение областного правительства и вместе с описью сдан подпоручику Стафопуло. Известно, что в мае 1788 года в нем проживали граф Михаил Петрович Румянцев и генерал-майор Денисов со свитой, а в июне от сильных дождей «во всех покоях дворца произошла большая течь, от которой обвалилась штукатурка и крыша уже грозила падением»[14].

Спустя время дворец вместе с землями был пожалован императрицей графу А.А.Безбородко. «*В верхней части города,* – читаем мы у П.С.Палласа, – *у ручья Тунаса, был построен дворец для покойной императрицы, позже пожалованный ею со всеми окружающими землями князю Безбородко…*»[15]. В «Путеводителе по Крыму» Н.Головкинского также есть сообщение о том, что дворец был пожалован графу Екатериной II: «*За городом, над речкою Тунас, был построен дворец для Екатерины II, но впоследствии она отдала его со всеми принадлежащими к нему землями князю Безбородко*»[16]. Сведения П.С.Палласа и путеводителя Н.Головкинского подтверждаются и архивными документами, из которых известно, что 8 ноября 1787 года орденом Таврического генерал-губернатора князя Г.А.Потемкина правителю Таврической области В.В.Каховскому было предписано «*тайному советнику графу Безбородке для поселении крестьян дачу при Карасубазаре с находящимся на ней строением и всеми угодьями отмежевать ему графу во владение*»[17].

Итак, первым полноправным владельцем бывшего дворца и имения был Александр Андреевич Безбородко (1747–1799), граф и вице-канцлер Российской империи при Екатерине II и светлейший князь и канцлер при Павле I. А.А.Безбородко был крупным государственным деятелем екатерининской эпохи, руководившим внешней политикой России. За свою службу и заслуги А.А.Безбородко был щедро награжден императрицей и ее сыном императором Павлом I. Среди многочисленных владений графа было также и обширное имение близ Карасубазара, называемое, вероятно, по имени ее владельца «Александровской дачей», и состоявшее из 13 293 десятин земли[18]. Посреди этого имения на невысоком холме возвышался бывший дворец Екатерины II,

[13] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. Миледи Кравен (перевод с французского). М., 1795. С. 266.

[14] *Маркевич А.И.* Материалы архива Канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию Императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. // ИТУАК. 1891. № 11. С. 134–135.

[15] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 // Научное наследство. Т. 27. Москва: Наука. 1999. С. 111.

[16] Путеводитель по Крыму Н.Головкинского (бывший Сосногоровой). Симферополь, 1894. С. 407–408.

[17] ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 998. Л. 1–2.

[18] Там же.

возникший здесь только для того, чтобы дважды принять императрицу на ночлег. Недолго пробыв хозяином имения, граф А.А.Безбородко продал свое карасубазарское имение Коллежскому асессору «Господину Геннадию»[19], а от него имение перешло к Ламбро Качиони.

Ламбро Качиони, или Ламброс Кацонис (1752–1805), был человеком необычайной судьбы, национальным героем Греции. Военная карьера и славная биография Ламбро Качиони началась во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, когда он поступил на службу на российский флот. Сражаясь с турками, он проявил себя как храбрый воин и вскоре был произведен в офицеры. Наибольшей славы Ламбро Качиони достигает во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, когда он стал «командующим российской императорской флотилией», созданной им самим частично за собственный счет, частично на деньги греческих патриотов. Легкая флотилия Ламбро Качиони, выдержав ряд неравных сражений, нанесла немалый урон турецкому флоту, в чем содействовала недавно созданному Черноморскому флоту. За свою храбрость Ламбро Качиони был произведен в полковники и награжден орденом Святого Георгия IV степени. В 1796 году, незадолго до своей смерти, Екатерина II пожаловала Ламбро Качиони за его заслуги перед Российской империей поместья на Крымском полуострове. Свое имение на южном берегу Ламбро Качиони назвал в честь своего родного города в материковой Греции – Ливадией[20].

Неизвестно, когда Ламбро Качиони приобрел бывшее имение графа А.А.Безбородко возле Карасубазара, но предполагают, что греческий герой окончательно поселился вместе со своей семьей в Крыму в 1796 году. Имение было приобретено для его жены Марии Петровны, которая, «вступив во владения, сделала на ней (даче. – *В.Е.*) заведения»[21].

Привыкший к морским сражениям, Ламбро Качиони не сидел на месте и проявил себя деятельным и рачительным хозяином. В Карасубазаре он перестроил екатерининский дворец, который стал известен у местных жителей как «дом полковника Качиони». Продолжим ранее начатую цитату П.С.Палласа: *«В верхней части города, у ручья Тунаса, был построен дворец для покойной императрицы, позже пожалованный ею со всеми окружающими землями князю Безбородко, теперь он перешел к новому владельцу Ламбро Качиони, перестроившему его»*. Эти слова написаны после 1796 года. *«Дом полковника Качиони*, – читаем мы в книге «Досуги крымского судьи» Павла Сумарокова, – *стоющий ему более 40 тысяч рублей, отличается от всех прочих, и местоположение его на полосе, возвышенной посреди двух долин, притом обращенное к длине города, есть великолепное»*[22]. Павел Сумароков также сообщает о перестройке дворца новым владельцем: *«Верстах в 7 берет свое начало речка Карасу, и сплошные по обеим берегам сады кажут приятный к оному путь. Там встречаешь развалины дворца, в котором премудрая Екатерина брала*

[19] Там же.

[20] *Осташко А*. Корсар Его Императорского Величества // Полуостров сокровищ. 2014. № 1 (16). С. 28–31.

[21] Там же.

[22] Там же,. С. 71.

Гравюра из книги Павла Сумарокова «Досуги крымского судьи» (1803) под названием «Дом Ламбро Качиони» (с 1835 г. – дом Бобовичей в имении «Ган Яфе»)

отдохновение, и который, доставшись потом в числе десятинной земли прежде сказанному Качиони, разобран для иного построения»[23].

Из слов крымского судьи следует, что Ламбро Качиони разобрал дворец Екатерины II и построил из него новое здание. Однако, другие источники, указывают на то, что дом полковника Ламбро Качиони находился как раз на месте дворца, и был именно перестроен, а не построен заново. Кроме П.С.Палласа об этом упоминает Шарль Монтадон, автор первого путеводителя по Крыму: *«На юге города на возвышенности, у подножия которой текут Большая Карасу и ручей Тунас, есть дворец, построенный для императрицы Екатерины. Ныне он принадлежит господину Качони, который его совершенно перестроил»*[24]. Благодаря русской писательнице Олимпиаде Шишкиной мы знаем также о том, какой характер носила перестройка дома: *«Прежний владелец, Качони, давно изменил вид жилища Царского; в нем остались только стены со множеством комнат, которые мы все обошли»*[25]. Из этого следует, что Ламбро Качиони сделал капитальный ремонт бывшего дворца, оставив нетронутыми только стены здания.

С именем Ламбро Качиони связана новая эпоха в истории дома, так как после сделанного полковником ремонта здание приобрело совершенно иной вид. Благодаря литографии из книги Павла Сумарокова «Досуги крымского судьи» мы имеем уникальную возможность увидеть, как выглядел новый дом Ламбро Качиони. В 1805 году Ламбро Качиони скончался при невыясненных обстоятельствах – предполагают, что он был отравлен турецкими агентами. В 1808 году умерла жена Ламбро Качиони Мария Петровна, завещав имение двум

[23] *Сумароков П.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Часть II СПб., 1805 С. 69.

[24] *Монтадон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму (перевод с французского). Симферополь, 1997. С. 237.

[25] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. С. 262.

Портрет Гахама С.С.Бобовича, опубликованный в журнале «Караимская мысль» (1934).

малолетним сыновьям Ликургу и Александру с назначением к ним опекунов, которые управляли имением на протяжении многих лет[26]. В 1835 году Ликург Качиони продал свою часть имения братьям Бобович, Симе и Бабакаю Соломоновичам, о чем сообщается в «Выписи из крепостных Симферопольского нотариального Архива книг за 1902 год». Фрагмент «Выписи», посвященный имению «Ган Яфе», мы приводим полностью:

«*Имение, именуемое ныне "Ган-Яфе", пахотные, сенокосные и льняные земли с фруктовыми садами, разного рода строениями, лесом, водами, угодьями, обзаведениями и с правами на протекающие через имение "Ган-Яфе" и участок, показанный ниже в пункте втором пространством примерно сто десятин, реки, канавы, водяные источники и плотины устроянные на них, установленными, в раздельном акте, состоявшимся 10 июля 1826 года между Александром и Ликургом Качиони, имение какового последнего перешло к братьям Бобович, в имении этом, как значится по купчей крепости, совершенной 23 февраля 1835 года в Таврической Палате Гражданского Суда*»[27].

Сима Соломонович (1790–1855) и Бабакай Соломонович (1801–1882) Бобовичи (Бабовичи) происходили из богатой купеческой семьи и более пятидесяти лет находились во главе караимской общины Российской империи. На поприще общественной деятельности из двух братьев наиболее выделился С.С.Бобович. В 1827 году С.С.Бобович был выбран караимской общиной для поездки в Санкт-Петербург, целью которой было ходатайство об освобождении караимов от рекрутского набора. В 1837 году по его инициативе было создано Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление, а сам С.С.Бобович был избран его главой (Гахамом) – с этого времени он официально стал во главе своего народа[28]. За заслуги перед караимским народом он удостоился многих титулов и званий: «глава в изгнании», «венец головы нашей», «благоверный князь», «выдающийся судья», «праведный благотворитель», «народный предстатель» и другие. В 1830 году С.С.Бобович совершил паломничество в Святую Землю (Израиль), после чего стал именоваться Хаджи-Ага. Под этим именем он был наиболее известен в народе.

[26] ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 998. Л. 2.
[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 43.
[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.

В одном из российских изданий имение Бобовичей «Ган Яфе» называется самым крупным садовым имением Карасубазара: «*Самое обширное садовое хозяйство существует в огромном имении наследников караимов Бобовича Ган Яфе, находящегося близ самого города Карасубазара, при впадении в реку Карасу ручья Теназа. Здесь во время путешествия императрицы Екатерины II для ея ночлега был специально построен дворец, от которого кроме нескольких колонн не осталось никаких следов. Тогда же императрица подарила все земли Ган-Яфе графу Безбородко, от которого они впоследствии и перешли к Бобовичу. Площадь садов в имении достигает 200 десятин*»[29].

Жителями Карасубазара усадебный дом имения «Ган Яфе» назывался просто «сарай», то есть «дворец»[30] – то ли в память о дворце императрицы, то ли в силу того, что дом этот был одним из самых примечательных в городе и его окрестностях. Слух о роскоши дома привел во «дворец» русскую писательницу Олимпиаду Шишкину, посетившую Карасубазар в 1845 году, и оставившую нам краткое описание внутреннего убранства усадебного дома, благодаря которому мы можем немного представить себе, как выглядели покои главы караимской общины. Вот как писательница описывает свое посещение усадьбы:

«*Два Еврея открыли нам дверь духовного главы своего с какою-то трусливой подозрительностью, может быть, вообразив, что мы приехали покупать его. Прежний владелец, Качони, давно изменил вид жилища Царского; в нем остались только стены со множеством комнат, которые мы все обошли. Здешние жители, не видавшие ничего лучшего, превозносят их убранство, но мы видели только притязания на щегольство и роскошь. В большой зале, между собранных из разных мест простыми, соломенными стульями, два старые красного дерева дивана, обшиты вышитом в восточном стиле атласом, совсем полинявшим, потому что стоит непокрытым. В гостиной, при шелковой во всю стену софе с бархатными подушками, рыночные стулья зеленого барана. Картины, которыми Татары и Евреи любуются, как мы работою Шебуева или Воробьева, должны быть куплены, и с их потальными рамами, в Петербурге, и мне кажется, я не однажды видела, как там носили по улицам эти самые пейзажи и портреты, издали поражающие своими пестрыми красками*»[31].

Как видно из слов Олимпиады Шишкиной, слухи, ходившие в городе о богатстве дома, были явно преувеличены и не соответствовали действительности: в доме караимского Гахама придворная фрейлина увидела только претензию на роскошь. Картины, которые упоминает писательница – недорогой столичный товар, но редкий для провинциального городка – возможно, были приобретены С.С.Бобовичем во время его поездки в Санкт-Петербург в 1827 году. «*Императрица,* – пишет Олимпиада Шишкина, – *пожаловала живописное поместье это, несколькими тысячами десятин земли, флотскому капитану Качони, за его службу во время последней пред тем войны с Тур-*

[29] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 14. Новороссия и Крым. СПб., 1902. С. 688.

[30] *Pigit S.Sh.* Iggeret nidhe Shemuel (Письмо изгнанников Самуила). P. 77. Comment 1.

[31] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. С. 262–263.

ками. Такая награда могла навек обеспечить состояние потомков Качиони, но его сын продал все без остатку богатому караиму Симу Бобовичу, который почти никогда не живет здесь, будучи Таврическим гаханом [sic!] (высшее духовное звание). Все кругом пусто, сад заглох; ничто не напоминает присутствия Екатерины и Ея образованных веселых спутников, с восторгом за нею следовавших по вновь покоренной оружием Ея, знаменитой в истории, пленительной Тавриды»[32]. Русская писательница сообщает нам один интересный факт, а именно о том, что последний год своей жизни в имении С.С.Бобовича провела баронесса В.Ю.Криденер (Крюденер), автор романа «Валерия», писательница и религиозная проповедница. *«Здесь провела последнее время своей жизни госпожа Криднер, которая в молодости, написав роман "Валерию", заставивший плакать всех ее читателей, потом обратила на себя внимание такими же горячими возгласами о таинственных действиях веры… Она приехала в Крым с княгиней Анной Сергеевной Голициной в 1823 г., и на следующий год умерла здесь, в доме Сима Бобовича. Очень было бы любопытно узнать, что побудило пламенную баронессу искать убежища в Татарском городе, у Еврея, чем она занималась, что думала и чувствовала перед кончиною»*[33].

Описание Олимпиадой Шишкиной своего посещения усадьбы С.С.Бобовича чрезвычайно интересно для нас, поскольку оно является единственным в своем роде, но, к сожалению, в рассказе писательницы есть ошибки. Так, например, баронесса Крюденер умерла хоть и в Карасубазаре, но совсем в другом доме, да и в 1823 году имение не могло принадлежать С.С.Бобовичу, купившему его в 1835 году[34]. Кроме того, Олимпиада Шишкина сообщает о том, что С.С.Бобович почти никогда не жил в имении, что опять-таки расходится с архивными документами. Караимский Гахам, напротив, проводил в своем имении много времени, о чем нам говорят письма 1840-х годов из архива ТОКДП, адресованные С.С.Бобовичу в «Ган Яфе». Еще более определенно об этом сказано в одном из прошений С.С.Бобовича 1843 года, в котором он пишет о себе, как о «жительствующем Симферопольского уезда в имении своем Ганъ-Яфе»[35].

Среди караимов имение Бобовичей «Ган Яфе» было известно тем, что на его территории находилась вакуфная водяная мельница с прилегающим к ней садом, которая в официальной документации имела несколько названий на разговорном тюркском языке крымских караимов: «Вакуф бахчи» («Вакуфный сад»), «Дегирмен бахчи» («Мельница с садом»), «Га-кодеш дегирмен вэ бахчасынын» («Священная мельница с садом»), «Дегирмен вэ хашлама бахчасынынъ» («Мельница и сад»), «Тутлук» («Шелковичный сад»), «Карагач» (по названию урочища Карагач). Доходы с этого вакуфного имения расходовались на содержание караимских кенас и на другие благотворительные цели. «*Это наше имение мы передали во владение нашего народа. С 5601 г. [1840] весь расход и доход должны вестись за его счет*», – написано в завещании[36]. «Вакуф бахчи» был пожалован братьями Бобович на общественные нужды с

[32] Там же. С. 261.

[33] Там же.

[34] *Колли Л.* Могила баронессы Крюденер в Крыму // ИТУАК. 1912. № 48. С. 212–222.

[35] ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4775. Л. 1.

[36] Инвентарная книга караимской кенасы г. Феодосии / сост. М.С.Леви. // Карай Битиклиги. Евпатория. 1906. С. 126

условием, что если их наследники пожелают продать имение «Ган Яфе», то они должны купить для той же цели другое имение на сумму десятилетнего дохода вакуфного имения – так «Вакуф бахчи» был навсегда закреплен за караимской общиной[37].

Для ведения дел вакуфной мельницы был назначен специальный габбай, который назывался «габбай шель-га-ккодеш». Согласно завещанию, каждую субботу в караимских кенасах ему должна читаться молитва «бераха» («за здравие»), для того, чтобы имение приносило хорошую прибыль. Из архивных документов известно, что в начале 1850-х годов должность «габбая шель-га-ккодеш» занимал евпаторийский I-й гильдии купец Авраам Черкез, ведущий торговлю в Карасубазаре[38], с 1862 по 1873 год – Бабакай Ильич Бобович, который был женат на дочери Бабакая Соломоновича Бобовича Берухе[39], в конце 1890-х – начале 1900-х годов – Илья Берахович Шишман, сын внучки Бабакая Соломоновича Бобовича, Мирьям Эммануловны Шишман[40]. Как следует из сохранившихся приходно-расходных записей вакуфа в 1898 года вакуфная мельница сдавалась в аренду местному крымчаку Арону Манто[41], а в 1901 году была сдана в аренду на 6 лет еврею Якову Куюмджи[42]. Раз в году всю чистую прибыль от мельницы «габбай шель га-ккодеш» должен был распределять по частям в караимские общины, указанные в завещании, и отчитываться о проделанной работе перед общиной Евпатории. О том, как распределялся весь стопроцентный доход от «Вакуф бахчи», нам известно из сохранившейся копии завещания братьев Бобовичей, отрывок из которого мы цитируем полностью в переводе на русский язык:

15 % в бет га-кнесет и бет га-ккодеш святой общины Гезлева, в которых читать берахот нам и нашим детям, и зехер по нашим умершим родственникам вместе со всеми или отдельно.

15 % беднякам святой общины Гезлева. Каждый месяц тишри габбай во дворе кенасы на глазах всей общины пусть распределяет беднякам общины согласно записанному в тетради.

10 % в святую общину Гезлева газзанам, меламмедам, шохетам и шаммашам всем поровну.

5 % в святую общину Кале, половину в бет га-кнесет, половину беднякам.

5 % в святую общину Кефе.

5 % в святую общину Ор[43].

5 % в святую общину Одессы.

5 % в святую общину Константинополя.

5 % в святую общину Иерусалима, половину для горения нэр тамид, половину бедному населению.

10 % в святую общину Гезлева для ухода за мидрашами и обеспечения их водой и всем необходимым.

---

[37] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 43.
[38] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1673. Л. 7.
[39] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1676.
[40] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 1–2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1684. Л. 84–94.
[41] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1684. Л. 106.
[42] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 2.
[43] Город Перекоп (современный Красноперекопск).

10 % в виде прибавки к годичному жалованью рибби или исполняющему должность рибби в Карасубазаре.

5 % в Константинополь на расходы госпиталя.

5 % бедным раввинистам Карасубазара[44].

К сожалению, сведения о суммах дохода «Вакуф бахчи» крайне малы. Известно, например, что в 1869 чистый доход с вакуфного имения составил 707 рублей, в 1873 году – 1 620 рублей. В 1918 году чистая прибыль с «Вакуф бахчи» превысила 10 000 рублей[45].

С поместьем С.С.Бобовича «Ган Яфе» связаны имена двух известных караимских деятелей XIX века. Так, например, известно, что в 1838 году в качестве учителя детей С.С.Бобовича здесь жил А.С.Фиркович (1787–1874) , в то время скромный учитель, но впоследствии широко известный коллекционер рукописей[46]. Проживая в «Ган Яфе», А.С.Фиркович тесно контактировал с представителями общины крымчаков Карасубазара и даже выступил в качестве арбитра во время возникшего конфликта между общиной и ее раввином Шаббатаем Фишгалем[47]. С 1868 по 1870 год в усадьбе Бобовичей также в качестве учителя жил Самуил Шемарьевич Пигит (1849–1911), будущий газзан Екатеринослава и автор книги «Иггерет нидхе Шемуэль»[48]. Известно также, что в 1854 году во время Крымской войны и незадолго до смерти С.С.Бобовича в его усадьбе по просьбе представителей власти был размещен госпиталь для раненых[49]. Вследствие этого усадебный дом был сильно поврежден и после войны некоторое время пустовал, а в 1856 сгорел от пожара. Сохранилось письмо брата С.С.Бобовича, Б.С.Бобовича, императору Александру II с просьбой выплатить денежную компенсацию на восстановление сгоревшего дома, предоставленного для госпиталя[50].

Гахам С.С.Бобович скоропостижно скончался в 1855 году в Карасубазаре на шестьдесят пятом году жизни. Его смерть была для всех полной неожиданностью. Вот как описывает свое прибытие в Карасубазар сразу после смерти Гахама С.А.Бейм: *«В этот самый день, я, Соломон Бейм, по приглашению венца головы нашей, Его Высокостепенства Гахама нашего Хаджи-ага, мудрого и милосердного, глубокочтимого мужа совета и вразумления, прибыл в Карасубазар, и ужас объял душу мою. Явившись для того, чтобы удостоится сладкой беседы Гахама, я увидел внезапно потрясающее зрелище; вместо того, чтобы согреться в лучах света, исходящего от Гахама, как от солнца, я застал могильщиков, обмывающих тело Гахама…»*[51]. Похоронить Гахама

[44] Инвентарная книга караимской кенасы г. Феодосии. // «Карай Битиклиги» (Евпатория). 1906 г. С. 127

[45] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1255а. Л. 72.

[46] Хроника // Известия Караимского Духовного Правления. № 2. Декабрь.1918. С. 34.

[47] *Ачкинази И.В.* Крымчаки: историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. С. 90.

[48] *Pigit S.Sh.* Iggeret nidhe Shemuel (Письмо изгнанников Самуила). P. 75. Comment 1.

[49] *Арсений Маркевич.* Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам) // ИТУАК. № 37. Симферополь, 1905. С. 41.

[50] ГАРК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 255. Л. 2–3.

[51] Циркулярное письмо, разосланное караимским общинам, по смерти Его Высокостепенства караимского Гахама Хаджи Ага Симы Бобовича, исполнявшим должность Гахама Соломоном Беймом // Известия Караимского Духовного Правления. 1919. № 1, февраль. С. 12–14.

хотели в «родовом гнезде» караимов Чуфут-Кале, «однако ввиду того, что тело, пролежавши около восьми часов, стало разлагаться, врачи, чтобы оградить окружающих от возможного заражения, приказали предать тело земле без всякого промедления». Так Гахам С.С.Бобович был похоронен на границе своего имения «Ган Яфе» рядом с покойным сыном Натаниэлем, умершим в юном возрасте. Здесь же в 1882 году будет похоронен родной брат С.С.Бобовича Б.С.Бобович, второй караимский Гахам. К сожалению, их памятники не сохранились, и место их могил неизвестно.

Исаак Берахович Шишман.
Из личного архива Ю.Б.Скоробогатова

После смерти Гахама С.С.Бобовича во владение имением «Ган Яфе» вступил его младший брат Бабакай Соломонович Бобович, потомки которого будут проживать в усадьбе вплоть до разорения имения после Октябрьской революции 1917 года. В 1863 году жена Б.С.Бобовича Султан Аароновна расширила имение своего мужа, приобретя у карасубазарского помещика, адмирала Лазаря Марковича Серебрякова, земельный участок площадью в десять десятин с фруктовым садом и мельницей, именуемой Батыр-Бей[52].

У Бабакая Соломоновича и Султан Аароновны Бобович было две дочери – Беруха и Тотеш. После смерти Бабакая Соломоновича в 1882 году, а затем Султан Аароновны в 1884 году, по завещанию, составленному в 1876 году, все имение перешло к их дочерям. В 1884 году Тотеш Бабакаевна Бобович завещала свою часть имения своей дочери Мирьям Эммануиловне Шишман, вышедшей замуж за Бераху Моисеевича Шишмана. С этого времени имение «Ган Яфе» было во владении семей Бобович и Шишман – Шишманам принадлежало пять восьмых частей имения, а Бобовичам – три восьмых частей имения, при этом «Вакуф бахчи» достался Бобовичам. В 1902 году произошел раздел имения «Ган Яфе» между Берухой Бабакаевной Бобович и Мирьям Эммануиловной Шишман, при котором «Вакуф бахчи» остался за Бобовичами. При этом разделе были определены границы двух имений и права обеих сторон, например, Бобовичам был разрешен проезд по имению Шишманов, и наоборот, обеим сторонам можно было рыть канавы и делать плотины, устанавливать телеграфные столбы на территории соседа, и так далее. Общее имение

[52] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 44.

Бобовичей и Шишманов простиралось от истока реки Карасу близ села Баши (современное с. Головановка), вдоль рек Биюк-Карасу (Карасевка) и Танасу, до юго-восточной окраины Карасубазара, где заканчивалось урочищем Карагач, граничащим с городом – огромная территория, сплошь занятая фруктовыми садами и покрытая сетью орошающих их каналов[53].

Наиболее известным представителем семейства Шишманов-Бобовичей является Илья Берахович Шишман (1870–1938), сын Мирьям Эммануиловны Бобович и Бераха Моисеевича Шишмана. По сведениям «Караимского биографического словаря» Б.С.Ельяшевича, И.Б.Шишман был известен как искусный садовод, оборудовавший и расширивший доставшееся ему в наследство садовое хозяйство. Несколько сроков подряд он избирался городским головой Карасубазара и на этом поприще немало сделал для благоустройства города. Его стараниями в городе была построена электростанция, театр, помещение для библиотеки, здание для гимназии, учрежден городской банк, проведена канализация, покрыты мостовой главные улицы. В 1911 году он был единогласно избран «почетным гражданином города», первым в истории Карасубазара. В советское время И.Б.Шишман работал как высококвалифицированный специалист-садовод для организации хранения и экспорта фруктов и яблок, сначала в Крымском Госторге, затем в Харькове в Госторге УССР, в Мариуполе заведовал совхозом имени Ворошилова. Неоднократно был премирован[54].

О жизни семьи Бобовичей в «Ган Яфе» мы знаем благодаря воспоминаниям правнучки Б.С.Бобовича Стефании Эммануиловны Ефетовой под названием «Семья Бобовичей», записанными ее дочерью Лидией Габай-Ефетовой. С.Э.Ефетова начинает историю своей семьи с Гахама Б.С.Бобовича.

«*Прадед моей матери*[55] *Бераха (Бабакай. – В.Е.) Бобович был Гаханом (sic!). Человеком он был очень богатым, даже по тем временам. У него были обширные владения под Карасубазаром (теперь совхоз "Предгорье"), на Каче и недвижимое имущество в Евпатории… Прабабушка жила замкнуто в имении Ганьяфе в трех верстах от Карасубазара. От этого брака у нее было трое детей – два сына и дочь. По-русски она почти не говорила. Вся прислуга в имении состояла из татар и крымчаков, говорящих по тюркски»*[56].

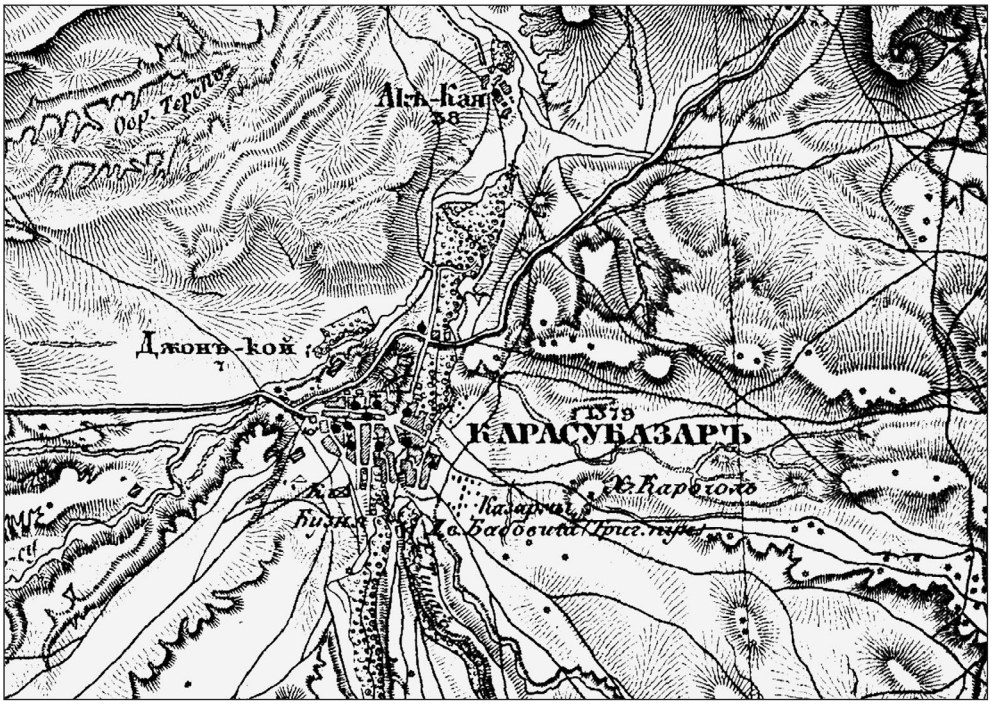
С.Э.Ефетова вспоминает о том, что некогда дом ее прадеда принадлежал графу Безбородко, которому она приписывает строительство дворца: *«Земли, которые принадлежали Бобовичам, когда-то были подарены Екатериной II графу Безборотько. Там он выстроил большой дворец, в котором периодиче-*

[53] Там же.

[54] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». выпуск XIV «Караимы», Кн. 2. М.,Издательство Российской академии наук институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. 1993. С. 225–228.

[55] Это выражение принадлежит самой Л.А.Габай-Ефетовой.

[56] Семья Бобовичей. Из воспоминаний моей матери С.Э.Ефетовой-Бобович. 1992 / Неизданное // Карай Битиклиги. Евпатория. Симферополь.

«Домовладение Бобовича» на Трехверстной военной топографической карте Российской империи. Вторая половина XIX в.

ски жил, так как климат этого места считал очень целебным. В этом бывшем дворце Безборотько и жила наша семья»[57].

Сын Берухи Бобович Эммануил (Иммануил) женился на Тотеке (Татьяне) Шишман и у них родилось шесть детей. Через десять лет Татьяна Шишман умерла, и Э.Б.Бобович женился второй раз – на девятнадцатилетней девушке Мурат, которая родила ему еще троих детей. Старший сын Э.Б.Бобовича Бабакай (Борис) (1886–1921) поступил в рижский политехникум, по окончании которого вернулся в Карасубазар и занялся имением «Ган Яфе». Отрывок из воспоминаний С.Э.Ефетовой, посвященный ее дяде Борису Эммануиловичу Бобовичу, мы приводим полностью:

«*Он блестяще окончил политехникум и получил звание ученого агронома. Возвратившись домой, он привел хозяйство в такой образцовый порядок, что к нему приезжали на практику студенты политехникума познакомиться с постановкой дела. В свинарники, коровники и птичники было проведено электричество (поставили свою динамомашину на реке Карасу). Каждый клочок земли давал доход. В садах выращивали крымские сорта яблок, и все они отправлялись в магазины Елисеева. Некоторые яблоки еще на деревьях заворачивали в бумагу, на которой вырезались буквы ХВ – Христос воскрес. Все яблоко оставалось желтым, и только буквы розовыми. Такие яблоки у Елисеева про-*

[57] Там же.

давались поштучно. В лесах проводили санитарные рубки и, так как они были, в основном дубовые, то заготавливали кору для дубильных веществ. Деревья пилили на дранки и распускали на стружку для упаковки фруктов.

Перед стрижкой многочисленных овец их прогоняли по реке Карасу для очистки шерсти от пыли и колючек, такая шерсть ценилась намного выше.

Имение, ранее приносившее 20 тысяч рублей дохода, стало приносить 200 тысяч рублей.

Хозяин консультировал всех окрестных помещиков и в Топловском монастыре.

Кроме всего прочего, мой дядя был большим общественным деятелем. Он был избран городским головой Карасубазара, для которого сделал очень много. Добился в земстве постройки дороги, чем облегчил вывоз фруктов и другой сельскохозяйственной продукции. При нем были выстроены мужская и женская гимназии»[58].

Несмотря на свои молодые годы, Б.Э.Бобович состоял директором городского банка. В 1911 году в возрасте 27-ми лет Б.Э.Бобович был избран городским головой Карасубазара и, по неподтвержденным сведениям, занимал эту должность в течение 10 лет, вплоть до своей смерти в 1921 году[59]. Достоверно известно, что Б.Э.Бобович избирался два срока подряд, так как он занимал должность головы в 1915 году[60]. При нем в Карасубазаре было окончено строительство нового здания для гимназии, начатое еще его дедом, также городским головой Б.И.Бобовичем[61]. Вот, что сказано о Б.Э.Бобовиче в заметке журнала «Караимская жизнь»: «*Утвержденный в должности гор. Головы 27 мая принял присягу и вступил в свою должность. Новый городской голова совсем молодой человек; ему всего 27 лет. Два года назад он закончил рижский политехнический институт и за эти два года, управляя своим обширным имением под Карасубазаром, показал себя дельным и опытным хозяином. Б.Э.Бобович состоит также товарищем председателя местного отдела Императорского общества плодоводства и в этом обществе очень часто выступает с своими докладами по части садовой культуры, имеет также несколько печатных брошюр в этой области*»[62].

По сведениям Л.А.Габай-Ефетовой, благодаря стараниям Б.Э.Бобовича в городе незадолго до 1914 года были построены мужская и женская гимназия. Для этой цели городской голова произвел сбор средств с населения и собрал недостающую сумму. Есть также сведения за 1914 год о том, что в Карасубазаре у семьи Бобович была табачная фабрика[63]. «*Старший сын* (*Э.Б.Бобовича.* – В.Е.), *городской голова,* – вспоминает Л.А.Габай-Ефетова, – *за свою чуткость и благотворительность пользовался всеобщим уважением и любовью. Когда во время революции матросы поставили его к стенке и хотели расстрелять как "буржуя", трудовые люди стали на его защиту и буквально заслонили своими телами*»[64].

---

[58] Там же.

[59] Вероятно, все же до прихода советской власти в 1920 г..

[60] Крымский вестник. № 296. 13.11.1915.

[61] Карасубазар / Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. Кн. 8–9. 1912. С. 124.

[62] Карасубазар / Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. Кн. 1. 1911. С. 126.

[63] ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4863. Л. 17.

[64] *Габай-Ефетова Л.А.* Семья Бобовичей … С. 12.

Парадный вход усадебного дома Бобовичей в «Ган Яфе».
Современный вид (фото В.А.Ельяшевича).

Большим доверием и уважением Б.Э.Бобович пользовался и в караимском обществе. В 1904 году он взял в управление вакуф «Дегирмен бахчи», а в 1914 году сдал его в аренду французскому гражданину Виктору Францовичу Блавену[65]. В 1913 году Б.Э.Бобович был назначен габбаем караимской общины Карасубазара. В этой должности пробыл как минимум до 1917 года[66]. В 1915 году он был выбран караимской общиной Карасубазара делегатом на выборы Таврического и Одесского караимского Гахама[67]. Вообще, с начала XX века Б.Э.Бобович был самой значительной и весомой фигурой среди проживающих в Карасубазаре караимов, несмотря на свой молодой возраст.

Единственным представителем семьи Бобович, постоянно и безвыездно проживающем в Карасубазаре, в имении «Ган Яфе», была Беруха Бабакаевна Бобович, дочь Гахама Бабакая Соломоновича Бобовича. Долгое время в Карасубазаре жили ее дети и внуки, сыновья Эммануил и Илья Бабакаевичи, а также сын Эммануила Бабакаевича, Бабакай Эммануилович, городской голова, и его младшая сестра Стефанья Эммануиловна. Внуки Берухи Бабакаевны Бобович, родившиеся в Карасубазаре, в начале XX века переехали в Симферополь, купив дом на улице Губернаторская (совр. Пролетарская), в самом центре города.

Семья Бобович, проживавшая в имении «Ган Яфе», была хорошо известна далеко за пределами Карасубазара. Многие ее представители были талантливыми и успешными людьми, и все имели высшее образование.

[65] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 834. Л. 125.

[66] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 869. Л. 125; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. № 1. 1917. С. 6.

[67] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1307. Л. 19.

«*Но началась революция,* – заканчивает свои воспоминания С.Э.Бобович-Ефетова, – *и уничтожила почти всю семью. Одних расстреляли, другие погибли от эпидемий брюшного и сыпного тифа, третьих разметало по всему миру. Сейчас осталось только 5 человек третьего поколения.*

Имение было разграблено, пришло в упадок. Погиб роскошный парк с декоративными растениями. Одиноко стоит на горе над обрывом, немой свидетель былого благополучия и величия. В нем сейчас расположен Тубдиспансер»[68].

Эти воспоминания Стефании Эммануиловны Ефетовой были записаны ее дочерью Лидией Габай в 1992 году. Поехав в Белогорск, чтобы отыскать дом семьи Бобовичей, автор этих строк без труда нашел его, спросив у первого встретившегося на пути жителя города, где находится тубдиспансер. Местность, в которой находится дом, полностью совпадает с описаниями путешественников, да и само здание выглядит так же, как на гравюре из альбома П.И.Сумарокова, только без мезонина. Оказалось, что и сотрудники тубдиспансера знают о том, что здание лечебницы было когда-то путевым дворцом Екатерины II, и слышали, что его хозяином был Бобович. Меня провели во внутренний двор П-образного здания, в котором раньше был сад с фонтаном, а сейчас находится сквер со скамейками для прогулок больных. Здесь сохранился старый колодец. Медработники сообщили мне, что весной из холма начинает бить источник и подтапливает помещение котельной. Видимо, вода этого источника раньше и питала фонтаны, находящиеся на территории усадьбы: один перед парадным крыльцом, другой во внутреннем дворе. После Великой Отечественной войны здание усадьбы занимала районная больница, а с 1967 года оно было отведено под тубдиспансер, который находится здесь и по сегодняшний день.

Выйдя за пределы дома, автор этих строк вместе с сотрудником диспансера, стал любоваться окружающими видами. «А где находится совхоз "Предгорье"?» – спросил я, зная по описаниям С.Э.Ефетовой, что раньше это был знаменитый «Ган Яфе». «А вот, прямо под нами», – ответили мне. Я посмотрел на голую равнину, простиравшуюся перед нами, и представил себе ее в цветущих фруктовых деревьях. Мне сообщили, что слева от усадьбы, вдоль реки Биюк-Карасу, раньше был яблоневый сад, а справа, вдоль реки Танасу – сливовый. Яблоневый сад был вырублен каких-нибудь лет пять-шесть назад, после закрытия совхоза. Сейчас на его месте пустырь. А сливовый сад частично сохранился. Последняя подсадка деревьев была произведена три года назад. Мне рассказали также, что в советское время яблоки из совхоза «Предгорье» доставляли в Кремль. И это похоже на правду, потому что совхоз «Предгорье», просуществовавший все советское время, славился своими яблоками. Из книги И. Лезиной «По горным лесам Восточного Крыма. В верховьях реки Танасу и Кучук-Карасу»:

«*В Криничном находится центральная усадьба совхоза "Предгорье", вдоль садов которого вы ехали от самого Белогорска. Это хозяйство известно не только в Крыму, но даже и за пределами нашей страны благодаря своим замечательным яблокам: они обладают тонким вкусом, ароматом, сочностью, хорошо сохраняются и выдерживают длительную транспортировку в отда-*

[68] Там же.

ленные области. В числе других ценных сортов здесь выращивают Ренет шампанский, Ренет Симиренко, Розмарин белый, Джонатан, Банан зимний. На международной выставке в Эрфурте совхозу были присуждены две золотые и одна серебряная медаль; в июне 1974 года «Предгорье» снова было отмечено на международной выставке СЭВ "АГРА–74" за высокое качество яблок.

Совхоз был создан в 1921 году по декрету В.И.Ленина об организации государственных хозяйств. Базой для него послужили бывшие помещичьи имения в богатых водой долинах Биюк-Карасу и Танасу. Уже с первых лет основания совхоз сделался школой сельскохозяйственных кадров района и области. Нашествие фашистских варваров нанесло "Предгорью" огромный ущерб, и после освобождения Крыма почти все пришлось начинать заново»[69].

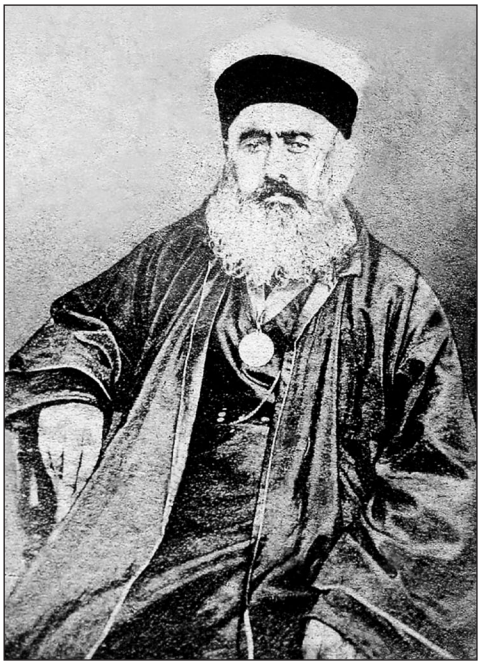
Нет больше ни «Ган Яфе», ни совхоза «Предгорье», погиб яблоневый сад, обветшал дом, с 1975 года не видевший капитального ремонта. Одиноко стоит он на невысоком холме, «большой, запущенный, обшарпанный дом», который даже не входит в число исторических памятников Крыма.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 9 (18) – 10 (19)

[69] Там же.

Сергей
Шайтанов

БАБАКАЙ СОЛОМОНОВИЧ БОБОВИЧ – ВТОРОЙ ТАВРИЧЕСКИЙ И ОДЕССКИЙ КАРАИМСКИЙ ГАХАМ

Бабакай Соломонович Бабович.
Фото из архива «Карай Битиклиги»

Бабакай (Нахаму) Соломонович (Шолемович) Бобович (1801–1882) – младший брат первого Гахама караимов Российской империи Симхи Соломоновича Бобовича (1790–1855), евпаторийский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, благотворитель и общественный деятель, занимавший пост Таврического и Одесского караимского Гахама с 1857 по 1878 год, родился 28 апреля 1801 года в Евпатории в семье евпаторийского купца и гевира Соломона (Шолеме) Бабакаевича Бобовича и Эстер Мордехаевны Коген-Айваз[1]. Получил домашнее образование. С 1834 по 1837 год состоял на службе евпаторийским городским головой[2]. В 1834 году во время пребывания Российского Императора Николая I в Бахчисарае получил в дар от Его Величества бриллиантовый перстень и золотые часы с бриллиантами. В 1839 году был награжден медалью для ношения на шее на Аннинской ленте с надписью «За усердную службу»[3]. Во время Крымской войны Б.С.Бобович оказывал всяческую поддержку армии России: вместе со своей дочерью Тотеш Шакай пожертвовал для войск, расположенных в Бельбекской долине, несколько ты-

[1] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 128. Л. 114; *Аарон бен Йосеф га-Рофе*. Сефер гамивхар, т. е. Комментар на 5 Книг Мойсеевых. Евпатория, 1835. С. [2–3]; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова. Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 15–17. (Материалы к серии «Народы и культуры»).

[2] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 150. Л. 20.

[3] Формулярный список о службе Таврического и Одесского караимского Гахама Бабакая Шолемовича Бобовича (сост. 14.10.1869) // ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 148. Л. 9–11.

сяч пудов сена[4]. За оказанную помощь русской армии в 1857 году Б.С.Бобович был награжден темно-бронзовой медалью на Аннинской ленте для ношения в петлице «В память войны 1853–1856 гг.»[5].

В 1855 году ушел из жизни Гахам Симха Соломонович Бобович. В связи с тем, что из-за продолжавшейся войны невозможно было провести надлежащие выборы Гахама, эту должность временно исполнял старший газзан Чуфут-Кале С.А.Бейм. По окончании Крымской кампании были произведены выборы Гахама, на которых победу одержал Бабакай Соломонович Бобович, отчасти благодаря своей знаменитой фамилии и отчасти благодаря своему мягкому и отзывчивому характеру. Утверждение нового Гахама произошло 4 мая 1857 года указом Таврического губернского правления[6]. На этой должности Б.С.Бобович продолжил так же верно служить караимскому народу, как и его старший брат. В период ведения Б.С.Бобовичем дел Караимского Духовного Правления в 1863 году караимы Российской империи были полностью уравнены правительством во всех правах с коренным русским населением[7]. Нельзя не отметить, что указ этот вышел благодаря активной деятельности предыдущего Гахама С.С.Бобовича.

Стоит упомянуть, что Б.С.Бобович оказал большую услугу своим единоверцам, издав в 1872 году в Житомире труды караимского ученого, астронома и Гахама из Чуфут-Кале Исаака бен Шеломо (1754/1755–1826) «Ор га-Левана» («Свет Луны») и «Пиннат Икрат» («Драгоценная основа»). Также представляет ценность и составленная Б.С.Бобовичем биография Исаака бен Шеломо, приведенная в предисловии к изданию. Трактат «Ор га-Левана» посвящен теоретической и практической астрономии, а «Пиннат Икрат» долгое время служил караимам в качестве катехизиса. Тогда же в 1872 году в одной книге с произведениями Исаака бен Шеломо было издано и руководство по математическому определению лунно-солнечного движения под названием «Шеш Кенафаим» («Шесть крыльев») еврейского ученого XIV века Иммануила бен Яакова[8].

В начале 1869 года Б.С.Бобович вместе с женой отправился в четырехмесячный отпуск в Иерусалим «на поклонение по религии нашей Соломонову Храму»[9]. Во время его отсутствия должность Гахама временно занимал старший евпаторийский газзан и член Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления Яков Шамаш. В 1869 году Б.С.Бобович ходатайствовал о присвоении ему звания потомственного почётного гражданина ввиду того, что им было выслужено в должности Гахама более двенадцати лет. Для удовлетворения этой просьбы Б.С.Бобович предоставил в правительствующий сенат свидетельство о своем рождении, согласно которому «...Бабакай Бобович родился от Евпаторийского купца Шолеме Бабакая сына Бобовича и законной

[4] *Лебедева Э.И.* Крымская война и караимы. Симферополь, 2004. С. 32.

[5] Формулярный список Б.Ш.Бобовича.

[6] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 150. Л. 20.

[7] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / изд. З.А.Фирковича. СПб., 1890. С. 182–183.

[8] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь. – С. 9; Книги караимов Крыма: Каталог выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки / сост. К.Ю.Бурмистров. Москва: Российская государственная библиотека, 2016. С. 20.

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 150.

его жены Эстер Мортхаевой дочери тысяча восемь сот первого года апреля 28-го дня»[10]. Благодаря этому документу можно установить точный год рождения Б.С.Бобовича, так как в некоторых биографических сведениях о нем, к примеру, авторства Б.С.Ельяшевича, указан 1799 год.

Б.С.Бобович также был крупным земле-и домовладельцем. В Евпатории он владел родовым домом со службами, в Евпаторийском уезде – землями в деревне Шейх-Эли, в Симферопольском уезде – фруктовым и виноградным садами. Вместе со своим старшим братом Б.С.Бобович владел крупным имением «Ган Яфе» («Прекрасный сад») под Карасубазаром, а после смерти первого стал его единственным владельцем. Вообще Б.С.Бобович унаследовал многие земельные владения своего брата С.С.Бобовича и считался одним из самых богатых караимов в Южной России[11]. В деревне «Ган Яфе» владел имением – лесной дачей, в Карасубазаре – мельницей о шести поставах на реке Карасу, близ самого Карасубазара имел земли до 5 тысяч десятин и сады. Жалованье же он получал 300 рублей в год от караимского общества от положенных ему 600 рублей[12].

По возвращении из паломничества Б.С.Бобович, как и его брат Симха, получил звания «Йерушалми» и «Хаджи-Ага», а к имени его супруги прибавился эпитет «Йерушалмит».

С 1832 года Б.С.Бобович состоял в браке с Султан (11.09.1815 – 15.01.1884), дочерью евпаторийского мещанина Арона Абрамовича Оксюза[13], от которого у него родились две дочери: Тотеш и Беруха. Тотеш была замужем за своим двоюродным братом Эммануилом Симовичем Бобовичем (1826-?) и имела дочь Мирьям (в замужестве Шишман; 1848–1922) – известную в Евпатории благотворительницу[14]. После смерти мужа Тотеш Бабакаевна вышла замуж за Садука Ильича Шакая (1825–1895) – гевира, благотворителя и гласного городской думы Евпатории[15]. Вторая дочь Б.С.Бобовича, Беруха (1838 – после 1915), была замужем также за своим родственником, евпаторийским купцом 1-й гильдии, городским головой Карасубазара Бабакаем Ильичом Бобовичем (1828–1878), от которого родила троих сыновей: Илью, Шолеме[16], Эммануила и дочь Рагель (в замужестве Шайтан)[17]. В конце XIX – начале XX века также несколько раз избирались на должность городского головы Карасубазара Эммануил Бабакаевич (1861–1908) и Бабакай Эммануилович (1886–1921) Бобовичи, Илья Борисович Шишман (1870–1938) – внук и правнуки Гахама Б.С.Бобовича[18].

[10] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 148. Л. 22.

[11] *Ельяшевич В.А.* Из истории усадьбы Симхи Соломоновича Бобовича Ган Яфе в Карасубазаре // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2016. Вып. 52. С. 265–285.

[12] Формулярный список Б.Ш.Бобовича.

[13] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 148. Л. 22; там же, д. 166. Л. 33.

[14] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 219–224.

[15] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь... С. 212–214; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 35. Л. 97об.

[16] Родился и умер в 1858 году в Евпатории, прожив чуть более полугода [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1455. Л. 6об.; там же. Д. 1456. Л. 5об.]

[17] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 127. Л. 90; Там же, Д. 1719.

[18] Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903. С. 115; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь … С. 8, 225.

Другой его внук, Илья Бабакаевич Бобович (1856–1898), был председателем Карасубазарского сиротского суда[19].

Б.С.Бобович внес большой вклад и в развитие своего родного города. Так, известно, что в 1873 году он стал одним из учредителей «Общества Черноморских Купален в городе Евпатории» для лечения «хронических недугов посредством морского купанья, ванн, душей и проч., сообразно с требованиями медицинской науки и гигиены». Среди учредителей этого общества были и другие караимы: евпаторийский городской голова Самуил Панпулов, потомственный почётный гражданин Вениамин Тонгур, член евпаторийской Уездной Управы Эзра Дуван, потомственный почетный гражданин и карасубазарский городской голова Бабакай Бобович[20], севастопольский 1-й гильдии купец Яков Айваз и евпаторийский купец Бераха Мангуби[21].

В феврале 1878 года Б.С.Бобович написал в Евпаторию прошение об отставке по причине болезни, которое было отправлено из Карасубазара. Из документов Таврического и Одесского Караимского Правления известно, что Б.С.Бобович жил в Карасубазаре в 1877–1878 годах, куда в это время было перенесено и само Духовное Правление. Об этом мы узнаём из писем, адресованных Гахаму и в Духовное Правление не в Евпаторию, как обычно, а в Карасубазар. Вероятно, переезд Б.С.Бобовича из Евпатории в свое имение «Ган Яфе» вблизи Карасубазара непосредственно связан с болезнью Гахама. Прошение Б.С.Бобовича было удовлетворено, а на его место в результате голосования в 1879 году заступил известный в городе своими достоинствами Самуил Моисеевич Панпулов[22].

Бабакай Соломонович Бобович скончался в Карасубазаре 23 июня 1882 года и был похоронен в своем имении, а его жена умерла 15 января 1884 года в Евпатории[23]. Б.С.Бобович оставил о себе память преданного, доброжелательного и чуткого к человеческим нуждам человека. Учитывая его заслуги перед караимским народом, во дворе ожидания евпаторийских кенас была установлена мраморная мемориальная плита[24]. Согласно духовному завещанию, для караимского общества Бабакаем Бобовичем было оставлено 128 десятин земли в Евпаторийском уезде, 10 % дохода от водяной мельницы и фруктового сада, находящихся в Симферопольском уезде – в пользу «Общества попечительства о бедных караимах»[25]. Потомки Б.С.Бобовича, как и их предок, принесли неоценимую пользу народу своей страны в различных сферах общественной деятельности.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 17 (26)

---

[19] Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1898 год. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1898. С. 68.

[20] Двоюродный брат Бабакая Соломоновича Бобовича и одновременно муж его дочери Берухи.

[21] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XLVIII. Отделение первое. 1873. СПб., 1876. С. 350–351.

[22] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 272. Л. 2. В период между уходом Бобовича и избранием Панпулова должность Гахама временно исполнял старший газзан малой кенасы Юфуда Исаакович Савускан.

[23] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 4об.

[24] *Шамаш С.Я.* Надписи на стенах // Караимские вести. М., 1995. № 12.

[25] *Лебедева Э.И.* Пример для потомства. Симферополь, 2002. С. 51.

Вячеслав
Ельяшевич

ХРАНИТЕЛЬ ТАЛИСМАНА ЖИЗНИ. О СУДЬБЕ КАРАИМСКОГО ГАЗЗАНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Часть I. СЕВАСТОПОЛЬ

Священник, учитель, ученый

В истории крымских и египетских караимов хорошо известен Товия Симович Леви (Леви-Бабович) – газзан, учитель, видный общественный деятель первой половины XX века, знаковая фигура для караимов Севастополя и Каира. Жизненный путь Товии Леви-Бабовича можно разделить на два основных периода: крымский – с рождения в 1877[1] году и до отъезда в Каир в 1934 году; египетский – с приезда в Каир и до смерти в 1956 году. Интерес исследователей к личности Товия Леви-Бабовича привел к появлению ряда публикаций и даже отдельной двухтомной монографии израильского ученого Иосифа Эльгамиля «Пиркей Товия. Ахарон хахмей га-караим бе-Мицраим» («Главы Товии[2]. Последний караимский Гахам в Египте»), изданной на иврите в 1998 году. И если в «Пиркей Товия» очень подробно изложено о жизнедеятельности Товии Леви-Бабовича в Каире, то крымский период в его жизни, к сожалению, изучен мало. Некоторые сведения из биографии Товии Леви-Бабовича можно найти в «Караимском биографическом словаре» Б.С.Ельяшевича. Отдельные биографические факты были выявлены в крымских архивах заместителем директора Государственного архива г. Севастополя Натальей Михайловной Терещук, опубликовавшей несколько статей, посвященных севастопольским караимам. Но, несмотря на это, именно севастопольский период в жизни Товии Леви-Бабовича, наименее изучен, особенно поздний период с 1925 года и до отъезда в Каир.

В октябре 1911 года севастопольский мещанин[3], младший газзан и учитель Товия Симович Леви-Бабович[4], прибыл из Феодосии в Севастополь, где всту-

[1] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 689. Л. 16–17.

[2] Отсылка к названию трактата Мишны «Пиркей авот» («Главы отцов») – сборника изречений и афоризмов.

[3] Родившийся в Бахчисарае, Т.С.Леви-Бабович в ревизской книге был записан севастопольским мещанином.

[4] Двойная фамилия Т.С.Леви-Бабовича состоит из его первой родовой фамилии Леви, и второй фамилии, которую он взял себе уже в зрелом возрасте. Вторая фамилия Товии Симовича, Бабович, произошла от имени его прадеда Бабакая Леви. Деду Товия Симовича, Юфуде Бабакаевичу Леви, отчество служило также и фамилией, которая приняла форму Бабович. Поэтому в разных документах Товия Симовича использовалась и та и другая фамилия, а то и две одновременно. Во избежание недоразумений Т.С.Леви-Бабович по его собственным словам, примерно в 1918 г. решил взять себе обе фамилии. Действительно, во всех дореволюционных документах, имеющих отношение к Т.С.Леви-Бабовичу, используется исключительно фамилия Леви. Этой же фамилией подписана его первая книга «Очерк возникновения караимизма», изданная в 1913 г., и имеющиеся в нашем распоряжении три письма 1917 и 1919 гг. Но в письмах от 1922 гг. и далее стоит уже подпись Т.С.Леви-Бабович.

пил в должность старшего газзана новой, построенной в 1908 году, кенасы[5]. С этого времени Товия Леви-Бабович на долгие годы свяжет с Севастополем свою судьбу. Здесь он проживет девятнадцать лет до июля 1930 года, здесь он найдет себя как исследователь, издаст две книги, женится, вырастит сына, и главное, ежедневно, от субботы к субботе, он будет у алтаря служить своему народу. В Севастополе Товию Леви-Бабовича застанет Февральская, а затем и Октябрьская революция, Гражданская война, голод 1920–1922 годов. Последние десять лет из девятнадцати, отданных Севастополю, севастопольский газзан проживет уже при новой, Советской власти. О том, как сложилась судьба этого человека в Советской России, и будет наш рассказ, основанный на новых материалах – письмах Товии Леви-Бабовича Борису Саадьевичу Ельяшевичу и Борису Яковлевичу Кокенаю в период с 1922 по 1934 год. Все письма, которые легли в основу настоящей работы, хранятся в национальной караимской библиотеке «Карай Битиклиги» в Евпатории, в личных архивах Б.С.Ельяшевича (1881–1971) и Б.Я.Кокеная (1892–1967). Ознакомиться с ними удалось благодаря содействию евпаторийского газзана Виктора Захаровича Тирияки, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

В архиве Б.С.Ельяшевича сохранилось 8 писем, написанных Товией Леви-Бабовичем в период с 1922 по 1928 год. С Борисом Ельяшевичем Товию Леви-Бабовича связывал общий интерес к караимской истории и культуре, оба они были газзанами, один в Евпатории, другой в Севастополе, и оба были также общественными караимскими деятелями. Переписка Товия Леви-Бабовича с Борисом Ельяшевичем прекращается после отъезда последнего в Москву в 1929 году.

В архиве Б.Я.Кокеная сохранилось 50 писем Товии Леви-Бабовича, написанных в период с 1929 по 1934 год. Эти письма в виду их количества и большой информативности послужили основным материалом для настоящей работы, и именно благодаря им возникла идея ее написания. Б.Я.Кокенай хоть и жил в Ростове-на-Дону, дальше от Товии Леви-Бабовича, чем Б.С.Ельяшевич, но отношения этих двух людей были более близкими. Борис Кокенай был учеником Товии Леви-Бабовича, когда тот работал учителем в Феодосии, и с тех пор этих двух людей связывали дружеские отношения и общие интересы. Проникшись уважением к Товии Леви-Бабовичу как к учителю и человеку, Борис Кокенай всю свою жизнь считал себя его учеником и советовался с ним по многим вопросам. В свою очередь и Товия Леви-Бабович сохранил в душе теплые чувства к своему бывшему ученику. В своих письмах он нередко на правах учителя дает Борису Кокенаю наставления и советы. А письмо 1932 года, написанное спустя почти тридцать лет после того, как Борис Кокенай учился у Товии Леви-Бабовича, так и подписано: «*твой учитель Товия Симович Леви-Бабович*». Борис Яковлевич Кокенай и Товия Симович Леви-Бабович являются выдающимися личностями своего времени, и потому их переписка имеет не только ценный биографический материал, но также представляет огромный исторический интерес.

Товия Симович Леви-Бабович принадлежал к числу образованных караимов, выросших в бедных семьях, но добившихся успеха и признания благодаря

[5] Здание кенасы Севастополя было освящено 15 мая 1908 г.

таланту и трудолюбию. Правда, в отличие от таких представителей караимской интеллигенции, как Илья Ильич Казас, Серая Маркович Шапшал и Аарон Ильич Катык, закончивших высшие учебные заведения Российской империи, Товия Леви-Бабович получил образование в караимской народной школе (мидраше), где его учителем был известный педагог и газзан И.М.Султанский, и в трехклассном городском училище. Поэтому дорогу в жизнь Товия Леви-Бабович прокладывал самообразованием, которым занимался непрестанно. В его формуляре 1911 года, написанном в то время, когда он исполнял обязанности старшего газзана в Феодосии, указано: «*Усидчив и трудолюбив. До сего времени продолжает пополнять свои знания*»[6]. Уже в молодые годы Товия Леви-Бабович был прекрасно эрудирован, владел несколькими языками и был хорошо знаком с мировой культурой. Область его интересов была удивительно широка: религия, история, философия, литература, лингвистика, поэзия, фольклористика, педагогика. Но больше всего внимания он уделял истории и культуре своего народа, изучая всю доступную ему историческую, этнографическую и религиозную караимскую литературу и литературу о караимах. Вот, что пишет о Товии Леви-Бабовиче хорошо знавший его Б.С.Ельяшевич: «*Обладая отличными природными способностями и большой энергией, но не имея средств для поступления в соответствующие учебные заведения, – Леви старался утолять свою жажду знаний постоянной работой над самообразованием и чтением книг различных ученых и писателей. Таким образом, благодаря старанию Леви удалось приобрести серьезные познания в области русского, древне и ново-еврейского, арамейского, татарско-турецкого, арабского, немецкого и отчасти персидского языков и литератур, но более всего в области истории родной ему караимской народности и ее письменности, где Леви успел создать целый ряд своих собственных работ и изысканий*»[7].

Научными исследованиями Товия Леви-Бабович занимался не профессионально, а только в свободное от службы время. Скромное звание караимского газзана он носил с гордостью, вкладывая в него глубокий смысл. «Хранитель талисмана жизни» – такое поэтическое название дал Товия Леви-Бабович своей должности, которую считал призванием всей своей жизни, ведь он служил газзаном с двадцати пяти лет и до самой своей смерти, то есть на протяжении пятидесяти двух лет, за исключением трех лет, проведенных без работы в Симферополе. Как караимский газзан Товия Леви-Бабович считал караимскую религию единственно истинной, но при этом он проявлял немалый интерес и к другим религиям, в особенности к христианству. Для многих он служил образцом настоящего духовного наставника, заботящегося не только о соблюдении религиозных обрядов, но, в первую очередь, о нравственном воспитании своих прихожан.

Каким же человеком был Товия Симович Леви-Бабович, уважительно именуемый в караимском обществе «рибби Товия»? Из его писем и некоторых биографических фактов видно, что он был человеком независимого характера,

---

[6] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1.

[7] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XIV «Караимы». Кн. 2. М.: Издательство Российской академии наук институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. С. 120–121.

принципиальным, идеалистом, готовым защищать свои идеалы до конца. В Товии Леви-Бабовиче отмечали также большой ум и знание людей. Правда, благодаря независимости своего характера еще в молодые годы он нажил себе немало врагов. Косвенно нам известно, что принципиальность и независимость Товия Леви-Бабовича была одной из причин внутриобщинных конфликтов в Феодосии, а затем и в Севастополе. В то же время сам о себе Товия Леви-Бабович говорит следующее: *«Я очень мягко отношусь к слабости человеческой натуры и готов неоднократно прощать им все, за исключением жестокости, гордости и отчасти лицемерия, но я в выражениях беспощадно отношусь к тем, кто сознательно оскверняет святыню духа, святыню, которая должна служить источником духовного очищения, духовного возрождения, духовного счастья всего человечества»*[8]. Интересную характеристику Товии Леви-Бабовича оставил для нас С.З.Рудковский, повстречавшийся по пути на первый караимский национальный съезд с «молодым караимским священником» из Феодосии. Вот как он вспоминает об этой встрече спустя 3 года: *«В г. Леви (так кажется была его фамилия) я обнаружил столько нежных национальных чувств, столько честных стремлений, столько благородной готовности положить свои силы на благо караимства, что не могу забыть его и по сей день! Он мне показался одним из тех немногих караимов, которые любят своих единоверцев не за место рождения, не за место приписки, не за известные черты лица и цвет волос, а любят всем сердцем, всем помыслом, всем своим существом, одним из тех немногих караимов, дух у которых не поражен проказой группового антагонизма…»*[9]. Вся жизнь Товии Леви-Бабовича показывает нам, что он в действительности был таким, как описал его С.З.Рудковский. Всегда и всюду рибби Товия отстаивал не только свою честь, но и честь всего караимского народа. Границы между своим, личным, и общим, необходимым всем караимам, для него просто не существовало.

О семье Товии Леви-Бабовича мы знаем немного. По сведениям Йосефа Эльгамиля у Симы Юфудовича Леви и его жены Акбике Юфудовны в девичестве Оксюз было шесть детей: Юфуда, Мордехай, Эммануил, Ильягу, Товия и Анна[10]. Из архивных документов известно, что у Севастопольского мещанина Симы Юфудовича Леви и его жены Акбике Юфудовны в Бахчисарае родилось трое детей: Мордехай (9 сентября 1881 г.), Эммануил (20 октября 1885 г.), Анна (30 марта 1888 г.)[11]. Товия Леви-Бабович родился 17 декабря 1877 года, также в Бахчисарае[12].

---

[8] Письмо Т.С. Леви-Бабовича Б.Я. Кокенаю. 26.04.1932 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[9] *Рудковский С.З.* В Евпаторию и обратно // Караимское слово. 1913. № 3–4. С. 7–8.

[10] *Эльгамиль Йосеф*. Пиркей Товия бен Симха Леви-Бабович. Ахарон хахмей га-караим бе-Мицраим. Ч. 1. Рамла, 1998. С. 29.

[11] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 524. Л. 119.

[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 689. Л. 16–17.

Караимский съезд и первые годы в Севастополе

Исследовательская деятельность Товии Леви-Бабовича началась с первого национального караимского съезда, проходившего в Евпатории в ноябре 1910 года, в котором он принимал участие как феодосийский газзан. Когда на второй день съезда был выслушан доклад уполномоченного от николаевской караимской общины журналиста Д.М.Кокизова о необходимости издания истории караимов, некоторые делегаты съезда скептически отнеслись к возможности такого издания, ссылаясь на скудность существующих материалов по этому вопросу[13]. С возражением к ним выступил Товия Леви-Бабович, сказав следующее:

«*Никогда еще скептицизм ничего не создавал. Если бы и в прошлом поколении так скептически отнеслись к такому важному делу, то у нас в настоящее время не было бы и тех материалов, какими мы сейчас обладаем, благодаря энергии и труду покойного нашего незабвенного ученого археолога Авраама Фирковича. Я думаю, что и нам следует идти по следам Фирковича в его розысках древностей, командируя сведущих лиц в те места, где только жили караимы, для производства археологических раскопок. Нужно также рыться в государственных библиотеках России, где сосредоточены находки Фирковича – литературные памятники наших предков. Необходимо работать в Ватиканской библиотеке в Риме, откуда тоже можно будет черпать материалы для нашей истории, потому что там имеются предметы древностей, взятые из разных стран, а также книги разных путешественников по востоку в роде Марко-Поло и др., которые, описывая те места, в которых им пришлось побывать, между прочим, могли касаться и караимов. Наконец с большой вероятностью можно предполагать, что и в шахской библиотеке в Персии имеются ценные памятники, относящиеся к глубокому прошлому караимов: ибо по историческим данным предки караимов, живущих в настоящее время в России, двигаясь в древние времена из глубины Азии, через Персию и Кавказ, добрались до берегов Черного моря и засели на Таврическом полуострове, откуда уже впоследствии, а именно с начала прошлого восемнадцатого столетия*[14] *распространились по лицу всего государства. Все это, вместе взятое, я уверен, даст нам в руки ариаднову нить по хождению в лабиринте прошлого караимов*»[15].

Как видим, Товия Леви-Бабович основательно подошел к предложенному вопросу и проявил научный подход к делу исследования истории караимов, предлагая провести исследовательскую работу в библиотеках Санкт-Петербурга, Ватикана и Персии! Надо еще отметить, что в своей речи он ссылался на авторитет Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874), известного караимского общественного деятеля, посвятившего свою жизнь собира-

[13] Первый национальный съезд в Евпатории // Караимская жизнь. Кн. 1. 1911. С. 72–77.
[14] Наверное, имеется в виду XIX в.
[15] *Леви Т.С.* Очерк возникновения караимизма. Севастополь, 1913. С. I–II.

нию рукописей, которые впоследствии стали для ученых ценным материалом в изучении караимской литературы и истории. Можно предположить, что речь молодого газзана из Феодосии, проявившего такое рвение к изучению истории, произвела благоприятное впечатление на присутствующих и повлияла на принятие решения по этому вопросу. После обсуждений предложения николаевской общины на съезде было постановлено: 1) признать желательным издание истории караимов; 2) создать для этого особый фонд из добровольных пожертвований при Духовном Правлении в Евпатории на предмет необходимых расходов по сбору материалов и их изданию; 3) просить газзанов М.С.Бейма и Т.С.Леви, и Ю.Д.Кокизова заняться сбором источников по истории караимов[16]. Означенные лица вошли в состав специальной комиссии, учрежденной на съезде для сбора материалов по истории караимов. Так, мало еще кому известный в то время молодой газзан Товия Леви-Бабович (31 год) стал в один ряд с такими превосходящими его по возрасту интеллектуалами, как московский газзан Моисей Соломонович Бейм (50 лет), сын Соломона Авраамовича Бейма, и Юфуда Давидович Кокизов из известной династии ученых Кокизовых (70 лет). Товия Леви-Бабович прекрасно понимал, что исследовательская деятельность потребует от него больших затрат времени и материальных средств, и все-таки, от поставленной задачи он не отказался и приступил к делу. «*Сам же я лично при всем моем желании работать и любви к этому делу,* – напишет он позже, – *в настоящее время не мог бы взять на себя такую миссию, так как связан с должностью, которая мало оставляет времени для научных занятий. А для предлагаемого дела требуется полная свобода от должности и, во-вторых, немалые ресурсы. Тем не менее, будучи избран в члены сказанной комиссии, я счел долгом работать в этой области по мере возможности. "Если не можешь делать то, что хочешь, так делай то, что можешь", – гласит изречение наших мудрецов*»[17].

Этот эпизод относится еще к раннему, феодосийскому периоду жизни Товии Леви-Бабовича, длившемся с 1897 по 1911 год, о котором нам известно также немного. В Феодосию Товия Леви-Бабович приехал в 1897 году в качестве учителя[18]. С 1904 по 1911 год он занимал должность младшего газзана и продолжал заниматься преподаванием вместе со своим братом Марком[19]. В 1910–1911 годах после увольнения старшего газзана Б.М.Бабаева временно занимал его должность[20]. Известно о том, что в Феодосии, в целях реформирования мидраша Товия Леви-Бабович ввел расширенную программу по общим предметам, приближенную к программе гимназии, которая просуществовала всего полгода и была закрыта под давлением некоторых влиятельных членов общины[21]. Мы знаем также о том, что в 1905 году караимская община представила руководителям средних учебных заведений проект нормальной школы

[16] Первый национальный съезд в Евпатории… С. 77.
[17] *Леви Т.С.* Очерк… С. II–III.
[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1.
[19] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 23–24.
[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 948. Л. 1–6.
[21] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.04.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

(образцового училища) для детей караимов с шестиклассной программой обучения, разработанной Товией Леви-Бабовичем. Однако, из-за преобладания в программе предметов религиозного характера проект был признан неудовлетворительным[22]. В 1911 году Товия Леви-Бабович навсегда покинул Феодосию, переехав в Севастополь.

Первым плодом работы Товии Леви-Бабовича над историей караимов стала изданная в 1913 году в Севастополе в типографии караима Давида Иосифовича Харченко брошюра под названием «Очерк возникновения караимизма». Собственно говоря, брошюра состоит из трех тематически не связанных между собой частей. Первая, основная и самая большая, давшая название всей книге, представляет собой рассказ о жизни и деятельности одной из центральных фигур в караимской истории Анане бен Давиде, который считается основателем караимского учения. Вторая часть «О раскопках на Мангуб-Кале» состоит из писем, опубликованных в севастопольской газете «Крымский вестник», в которых разворачивается диспут вокруг раскопок на Мангуп-Кале, производимых Р.Х.Леппером и А.Я.Гидалевичем в 1912 году. Диспут был открыт самим Товией Леви-Бабовичем, написавшем в 1912 году письмо в редакцию «Крымского вестника» с возражением против выводов А.Я.Гидалевича о конфессиональной принадлежности иудейской общины Мангупа. В диспуте участвовали караим Юфуда Давидович Кокизов, крымчак Давид Нисанов Мизрахи, археолог Р.Х.Леппер и анонимный автор. Третья часть, самая маленькая, всего в несколько страниц, представляет собой речь Товии Леви-Бабовича, произнесенную им перед караимским обществом Севастополя в первый день праздника Песах, в которой говорится о нравоучительности истории. Речь эта была также напечатана в 1913 году в журнале «Караимское слово»[23]. «*Какой же пример мы можем иметь для настоящего положения нашего караимского народа из этой истории прошлого наших предков, какой же урок мы можем извлечь из нее для нашего будущего?* – говорил Товия Леви-Бабович после рассказа об исходе Израильского народа из Египта и его странствования по пустыне. – *А вот какой! История избавления наших предков из-под египетского ига учит нас тому, что никогда, как бы скверно ни сложились обстоятельства жизни, не следует отчаиваться, не следует терять надежду. Ибо нет такого положения, из которого не было бы спасения, нет такого тупика, из которого не было бы выхода*»[24]. В скором будущем обстоятельства жизни самого Товии Леви-Бабовича сложатся очень скверно, и он на деле докажет искренность своих слов, сказанных перед караимами Севастополя.

Издание брошюры «Очерк возникновения караимизма» было отмечено в журнале «Караимское слово». Вот, что там сказано об ее авторе: «В статьях Т.С.Леви видна богатая эрудиция по данному вопросу, любовь к своему народу и глубокое знание его прошлого»[25]. В журнале также были напечатаны

[22] Корреспонденции. Феодосия // Крымский вестник. 10.09.1905. С. 4. (Автор благодарен А.В.Ефимову за предоставленный источник.)

[23] *Леви Т.С.* К караимскому обществу // Караимское слово. 1913. № 5. С. 3–4.

[24] *Леви Т.С.* Очерк... С. 68–69.

[25] Хроника текущей жизни. Библиография // Караимское слово. 1913. № 5. С. 28.

две статьи Т.С.Леви-Бабовича: «Вениамин Ага» (№ 6, 1914 г.) и «Общий национальный фонд и местный фонд» (№ 11–12, 1914 г.).

К сожалению, мы мало, что знаем о жизни Товии Леви-Бабовича во втором десятилетии XX века. Из архивных материалов известно, что в 1911 году Таврическим и Одесским Караимским Духовным Правлением (ТОКДП) на имя Таврического губернатора было подано ходатайство о поощрении «газзана Леви за полезную и усердную службу» золотой медалью на Станиславской ленте[26]. Было ли удовлетворено это ходатайство или нет, документы молчат. В архиве Б.Я.Кокеная удалось обнаружить лишь три письма, написанных Товией Леви-Бабовичем в этот период, в 1917 и 1919 годах, которые добавляют несколько штрихов к его портрету. Первое письмо, написанное 22 декабря 1917 года, является ответом на письмо Иосифа Авраамовича Поповича, занимающего должность председателя библиотечной комиссии при Феодосийском караимском национально-политическом клубе, в котором он просил севастопольского газзана прислать ему список караимских книг, необходимых для библиотеки. В другом письме Товия Леви-Бабович приводит такой список из двадцати пяти книг, в конце которого пишет следующее: «*Кроме сего хотелось бы предложить библиотечной комиссии заняться собиранием всякого рода статей о караимах или о караизме, напечатанных прежде и печатанных теперь и разбросанных по разным газетам и журналам. Все это, будучи расположено в хронологическом порядке, могло бы послужить прекрасным материалом для тех, кто отдает себя работе над историей караимов*»[27]. Третье письмо от 2 февраля 1919 года является кратким сопроводительным письмом к высылаемой Борису Яковлевичу Кокенаю, занимающему тогда должность председателя театральной секции того же клуба, пьесы «Караимская свадьба», написанной жительницей Одессы Эсфирь Иосифовной Оксюз. Из перечисленных выше скудных источников, проливающих свет на жизнедеятельность Товии Леви-Бабовича в дореволюционные годы, мы все же можем сделать вывод, что в это время старший газзан севастопольской караимской кенасы находился в центре культурной и общественной жизни караимов Крыма и считался знатоком караимской истории.

Начало испытаний

Далее мы застаем Товию Леви-Бабовича в начале двадцатых годов в переписке с Борисом Саадьевичем Ельяшевичем, старшим газзаном евпаторийской Большой кенасы и хранителем караимской национальной библиотеки «Карай Битиклиги». В то время в Севастополе Товия Леви-Бабович проживал с женой Мильке, сыном Вениамином (Виктором), матерью Акбике Юфудовной, братьями Мордехаем (Марком) и Ильей, и сестрой Анной. Все вместе жили в квартире № 1 дома, находящегося во дворе кенасы, по адресу ул. Карла Маркса, д. 31 (до 1921 года ул. Большая Морская). Из самого раннего письма

[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 3. (Автор выражает благодарность Д.А.Прохорову за указание на данный источник.

[27] Письмо Т.С.Леви-Бабовича И.А.Поповичу (предположительно 1918 г.) // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

Т.С.Леви-Бабович с женой Мильке.
Из фондов БИКАМЗ (предоставил Д.А.Прохоров)

Б.С.Ельяшевичу, датируемого 1922 годом, становится известно, что в начале ноября этого года от брюшного тифа скончалась жена Товии Леви-Бабовича Мильке. «*Да, дорогой,* – пишет он Б.С.Ельяшевичу, – *жестоко покарала меня суровая десница Господа, отняв у меня мою дорогую молодую супругу. Заболела она брюшным тифом, затем вышло осложнение с ея легкими, и на 35 день своей болезни отдала она Богу свою юную душу, чистую и невинную, как душа младенца. Обидно и больно, невыносимо больно, но что делать, когда мы так бессильны для того, чтобы могли отвратить предначертания свыше, порою очень суровые. Нам остается покориться святой воле Всевышнего. Да примет Он юную душу дорогой моей усопшей к себе, да наслаждается она там в лоне вечного блаженства в сонме беспечных духов. Аминь!*»[28]. Горе переполняло Товия Симовича. На вопрос Б.С.Ельяшевича, чем он сейчас занимается, тот ответил, что у него нет душевных сил заниматься чем-либо помимо служебных обязанностей, да и то только потому, что они были обязательны. «*Дорогая супруга моя унесла с собою все мое настроение в могилу*»[29], – пишет он своему товарищу и коллеге.

Молодая жена Товии Леви-Бабовича, которой исполнилось только двадцать три года, вероятно, стала жертвой голода, наступившего в Крыму в конце 1921–го года и закончившегося в начале 1923 года. Пик голода пришелся на март 1922 года, после чего в Крыму вспыхнула эпидемия тифа и холеры[30]. Голод стал страшным испытанием для всех жителей полуострова, и для многих это испытание было последним в жизни. Спасаясь от голода, многие караимы в спешке покидали Крым: выехали в Москву С.С.Ельяшевич и А.И.Катык, в Ростов-на-Дону – Б.Я.Кокенай. Едва спасшийся от голодной смерти, А.И.Катык напишет в 1923 году в Москве пьесу «Голод», которой, по его собственным словам, он попытается избавиться от терзавших его душу мучительных впечатлений. Позже, в кратком обзоре своей литературной деятельности он напишет следующие слова: «Среди небольшого караимского народа голод произвел страшное опустошение. Мне приходилось быть свидетелем ужасных драм, которые разыгрывались в караимских семьях на почве голода»[31]. Голод коснулся и проживающей в Севастополе семьи Леви-Бабовичей. Вот как Товия Леви-Бабович описал ситуацию в Крыму в своем письме С.М.Шапшалу в 1922 году на караимском (крымскотатарском) языке: «*Наши дни имеют ужасный вид, от которого содрогается сердце. Вот, действительно пришла великая беда – люди стали питаться мясом младенцев, включая и наших соплеменников, проживающих среди других народов, как в Крыму, так и в Актияре* (*Севастополе.* – В.Е.)… *За последние восемь лет общины наши уменьшились без малого в два раза. Такой ущерб был нанесен нам внешним врагом, пришедшим к нам с мечом войны, и врагом внутренним – гражданской войной, принесшей большие*

[28] Письмо Т.С. Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу, 24.10.1922 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[29] Там же.

[30] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 698–704.

[31] *Катык А.И.* Краткий обзор моей литературной деятельности // Бизым йол (Наш путь). Симферополь, 1927. С. 76.

разрушения. Теперь же болезни и голод подобно двум головам дракона раскрыли свою пасть и поглотили нас. Те, кто были в почтении и уважении, совсем потеряли честь, отбирая хлеб у бедняка, и как нищие, протягивая свои руки. Болезни и голод, этот обоюдоострый меч, приблизил смертный час многих из нашего народа»[32]. Эти строки были написаны еще до смерти Мильке.

В 1920 году в Крыму в третий раз и теперь уже на долгие годы установилась Советская власть рабочих и крестьян. С первых же дней своего существования новая власть стала проводить комплекс мероприятий, получивший название «антирелигиозный и культурный поход», который был направлен на борьбу с религиозной жизнью во всех ее проявлениях. Одним из основных направлений в деятельности центральных и местных органов в рамках «антирелигиозного и культурного похода» стало претворение в жизнь декрета 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в соответствии с которым национализировалось все имущество религиозных обществ, в том числе и караимские кенасы и школы. Прихожан, которых должно было быть не менее двадцати человек (так называемые двадцатки), обязывали пройти процедуру регистрации и заключить договора с местными органами власти о передаче им в аренду зданий кенас. Так, не имея никакого права на собственные кенасы, которые становились теперь народным достоянием, караимы несли все расходы по их содержанию, ремонту и отоплению, а также платили арендную плату, страховку и налоги. Караимская община Севастополя такой договор с Севастопольским отделом управления исполкома заключила 16 ноября 1922 года[33].

В новых социально-политических условиях в тяжелом положении оказались священнослужители, деятельность и даже личная жизнь которых попала под наблюдение государственных органов. Священники также облагались классовым налогом. Известно, что классовый налог на Товию Леви-Бабовича обходился караимской общине, обязанной содержать своего духовника, 25 рублей за полугодие. Но эти деньги не всегда находились в общественной кассе, а вскоре община и вовсе отказалась содержать своего единственного священника, в результате чего Товия Леви-Бабович фактически лишился средств к существованию. Несмотря на то что на проведенном 25 ноября 1923 года общем собрании караимского религиозного общества было постановлено оплачивать ежемесячный оклад газзану в размере 50 рублей в месяц[34], Товия Леви-Бабович, по его собственным словам, никакого жалованья от общины не получал и вынужден был жить на доброхотные даяния[35]. Это подтверждается и архивными материалами. В его анкете, составленной 23 января 1924 года, в гра-

[32] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 1538. Л. 1 лиц (перевод с караимского языка В.А.Ельяшевич).

[33] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 9.

[34] ГАГС. Р–420. Оп. 1. Д. 119. Л. 7. (Ссылка на документы ГАГС найдена мной в статье Н.М.Терещук «Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя», за что автор выражает ей свою глубокую благодарность.)

[35] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 08.09.1924 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

фе «На какие средства существует» написано: «*Оклада нет, на добровольные пожертвования*»[36]. «*Словом, над моей головой как Дамоклов меч висит угроза остаться в том, в чем мать родила. Но "благость Господа неиссякаема, милосердие его не истощилось", и я надеюсь, что он поможет нам как-нибудь выпутаться из этой беды*», – писал он Б.С.Ельяшевичу[37]. Как известно, беда не ходит одна. В 1924 году Товия Леви-Бабович писал об участившихся кражах в храмах, в том числе и в караимской кенасе. В ночь с 8 на 9-ое сентября воры проникли в кенасу и похитили из нее три последних ковра. В связи с этим Товия Леви-Бабович принял решение перенести имущество кенасы к себе на квартиру[38].

Следующее письмо Товии Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу датируется 1924 годом. Из него мы узнаем, что Б.С.Ельяшевич, испытывая крайнюю материальную нужду по той же самой причине, что и Товия Леви-Бабович[39], намеревался оставить службу газзана и заняться поиском работы, которая могла бы прокормить его семью. В самых мрачных красках Б.С.Ельяшевич писал в Севастополь о неминуемой гибели всего караимского народа, отвернувшегося от его избранников-газзанов. Товия Леви-Бабович, встревоженный подобным настроением своего коллеги, старался морально поддержать его и не пожалел слов, чтобы убедить его остаться на своем посту. «*Что касается критического материального положения Вашего,* – писал он в Евпаторию, – *заставляющего Вас отрекаться служению народу нашему, полагая его гибель «неотразимой» и намерения Вашего отныне посвятить себя лишь только служению интересам и спасению Вашей дорогой семьи, то что мне на это Вам сказать. Когда сын родной отрекается от матери, то из такой семьи ангелы-хранители, закрывши свой лик, улетают, и враг с торжеством входит в ее обители. И без того немногочисленных верных и преданных слуг Бога становится с каждым днем все меньше. Но мы будем крепиться дотоле, пока хватит у нас Духа и, твердо надеясь, что претерпевший до конца спасется*»[40]. Далее Товия Леви-Бабович цитирует выражение Иисуса Христа «кто любит отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня», объясняя, что слова эти не значат то, что не надо любить свою семью, а то, что надо быть готовым принести себя в жертву ради того, кто нуждается в этом в первую очередь. Забыть в трудную минуту о личных интересах, и посвятить себя служению интересам общественным – вот на чем настаивает в письме Товия Леви-Бабович.

Спустя почти год Товия Леви-Бабович снова будет уговаривать отчаявшегося Б.С.Ельяшевича не уходить с должности газзана, боясь предположить самого худшего поступка для священника – отречения от сана. *«Невырази-*

[36] ГАГС. Р–420. Оп. 1. Д. 119. Л. 19–21.

[37] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 8.09.1924 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[38] Там же.

[39] Правда, в отличие от Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевич получал от общины 35 рублей в месяц.

[40] Там же.

мой болью отозвалось в сердце моем сообщение Ваше об ужасном материальном положении, в котором Вы очутились… – писал Товия Леви-Бабович в Евпаторию – *Я сижу и с ужасом думаю, как бы Вас нынешнее положение не толкнуло прибегнуть к крайним мерам. Я непоколебимо верю в то, что Вы никогда не сделаете поворота на тот скользкий путь, на который стали некоторые из коллег наших, т. н. шкурники, но даже один пассивный отказ Ваш от должности будет чреват большими несчастьями для судьбы, не скажу нашей св. религии и нашего богоспасаемого народа, но, в крайнем случае, для судьбы всех остальных коллег, пока еще держащихся на своих постах. Между тем, мне кажется, что теперь уже нет даже тех поводов к отчаянию, какие были раньше. Ибо максимальное положение наших братьев в смысле ухудшения дошло до крайних пределов, и отныне уже следует ожидать не ухудшения в дальнейшем, а улучшения*»[41]. Все же Б.С.Ельяшевичу, видимо, не хватило твердости характера севастопольского газзана. В 1925 году, устав идти против течения, он все-таки сложит с себя обязанности газзана, правда, без отречения от сана.

Интересно отметить, что в своих письмах Товия Леви-Бабович нередко подкрепляет свою мысль цитатами как из Ветхого, так и из Нового Завета. Если для православного священника в этом нет ничего удивительного, потому что христианская церковь признает и Новый, и Ветхий Заветы, то для караимского газзана, для которого священными являются книги ТаНаХа (Ветхий Завет), такое сочетание выглядит не совсем обычным. Это говорит нам о том, что над ограниченностью и замкнутостью в рамках родной религии в Товии Леви-Бабовиче преобладала любовь к мудрости, которую он находил в самых разных священных писаниях и учениях, и, в первую очередь, в Новом Завете, нравственные идеалы которого находили отклик в его душе. К слову сказать, в молодости Товия Леви-Бабович был ревностным сторонником учения Л.Н.Толстого о непротивлении злу. Эта интересная страничка из его биографии открывается в одном из писем, написанных Б.Я.Кокенаю, в котором севастопольский газзан рассказывает своему другу о произошедшей у него переоценке ценностей. Приведем небольшой отрывок из этого интересного письма:

«*Был период и в моей жизни, когда и я был ярым приверженцем идеи непротивления злу, и многие называли меня большим христианином, чем сами христиане. Это было тогда, когда я еще смотрел на жизнь светлыми глазами юности, неомраченной житейской тиной, когда я еще не испытывал на себе и наблюдал на многом множестве моих братьев-людей хлецкого бича людской несправедливости и жестокости.*

Но потом, как истый ученик великого пророка Моисея, я нашел, что справедливость, провозглашенная им, ведет более кратким путем к цели, чем принцип непротивления злу, провозглашенный Иисусом Христом. Ведь девятнадцать веков проповедуют высокую мораль – непротивление злу, но что же мы видим в результате: реками льется человеческая кровь на земле. Джон Рескин – этот великий эстет и моралист – вполне справедливо говорит, что здание счастья человеческого рода должно быть построено на фундаменте

[41] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 14.07.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

справедливости, а милосердие должно украшать вершину здания, а не лечь в его основу»[42].

Убедившись на своем личном опыте в том, что высокие идеи христианства не имеют земного воплощения, Товия Леви-Бабович еще больше укрепился в своей родной религии. Однако, при этом он сохранил в своей душе моральные идеалы Нового Завета, что можно увидеть из его писем 1920–1930-х годов, пестрящих цитатами из Евангелий. Можно сказать, что личная философия Товии Леви-Бабовича, помогавшая ему в самые трудные времена не терять веры в Бога и человека, была построена на двух фундаментах: на правосудии, провозглашенном пророком Моисеем, и на милосердии, провозглашенном Иисусом Христом. Кстати сказать, в 1924 году квартиру Товии Леви-Бабовича посетил секретарь Л.Н.Толстого П.А.Сергиенко, который интересовался бытом татар и караимов, и собирался совершить поездку в Чуфут-Кале. Об этом севастопольский газзан упоминает в одном из своих писем[43].

Работа над книгой

В конце 1924 года Товия Леви-Бабович начал писать новый труд по истории караимов. В связи с этой работой он обращался к Б.С.Ельяшевичу с просьбой выслать необходимые ему книги, в чем тот никогда не отказывал своему коллеге. Например, в конце 1924 года Б.С.Ельяшевич выслал Товии Леви-Бабовичу по его просьбе шестнадцать книг. В ответном письме Товия Леви-Бабович вместе со словами благодарности высылает новый список книг, и среди них сочинения А.Я.Гаркави, Д.А.Хвольсона, А.А.Куника и А.Нейбауэра. Список этих авторов не случаен – севастопольский газзан решил выступить с основательной защитой Авраама Самуиловича Фирковича, обвиняемого в подделке эпиграфических памятников. *«Теперь я занят большой работой,* – писал он Б.С.Ельяшевичу в самом начале 1925 года, – *а именно готовлю обстоятельный ответ всем противникам Ф., которые считают его открытия поддельными. Одну треть работы, я думаю, уже выполнил, но работа все расширяется и из нея, по видимому, может получиться довольно капитальный труд*»[44].

Как следует из писем Товии Леви-Бабовича, идея такого труда возникла после того, как он ознакомился с изданным в 1924 году сочинением профессора Ленинградского университета И.Ю.Маркона «Одно из названий Турции в еврейской литературе», в котором российский ориенталист говорил о случаях фальсификации в эпиграфических надписях, найденных А.С.Фирковичем[45]. Интересно, что в 1924 году И.Ю.Маркон прочел в Севастополе лекцию о кара-

[42] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 23.05.1933 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[43] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 8.09.1924 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[44] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 2.01.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[45] *Леви-Бабович Т.С.* Три странички. Севастополь. 1926. С. 4.

имах, на которую Товия Леви-Бабович не пошел, направив туда своего брата Мордехая (Марка)[46].

Полемика вокруг находок А.С.Фирковича началась еще в середине XIX века, но так как она касалась такого важного исторического вопроса, как время появления караимов в Крыму, то не потеряла своей актуальности и в XX веке, привлекая к себе внимание все новых и новых ученых и любителей истории. Товия Леви-Бабович понимал, что одних возражений против обвинений А.С.Фирковича в фальсификации древних памятников недостаточно – необходимо еще было дать им историческое обоснование с привлечением дополнительных источников. Закончив дискуссию с И.Ю.Марконом, Товия Леви-Бабович приступил к новой работе, в которой уже непосредственно затронул исторические вопросы. Именно в это время он писал Б.С.Ельяшевичу в Евпаторию, что его труд «чем дальше, тем больше разрастается, обещая быть своего рода «караимской энциклопедией»»[47]. Новая работа Товии Леви-Бабовича также имела полемический характер, поскольку в ней он критиковал выводы крымского историка Александра Львовича Бертье-Делагарда о появлении караимов в Крыму не ранее XIV века, сделанные в его последнем, изданном в 1919 году труде «Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде».

К концу июня 1925 года два полемических труда, названные Товией Леви-Бабовичем «Ответ Маркону на его сочинение “Одно из названий Турции”» и «Ответ Бертье-Делагарду по вопросу о приурочении Фулл к городу Чуфут-Кале» были уже закончены и переписывались начисто его братом Марком[48]. В это же время рибби Товия начал работу над третьим сочинением, о котором он писал Б.С.Ельяшевичу как о наиболее важном из своих трудов. Вероятно, Товия Леви-Бабович имел в виду работу, сокращенный вариант которой впоследствии войдет в будущую брошюру «Три странички» под названием «Страничка из истории караимов в Крыму». Здесь уже, оставив полемику, Товия Леви-Бабович раскрывает перед читателем историческую панораму переселения караимов в Крым, основанную на письменном источнике, обнаруженным А.С.Фирковичем на Кавказе в селении Маджалис, и известном как Маджалисский документ[49]. Известно, что Б.С.Ельяшевич, несмотря на свое бедственное положение, предлагал Т.С.Леви-Бабовичу деньги для завершения его научного труда, от которых тот, правда, отказался[50].

В связи с работой над историей караимов летом 1925 года Товия Леви-Бабович дважды приезжал в Бахчисарай (кладбище Чуфут-Кале) и один раз в Евпаторию (библиотека «Карай Битиклиги»). Планировалась также поездка в

[46] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу, 2.01.1925 //Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[47] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 23.04.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[48] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 30.06.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[49] Маджалиссий документ признан подделкой XIX в.

[50] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 14.07.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

Ленинград «для всестороннего изучения "коллекций Фирковича"», которую, однако, пришлось отложить. Забегая вперед, скажем, что в Ленинграде Товия Леви-Бабович побывал осенью 1927 года, написав предварительно письмо ректору Ленинградского государственного университета с запросом о том, имеются ли в университете спилы, сделанные с девяти караимских памятников в Чуфут-Кале. По сведениям, имеющимся у севастопольского газзана, спилы с караимских памятников были отправлены из Крыма в Музей древностей при Ленинградском Государственном университете – об этом свидетельствовало благодарственное письмо из университета, написанное караимской общине Бахчисарая. Однако, на запрос Товии Леви-Бабовича из университета пришел отрицательный ответ[51]. Во время своего пребывания в Ленинграде Товия Леви-Бабович работал в Государственной публичной библиотеке с Собраниями А.С.Фирковича[52]. В Ленинграде Товия Леви-Бабович познакомился с такими учеными, как М.Н.Соколов, советский гебраист, хранитель Еврейского отдела рукописей Азиатского музея, и И.И.Зарубин, выдающийся советский иранист, профессор Ленинградского университета. В то время И.И.Зарубин готовил к печати «Список народностей СССР» и предложил севастопольскому газзану отредактировать статью о караимах и внести в нее свои дополнения. Товия Леви-Бабович согласился, однако, его дополнения И.И.Зарубин сильно сократил и практически свел на нет всю его редакцию. Благодаря И.И.Зарубину Товия Леви-Бабович отыскал интересовавшие его спилы с караимских памятников, которые оказались в Русском музее, и сделал их описание[53].

Немного известно нам о поездке Товии Леви-Бабовича в Евпаторию в августе 1925 года, во время которой он работал с материалами национальных караимских библиотек «Карай Битиклиги» и «Библиотека А.Ю.Мичри». «*Вторую поездку мы совершили в Евпаторию*, – пишет Товия Леви-Бабович в предисловии к «Трем страничкам», – *и там в «Карай Битиклиги» (Караимская Национальная Библиотека) и Городском Музее (куда перенесена целиком б. частная библиотека известного караимского библиофила А.Ю.Мичри) изучили все известные нам и открытые нами, при любезном содействии глубокоуважаемого Б.С.Ельяшевича, источники, где только можно было найти хоть какие нибудь ответы на интересующие нас вопросы*». На время работы в библиотеках севастопольский газзан остановился в доме Б.С.Ельяшевича на улице Нижней, № 13, где в то время и находилась библиотека «Карай Битиклиги» – так что проживающему у своего коллеги Товии Леви-Бабовичу для работы с книгами из «Карай Битиклиги» не надо было даже никуда выходить со двора. «*Вот уже неделя прошла с того дня,* – написал Товия Леви-Бабович Б.С.Ельяшевичу по возвращении в Севастополь, – *как я вернулся из Евпатории, где я в течение девяти дней, т. е. во все время пребывания моего в Евпатории, пользовался ва-*

[51] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 27.07.1927 // Архив Д.М.Гумуша. «Карай Битиклиги».

[52] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 8.06.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[53] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 2.12.1929 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

шим столь любезным гостеприимством. И если Вы, дорогой Борис Саадьевич, все это время кормили меня умственной и моральной пищей, то многоуважаемая Эсфирь Иосифовна и дорогая Рита Яковлевна[54] *не мало утехи доставляли мне своим добродушием и с таким вкусом приготовленным столом, который с утренней зари до поздней ночи был к моим услугам*»[55]. Далее Товия Леви-Бабович делится своими впечатлениями от библиотек, в которых можно увидеть большого книголюба: «*Теперь я занят тем, что материалы, добытые у Вас в библиотеках, располагаю по местам. От этих библиотек повеяло на меня таким чудодейственным духом, что, кажется, я вошел туда невеждой, а вышел оттуда менее невеждой*»[56]. В другом письме, рибби Товия Леви-Бабович, страстно любивший книги, выразится лаконично и емко: «*Книги – это моя душа*»[57].

«Лишенец»

Заниматься исследовательской деятельностью Товии Леви-Бабовичу приходилось в тяжелых жизненных условиях, связанных с репрессивной политикой новой власти. В соответствии с 65 ст. (раздел IV, гл. 13) Конституции РСФСР 1918 г., ограничивающей политические права определенной категории граждан, в 1925 году вышла инструкция ВЦИК о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. В 15-ой статье Инструкции пункте «М» перечислялись категории граждан, которые не могли пользоваться избирательным правом, и среди них «служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков». Фраза «статья 15, пункт «М» Инструкции о выборах» для многих священнослужителей в те времена стала приговором. Ведь лишение права голоса влекло за собой ряд ограничений, делающих жизнь «лишенца», как называли такого человека, крайне тяжелой. «Лишенцы» не принимались на работу в государственные учреждения и промышленные предприятия, не допускались в средние и высшие учебные заведения, не получали пенсии, исключались из профсоюзов, а после введения в 1929 году карточной системы не получали карточки на продукты, что для многих было равносильно голодной смерти. Словом, «лишенцы» полностью лишались социальной поддержки и становились изгоями общества[58]. Недаром, Товия Леви-Бабович сравнил закон о лишении избирательных прав с существовавшем в Римской империи законом «лишения огня и воды»[59], согласно которому житель Рима не имел права пользоваться в городе огнем и водой и вынужден был уйти в изгнание. Товия Леви-Бабович

[54] Теща и жена Б.С.Ельяшевича.

[55] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 26.08.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[56] Там же.

[57] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.07.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[58] На эту тему читайте: *Терещук Н.М.* К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов (на материалах Государственного архива г. Севастополя) // Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II. 2011. С. 203–213.

[59] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.05.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

был лишен избирательных прав в том же году, когда вышла инструкция ВЦИК. В «Списке избирателей, проживающих по улице Карла Маркса за 1925 год» напротив его имени уже стоит клеймо «лишен»[60]. Известно, что в 1925 году был лишен избирательных прав его коллега Б.С.Ельяшевич. «Лишенцами» были также оба брата Товии Леви-Бабовича, Илья и Марк.

В апреле 1925 года Товия Леви-Бабович написал Б.С.Ельяшевичу следующие слова: «*Мое положение осложняется тем, что…*», далее идет фраза на древнееврейском языке: «*…меня выкинут из моей квартиры как попранный труп, но я уповаю на Господа и не убоюсь, ибо что мне может сделать человек?*»[61]. Очевидно, Товии Леви-Бабовичу грозило выселение из служебной квартиры, которую он вместе с семьей занимал в одном из двух домов во дворе кенасы. От кого исходила угроза выселения, становится ясно из другого письма, написанного в июле этого же года: *«Не хочу причинять вам излишней боли подробным описанием своего положения, которое должно особенно обостриться на днях с переходом наших помещений в ведение безбожной организации "Крым ОКО" – этой пропасти, вырытой для караимского народа руками его сынов»*[62]. К созданной в 1924 году караимской организации «Крымское объединение караимских общин» (Крым ОКО) Товия Леви-Бабович относился крайне отрицательно. Свои слова о пропасти, вырытой сынами караимского народа, он подкрепляет цитатой из книги пророка Исайи на древнееврейском языке: «Разорители твои и разрушители твои из тебя вышли», имея в виду членов Крым ОКО. «Но мы останемся непоколебимы, – пишет он дальше, – и этим безбожникам удастся скорее свернуть звезды небесные с их пути, чем нас с пути чести»[63]. Причина такого отношения севастопольского газзана к новому караимскому объединению заключалась в том, что Крым ОКО была абсолютно лояльна к Советской власти и потому оказалась на стороне противников ревнителей караимской религии и, в частности, самого Товии Леви-Бабовича. Октябрьская революция 1917 года, разделившая всю Россию на два противоборствующих лагеря, провела водораздел и по караимской общине, выявив и обострив все скрывавшиеся в ней социальные противоречия. Как следует из писем рибби Товии, как минимум в религиозном аспекте таким водоразделом стала организация Крым ОКО, расколовшая, по его выражению, караимскую общину Севастополя на «лагерь гонимых и лагерь гонителей», то есть тех, кто остался верен религиозным традициям и тех, кто придерживался атеистических взглядов[64].

Исследования продолжаются

В начале 1926 года Товия Леви-Бабович издал в Севастополе брошюру под скромным названием «Три странички». Название брошюры объясняется тем,

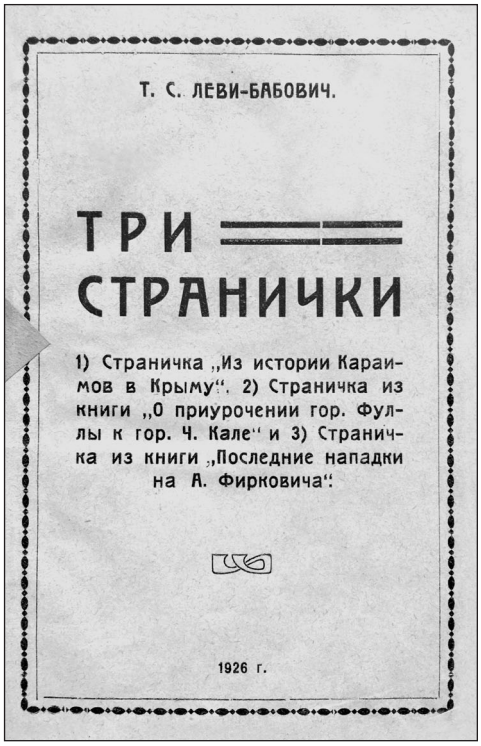
[60] ГАГС. Р–420. Оп. 6. Д. 137. Л. 17.

[61] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 23.04.1925 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[62] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 14.07.1925// Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[63] Там же.

[64] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.04.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

Т. С. ЛЕВИ-БАБОВИЧ.

ТРИ СТРАНИЧКИ

1) Страничка „Из истории Караимов в Крыму". 2) Страничка из книги „О приурочении гор. Фуллы к гор. Ч. Кале" и 3) Страничка из книги „Последние нападки на А. Фирковича".

1926 г.

что в нее вошли три последние работы Товии Леви-Бабовича, написанные в 1925 году, но в сокращении. Из-за отсутствия необходимых средств пришлось отказаться не только от издания полного текста, но также, например, от использования цитат на иностранных языках и необходимых примечаний. «*Но пусть каждый знает, что эти страницы суть лишь слабые силуэты наших трудов, и, поэтому, снисходительно воздержится от строгого суждения о них, терпеливо дожидаясь появления этих трудов полностью в печати*», – пишет Товия Леви-Бабович в предисловии к брошюре[65]. Однако в дальнейшем издать труды полностью так и не удастся – это был второй и последний, отдельно напечатанный труд Товии Леви-Бабовича на его родине. Немногим позже, в 1930 году, перевод первой части трилогии «Три странички» («Страничка из истории караимов в Крыму») будет опубликован в журнале «Аль-Иттихад», издаваемом караимской общиной Каира[66].

За период с 1925 по 1929 год в «Карай Битиклиги» сохранилось всего одно письмо Товии Леви-Бабовича, написанное Б.С.Ельяшевичу в 1928 году. Из него мы узнаем, что севастопольский газзан был расстроен двумя новостями, сообщенными ему Б.С.Ельяшевичем: о своем решении уехать из Евпатории и об увольнении П.Я.Чепуриной с должности директора евпаторийского музея. Обе эти новости означали то, что уникальная библиотека «Карай Битиклиги», лишившись поддержки П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича, подвергалась серьезной опасности. В ответном письме Товия Леви-Бабович уговаривал Б.С.Ельяшевича вернуться к обязанностям газзана, чтобы удержаться в Евпатории и позаботиться о судьбе «Карай Битиклиги». «*Не хотелось бы мне, подобно Вам*, – пишет в ответ Товия Леви-Бабович, – *настроить свою лиру на минорный лад и попытаться постараться найти хоть какой-нибудь малоболезненный выход из положения, но ума не приложу, как приняться за дело. Можно было бы попросить Вас вернуться к покинутой Вами должности Газзана в Евпатории, что дало бы Вам возможность своим присутствием в*

[65] *Леви-Бабович Т.С.* Три странички… С. 6.

[66] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 3.07.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

Евпатории оказать возможное содействие к сохранению в неприкосновенном виде наши духовные сокровища, но, ведь, Вы не разрешите просить Вас такой крупной жертвы хотя бы на пользу искренне любимому Вами делу»[67].

В то время Товия Леви-Бабович еще питал надежды на то, что новый директор евпаторийского музея Я.Г.Благодарный, оценив по достоинству вверенные ему караимские библиотеки, приложит усилия к их сохранению, но, как известно, эти надежды не оправдались. Когда же Я.Г.Благодарный полностью отстранил Б.С.Ельяшевича от караимской библиотеки и стал подыскивать ему замену, Товия Леви-Бабович написал Б.Я.Кокенаю о том, что считает его кандидатуру на должность заведующего библиотекой самой подходящей и советовал ему написать письмо директору музея. О себе же Б.С.Ельяшевичу он писал следующее: «*Материальное положение в нашей общине также весьма ухудшилось, условия жизни для нас день ото дня становятся все тяжелее и тяжелее, и мы живем с надеждой на милосердие Бога, которое распространяется на все творения*»[68]. В конце письма Товия Леви-Бабович между прочим сообщал о том, что караимский писатель и поэт Мурад Фарраг прислал ему из Каира свое сочинение на арабском языке «Аль-Кудсият», написанное в защиту палестинских иудеев и его стихотворный перевод на древнееврейский язык.

В 1928 году переписка Товии Леви-Бабовича с Б.С.Ельяшевичем прерывается. Следующими источниками по биографии севастопольского газзана являются его письма, написанные Б.Я. Кокенаю с 1929 по 1934 год. Письма имеют обратный адрес: Т.С.Леви-Бабович, Севастополь, ул. Карла Макса[69], № 31, Караимская Кенаса.

Большую часть письма от 28 марта 1929 года Товия Леви-Бабович посвятил критике на книгу Л.Е.Остроумова «Золотая колыбель», которую Б.Я.Кокенай передал через него Э.А.Дубинской, дочери А.С.Дубинского. «Книга представляет собой гнусную пасквиль на караимскую нацию», – так охарактеризовал Т.С.Леви-Бабович произведение популярного в те времена детского писателя[70]. Он даже хотел дать письменное опровержение, но затем передумал. Зато рассказом Аркадия Кончевского «Тайна кевового дерева», опубликованном в журнале «Всемирный следопыт», и также присланным Б.Я.Кокенаем, Товия Леви-Бабович остался доволен. В рассказе некоему карааиму Тиро удалось расшифровать таинственную надпись на древнегреческом языке, и Товия Леви-Бабович высказал предположение, что прототипом героя мог быть скорее И.И.Казас, чем Ш.М.Тиро, который, по его словам, не знал древнегреческого языка.

Переписка Товии Леви-Бабовича и Бориса Кокеная свидетельствует нам о том, как сильно оба они были увлечены караимскими вопросами в целом, живо интересуясь всем тем, что связано с караимами, будь то старинная рукопись или заметка в современной газете. Но особенный интерес друзья проявляли

---

[67] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.С.Ельяшевичу от 16.04.1928 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[68] Там же.

[69] Современная ул. Большая Морская.

[70] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 28.03.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

к караимскому фольклору. Из этой переписки нам, например, становится известно, что в библиотеке Товии Леви-Бабовича хранилась рукопись караимской версии популярной в Крыму легенды «Золотая колыбель», которую он считал важным источником по ранней истории караимов, и в качестве приложения хотел издать в брошюре «Три странички»[71]. Несмотря на то, что Товии Леви-Бабовичу не удалось издать легенду, она все же не пропала вместе с его библиотекой и была сохранена для потомков. От Товии Леви-Бабовича легенда попала в руки собирателя караимских фольклора Абрама Яковлевича Шишмана, который в 1936 году переслал ее Б.Я.Кокенаю, а тот в свою очередь изложил ее в своем сочинении «Записки по этнографии караимов Крыма» под названием «Колыбель Хаджи-Мусы»[72].

В 1928 году Товией Леви-Бабовичем была написана статья «О взаимоотношениях между караимами и татарами в Крыму», в которой затрагивался вопрос о приобретении караимами земель, оставленных крымскими татарами после присоединения Крыма к Российской империи. Рукопись статьи Товия Леви-Бабович послал в редакцию журнала «Крым» (Москва), но во избежание полемики печатать ее отказались, хотя, по словам автора, статья была написана «в самом примиряющем духе». Товия Леви-Бобович сообщает, что благодаря примирительному тону статьи «татарские власти, которые во всяком случае, статью в рукописи прочли, впоследствии изменили свое отношение к караимам к лучшему: раньше же эти отношения были весьма враждебными»[73]. В этом же 1928 году статья была опубликована в переводе на польский язык в журнале «Караимская мысль», издававшемся в Вильнюсе[74].

Учитель по призванию

В жизни севастопольского газзана в советский период известен один интересный эпизод. Весной 1928 года Севастопольский караимский клуб предложил Товии Леви-Бабовичу должность преподавателя караимского языка, на что тот ответил категорическим отказом. Севастопольский караимский клуб входил в состав организации Крым ОКО, и многие его члены, атеисты по убеждениям, относились к газзану пренебрежительно и даже враждебно. Поэтому и решение пригласить его учителем было вынужденным. А связано это было с тем, что в 1928 году близкий к караимскому крымскотатарский язык получил в Крымской АССР статус государственного, и от жителей полуострова требовалось его знание. Караимская же молодежь к этому времени говорила в основном на русском языке и уже плохо владела родным караимским. В поисках учителя караимский клуб сперва обратился к крымским татарам, но те отказались, ссылаясь на то, что у караимов есть свой учитель, знающий этот язык еще лучше них – то есть Товия Леви-Бабович. Так караимскому клубу нехотя

[71] *Леви-Бабович Т.С.* Три странички… С. 6.

[72] Дневник Б.Я.Кокеная. С. 23.

[73] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 28.03.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[74] *Lewi-Babowicz T.S.* O stosunkach wzajemnych między Karaimami i Tatarami na Krymie // Myśl Karaimska. 1928. T. I. S. 25–29.

пришлось обратиться к севастопольскому газзану. Но неожиданно для многих неимущий и живущий за счет подаяний газзан отказался от оплачиваемой должности, нажив тем самым себе новых врагов. Товии Леви-Бабовичу были предъявлены обвинения в нежелании передавать свои знания. Рассказывая об этом эпизоде в письме Б.Я.Кокенаю, Товия Леви-Бабович начинает с заповеди «не вари козленка в молоке матери его»:

«*Комментаторы талмудисты придали этому закону диэтический смысл и, на основании этого закона, запрещают употреблять в пищу всякого мяса с молоком, будь это молоко от того же животного, от которого было мясо, или же молоко какого бы то ни было другого дозволенного к еде животного. Караимы, ищущие во всех законах прежде всего и раньше всего моральный смысл, придали этому закону моральный смысл, заключающийся в том, что было бы большой жестокостью со стороны человека варить ягненка в молоке его матери, которое он любит больше всего на свете, и таким образом превратить в могилу для ягненка то, что служит источником жизни для него.*

Точно также предъявлять мне обвинения в нежелании передавать свои познания другим, это равносильно варенью ягненка в молоке матери его. Ведь если была у меня какая-нибудь идея, доминирующая над всеми остальными идеями, идея, которая огненной нитью проходила через всю мою жизнь и деятельность, так это была именно идея эта, т. е. идея как бы передать свои познания в углубленном и расширенном виде и свои нравственные принципы будущим поколениям, дабы не унести своих познаний с собою в могилу. С малых лет эта идея руководила мною, но, если эта идея не дала тех богатых результатов, какие она должна была давать в силу той огромной энергии, которую я в нее вкладывал, то вина не моя, а в причинах, вне меня лежащих, и совесть моя в этом отношении чиста как хрусталь»[75].

Действительно, преподавательская деятельность была для Товии Леви-Бабовича больше, чем профессией. Началась она еще в пятнадцатилетнем возрасте, когда Товия Леви-Бабович стал помощником учителя в бахчисарайском мидраше, и исполнял эту обязанность с 1894 по 1896 год[76]. Затем с 1896-го по 1897 год он работал в том же мидраше уже учителем. В 1897 году поступил учителем в феодосийский мидраш, и в этой должности пробыл вплоть до отъезда в Севастополь в 1911 году. В Феодосии кроме занятий в мидраше Товия Леви-Бабович с 1899 по 1905 год бесплатно преподавал по субботам основы религии в бесплатной женской караимской школе. А с 1905 по 1907 год также бесплатно преподавал на вечерних курсах для караимской молодежи библейскую историю и основы религии[77]. Как уже говорилось выше, Товия Леви-Бабович, чтобы удержать в мидраше молодежь, ввел расширенную программу, а также разработал программу караимского образцового училища.

[75] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.04.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[76] *Ельяшевич Б.С.* Биографический словарь… С. 120.

[77] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1.

Переехав в Севастополь, Товия Леви-Бабович сразу же объявил местной общине о том, что возьмет на себя преподавание в одном из старших классов, даже в том случае, если его к этому не обяжут. При Советской власти он работал учителем в 29-й советской караимской едино-трудовой школе имени Р.Люксембург, откуда ушел по сокращению 6 января 1922 года[78]. После этого в Советской России Товия Леви-Бабович уже не смог вернуться к преподавательской деятельности, без которой он не представлял своей жизни. Но, надежда на то, что ему удастся создать хотя бы небольшую школу, никогда не оставляла его. «*Я и теперь считаю первым и священным долгом своим*, – пишет Товия Леви-Бабович Б.Я.Кокенаю в начале 1929 года, – *при первой же открывшейся возможности образовать группу в 15–20 учеников с тем, чтобы дать им самое широкое и законченное образование в области караимских наук, где я уже могу считать себя для успешности дела довольно пригодным, будучи уже достаточно насыщен горькими и сладкими опытами прошлого*»[79].

Новые трудности

В дополнение ко всем трудностям неожиданно в 1929 году над кенасой Севастополя нависла угроза закрытия. Городские власти обязали караимскую религиозную общину на основании заключенного с ней договора произвести за свой счет ремонт здания и составили смету на 2200 рублей. В том случае, если бы религиозная община не выполнила своего обязательства и не нашла необходимую сумму, власти имели право закрыть кенасу и, расторгнув договор с верующими, снять религиозную общину с регистрации. Несомненно, именно на это и был сделан расчет. Остается невыясненным, на каком основании от караимов требовали произвести ремонт, ведь еще 15 октября 1925 года комиссия под председательством руководителя церковного стола сделала осмотр здания кенасы и вынесла заключение: «Кенаса содержится в чистоте, как внутри, так и снаружи, ремонта никакого не требуется»[80]. Можно предположить, что кенаса пострадала в результате произошедших в Крыму в июне и сентябре 1927 года землетрясений, и власти решили использовать ситуацию в свою пользу.

Чтобы собрать необходимые деньги, было созвано общее собрание, во время которого севастопольский газзан призвал прихожан пожертвовать свои личные средства на общее дело. Надо сказать, что в деле спасения кенасы активное участие приняли пожилые караимки Севастополя, отдавшие на ремонт самое дорогое и ценное, что у них было. Вот что пишет Товия Леви-Бабович: «*Одна женщина отдала для спасения кенасы единственную свою ценность – золотой браслет, припрятанный ей для расходов на ее похороны, другая отдала деньги, которые она собирала по копеечке, намереваясь устроить ограду вокруг могилы любимой сестры, третья отрывает от рта последний кусок и отдает для кенасы, говоря: "Если мне суждено умереть голодной смертью,*

[78] ГАГС. Р–420. Оп. 1. Д. 119. Л. 19–21.

[79] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.04.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[80] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 10.

*п*усть *я умру на один месяц раньше, а душу народа должно спасти*”»[81]. К сожалению, нам неизвестны имена этих женщин, которые следовало бы золотыми буквами записать в историю караимов Севастополя. Сам Товия Леви-Бабович очень болезненно переживал ситуацию, сложившуюся вокруг кенасы, так как деньги хоть и собирались, но все-таки их было недостаточно. «*Если бы у меня было 2200 рублей,* – напишет он Б.Я.Кокенаю, – *сумма потребная для ремонта кенасы, то я не стал бы тревожить членов нашей общины, и отдал бы эти деньги целиком для спасения кенасы даже в том случае, если бы власти сказали мне определенно, что на следующий день после ремонта они отнимут у нас кенасу. Ибо мы спасаем душу народа, мы спасаем идею, которую заключает в себе кенаса, а не само красивое здание, именующееся у нас Кенасой*»[82].

Как отмечает рибби Товия, существовало и диаметрально противоположное отношение караимов к идее кенасы. Многие севастопольские караимы смотрели на кенасу как на пережиток прошлого, препятствующий строительству социалистического общества, как на «очаг темноты» и «штаб вредительства»[83]. В основном, конечно, это была молодежь, разделяющая атеистическую идеологию Советской власти и строившая свое будущее на коммунистических ценностях. Люди среднего и особенно старшего возраста придерживались более традиционных взглядов и от кенасы не отказывались, но их сопротивление было очень слабым. В то время центром, объединяющим караимов Севастополя, служил Севастопольский караимский клуб, полностью поддерживающий Советскую власть и оказывающий ей поддержку в проведении «антирелигиозного похода». Известно, например, что после 1925 года клуб активно сотрудничал с Союзом воинствующих безбожников[84]. Влияние клуба на караимское население города было велико и с каждым годом его членство неуклонно росло, в то время как посещаемость кенасы резко падала. По статистике местных органов правления в 1922 году кенасу посещали около 400 человек[85], а к 1929 году посещаемость снизилась до 30–35 человек[86]. В 1930 году, отмечает та же статистика, верующих караимов осталось не более 20 человек. Несмотря на численный перевес «лагеря гонителей», все же в 1929 году кенасу удалось отстоять. Чтобы достать необходимые деньги, Товии Леви-Бабовичу пришлось продать всю свою домашнюю обстановку[87]. В сентябре–октябре необходимый ремонт, в котором газзан принял непосредственное участие, был сделан.

Бросив все свои силы на спасение кенасы, сам Товия Леви-Бабович летом 1929 года остался без жилья. Сбылось то, о чем он писал Б.С.Ельяшевичу еще в 1926 году – городские власти при участии и поддержке Севастопольского караимского клуба выселили его из квартиры. Сразу после выселения Севастопольский караимский клуб занял квартиру газзана, а другое здание, нахо-

[81] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.07.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[82] Там же.

[83] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25, 26.

[84] Там же.

[85] Здесь, скорее всего, статистикой отмечена максимальная наполняемость кенасы, которая была построена на 400 человек.

[86] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 35.

[87] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.05.1936 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

дящееся во дворе кенасы, было отведено под детский сад[88]. Так Товия Леви-Бабович с семьей буквально оказался на улице. Ему хватило средств только на то, чтобы снять подвал для хранения личных вещей. Имущество кенасы, которое газзан хранил у себя на квартире, он снова перенес в кенасу, при которой теперь стал постоянным сторожем. Одно из писем Б.Я. Кокенаю Товия Леви-Бабович закончил такими словами: «Письмо пишу на дворе перед нашим подвалом»[89]. Но севастопольский газзан не унывал и надеялся на то, что до холодов удастся найти жилье. Действительно, осенью семья Леви-Бабовичей сняла первый этаж дома на улице Боско (дом № 49)[90]. Но вскоре в новый дом пришла новая беда – 19 октября скончалась мать Товия Симовича Акбике Юфудовна Леви-Бабович.

Контакты Леви-Бабовича с караимами Польши

Несмотря на выпавшие на его долю тяжелые испытания, Товия Леви-Бабович не переставал заниматься исследовательской деятельностью. В это время он писал две работы: «Книгопечатание у караимов» и «Развитие календарного дела у караимов». Как всегда, Товия Леви-Бабович подошел к делу со всей основательностью и старался максимально раскрыть выбранную им тему. Работу «Книгопечатание у караимов» севастопольский газзан предполагал начать с изобретения книгопечатания Иоганном Гуттенбергом, затем рассказать о первых печатных станках и типографиях, а уже после перейти собственно к первым печатным караимским книгам, начав с венецианского издания караимских молитвенников в типографии Даниэля Бомберга в 1528 году. В работе над статьей «Развитие календарного дела у караимов» Товия Леви-Бабович привлек переписку караимского ученого Исаака бен Шеломо, автора астрономического произведения «Ор га-левана», которая была предоставлена ему у Б.Я.Кокенаем. В июле 1929 года Товией Леви-Бабовичем для Б.Я.Кокеная была написана «статейка» под названием «Врачебная наука у караимов».

Товия Леви-Бабович внимательно следил за всеми исследованиями в области караимской истории и этнографии. Состоя в переписке с молодым ученым, профессором Варшавского университета А.А.Зайончковским, он всегда получал от него свежие номера журнала «Караимская мысль». Главным образом от А.А.Зайончковского Товия Леви-Бабович узнавал о последних научных публикациях, которые старался не пропускать. Так, например, он дал высокую оценку труду профессора Тадеуша Ковальского на немецком языке «Караимские тексты на диалекте трокских караимов», который он назвал «большим вкладом в сокровищницу мировой науки»[91].

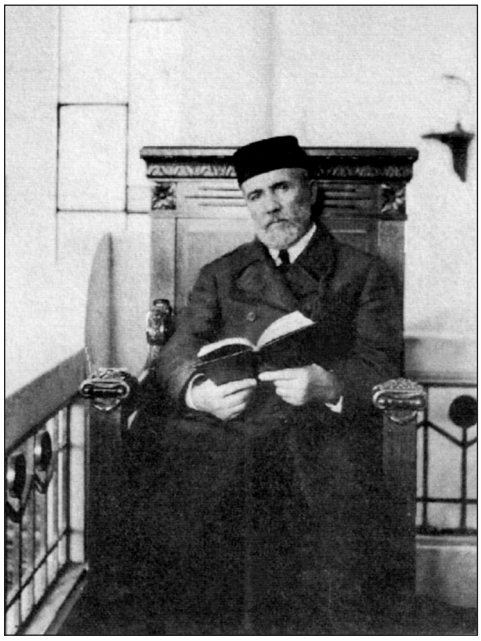
[88] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25, 26.

[89] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.07.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[90] Письмо Т.С.Леви-Бабович Б.Я. Кокенаю от 2.12.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[91] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.04.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

В 1929 году Крым посетил ученый Бруно Федорович Адлер, проводивший исследования в области караимской антропологии и намеревавшийся издать «Караимский сборник». Товия Леви-Бабович был приглашен к профессору Б.Ф.Адлеру в Евпаторию, но так как в то время стоял вопрос о закрытии кенасы, он не смог приехать, но дал обещание принимать «на известных условиях» участие в составлении «Караимского сборника»[92].

Т.С.Леви-Бабович в Каире, в кенасе Моше Дераи. *Из книги Йосефа Эльгамиля* «*Пирке Товия. Ахарон хахме га-караим бе-Мичраим*»

В ноябре 1929 года Товия Леви-Бабович получил письмо из Кракова от студента-медика Ноя Шулимовича «весьма интересное по своему содержанию и по затронутым в нем научным и другим вопросам». Севастопольский газзан был так впечатлен как хорошим знанием древнееврейского языка, на котором было написано письмо, так и его содержанием, что высказался о его авторе следующим образом: «Думаю, что в его лице мы имеем новую солидную научную силу для караимского мира»[93]. В то время научная караимская мысль была сосредоточена в Польше, на территории которой проживали западные караимы. В Вильнюсе с 1924 года на польском языке издавался научный журнал «Караимская мысль» («Myśl Karaimska»), в котором в разное время публиковались работы А.А.Зайончковского, С.М.Шапшала, Т.Ковальского, Ш.Фирковича, З.Зараховича, А.Мордковича и других. Свои статьи для журнала присылал также и Товия Леви-Бабович. Как уже говорилось, в 1928 году в «Караимской мысли» была опубликована его статья «О взаимоотношениях между караимами и татарами в Крыму», а в 1929 году «Караимы в южнорусских областях в IX–XVII веках», которая имела русскоязычное название «Караимы в южнорусских областях до присоединения Крыма к владениям России». Товия Леви-Бабович польского языка не знал и знакомился с трудами западных караимов посредством «великолепных» переводов на русский язык Моисея Исаевича Пилецкого, «благодаря которым мы знакомимся с произведениями наших зарубежных братьев, излагающих свои мысли на языке, малопонятном для нас»[94].

[92] Там же.

[93] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 2.12.1929. Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[94] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.06.1933. Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

Конечно же, рибби Товия не мог остаться в стороне от широко обсуждаемого в его время вопроса об этническом происхождении караимов, которому он посвятил статью «Расовая проблема у караимов». Сам вопрос возник после появления так называемой хазарской теории, согласно которой караимы ведут свое происхождение от исчезнувшего хазарского народа. Среди караимов хазарская теория нашла своих сторонников и противников. Одним из самых рьяных сторонников теории был караимский Гахам С.М.Шапшал, активно пропагандирующий ее среди соплеменников. К двадцатым годам прошлого века хазарская теория приобрела большую популярность среди караимского населения, но все еще вызывала дискуссии. Возможно, именно благодаря хазарской теории происхождением караимов заинтересовались ученые-антропологи, которые стали искать в караимах тюркские корни. Профессор Б.Ф.Адлер, например, в результате своих исследований пришел к выводу об отсутствии у караимов генетической связи с еврейским народом. Об этом стало известно Б.Я.Кокенаю, а через него и Товии Леви-Бабовичу. Интересно, что Б.Я.Кокенай, в будущем ставший адептом хазарской теории, счел нужным возразить ученому, приводя в качестве аргумента тот факт, что среди караимов есть левиты и когены, представители израильского колена Левит[95]. Этот аргумент в свое время использовал караимский общественный деятель И.И.Казас, склонявшийся к семитскому происхождению караимов[96]. Сам же Товия Леви-Бабович в этом вопросе занял среднюю позицию, «между мнением И.И.Казаса и мнением С.М.Шапшала», как он выразился, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому мнению. «Но я, тем не менее, еще не могу признать этот вопрос решенным окончательно», – писал он Б.Я.Кокенаю[97].

Несмотря на обширные познания в области караимской истории, Товия Леви-Бабович все же оставался дилетантом, и потому в одном из писем Б.Я.Кокенай предлагал ему вступить в какое-нибудь научное сообщество, чтобы тем самым избавить себя от нападок врагов. На это Товия Леви-Бабович ответил, что сделает это только в том случае, если его примут таким, какой он есть, то есть при его духовном сане, «а это для Советской власти неприемлемо, как неприемлемо для меня обратное»[98]. Неоднократно Товии Леви-Бабовичу поступали предложения оставить службу газзаном и заняться преподавательской деятельностью, на что он всегда отвечал категорическим отказом. *«Еще месяца два тому назад,* – пишет Товия Леви-Бабович в августе 1929 года, – *два наивиднейшие безбожника в нашем городе сделали ко мне подход, обещаясь сделать меня счастливейшим человеком в сфере мирских благ, но я ответил им так, как всегда отвечаю»*[99]. Нет сомнения, что всеми этими выгодными предложениями власти добивались только одного – отстранить непокорного

[95] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 07.08.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[96] *Казас И.И.* Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4. С. 48.

[97] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 07.08.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[98] Там же.

[99] Там же.

газзана от службы в кенасе. Но рибби Товия был непоколебим и не желал идти ни на какие компромиссы. В 1929 году Товию Леви-Бабовича посетил гебраист Л.В.Дашевский (с 1930 года возглавивший Рукописный отдел Института востоковедения АН СССР) и предложил ему работу в Институте восточных рукописей РАН, где хранились коллекции рукописей А.С.Фирковича. Естественно, что при этом Товия Леви-Бабович должен был оставить службу газзаном. Когда Товия Леви-Бабович дал понять В.Л.Дашевскому, что дальнейший разговор бесполезен, тот удивился и сказал: «Уважаемый, если вы останетесь здесь служить в кенасе, то умрете от голода, а с нами вы будете жить в богатстве и славе». *«Пусть лучше я умру от голода,* – ответил Товия Леви-Бабович, – *служа моему Господу, в которого верю полной верой, чем откажусь от нее ради богатства и славы. Я приму ваше предложение только при том условии, если шесть месяцев в году я буду работать в институте и шесть месяцев служить в кенасе, не сниму с себя духовного сана и не откажусь от моего Бога»*. На это Л.В.Дашевский сказал, что государственные органы не хотят иметь дело с верующими и ушел от Товии Леви-Бабовича ни с чем[100].

Последний год в Севастополе

Крайне тяжелым и переломным для Т.С.Леви-Бабовича был 1930 год, с самого начала которого стали происходить события, предвещавшие закрытие кенасы и ликвидацию религиозной общины. Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» антирелигиозный поход Советской власти после продолжительного затишья вступил в новую, завершающую фазу. Крымские власти на это постановление из центра откликнулись инструкцией НКВД от 30 ноября 1929 года «О порядке проведения перерегистрации религиозных объединений в Крыму», согласно которой с 1 декабря 1929 года по 1 мая 1930 года все религиозные общества должны были пройти перерегистрацию[101]. Несомненно, инструкция была рассчитана на то, что религиозные общества, обремененные налогами и трудновыполнимыми обязательствами, откажутся заново регистрироваться и тем самым прекратят свое существование. Именно так и произошло. За 1930 и 1931 годы были закрыты или, если говорить языком документов того времени, «ликвидированы» все кенасы на полуострове (кроме феодосийской), так как их прихожане отказались проходить перерегистрацию. Однако не стоит думать, что ликвидация кенасы Севастополя осуществлялась в одностороннем порядке. Протоколы заседаний общественных и профессиональных организаций караимов красноречиво свидетельствуют нам о том, что «ликвидация» проходила с согласия и при поддержке самих караимов, желающих избавиться от кенасы как от ненужного бремени.

---

[100] *Эльгамиль Й.* Гахам Товия Сима Леви-Бабович – последний Гахам караимской общины Египта // Muradal-Qudsi. Just for the Record in the History of the Karaite Jews of Egypt in Modern Times. Lyons, N. Y. 2002. P. 37–38 (перевод с иврита В.А.Ельяшевич).

[101] *Терещук Н.М.* Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 224.

Закрытие культовых зданий должно было происходить в соответствии с законодательством Советской власти и поэтому в целях успешного претворения в жизнь новой инструкции власти проводили агитационную и пропагандистскую работу среди верующего населения, использовали ходатайства рабочих и необходимость в помещениях, а также сбор подписей атеистов. Видимо, в рамках этой работы на прошедшем 26 января 1930 года заседании Правления Севастопольского караимского клуба был сделан доклад председателя Союза воинствующих безбожников «товарища Киселева» об антирелигиозном и культурном походе в СССР и возбуждении ходатайства перед Горсоветом о закрытии караимской кенасы. После доклада и прений было вынесено постановление, в котором указывалось, что «собрание актива Севастопольского караимского клуба считает несовместимым дальнейшее существование кенасы рядом с клубом и необходимым закрыть ее, как очага темноты и передачи кенасы для культурного учреждения»[102]. Для окончательного разрешения этого вопроса было решено также провести ряд мероприятий, в числе которых была организация сбора подписей за закрытие кенасы. Вслед за этим было проведено общее собрание членов профсоюзов и военнослужащих караимов (7 февраля), общее собрание караимов, работающих на производственных предприятиях Севастополя, общее собрание женщин караимок (16 февраля) и общее собрание неорганизованного караимского населения (19 февраля). На всех этих собраниях было вынесено решение о закрытии кенасы. В это же время был отмечен уход из «двадцатки» некоторых ее членов, что влекло за собой ликвидацию кенасы. В итоге на заседании фракции ВКП (б) Президиума Горсовета 26 марта 1930 года было вынесено следующее постановление: «Ввиду того, что верующие совершенно отказались от пользования молитвенным домом (кенасой), принимая во внимание, что двадцатка распалась и арендатор из верующих не имеется, кенасу закрыть, здание использовать для культурных нужд трудящихся караимов»[103].

Однако, благодаря активному вмешательству Товии Леви-Бабовича кенасу не закрыли. Забыв обо всех своих делах, севастопольский газзан стал собирать распавшуюся «двадцатку», используя свой авторитет среди верующих караимов. *«Недели две я кипел в огне, пока набрал двадцатку, необходимую для удержания кенасы,* – пишет он в мае Б.Я.Кокенаю. – *Все боялись войти в двадцатку, так как их пугали, говоря, что это повлечет за собою лишение их всех гражданских прав, и в том числе право на хлебную карточку, что может повлечь за собою голодную смерть. Но, слава Богу, в конце концов, чувство долга перед святыней взяло вверх и двадцатка набралась. Святая кенаса теперь в наших руках»*[104].

Без сомнения, сохранить за религиозной общиной уже приговоренную к ликвидации кенасу удалось благодаря стараниям Товии Леви-Бабовича. Это прекрасно понимали как городские власти, так и Севастопольский караим-

[102] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 25.
[103] ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 13.
[104] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 19.05.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

ский клуб, которые признавали его авторитет среди караимов Севастополя и видели в нем основное препятствие для осуществления своих планов. Ранее органами местной власти севастопольскому газзану была дана следующая иезуитская характеристика: «большой агитатор и всегда находится среди караимов, пользуется среди них большим авторитетом, имеет высшее духовное образование и считается ученым археологом… Они (караимы) находятся под его влиянием, благодаря чему не могут извне получать должное понятие о лжеучении своего ловкого, умного и корыстного проповедника»[105]. Поэтому, когда 10 февраля 1930 года Президиум ВЦИКа принял постановление, в котором разрешалось производить выселение из Севастополя лиц, лишенных избирательных прав[106], Товия Леви-Бабович сразу увидел в нем опасность для себя. «Приближаются очень тяжелые времена, – написал он 14 февраля Б.Я.Кокенаю на караимском (крымскотатрском) языке. – Возможно, что меня выселят из этого города»[107]. Прошло некоторое время, и опасения Товии Леви-Бабовича оправдались. 11 июля 1930 года он был вызван в Севастопольский административный отдел, где ему объявили, что он должен выехать из города. Когда Товия Леви-Бабович заявил о том, что он является штатным газзаном кенасы, ему разрешили остаться в городе, но 15 июля его вызвали вновь и объявили, что его выселение не приостанавливается, и он должен покинуть Севастополь в указанный срок. В этот же день Товия Леви-Бабович написал прошение в Особую Комиссию при КрымЦИКе, в котором просил дать ему разрешение остаться в Севастополе.

«Не усматривая в себе особой вины, – писал Товия Леви-Бабович, – *я считаю выселение для себя незаслуженным, тем более, что оно не применяется ни к кому из штатных религиозных служителей. Я же являюсь не только штатным, но и единственным служителем культа для Караимской Кенасы, каковая Кенаса также является единственным храмом в городе Севастополе для удовлетворения религиозных потребностей местных верующих караимов.*

Посему прошу Особую Комиссию сделать распоряжение об оставлении меня в Севастополе»[108].

Прошение Товии Леви-Бабовича власти оставили без внимания и постановили выселить его из Севастополя 26 июля. Оставив свою семью, севастопольский газзан переехал в Симферополь, где поселился у своего знакомого Соломона Исааковича Синани на улице Мало-Базарной, 21 (ныне улица Некрасова). В жизни Товии Леви-Бабовича начался новый период, связанный со столицей Крыма Симферополем, который он будет называть на древнееврейском языке «ир галути» – «город моего изгнания».

---

[105] *Терещук Н.М.* К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов // Материалы XVIII международной ежегодной конференции по иудаике. Том II. Выпуск 35. М., 2011. С. 209.

[106] *Давыдова Н.А.* Отношение Советской власти к служителям культа // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 190.

[107] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 14.02.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[108] ГАГС. Р–79, Оп. 2л. Д. 345. Л. 3.

Т.С.Леви-Бабович в Каире

Некоторые севастопольские исследователи, занимавшиеся вопросами взаимоотношения Советской власти с религиозными общинами города, например, Н.М.Терещук и Н.А.Давыдова, склонны видеть в выселении Товии Леви-Бабовича повод для закрытия кенасы. «Очевидно, – пишет Н.А.Давыдова, – выселение газзана было лишь поводом для дальнейшего закрытия кенасы и передачи ее в пользование госучреждению»[109]. Действительно, вскоре после отъезда Товии Леви-Бабовича собранная им «двадцатка» стала распадаться – один за одним караимы выходили из ее состава. Одновременно с этим в городскую администрацию от караимов поступали ходатайства о закрытии кенасы. Вследствие этого постановлением КрымВЦИКа от 5 февраля 1931 года караимская религиозная община Севастополя была снята с регистрации, а через несколько месяцев здание кенасы отдано под «Интернациональный клуб караимов, татар и крымчаков»[110].

Выселение Товии Леви-Бабовича из квартиры, а затем из города, было совершено общими усилиями членов Севастопольского караимского клуба и органов власти. В апреле 1931 года в газете «Маяк коммуны» была напечатана небольшая заметка неизвестного автора по фамилии Чинак «Бывшая кенаса – должна стать образцовым клубом», в которой пафосными выражениями в духе того времени говорилось о достигнутых победах караимов Севастополя: «*Не так давно мы имели победу трудящихся караимов гор. Севастополя – закрытие кенасы, а сейчас мы празднуем вторую победу – на место закрывшейся кенасы открываем клуб, очаг культуры, который должен воспитывать всю трудящуюся массу караимов, организовать их и мобилизовать их внимание на выполнение задач, поставленных партией и соввластью*»[111].

Часть II. СИМФЕРОПОЛЬ

Жизнь в изгнании

Несмотря на участь изгнанника, Товия Леви-Бабович не прекращал свою исследовательскую деятельность. Он продолжал вести переписку по вопросам караимской истории с Б.Я.Кокенаем, И.Я.Нейманом, А.Я.Шишманом, А.А.Зайончковским и другими караимами, обмениваясь с ними интересными материалами. С 1930 года Товия Леви-Бабович вошел в переписку с А.М.Мордковичем, основавшим в 1931 году журнал на караимском языке «Karaj Awazy» («Голос караима»). От Б.Я.Кокеная и А.Я.Шишмана

[109] *Давыдова Н.А.* Отношение Советской власти к служителям культа // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 191.

[110] *Терещук Н.М.* Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму: сборник научных работ. Симферополь, 2008. С. 218; ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 283. Л. 35.

[111] *Чинак*. Бывшая кенаса – должна стать образцовым клубом // Маяк коммуны. 28. IV. 1931. С. 8. (Автор выражает благодарность за предоставленный материал А.Кохану.)

Т.С.Леви-Бабович получал необходимые для его работы книги и рукописи, от А.А.Зайончковского из Вильны – номера «Myśl karaimska» («Караимской мысли»). Вместе с тем, изгнанный газзан внимательно следил за выходом в свет журнала «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», авторитетного научного издания в Крыму. Продолжалась работа над статьей «Развитие календарного дела у караимов», к которой Товия Леви-Бабович привлекал все больше материалов, и в том числе переписку караимского астронома Ю.Д.Кокизова с Я.М.Кокенаем, отцом Б.Я. Кокеная. К началу 1931 года Товия Леви-Бабович составил караимский календарь на 5 лет с историческим предисловием. К этому времени им была написана статья о караимском поэте И.И.Эраке и статья «Крымчаки – это бывшие караимы». В 1930 году Товия Леви-Бабович занялся сбором и изучением караимских имен и фамилий, о чем сообщил в одном из писем Б.Я.Кокенаю: *«Я теперь собираю караимские фамилии и имена и намерен заняться их изучением, т. к. полагаю, что в них заключается ключ к отгадке некоторых таинственных пунктов караимской истории. Имена и фамилии я собираю преимущественно не древнебиблейского корня»*[112]. Параллельно с Товией Леви-Бабовичем систематическим исследованием караимской ономастики вот уже несколько занимался Илья Яковлевич Нейман (Круглевич), будущий советский ученый и автор «Систематического указателя по караимской библиографии». С И.Я.Нейманом Товия Леви-Бабович встречался в Симферополе в октябре 1930 года, предоставив для его работы над караимской библиографией свою библиотеку. Совместно с И.Я.Нейманом он планировал составление словаря караимских фамилий.

В Симферополе был написан самый большой труд Товии Леви-Бабовича, но, к сожалению, не сохранившийся, – повесть «Мученик веры», которая была выслана им А.М.Мордковичу для издания в «Karaj Awazy» или «Myśl karaimska». Здесь же «рибби Товия» приступил к работе над составлением словаря архаических слов крымского диалекта караимского языка. Работа эта началась почти одновременно с составлением словаря крымского диалекта, которым занимался Б.Я.Кокенай. Товия Леви-Бабович также не оставлял идею составления «Караимского сборника», на который возлагал большие надежды в плане просвещения караимов. Вот что он пишет по этому поводу Б.Я.Кокенаю: *«Вы жалуетесь на тишину, царящую в нашей культурной жизни. Мы должны в этом отношении пенять и на себя, ибо при сильном желании могли бы что-либо сделать, ну, хотя бы издать один сборник. И это было бы более продуктивным делом в смысле пробуждения спящей мысли наших братьев, чем статьи, разбросанные по разным журналам, которые подчас остаются даже неведомыми для той маленькой горсточки среди нас, которая кое-как интересуется вопросами культуры и которая не всецело попала в плен презренной материи»*[113].

В этих словах можно увидеть истинного интеллигента, душу нации, человека, живущего не только личными интересами, но и интересами своего наро-

[112] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 3.07.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[113] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 29.10.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

да, возлагая на себя ответственность за его культурное развитие. Такие люди, как рибби Товия, относились к караимской интеллигенции, стоящей на страже национально-культурного наследия. Невзирая на жизненные трудности и материальные лишения, они самоотверженно занималась изучением и сохранением культуры караимов, нередко жертвуя ради этого своим благополучием. Да они и не могли жить иначе. Вот небольшой эпизод, красноречиво характеризующий Товию Леви-Бабовича. Известно, что жил он очень бедно, но при этом если у него появлялся какой-то излишек, то он тратился на книги. Но бывало и так, что на книги тратилось самое необходимое. Осенью 1930 года, когда Товия Леви-Бабович жил уже в Симферополе, «один добрый человек» подарил ему 50 рублей, которые он потратил на покупку книги Генриха Греца «История евреев от древнейших времен до настоящего», самого авторитетного по тем временам труда по истории еврейского народа. По словам Товии Леви-Бабовича, он на каждом шагу чувствовал нехватку этой книги и готов был приобрести ее «хотя бы с риском голодать впоследствии»[114].

С введением в 1929 году карточной системы на хлеб, а затем и на все основные продукты, угроза голода для Товии Леви-Бабовича, стала как никогда реальной. Будучи «лишенцем», он не получал продуктовых карточек и мог покупать продукты только на «вольном рынке» по очень высоким ценам. *«Положение мое,* – писал в это время Товия Леви-Бабович, – *положение человека, все время варящегося в котле и, если я продолжаю существовать и даже работать, так этим я обязан отчасти той моральной поддержке, какую оказывают мне некоторые благородные единицы из числа лучших сынов нашего народа»*[115]. Действительно, без посторонней помощи выжить Товии Леви-Бабовичу в тех условиях, в которых он оказался, было бы очень сложно. Близкие и знакомые, зная о нужде караимского газзана, оказывали ему не только моральную поддержку, но помогали деньгами и продуктами. Так, например, в мае 1930 года, узнав о том, что изгнанный газзан не получает продуктовые карточки, русские караимы, проживающие на севере Крыма, прислали ему около 12 пудов сухарей[116].

В первые месяцы жизни в Симферополе Товия Леви-Бабович часто писал о горькой участи изгнанника, а свое положение охарактеризовал на древнееврейском языке как «галут кэвэда вэ-мара» – «изгнание тяжкое и горькое». «…*У меня настроение весьма скверное, вызываемое как тяжелыми моральными, так и материальными условиями жизни*», – писал в октябре 1930 года[117]. Изгнание Товии Леви-Бабовича произошло в разгар коллективизации – широкомасштабного переустройства сельского хозяйства в стране, начавшегося в 1929 году. Наиболее сильные темпы коллективизация набрала в феврале-марте 1930 года, что привело к продовольственному кризису и резкому скачку цен

[114] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 18.11.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[115] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 19.05.1930 //Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[116] Там же.

[117] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 29.10.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

на продукты. «Вы говорите о дороговизне в Феодосии, – пишет Товия Леви-Бабович Б.Я.Кокенаю в марте 1931 года, – здесь дело обстоит не лучше: кило хлеба доходит до 3.50 и 4 рублей. Это обстоятельство угрожает оборвать нить жизни у многих»[118]. Тяжелее всего приходилось Товии Леви-Бабовичу зимой, так как за отсутствием денег на топливо ему приходилось даже в сильные морозы жить в неотапливаемой комнате. *«Я защищаюсь от холода по ночам тем, что натягиваю на себя два одеяла,* – писал он в январе 1931 года, – *и голову сворачиваю как буква ע и сую под одеяло и обогреваюсь собственным теплом. Надежда, что в конце концов солнце одолеет зиму, как надежда на то, что в конце концов доброе начало победит злое начало, придает силы переносить холод жизни и терпеливо ожидать наступления теплых дней, «Бог мой! На тебя полагаюсь. Да не буду пристыжен, да не восторжествуют враги мои!»*[119].

После переезда в Симферополь перед Товией Леви-Бабовичем, освободившимся от службы в кенасе, остро встал вопрос о заработке. Но найти работу «лишенцу», перед которым были закрыты двери всех госучреждений, было практически невозможно. Когда же Товии Леви-Бабовичу предложили устроиться на работу в Центральном государственном архиве Крымской АССР, он отказался по причине, указанной в письме: «За службу мне нельзя было ухватиться, так как не уверен, что предложившее мне службу лицо останется при первоначальном мнении на этот счет, когда узнает, что я "лишен права на огонь и воду"»[120]. Б.Я.Кокенай одно за другим слал ему письма, в которых пытался найти выход из положения и помочь найти другу и учителю работу. В одном из писем он предложил Товии Леви-Бабовичу устроиться счетоводом в колхозе, на что тот ответил, что это можно сделать только с помощью влиятельного лица, который смог бы рекомендовать его с благоприятной стороны, но таких знакомств у него не было: *«Вы пишите, что всегда думаете о моем положении. Я в этом никогда не сомневался, меня всегда трогает Ваше сочувствие ко мне, и я всегда был уверен, что Вы готовы сделать все возможное для облегчения моего положения. Но есть такие положения, где иногда всякая человеческая мудрость молчит. Есть такие узлы, которые также трудно развязать, как трудно было пророку Моисею рассечь воды Чермного моря»*[121].

Положение осложнялось еще тем, что севастопольский газзан не желал устраиваться на работу, не связанную с его деятельностью, так как, по его словам, она бы отдаляла его от научных занятий. Поэтому предложения Б.Я.Кокеная освоить какое-нибудь востребованное ремесло, например, починку примусов, Товией Леви-Бабовичем были отклонены. Вероятно, рибби То-

[118] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.03.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[119] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 24.01.1931 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[120] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 11.10.1931 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[121] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 14.02.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

вия сознательно выбрал нищету, которая давала ему свободу и независимость, и возможность целиком посвятить себя исследовательской работе. Благо, что в городе при Центральном музее Тавриды работала библиотека «Таврика» – уникальное собрание литературы о Крыме, изданной в XVII–XX веках. Сюда Товия Леви-Бабович приходил каждый день к открытию в 11 часов утра и уходил с закрытием в 16.00. На этот раз предметом исследования стало собрание документов Крымского ханства, изданного историком В.В.Вельяминовым-Зерновым в Санкт-Петербурге в 1864 году под названием «Материалы для истории Крымского ханства». Собрание включало в себя 378 документов на крымскотатарском языке, отражающих историю взаимоотношения Крымского ханства с Россией, Литвой и Польшей. Внимание Товии Леви-Бабовича к этому источнику было привлечено, по его словам, «одним знакомым ученым»[122], который посоветовал ему заняться переводом. Ознакомившись с книгой, он с интересом взялся за работу, на которую намеревался потратить несколько лет. В конце января было переведено четырнадцать документов, десять в законченном виде, а четыре в черновом варианте, в апреле 1932 года – двадцать четыре документа. Товия Леви-Бабович жаловался, что работа идет очень медленно «из-за сквернейших условий жизни». О своей работе над переводом «Материалов» он писал так: *«Приходится делать много исторических справок, что отнимает немало времени. Требуется глубокое знание многих предметов, как то: историю Крымского ханства, историю России, Польши, Литвы, Турции, историю Донского и Запорожского казачества, хозяйственную жизнь этих стран и т. д., не говоря уже о том, что тут требуется знание Джагатайского языка с его архаизмами, арабского, персидского и иных языков»*[123].

Зимой 1931–1932 годов к Товии Леви-Бобовичу неожиданно для него самого пришло поэтическое вдохновение. *«Между прочим, последнее время, как это ни странно*, – пишет он в январе 1932 года А.Я.Шишману, – *ко мне подкралась чародейка-муза, и я стал заниматься поэтическим творчеством. Между прочим и разные выпуклые эпизоды из моей общественной жизни находят свое отражение в этих моих произведениях, написанных на нашем разговорном языке»*[124]. Это был не первый случай, когда рибби Товию посещала муза. Еще в декабре 1930 года он сочинил ряд загадок-«хидот» на древнееврейском языке, в которых иносказательно были представлены все члены его семьи[125]. Появление таких загадок было, видимо, вызвано изгнанием и разлукой с родными, тоской по сыну, родным братьям, сестре и недавно умершей матери.

В Симферополе Товия Леви-Бабович продолжил работу над статьей «Развитие календарного дела у караимов». Он также не терял надежды на издание караимского календаря на 5 лет «с семью предисловиями». Рукопись кален-

[122] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 29.07.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[123] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 24.01.1931 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[124] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 1538. Л. 1 (об).

[125] *Эльгамиль Йосеф*. Пиркей Товия. Ч. 2. Рамла, 1998. С. 409–424.

даря Товия Леви-Бабович послал А.М.Мордковичу и получил от него ответ с предложением издать календарь на караимском языке. *«Относительно языка этой рукописи,* – пишет Товия Леви-Бабович А.М.Мордковичу, – *я с Вами спорить не стану. Лишь бы нить печатных календарей не была прервана, а там – на каком языке календарь будет издан, это, по-моему, второстепенный вопрос. Во всяком случае, на каком языке он ни был издан, язык не может обнять караимов всего мира, разговаривающих в разных странах на разных языках, но, что не в состоянии сделать язык, сделает внутреннее содержание произведения»*[126]. Но, пока календарь не был издан, Товия Леви-Бабович составлял рукописные календари на 1931–1932 год и рассылал их своим знакомым. В марте 1931 года он получил первый номер журнала «Карай авазы». В 1931 и 1932 годах в этом журнале будут напечатаны три его статьи: «Уйган карув» («Умный ответ»), «Хаджилыгъы» Къырымдахи Карайларнъын» («Паломничество» крымских караимов») и «Сондрахы сыра» («Последняя песня»).

1929–1932 годы – время раздела караимской национальной библиотеки «Карай Битиклиги». Товия Леви-Бабович внимательно следил за событиями в Евпатории, Ленинграде и Москве, трех городах, претендовавших на библиотеку. Он был категорически против вывоза рукописного отдела «Карай Битиклиги» в Ленинград и поэтому осуждал совместные действия П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича, добивавшихся этого в целях безопасности библиотеки.

Письма, написанные Товией Леви-Бабовичем Б.Я.Кокенаю в 1932 году, наполнены рассуждениями о добре и зле, о природе человека и тщетности бытия. Несмотря на пессимистический тон писем, в них просвечивается луч надежды на человека, способного превзойти самого себя и выйти победителем в самых тяжелых обстоятельствах. *«Такова уже вообще натура человеческая,* – пишет Товия Леви-Бабович после упоминания эпизода из Нового Завета о предсказании Иисусом Христом предательства Петра, – *и требуются чрезмерные, героические усилия для того, чтобы подняться над нею. Не думайте, дорогой Борис Яковлевич, что я здесь делаю какие либо намеки, только я с болью в душе констатирую всю нашу слабость, все бессилье, присущее природе человека, который мнит себя венцом творений, и больше ничего. Да, наконец могут быть такие форсмажорные условия, которые не могут быть одолены никакими человеческими силами»*[127]. Видимо, Товия Симович под давлением внешних обстоятельств переживал в этот год глубокий душевный кризис. Не имея ни работы, ни дома, ни семьи, ни средств к существованию, он жил в это время исключительно научной работой. Лишенец, изгой, изгнанник. Вдобавок ко всему ранней весной 1932 года он заболел сначала гриппом, а потом и бронхитом, чуть не приведшим его к гибели: *«Я заболел гриппом, который перенес на ногах, ибо некому нянчится со мной, а затем у себя в углу моем на постели получил бронхит, ибо постель моя была не только холодная, но и сырая, так как комната, где я живу, ни разу не отапливалась в течение всей зимы, и стены ее были покрыты каплями, как это бывает в стенах бани, и я чуть не*

[126] Там же., 1 (лиц).

[127] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 18.01.1932 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

погиб. Спасибо знакомым моим, у которых я бываю; они не отпустили меня домой и оставили ночевать у себя, пока я не выздоровел»[128].

О том, насколько бедно жил Товия Леви-Бабович в 1932 году, можно судить из того факта, что в апреле Б.Я.Кокенай из Ростова-на-Дону прислал ему 10 фунтов муки. На этот раз бывший севастопольский газзан, с благодарностью принимая дар, уже не говорил о чрезмерной и излишней заботе о нем, как это он делал раньше, когда получал подарки продуктами. Не оставляла в беде рибби Товию и чета Шишманов из Вильнюса, Абрам Яковлевич и Зинаида Иосифовна, присылая ему посылки с продуктами и вещами. В одном из писем А.Я.Шишману вместе со словами благодарности Товия Леви-Бобович пишет следующее: *«Не будь научной работы, которая несколько осмысляет жизнь в моих глазах, да письма моих друзей, которые время от времени вносят луч радости в окошко моего тесного, темного и холодного угла, похожего на тюрьму, а главное, не будь нашей вечной утешительницы (*то есть Торы. *– В.Е.), я бы уже погиб совсем, и я могу повторить с псалмопевцем: «если бы не Тора Твоя – отрада моя, пропал бы я в бедствии моем»»*[129]. К концу ноября Товия Леви-Бабович уже писал, что его положение становится катастрофическим, так как в связи с арестом пекарей хлеб с черного рынка исчез. «Из-под полы продают, но цены не доступные», – писал он в ноябре Б.Я.Кокенаю[130].

В мае 1932 года Товия Леви-Бабович, по его словам, «случайно» взялся за биографию караимского ученого Исаака бен Шеломо эль-Дор (1755–1826), прадеда Б.Я.Кокеная, который оказал ему содействие в этой работе. В сентябре биография была написана во второй редакции, и Товия Леви-Бабович намеревался отправить ее на проверку в Ростов-на-Дону. Еще в начале работы он писал о том, что биография, которую он пишет, ему нравится. В начале лета Товия Леви-Бабович приступил к переводу на русский язык «Дивана» караимского поэта IX века Моше Дераи, написанного на древнееврейском и арабском языках. По словам Товии Леви-Бабовича, он не владел рифмой в русском языке и потому переводил «Диван» в прозе, и только отдельные места в стихотворной форме на караимском (крымскотатрском) языке. Одновременно с этим шла работа над биографией поэта, которая послана в Луцк А.М.Мардковичу для публикации в журнале «Карай авазы». Биография была опубликована в этом же году, но без указания авторства Товии Леви-Бабовича. Сначала биография была краткой и служила лишь предисловием к переводу «Дивана», но со временем сильно разрослась и в феврале 1933 года была уже настолько объемной, что Товия Леви-Бабович подумывал об издании ее отдельной брошюрой. В 1932 году им была написана статья «К вопросу о реформах в области караимского Богослужения». Продолжалась работа над переводом «Материалов».

Вместе с Б.Я.Кокенаем Товия Леви-Бабович обсуждал возможность поселения в Чуфут-Кале с разведением там огородничества, пчеловодства и других

---

[128] Там же.

[129] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 1538. Л. 1 (об). Там же. 1 (лиц).

[130] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 24.11.1932 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

хозяйств. Эта идея принадлежала Б.Я.Кокенаю, но Товия Леви-Бабович и сам давно мечтал о переезде на постоянное место жительства в древний караимский город. Однако с осуществлением этой идеи все было не так просто. *«Но тем не менее избрать Кале местом, если не постоянного жительства, то местом ежегодного продолжительного там пребывания – это было моей давнишней мечтой*, – писал Товия Леви-Бабович. – *Эту мечту я считаю неосуществимой для меня при современных условиях, даже если бы мне теперь была предложена должность смотрителя в Кале. Занимая должность смотрителя, я должен был бы служить рупором для звуков, которые будут постоянно царапать мою душу. Это будет самой жестокой из пыток, каким я только могу быть подвержен»*[131].

Подготовка к отъезду в Каир

К 1933 году положение Товии Леви-Бабовича стало критическим, он уже не только едва сводил концы с концами, но и был на грани голодной смерти. В письме в Каир Мураду Фаррагу он пишет: *«Я в чужом городе чуть не умираю от голода. И если бы не помощь моих собратьев из разных уголков мира, уважающих мой труд на пользу нашего народа, то я бы уже умер»*[132]. Письма в Каир своему другу Мураду Фаррагу Товия Леви-Бабович слал постоянно со времени своего изгнания, но, по его собственным словам, они не доходили до адресата. В это время вся страна переживала тяжелые времена, зимой 1932 года начался сильнейший голод, унесший миллионы человеческих жизней. В декабре этого года вышло постановление о всеобщей паспортизации, основной целью которой была разгрузка переполненных бежавшими крестьянами городов. В ходе паспортизации были установлены режимные зоны, в пределах которых запрещалось выдавать паспорта и проживать неблагонадежным с точки зрения Советской власти лицам. Конечно, «лишенцы» одни из самых первых попадали под удар, оказавшись в режимной зоне, они подлежали немедленному выселению. Поскольку режимные зоны были определены не сразу, а постепенно, в ходе паспортизации, Товия Леви-Бабович долгое время пребывал в неведении относительно своей участи, но готовился к самому худшему – к высылке в Сибирь. *«Боюсь, что мне придется выехать на жительство в холодные края и коротать свою жизнь на чужбине,* – пишет он Б.Я.Кокенаю в феврале 1933 года, – *где нет ни знакомых, ни друзей и не единой родной души, и где или глад, или хлад меня погубит, ибо я не переношу не только голода, но и холода, будь то физический холод, или душевный холод*[133]». Рибби Товия был в отчаянии. Он то собирался ехать к А.Я.Шишману, то писал письмо в Ленинград доктору Абраму Моисеевичу Брамсону, предлагая себя в качестве работника в библиотеке имени

[131] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 23.05.1932 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[132] *Эльгамиль Й.* Гахам Товия Сима Леви-Бабович – последний Гахам караимской общины Египта //Murad al-Qudsi. Just for the Record in the History of the Karaite Jews of Egypt in Modern Times. Lyons, N. Y, 2002. P. 39.

[133] Письмо Т.С.Леви-Бабовича от 14.02.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ответ доктора А.М.Брамсона был отрицательным, в котором говорилось, что «существует определенное законодательство о лишенцах и только им приходится оперировать… в Ленинграде ничего в Вашу пользу сделано быть не может»[134]. Товией Леви-Бабовичем также рассматривался переезд в Чуфут-Кале в связи с восстановлением его в избирательных правах, так как, по его словам, на это давало право пять лет общественно-полезной работы, под которой он под разумевал трудовую деятельность в Чуфут-Кале. И, наконец, Товия Леви-Бобович снова пишет письмо своему другу Мураду Фаррагу в Каир…

По имеющимся у нас обрывочным сведениям сложно восстановить цепь событий, которые привели к избранию Товии Леви-Бабовича в должность *хахам акбар* (глава Духовного Правления в Египте), но мы все же попытаемся это сделать, проанализировав имеющиеся у нас источники. Вероятно, узнав из письма Товии Леви-Бабовича о его бедственном положении, Мурад Фарраг посоветовал ему обратиться в Духовное Правление Каира и предложить себя в качестве учителя. Возможно, Мурад Фарраг сообщил также Товии Леви-Бабовичу о тяжелой болезни пожилого хахам акбар Авраама Когена, в случае смерти которого он мог бы занять его место. Достоверно известно лишь то, что именно Мурад Фарраг был инициатором вызова Товии Леви-Бабовича и какое-то время выступал посредником между ним и Духовным Правлением в Каире.

По сведениям Йосефа Эльгамиля, в феврале 1933 года Товия Леви-Бабович написал письмо в Каир, в котором предложил себя в качестве главы общины и учителя, и 21 марта на заседании Духовного Правления эта просьба была рассмотрена и одобрена. В то же время в нашем распоряжении имеется письмо Товии Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 22 февраля, в самом начале которого написано следующее: *«Получил письмо из Каира: тамошняя община просит меня быть учителем в тамошней общественной школе по караимским предметам, а также митпаллелем»*[135]. Известно, что письмо из Каира было написано уполномоченным караимской общины и членом Духовного Правления Иосифом бен Авраамом Марзуком, который и в дальнейшем будет вести переписку с Товией Леви-Бабовичем. Из этого письма следует, что уже в феврале Духовное Правление приняло решение пригласить Товию Леви-Бабовича на должность учителя и митпаллеля. Заметим, что о приглашении на должность *гахам акбар* в письме речи не шло, и это понятно, потому что занимающий эту должность Авраам Коген в то время был еще жив. О том, как развивались события дальше, нам известно больше, поскольку Товия Леви-Бабович подробно информировал Б.Я.Кокеная о ходе своей переписки с Каиром, которую держал от других в тайне. О том, что Товия Леви-Бабович переписывался с каирскими караимами по вопросу о его переезде в Египет, долгое время знал только Б.Я.Кокенай. Лишь к 1934 году эта новость уже стала достоянием караимской общественности.

---

[134] Там же.

[135] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 22.02.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

22 февраля Товия Леви-Бабович написал сразу два письма: одно Иосифу бен Аврааму Марзуку, в котором дал свое принципиальное согласие; другое – Б.Я.Кокенаю, в котором сообщил ему о письме из Каира. Товия Леви-Бабович планировал выехать в Египет только на время, хотя и догадывался, что, скорее всего, обратно он уже не вернется. С этого времени все происходящее в его жизни рассматривалось им уже в свете предстоящего переезда. Первые письма, написанные Б.Я.Кокенаю после вести из Египта, были исключительно об этом. Также и в дальнейшем в каждом письме он сообщал о ходе своей переписки с Иосифом бен Авраамом Марзуком, которая велась на древнееврейском языке. *«Как мне не должно хотеться покинуть пределы родного Крыма*, – писал он Б.Я.Кокенаю, – *где протекла вся моя жизнь от колыбели и где я надеялся и продолжаю надеяться найти могилу у ног праха моих родителей – в определенный для меня день. Но не столько обстоятельства моей жизни, как бы они для меня не были невыносимы, принуждают меня покинуть (надеюсь на время) родные пределы, сколько желание иметь жизнь, при которой можно было вести ту научную работу в области караимских знаний и истории, в которой я усматриваю смысл и задачу моей жизни, и для которой не дают мне возможности упомянутые обстоятельства»*[136]. Переезд в Египет с одной стороны отрывал Товию Леви-Бабовича от его родной земли, от близких и знакомых людей, с другой стороны – давал надежду на осуществление его давней мечты о создании караимской школы, в которой он мог бы передать свои знания младшим поколениям. *«Об этой школе,* – писал он, – *не престану я мечтать до конца своей жизни и счастливым днем моей жизни был бы день, когда осуществилась бы эта мечта моя»*[137].

Первым делом после получения письма из Каира, Товия Леви-Бабович начал наводить справки о возможных путях выезда за границу. Он узнал, что в случае выезда на постоянное место жительство потребуются большие деньги, а в случае временного выезда нужно будет заплатить в Госбанк 340 рублей золотом. Предвидя бюрократические сложности, Товия Леви-Бабович написал письмо в акционерное общество «Интурист», ближайшее отделение которого находилось в Ялте. В нем он запрашивал о том, может ли «Интурист» взять на себя всю процедуру по выезду за границу. В марте из «Интуриста» пришел ответ, в котором сообщалось, что необходимо отправить по почте паспорт для высылки из Египта визы и выслать 1300 рублей золотом, либо другой валютой, равняющейся этой сумме, вместе с деньгами на дорогу. Со своей стороны «Интурист» обязывался выдать Товии Леви-Бабовичу заграничный паспорт СССР. Этот ответ огорчил Товию Леви-Бабовича по двум причинам. Во-первых, требовалась значительная сумма, которую он достать не мог и не знал, согласится ли каирская община на такие расходы. Во-вторых, «Интурист» не брал на себя никаких обязательств, кроме выдачи заграничного

[136] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 13.03.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[137] Там же.

паспорта, а это значило, что всю процедуру по переезду Товия Леви-Бабович должен был взять на себя. *«Вследствие этого,* – писал он, – *и разных других соображений мне кажется, что кольцо на моей шее остается суженным, как и было раньше»*[138].

В марте-апреле письма из Каира, по словам Товии Леви-Бабовича, приходили «одно за другим», в которых ему предлагали доехать до Одессы, сесть на пароход и приплыть в Каир. Товия Леви-Бабович удивлялся наивности каирских караимов и досадовал на то, что они со своей стороны не предпринимают никаких шагов. Видимо, в Египте плохо представляли себе ситуацию в Советском Союзе и положение самого газзана. Он написал в Каир, что на переезд потребуется около 2000 рублей золотом, но на это ему ответили, что в Одессу из Каира было отправлено на имя «Интуриста» 30 фунтов стерлингов, которых вполне достаточно. Товия Леви-Бабович пребывал в растерянности и не знал, чем закончится все это дело. В мае он узнал, что Симферополь не входит в режимную зону, и опасность быть выселенным миновала.

В мае–июне писем из Каира не было, и Товия Леви-Бабович ожидал их «с нетерпением», желая узнать, на каком решении остановилась каирская община. 6 мая в Каире на 73 году жизни скончался *гахам акбар* Авраам Коген и временно его должность занял Иосиф бен Авраам Марзук. Видимо, с этого времени встал вопрос о приглашении Товии Леви-Бабовича на должность *гахам акбар*. Известно, что на решение этого вопроса повлиял Гахам караимов Польши С.М.Шапшал, поддержавший кандидатуру Товии Леви-Бабовича[139]. В июне рибби Товия неожиданно получил письмо из Поневежа от неизвестного ему Рафаэля Григулевича, в котором тот сообщал, что получил от некоего историка анкету с вопросами о караимах и караимизме и просил заполнить ее. Товия Леви-Бабович согласился, считая себя способным ответить на все вопросы, тем более, что многие ответы находились в его трудах. В июне от Р.Григулевича снова пришло письмо. На этот раз он представился как глава «Союза Поневежской караимской молодежи» и предложил Товии Леви-Бабовичу сотрудничество в написании всеобщей караимской истории[140].

Переписка с Каиром возобновилась в июле месяце, но никаких конкретных действий по переезду Товии Леви-Бабовича египетские караимы в это время не предпринимали. Только в письме от 3 ноября ему было сообщено из Каира, что все необходимые деньги уплачены «Интуристу» в Москве. Извещение от «Интуриста», в котором сообщалось, что деньги на оплату заграничного паспорта (550 рублей золотом) и дорогу в Каир получены, пришло к Товии Леви-Бабовичу в начале декабря. После этого от «Интуриста» пришло еще два письма: одно с опросным листом, который Товии Леви-Бабовичу необходимо было заполнить; другое – с регистрационной карточкой, составленной на основе опросного листа, которую надо было предоставить

[138] Там же.

[139] Из жизни караимов за границей // Караимская мысль. Вильно, 1936. С. 120.

[140] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 26.06.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

в местный иностранный стол. Наконец-то дело пошло. Товия Леви-Бабович стал готовиться к отъезду из родного Крыма, где у него оставались близкие, братья Илья и Марк, сестра Анна и сын Виктор. Как долго он пробудет в Египте, никто тогда не знал и не мог даже предположить, но все понимали, что разлука будет долгой. Хотя Товия Леви-Бабович и строил планы по педагогической и просветительской деятельности в Каире, уезжал он с тяжелым камнем на душе, так как вместе с родиной приходилось прерывать всю ту научно-исследовательскую деятельность, которую он вел на протяжении многих лет, и которая имела крепкие корни именно в России и Крыму. Также Товию Леви-Бабовича беспокоила судьба его неоконченных сочинений, над которыми он работал не один год, таких как «Караимы по данным истории и археологии» и «Обработка караимских фамилий», а также недавно начатого им биографического очерка первого караимского Гахама Симы Соломоновича Бабовича, для которого, по его словам, «накопилось изрядное количество материала»[141]. Естественно, что весь этот материал приходилось оставлять в Крыму, вместе с библиотеками, архивами и личными связями. Единственным утешением для Товии Леви-Бабовича было то, что в России у него оставался преемник в лице Бориса Яковлевича Кокеная, который также занимался сохранением караимских культурных ценностей и в последние годы работал над составлением караимско-русского словаря. В ответ на обещание Б.Я.Кокеная прислать ему свою фотографию, Товия Леви-Бабович пишет, что хорошо послать ее тогда, когда он будет уже в Каире. *«Там я имел бы право сообщить нашим братьям,* – пишет в одном из последних крымских писем, – *что здесь моим заместителем остались Вы, который с достоинством будет продолжать здесь то дело, которому посвящена вся моя жизнь, и в этом я найду некоторое успокоение для моей совести, которая может призвать меня к ответственности за то, что я покидаю родную среду, которую я всегда старался направлять по пути, указанному нашими древними традициями…»*[142].

В марте 1934 года Товия Леви-Бабович получил разрешение на выезд за границу. Правда, вышла небольшая заминка с заграничным паспортом, так как оказалось, что за него надо было заплатить не 550 рублей золотом, а 1100 рублей золотом, в два раза больше. В том, что египетские караимы прислали только половину суммы, по мнению Товии Леви-Бабовича, виноват был «Интурист», не сообщивший всей суммы сразу. Общая сумма, которая была потрачена на переезд севастопольского газзана, составила 2600 рублей золотом – немалые в то время деньги. Еще два месяца пришлось подождать для того, чтобы уладился этот вопрос, и в июне 1934 года Товия Леви-Бабович покинул родные края. 10 июня на пароходе «Франц Меринг» он отбыл из Одессы в Стамбул. Интересно, что на этом же пароходе в Палестину перевозился гроб врача Леона Пинскера, сына еврейского ученого, составившего антологию

[141] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 12.12.1933 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[142] Там же.

средневековой караимской литературы под названием «Ликутей кадмониот». Во время пути Товия Леви-Бабович пользовался всеобщим уважением среди пассажиров благодаря знанию нескольких языков и служил между ними переводчиком. 15 июня он прибыл в Пирей и затем 20 июня в Яффу. Здесь Товия Леви-Бабович был предупрежден Иосифом бен Авраамом Марзуком о том, что англичане не выпустят его в Порт-Саиде и ему придется возвращаться в Одессу. Поэтому в Яффе Товия Леви-Бабович высадился на берег, чтобы продолжить свой путь по суше. На пристани его встретил газзан кенасы Анана бен Давида Ильяго Массуда, вместе с которым Товия Леви-Бабович осмотрел город. После осмотра Яффы поехали в Иерусалим, где обедали в доме Ильи бен Авраама Синани, а на ночь остановились в гостинице. В Иерусалиме, в древней караимской кенасе, Товия Леви-Бабович дважды прочитал бераха о здравии своей семьи и всего народа, осмотрел стены храма Соломона (Стена Плача) и посетил караимское кладбище, на котором прочитал зехер. Так, благодаря обстоятельствам, вынудившим Товию Леви-Бабовича высадиться в Яффе, он стал паломником-хаджи. По мнению израильского исследователя Йосефа Эльгамиля, рибби Товия был высажен в Яффе по заранее составленному плану с целью узнать обстановку в караимской общине Иерусалима. Утром 21 июня Товия Леви-Бабович выехал из Иерусалима и уже к 10 часам вечера прибыл на вокзал Каира[143].

Часть III. КАИР

Рассказ о жизни Товии Леви-Бабовича в Советской России будет неполным без описания его первых дней в Каире, где он окунулся в совершенно другую обстановку, нежели та, которая окружала его в Крыму. В Каире Товию Леви-Бабовича уже давно ожидали и устроили ему торжественный прием. На вокзале он был встречен всем обществом и под общие аплодисменты доставлен в кенасу, которая, несмотря на поздний час, была открыта и заполнена людьми. Здесь были произнесены речи, и в том числе речь самого Товии Леви-Бабовича, которая переводилась на арабский и французский языки. После молитвы Товию Леви-Бабовича отвезли в дом Иосифа бен Авраама Марзука, в котором он остановился до тех пор, пока ему не нашли квартиры. Не стоит думать, что каирские караимы не позаботились заранее о жилье для газзана и Гахама – нет, они хотели, чтобы он сам выбрал удобную для себя квартиру. После недолгих поисков в начале июля караимская община сняла для него квартиру в 5–6 комнат со всеми удобствами (в том числе с ванной), и с прислугой. Квартира находилась рядом с «великолепно построенной», по словам Товии Леви-Бабовича, кенасой Моше Дераи на улице Абассия. Это была одна из двух караимских кенас в Каире, построенная совсем недавно, в 1932 году. Церемония

[143] *Бакал Е., Белый О.* Некоторые исторические документы из архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899–1980) // Материалы Двенадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2005. С. 62–64.

освящения в ней еще не проводилась, так как для этого ждали приезда Товии Леви-Бабовича.

22 июня Товия Леви-Бабович посетил «Хахам-Ханэ» (Духовное Правление), откуда он отправил телеграмму на родину. 2 июля в «Хахам-Ханэ» поприветствовать Товию Леви-Бабовича пришел Паша Йосеф Арслан Катави, президент иудейского общества сефардов в Египте. В этот же день Товия Леви-Бабовича посетил «Бет га-сефер» (училище), где его встречали «с песнопениями и цветами». В училище он отметил плохое знание учениками грамматики древнееврейского языка и сплоченность на национальной и религиозной почве. Вскоре в этом училище, в котором обучалось около 300 учеников и учениц, он будет давать уроки древнееврейского языка. Фактически с первых дней Товия Леви-Бабович вступил в обязанности Гахам акбар. Уже 5 июля во главе с выборными-«мангигами» общины, он разбирал в «Хахам-Ханэ» два семейных дела. Богослужения Товия Леви-Бабович поочередно проводил в обеих кенасах. В первые же дни в Каире он ввел некоторые изменения во внутренней жизни общины. Он запретил разговаривать и переходить с места на место в кенасе во время богослужения и распорядился, чтобы в метрические книги записывали родившихся девочек также как и мальчиков, чего до него не делали. Об этом было объявлено в кенаса еще 30 июня[144].

Так началась новая жизнь Товии Леви-Бабовича в чужой стране, где он встретил самый радушный прием, нашел почет и уважение, и признание своих способностей. И навсегда закончилась жизнь на родной крымской земле, где его гнали и притесняли, и где ему пришлось пройти множество испытаний.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 12 (21) – Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 16 (25)

[144] Письма Т.С.Леви-Бабовича (машинописная рукопись) // Архив Д.М.Гумуша. «Карай Битиклиги»; *Бакал Е., Белый О.* Некоторые исторические документы…С. 62–64; *Кокенай Б.Я.* Записки по этнографии караимов Крыма (машинописная рукопись) // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

Вячеслав
Ельяшевич

ВЕРНОПОДДАННЫЕ СВОЕГО НАРОДА: МОИСЕЙ САМУИЛОВИЧ И САМУИЛ МОИСЕЕВИЧ НЕЙМАНЫ

Памяти Анатолия Викторовича Хаджи, праправнука Моисея Самуиловича Неймана и правнука Самуила Моисеевича Неймана, посвящается

Происхождение фамилии

Человеческая верность ценилась у всех народов и во все времена. Верность своему слову, верность идеалу, верность принципу, верность другому человеку, наконец, верность самому себе делает человека независимым, сильным и устойчивым к ударам судьбы, подобно тому, как золото не подвержено влиянию внешней среды. Но верность ценится еще дороже, чем золото, потому что никаким золотом невозможно подкупить верного и преданного человека.

Караимская фамилия Нейман (оригинальная форма – Нээман), происходящая от древнееврейского корня «аман», имеет несколько значений: «верный», «надежный», «преданный», «поверенный», «доверенный»[1]. Сохранилось предание, рассказывающее о том, как появилась эта фамилия. Некогда в городе Кефе, современной Феодосии, проживал караим Самуил по фамилии Бараш, который был известен своей честностью и пользовался полным доверием не только среди караимов, но также и среди местного татарского населения. Однажды один богатый татарин оставил у Самуила Бараша на хранение мешок золотых монет, не сообщив об этом никому, даже своим наследникам, и вскоре после этого внезапно умер. Тогда честный Самуил Ба-

[1] Существует версия, согласно которой караимская фамилия Нэйман происходит от этнонима найман – кочевого народа Центральной Азии, что указывает якобы на этническую связь между караимами и найманами. Такая версия выглядит неубедительной по нескольким причинам. Во-первых, трудно предположить существование связи между караимами и народом найманов, проживающим от мест обитания караимов за тысячи километров. Во-вторых, еврейской графикой фамилия пишется точно так же, как слово древнееврейского языка «нээман», а не как тюркское «найман», то есть без буквы «йуд», соответствующей букве «й». Для сравнения можно привести караимскую фамилию Шайтан, которая еврейской графикой всегда пишется с буквой «йуд». Русской графикой фамилия также пишется не в форме Найман, а в форме Нейман. В-третьих, носителями фамилии были также евреи и крымчаки, об этнических и культурных связях которых с народом найман говорить не приходится. Справедливости ради надо сказать, что в Крыму, где проживали караимы, был довольно распространен топоним Найман, от которого гипотетически и могла произойти фамилия. Но как будет показано ниже, фамилия Нейман имеет совсем другие корни.

раш сам разыскал наследников умершего богача и отдал им мешок с золотом. Весть об этом поступке разнеслась по всей округе и дошла до караимского Гахама Симы Соломоновича Бобовича, который дал распоряжение газзану общины Кефе заменить фамилию Самуила Бараш на Нээман (Нэйман), то есть «преданный»[2].

С заменой фамилии Бараш на фамилию Нейман связан один эпизод, который был хорошо известен феодосийским караимам в начале прошлого века. Однажды, сын Шемуэля (Самуила) Неймана, Иосиф Самуилович Нейман, которого лично знавший его Т.С.Леви-Бабович охарактеризовал как «человека высокого духа и честности», отправился по торговым делам в Одессу. В то время, когда Иосиф Нейман был в Одессе, к нему из Феодосии с телеграммой обратился местный богач Шомалак Исаакович Хаджи и в тексте телеграммы указал его бывшую фамилию Бараш. Иосиф Нейман не остался в долгу. В ответной телеграмме он вместо «Шомолаку Исааковичу Хаджи» написал «Шомалаку Исааковичу Какауру», употребив старинную фамилию феодосийских Хаджи. Долго почтальону пришлось разыскивать адресата, пока один старый караим не сказал ему, что телеграмму надо доставить Шомолаку Исааковичу Хаджи[3].

Родоначальники Самуил и Вениамин Ага

Согласно «Караимскому биографическому словарю» Б.С.Ельяшевича происхождение фамилии Нейман связано с личностью Самуила бен Авраам Ага – одного из видных караимских деятелей второй половины XVIII века (сравните – Самуил из предания). *«Шемуэль-Ага бен р. Авраам (1717–1770); эрбы; прозванный "Неэман" за свою необычайную верность; он же родоначальник караимской фамилии "Нейман"...»* – читаем мы в словаре[4]. В воспоминаниях С.Ш.Пигита о детстве, проведенном в Чуфут-Кале, есть интересный рассказ о жизнедеятельности этого выдающегося человека своего времени. Самуил бен Авраам (у С.Ш.Пигита – Самуил-Ага) родился и вырос в Чуфут-Кале, но из-за конфликта, возникшего между ним и представителями знатного рода Челеби, вынужден был покинуть родной город и переселиться в Кефе (Феодосию), которая входила в состав уже другого государства – Османской империи. В Кефе Самуил бен Авраам поступил на службу в казначейство, а впоследствии был назначен казначеем и получил придворное звание «ага». Спустя годы Самуил бен Авраам затосковал по своей родине и решил во что бы то ни стало вернуться в Чуфут-Кале. Найдя себе хорошую замену, он отпросился у турецкого паши (у С.Ш.Пигита – хана) и вернулся домой вместе с его рекомендательным письмом крымскому хану. Ознакомившись с письмом, хан тут же назначил Самуила бен Авраама заведующим царской казной[5]. Так Самуил бен Авраам стал одним из первых лиц в Крымском ханстве.

---

[2] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 24.04.1926 // Архив Д.М.Гумуша. «Карай Битиклиги».

[3] Там же.

[4] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XIV. Караимы. Кн. 2. Ч. 1. М., 1993. С. 69.

[5] Дни минувшие (Из воспоминаний С.Ш.Пигита) // Караимская жизнь. Кн. 7. М., 1911. С. 43–47.

Сложно сказать, что в этом рассказе правда, а что домысел. Однако тот факт, что Самуил бен Авраам Ага (далее – Самуил Ага) был ханским казначеем, возможно, находит подтверждение в ханском ярлыке, данном некому «караиму Шамуилу» в 1770 году (1182 Гиджры) с предоставлением ему аренды ханского монетного двора[6]. Вскоре после получения этого ярлыка Самуил бен Авраам Ага (допустим, что это был он) умирает, и в заведование казной вступает его сын Вениамин Ага – *«выдающийся государственный деятель в Крыму при двух последних татарских ханах и великий вождь и радетель крымских караимов своего времени»*, как описал его в «Словаре» Б.С.Ельяшевич[7]. На одной из памятных досок, находящихся во дворе кенас Евпатории о Вениамине Ага сказаны следующие слова: *«Царский начальник, казначей, заместитель, занял место своего отца, встал на пьедестал его. Один из двенадцати князей, повелитель, сатрап, все они товарищи, ревностные к исполнению его приказания. И когда они ставили царя своего Шахин Гирея, тогда также и он запечатлел свое имя перстнем своим. Все государственные монеты чеканились через него, что доверено ему было Шахин Гиреем. Он ежедневно лицезрел царя, не спрося разрешения, потому что Шахин Гирей так повелел, чтобы оказать ему почет»*[8]. По Б.С.Ельяшевичу Вениамин Ага также является родоначальником фамилии «Нейман». «При Шагин-Гирей хане, – пишет он – Вениамин Ага служил главным министром и заведующим государственным монетным двором и играл первостепенную роль во всех государственных и политических делах и совещаниях его»[9].

Опять же, согласно словарю Б.С.Ельяшевича, надежному и проверенному источнику по биографиям известных караимских деятелей, Моисей Самуилович и Самуил Моисеевич Нейманы являются потомками Самуила и Вениамина Ага[10]. В то же время имеются сведения о том, что Самуил Моисеевич Нейман является потомком Ясафа-Ага, которому в 1780 году (1192 Гиджры) последним крымским ханом Шахин Гераем был выдан ярлык на устройство нового монетного двора[11]. В предисловии к тексту ханского ярлыка, опубликованного в 1912 году в журнале «Караимская жизнь» (в переводе В.Д.Смирнова) сказано, что Ясаф-Ага был прозван *«га-сар га-нээман» (преданный начальник)* (выделено мной. – *В.Е.*). Точно также именовались Самуил Ага и Вениамин Ага. В списке подписчиков на издание книги «Сефер га-Мивхар» имя Вениамина Ага записано следующим образом: «Господин наш и венец головы нашей, почтенный господин и рибби Биньямин, ученый, *сар га-нээман*[12] (выделено мной. – *В.Е.*), рав, учитель праведности, образованный, (глава) в изгнании, душа его в

---

[6] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. Издание З.А.Фирковича. СПб., 1890. С. 102–103.

[7] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь…Ч. 2. М.,1993. С. 23.

[8] Памятная доска Вениамину Ага и Исааку бен Шеломо. № 53 по нумерации Р.Я.Кальфа / перевод Р.Я.Кальфа с редакцией автора (неизданное).

[9] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… Ч. 2. М.,1993. С. 23–24.

[10] Там же. С. 149, 151.

[11] Ханский ярлык Ясафу-Ага // Караимская жизнь. Книга 12. М., 1912. С. 57–58.

[12] Это выражение оставлено без перевода (перевод с древнееврейского языка В.А.Ельяшевич).

саду Эден, сын господина нашего венца головы нашей почтенного господина и рибби Шемуэля, ученого, *сар га-нээман* (выделено мной. – *В.Е.*), учителя праведности, покой его будет славой»[13].

Как следует из многочисленных архивных документов, выражение *сар га-нээман* было не просто красивым эпитетом, а официальным титулом, которым, кроме представителей фамилий Нейман и Ага, именовались только караимские Гахамы. Например, в упомянутом выше списке подписчиков титул «сар га-нээман», кроме Самуила Ага и Вениамина Ага, имеет только Гахам Сима Соломонович Бобович. А.С.Фиркович в книге «Авнэ зиккарон» сообщает нам, что этот титул соответствовал придворному званию «ага» у крымских татар[14]. Звание «ага» (то есть «старший») носил человек, имевший должность при дворе крымского хана и калги-султана. Как титул «ага», так и титул «сар га-нээман», вероятно, дали начало двум караимским фамилиям Нейман и Ага.

На основе всего вышесказанного можно прийти к выводу, что родоначальником обеих фамилий являлся караим Самуил Ага. Самому Самуилу Ага его титул, скорее всего, еще не служил фамилией, а вот его сын Вениамин получил в наследство от отца не только почетную должность, но и уважительно прозвище Ага. И только для детей Вениамина Ага, которые не занимали никаких придворных должностей, прозвище Ага служило фамилией в полном смысле этого слова. В «Авнэ зиккарон» упоминаются дети Вениамина Ага, Давид Ага и Асаф Ага, о которых говорится, как о детях «Вениамина Ага, начальника преданного» (сар га-нээман)[15]. Известно также, что у Асафа Ага был сын Биньямин Ага, который умер в 1899 году в возрасте 70 лет – его памятник ныне находится в лапидарии комплекса караимских кенас Евпатории. Отсюда можно сделать вывод, что прозвище Нээман не стало фамилией для потомков Самуила Ага по линии его сына Вениамина. Возможно, фамилию Нейман стали носить потомки другого сына Самуила Ага, которым мог быть упомянутый выше Ясаф Ага. В том случае, если Ясаф Ага был братом Вениамина Ага, объясняется родство Самуила Моисеевича Неймана и с Вениамином Ага, и с Ясафом Ага. А тот факт, что ханский ярлык Ясафа Ага хранился у С.М.Неймана (в предисловии к ярлыку он назван потомком Ясафа Ага), наводит на мысль о прямом родстве между этими двумя людьми.

Происхождение фамилии Нейман от титула «сар га-нээман» можно проследить в родословной Исаака Авраамовича Неймана на стеле, установленной в мраморном дворике караимских кенас Евпатории. Прадедом Исаака Неймана назван некто Самуил, о котором сказано, что он был человеком ученым и газзаном, автором сочинения «Ир ктана»; его дедом назван Иосиф Ага, к имени которому добавлено звание «гевир» и титул «сар га-нээман»; отцом же Исаака Неймана назван Авраам Нейман, о котором сказано, что он был габбаем и образованным человеком. О самом Исааке Авраамовиче Неймане сказано, что он был «гевиром и благотворителем», родился в Евпатории в 1815 году и умер в 1883

[13] Сефер Гамивхар, т. е. коментар на 5 Книг Моисеевых. Сочинение главного караимского рабина Арона сына Иосифа. Евпатория. 1835. Лувах хаверим.

[14] *Фиркович А.С.* Сефер Авнэ Зиккарон. Вильна, 1872. С. 36.

[15] Там же. С. 26, 34.

году. Как видим, прадед Исаака Авраамовича Неймана, Самуил, не имеет в надписи никаких титулов, кроме указания на его ученость и должность газзана. Его дед Йосеф назван Ага и одновременно «сар га-нээман», а отец Авраам уже имеет фамилию Нейман. Сам Исаак Авраамович назван Неймаком по отцу, то есть его имя записано так: «Исаак, сын Авраама Неймана»[16].

Памятник Биньямину бен Асаф бен Биньямин Ага (умер в 1899 г. в возрасте 70 лет) в Лапидарном дворике комплекса кенас Евпатории. *Фото В.А.Ельяшевича*

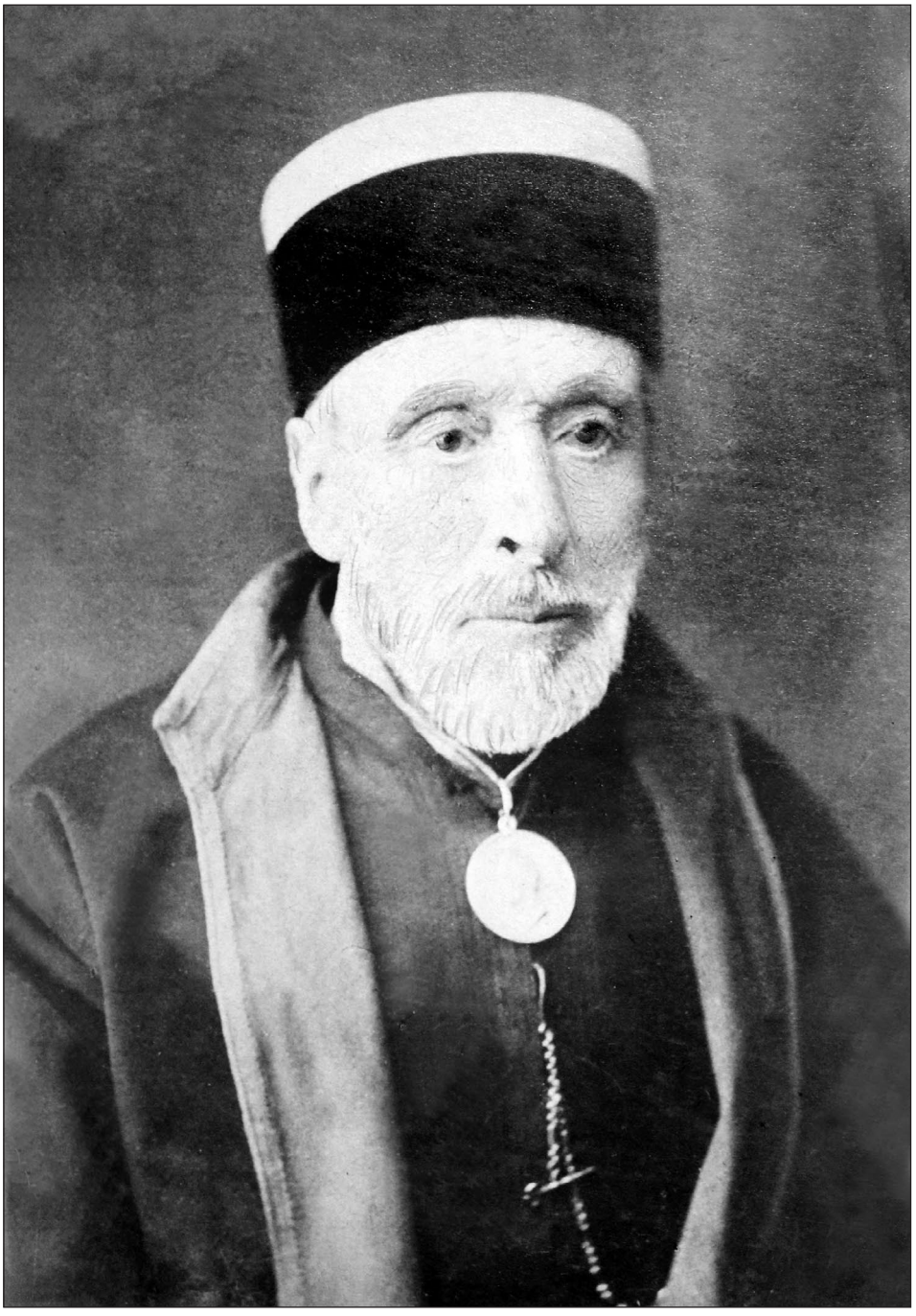
Кстати, эта родословная интересна для нас в связи с ее отношением к рассматриваемому нами роду Нейманов. Является ли упомянутый в родословной Иосиф Ага одним лицом с Ясафом Ага? Скорее всего, что нет, так как Иосиф Ага приходится сыном ученому и газзану Самуилу бен Вениамину[17], но никак ни Самуилу бен Аврааму Ага. По всей видимости, речь идет о двух разных родах Нейманов. Возможно, что эти два рода Нейманов пересекались между собой и тогда Моисей Самуилович Нейман и Самуил Моисеевич Нейманы вполне могли вести родство с Самуилом и Вениамином Ага по материнской линии. Во всяком случае, личность Ясафа Ага для нас еще не совсем ясна, и родство с ним Самуила Моисеевича Неймана по прямой линии является пока только предположительным.

В книге «Авнэ зиккарон» рассказывается о встрече ее автора Авраама Фирковича в 1839 году в Евпатории с габбаем почтенного возраста Самуилом Нейманом, отца которого Шахин Герай назначил на придворную должность[18]. Вероятно, упомянутый Самуил Нейман был сыном Ясафа Ага, занимающего должность казначея при Шахин Герае, и внуком Самуила Ага. Ведь если бы он был сыном Вениамина Ага, также занимавшего придворную должность при Шахин Герае, то об этом было бы обязательно упомянуто. Значит, он вполне мог быть отцом Моисея Самуиловича Неймана, родившегося в 1814 году в Евпатории, и дедом Самуила Моисеевича Неймана, родившегося в 1844 году.

Моисей Самуилович Нейман

Сын Ясафа Ага, по нашему предположению, Самуил Иосифович Нэйман, был габбаем караимской общины Евпатории, как это видно из книги «Авнэ зиккарон», и скончался в 1843 году.[19]

[16] Памятная доска И.А.Нейману. № 15 по нумерации Р.Я.Кальфа.
[17] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… Кн. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 69–70.
[18] *Фиркович А.С.* Сефер Авнэ Зиккарон. Вильна, 1872. С. 36.
[19] Там же. С. 240.

Моисей Самуилович Нейман.
ЕКМ

Сын Самуила Неймана, Моисей Самуилович Нейман, или как его имя указано в «Формулярном списке» Моше Шамуилович Нейман, родился в 1814 году в Евпатории[20]. Принадлежал к сословию мещан, получил традиционное караимское образование в мидраше и домашнее образование по русскому языку. Служебная карьера Моисея Самуиловича Неймана началась в возрасте 34 лет, когда 1 января 1848 года он был избран на 3 года ратманом (выборным членом) в Евпаторийский городовой магистрат. В его послужном списке указано, что 23 января 1851 года «за усердную полезную беспристрастную службу и за склонение тяжущихся к миру и попечение о пользах сирот, находящихся в ведомстве Сиротского Суда» он получил от Евпаторийского общества похвальный лист. 1 января 1851 года Моисей Нейман был утвержден габбаем караимской общины Евпатории и в этой должности «содействовал к улучшению Караимской Синагоги». С 1851-го по 1858 год состоял смотрителем караимских мидрашей (училищ), которых было четыре в Евпатории. Как отмечено в формуляре его попечением более сорока мальчиков из бедных семей получили возможность бесплатного обучения.

В 1853 году началась Крымская война, ареной боевых действий которой стал Западный Крым с двумя городами Севастополем и Евпаторией. 15 апреля 1854 года вражеский англо-французский флот подошел к берегам Евпатории, вызвав панику среди ее населения – «жители многие, побросав свои дома и имущество, разбежались или разъехались по разным местам и деревням»[21]. Оставленное людьми имущество стало легкой добычей для воров, и в городе начался хаос и беспорядок. Как следует из свидетельства, выданного в 1857 году Евпаторийской городской полицией Почетному гражданину Моше Пампулову, Евпаторийскому 2-й гильдии купцу Моше Луцкому и бургомистру Евпаторийского городового магистрата евпаторийскому мещанину Моше Нейману, все трое *«вооружившись ружьями, пистолетами, саблями, собрав значительное число вооруженных также граждан из караимского и греческого сословия, содействовали в продолжение целой ночи к восстановлению в городе порядка, устраняя сколько представлялось им возможным, безчинства, ссоры, драки, а главное же, воровства»*[22]. Известно также, что в начале Крымской войны стараниями Моисея Неймана двадцать бедных караимских семей были вывезены из Евпатории за пределы Крыма[23].

Моисей Нейман избирался кандидатом на пост бургомистра в 1854, 1855 и 1856 годах. 7 августа 1856 года он был выбран бургомистром на 3 года, и по истечении этого срока 1 января 1858 года был переизбран еще на 3 года. В общей сложности Моисей Нейман был бургомистром Евпатории с 1856-го по 1861-й год. Во время службы бургомистром «за оказание по службе отличия» был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. В 1861 году приобрел звание степенного гражданина, которое присваивалось отличившимся

[20] Здесь и далее приведены сведения из «Формулярного списка о службе младшего газзана Евпаторийской Караимской Синагоги Моше Самуиловича Неймана» – ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 108–112.

[21] ГАРК. Ф 241. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.

[22] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

[23] Там же.

по службе бургомистрам. С 1863 по 1866 год Моисей Нейман работал преподавателем древнееврейского языка в караимском мидраше Евпатории.

К 1867 году Моисей Нейман переезжает на место жительства в город Бахчисарай. Здесь с 1867 по 1879 год он также работал преподавателем древнееврейского языка. В Бахчисарае произошел случай, который очень напоминает нам феодосийское предание. Вдова бахчисарайского купца Якова Кефели Сарра Кефели тайно передала Моисею Нейману на хранение шкатулку с драгоценностями на сумму 6000 рублей. Эту шкатулку, видимо, после смерти супругов Кефели, Моисей Нейман представил Бахчисарайскому городскому сиротскому суду, за что 4 декабря 1879 года получил от его председателя благодарность.

С начала 80-х годов Моисей Нейман вновь в Евпатории, где с 1882 года вступил в должность младшего газзана. 26 мая 1882 года он назначен членом Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. По сведениям Б.С.Ельяшевича, Моисей Нейман скончался 5 апреля 1894 года в Евпатории в возрасте 80 лет[24].

Известный караимский деятель Илья Ильич Казас посвятил Моисею Самуиловичу Нейману следующее стихотворение, опубликованное в его книге «Йелед шаашуим»:

Моему господину Моисею Нейману

Тетрадка, где твоей рукой
Записан «Антицизмос» Шамдала[25],
А также «Ми камоха» Галеви[26],
Однажды к твоему слуге попала.
Тебя вовек благодарить
Уста мои не перестанут
И милости твои благословить,
Фонтан которых не иссякнет.
Ты просьбе бедного внимал,
Давал душе его отраду,
Рассказом мудрым поучал
И утешал его в печали.
В глазах твоих не меркнет свет,
Как свет полуденного рая,
Сияет ярко он вовек,
Заката старости не зная.
Блажен похожий на тебя
В благословенье Божьем.
Господь, душой тебя любя,

[24] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… Кн. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 149.

[25] Шамдал – акроним еврейского филолога и поэта Шемуэля Давида Луцато (1800–1865).

[26] «Ми камоха» («Кто как Ты») – стихотворение средневекового еврейского поэта и философа Йегуды Галеви.

Твои лета еще умножит.
С высот небесных Он прольет
Дождь милости и благодати,
Спасение тебе пошлет
От немощи и от болезни.
Орлу подобно силы обновишь,
Подобно Моисею, видевшего Бога,
Ты крепко на земле стоишь,
Душою млад и крепок духом.
Еще споешь ты в полный голос песню,
Доставив радость человеческому сердцу[27].

Моисей Самуилович Нейман был отцом большого семейства. Дважды был женат. Его первой женой была Рахиль, дочь видного караимского законоучителя Авраама Абен Яшара Луцкого (1793–1855)[28]. Их дети: первенец, Самуил, названный в честь деда, родился в 1844 году, Иосиф – в 1846 году, Вениамин – в 1848 году, Юфуда – в 1851 году, Шаббетай – в 1855 году и году и Алтын – в 1858 году. Шаббетай не прожил и месяца, скончавшись в июне 1855 года. Как свидетельствуют архивные материалы, у М.С.Неймана был еще один сын Товиэль, который родился в 1853 году и умер в 1862 году[29]. О первом сыне Моисея Самуиловича, Самуиле, мы еще поговорим подробнее. Второй сын Моисея Самуиловича, Иосиф, переехал в Одессу и стал купцом 1-й гильдии. С 1888 года исполнял должность габбая караимской общины Одессы и в течение восьми лет состоял директором «Общества распространения просвещения и взаимного вспомоществования»[30].

Второй женой Моисея Самуиловича была Анна Рофе, дочь симферопольского мещанина Авраама Рофе. Их дети: Товиэль, родился в 1863 году, дочь Шеломит – 1865 году, Авраам – в 1867 году, Ганука – в 1869 году, дочь Рахель – в 1873 году, дочь Гулеф – в 1875 году, и последний, Ананиэль, – в 1880 году, когда Моисею Самуиловичу было уже 66 лет.[31]

Как сообщает Б.С.Ельяшевич в «Караимском биографическом словаре», Моисей Самуилович Нейман был автором многих проповедей и стихотворений, и даже богословских трудов, которые, к сожалению, не сохранились. *«Занимаясь в течение десятков лет преподавательской деятельностью*, – пишет Б.С.Ельяшевич, – *Моисей Самуилович принес большую пользу своему народу не только в качестве образованного учителя, просвещавшего караимскую молодежь в строго национальном духе, но и как отец, вырастивший и воспитавший пять сознательных и глубоко преданных своей нации человек»*[32].

Одним из этих людей был Самуил Моисеевич Нейман. Этот тщедушный

[27] Йелед шаашуим. Собрание еврейских стихотворений И.Казаса. Одесса, 1910. С. 87–88. Перевод с древнееврейского В.А.Ельяшевича.
[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Ф. 241. Д. 4. Л. 29 (об).
[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1.
[30] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 588. Л. 5, 4–6.
[31] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 109-110.
[32] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… Кн. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 149–150.

человек маленького роста, хорошо знакомый караимам по фотографиям караимских съездов и встреч начала XX века, нес на своих хрупких плечах огромный груз обязанностей не только по отношению к караимской общине Евпатории, но одно время и ко всем караимам Российской империи. Расскажем, что нам известно о нем.

Самуил Моисеевич Нейман

Самуил Моисеевич Нейман родился в Евпатории 25 августа 1844 года[33]. В шестнадцать лет закончил обучение в местном мидраше со званием рибби, «выдержал испытание на звание учителя караимского языка при караимских училищах», о чем получил свидетельство Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления от 16 марта 1860 года. Далее в его послужном списке имеется значительный пробел вплоть до 1895 года. Чем же занимался Самуил Нейман на протяжении 35 лет, и почему его деятельность не отмечена в формуляре? Благодаря архивным материалам караимской национальной библиотеки в Евпатории «Карай Битиклиги» стало известно, что все это время или почти все это время Самуил Нейман проживал в городе Николаеве, где предположительно занимался коммерцией. Во всяком случае, из писем Моисея Неймана следует, что его сын Самуил Нейман жил в Николаеве как минимум с 1868 года и до самой смерти отца в 1894 году. В 1873 году Самуил Нейман женился на Алтын Исааковне, также урожденной Нейман.

После смерти отца, занимавшего должность младшего газзана в Евпатории, 25 ноября 1894 года Самуил Нейман был избран евпаторийской караимской общиной на эту же должность. Вероятно, он прибыл в Евпаторию в самом начале 1895 года. 27 января 1895 года он был утвержден в должности Таврическим губернским правлением, а 31 января этого же года назначен третьим членом Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления[34], несмотря на то, что в члены правления избирались только старшие газзаны большой и малой кенасы. Дело в том, что единственным газзаном в евпаторийской караимской общине в то время остался Авраам Моисеевич Ефет, который был переведен в Евпаторию из Одессы в 1867 году. За отсутствием второго старшего газзана и двух младших газзанов Самуил Нейман и был назначен сразу на две должности. После смерти Авраама Ефета в 1896 году, он был назначен исправляющим должность старшего газзана большой кенасы, каковую исполнял до приезда в 1898 году из Полтавы Симхи Хилькиевича Дубинского. С 1896 по 1898 год Самуил Нейман был единственным газзаном в Евпатории и вторым после Гахама должностным лицом в Таврическом и Одесском Караимском Духовном Правлении (ТОКДП).

С учреждением в 1895 году Александровского караимского духовного училища (АКДУ) по ходатайству И.И.Казаса 15 августа 1896 года Самуил Ней-

[33] Здесь и далее приведены сведения из «Формулярного списка о службе старшего газзана Евпаторийской караимской синагоги Самуила Моисеевича Неймана» – ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 178–186.

[34] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 629. Л. 1, 11.

ман был назначен в нем на должность преподавателя караимского вероучения и древнееврейского языка. В этой должности Самуил Нейман пробыл до 1903 года. Из архивных документов известно, что в первые годы существования нового училища Самуил Нейман вел 9 уроков в неделю и получал 270 рублей в год[35]. Его учениками были будущие газзаны, такие известные личности, как Аарон Ильич Катык, Борис Саадьевич Ельяшевич и Исаак Юфудович Ормели. Вот какую характеристику дал Товия Симович Леви-Бабович Самуилу Нейману как наставнику и учителю: *«Являясь одним из старейших наших газзанов и обладая большим опытом и обширными сведениями, С.М.Нейман для многих из наших Газзанов, в особенности таких сравнительно молодых Газзанов, как я, служил всегда своего рода путевой звездой. К нему мы прибегали во всех случаях, когда между нами возникали какие-нибудь недоразумения, к нему мы обращались как к своего рода оракулу, и Самуил Моисеевич, всегда без замедления, без задержки любезно разъяснял все наши недоразумения, преподавал нам свои всякие указания»*[36].

По словам Т.С.Леви-Бабовича, Самуил Нейман был «редким библиофилом», а собранная им библиотека считалась у караимов одной из самых лучших. Самуил Нейман не только любил читать и собирать книги, но и сам обладал литературным талантом. Вот, что сказал о нем в надгробной речи Т.С.Леви-Бабович: *«Обращал на себя особое внимание красивый стиль почившего. И я постоянно с большим наслаждением читал и перечитывал его письма и послания, всегда задавая себе вопрос, как это Самуил Моисеевич сумел создать такой красивый стиль на таком малокультурном языке, каким является наш обиходный тюркский язык»*[37]. Отличное знание Самуилом Нейманом караимского (крымскотатарского) языка отмечает также биограф Б.С.Ельяшевич.

В 1899 году согласно предписанию Управляющего Министерством народного просвещения Самуил Нейман назначен законоучителем караимского вероучения в Евпаторийскую прогимназию. В 1902 году в связи со смертью старшего газзана большой кенасы Симхи Хилькиевича Дубинского назначен исполняющим должность старшего газзана до избрания на эту должность нового лица. Однако справляться уже немолодому Самуилу Нейману с двумя ответственными должностями было трудно, и поэтому 26 июля 1903 года он подал прошение об увольнении его с должности преподавателя в АКДУ. Это прошение было удовлетворено, и 1 августа к исполнению обязанностей преподавателя был допущен его бывший ученик Б.С.Ельяшевич[38]. На заседании Попечительного Совета АКДУ, состоявшегося 10 августа 1903 года, Самуилу Нейману была выражена благодарность за семилетнюю усердную и полезную службу по должности преподавателя «караимского вероучения и древне-библейского языка».

С 1902 года, оказавшись вновь единственным газзаном в Евпатории, Са-

[35] ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 23. Л. 15–16.

[36] Речь настоятеля Севастопольской караимской кенасы Т.С.Леви от 31.01.1916 // Из личного архива А.В.Хаджи.

[37] Там же.

[38] ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 68.

муил Нейман неоднократно исполнял должность караимского Гахама во время отъездов последнего. Так, например, известно, что Самуил Нейман исполнял должность Гахама с 10 июня по 28 июля 1902 года. Далее: с 23 декабря 1902 года по 17 января 1903 года, с 6 мая по 6 июня 1903 года, с 23 мая по 31 июня 1905 года, с 20 сентября по 27 октября 1905 года, с 13 апреля по 15 мая 1908 года, с 2 марта по 6 апреля 1910 года, с 14 марта по 15 апреля 1911 года.

При этом надо отметить, что на протяжении многих лет (с 1902 по 1915 год), будучи единственным газзаном в такой многочисленной караимской общине; как евпаторийская, и заменяя в случае надобности Гахама С.М.Панпулова, Самуил Нейман официально оставался до 1912 года в должности всего лишь младшего газзана. Б.С.Ельяшевич объясняет это тем, что Гахам С.М.Панпулов считал Самуила Неймана недостойным звания старшего газзана и потому не назначал его на эту должность[39]. Подобное объяснение Б.С.Ельяшевича можно поставить под сомнение, так как Самуил Нейман был достаточно образован для должности старшего газзана, кем defacto он и являлся. Вообще Б.С.Ельяшевич дает Самуилу Нейману довольно уничижительную характеристику, сообщая, что его «единственным положительным качеством» было «отличное знание родного караимско-тюркского языка и замечательный канцелярский почерк».

Однако то, что Самуил Нейман не избирался старшим газзаном именно по воле Гахама С.М.Панпулова, скорее всего, вполне соответствует действительности. Об этом нам говорит тот факт, что вскоре после смерти Гахама 31 декабря 1911 года Самуил Нейман по избранию караимской общины Евпатории 6 июля 1912 года Таврическим губернским правлением был утвержден старшим газзаном Большой кенасы с годовым содержанием в 2400 рублей. О назначении Самуила Неймана была опубликована заметка в журнале «Караимская жизнь», где сообщается следующее: *«Как известно, в течение многих лет М.С. (*ошибка, надо читать С.М. – *В.Е.) состоял ближайшим помощником покойного гахама С.М.Панпулова, принимая близкое участие в делах духовного правления. В настоящее время С.М. исполняет обязанности гахама, неся один все заботы по заведыванию духовным правлением в такое горячее время для караимов, как теперь, когда на очереди снова вопрос о гахамских выборах. В лице С.М. мы имеем добросовестного и серьезного труженика, которому, пользуясь случаем, пожелаем сил и энергии для дальнейшей работы на родной ниве»*[40].

После смерти С.М.Панпулова Самуил Нейман стал временно исполняющим обязанности Гахама, а с 9 апреля 1912 года указом Таврического губернского правления он был официально допущен к исправлению должности Таврического и Одесского караимского Гахама, в каковой должности пробыл до избрания С.М.Шапшала в 1915 году. Словно неведомой рукой Самуил Нейман был вынесен на самый верх караимской должностной иерархии и встал во главе всего народа. О деятельности Самуила Неймана в должности Гахама сказано в

[39] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… Кн. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 150.

[40] Хроника текущей жизни. Евпатория. Избрание и утверждение С.М.Неймана // Караимская жизнь. Кн. 12. М., 1912. С. 88–89.

Национальный караимский съезд в Евпатории в 1910 г.
Самуил Моисеевич Нейман сидит в переднем ряду 4-й слева.
Фото из журнала «Караимская жизнь» (1911, № 1)

надгробной речи Т.С.Леви-Бабовича: *«Самуил Моисеевич был весьма необходимым и незаменимым человеком для нашего Духовного правления. Весь архив Духовного правления помещался в его изумительной памяти, и все дела и решения, когда либо возникшие и последовавшие в здании Духовного правления – все это он помнил и знал как свои пять пальцев… Без преувеличения можно сказать, что если бы не было Самуила Моисеевича, то его нужно было бы создать для Духовного Правления»*[41].

Как исполняющий должность караимского Гахама согласно уставам АКДУ и Караимского ремесленного училища С.Когена Самуил Нейман был назначен председателем Попечительного совета этих учебных заведений. В то же время он оставался единственным газзаном в Евпатории, и потому вопрос об избрании второго газзана широко обсуждался в караимском обществе. «…Настоящее положение вещей, – писал А.Алты-Ока из Евпатории в редакцию «Караимской жизни», – когда и. д. газзана С.М.Нейману приходится замещать и Гахама, и газзана и всю коллегию Духовного Правления, совершенно ненормально и далее продолжаться не должно»[42]. И хотя были кандидаты на эту должность, давшие свое согласие, А.И.Катык и Б.С.Ельяшевич, тем не менее их назначение решили отложить до выборов Гахама. Тем временем выборы Гахама, проходившие каждый год с 1912-го по 1915 год, не давали никакого результата, так как все кандидаты отказы-

[41] Речь настоятеля Севастопольской караимской кенасы Т.С.Леви от 31.01.1916 // Из личного архива А.В.Хаджи.

[42] Алты-Ока А. Избрание А.И.Катыка // Караимская жизнь. Кн. 8–9. М., 1912. С. 106.

вались занять эту должность. Так, Самуил Нейман, попав в плен обстоятельств, безропотно взвалил на себя непосильную ношу и терпеливо нес ее до тех пор, пока не переложил на другие, более пригодные для этого плечи, вскоре после чего и умер. *«Он, кажется, последние четыре года только для того и жил, чтобы выполнить такую священную миссию, возложенную на него небом. Миссия выполнена – и жизнь прекратилась»,* – скажет о Самуиле Неймане Т.С.Леви-Бабович[43].

Самуил Моисеевич Нейман скончался 28 января 1916 года. На похороны были приглашены газзаны Симферополя, Севастополя, Феодосии и Бахчисарая – И.Ю.Ормели, Т.С.Леви-Бабович, А.И.Катык и И.С.Саппак. В день похорон были отменены занятия в АКДУ, мидрашах и женском профессиональном училище[44]. По распоряжению нового Гахама С.М.Шапшала семье покойного была назначена пенсия в размере 800 рублей в год[45].

Самуил Моисеевич Нейман оставил после себя большую библиотеку, собранную им за многие годы. Эта домашняя библиотека была приобретена у семьи покойного за 2000 рублей для только что учрежденной национальной караимской библиотеки «Карай Битиклиги». *«После смерти уважаемого Старшего газзана Евпаторийской кенасы, Самуила Моисеевича Неймана*, – сообщал заведующий «Карай Битиклиги» М.Я.Фиркович в июне 1917 года, – *осталась ценная библиотека, насчитывающая до 600 томов. Библиотека эта, при содействии гахама, была приобретена у семьи покойного и целиком вошла в состав национальной библиотеки»*[46].

За свою многолетнюю деятельность Самуил Нейман был пожалован несколькими наградами: в 1902 году серебряной медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, в 1905 году золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, в 1913 году утвержденной в память столетия Отечественной войны 1812 года светло-бронзовой медалью для ношения на груди на Владимирской ленте. Кроме этого, Самуил Нейман имел право ношения светло-бронзовой медали в память юбилея 300-летия царствования дома Романовых.

У Самуила Моисеевича Неймана была также большая семья. Его жена, Алтын Исааковна (1857 года рождения), урожденная Нейман, родила ему трех мальчиков и четверых девочек: Рахиль 1875 года рождения, Эстер 1878 года рождения, Сарру 1884 года рождения, Даниила 1886 года рождения, Исаака 1889 года рождения, Анну 1894 года рождения, Юфуду 1897 года рождения. Известно, что сын Даниил окончил Санкт-Петербургский политехнический Институт Императора Петра I, а сын Исаак – юридический факультет Московского университета.

Моисей Самуилович Нейман и Самуил Моисеевич Нейман вошли в исто-

[43] Речь настоятеля Севастопольской караимской кенасы Т.С.Леви от 31. 01. 1916 // Из личного архива А.В. Хаджи.

[44] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1357.

[45] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342.

[46] *Фиркович М.Я.* Национальная караимская библиотека «Карай Битиклиги» // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. № 2. 1917. С. 9.

рию караимов благодаря неустанному труду на благо своего народа. Память о них должна жить в поколениях, вдохновляя нас и служа образцом достоинства, верности и чести.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 13 (22) – Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 14 (23).

Виктор
Тирияки

ПОСЛЕДНИЙ ГАХАМ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ?

Гахам Серайа бен Мордехай Шапшал
(из фондов «Карай Битиклиги»).

Седовласые старцы с почтением целовали ему руку, его советам внимал персидский шах, о нем сплетничали придворные фрейлины. О нем до сих пор ходят легенды – неизменные атрибуты личностей неординарных...

И в самых тщеславных мечтах его родители не могли представить себе, что имя их последнего – тринадцатого – ребенка навсегда останется в истории России, а караимский народ с глубочайшей благодарностью будет хранить память о нем – о своем духовном и национальном вожде.

Харизма Серайа Шапшала никого не оставляла равнодушным: будь то друзья, завистники или враги, в соответствии со своим отношением они восхищались им, боялись или ненавидели.

В 1915 году караимский народ вверил ему свою судьбу: 13 общин проголосовали за, избрали Серайа Шапшала народным вождем, 6 общин такого решения не приняли. Позже правильный выбор поддержали все.

В автобиографии о своем избрании на высшую караимскую должность он напишет кратко: «В 1915 г. я был избран на духовно-административную должность Гахама». Нынешние исследователи истории караимов должности Гахама приписывают вместе с духовной еще и светскую составляющую. Но он хорошо понимал, что определение «светский» часто означает «антирелигиозный». А вне религии он никогда не видел ни себя, ни караимский народ.

Каждый избираемый Гахам заботился о благе народа. Сима Бабович добился освобождения караимов от рекрутской повинности и признания веры караимов самостоятельной религией. Нагаму Бабович – государственных привилегий и правового равенства. Самуил Панпулов добавил к достижениям предшественников строительство храмов и открытие Александровского караимского духовного училища. Заслуги Серайа Шапшала – это библиотека,

музей, создание печатного органа, караимский детский сад, научное исследование караимского языка, самоотверженная борьба против геноцида.

Серайа Шапшал – человек, дипломат, Гахам, ученый – жил, мыслил и созидал категориями своего отечества, своего народа, состояния науки и своего очень непростого времени. Как и все люди, он мог в чем-то ошибаться, но никогда не попирал принципов морали и гуманизма. Его имя в защите не нуждается, его жизнь и деятельность не требуют оправданий. Необходимо защитить память о нем – она должна оставаться по-прежнему светлой, свободной как от мелочного ревизионизма, так и слепого вождизма.

Серайа Шапшала называют «последним Гахамом крымских караимов». После него не вставал среди караимов муж, равный ему по авторитету, знанию и исполнению должности всенародного пастыря.

Но милость Превечного безгранична.

Возможно, что Серайа Шапшал, предвидя грядущее, совершенно не ради риторической убедительности свои проповеди на караимском языке завершал стихом на языке священном: Адонáй оз лаамó йитéн, Адонáй йеварéх эт-аммó вашшалóм (Превечный даст силу народу Своему, Превечный благословит народ Свой миром)[1].

И скажем: амэн!

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 7(16)

[1] Псалтирь, 28:11.

ЭТНОГРАФИЯ

Виктор Тирияки

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И.КАЗАСА В «КАРАЙ БИТИКЛИГИ» (К 180-летию со дня рождения Ильи Ильича Казаса)

В фондах библиотеки «Карай Битиклиги» хранятся 9 книг и 2 опубликованные статьи Ильи Ильича Казаса (1833–1912). Даже беглого взгляда на названия книг достаточно для того, чтобы определить педагогическую направленность содержания книг (исключение составляет поэтический сборник). По словам самого Ильи Ильича он, прежде всего, «был педагогом, и во всех своих писаниях преследовал педагогические цели, имея, главным образом, в виду… учащееся в караимских училищах молодое поколение». Отдавая дань скромности И.И.Казаса, необходимо указать, что его педагогическая деятельность оставила заметный след не только среди караимов, но также и среди татар крымских, казанских, равно как и среди христианского населения Крыма.

Наиболее ранней из книг И.И.Казаса является изданный в 1869 году в Одессе УЧЕБНИК ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ КАРАИМСКИХ ШКОЛ, ЧАСТЬ 1, ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС ГРАММАТИКИ. Составлением данного учебника значительно облегчалось обучение караимских детей священному языку Библии. При работе над пособием И.Казас использовал личный опыт преподавания в караимской школе Одессы, а именно – обучение по звуковой системе, а также передовую методику обучения известного в то время Г. Оллендорфа. Первая часть учебника служит для последовательного изучения этимологии и синтаксиса, состоит из 45 параграфов. Учебник составлен на караимском-тюркском языке. Вторая часть этого учебника включает краткую Библейскую историю, тексты книг пророков, высокохудожественные образцы прозы и поэзии на библейском языке, рассказы и несколько авторских стихов. Хрестоматийный материал дополнен обширным словарем. Как и первая часть учебника, вторая написана на караимском языке.

ПРАКТИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ КАРАИМСКИХ УЧИЛИЩ (Евпатория, 1896). По существу, этот учебник является переводом на русский язык 1 части издания 1869 года. По словам автора, в новом виде учебник должен был лучше отвечать своему назначению. Как

видно из заглавия, учебник носил чисто практический интерес, и помогал самостоятельному изучению др. еврейского языка. Для закрепления материала автор дает ссылки на «обстоятельную и вполне научную» грамматику Г.Ф.В.Гезениуса. Настоящий учебник сделался настольной книгой учеников в караимских школах, и до настоящего времени не утратил своего значения при изучении Священного языка в караимской традиции.

КРАТКИЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ТАТАРСКИХ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ. Первый раздел учебника был издан в 1873 году в Одессе, а второй – в 1875 году в Симферополе. Обе книги значительно облегчали изучение русского языка и литературы воспитанникам татарской педагогической школы. Обязательное изучение материалов этих учебников в качестве пособий предусматривалось программой Московского Лазаревского института, а первая часть учебника, переведенная на казанское наречие, была издана в 1900 году в городе Казани. Первая часть учебника в фондах «Карай битиклиги» отсутствует.

Следуюшие две книги были изданы по единому педагогическому плану: «ТОРАТ ГААДАМ» (Варшава, 1889) и «КИВШОНО ШЕЛЬ ОЛАМ» (Евпатория, 1899). Обе они являются переложениями на библейский язык с некоторыми сокращениями сочинений известных в свое время французских авторов: Поля Жане и Жюля Симона. Труды эти служили пособиями для учеников при прохождении введенных Ильей Ильичем в старших классах Александровского Караимского духовного училища в качестве обязательных предметов «Этики» и «Философии». Обе книги проникнуты духом незлобливости, призывом к честной жизни, глубокой религиозности, чуждой преклонения пред обрядностью. Книгу «Торат Гаадам» И.И.Казас посвятил памяти своего учителя и духовного наставника Абен Яшара (Авраама сына Иосифа-Шеломо Луцкого).

ЭМЕТ МЕЭРЕЦ, 1 ЧАСТЬ (Одесса, 1908). Этот труд явился прекрасным изложением на библейский язык в значительно сокращенном виде многотомного сочинения ученого-богослова Ф.Ж.Вигуру – «Библия и новейшие открытия в Палестине, Египте и Ассирии» и служил, как говорил Илья Ильич, для того, «чтобы ознакомить юношество с открытыми в первой половине прошлого (XIX) столетия ассирийскими и вавилонскими древностями, имеющими весьма важное значение для библейской науки, а также и с приемами новейших критиков в применении их к Св. Писанию». По планам педагога ЭМЕТ МЕЭРЕЦ должен был выходить отдельными выпусками, но смерть помешала завершить задуманное. В 1908 году был издан первый выпуск, а второй, почти законченный, остался ненапечатанным.

ЦИЦЕРОН (Одесса, 1908). Краткий очерк о жизни и деятельности выдающегося римского политика, философа и оратора был посвящен автором воспитанникам АКДУ.

ИЕЛЕД ШААШУИМ. В 1910 году в Одессе был напечатан поэтический сборник И.Казаса «Иелед шаашуим» *(«Лелеяное дитя»)*, включающий 67 стихотворений Ильи Ильича на библейском языке. В «Слове к читателю» автор сообщает, что большая часть стихов была написана во время его учебы

в Петербургском университете, а первые 19 стихотворений были напечатаны в 1857 году в Лейпцигском сборнике «Ширим Агадим» *(«Несколько стихотворений»)*. С глубоким чувством благодарности автор вспоминает своего учителя, профессора Александра Казембека, издавшего на свой счет сборник стихов молодого поэта. Вполне естественно, что посвящение сборника было адресовано А. Казембеку. Среди стихотворений сборника много переводных произведений отечественных и зарубежных поэтов: Лермонтова, Щербина, Хомякова, Ламартина, Шиллера, Гейне, Лонгфелло, Томаса Моора, Байрона и др. Значительную часть произведений составляют лирические стихотворения, посвященные друзьям, матери, брату, встречаются пародийные строки. Завершает сборник поэма «Пирам и Тисба» по рассказу Овидия о трагической любви двух влюбленных из вавилонского города Семирамиды. Стихотворения И.И.Казаса полны этической красоты, в них ярко отражен светлый облик поэта, его нравственный строй, чистота и благородство стремлений.

ОБЩИЕ ЗАМЕТКИ О КАРАИМАХ (Караимская жизнь, № 3–4, М., 1911). Статья была написана И.И.Казасом по просьбе французского ученого маркиза де-Бай и передана последним во французскую Академию наук.

БОГОСЛУЖЕНИЕ КАРАИМОВ (Караимская жизнь № 3–4, М., 1911) – содержательный очерк об основах караимской веры.

В этом же номере опубликованы три стихотворения Ильи Ильича в переводе на русский язык Арона Катыка. Материалы, опубликованные в «Караимской жизни», были последним прижизненным изданием работ И.И.Казаса. Уже в № 8-9 журнала сообщается о кончине И.И.Казаса.

После смерти Ильи Ильича его произведения практически не издавались. К редким исключениям можно отнести книгу Б.С.Ельяшевича «И.И.Казас. Его жизнь, научно-литературная, педагогическая и общественная деятельность» евпаторийского издания 1918 года. В этом биографическом очерке опубликованы несколько стихотворений караимского поэта в русском переводе. В 1931 году во втором номере журнала «Голос караима» был помещен караимский перевод стихотворения «Век». Есть сведения, что к печати были подготовлены сборник из 61 стихотворения И.И.Казаса под названием «Гедад либби» *(«Восклицание моего сердца»),* а также комментарии на библейскую «Песнь песней». Однако судьба этих неизданных произведений, как и всего личного архива И.И.Казаса неизвестна.

В октябре 2008 года в Евпатории прошла научно-практическая конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И.И.Казаса. К этой дате в симферопольском издательстве «Антиква» вышла книга Д.А.Прохорова «Учивший заветам правды, добра и гуманности…» – биографический очерк о жизни и деятельности караимского ученого.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 6 (15)

Виктор
Тирияки

КАРАИМСКИЕ БРАЧНЫЕ ДОГОВОРЫ В ФОНДАХ МИЭКК ИМЕНИ С.И.КУШУЛЬ

Среди тематических коллекций Музея истории и этнографии крымских караимов им. С.И. Кушуль при евпаторийском национально-культурном караимском обществе «Кардашлар» (посуда, мебель, одежда, предметы ритуалитета, живопись, документы, вышивка и др.) определенный интерес для исследователей истории, культуры и религии представляет собрание брачных договоров – шетаров. Материалы исследования и краткие сведения о караимских шетарах можно найти в работах П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича[1], И.И.Казаса[2]. С.Бейма[3], журнале «Караимская жизнь»[4]. Текст караимского брачного договора печатался во всех караимских молитвенниках-сиддурах, начиная с первого издания 1528 года[5].

Караимское брачное право регламентировано заповедями Торы, разработано с учетом исторического опыта, народных традиций и на протяжении многих веков практически не изменялось. Предпосылкой к заключению брака является исповедование будущими супругами караимской религии, совершеннолетие, обоюдное согласие, отсутствие близкородственных связей. Брак считается состоявшимся при наличии могара[6] (дорогостоящий предмет, вручаемый женихом невесте в качестве дара), шетара (письменного брачного договора) и супружеского сожительства.

По караимским критериям нравственности библейское многоженство сменила моногамия[7] и совершенно был устранен мужской произвол при расторжении брака. Развод был невозможен без судебного рассмотрения[8] и в равной степени мог инициироваться обоими супругами. Разведенная женщина полу-

[1] *Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С.* Караимские брачные договоры «шетары». Симферополь, 1927; Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии., Т. III. 1927.

[2] NN (Казас И.И.) Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. № 3–4.

[3] *Бейм С.* Паямять о Чуфут-Кале. Одесса, 1862.

[4] Брачный акт караимов // Караимская жизнь. 1912. № 8–9.

[5] См.: Сидур гатефилот кемингаг гакараим. т. е. Молитвенная книга по обряду Караимов. Ч. IV. Вильна. 1892, С. 54–55.

[6] Могар – калым, плата за невесту. Могар не мог быть чрезмерно большим, дабы неуплата его не являлась преградой для заключения брака. Обычно могар составляло золотое кольцо или иное золотое изделие. В копии приданого шетара 1886 г. из Кефе (МИЭКК КП – 1046) в качестве могара фигурирует золотая монета стоимостью 60 руб. серебром.

[7] Сведения о многоженстве у караимов, распространяемые в постсоветский период, совершенно не отвечают исторической традиции и являются либо плодом дилетантской фантазии, либо отражением конъюнктурного процесса.

[8] Бракоразводный процесс рассматривался Караимским Духовным Правлением, в прошлом именуемым Бэт Дин – Дом Суда.

чала на руки документ, служащий доказательством ее свободы и права на новый брак.

Караимский обычай предписывает при погребении женщины положить вместе с ней в могилу и брачный договор. Этим объясняется большая редкость шетаров в коллекциях и собраниях музеев. Среди причин, нарушавших эту традицию, можно назвать смерть и погребение вдали от дома, миграции, войны, эпидемии, утрата традиций в XX веке и некоторые другие.

Караимский брачный договор состоит из трех обязательных частей:

Первая называется «шетар-тенай»[9], собственно текст брачного договора, его декларативная часть. В ней излагаются обоюдное согласие вступающих в брак, их традиционные обязательства, порядок, место и время брачной церемонии, имена и фамилии жениха, невесты и их отцов, указывается имя правителя страны[10].

Во второй части указывается могар, приносимый женихом, перечисляется приданое невесты с денежной оценкой каждой вещи или предмета[11]. Все вещи приданого оставались в пожизненном праве личной собственности женщины и в случае развода возвращались ей, либо она взамен получала их денежный эквивалент[12].

Третья часть содержит подписи участников церемонии составления брачного договора. Помимо жениха и невесты, это еще шошбиним (дружки) и адим[13], (свидетели), подтверждающие правовой аспект составленного документа. Во избежание ошибок, которые в дальнейшем могли привести к нежелательным осложнениям, акт составлял и церемонию бракосочетания проводил газзан. Он также подписывал шетар и скреплял его печатью.

К основной функции брачного договора относится не только фиксация заключения брака, но и защита интересов жены как стороны более слабой в правовом отношении. В этом случае шетар определяет ответственность мужа при исполнении ряда финансовых обстоятельств на обеспечение жены (и детей) средствами существования в случае развода. Караимская поговорка «бедняк – позор богача» отражает осознание серьезных негативных последствий распространения в народе такого социального зла, как нищета. Усилия состоятельного социума и духовенства направлялись на искоренение бедности.

Поскольку шетар являлся важнейшим документом в жизни супругов, к его составлению и художественному оформлению подходили весьма основательно. Выполненные на пергаменте или листах высококачественной бумаги, старинные караимские шетары впечатляют качеством исполнения, насыщенностью, колоритом и разнообразием орнаментальных мотивов. Достаточно даже беглого взгляда, чтобы определить сильное влияние культуры Востока.

---

[9] Эта часть договора называется также «шетар нисуин».

[10] Первая часть шетара всегда записывалась на древнееврейском языке.

[11] Отдельно указывалась сумма золотых вещей приданого и сумма остального имущества.

[12] В старых караимских шетарах вторая часть записывалась на древнееврейском языке, в позднейших – на караимском. В шетаре 1922 г. из Ростова-на-Дону (МИЭКК КП-1029) запись выполнена на русском языке.

[13] Среди «адим» (свидетелей) первым подписывался по фамилии Коген, за ним – по фамилии Леви.

Художественное украшение шетара и текст готовились заранее, обычно эту работу выполнял караимский священник – газзан. Бракосочетание проходило в кенасе у алтаря, либо дома у одной из сторон под свадебным балдахином[14]. После прочтения одним из свидетелей текста шетара все подписывали документ, и жених собственноручно вручал его невесте. При этом зачитывалось благословение, содержание которого менялось в зависимости от того, была ли невеста девушкой, вдовой или разведенной. Хранили шетары обычно на дне сундука подальше от любопытных и завистливых глаз.

В настоящей статье приводятся краткие сведенья о караимских брачных договорах-шетарах, хранящихся в фондах МИЭКК. Рассматриваемая коллекция состоит из 27 единиц хранения, среди которых 14 шетаров разной сохранности, 2 поврежденных фрагмента, 4 копии, 1 копия приданого невесты, 1 калькированная копия орнамента шетара 1787 года, 5 чистых типографских бланков. Самый старый шетар, составленный в городе Кырк Йэр в правление Селим Гирей хана (III), датирован 1767 годом[15]; самый поздний шетар датирован 1947 годом, он был составлен в Евпатории[16]. Все шетары датируются по эре от Сотворения мира, однако в XX столетии в некоторых из них дата дублируется по христианскому летосчислению[17]. Шетары были составлены в городах Бахчисарае (2), Гозлов-Евпатории (4), Кефе-Феодосии (6), Кырк Йэре (2), Николаеве (1), Одессе (2), Ростове-на-Дону (1), Симферополе (1), Харбине (1). В одном сильно поврежденном фрагменте определить город не представляется возможным.

Исследования шетаров позволяют установить несколько этапов изменения композиционного решения, техники исполнения и орнаментальных мотивов:

– так, фрагменты брачного договора 1767 года Кырк Йэра и калькированная копия орнамента шетара 1787 года[18] свидетельствуют о том, что и во второй половине XVIII века в рисованных шетарах пространство для записи текста первой и второй части оформлялось в виде двух спаренных скрижалей, разделенных столбцом из растительного (цветкового) и геометрического (зигзагообразного) орнаментов. Очертание верхней части обеих скрижалей является точной копией таковой в евпаторийском шетаре 1764 года, описанного в работе П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича. В обоих шетарах наблюдается плотное насыщение растительным орнаментом и большое количество стихов и благословений. Предполагаемая реконструкция текстовых и орнаментальных фрагментов позволяет с большой степенью точности определить размер этих шетаров: 54X80(h) см.;

– в рисованном шетаре 1805 года из Кырк Йэра[19] сохраняется плотное орнаментальное наполнение, однако текст обеих частей размещен по «евпаторийскому» принципу: в одной скрижали вторая часть (шетар кетубин) помещена

[14] Свадебный балдахин, или шатер, называется хуппа.
[15] МИЭКК КП – 1039.
[16] МИЭКК КП – 1045.
[17] МИЭКК КП – 1045, 1048.
[18] МИЭКК КП – 1040.
[19] МИЭКК КП – 1047.

внизу, под первой частью (шетар нисуин). Подобный принцип композиционного решения используется во всех остальных шетарах. Это единственный из всех шетаров коллекции, в орнаменте которого присутствует изображение короны;

– шетары 1849 года[20] (Одесса) и 1850 года[21] (Кефе) выполнены типографским способом на очень плотной бумаге. Тексты документов записаны вручную, в шетаре 1849 г. запись снабжена диакритическими знаками. Шетары украшены геометрическим орнаментом с незначительным добавлением ветвей и листьев. По трем сторонам шетара (за исключением нижней) между двух фигурных рамок помещены сопутствующие стихи. Типографское оформление художественной части документов маловыразительно, возможно поэтому, шетар 1849 года дополнительно украшают наклеенные ленты и круги сусального золота, чередующиеся с накладными цветками из золотой фольги. В шетаре 1850 года в первой части текста после слов «мединат[22] Кефе» следует добавление, переводимое как «который на берегу Черного моря». Подобная вставка встречается только в кефинских шетарах;

– образцом наиболее слабого художественного оформления является типографский бланк кефинского шетара 1876 года[23]. Рамочный орнамент украшен добавлением полосок сусального золота и наклеенными аппликациями цветов и бабочек. Вверху шетара вместо горизонтальной золотой полосы в рамке вписаны стихи;

– с 1895 года для заключения брачного договора начинают использоваться стандартные листы, отпечатанные в одесской типографии М. Бейленсона.[24] Эти бланки оформлены в виде многослойной рамки геометрического орнамента. Только в четырех угловых и двух боковых виньетках изображенные фигуры по контурам условно можно сравнить с листьями. Для текстовой части документа предназначены два «скрижальных» поля размером по высоте 22 и 27 см; между ними помещен стих из Притчей. Стандартный текст первой части напечатан крупным квадратным шрифтом с оставленными лакунами, для записи текста второй части напечатаны линии. По трем сторонам шетара (за исключением нижней) в пространстве между рамками помещены сопутствующие стихи. Насыщение золотым цветом придает шетарам большую торжественность. На некоторых бланках шетаров этой серии внизу под рамкой напечатано: «Дозволено цензурою. – Одесса, 15 Мая 1895 г. Тип. М.Бейленсона». Шетары этой серии размером 60х90 см являются самыми большими из всех типографских образцов;

– не позднее 1917 года появляется новый и последний образец бланка шетара, отпечатанного в Одессе в типографии Ф.Дыхно. В этих договорах орнаментация вновь включает растительный (фруктовый) орнамент, часто дублируемый рогом изобилия на фоне широкой золотой полосы. Текст записан

[20] МИЭКК КП – 553.

[21] МИЭКК КП – 1043.

[22] Слово мединат может быть переведено как страна, государство, провинция, край. Здесь слово применяется по отношению к городу Кефе, в других шетарах оно используется при обозначении государства России.

[23] МИЭКК КП – 1043.

[24] МИЭКК КП – 1035, 1036.

на древнееврейском (справа) и русском (слева) языках. Размер этих шетаров 62х52 см. Все сопутствующие стихи и благословения сведены к одному стиху из Притчей. В коллекции МИЭКК из шетаров этой серии два карт-бланша[25] и два составленных в 1922[26] и 1923[27] годах. В обоих шетарах из текста на русском языке вычеркнуты слова, восхваляющие императорскую особу. На бланке этой же серии был составлен шетар в Харбине от 15 мая 1925 года. В МИЭКК хранится копия русскоязычной части этого документа, заверенная в 1971 году пенсионным отделом Евпаторийского горисполкома[28]. В этом договоре последующий выкуп и приданное невесты оценивались в золотых рублях России – соответственно 2.000 и 1.000 рублей золотом;

– рукописные евпаторийские шетары 1924[29] и 1947[30] годов выполнены в произвольной форме, и лишены всяких орнаментальных украшений.

Все шетары содержат стихи, благословения и пожелания из Ветхого Завета, сопутствующие браку, созданию семьи, обретению счастья и потомства. Количество стихов различно, оно колеблется от одного в печатных бланках договоров 10-х годов XX столетия до десяти в рисованных шетарах XVIII века Приведем некоторые из них:

Благословен ты будешь более всех народов[31]; не будет у тебя ни бесплодного, ни бесплодной, и у скота твоего.

Благословен ты в городе и благословен ты в поле. Благословен ты, при входе твоем, и благословен ты при выходе твоем. Благословенна корзина твоя и квашня твоя.

Благословенны вы Превечным, сотворившим небо и землю.

Да благословит тебя Господь и хранит тебя. Да призрит тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя. Да обратит Господь лицо Свое на тебя и даст тебе мир.

Да будет дом твой как дом Переца, которого родила Тамара Иуде, от семени (потомства), которое даст Господь тебе от этой девушки.

Добрая примета (хороший знак).

И сказал весь народ, который у врат, а старейшины свидетели: «Да сделает Господь женщину, входящую в дом твой, подобно Рахиль и Леи, которые вдвоем устроили дом Израиля».

Нашел жену, нашел благо и обрел милость от Господа.

О, Господи, спаси! О, Господи, споспешествуй!

Поздравляю (желаю счастья).

Помощь моя от Превечного, сотворившего небо и землю. Благословен Превечный во веки. Аминь и аминь.

---

[25] МИЭКК КП – 1030,1031.

[26] МИЭКК КП – 1029.

[27] МИЭКК КП – 556. В этом документе среди свидетелей указаны женщины. Очевидно, это результат гражданских российских реформ 1917 г. и последовавших за ними религиозных преобразований.

[28] МИЭКК КП – 1032.

[29] МИЭКК КП – 1048.

[30] МИЭКК КП – 1034.

[31] Утраченная часть стиха из Второзакония (7;14).

Проявляй доблесть и прославь имя в доме своем.

Свет и восторг, клик и восклицание жениху и невесте в облачении славы. Дождутся они доблестных сынов, помышляющих о совершенном законе (Торе), живыми и здоровыми.

Некоторые из этих стихов являются начальной строкой в религиозных песнопениях (земер), посвященных венчанию. Обычно стихи записаны в межрамном пространстве по трем сторонам шетара (за исключением нижней).

Из коллекции шетаров МИЭКК предлагается перевод и комментарии текста, ксерокопии брачного договора, составленного в Евпатории в 1924 году.

Этот договор примечателен, на наш взгляд, тем, что он относится к числу последних шетаров, составленных в Крыму за время существования Советской власти. Угасание традиции составления брачных договоров у караимов (а также религиозной регистрации брака в иных конфессиях) объясняется передачей исполнения функций регистрации жизненного цикла человека (рождение, женитьба, смерть) от церковных организаций к государственным учреждениям с постепенной ликвидацией первых как таковых[32]. Составление брачного договора в советское время при государственной регистрации брака скорее являлось данью уходящей традиции предков, нежели необходимым условием ее исполнения.

Если со сменой государственной подчиненности Крыма в текстах шетаров имена крымских ханов-правителей заменялись именами российских императоров, то в рассматриваемом экземпляре изменения отображают как смену политического устройства государства, так и изменения в исторически сложившейся формуле текста первой части (шетар нисуин). В Евпаторийском шетаре 1947 года трансформации еще более заметны: при изменениях в первой части и совершенном отсутствии второй, в третьей части среди подписей свидетелей присутствуют две женские и одна подпись мужчины явно не караимского вероисповедания[33]. Это единственный из всех брачных договоров коллекции МИЭКК, где указано, что жених и невеста – вдовцы.

Сохранность рассматриваемого брачного договора жениха Эль Моисея Давидовича и невесты Коген Бикенеш Эльчефановны хорошая, текст читается свободно, за исключением мест на сгибах листа, где утрачены некоторые слова. Брачный договор был составлен на листе плотной, разлинованной от руки, бумаги размером 37 на 55 см, не содержит каких-либо орнаментов или аппликаций. Библейские стихи, сопутствующие составлению шетара, сведены к единственной фразе. Текст очерчен прямоугольной рамкой с полями в 2 см. Из 50 строк, написанных крымскокараимским полукурсивом, 1-я часть шетара содержит 17 строк, 2-я – 16, 3-я – 15, свидетельство газзана – 2. Между 1-й и 2-й частью шетара пропуск в 9 строк, между 3-й частью и свидетельством

[32] В Евпатории религиозная община юридически прекратила существование в 1927 г. Восстановленная при фашистской оккупации в 1942 г., спустя 17 лет она вновь была снята с регистрации. Государственная регистрация нынешней караимской религиозной общины Евпатории состоялась в 1991 г.

[33] Кукшин Сергей Андреевич. В Крыму среди славян караимского вероисповедания мужчины с такими данными неизвестно.

газзана пропуск в 11 строк. Первая часть шетара, вступление ко второй и свидетельство газзана написаны на древнееврейском языке, описание могара и приданого невесты – на караимском. Все подписи шетара, за исключением. двух, выполнены караимским полукурсивом

Шетар сохранялся в свернутом виде; в нескольких местах на бумаге заметны оттиски пятирублевой золотой монеты, традиционно сохраняемой внутри брачного договора.

Приводим перевод текста этого брачного договора.

Нашел жену нашел благо и обрел милость от Господа[34].

В[35] первый день недели, в седьмой день месяца Ийар[36] в году пять тысяч шестьсот восемьдесят четвертом Сотворения мира, по счислению христиан в день 11 месяца Май в год 1924, по летоисчислению, которого мы придерживаемся здесь, в общине караимов города Гозлувэ[37] (он же Евпатория) полуострова Крым в стране России. В этот день пришел почтенный и достойный[38] МОШЕ, юноша драгоценный, сын п. д. ДАВИДА, да будет память его благословенна[39], ЭЛЬ, проживающий в городе Гозлувэ, в возрасте 24 лет, пред лице старцев общества караимов и сказал им. Будьте мне свидетелями и по данному мной ныне вам полномочию запишите и запечатайте[40] то, что я говорю пред вами. И я не по какому-либо насилию или принуждению, вследствие ошибки или заблуждения, а от чистого сердца и с полным разумением выражаю перед вами мое желание и волю и ставлю вас свидетелями в том, что я избрал и обручил госпожу БИКЕНЕШ[41], девушку девственную, драгоценную дочь п. д. ЭЛЬЧАФАНА, д. б. п. е. б., КОГЕНА[42], в возрасте 22 лет, чтобы мне была она женой в чистоте и святости посредством могара, шетара и супружеского сожительства, согласно закону Моисея, человека Божьего, и священному обряду Сынов Священного Писания[43]. Я буду содержать ее в полном почете, служить ей, исполнять ее желания и доставляя все необходимое для нее по мере сил и средств моих. Не буду обижать и унижать ее, буду неизменно верен ей, не лишу ее пищи, одежды и супружеского сожития, как записано в Тора. Буду обращаться с ней со справедливостью, с любовью и милосердием, как сыновья караимов[44], питающие любовь и уважение к достойным женам своим и исполняющие по отношению к ним все должное безукоризненно честно. Установленный зако-

[34] Здесь в шетаре в этом стихе из Притч (18:22) вместо Тетраграмматона написано слово Адонай.

[35] Перед текстом первой части отсутствует традиционная запись «Шетар нисуин», т. е. обязательства и изложение брачной церемонии.

[36] Месяц Ийар по календарю выпадает на апрель-май.

[37] Гозлувэ – традиционное караимское название города Евпатории (Гозлув, Гозлов, Козлов).

[38] Слова «почтенный и достойный» в тексте переданы аббревиатурой. В дальнейшем эти слова будут записываться в виде п. д.

[39] Память его благословенна (п. е. б.) – в виде аббревиатуры употребляется при упоминании имени умершего.

[40] Дословный перевод написанного, обычно переводимый как «подпишите».

[41] Имя Бикенеш (Бий кенеш) в переводе с караимского означает «княжья советница».

[42] Жених М.Д.Эль и невеста – Б.Э.Коген являются родителями Эль Давида Моисеевича, Духовного Главы караимов Украины.

[43] В традиционной форме текста вместо «Сынов Священного Писания» – Бенэ Микра (самоназвания караимов) написано «Израиля».

[44] В традиционной форме текста вместо «сыновья караимов» написано «сыны Израиля».

ном за ее девственность выкуп, который я определил, как должный ей, я дам. И услышала госпожа БИКЕНЕШ, девица, дочь п.д. ЭЛЬЧАФАНА, п. е. б., она же невеста, слова п.д. юноши МОШЕ, сына п.д. у(важаемого) ДАВИДА, п. е. б., он жених, изъявила чистосердечное согласие быть его женою, его заветной подругой, оказывать ему послушание, почитать и уважать его и делать в доме его все, что дочери караимов[45] делают в домах мужей своих, повиноваться его воле и к нему иметь свое влечение. И был заключен завет между п.д.у. юношей МОШЕ, драгоценным сыном п.д.у. ДАВИДА, п. е. б., ЭЛЬ, он жених, и госпожой БИКЕНЕШ, девушкой девственной, драгоценной дочери п.д.у. ЭЛЬЧАФАНА, п.е.б., КОГЕНА, она невеста, на основании всего записанного и изложенного выше. Настоящий шетар должен иметь такую же силу, какую имеют все шетары караимов[46], совершаемые и скрепляемые обыкновенно от сего дня и до века. А то, что было пред нами, все, что мы услышали и видели, мы записали, подписали и отдали в руки этой невесте, чтобы было в ее руках доказательством ее прав во всяком судилище Сынов Священного Писания, правдиво и нерушимо. Да устроятся и будут успешны долгие годы. Аминь.

Запись приданого[47].

Г. Евпатория. Мая 11 дня 1924 года[48]. № 6[49].

Вот наименование тех подарков, которые вышеупомянутый жених дал вышеупомянутой невесте своей, как первый выкуп в знак принятия ее в супруги: одно золотое кольцо с тремя рубиновыми камнями[50]. Последующий выкуп в двойном размере от первого остается в долгу за женихом согласно обычаю.

Приданое, которое принесла невеста из дома отца своего[51] в дом жениха своего: шесть серебряных чайных ложек стоимостью 12 рублей, одно золотое блюдце – 12 рублей, 1 золотой медальон – пять рублей[52] пятьдесят копеек, одно золотое кольцо – два с половиной рубля, всего тридцать два рубля[53]. И это одежда[54]: пальто – одна штука, костюм парусиновый – один, платье шерстяное – одно, кофта – шесть, шарф – три штуки, белье – четыре пары, юбка – две, чулки – четыре пары, обувь – четыре пары, скатертка – три, полотенце для лица – восемь, салфетка – две дюжины[55], матрац – один, простыня – три, банная простынь – одна, одеяло марсеневое – два, подушка твердая – пять[56], подушка пуховая – три, подушка …[57] восемь, носовой платок – шесть штук; … –

[45] В традиционной форме текста вместо «дочери караимов» написано «дочери Израиля».

[46] В традиционной форме текста вместо «шетары караимов» написано «шетары Израиля».

[47] Эта часть называется «Шетар кеттубин».

[48] Текст написан на русском языке.

[49] Порядковый номер в книге регистрации браков при караимской кенасе Евпатории.

[50] Стоимость вещи не указана.

[51] Традиционная форма записи. Однако в одном рукописном, сильно поврежденном шетаре неустановленной даты и места вместо слов «из дома отца своего» написано «из дома брата почтенного и достойного Элиава».

[52] Слово «рубль» в оригинале передано «гумуш» – серебро. Это название появляется в Крыму с началом хождения российских серебряных (целковых) рублей.

[53] Подведение суммы относится к оценке драгоценных вещей.

[54] Начало предложения написано на древнееврейском языке.

[55] В оригинале записано «дюжин».

[56] Твердые подушки – йастыкъ – укладывались вдоль стены на низенькие диваны или сундуки.

[57] В тексте неразборчиво, на сгибе листа.

четыре; дорожка для стула – четыре; … настенный – шесть; зеркало – одно; швейная машинка – одна; комод – один, сундук – один; самовар – один; кастрюля медная – одна; медный таз для белья – один; медный таз для теста – один; три сковороды медные; медный казан – один; один поднос; три блюда; ваза для сладостей – две; шесть кофейных чашек; шесть фруктовых ножей; шесть ножей столовых; шесть вилок; шесть фраже[58] чайных ложек.

Все приданое девятьсот рублей[59].

[60]Все указанное выше приданное я получаю в сохранности, принимаю на себя ответственность и обязуюсь возвратить моей жене это вовремя в период между жизнью ее и последующей смертью.

Законность рассмотренного дела подписываем:

Я, жених, Моше сын Давида Эль.

Я, невеста, Бикенеш Эльчафановна Коген[61].

СВИДЕТЕЛИ:

Итро ю(ноша)[62], сын Элия п. е. б., Коген.

Абрам, сын Моше Леви Балакай.

Марк, Рафаилович Киикчи[63].

Моше, сын Биньямина Кискачи.

Исаак, сын Чадука Йэдыайлык.

Йаков, сын Аарона-Шалома Фарумда.

Элийагу, сын Мордехая Чавке.

Мордехай, сын Симхи Шайтан.

Бэраха, сын Якова Кара.

Элийагу Ага.

Йэгуда, сын Симхи Балакай.

Яков бен Морхай[64] Культе.

Аарон, сын Элия Софер[65] Бабович.

ДРУЖКИ:

Моше, сын Мордехая Чавке.

Йегуда, сын Моше Кырыми.

Благословение и освящение брачного договора[66] со всеми разъяснениями провел, я, стоящий вместо главы мудрецов[67] и Председателя суда[68] Сынов Свя-

[58] В оригинале записано «фраже».

[59] Указана стоимость вещей, без драгоценностей.

[60] Далее до окончания договора записано на древнееврейском языке.

[61] Написано на русском языке.

[62] Записано абревиатурой.

[63] Написано на русском языке.

[64] Распространенная у крымских караимов сокращенная форма библейского имени Мордехай. В XX в. этому имении соответствует Марк.

[65] Здесь слово «софэр» одинаково может обозначать профессию (писец) или составную часть фамилии.

[66] Написано «нисуин».

[67] Эпитет «Рош хъахамим» – глава мудрецов – обычно носил Духовный глава караимов России. Во время вакансии эту должность исполнял старший газзан Евпаторийской Соборной кенасы, в данном случае Б.С.Ельяшевич.

[68] На момент составления шетара должность «Рош хъахамим» как и «Ав бэт дин» (Председатель суда) носили чисто формальный характер.

щенного Писания в стране Россия, Старший газзан в общине святой Гозлувэ Бэрахъйа сын п. д. г(осподина) Саадьйа просвещенного, да благословит его Бог и хранит его[69], Ельяшевич[70].

Если у караимов-мужчин имена были, в основном, библейские, даваемые во время обряда обрезания, то при наречении женских имен доминировала народная традиция. В рассмотренных шетарах встречаются следующие женские имена (не библейские): Акбике, Арзу, Биим (2), Бикенеш, Биче, Бубуш, Милька, Назлы, Султан, Тотеш.

Интересно отметить, что у караимов Крыма крайне редко употреблялось мужское имя Израиль. При консонантной записи этого слова один из возможных вариантов его прочтения звучит как Йашар Эль – прямой, правильный, честный Бог. Караимы считали, что человек, существо зачастую грешное, не может носить такое высокое имя.

Подводя итог краткому обзору коллекции караимских брачных договоров-шетаров в фондах МИЭКК, укажем на следующие моменты:

– все шетары были составлены в общинах, подведомственных Крымской епархии караимов, а именно Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению, в коллекции нет образцов шетаров из общин Литвы и Польши;

– шетары охватывают хронологический период в 180 лет (1767–1947);

– все шетары датированы по принятой у караимов эре от Сотворения мира; в XX веке отмечается дублирование даты по христианском летосчислению;

– на рубеже XVIII–XIX веков наблюдается смена композиционного решения: двускрижальное горизонтальное расположение первой и второй частей текста заменяется вертикальным;

– начиная с 40-х гг. XIX века шетары составляются на типографских бланках;

– не позднее 1917 года были отпечатаны новые (последние) образцы шетаров на древнееврейском и русском языках;

– последний шетар XX века был составлен в Евпатории в 1947 году.

В заключение отметим, что прерванная традиция составления караимских брачных договоров была возобновлена в Евпатории в 2002 году.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 15 (24)–16 (25)

[69] Записано аббревиатурой.

[70] Ельяшевич Борис Саадьевич (1881–1971) – караимский газзан в Симферополе и Евпатории, преподаватель Александровского Караимского духовного училища в Евпатории, хранитель караимской национальной библиотеки «Карай Битиклиги».

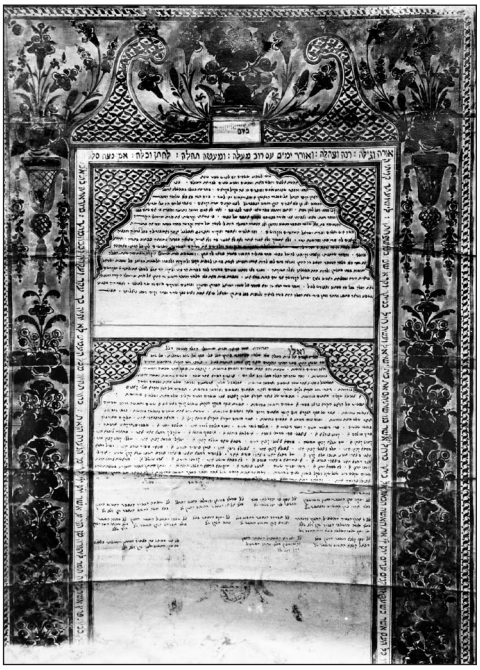
Вячеслав
Ельяшевич

КОЛЛЕКЦИЯ КАРАИМСКИХ БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ (ШЕТАРОВ) В ЕВПАТОРИЙСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ИЗ СОБРАНИЯ «КАРАЙ БИТИКЛИГИ»

Коллекция караимских брачных договоров (шетаров) занимала особое место в фондах караимской библиотеки-музея «Карай Битиклиги», учрежденной С.М.Шапшалом в Евпатории в 1916 году. В 1921 году библиотека вместе с коллекцией перешла в ведение Археолого-этнографического музея (ныне Евпаторийский краеведческий музей), и в 1928 году по сведениям его заведующей П.Я.Чепуриной (а также хранителя библиотеки Б.С.Ельяшевича) состояла из 35 экземпляров, из которых 2 – польских караимов (караимов Литвы), 1 – константинопольских и 32 – караимов Крыма и других городов СССР[1]. Поскольку нам ничего неизвестно о пополнении коллекции шетаров после 1928 года, мы будем исходить из объема коллекции, указанного П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевичем.

После расформирования «Карай Битиклиги» в 1931 году часть ее фондов осталась в евпаторийском музее и сохранилась до наших дней. Среди сохранившихся материалов – 23 шетара, один из которых экспонируется в выставочном зале, а остальные находятся в фондах. Это позволяет нам говорить о том, что музей утратил 12 экземпляров шетаров. Кроме того, в музее сохранились фотографии двух рукописных шетаров 1817-го (Евпатория) и 1839-го (Феодосия) годов, сделанные, вероятно, в 1920-е годы П.Я.Чепуриной. Еще о двух шетарах из собрания «Карай Битиклиги» мы знаем из совместной работы П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича «Караимские брачные договоры «Шетары»: один 1730 года из Поневежа, другой – 1764 года из Евпатории. Таким образом, нам известен внешний вид и текст четырех шетаров из утраченных двенадцати, причем два из них с переводом на русский язык Б.С.Ельяшевича. Как можно судить по фотографиям и работе П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича, утраченные шетары, скорее всего, были самыми старыми в коллекции. Например, кроме вышеуказанных четырех шетаров, не сохранились еще два старинных рукописных шетара, только упомянутых у П.Я.Чепуриной и Б.С.Ельяшевича. Скорее всего, остальные несохранившиеся шесть шетаров, о которых мы не

[1] *Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С.* Караимские брачные договоры «шетары» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. I (58-й). 1927. С. 181.

Фотокопия шетара 1817 г. *ЕКМ*

знаем вообще ничего, также были старинными рукописными образцами, представляющими наибольшую ценность.

До настоящего времени коллекция шетаров в фондах Евпаторийского краеведческого музея совершенно не была изучена и неизвестна даже узким специалистам. Поэтому целью данной работы является предварительное ознакомление читателя с коллекцией с перспективой ее дальнейшего более полного и всестороннего исследования. В работе будут представлены основные сведения о шетаре (год и место создания, имена вступивших в брак и т.д.), а также некоторые интересные и оригинальные детали. Нумерация шетаров произвольная, основанная на хронологическом принципе. Автор выражает глубокую благодарность главному хранителю Евпаторийского краеведческого музея Наталье Борисовне Дмитерко, за содействие в ознакомлении с коллекцией.

Шетар 1. Рукописный. Время написания: 2 тевета 5602 г. [1842]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв, на русском языке в нижнем правом углу написано Гозлев). Имя жениха: Яков сын Симы Тепси, маскил[2]. Имя невесты: Эстер дочь Иосифа Карт. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Иосиф Шолеме Ерушалми (Иосиф Соломон Моисеевич Луцкий, известный под акронимом Яшар). Среди подписавшихся свидетелей – Авраам Самуилович Фиркович. Особенность: 1. Ниже текста «Шетар кеттубин»[3] надпись карандашом: «1843»[4].

В нижней части шетара надпись на караимском (крымскотатарском) языке еврейской графикой, сообщающая о том, что все приданое было оценено в 506 рублей 90 копеек, а также, что 8 июня 1843 года жениху Якову Тепси выдано 506 рублей, которые согласно завещанию его умершего отца должны быть выплачены его сыну по достижении им зрелости.

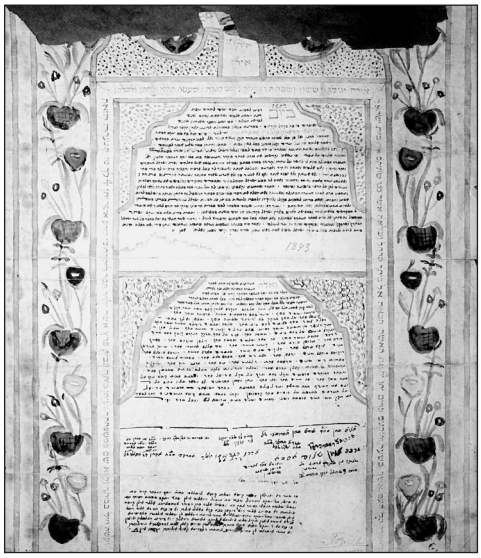
Шетар 2. Рукописный. Время написания: 28 адара 5613 г. [1853]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Мордехай сын Шалома Асаба, маскил. Имя невесты: Беим дочь Соломона Еру Хаджи. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Аарон Авраамович

[2] Маскил – значит «образованный».

[3] «Шетар кеттубин» – название второй части шетара, в которой перечисляется приданое невесты.

[4] При пересчете даты 2 тевета 5602 г. на григорианский календарь получается дата 1842 г.

Алты Ока. Особенность: в нижней части шетара надпись на русском языке карандашом: «Этот шетар Марка Шаломовича Асаба и его жены Беим Соломоновны Еру-Хаджи, обвенчанные в 5613 г. в г. Евпатории в месяце Адар 28 дня. 1853 г. Гозлев». *Примечание*: шетар находится на экспозиции музея.

Рукописный шетар 1842 г. *ЕКМ*

Шетар 3. Рукописный. Время написания: 18 адара 5616 г. [1856]. Место: г. Симферополь (в тексте – Акмеджит). Имя жениха: Моисей сын Самуила, габбая (без фамилии). Имя невесты: Акбике дочь Аарона (без фамилии). Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – исполняющий обязанности газзана Моисей Давидович Кокизов, брат ученого-астронома Мордехая Давидовича Кокизова.

Шетар 4. Типографский бланк с рукописным текстом. Время написания: 7 кислева 5617 г. [1856]. Место: Симферополь (в тексте пропущено, но известно из надписи в нижней части шетара). Имя жениха: Илья, маскил, сын Ильи, маскила. Имя невесты: Хаджикей дочь Мордехая, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Исаак Иосифович Синани. Особенности: 1. Могар жениха указан после списка приданного невесты; 2. В «Шетар кеттубин» после списка приданного и могара указано, что отец невесты подарил жениху 400 рублей.

Текст «Шетар ниссуин»[5] частично размыт, вероятно, от попадания воды. В нижней части шетара карандашом на русском языке написано: «Газзан Ис. Иос. Синани. Шетар Ильи Ильича Данко и Аджикей Марковны Болек 7 кеслева 5617 г. в Симферополе».

Шетар 5. Типографский бланк с рукописным текстом, аналогичный предыдущему шетару. Время написания: 20 элула 5618 г. [1858]. Место: г. Симферополь (в тексте – Акмеджит). Имя жениха: Иона сын Авраама Пандула. Имя невесты: Арзу дочь Давида Фуки. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Аарон Авраамович Алты Ока.

В правом нижнем углу шетара надпись на караимском (крымскотатарском) языке еврейской графикой, написанная рукой Исаака Иосифовича Синани, исполняющего обязанности газзана в Симферополе: «Я презренный Исаак, газзанствующий и учительствующий здесь, в святой общине Акмеджита, помогая гезлевскому газану, прочитал «семь благословений».

[5] «Шетар ниссуин» – название первой части шетара.

Шетар 6. Типографский бланк с рукописным текстом, аналогичный предыдущему шетару. Время написания: 23 нисана 5619 [1859]. Место: г. Симферополь (в тексте – Акмеджит). Имя жениха: Аарон Коген, маскил, сын Соломона Когена, маскила (предположительно фамилия Бебеш)[6]. Имя невесты: Керече дочь Берахи, гевира, маскила (предположительно фамилия Койлю). Вместо подписи газзана на иврите написано: «Написал и подписал, я, совершивший обряд «семь благословений» с разрешения почтенного учителя нашего и рибби Соломона Бейма, самый презренный из всех презренных Исаак Синани»[7]. В верхней части шетара карандашом на русском языке написано: «Симферополь 1859» и «5619 г.». В нижней части шетара также карандашом на русском языке написано: «Акмеджит».

Шетар 7. Типографский. Время написания: 16 менахема (ава) 5621 г. [1861]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Яков сын Исаака Рофе, маскила. Имя невесты: Мирьям дочь Исаака (без фамилии). Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Аарон Авраамович Алты Ока. Особенности: между первой и второй часть шетара в типографии напечатано следующее выражение из «Шетар кеттубин»: «И вот приданое, которое принесла упомянутая невеста из дома… в дом упомянутого жениха золотыми и серебряными вещами, и одеждами. И в знак принятия ее в супруги получила невеста от нас первый могар» («могар мукдам» назван «могар ришон» – первый могар). В нижней части шетара напечатано: «Написал и подписал от лица жениха и невесты во свидетельство верное, благословенны Господом, в указанный день и год». В верхней части шетара карандашом на русском языке написано: «5621 г. 1861. Евпатория». В нижней части: «Гозлев».

Шетар 8. Типографский. Время написания: 20 адара 5630 г. [1870]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Менагем, маскил, сын Юфуды Ефетова Косдини, маскила. Имя невесты: Эстер дочь Аарона Синани, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Садук Моисеевич Мичри. В верхней части шетара карандашом написано: «1870 г.». На задней стороне шетара надпись: «Принесен в дар Карай Битиклиги Б.С.Ельяшевичем в январе 1921 г. № 1».

Шетар 9. Типографский. Время написания: 2 нисана 5638 г. [1878]. Место: Бахчисарай. Имя жениха: Исаак сын Мордехая Ичаджика, маскила. Имя невесты: Хана дочь Моше Орака, габбая, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Юфуда Соломонович Узун Йерушалми (или Хаджи Узун). Выражение «И вот драгоценности, которые послал упомянутый жених жене его, упомянутой невесте, могар для выкупа» и «И вот приданое, которое принесла невеста из дома отца своего в дом мужа своего, вещи золотые и серебряные и одежды» – напечатаны в типографии. На задней стороне шетара надпись в два столбца: 1. В правом столбце написано карандашом: «Принесен в дар Карай Битиклиги Б.С.Ельяшевичем в январе 1928 г.

[6] Когда в тексте шетара не указана фамилия, ее можно установить по подписям свидетелей, среди которых нередко выступают родители жениха и невесты и другие родственники.

[7] Исаак Иосифович Синани (1833–1890) – в 1856–1861 гг. исполнял обязанности газзана в Симферополе, с 1861 по 1870 г. – старший газзан в Симферополе.

№ 5»; 2. В левом столбце написано карандашом: «Этот шетар (документ) принесен в дар караимской библиотеке «Карай Битиклиги» в г. Евпатории Саррой Исааковной Ичаджик 15 октября 1926 г». Другим карандашом дописано: «Через меня Б.Ельяшевич».

Шетар 10. Типографский. Время написания: 26 менахема (ава) 5640 г. [1880]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Нагаму сын Авраама Эмильдеша. Имя невесты: Сарра дочь Берахи Неймана, габбая. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Авраам Моисеевич Ефет. Особенности: 1. Могар жениха указан после списка приданого невесты; 2. Ниже текста в «Шетар ниссуин» от руки на иврите написано: «Этот «Шетар га-ниссуин» написал и подписал я, газзанствующий здесь, в святой общине Гезлёва, Авраам, сын почтенного рибби Моше Ефета, благословенна его память»; 3. Среди подписей свидетелей имеется также подпись второго старшего газзана Евпатории Юфуды Исааковича Савускана. В верхней части шетара карандашом написано: «1880 г.». На задней стороне шетара синим карандашом написано: «Принесен в дар Карай Битиклиги в январе 1928 г. Б.С. Ельяшевичем. № 6».

Шетар 11. Время написания: 14 кислева 5648 г. [1887]. Место: Бахчисарай. Имя жениха: Барух Коген, маскил, сын Элиэзера Айваза Когена, маскила. Имя невесты: Бикенеш дочь Самуила Шоле, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Юфуда Соломонович Узун Йерушалми (или Хаджи Узун). Выражение «И вот драгоценности, которые послал упомянутый жених жене его, упомянутой невесте, могар для выкупа» и «И вот приданное, которое принесла невеста из дома отца своего в дом мужа своего, вещи золотые и серебряные и одежды» – напечатаны в типографии. Особенность: Ниже текста в «Шетар ниссуин» от руки на иврите написано: «Написал и подписал я, газзан Юфуда, сын Соломона Узуна Йерушалми, благословенна его память». В верхней части шетара надпись карандашом на русском языке: «18 ноября (слово «ноябрь» написано еврейской графикой) 1887 г. Бахчисарай».

Шетар 12. Время написания: 3 хешвана 5648 г. [1887]. Место: г. Евпатория (в тексте Гезлёв). Имя жениха: Соломон сын Авраама Шайтана, маскила. Имя невесты: Сарра дочь Изекеиля Чавке, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Авраам Моисеевич Ефет. Особенности: 1. «Могар мукдам» и «могар моахар» указан в конце списка приданого в «Шетар кеттубин»; 2. Ниже текста в «Шетар ниссуин» от руки на иврите написано: «Благословил и засвидетельствовал венчание (киддуш. – *В.Е.*) это старший газзан Авраам Ефет». В нижней части шетара надпись карандашом на русском языке: «8 октября (слово «октябрь» написано еврейской графикой) 1887 г.»

Шетар 13. Рукописный. Время написания: 4 шевата 5648 г. [1888]. Место: г. Екатеринослав (совр. Днепропетровск). Имя жениха: Эзра сын Мордехая Зенгина. Имя невесты: Эстер дочь Мордехая Бабаджана. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Сима Шалом Ильич Бобович, газзан в Мелитополе.

Фрагмент рукописного шетара 1887 г. *ЕКМ*

Шетар 14. Типографский. Время написания: 28 хешвана 5652 г. [1892]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Ханука сын Моше Тирьяки. Имя невесты: Сарра дочь Симы Паша. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Авраам Моисеевич Ефет. Особенности: 1. Среди подписей свидетелей стоит подпись младшего газзана Евпатории Моисея Самуиловича Неймана. 2. Ниже текста в «Шетар ниссуин» от руки на иврите написано: «Благословил и засвидетельствовал венчание (киддуш. – *В.Е.*) это старший газзан Авраам Ефет». На задней стороне шетара синим карандашом написано: «Пр[инесен в дар] в Карай Битиклиги Б.С.Ельяшевичем в январе 1928 г. № 7».

Шетар 15. Типографский. Время написания: 12 шевата 5693 г. [1893]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Самуил сын Авраама Чельтека. Имя невесты: Бийм дочь Шаббетая Чалборю. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Авраам Моисеевич Ефет. Особенности: 1. Ниже текста в «Шетар ниссуин» от руки на иврите написано: «Благословил и засвидетельствовал венчание (киддуш. – *В.Е.*) это старший газзан Авраам Ефет». 2. Среди подписей свидетелей одна подпись на русском языке (неразборчиво).

Шетар 16. Типографский. Время написания: 26 таммуза 5654 г. [1894]. Место: г. Феодосия (в тексте – Кефе). Имя жениха: Самуил сын Юфуды Майтопа, маскила. Имя невесты: Эстер, маскелет[8], дочь старшего газзана Ильи Бобови-

[8] Образованная.

Фрагмент типографского шетара 1899 г. *ЕКМ*

ча[9]. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Бабаджан Моисеевич Бабай (Бабаев). Среди подписей свидетелей стоит подпись брата невесты – Бабакая Ильича Бобовича. Особенности: 1. В конце текста «Шетар ниссуин» от руки еврейской графикой написано: «17 июля 1884 года по [христианскому] счислению». 2. Подпись невесты «Эстер Бобович» написана на русском языке. 3. Возле подписи газзана в нижнем правом углу шетара стоит печать с изображением двуглавого орла в центре и с надписью на русском языке по окружности: «Печать феодосийской караимской синагоги».

Шетар 17. Типографский (типография М.Бейленсона). Время написания: 17 адара 5659 г. [1899]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Юфуда сын Мордехая Культе. Имя невесты: Хана дочь Исаака Эринчека. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Сима Хилькиягович Дубинский. Особенности: 1. Возле подписи газзана стоит печать с билингвой (на иврите и русском языке): «Старший газзан Сима сын Хилькиягу Дубинского, благословенна его память» (иврит) и «Караимский газзан С.Х.Дубинский» (русский язык). 2. В нижней части шетара за пределами орнаментальной рамки напечатано: «Дозволено цензурою. – Одесса, 15-го мая 1895 г. Тип. М.Бейленсона».

Шетар 18. Типографский. Время написания: 19 элула 5661 г. [1901]. Место: г. Николаев. Имя жениха: Нагаму сын бахчисарайского мещанина Иосифа

[9] Илья Бабакаевич Бобович – газзан в Феодосии с 1876 по 1888 г., предшественник Б.М.Бабаева. Во время написания шетара И.Б.Бобовича уже не было в живых.

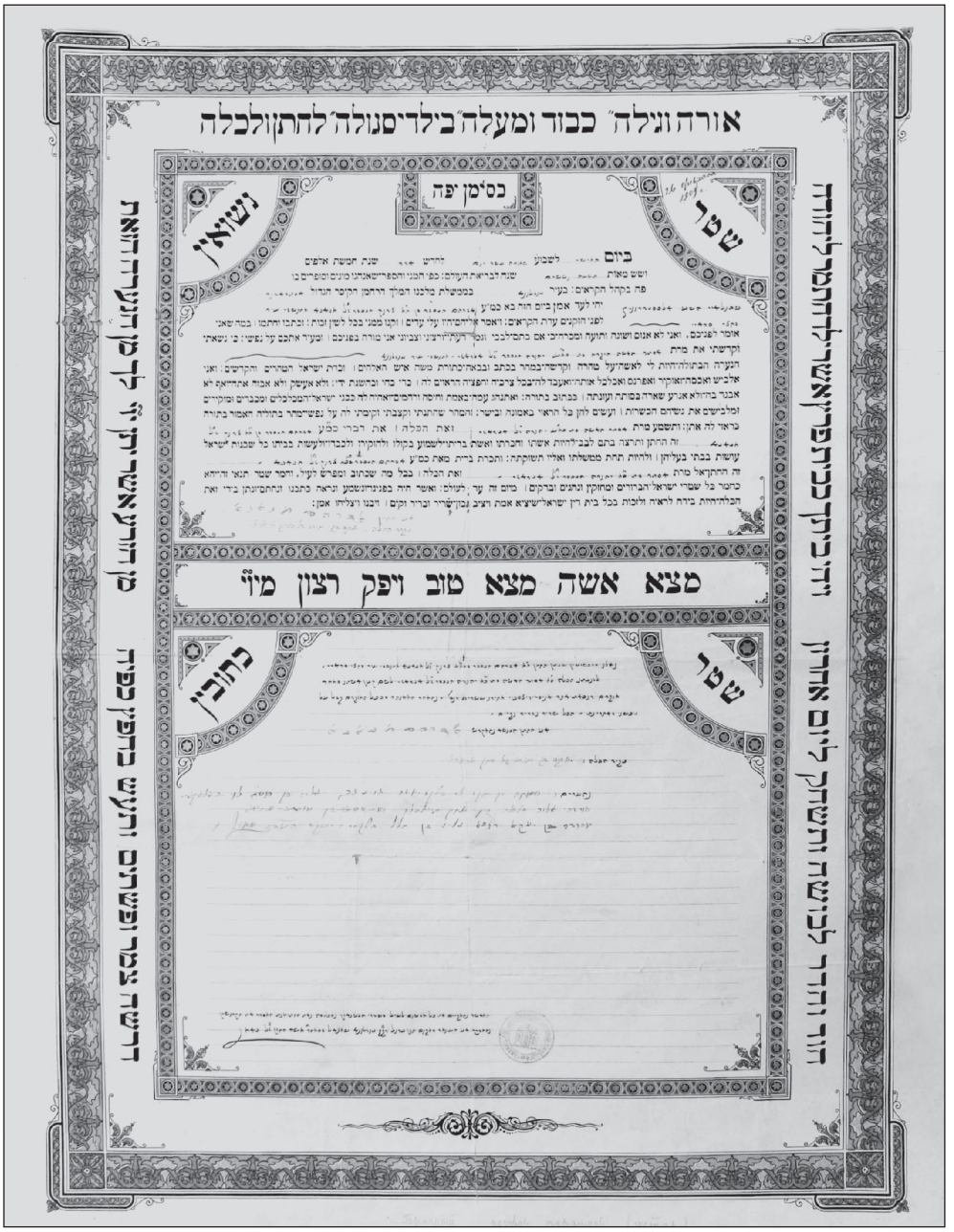
Манана (после имени Нагаму написано синонимичное ему имя Бабакай). Имя невесты: Эстер дочь бахчисарайского мещанина Ильи Черкеза. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Микаэль Афедович Коген. Особеннсти: 1. В «Шетар ниссуин» указана сословная принадлежность родителей жениха и невесты – бахчисарайский мещанин; 2. Возле подписи газзана стоит печать с изображением двуглавого орла в центре и надписью на русском языке по окружности: «Печать Николаевской караимской синагоги». 3. В нижней части шетара напечатано: «ШТАРЪ КЕТУБА, т. е. брачный акт. Дозволено цензурою. Одесса 30 сентября 1894 г. Николаевъ. Русская типолитография». В верхней части шетара карандашом написано: «5661 г. Николаев. 1901 г.».

Шетар 19. Типографский. Время написания: 6 таммуза 5666 г. [1906]. Место: г. Феодосия (в тексте – Кефе). Имя жениха: Исаака сын Юфуды Борю. Имя невесты: Бикенеш дочь Юфуды Кефели, маскила. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Бабаджан Моисеевич Бабай (Бабаев). Особенности: 1. В верхней части шетара чернилами на русском языке написано: «Брак расторгнут на осн. ст. 1290 т. XI ч. I Устава Д.Д.И.И[10]. изд. 1896. 24 марта (6 апреля) 1919 г. Мл. газзан Григулевич». 2. После текста в «Шетар ниссуин» написано: «4 июня (слово «июнь» – еврейской графикой) 1906 г.». 3. Подпись невесты в «Шетар кеттубин» записана на русском языке: «Бекенешъ Юфудовна Кефели». 4. В нижней части шетара напечатано: «Дозволено цензурою. Одесса, 11 июня 1904 г. Литография Д.О.Харченко. Севастополь».

Шетар 20. Типографский. Время написания: 18 адара 5669 г. [1909]. Место: г. Евпатория (в тексте – Гезлёв). Имя жениха: Авраам сын Чадука Манана, «из жителей Бахчисарая». Имя невесты: Эстер дочь Юфуды Эндазе. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Самуил Моисеевич Нейман, исполняющий должность старшего газзана в Евпатории. Особенности: 1. В верхнем правом углу шетара на русском языке написано: «26 февраля 1906 г.». 2. В конце текста «Шетар ниссуин» стоят подписи жениха и представителя невесты. 3. В «Шетар кеттубин» отсутствует список приданого невесты (возможно, была сиротой и бесприданницей). 4. Возле подписи газзана стоит печать с символическим изображением кенасы в центре и с надписью на русском языке по окружности: «Газзан евпаторийской караимской синагоги». 5. В нижней части шетара напечатано: Дозволено цензурою. Одесса, 11 июня 1904 г. Литография Д.О.Харченко. Севастополь». 6. На задней стороне шетара надпись на древнееврейском языке: «Шетар этот отменен решением [суда] от 17 января 1911 г. Об этом свидетельствую я, исполняющий должность старшего газзана в святой общине Гезлёва Самуил Нейман». В верхнем углу на задней стороне шетара карандашом написано: «17. Э. 13–7–1942 г. Евпаторийский караимский музей. Инв. № 60».

Шетар 21. Типографский. Время написания: 1 второго адара 5670 г. [1910]. Место: г. Николаев. Имя жениха: Ильягу сын бахчисарайского мещанина Якова Паша. Имя невесты: Хана дочь херсонского мещанина Соломона Гоголя. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Са-

[10] Духовных Дел Иностранных Исповеданий.

Шетар 1909 г. *ЕКМ*

муил Симович Иртлач-Мангуби. Особенности: 1. В верхней части шетара надпись карандашом: «№ 1». 2. В «Шетар ниссуин» указана сословная принадлежность родителей жениха и невесты – бахчисарайский мещанин и херсонский мещанин. 3. Подпись невесты и одного из свидетелей написана на русском языке: «Анна Соломоновна Гоголь» и «Соломон Авраамович Максимаджи». 4. В подписи газзана стоит дата, по караимскому и григорианскому календарю (28 февраля 1910 г.). 5. В нижней части шетара напечатано: ШТАРЪ КЕТУБА, т.е. брачный акт. Дозволено цензурою. Одесса 30 сентября 1894 г. Николаевъ. Русская типо-литография». 6. На задней стороне шетара надпись на древнееврейском языке: «По решению суда Таврического Духовного Правления от 13 августа 1913 г. аннулирован, что засвидетельствовал и подтвердил исполняющий должность старшего газзана Самуил сын почтенного рибби и учителя Моисея Неймана, благословенна его память».

Шетар 22. Типографский, двуязычный (в правой части шетара текст на древнееврейском языке, в левой части шетара – перевод на русский язык). Время написания: 23 элула 5679 г. [1919]. Место: г. Бахчисарай. Имя жениха: Яков сын Давида Пьясора, он же Мересиди, «из жителей Кефе» (Феодосия). Имя невесты: Лея дочь Авраама сына Ильягу Бараша, «из жителей Кефе». Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар – Исаак Самуилович Сапак. Особенности: 1. В верхней части шетара надпись на русском языке: «Брак расторгнут на осн. ст. 1290 т. XI ч. I Устава Дух.Д.И.И изд. 1896 г. 20 (…)[11] 1921 г. Мл. газзан Круглевич». Надпись карандашом: «5679 г. Бахчисарай. 1919 г.». 2. Отсутствует запись приданого невесты. 3. Одна из подписей свидетелей написана на русском языке: «Ю.Г.Зенгин». 4. Возле подписи газзана печать нового образца, утвержденная Гахамом С.М. Шапшалом, с пятиконечной звездой в центре и надписью на русском языке по окружности: «Караимская кенаса в г. Бахчисарае». 5. Левая часть шетара на русском языке не заполнена.

Шетар 23. Типографский, текст «Шетар ниссуин» записан на нижней части шетара «шетар кеттубин» образца 1859 года (возможно, вторичного использования). Время написания: 10 кислева 5685 г. [1924]. Место: г. Симферополь. Имя жениха: Яков Авраамович Коген-Пенбек. Имя невесты: Мария (Мильке) Ильинична Туршу. Имя газзана, совершившего обряд бракосочетания и написавшего шетар, не указано, но если судить по времени и месту написания шетара – это симферопольский газзан Исаак Юфудович Ормели. Особенности: – 1. Записана только первая часть шетара «Шетар ниссуин» на русском языке. 2. На иврите крупными буквами написано название первой части шетара «Шетар ниссуин», фраза «Кто нашел жену, тот нашел благо и благодать от Господа» и слова перед подписями жениха и невесты «я жених» и «я невеста». 3. В нижней части шетара в орнаменте на русском языке написано: «1924 г. 7-го декабря. Симферополь». 4. В верхней части шетара записан номер «№ 3».

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 20 (29)

[11] Неразборчиво.

Вячеслав
Ельяшевич

КАРАИМСКОЕ РАЗВОДНОЕ ПИСЬМО *ГЕТ*

В традиционной караимской культуре брачное право представлено тремя документами: заручальный акт (шетар эрусин), брачный договор (шетар), и разводное письмо (гет питтурин). Если караимский брачный договор, представляющий собой не только юридический документ, но и ценный исторический, этнографический и даже художественный материал, изучен достаточно хорошо, то шетар эрусин и гет питтурин совершенно обойден вниманием исследователей. Чтобы восполнить этот пробел, в данной работе мы рассмотрим один из этих документов, разводное письмо (иначе – разводной лист).

Брачное право у караимов регламентировалось двумя самыми авторитетными религиозными трактатами: это книга «Ган Эден» («Райский сад») Аарона бен Ильягу га-Рофе (XIV) и книга «Аддерет Эльягу» («Мантия Эльягу») Эльягу бен Моисея Башиячи (XV). Обе книги представляют собой обширный галахический (законоведческий) корпус, комментирующий и дополняющий основные законоположения Торы. В разделе «Седдер Нашим» («Правила о женах») обеих книг подробно изложены все нормы и постановления о браке, однако, учитывая тот факт, что в архивных документах в связи с разводом чаще всего упоминается «Аддерет Эльягу», мы возьмем за основу именно эту книгу. Из четырнадцати глав «Седдер Нашим» книги «Аддерет Ильягу» три главы посвящены разводу (*герушин*) с разъяснением всех условий и прав обеих сторон.

Основание для развода находится в Торе (Второзаконие 24:1), где сказано: *«Если возьмет человек жену и войдет к ней, то если не понравится она ему, потому что нашел он в ней какой-либо ущерб (эрват давар), то пусть напишет ей разводное письмо (сефер критут), и даст ей в руку, и отошлет ее из дома своего*». Этот стих является краеугольным камнем бракоразводного права у караимов. Он давал право мужу развестись с женой, но только в том случае, если на это имелась веская причина – *«потому что нашел он в ней какой-либо ущерб». «Жена не может быть разведена по одному желанию мужа, но только в том случае, если есть «эрват давар»* – так начинается двенадцатая глава «Об условиях развода» раздела «Седдер Нашим»[1]. Поскольку в Торе нет никаких пояснений относительно выражения *эрват давар*, которое буквально переводится как «срамное дело» (или «что-то срамное»), то эту задачу пришлось решать богословам. В «Седдер Нашим» *эрват давар* определяется через слово *мум* – ущербность, недостаток или непереносимое увечье. *Мум* делился на два вида: душевный и телесный, которые в свою очередь делились на несколько подвидов. К душевному недостатку относили, нарушение заповедей Торы, например, осквернение субботы и употребление в пищу нечистой еды. Телесный недостаток делился на малый и большой, врожденный и приобретенный. На-

[1] Здесь и далее все цитаты приводятся по книге Ильягу бен Моше Башиячи «Сефер га-мичвот га-никра Аддерет Эльягу». Константинополь, 1531. Л. 110.

пример, поводом для развода могли быть веснушки на лице или плохой запах изо рта, которые определялись как малый недостаток. К большим телесным недостаткам относились неизлечимые болезни, глухота, слепота, слабоумие и так далее. Одним из подвидов телесного недостатка был недостаток характера, к которому относились, например, плохой характер и супружеская неверность.

Право на развод Тора предоставляет только мужчине, но применяя принцип аналогии, Эльягу бен Моисей Башиячи дает право на развод также и жене: *«И как мужчина может развестись при условии эрват давар, то также и женщина может развестись при условии эрват давар»*. В «Седдер Нашим» сказано, что жена может развестись с мужем, если он не выполняет условий брачного договора, *«лишает ее одежды, пищи и супружеского сожительства»*, если болен неизлечимой болезнью, бесплоден и имеет нестерпимые душевные и телесные недостатки. Согласно «Аддерет Эльягу» жена могла развестись с мужем даже без его согласия и без разводного письма.

Кроме *эрват давар* «Аддерет Эльягу» указано еще одно основание для развода, которое не упоминается в Торе, – это обоюдное согласие супругов *берачон шенину* (буквально – «по желанию обоих»). В «Седдер Нашим» сказано: *«Женщина не разводится иначе, как в доме суда согласно упомянутым условиям в том случае, если нет полюбовного согласия на развод, но если есть полюбовное согласие, то не надо условий, только напишет ей разводное письмо (сефер критут), как написано "и напишет разводной лист" и даст ей в руки»*.

Итак, по караимскому религиозному закону супруги могли развестись в двух случаях: если есть обоюдное желание (*бе-рачон шенину*) и если у одного из супругов обнаруживается какой-нибудь недостаток (*эрват давар*). В давние времена развод производился в доме суда (*бет дин*), а с 1839 года – в Таврическом и Одесском Караимском Духовном Правлении в Евпатории[2], куда разводящиеся супруги, где бы они не проживали, должны были явиться для рассмотрения их дела. Бракоразводное дело вел Гахам и два старших газзана Большой и Малой евпаторийских кенас. Для начала супругам предлагали примириться, и если они на это не соглашались, то тогда приступали к судебному разбирательству. Если с обеих сторон было согласие на развод (*бе-рачон шенину*), то тогда составлялось разводное письмо, и на этом бракоразводный процесс и заканчивался, но если одна из сторон не была согласна на развод, то тогда от желающего развестись требовали на то оснований (*эрват давар*), при отсутствии которых развода могли не дать.

Право выдавать разводное письмо принадлежало мужчине, но в том случае, если мужчина отказывался выдавать письмо, а у женщины были основания для развода, то Духовное Правление, становясь на защиту интересов женщины, выдавало ей разводное письмо, которое имело такую же силу, как письмо, выданное мужем. В Торе разводное письмо называется *сефер критут* (буквально «книга расторжения»), но караимы, вероятно, еще со времен Аарона бен Эльягу га-Рофе использовали заимствованное из Талмуда название *гет питтурин*, или сокращенно *гет*. Именно этот термин встречается в книгах «Ган Эден» и «Аддерет Эльягу», а Эльягу Башиячи в 12-ой главе «Седдер На-

[2] С 1863 г. также и в Духовном Правлении западных губерний Российской империи.

шим» среди прочего сообщает, что так разводное письмо называется у талмудистов. Интересно, что в тексте разводного письма используются три термина с одинаковым значением в таком порядке: *гет питтурин*, *сефер критут* и *аггерет шиббукин*. Отличительной особенностью разводного письма является его нетрадиционное датирование – в отличие от шетаров, датировавшихся по эре «от сотворения мира», дата в *гет питтурин* записывалась «от разрушения второго Храма» (второго Иерусалимского Храма. – *В.Е.*) – *ле хурбат бет шени*, вероятно в знак разрушения семьи. Поскольку, как известно, караимы не признавали святость второго Храма, этот факт можно объяснить только влиянием раввинистической традиции.

Бракоразводным правом, изложенным Эльягу бен Моисей Башиячи в книге «Аддерет Эльягу», караимы руководствовались на протяжении нескольких веков вплоть до XX века, что подтверждается документами из архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Ниже мы приводим несколько текстов, дающих представление о бракоразводном праве у караимов XV–XIX веков. Ключевые термины в переведенных текстах даются без перевода.

Образец текста гет питтурин из книги «Аддерет Эльягу»[3].

«В (...) день недели, в (...) день месяца (...) в (...) году от разрушения второго Храма, в городе (...), я (имярек), сын (имярек) дал развод, отпустил и оставил (имярек), дочь (имярек), которая была мне женой, потому что нашел в ней *эрват давар*, и развожусь с ней и отпускаю ее посредством этого *гет питтурин*, с этого дня и далее она не является моей женой, а я ее мужем, она не имеет ко мне влечения, и я не являюсь ее господином[4]. И она отпускается мною, и свободна и может выходить замуж за того мужчину, за которого пожелает. И мужчина не может стереть ее рукой от своего имени с этого дня и далее. И это ей *гет питтурин*, и *сефер критут* и *аггерет шиббукин* согласно религии Моисея и Израиля.

Письмо из архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 193. Л. 2)

Октября дня 1873 года

В Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий

На предписание онаго Департамента от 5 прошлого Сентября за № 2136 караимское Духовное Правление имеет честь донести, что браки караимов расторгаются по караимскому закону Пятикнижия Моисеева книги 2-й Закона главы 24-й и книги Сефер Адерет и Ган Эден и прочие, по нижеследующим причинам: ежели муж не исполняет данной при венчании клятвенной присяги, а именно не доставляет жене своей одежды, пищи и супружеской любви или же не исполняет религиозного закона, то жена имеет право требовать развод. Буде же жена не повинуется мужу без нравственная, не исполняет закона ре-

[3] Перевод с древнееврейского языка В.А.Ельяшевич.

[4] Реминисценция на книгу Бытие, 3:16: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет властвовать над тобою».

лигии, имеет неизлечимую болезнь, или же не имеет девственности, или же в течение 10 лет не имеет детей, то муж имеет право на развод. Если же все это подтверждается ясными доказательствами, расторгаются браки следующим порядком. После разбора к разводу супругов выдается гет, то есть разводной лист. Ежели кто из супругов не желает выдать, то тогда выдается от Духовного Правления женщине разводной лист, а мужчине Свидетельство по удостоверению мужем иску, то есть по венчальному акту. Причем Духовное Правление присовокупляет, что кроме вышеобъявленных причин есть и другие причины, имеющие право на развод, которые рассматриваются и разводятся по суду Духовного Правления согласно параграфу 29 1097 ст. XI т. части 1-й 1864 года.

Гет питтурин 1868 года из архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 115. Л. 33)[5]

В четвертый день недели, в пятый день месяца сиван 1800 года от разрушения второго Храма был написан этот *гет питтурин* в большом доме суда в Гезлеве[6] (в Духовном Правлении). И дан в руки госпоже (имярек)[7], скромной, почтенной, дочери уважаемого господина (имярек) из города Одессы, которая была женой почтенного господина (имярек). Согласно приговору большого дома суда от 12 февраля 1868 года: так как вышеупомянутый (имярек) нарушил брачный союз с вышеупомянутой (имярек) и не выполнил союза, написанного в Торе, лишив ее пищи, одежды и супружеского сожительства. И оставил ее в доме ее отца как оставленную жену без развода, в лишении на целых три года. И на все уговоры большого дома суда не причинять страданий дочери Израиля, лишенной мужа и скорбящей, ответы его были обманчивы. Поэтому было решено в большом доме суда взять ее у него через *гет*. И ответил вышеупомянутый (имярек), что не согласен он подписывать *гет*. И тогда вынужден был большой дом суда поставить подпись за него, имеющую такую же силу, как его собственная подпись, с 8 февраля 1868 года, и которая разрешает большому дому суда написать и подписать вместо него, в то время как он отказался сам подписать. И подпись большого дома суда считается действительной как его подпись. И согласно этому *сефер критут*, с этого дня она не является его женой, а он ее мужем, она не имеет к нему влечения, и он не является ее господином. И она отпускается нами, и она свободна и может выходить замуж за того мужчину, за которого пожелает. И мужчина не может стереть ее рукой от своего имени с этого дня и далее. И это ей *гет питтурин*, и *сефер критут*, и *аггерет шиббукин* согласно религии Моисея и Израиля.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 16 (25)

---

[5] Перевод с древнееврейского языка В.А.Ельяшевич.
[6] Евпатория.
[7] Имена из этого документа пропущены из соображений конфиденциальности.

Вячеслав
Ельяшевич

ТРАДИЦИОННАЯ КАРАИМСКАЯ КУЛЬТОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСЕЙ ИМУЩЕСТВА КЕНАС И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

Все имущество кенасы, начиная со свитка Торы в *арон ha-кодеш* (шкаф для хранения свитков Торы) и заканчивая ковриком для молитвы, в караимской традиции обозначалась термином *ha-кодешлер*, образованным от древнееврейского корня *кодеш* со значением «святыня» и тюркского аффикса множественного числа «лер» – то есть «святыни». Подобное словообразование при помощи древнееврейских корней и тюркских аффиксов было характерно для караимского (крымскотатарского) языка[1]. Например, самоназвание караимов *карайлар* также состоит из древнееврейского корня *карай* – «чтец», и тюркского аффикса множественного числа «лар». На обиходном же тюркском языке имущество кенасы называлось более прозаично – *эшъялар* («вещи», «предметы»).

Как правило, святыни *ha-кодешлер* приносились в дар, или вернее «посвящались» членами общины (в редких случаях приобретались за счет общины) в память (*ле-зехер*) о своих близких умерших родственниках, чаще всего родителей, в год смерти, или же в честь какого-то значимого события, связанного со смертельной опасностью, например, после выздоровления от тяжелой болезни, или избавления от гибели, а также на освещение кенасы.Такие вещи обладали статусом неприкосновенности: их нельзя было продать, обменять или вынести из здания кенасы. На многих предметах, которые жертвовали в кенасу, делали надпись, сообщающую о том, кто и когда и в какую кенасу сделал пожертвование. Надпись выполнялась исключительно на иврите – священном языке *лешон кодеш*, и строилась по такой формуле: *«Зэ (зот) (...) hикдиш/ hикдиша (имярек) бен/бат (имярек) бейом (...) леходеш (...) бишнат (...)»* – Этот (эту) (…) посвятил/а (имярек) сын/дочь (имярек) в (…) день (…) месяца в (…) году».

Основным источником для изучения традиционной религиозной терминологии предметов храмовой утвари служат описи имущества караимских кенас и списки предметов, пожертвованных в кенасу, а также сами сохранившиеся предметы с посвятительными надписями. Из описей имущества кенас, называемых *пинкас келе ha-кодеш* – «пинкас священной утвари», известно две – это, прежде всего самая большая и подробная опись феодосийской кенасы (165 страниц) и опись кенас Бахчисарая и Чуфут-Кале (12 листов). Кроме

[1] Вся терминология на древнееврейском языке (иврите) приводится в произношении крымских караимов.

описей, мы располагаем также списками пожертвованных в кенасу предметов, предоставленных в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление в 1879 году газзанами и габбаями разных городов: Бердянска, Екатеринослава, Карасубазара, Мелитополя, Одессы, Перекопа, Херсона, Севастополя, Симферополя, Феодосии, Ялты[2]. Эти списки для удобства в изложении мы также будем называть описями. Все они написаны на караимском (крымскотатарском) языке еврейской графикой с большим количеством древнееврейской лексики.

Надо сказать, что хотя религиозная терминология крымских караимов не переводилась с иврита и переходила практически без изменений в караимский (крымскотатарский), а затем и русский язык, все же частично тюркская лексика проникла и в эту, священную, область. Поэтому для обозначения многих священных предметов в кенасе существовали аналоги на караимском (крымскотатарском) языке. Рассмотрим терминологию предметов утвари кенасы в том порядке, в котором они указаны в описях имущества, начиная со свитка Торы.

За редким исключением описи имущества кенасы (иначе инвентарные книги) начинаются со свитков Торы[3], которые хранились в алтарной части кенасы, называемой *гехал* (евр. «чертог», «дворец»). Традиционное название Свитка Торы – *Сефер Тора* (букв. с иврита – «книга Торы»). В старинных кенасах таких Свитков Торы могло быть более десятка. Так, например, в кенасе Феодосии хранилось шестнадцать свитков Торы, в кенасах Бахчисарая и Чуфут-Кале на 1879 год – 18 свитков, в среднем же в каждой кенасе согласно описям было в среднем от двух до четырех свитков. По сравнению с печатной книгой к рукописному свитку *Сефер Тора* относились с большим пиететом и читали по нему в праздничные дни и особые субботы. Вот как описывает *Сефер Тора* И.И. Казас в очерке «Богослужение караимов»:

«Рукописная Тора представляет длинный пергаментный свиток, вложенный в деревянный ящик цилиндрической формы и намотанный на две палки, концы которых выходят наружу сверху и снизу и посредством которых он развертывается и свертывается по желанию читающего. Ящик изящно разрисован или обложен бархатом или серебром. На верхние концы палок вдеваются серебряные украшения, называемые таппухим (яблоки), и к ним привешены на тонких цепочках бубенчики, издающие приятный звук при каждом движении ящика. Такой рукописный экземпляр Закона, в отличие от печатного, караимы называют не просто Тора, а Сефер Тора. Он считается верным списком с оригинала, в котором, как известно, упомянутые выше гласные и нотные знаки совершенно отсутствовали. Рукописному списку караимы придают более святости, чем печатному, и потому он вынимается из ковчега только в известные субботы и другие праздничные и высокоторжественные дни»[4].

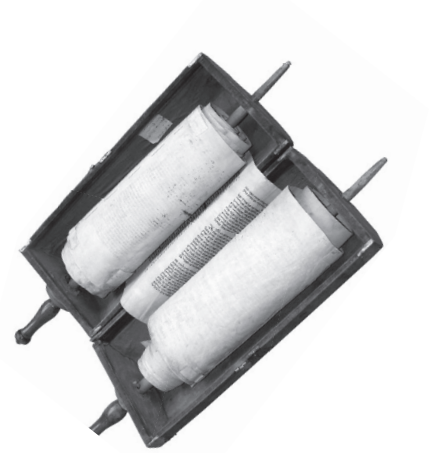
Рассмотрим более подробно терминологию из очерка И.И. Казаса: *«Длинный пергаментный свиток, вложенный в деревянный ящик цилиндрической*

[2] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260.

[3] Исключение составляет опись имущества кенасы Карасубазара.

[4] *Казас И.И.* Богослужение караимов // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4. С. 83–84.

формы» – такой деревянный ящик, или футляр, называется *арон* (евр. «ящик») или *тик* (евр. «футляр»)[5], а по-караимски – *къап* («футляр»)[6]. Если судить по феодосийской описи, в которой указан также материал изделий, то футляр изготавливался, как правило, из орехового дерева, сверху покрывался бархатом – фиолетового, красного, зеленого цветов. Свиток Торы в футляре назывался на иврите *Сефер Тора арони* – «свиток Торы в футляре»[8] или по-караимски *Сефер Тора къапалы*[9], без футляра – *Сефер Тора арон-сыз* (букв. – «свиток Торы без футляра») или *Сефер Тора чыплакъ* (букв. – «голый Свиток Торы»)[10]. *Сефер Тора* в футляре, отделанном серебром, назвался *Кумуш Тора* (*тюрк.* «кумуш/гумуш» – серебро, серебряный)[11] или *Сефер Тора гумуш къапалы*[12]. Сверху на футляр одевается чехол (покрывало для Торы), называемый *масах* (*евр.* «занавес»)[13] или на караимском (крымскотатарском) языке *Тора орьтюсю* («покрывало для Торы»)[14], чаще всего из атласа бордового, малинового, кофейного цвета, иногда с вышитым цветочным орнаментом. Свиток Торы мог быть пожертвован как одним лицом, так и целой группой лиц и в таком случае он назывался *аркадашлар Торасы* (букв. – «Тора товарищей»)[15]. Обычно в дарственной надписи в свитке Торы указывалось, в какую именно субботу следует выносить его из *аронhакодеш* для чтения недельного раздела, но были свитки Торы и на каждую субботу, и назывались они *параша Тора* или *параша Торасы*[16].

Свиток Торы (*Сефер Тора*) в футляре (*тик*, или *къап*). *БИКАМЗ*

«…И намотанный на две палки, концы которых выходят наружу сверху и снизу и посредством которых он развертывается и свертывается по желанию читающего» – деревянный стержень, на который наматывается свиток, называется на иврите *эч хаим* – «древо жизни» (*евр*). У этого термина был

[5] Опись кенасы Феодосии // Карай Битиклиги. 1906. Л. 1–9.

[6] Опись кенасы… Л.1–9; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 247–249.

[7] Здесь и далее фотографии из фондов БИКАМЗ и КЭМ авторства И.Сальникова, В.Темной, О.Белоплотовой. Впервые были опубликованы в книге Д.А.Прохорова «Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов».

[8] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 11.

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 247–249; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 11.

[10] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 11.

[11] Там же.

[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 247–249; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 11.

[13] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46.

[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 231.

[15] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я. Кокенаю от 26.06.1926// Архив Д.М.Гумуша. «Карай Битиклиги».

[16] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 68; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 115.

Эч хаим* или *туткуч. *БИКАМЗ*

более прозаичный аналог на караимском (крымскотатарском) языке – *туткуч* (*тюрк.* «ручка, рукоятка»)[17].

«На верхние концы палок вдеваются серебряные украшения, называемые таппухим (яблоки), и к ним привешены на тонких цепочках бубенчики, издающие приятный звук при каждом движении ящика» – в отличие от еврейской раввинистической традиции, навершия шарообразной формы, одеваемые на верхние концы *эч хаим*, у крымских караимов и крымчаков назывались *таппухим* (мн. число от *евр.* таппувах – «яблоко»)[18]. В русском языке такие навершия назывались *венцы*. Как правило, *таппухим* были из серебра и также имели дарственные надписи чаще на трубочке, одеваемой на *эч хаим*, реже – на самом «яблоке». Караимам был также известен и общееврейский термин *римоним* («гранаты»), который они иногда использовали.

Достав Свиток Торы из *арон ha-кодеш*, его клали на *духан* (см. далее) и читали при помощи специальной серебряной указки, имеющей несколько названий на иврите – *яд* (*евр.* «рука»), *море* (*евр.* «указка») и *шарбит* (*евр.* «трость»)[19]. Интересно, что у этого предмета было также и название на караимском (крымскотатарском) языке *косьтеревич/косьтюревич* (от *косьтермек* – «показывать»), то есть «указатель» или «указка»[20].

Немаловажную роль играло освещение кенасы, и поэтому караимы охотно жертвовали в храм подсвечники, канделябры и люстры в память о своих умерших родственниках. Все без различия осветительные приборы в кенасе назывались на иврите словом *менора* (*евр.* «светильник»), а на караимском (крымскотатарском) языке – *шамдан* («подсвечник», ср. – устар. *шандал)*, *кандиль* («лампада»), позднее – *канделябр* (*рус.*). Подсвечники были из серебра или бронзы, чаще однорожковые и реже – двухрожковые или трехрожковые. Рожок назывался словом *бутакъ* (ветка), и если подсвечник, например, был трехрожковый, то его название звучало так – *уч бутакълы шамдан*[21]. Однорожковые подсвечники ставились на низкие скамеечки для каждого молящегося и

[17] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю от 29.10.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».

[18] Опись кенасы… Л. 19–23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 244–245.

[19] Опись кенасы… Л. 23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 244.

[20] Опись кенасы… Л. 23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 51; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 231.

[21] ГАРК. Ф. 499. Д. 23. Л. 3(об).

***Таппувах*.**
Из фондов Феодосийского музея древностей

Люстра. *БИКАМЗ*

поэтому их в кенасах обычно было много. Например, в кенасе Феодосии было 44 однорожковых подсвечника из серебра. Подсвечники для одной большой свечи назывались *бой чыракъ* (*тюрк.* «длинная свеча»)[22], подсвечник, подвешиваемый к стене – *дивар шамдан* (*тюрк.* «настенный подсвечник»), хрустальный подсвечник – *биллур менора* (*тюрк-евр.*). Обязательным атрибутом алтаря был подвесной светильник/кадильница, зажигаемый во время богослужения – *нер тамид* (*евр.* «неугасимый огонь»).

Люстра – *менора*, *асма кандиль* (тюрк. «подвесной светильник»), *люстра* (*рус.*). Например, в кенасе Феодосии было девять бронзовых люстр в три ряда (напротив *гехала*, слева и справа от него) и одна деревянная люстра в *мошав зекеним* (букв. – «седалище старцев» – отделение в кенасе для пожилых людей и пребывающих в трауре, занимающее все пространство под женским балконом между северной стеной и аркадой балкона). Самая большая из них – в шестнадцать свечей. В кенасе Одессы к 1879 году было девять хрустальных люстр – *биллур люстра*[23]. В Бердянской кенасе была бронзовая люстра в двадцать четыре свечи, названная *менора*[24]. В кенасе Евпатории люстр было двенадцать[25]. Во всех известных нам описаниях внутреннего интерьера кенас обращается внимание на большое количество люстр и светильников. В Большой Евпаторийской кенасе светильников разных форм и размеров было так много, что на посетившего ее Н.С.Филипова она произвела впечатление лампового магазина: «Дело в том, что с потолка свешиваются целые десятки люстр самых разнообразных форм, цветов и материалов, точь-в-точь как в магазинах, торгующих бронзой и лампами». На вопрос, почему все люстры разные, Н.С.Филипов получил ответ, что они пожертвованы в разное время[26]. В бахчисарайской

[22] Опись кенасы… Л. 32.
[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 51.
[24] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46.
[25] *Горчакова Е.* Воспоминания о Крыме. М., 1883. С. 27.
[26] *Филипов С.Н.* По Крыму. Отражения. М, 1889. С. 25.

Парохет. *БИКАМЗ*

описи упоминаются люстры под названием *могъор Сулейман* (*тюрк.* «печать Сулеймана»), представляющие собой скрещенные звездообразно треугольники[27]. Кадильница – *гавиа*[28] (*евр.* «чаша», см. кн. Бытие, 44:5), небольшая серебряная чашечка с крышкой для оливкового масла, подвешиваемая на трех цепочках. В бахчисарайской кенасе хранились кадильницы для *гавдалы* (окончание субботы), которые назывались *гавдала фильджаны*[29]. Здесь же, вопреки распространенному мнению о том, что караимы не пользовались мезузами, хранились четыре серебряные *мезузы* с молитвой «Слушай, Израиль…»[30]. В некоторых описях отдельно указывается надпись «Слушай, Израиль», *асерет ha-деварим* («десять заповедей) и *Кетер Тора* (*евр.* «корона Торы») на алтаре[31].

Учитывая, что все светильники в кенасе назывались словом *менора*, практически не представляется возможным выделить из них собственно семисвечники. Например, в описи карасубазарской и симферопольской кенас все светильники разделены на меноры, шамаданы и кандили, из чего можно сделать вывод, что в этом случае менорами названы именно семисвечники. По словам Б.С.Ельяшевича в Большой кенасе Евпатории на духане перед алтарем стоял семисвечник или два однорожковых подсвечника – это редкое упоминание о семисвечнике в кенасе[32].

Неотъемлемым культовым предметом караимской кенасы является алтарный занавес – *парохет* (*евр.* «занавес» – по аналогии с завесой в Скинии Завета, закрывающей Ковчег Завета и отделяющей Святилище от Святая Святых[33]). *Парохетом* также называлась скатерть на *духан*. В Феодосийской описи такой *парохет* назван *парохет катан* (*евр.* «маленький парохет»). В описях встречаются названия *буюк парохет* и *кичик/уфакъ парохет* (большой и маленькие парохеты). Изготавливался *парохет* из дорогих материй, таких как атлас, шел-

[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 244.
[28] Пять книг Торы издания Мосад Арав Кук. Иерусалим, 1878. С.58.
[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 240; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1665. Л. 4.
[30] Там же. Л. 242.
[31] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 244; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 51; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 68; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 235.
[32] *Ельяшевич Б.С.* Евпаторийские кенасы. Краткое описание. Евпатория, 1928. С. 12.
[33] Исход, 26:31–33.

Манълайча. *БИКАМЗ*

ковый фай, баракан, парча, и с более простой хлопчатобумажной подкладкой на тыльной стороне. Очень часто, если парохет был сделан из фая или парчи, то он обрамлялся полоской из атласа или бархата. Обычно украшался цветочным орнаментом, иногда – бахромой (*сачакъ*) или кистями (*пюскюль*). Цвета парохета самые разные: зеленый, красный, коричневый, синий, бордовый, малиновый, вишневый, лимонный, молочный и т. д. В верхней части *парохета* пришивался наличник, называемый на караимском (крымскотатарском) языке *манълайча* («налобник», от «манълай» – лоб), на котором вышивалась дарственная надпись с указанием имени дарителя, места и времени пожертвования, в честь чего или в память о ком оно сделано[34]. Интересно, что в описи феодосийской кенасы вместе с *парохетами* упоминается также *иерусалимская бохча*, которая, видимо, служила для хранения вещей.

В самой подробной из известных нам описей имущества кенас – феодосийской – вслед за *парохетами* указываются *таллеты*[35] и *чичиты*. *Таллет* – молитвенное облачение газзана и митпаллеля в виде покрывала из шелковой или льняной ткани белого цвета с синими кистями на четырех углах. Этимология слова не ясна. Существует предположение, что в древности так называлась повседневная верхняя одежда. *Таллет* украшался бархатным наличником/налобником (нашивка в виде широкой бархатной полоски) с двумя стихами из ТаНаХа, значительно реже – с дарственной надписью. Такой наличник во время облачения находился на голове молящегося и потому назывался также, как и в случае с парохетом, *манълайча* – «налобник». Чаще всего на *манълайча* встречается следующая надпись: «Жить буду вечно в шатре Твоем, укроюсь под сенью крыл Твоих. Села!»[36]; «Во всякое время будут белы одежды твои, и да не оскудеет елей на голове твоей»[37]. Реже встречаются и другие стихи. Интересно, что в описи карасубазарской кенасы *таллет* имеет название *дюльбент таллет*, видимо, из-за сходства с таким предметом женской одежды, как *дюльбент* (тоже самое, что и марама) – накидкой на голову[38].

Вслед за таллетами в описях указываются *чичиты* – сложенные в несколько раз в виде шарфа *таллеты*. Другое название *чичита* у крымских караимов – *арба кенафот* (*евр.* «четыре края [одежды]»). В очерке И.И.Казаса *чичиту* дается следующее определение: *«Это тоже, что и таллет, но сложенный в*

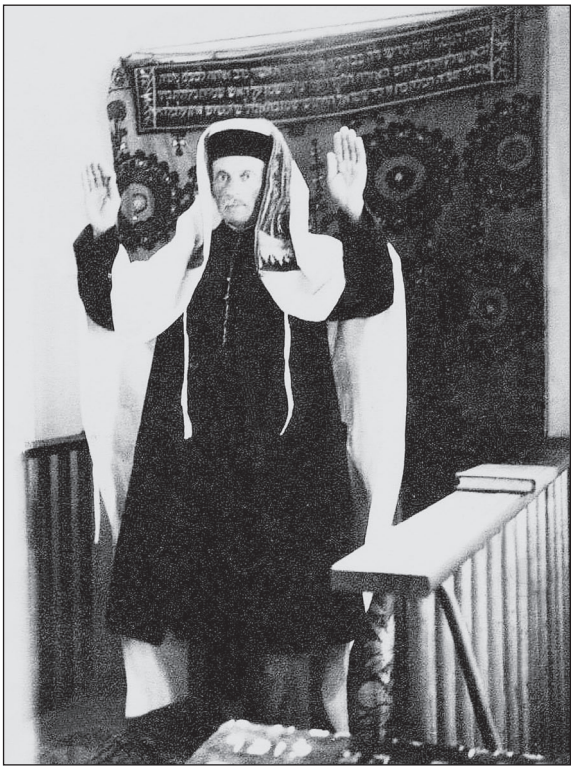
[34] РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143. Д. 1538. Л. 1.

[35] *Таллит* в произношении крымских караимов. См.: Казас И.И. Богослужение караимов // Караимская жизнь. Кн. 3–4. М. 1911. С. 79.

[36] Псалтирь, 60:5.

[37] Екклесиаст, 9:8.

[38] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1679. Л. 2.

Газзан Б.С.Ельяшевич в *таллете*.
«Карай Битиклиги»

***Чичит* с нашивкой *чичит баши*.**
ЕКМ

несколько раз и накидываемый на плечи так, что концы его падают спереди почти до колен, а висящие на шелковых шнурках кисти его надеваются на мизинцы обеих рук»[39]. На краях *чичита* делались квадратные нашивки из бархата, обычно бордового, красного и кофейного цветов с цветочным орнаментом, нередко вышитым канителью и пайетками *пуллу*. Такие нашивки назывались *чичит баши* (*евр.* и *тюрк.* букв. – «глава чичита»)[40]. Интересно, что у феодосийских караимов петля в *чичите*, в которую вдевался мизинец, назвался также как и ручка *Сефер Тора – туткуч*[41]. *Чичиты*, как и остальные предметы в кенасе, жертвовались членами общины, и поэтому на некоторых нашивках можно увидеть имя дарителя. Нам известно, что в Большой кенасе Чуфут-Кале *чичиты* висели на стенах, а в Большой кенасе Евпатории – в специальных мешках, подвешенных к колоннам женского балкона[42].

Говоря о традиционной караимской религиозной терминологии, следует упомянуть статью Н.В.Кашовской «Караимская коллекция в фондах ГМИР»,

[39] *Казас И.И.* Богослужение караимов // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4. С. 79.
[40] Опись кенасы… Л. 96.
[41] Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я.Кокенаю, 29.10.1930 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги».
[42] *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале. Одесса, 1862. С. 48; *Горчакова Е.* Воспоминания…С. 28.

Нашивка *чичит баши*. *ЕКМ*

Три *духана* в кенасе Феодосии

в которой упоминается еще одно название *таллета* – «шапсей». По словам Н.В.Кашовской так был назван *таллет* в описи караимских культовых предметов, переданных А.И.Полкановым в 1932 году в Музей истории религии АН СССР. «*Это культовые ритуальные вещи,* – пишет Н.В.Кашовская, – *которые в караимской традиции известны под двумя названиями: чичит (цицит) или шапсей…*»[43]. Вопреки этому утверждению в караимской традиции название «шапсей» неизвестно – нет его ни в одной из известных описей имущества кенас, а также и в других караимских источниках. Кроме того, в указанной статье слово *йип* (*тюрк.* «веревка», «нить») – в данном случае нить на конце чичита, ошибочно выводится из древнееврейского слова «йофи» – «красота»[44]. Что касается термина «шапсей», то надо сказать, что морфологический состав этого слова не позволяет отнести его ни к одному из традиционных для караимов языков: древнееврейскому и тюркскому. Скорее всего, здесь мы имеем дело с вкравшейся ошибкой в описи. С другой стороны, Н.В.Кашовская сообщает нам караимский аналог термина *парохет – гехал орьтюсю* (*тюрк.* «покрывало для алтаря»), не выявленный в описях и семантически близкий к термину *Тора орьтюсю* (см. выше)[45].

После *таллетов* и *чичитов* в описях обычно указываются ковры, называемые по-караимски *килим* («ковер») и славянским заимствованным словом *ковер*. Коврами застилался весь пол кенасы, а так как они были в основном небольших размеров, то и ковров в кенасе было в большом количестве. Так, например, в кенасе Феодосии было 54 ковра в среднем размером 1,5 ×0,8 м (были, конечно, и больше) и 33 так называемых *аршинных ковра*. Материалом

[43] *Кашовская Н.В.* Караимская коллекция фондов ГМИР // Труды ГМИР. СПб., 2015. С.59–60.
[44] Там же. С. 60.
[45] Там же. С. 61.

Шулхан на экспозиции ЕКМ

для ковров служил бархат, войлок, плюш. Упоминаются персидские, стамбульские, туркменские, тифлисские и московские ковры. В некоторых описях встречается коврик для молитвы *седжаде* и *орта килим* (*евр.* «серединный ковер») – ковер, стелившийся в центре помещения[46]. Ковер *орта* известен в мусульманской традиции, им покрывали пол в центре жилого дома или мечети[47].

Сложно себе представить кенасу без традиционного культового предмета, называемого *духан* (*евр.* «прилавок», «лоток», возможно, близкое к *тюрк. тюкян* – «лавка») – высокого и узкого столика для свитков Торы и богослужебных книг (алтарный столик, аналой). Покрывало на *духан* называлось *парохет* или *масах*[48]. Такой *парохет* записан в феодосийской описи как *парохет катан* – «маленький парохет» (*евр.*)[49] (в 1920-х годах встречается название на русском языке *надуханник*)[50]. В кенасе обычно было три духана. Один напротив *аронһа-кодеш* по центру кенасы – для газзана, который вел службу; два других, справа и слева от него, – для его помощников (в 1920-х годах встречается название на русском языке *боковой алтарный столик*)[51], реже – один, два или четыре. Например, в кенасе Феодосии четвертый духан был предназначен для чтения Торы в те субботы, когда не выносили Сефер Тора, а также для чтения учениками мидраша гафтарот и книги «Минхат Йегуда»[52]. Всего же в кенасе Феодосии на 1906 год было пять духанов. Кроме *духана* в богослужении использовался также и стол – *шулхан* (*евр.* «стол»). Как следует из феодосийской описи *шулхан* в кенасе предназначался для чтения за ним молитв за здравие (берахот) и поминальных молитв (зихронот). В Феодосии такой стол находился справа от *аронһа-кодеш*, это был низкий (50 см высоты) и длинный (1,5 м длины) столик, за которым сидели на полу[53]. *Шулхан* в кенасе был, как правило, один и редко два, как, например, в кенасе Бердянска[54]. Обычно шулханы были из орехового дерева.

Из мебели в кенасе были также кресла, скамьи, шкафы для книг и, как правило, один гардеробный шкаф. В описях встречается одно или два кресла, которые называются заимствованным русским словом *кресло*. О предназначении этих

[46] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1679. Л. 2.

[47] Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М.А.Араджиони, А.Г.Герцен. Симферополь, 2004. С. 328.

[48] Термином масах называлось любое покрывало: на свиток Торы, на гехал и духан.

[49] Опись кенасы… Л. 69.

[50] ГКУ РК ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 15. Л. 5.

[51] ГКУ РК ГАРК. Р–3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 67.

[52] Там же. Л. 113.

[53] Там же. Л. 115.

[54] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46.

кресел нам известно со слов Е.Горчаковой, посетившей Большую евпаторийскую кенасу в 1882 году: *«С обеих сторон этой кафедры (*духана. *– В.Е.) стоят два старинные, большие кресла; на одном из них сидит, во время богослужения, главный раввин, или гакам, а на другом, в первую субботу после своей свадьбы, садится новобрачный»*[55]. Кресел не обязательно было два, как в Евпатории и Феодосии, например, в Бердянске было одно кресло, а в Одессе целых три [56].

Скамьи, называемые в описях *эскамле* или *отуракъ*/*отуракъ къона* – это длинные и невысокие деревянные скамейки, часть из которых служила столами, а часть – сиденьями. Вообще, скамьи для сиденья в кенасе – это позднее явление, возникшее на рубеже XIX–XX в[57]. До этого времени скамей в кенасе, за исключением сидений в *мошав зекеним*, не было, молящиеся сидели на полу за столами, на которые ставили подсвечники и клали книги во время богослужения. Это видно также из описания кенасы Чуфут-Кале Э.Гендерсона: «Синагога заставлена столами для чтения (readingdesks), на них разложены еврейские Библии, молитвенники и тома татарского таргума»[58]. Как следует из описей, в XIX веке скамьи в кенасе были только в *мошав зекеним* и *эзрат ha-нашим* (женское отделение кенасы, иначе называемое *хатынлар кенаса, кенаса ha-нашим, къысаякълы кенаса*). Об этом мы можем также узнать со слов Е.Горчаковой, сообщающей следующее: «Она (кенаса Евпатории. – *В.Е.*) разделена на две части колоннами; от входа до колонн (площадь мошав зекеним. – *В.Е.*) стоят рядами низкие скамеечки; на каждой скамейке шандальчик и книга для каждого молящегося»[59]. В остальной части кенасы скамьи появляются, видимо, позже. В кенасе Феодосии в 1906 году было восемь скамей в главном помещении кенасы (длина каждой 2,8 м), одна в *мошав зекеним*, две в *азара* (портик) и четыре в *эзрат ha-нашим*[60]. Из этих скамей только одна, в *мошав зекеним* и четыре в *эзрат нашим* были предназначены для сиденья, а остальные служили столиками для молитвенников. В кенасе Одессы в *мошав зекеним* и *эзрат ha-нашим* было двадцать скамей (то есть в остальной части кенасы их не было)[61], в Севастополе – 18[62], в Бердянске всего две длинные скамьи – «узун эскамлелер» с чехлами из зеленого сукна в *эзрат ha-нашим*[63], также две скамьи и в кенасе Симферополя[64].

В последнюю очередь в описях указываются печатные Пятикнижия, книги ТаНаХа (Ветхий Завет), Тегилим (Псалтирь) и *сиддуры* (молитвенники), что уже само по себе говорит нам о том, как велико для караимов было значение

[55] *Горчакова Е.* Воспоминания… С. 28.
[56] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 51.
[57] *Ельяшевич В.А.* Караимский молитвенный дом (бет га-кнессет, синагога, кенаса): религиозный и исторические аспекты // Цайтшрифт. Журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии. 2020. Т. 7 (12). С. 110–113.
[58] *Гендерсон Э.* Библейские разыскания и странствия по России (перевод с английского В.Л.Вихновича, А.А.Алексеева). СПб., 2006. С. 203.
[59] Там же.
[60] Опись кенасы… Л. 116–119.
[61] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 50.
[62] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 10.
[63] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46.
[64] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 231.

Модель страусового яйца. *КЭМ*

рукописного свитка, с которого начинались описи, в сравнении с книгой. Во время богослужения караимы пользовались Пятикнижиями и книгами ТаНаХа в основном венского издания разных годов, реже лондонского и берлинского изданий. Книги жертвовались прихожанами, а также в большом количестве покупались на средства общины, так что в кенасе их всегда было достаточно. К примеру, на 1879 год в кенасе Севастополя было двадцать два Пятикнижия, две книги ТаНаХа и десять книг Тегилим, в кенасе Симферополя – 17 Пятикнижий и 8 книг ТаНаХа, в кенасе Одессы – общее количество Пятикнижий и книг ТаНаХа – 22, в Бердянске – десять Пятикнижий лондонского издания, два Пятикнижия берлинского издания и два ТаНаХа[65].

Молитвенников, как правило, было больше, чем Пятикнижий. Иногда прихожане жертвовали (или закупала община) полные комплекты молитвенников на весь год, но чаще лишь отдельные тома: на день субботний, на каждый день и на праздники. Молитвенников на день субботний – *шаббат сиддур* – в кенасе Севастополя было всего 14 (десять из них – молитвенники, составленные А.С.Фирковичем), а вот в кенасе Одессы было 42 сиддура, изданных в Чуфут-Кале и Евпатории, в симферопольской кенасе было восемь субботних молитвенников – *шаббат сиддур*, пятнадцать ежедневных молитвенников – *холь сиддур*, пятнадцать молитвенников на Йом Киппур – *Киппур сиддур*, в кенасе Бердянска общее количество молитвенников – восемнадцать. Рекордное количество богослужебных книг отмечено в Феодосии в 1906 году: 114 Пятикнижий венского издания, 148 книг Тегилим венского и вильнюского издания и 89 сиддуров также венского и вильнюсского изданий (двадцать из них молитвенники, изданные в Евпатории в 1903 году, шестнадцать – изданные в типографии М.Тришкана в Евпатории в 1836 году)[66].

В конце некоторых описей имущества кенас упоминаются страусовые яйца – *деве къушун йымыртасы*. Со слов С.А.Бейма, а также из дореволюционных фотографий, нам известно, что страусовые яйца подвешивались в кенасах к потолку, вероятно, по аналогии с мусульманскими мечетями[67]. Газзан С.А.Бейм придавал этому предмету глубокое религиозное значение, но, скорее всего, яйца служили народным средством, отпугивающим насекомых. Интересно, что в кенасе Евпатории страусовые яйца, которых, кстати, насчитывалось че-

[65] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 10; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 231; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 21.

[66] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 10; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 231; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 46; Опись кенасы… Л. 147–156.

[67] *Бейм С.А.* Память о Чуфут-Кале… С. 47.

тырнадцать штук, были не натуральными, а сделанными из дерева – *деве къушун йымыртасы агъачтан япма* («страусовые яйца, сделанные из дерева»)[68]. Одна такая деревянная модель яйца сохранилась до наших дней и находится в фондах Крымского этнографического музея[69]. Из этого следует, что наравне с натуральными яйцами, описанными С.А.Беймом, существовали также их копии, но какое придавалось значение последним, пока неизвестно.

Итак, сделанный нами обзор традиционной терминологии имущества кенасы показывает, что в этой области повседневной жизни караимы пользовались двумя языками: священным языком лешон кодеш, он же древнееврейский, и тюркским караимским языком. Мы видим, что большинство богослужебных терминов имеют аналоги на караимском (крымскотатарском) языке, а некоторые из них, в основном это аксессуары культовых предметов, известны нам исключительно только на караимском (крымскотатарском) языке. При этом все же надо отметить явное преобладание лексики древнееврейского языка, из которой менее всего были подвержены влиянию такие термины, как *Сефер Тора*, *парохет*, *чичит, таллет*, не переводившиеся на караимский и русский языки[70]. В целом же караимская богослужебная терминология представляет собой интересный симбиоз из двух языков, характерный для всей культуры крымских караимов.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 26 (35)

[68] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

[69] *Прохоров Д.А.* Музейные коллекции по истории и культуры крымских караимов. Симферополь, 2016. С. 249.

[70] Не переводились на русский язык даже в акте приема-сдачи имущества кенасы в 1960 г. (ГКУ РК ГАРК. Р–3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 66).

Виктор
Тирияки

ЕВПАТОРИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ ТАНАХА НА КАРАИМСКОМ ЯЗЫКЕ

В истории караимского книгопечатания четырехтомное евпаторийское издание ТаНаХа[1] в 1841–1842 годах занимает особое место, так как до настоящего времени остается непревзойденным по объему изданием на караимском языке[2]. Несмотря на свою уникальность, это издание по-прежнему остается малоисследованным, а сведения о нем, в основном, калькируют немногочисленные, а иногда и не совсем точные данные.

Лексический материал ТаНаХа на караимском языке использовался при составлении караимско-русско-польского словаря[3] и издании двуязычного караимского молитвенника[4].

В настоящей работе предлагаются краткий обзорный материал по всем четырем томам ТаНаХа, а также некоторые сведения о событиях, предшествовавших или сопутствующих выпуску указанного издания. Для исследования взяты книги из библиотеки караимской общины города Евпатории.

Караимские типографии в Крыму

Первая караимская типография в Крыму была основана в Кале[5] в 1731 году в третий период правления крымского хана Каплан-Гирея I (1730–36 гг.)[6]. Инициатором создания типографии был Исаак, сын Моисея Челеби

[1] ТаНаХ – аббревиатура трех разделов Ветхого Завета: Пятикнижие (Тора), Пророки (Невиим), Писания (Кетувим).

[2] Караимский язык – язык караимов, живущих в Литве, России и Украине. Тюркология, определяя место караимского языка среди других тюркских языков, относит его к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. См.: *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960. С. 148–151; *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; Караимско-русско-польский словарь. М.: «Русский язык», 1974; *Прик О.Я.* Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, Дагучпедгиз, 1976 г.; *Гаркавец А.* Кыпчакское письменное наследие. Т. 11. Памятники духовной культуры караимов, кумановполовцев и армяно-кыпчаков. Алматы: КАСЕАН; Баур. 2007; *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki // Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności Nr 11. Kraków. 1929 и др.

[3] Караимско-русско-польский словарь. М.: «Русский язык», 1974.

[4] *Тирияки В.* Субботние молитвы по обряду крымских караимов. Евпатория, 2002. Научную публикацию этого молитвенника осуществил Александр Гаркавец (*Гаркавец А.* Караимский молитвенник. Москва; Нальчик: Русская деревня, 2008).

[5] Кале (Чуфут Кале) – под таким топонимом обозначено на титульном листе место издания первопечатной книги Крыма – караимского молитвенника «Мекаббеч» (1734). נדפס פה בעיר קלעא.

[6] תחת ממשלת אדוננו המלך קפלאן גראי כאן («Во время правления нашего господина царя Каплан-Гирей хана») – из надписи на титульном листе «Мекаббеч».

Синани[7], ему же принадлежала инициатива издания первого караимского молитвенника, а также финансирование второго издания[8].

Первопечатной книгой Крыма был караимский молитвенник, изданный в Кале в 1734 году[9]. Из текста титульного листа этого молитвенника следует, что владельцами типографии были братья «мудрец» Афида и «просвещенный» Шаббетай Эрака. Из книг, отпечатанных в типографии Кале, известны караимские молитвенники издания 1742, 1805 и 1807 годов, а также молитвенник крымчаков-раввинистов 1734 года[10].

В связи с переводом центра общественной и религиозной жизни караимов в начале XIX века в Евпаторию, возникает потребность создания в городе караимской типографии. В 1830 году по ходатайству Евпаторийского караимского общества от Министерства внутренних дел России было получено разрешение на открытие типографии[11]. Владельцем типографии на то время являлся Я.Ш.Финкельман.

В 1836 году царское правительство в целях обеспечения более эффективной цензуры запретило деятельность еврейских типографий в России, за исключением двух: в городах Вильно (Литва) и Житомир (Украина). В связи с этим, новым владельцем караимской типографии в Евпатории, вместо Я.Ш.Финкельмана, еврея по национальности, становится караимский купец Мордехай Исаакович Тиришкан. Смена владельцев типографии позволила избежать возможных осложнений с правительством и продолжать караимское книгоиздательство[12]. Последнее издание этой типографии датируется 1847 годом.

Во время Крымской войны (1853–1856) Евпатория была занята союзными войсками, и в период оккупации городу был нанесен колоссальный урон. Однако, несмотря на военное время, произведения караимских авторов готовились к печати, и уже в 1857 году в Евпатории был издан труд М.И.Султанского «Врата надежды»[13]. Владельцем караимской типографии в это время был Авраам Самуилович Фиркович[14]. Видимо, около 1864 года была проведена модерниза-

---

[7] Исаак, сын Моисея Челеби Синани (1696–1756) – светский глава и политический представитель караимов в Крымском ханстве. На титульном листе «Мекаббеч» ему соответствует титул «...великого князя, стоящего над сынами народа нашего».

[8] *Ельяшевич Б.С.* Караимы. Вып. XIV. Кн. 2. М. 1993. С. 38.

[9] Двухтомный караимский молитвенник под названием מקבץ נדחי ישראל. Второй том содержал молитвы на Йом Киппур, где на листах 13–18 был напечатан перевод молитв на караимский язык. Подробнее о караимском тексте этого издания см: J. Sulimowicz. Material leksykalny krymskokaraimskiego zabytku językowego (druk z 1734 r.) // Rocznik orientalistyczny. T. XXXV. Z. 1.

[10] *Кая И.С.* По поводу одной крымчакской рукописи. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. I (58). Симферополь, 1927. H. Seraja Szapszał. Słów kilka o książętach karaimskich Czelebi i ich działalności oświatowej // Myśl karaimska, z. 11, Wilno, 1936.

[11] ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–113. Евпаторийское караимское общество. Дело об открытии караимской типографии в Евпатории.

[12] Запрет действовал до 1862 г.

[13] Разрешение цензора на печатанье книги датировано 20 мая 1956 г. – в день передачи Евпатории русской администрации.

[14] Согласно Б.С.Ельяшевичу типография сначала принадлежала сыну А.С.Фирковича – Гавриилу (*Ельяшевич Б.С.* Караимы. Вып. XIV. Кн. 2. М., 1993. С. 189). Вероятно, это следует отнести к ошибке, так как у А.С.Фирковича не было сына по имени Гавриил, но мужем его дочери Милки являлся Гавриил Фиркович.

ция оборудования и замена шрифтов типографии: тексты печатаются мелким и четким шрифтом, применяется более тонкая бумага, издания становятся более выразительными. Последняя из книг, вышедших в типографии А.С.Фирковича, датируется 1867 годом. Прекращения издания книг в этой типографии, очевидно, связано с последующим переездом владельца в Чуфут-Кале.

В 1885 году в Евпатории по ходатайству Гахама[15] С.М.Панпулова[16] была открыта русско-караимская типография, владельцем которой был М.Л.Мурованский. С созданием этой типографии связывались надежды на издание древних караимских рукописей из коллекции А.С.Фирковича, хранящихся в Императорской публичной библиотеке.

В 1917 году Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению караимкой С.А.Бабаевой была подарена специально для этой цели приобретенная и хорошо оборудованная типография, известная под названием «Ярык» (“Свет”)[17].

Общество издательства караимской книги

В 1832 году в Евпаторию по приглашению караимской общины возвращается А.С.Фиркович, который после совершения паломничества в Святую землю почти два года прожил в Константинополе. В столице Османской империи А.С.Фиркович в караимской общине занимал должность секретаря и учителя караимской школы. Помимо основной работы А.С.Фиркович продолжал поиски древних караимских рукописей, выступил корректором при подготовке издания Пятикнижия на древнееврейском и турецком языках для караимов Константинополя.[18] Вполне вероятно, что неутомимый Абен Решеф[19] при издании переводного Пятикнижия выполнял не только обязанности корректора, но являлся еще и лексикографом. Анализируя текст этого издания профессор А.Дубинский, отмечает: «...К моему удивлению, в упомянутом произведении очень много не османо-турецких, а кыпчакских выражений. Их лексика непонятна нынешним караимам – жителям Стамбула. Это может быть надежным доказательством наличия древнего слоя кыпчакской лексики. Носители этой лексики наверняка были древние выходцы из Крыма, в языке которых ... издавна имелись кыпчакские элементы, характерные для литовско-польских караимов».[20] По всей видимости, кыпчакские выражения могли быть внесены самим А.С.Фирковичем.

---

[15] В последующем термину «древнееврейский язык» будет соответствовать аббревиатура ЛК (лешон кодэш = священный язык). Гахам (с ЛК – мудрый) – с 1837 г. обозначение титула главы караимского духовенства в России. С 1929 по 1944 г. у караимов Литвы употребляется измененное «гахан».

[16] Панпулов Самуил Моисеевич (1831–1911) – третий официальный караимский Гахам в России.

[17] В этой типографии в 1918 году была напечатана книга Б.С.Ельяшевича «И.И.Казас. Биографический очерк».

[18] Константинопольское издание 1833 года. Сведения об участии А.С.Фирковича в издании Тора помешены на 719 стр. На стр. 1 помещен акростих, из первых букв которого складывается Аврахам Йэру(шальми) б(ен) Шемуэль.

[19] Абен Решеф – аббревиатура имени и фамилии А.С.Фирковича.

[20] *Dubiński A.* Lokalizacja języka karaimskiego w świetle jego rozwoju historycznego. CARAIMICA. WA «Dialog», Warszawa, 1994. S. 114.

Опыт издания религиозных книг на доступном тюркском языке А.С.Фиркович решил использовать по возвращению в Евпаторию. Его инициативу по изданию книг популярных караимских авторов всецело поддержали будущий караимский Гахам Хаджи Ага Сима Бабович[21] и выдающийся караимский ученый того времени Иосиф-Шеломо Луцкий (Яшар)[22]. Была объявлена подписка и собраны добровольные пожертвования для создания караимского общественно фонда по изданию древних рукописей и переизданию старопечатных книг.

Не позднее начала 1833 года в Евпатории основывается Общество издательства караимской книги[23]. Рецензирование рукописей и подготовку их к печати производил И.-Ш.Луцкий, а корректировку печатных текстов выполнял известный караимский ученый Д.М.Кокизов[24]. Формально Общество издательства караимской книги возглавлял Х.А.С.Бабович, но главным инициатором и постоянным движителем этой просветительской деятельности, безусловно, являлся А.С.Фиркович.

Деятельность Общества издательства караимской книги ознаменовалась выпуском целого ряда сочинений караимских авторов по грамматике древнееврейского языка, комментариям к книгам ТаНаХа, религиозной обрядовости и светских произведений. Издавались молитвенники, учебники, календари, брошюры, циркулярные обращения к общинам, речи, стихи и пр. Знаковым событием деятельности Общества явилось издание четырехтомного перевода ТаНаХа на караимский язык.

Евпаторийское издание ТаНаХа 1841 года

Трудно обозначить время первого перевода ТаНаХа на караимский язык. Профессор С.М. Шапшал[25] упоминает о свитке Второзакония, хранившемся в библиотеке «Карай Битиклиги»[26] в Евпатории, датированном 1224 годом[27]. Очевидно, к XIII веку уже существовало большое количество переводов ТаНаХа, так как Аароном Старшим га-Рофе бен Йосеф (1260–1320) из г. Солхата (Старый Крым) была выполнена редакция переводов книг Священного Писания на караимский язык[28]. Рукописные переводы ТаНаХа, хранящиеся в караим-

[21] Бабович Сима Соломонович (1788–1855), известный у караимов под именем «Хаджи Ага», – первый официальный караимский Гахам в России.

[22] Луцкий Иосиф-Шеломо (1768–1844) – псевдоним «Яшар». Один из самых известных у караимов ученых и богословов первой половины XIX в.

[23] Б.С.Ельяшевич датирует период деятельности Общества издательства караимской книги 1833–1855 гг. (Кн. 2. С. 109.)

[24] Кокизов Давид Мордехаевич (1777–1855) – караимский богослов, астроном и календаровед первой половины XIX в.

[25] Шапшал Серайа Мордухаевич (1873–1961) – профессор, тюрколог и востоковед, четвертый официальный караимский Гахам в России.

[26] Караимская библиотека «Карай Битиклиги» была основана Гахамом С.М.Шапшалом в Евпатории в 1916 г.

[27] *Шапшал С.М.* История караимов-тюрков в Крыму, Литве и Польше (рукопись). Вильно, 1943.

[28] *Шапшал С.М.,* указанное сочинение.

ской библиотеке Евпатории, в 20-х годах прошлого столетия изучал академик В.А.Гордлевский[29]. Л.Я.Медведева в своей работе «О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР»[30], приводя перечень переводов различных книг ТаНаХа на караимский язык, указывает фамилии не переписчиков, а переводчиков этих книг. При этом она отмечает, что в ЛО ИВАН не отмечены переводы позднее начала XIX века.

Из вышеприведенного можно сделать предположение, что традиция рукописных переводов книг ТаНаХа с древнееврейского на караимский язык возникла не позже XIII века и продолжалась до начала XIX столетия.

При наличии большого количества переводов, сделанных разными авторами, молитвенные и религиозные тексты на караимском языке, калькируемые с молитвенников-сиддуров или книг ТаНаХа, составленных на древнееврейском языке, могли сильно отличаться в различных общинах. Унификация переводных текстов караимских молитв для общин, подведомственных Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению, требовала введения и использования единого текста. Примером попытки такой унификации является издание книг ТаНаХа на крымском диалекте караимского языка.

Это издание было осуществлено в 1841–1842 годах в Евпатории. В комитет по осуществлению этого проекта входили М. Панпулов из Евпатории, Ш.Кефели из Кале, помещик Ш. из Феодосии, Ш.Исакович из Одессы[31]. Руководителем комитета был Х.А.С.Бабович. Составленный габбаем[32] И.И.Джигит список подписчиков показывает, что только по подписным листам было распространено 430 экземпляров издания среди 6 караимских общин, в том числе: Евпатория – 278, Кале – 21, Феодосия – 9, Одесса – 23, Перекоп – 62, Севастополь – 37.

В отношении настоящего издания необходимо внести некоторые уточнения.

Во-первых – это досадная ошибка авторов I тома «Караимской народной энциклопедии», возникшая как результат поверхностного изучения материала монографии С.Шапшала[33], послужившей основой публикации тома. В указанной энциклопедии об издании ТаНаХа говорится следующее: *«Редакторы, издавшие в 1841 году духовные книги, поставили перед собой задачу заменить старый караимский язык разговорным татарским языком и назвали свой перевод татарским. Сравнивая древние тексты с изданием 1841 года, легко констатировать модернизацию языка под влиянием турков Малой Азии. Так, например, буква "к" заменяется буквой "г": кун – гун, корди – горди, кеча – геджа и т. д.»*[34]. Надо полагать, что авторы Энциклопедии не имели возмож-

[29] *Гордлевский В.А.* Лексика караимского перевода Библии. Доклады Академии наук СССР. Л, 1928.

[30] *Медведева Л.Я.* 1988. О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР // Советская тюркология. 1988. № 6. С. 89–102.

[31] В оригинале текста члены комитета указаны как «пакыд» – уполномоченный от общины.

[32] Габбай (др.-евр. яз.) – человек, ведающий организационными и денежными делами в караимской религиозной общине.

[33] *Шапшал С.М.*, указанное сочинение.

[34] Караимская народная энциклопедия. Т. I. М., 1995. С. 140.

ности «сравнить древние тексты с изданием 1841 года», поскольку даже поверхностное изучение текста перевода ТаНаХа позволяет сделать заключение, что «модернизация» коснулась лишь текста Тора, а не всех книг. Так как тексты Тора наиболее часто употребляемы в караимском богослужении, то самая читаемая и изучаемая у караимов книга требовала осмысления современными категориями восприятия. Именно поэтому текст перевода Тора был максимально приближен к разговорному языку караимов того времени. Переводы же остальных книг ТаНаХа, сделанные с рукописей более раннего периода, были напечатаны практически без изменений. Доказательством этому может служить простое сравнение перевода стихов Исхода (8–11), читаемых каждое субботнее утро, и стихов Псалма 91[35], читаемого каждый вечер и утро субботы. Первый текст «модернизирован», а второй остался без изменений, хотя употребляется вдвое чаще. Поэтому-то и пояснение «перевод в татарский язык» было употреблено лишь на титульном листе Тора, а к другим книгам применено только слово «перевод».

Во-вторых – корректировке подлежит и перечень книг ТаНаХа, включенных в издание 1841 года, так как перевод содержит не все 39 книг[36], а только 37: отсутствует перевод обеих книг Дивре гъайамим (Паралипоменон, Хроник).

В четырех томах книги распределены в ниже приводимом порядке.

Состав томов:

I том (201 лист)

В первом томе филиграни Алонкиной 1835 года и МФ АГ (Медынская фабрика Афанасия Гончарова) 1837 года[37].

Основному тексту предшествует титульный лист, а также 22 страницы введения и фамилии подписчиков по общинам. На титульном листе на древнееврейском языке указано: *перевод Тора в язык татарский*[38]. Все листы тома, кроме титульного, с кустодами. Окончание каждой *парашá* (одного из 54 разделов годичного цикла недельного чтения всей Тора) отмечено двойной горизонтальной линией. Перед началом *парашá* помещено ее название на древнееврейском языке, оно же вынесено в верхний колонтитул. Первый стих каждой из пяти книг записан полностью на древнееврейском языке со знаками огласовки, последующие стихи обозначены только первым словом языка оригинала. По окончании текста на караимском языке, заключительный стих каждой книги дан полностью на древнееврейском языке с огласовкой. В конце текста каждой книги добавлен стих на древнееврейском языке «Благословен Превечный во веки. Аминь и аминь» (Пс. 89:53). Год издания (по титульному листу) – 1841. Полистная нумерация еврейскими буквами вынесена в верхний

[35] В караимской традиции Псалом 92.

[36] В караимской традиции весь текст ТаНаХа объединен в 24 книги.

[37] *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XIX века. М., 1978.

[38] ספר תרגום תורה בלשון טטר.

левый угол. Во всех книгах[39] пронумерованы главы, нумерация стихов в главах отсутствует[40]. Формат всего издания 21х17,5 см.

1. Бытие, листы 1–48[41]
2. Исход, листы 1–40[43]
3. Левит, листы 1–29[45]
4. Числа, листы 30–69[42]
5. Второзаконие, листы 2–33[44]

II том (162 листа)

Во втором и последующих томах филиграни Сомова 1841 года. Виньетка титульных листов I и II томов копирует таковую же в издании караимского молитвенника 1742 года. Полистная нумерация еврейскими буквами вынесена в верхний левый угол. Во всех книгах пронумерованы главы, нумерация стихов в главах отсутствует. Формат издания 21х17,5 см. Титульный лист отсутствует.

6. Иисус Навин, листы 1–24[46]
7. Судей, листы 25–48[47]
8. I Царств, листы 48–79
9. II Царств, листы 79–104
10. III Царств, листы 104–134[48]
11. IV Царств, листы 134–162[49]

III том (179 листов)

Титульный лист отсутствует, полистная нумерация еврейскими буквами вынесена в верхний левый угол. Во всех книгах пронумерованы главы, нумерация стихов в главах отсутствует. Формат издания 21х17,5 см. Год издания – 1841.

---

[39] Названия книг даны в традиции синодального перевода.

[40] Деление книг на главы возникает в XIII в., а нумерация стихов – в более позднее время.

[41] В рамочной виньетке, предшествующей текстовой части книги Бытие помещен на древнееврейском языке стих «Превечный мудростью основал землю, утвердил небо разумом (Притчи, 3:19), а ниже дан его перевод на караимский язык. Этот стих у караимов часто предшествует чтению начального стиха Тора (Бытие, 1:1), который также помещен в виньетку. Отсутствует нумерация глав 25–37, и 39–50.

[42] Виньетка рамочная. В начале параша «Багъалотеха» (Числа, 8:1) в караимском переводе отсутствуют слова «И говорил Превечный, обращаясь к Моисею, так...»

[43] Виньетка отсутствует. В караимском тексте пропущены слова «землю, текущую молоком и медом» (13:15), а также «ни сын твой» (20:10).

[44] Виньетка рамочная. Сравнение переводов Декалога в параша Итро и Ваэтханнан позволяют выявить нестабильность лексического состава даже в тех Заповедях, текст которых в оригинале абсолютно идентичен. В 16:13 вместо «Суккот» напечатано «Песах».

[45] В центре виньетки цветочного орнамента помещено название книги, внизу его расположена усеченная в вершине заглавная буква «А», а ее зеркальное отображение – вверху (издание вышло в правление императора Александра II).

[46] Виньетка цветочного орнамента. Перед началом текста на караимском языке помещен полностью первый стих на древнееврейском языке. По окончании текста на караимском языке полностью дан на ЛК с огласовкой заключительный стих книги (24:33) В конце книги на древнееврейском языке добавлен стих «Благословен Превечный во веки. Аминь и аминь» (Пс. 89:53).

[47] Виньетка рамочная. По окончании текста на караимском языке полностью дан на древнееврейском языке с огласовкой заключительный стих книги (21:25).

[48] В книгах № 8–10 виньетка рамочная, первый стих книги записан полностью на древнееврейском языке со знаками огласовки. Текст заканчивается караимским переводом. Кустода страницы 134а помещена не слева внизу, как обычно, а выше, сразу по окончании текста.

[49] Виньетка отсутствует. Последние два листа обозначены под № 161. Последний стих (25:30) дублирован на древнееврейском языке без знаков огласовки. Завершает текст Пс. 89:53.

12. Исаия, листы 1–43[50]
13. Иеремия, листы 44–95[51]
14. Иезекииль, листы 96–142[52]
15. Осия, листы 142–149[53]
16. Иоиль, листы 149–151[54]
17. Амос, листы 151–156[55]
18. Авдий, листы 156–157
19. Иона, листы 157–159
20. Михей, листы 159–163
21. Наум, листы 163–164
22. Аввакум, листы 164–166
23. Софония, листы 166–168
24. Аггей, листы 168–170
25. Захария, листы 170–177
26. Малахия, листы 177–179[56]

IV том (163 листа)

Титульный лист отсутствует, нумерация книг полистная в левом верхнем углу. Во всех книгах пронумерованы главы, нумерация стихов в главах отсутствует. Формат издания 21x17,5 см. В одной из хранящихся в библиотеке книг IV тома порядок книг изменен: Псалмы помещены в конце тома (листы 1– 6), а первый лист обозначен № 57. Год издания – 1841.

27. Псалтирь, листы 1–56[57]
28. Притчи, листы 57–75
29. Иов, листы 76–98
30. Даниил, листы 99–113
31. Ездра, листы 113–122[58]
32. Неемия, листы 123–137[59]
33. Песнь песней, листы 1–4[60]
34. Руфь, листы 4–7[61]

[50] Виньетка по рисунку отличается от использованных ранее и в других книгах не встречается. Перед текстом книги на древнееврейском языке помещено хваление перевода печатного издания Поздних пророков. На стр. 2lb вместо продолжения 33:14 следует 36:22, кустода стр. 21a не соответствует началу текста стр. 21b. За листом 21 следуют листы 24, 23, 22, 25. В конце книги предпоследний стих (66:23) дублирован на древнееврейском языке без огласовки. В тексте стиха 29:18 пропущено слово «глухие».

[51] В книгах № 13–15 виньетка цветочная. В стихе 9:9 пропущены слова «и о степных пастбищах – рыдание, потому что они выжжены...» Полностью пропущен стих 33:15. В конце книги предпоследний стих (52:34) дублирован на древнееврейском языке без огласовки.

[52] В книгах № 12 – 14 первый стих дан на древнееврейском языке полностью с огласовкой. Отсутствует нумерация главы 29. Последний стих книги (48:35) дублирован полностью на древнееврейском языке без огласовки.

[53] Первый стих этой и десяти последующих книг дан на древнееврейском языке полностью без знаков огласовки.

[54] В книгах № 16, 20, 23 виньетка рамочная.

[55] В книгах № 17–19, 21, 22, 24–26 виньетка отсутствует.

[56] Предпоследний стих книги (3:23) дублирован полностью на древнееврейком языке с написанием оригинального слова шолеахъ чередолгий холем.

[57] Перед текстом книги на древнееврейком языке помещено хваление перевода печатного издания Псалмов. В книгах № 27–30 виньетка цветочная. Заключительный стих в книгах № 27–32 дублирован на древнееврейском языке без огласовки.

[58] В книгах № 31–33 виньетка рамочная. На странице 121b отсутствует кустода.

[59] Последний стих книги дублирован на древнееврейком языке без знаков огласовки. Заключительный лист книги обозначен номером 107 вместо 137. По окончании текста книги следует краткое замечание Якова, сына Мордехая, об окончании перевода (?) поздних Пророков и Писаний в четвертый день недели 23 числа месяца Адар-2, что соответствует 13 марта 1840 г. На стр. 137b четвертого тома сообщается об отсутствии квалифицированных корректоров при издании перевода ТаНаХа.

[60] Виньетка рамочная.

[61] Отсутствует нумерация 7 и 8 листов. В книгах 34–37 виньетка отсутствует.

35. Плач Иеремии, листы 7–11[62]
36. Екклесиаст, листы 11–18[64]
37. Есфирь, листы 18–26[63]

Система записи текстов

Для записи текста книг ТаНаХа на караимском языке использовался еврейский алфавит и несколько измененная система огласовки, применяемая в древнееврейском языке.

При записи текстов на караимском языке в издании 1841 года из 22 букв еврейского алфавита использовались 21. В текстах не употреблялась буква «ת» (тав), а фонема «т» всегда передавалась буквой «ט» (тэт). Буква «ת» употреблялась только в заимствованных словах и словах начального стиха оригинала, предшествующего караимскому тексту.

Буквой «צ» (чади) записывалась фонема «ч», так как в крымском диалекте караимского языка фонема «ц» наблюдается только в заимствованных словах. В этом случае фонема «ц» передавалась символом «צ'» (апостроф + чади).

Символом «ג'» (апостроф + гимель) обозначалась переднеязычная фонема «дж».

Буква «ה» (гъэ) применяется только в последнем открытом слоге, не встречается в начале и середине слова, используется только в заимствованных словах и словах начального стиха оригинала, предшествующего караимскому тексту.

Фонема «х» передается как буквой «כ» (каф), так и через букву «ח» (хет); последней обозначается также глухой «хъ».

Буква «שׂ» (син), передающий звук «с», встречается только в слове Йисраэль, используется в заимствованных словах и словах начального стиха оригинала, предшествующего караимскому тексту.

Буква «ק» (коф) передает заднеязычный глухой «къ».

Нет четкого разделения передачи звука «г», заднеязычных «гъ» и «нъ» при записи буквой «ג».

Из конечных-софитов в караимском тексте использовались «ן» (нун-софит), «ם» (мэм-софит) и «ץ» (чади-софит). Вместо «ף» (пэ-софит) применяется «פ» (пэ); а вместо «ך» (каф-софит) всегда כ (каф). Все софиты используются в словах оригинала.

В крымском диалекте караимского языка встречается восемь гласных, которые в академической транскрипции передаются следующими знаками: «а», «э», «ы», «и», «о», «ö» (о-умляут), у, «ÿ» (у-умляут). Вокализация этих знаков передается пятью диакритическими знаками: *патах* «אַ», *черэ* «אֵ» *долгий хирек* «אִי», *долгий холем* «וֹ» и *шурек* «וּ».

[62] Предпоследний стих книги (5:21) дублирован в конце книги полностью без знаков огласовки. При чтении книги «Плач Иеремии» в субботы перед постом 10 Ав этот стих следует после каждой главы. Текст караимского перевода «Плач Иеремии» помещен и в книге *Дубинского С.Х.* צקוג לחש (Чакун лахаш). Молитвы на киппур и субботы месяца Таммуз (от 9 Таммуза до 10 Ава). Вильна, 1895. Стр. 47–70.

[63] В книгах № 33–37 первый стих дан на древнееврейком языке полностью без знаков огласовки. Последний стих книги (10:3) дублирован на древнееврейком языке без знаков огласовки.

[64] Предпоследний стих книги (12:13) полностью дублируется на древнееврейком языке без знаков огласовки.

Чэрэ употребляется только в первом слоге. Если же соединительный союз *да* пишется слитно со словом, то *чэрэ* переходит во второй слог.

Патах встречается во всех позициях слова, но в первом слоге он всегда передает только звук «а». В многосложных словах в середине или аффиксах он передает звук «а», либо, в соответствии с правилом сингармонизма гласных – «э»[65] или «е» для смягчения «л» (אֲכַמַכְנִי = «*экмэкни*», כִישִילַר = «*кишилер*»).

Фонема «и» отображается всегда полным написанием через *долгий хирек*. После твердых глухих согласных это написание передает звук «ы».

Шурек и *долгий холем* служат как для передачи звуков «у» и «о» заднего ряда, так и для передачи звуков «ӱ» и «ӧ» переднего ряда.

Камеч «אָ» – употребляется в первых главах Тора часто, но без всякой системы. Так, например, в начале Тора в слове דַאַטַדִי = «*даатады*» (Быт., 1:5) употреблен только *патах*, а в том же слове, но несколько ниже דַאָטָדִי (Быт., 1:8) использован *камеч*. В главе 15 книги Бытия *камеч* употребляется один раз в 5 стихе в слове «*чакъырды*». Начиная с главы 16 *камеч* употребляется только в заимствованных словах и начальных словах стиха оригинала.

Сегол «אֶ», (за исключением Быт., 1:2) и *куббуч* «אֻ» встречаются только в заимствованных словах.

Знак *шева* «אְ» используется всегда как неподвижный, обозначая закрытый слог. Два следующих друг за другом *шева* всегда неподвижны («*тынчлыкъ*», «*къайгурттыы*»). Но в тексте перевода встречаются и случаи употребления *шева* подвижного, например, в слове «*сунэт*»: «*Да сунэталды Аврагъам Йичхъакны*» (Быт., 21:4).

Даггеш «בּ» используется только для обозначения фонемы «*б*» (בּ) и «*к*» (כּ), в заимствованных словах для обозначения фонемы «п» (פּ), а также в словах оригинала.

Заключение

1. ТаНаХ 1841–1842 годов, вышедший в евпаторийской типографии М.Тиришкана, являлся вторым (после Мекаббеч) и наиболее объемным изданием религиозных текстов на караимском языке.

2. В этом издании отсутствовал перевод на караимский язык обеих книг Дивре гъайамим (Паралипоменон, Хроник). Возможное объяснение этому – незначительный объем текстов указанных книг, потребляемый в караимском богослужении.

3. Мнение о полной модернизации авторским коллективом лексики старинных переводов на разговорный татарский язык той эпохи является ошибочным. Изменения коснулись только книг Тора.

4. Отсутствие единой системы перевода книг ТаНаХа (в том числе и Тора) на караимский язык свидетельствует о том, что эти переводы носили, скорее практический, а не «академический» характер и канонизации не подвергались. Чтение Тора и других книг традиционно осуществлялось на языке оригинала –

[65] Об использования *патаха* у крымских караимов см.: *Jankowski H.* Jak krymscy karaimowie czytali patah i co z tego wynika? // Studia orientalia. Krakow, 1994.

древнееврейском, грамматические правила которого практически не изменялись.

5. В ранних печатных изданиях религиозных текстов на караимском языке прослеживается отсутствие опыта в этом направлении. Переводам сопутствуют ошибки, пропуски слов и предложений, нечетко разработанная система транскрипции и фонетической записи. Эти недостатки устраняются в последующих изданиях религиозных материалов на караимском языке[66].

6. Печатное издание 1841 года практически вытеснило из употребления рукописные переводы книг ТаНаХа.

7. Используемый еврейский алфавит не всегда передавал особенности караимского языка, в частности – его фонетический строй, поэтому для записи использовали русский и латинский алфавиты.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 30 (39)

[66] רני פלט (Рунне паллет), Вильна, 1890, С. 1 – VIII, 1 – 40. Составитель – Финеес Аронович Малецкий. Молитвы на Киппур.

תרגום תחנות ופיוטים לערב ובקר יום הכפורים מלשון קדש ללשון קדר (перевод молитв па киппур). Молитвенная книга по обряду караимов. Вильна, 1892. Ч. III. С. 1–14 (331–344).

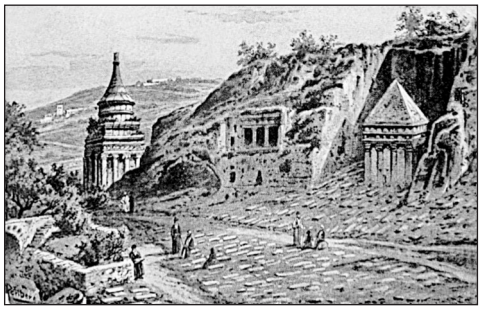
צקון לחש (Чакун лахаш). Молитвы на киппур и субботы месяца Таммуз (от 9 Таммуза до 10 Ава). Вильна, 1895. С. 47–70.

סדר הלל הקטן(Седер галлель гаккатан), Вильна. 1900. С. 1– 26. Перевод: Ф.А.Малецкий.

Виктор Тирияки

ДУБЫ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАРАИМОВ

Недалеко от Восточных ворот Кале находится древнейшее караимское кладбище в Крыму – последнее пристанище жителей этого горного города-крепости. Являясь всенародно почитаемой святыней, кладбище всегда вызывало особое отношение у караимов Крыма, а право быть захороненным на нем считалось высокой честью. Выдающимся караимам, умершим вдали от Крыма, на этом кладбище устанавливались безмогильные памятники – кенотафы. Известный путешественник XIX века Евгений Марков оставил нам такое описание караимского кладбища: «это огромный город мертвых. Тысячи надгробных камней: двурогих, однорогих и безрогих нивою уходили в устье долины, белея, как толпы мертвецов»[1]. Древний некрополь караимов своим видом напоминал Иосафатову долину около Иерусалима, о которой у пророка Иоиля сказано: «Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю мою разделили» (Иоиль, 3:2). «Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы отовсюду» (Иоиль, 3:12).

Иосафатова долина в Иерусалиме.
Открытка начала XX ст.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что караимы, побывав в Святой земле, отметили поразительное сходство этих двух древних некрополей и по аналогии кладбище около Кале назвали «Иосафатова долина» – Эмек Иегъошафат[2].

Название кладбища «Иосафатова долина» около Кале зафиксировано

[1] *Марков Е.В.* Очерки Крыма. СПб. – М., 1902. С. 70.
[2] В переводе с древнееврейского языка – Долина Божьего суда.

академиком П.С.Палласом в конце XVIII века. В своем труде[3] он не только дает краткое описание кладбища, но и обращает внимание читателя на паническ ий страх жителей Кале при угрозах ханской администрации вырубить деревья на кладбище. Однако академик не объясняет причин, которые заставляли караимов так дорожить кладбищенскими деревьями.

Общеизвестно, что основу религиозно-нравственных принципов караимского вероисповедания составляют заповеди Торы, а духовное пространство обозначено текстами книг Священного Писания[4]. В этих священных книгах караимы всегда находили основание своим действиям, будь они религиозного, нравственного, бытового, семейного, гражданского или общественного значения. Пользуясь священными книгами, постараемся найти объяснение столь ревностному почитанию караимами дубов на кладбище Иосафатовой долины близ Кале.

В текстах Священного Писания дуб часто выступает знаком близости к Богу, местом-ориентиром Божественного присутствия:

«И прошел Аврам по стране этой до места Шэхэма, до Элон Морэ – а кенанеи были тогда в той стране. И явился Бог Авраму и сказал: «потомству твоему отдам Я эту страну»; и построил он там жертвенник Богу, который явился ему» (Бытие, 12:6). «И открылся ему Бог в Элонэ мамрэ» (в дубовой роще, Бытие, 18:1).

«И, насадив в Беэр-Шеве (Вирсавии) рощу, где призывал имя Бога (Превечного), Владыки вселенной, Авраам прожил в стране Плиштим много дней» (Бытие, 21:33-34).

«Под дубом в Сихеме Иисус Навин устроил святилище Господне» (Нав., 24:26).

«Под дубом в Офре явился Гедеону ангел Божий» (Книга Судей, 6:11).

В Священном Писании дуб почитался и местом судилища: «Постановить… чтобы их именовали дубами правосудия, насаждением Господним во славу» (Исайа, 61:3).

«В Гиве под дубом Саул вершил суд над сторонниками Давида» (1 Цар., 22:6).

Ассоциируется дуб с сохранением святости в народе, со знаком продолжения жизни:

«Но останется в ней десятая часть, и она обратится, и будет в очищение; как от теребинта и дуба остается корень после того, как они срублены, так святое семя будет корнем ее» (Исайа, 6:13).

Дуб, а также другие высокие и долговечные деревья, издавна служили путеводными ориентирами на местности. В приведенном выше стихе (Бытие, 12:6) название Элон Морэ с языка Священного Писания переводится как «дуб-указатель», «дуб-ориентир». Именно под такими деревьями кочевники хоро-

[3] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах (перевод с немецкого) // ЗООИД. 1881. Т. 12.

[4] Верующим желательно избегать употребления термина «Ветхий Завет», введенного в христианстве, т. к. заповеди «Не убий», «Не укради», «Почитай отца и мать твою», «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и др. не могут устареть или обветшать, они вечны. Термин «Священное Писание» вполне однозначно определяет перечень священных для караимов текстов.

нили тела своих близких и родных – эта традиция столетие назад сохранялась у бедуинов.

И, наконец, в Священном Писании присутствует прямое указание на непосредственную связь дуба и захоронения, где это дерево является живым памятником над могилой выдающегося человека.

«И умерла Девора, кормилица Ревеки, и была погребена ниже Бет-Эля, под дубом, который назвали Дубом плача» (Бытие, 35,8). Дуб плача – алон бахут – в данном случае дуб выступает обозначением не только места захоронения, но и символом скорби о близком человеке, почти родственнике. Что же может послужить ориентиром лучше, чем могучее дерево, хорошо видимое издалека, которое просуществует еще не одно столетие. Даже если исчезнут надземные следы захоронения – могильный холм, камень, ограда, колышки, – останется могучий ориентир, хорошо видимый издалека.

В пещере Махпела напротив дубовой рощи (Элонэ мамрэ) были погребены рядом с женами патриархи Авраам и Исаак. Там же похоронили и жену Якова Лею, а позже и его самого (Бытие, 49:31; 50:13). Здесь же был захоронен впоследствии и Иосиф (Нав., 24:32). Пещера эта является примером формирования родового захоронения.

Первого израильского царя Саула и поруганные останки его сыновей также «погребли под дубом в Иависе» (I Книга царств, 31:13). Впоследствии останки царя были легко найдены, извлечены и переданы израильтянам.

Если предположить, что библейский принцип надмогильных ориентиров – дубов – использовался на практике у караимов, проживавших постоянно в Кале, то становится ясным, что постепенно у захоронения под дубом близкого и дорогого человека появлялись и могилы его родственников. Таким образом, формировалось родовое захоронение вокруг дуба, являвшегося и ориентиром, и, одновременно, знаковым надгробным памятником для всех усопших данного рода.

Как поведет себя человек, уважающий умерших предков и высоко чтящий их память, если ему станет известно, что вековой ориентир родового захоронения находится под угрозой уничтожения? Разумеется, он предпримет все от него зависящее, чтобы отвести грядущую беду, уберечь деревья от вырубки.

Наверное, именно этим и можно объяснить тот панический страх, который охватывал караимов при угрозах ханской власти вырубить деревья на кладбище Иосафатовой долины.

В постперестроечных публикациях, где идет речь о сакральной значимости дубов Иосафатовой долины, клишируется только одно объяснение этому явлению: у караимов до настоящего времени сохраняется древний культ поклонения священным дубам[5]. Появляются сведенья, что культ был тайным, закрытым для непосвященных и передавался только избранным. Апофеозом язычества явилась брошюра карманного формата, изданная в 2000 году[6], где

[5] Караимская народная энциклопедия. Т. I, II, VI (ч. 1); *Полканов Ю.* Караи – крымские караимы. История. Этнография. Культура. Симферополь, 1997.

[6] Караи (крымские караимы). История, культура, святыни / авт. и сост.: А.Бабаджан, Т.Богославская, Г.Катык, В.Кропотов, А.Полканова. Научные консультанты: М.Казас, Ю.Полканов, М.Сарач. Симферополь, 2000.

со ссылкой на безымянных старейшин приведен порядок, время и ритуал индивидуальных и коллективных молитв, их цикличность и связь с народным календарем, место обращения к Богу и порядок поклонения дубам!

У караимов всегда самыми посвященными (и просвещенными) считались знатоки Священного Писания и руководители общин – газзаны. Но никто из них никогда и нигде не сообщал ни о поклонении дубам, ни о посвященных, хранивших тайну культа. Каким же образом тайные сведенья стали общеизвестными? Может быть, были обнаружены и переведены древние караимские рукописи, в которых приводится описание культа и обрядов, или «избранные» нарушили клятву и рассказали о таинствах?

Для авторов, культивирующих поклонения дубам, *убедительным* основанием для этого служит монография духовного главы караимов профессора С.М.Шапшала «История тюрков-караимов в Крыму, Литве и Польше»[7], где впервые сообщается о дубах Иосафатовой долины, как об элементах ритуальной обрядовости: «…у караимов до последнего времени сохранилось понятие о священных дубах, растущих на самом старом кладбище около Ч(уфут). Кале, называемом Иосафатовой долиной, или же Балта Тиймез (т. е. топор не прикоснется), нечто вроде верований жителей Фуллы (в Крыму) или чувашских керемети. До самого последнего времени (вторая половина XIX века) к этим дубам во время засухи шло во главе народа караимское духовенство, держа в руках в богатой оправе Пятикнижие, молясь о ниспослании дождя».

По мнению С.М.Шапшала, шествие к дубам, растущим на кладбище – явный признак язычества, так как далее он пишет: «Как видим, официальная религия, не будучи в состоянии противостоять народному преданию, не могла еще до прошлого столетия выжить эти чисто языческие верования и обряды, переносящие нас ко временам Кирилла и Мефодия в Крыму, или в страну чувашей, т.е. к берегам Волги, докуда когда-то распространялись земли Царства Хазарского».

Анализируя приведенные цитаты и, пользуясь элементарными знаниями о караимской истории и религии, можно отметить ряд моментов, которые вступают в противоречие с выводом о «языческих верованиях и обрядах» караимов:

Ни у караимских, ни у других писателей, сообщавших об Иосафатовой долине, нет сведений о поклонении дубам, равно как и не встречается название «Балта тиймез».

В ранних работах С.М.Шапшала[8] нет упоминаний о «священных дубах» и названии «Балта тиймез».

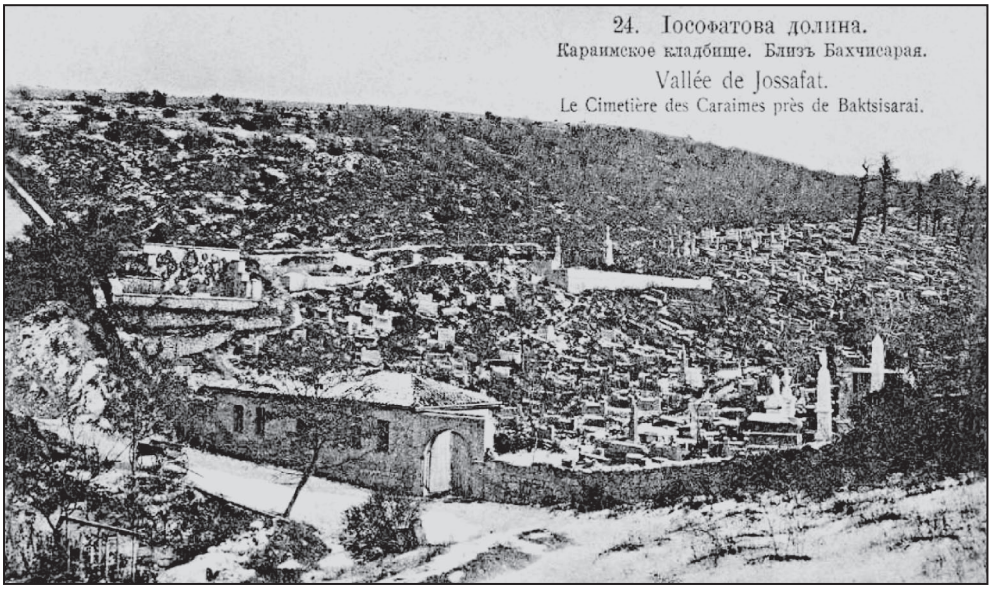
В данной работе речь идет о «второй половине XIX века», а не о конце XIX века, в другом своем труде[9] время существования «культа» автор определяет «до половины прошлого столетия», то есть середины XIX века. Поэтому

---

[7] Работа написана в 1943 г. в Вильнюсе, при жизни автора не издавалась. В 1995 г. в сокращенном варианте с добавлениями и комментариями членов редакции составила основу изданного в Москве I тома Караимской народной энциклопедии.

[8] *Шапшал С.* Караимы и Чуфут-Кале в Крыму. Краткий очерк. СПб., 1895; Караимы. // Записки Крымского Горного Клуба. № 11 Одесса, 1897.

[9] *Шапшал С.* Караимы и их язык. Хаджи Серайя Хан Шапшал – выдающийся сын караимского народа. Симферополь: Доля, 2010.

Вид кладбища «Иософатова долина». *Открытка начала XX ст.*

возникает вопрос: являлся ли сам С.М.Шапшал, родившийся в 1873 году, свидетелем и участником подобных процессий или же комментирует события и делает выводы по неточно сообщенной ему кем-то информации?

Шествие процессии к дубам Иосафатовой долины, по сведениям, происходило «во время засухи», а не постоянно. Следовательно, традиция, если она существовала, угасала в период между засухами, который мог длиться десятилетиями. В караимских молитвенниках присутствуют тексты молитв о дожде, но читаются они в кенасах вне зависимости от неблагоприятных климатических условий.

Процессия направлялась к дубам, однако нет сведений, что около них совершались молитвенные обряды.

Во время шествия караимское духовенство шло не с атрибутами язычества, а с Пятикнижием, то есть с Торой. Использование Торы в языческом ритуале для караима, так же, как и для любого язычника, было немыслимым.

В караимской религиозно-обрядовой практике неизвестны случаи присутствия Сефер Тора на кладбище, которое само по себе является источником ритуальной нечистоты. Кто же мог решиться на публичное осквернение Закона? Возможно, шествию подобной процессии на кладбище со свитком Торы и найдется объяснение, но оно никак не связано с языческими практиками. Присутствие Торы (или других рукописей, содержащих имя Бога) на кладбище объяснимо в случае захоронения поврежденного, ветхого свитка, непригодного в использовании, для его уничтожения (гниением естественным путем)[10]. Однако следует заметить, что для таких целей чаще всего использовали генизы при кенасах.

[10] См.: Авне зиккарон. С. 24.

Другим источником, позволяющим некоторым авторам говорить о языческих обрядах караимов, являются сведения о приписке 1648 года на караимском молитвеннике, впервые опубликованные профессором С.Шапшалом в статье «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму»[11].

В библиотеке «Карай Битиклиги» в архиве Б.Я.Кокеная мною была обнаружена копия текста данной приписки на караимском языке и перевод ее на русский язык, который приводится ниже с сохранением всех особенностей авторской записи[12]:

«Проживавший в доме Аветик-оглу на базаре глава казаков Богдан Ихмелиски *(Хмельницкий)*[13] после его возвращения в область Днепра (озӱ боюнä), чтобы держать его сына Теймиша *(Тимоша – Тимофей?)* аманатом-заложником в нашей крепости. Его Велич. Хан прислал приказ *(об этом)* с Суюн Ага. Когда мы с поклоном сообщили, что не будем держать *(его у себя аманатом)* Суюн-Ага, разгорячившись, *(сказал):* Вы, не боясь, топчете приказ Высокого Хана и восстаете против Его Величества. Так знайте-же, что топор коснется "балта тиймаз" *(т. е. священных дубов, которых не должен "касаться топор" на караим. кладбище Иосафатовой Долины). (Сказав это),* он рассердившись, уехал. Джамаат этим весьма опечалился. После этого старый эрби *(священник)*-ага, Ходжаш-ага и Тохтамыш-ага, сев на коней, догнали Суюн-Ага в Салачике и сказали ему: "Ради славных твоих родителей, о Суюн-Ага! Ты знаешь, что мы послушны приказу хан-бабая *(царя-батюшки)*. Но мы с этими русскими «канлы» *(закон кровавой мести)*. Если же наши джигиты придерутся к сыну гяура – Теймышу, то может пролиться кровь". После того, как было об´яснено это опасение, сердце Суюн-ага успокоилось и злость отошла, тогда он сказал: "Ждите, я передам хан-батюшке". Мы ждали 3 дня и 3 ночи, после чего Е.Вел. передало через чауша Дивана из Качинского дворца большую радостную весть: "Если жители Кале «канлы», то пусть казак Темыш пребывает на армянской слободке". Джамаат очень обрадовался, старик эрби прочел молитвы Тенгри – *Господу*, что благодарение избавились от великой заботы и тяжкой беды. Вражий-же сын, проклятый Темиш остался в доме Аветика. ».

Господь даст мощь народу своему и благословит народ свой миром[14]. В год от Сот Мира по великому исчислению 5408 г. *(1648 г. от Р. Х.)*.

Перевел Б.Кокенай 1946 г/XI».

Комментируя документ, С.Шапшал пишет: «Неясной может показаться угроза Сююн Аги относительно Балта-Тиймэза,[15] то есть караимского кладбища, расположенного близ крепости. Дело в том, что это старинное кладбище, расположенное в долине, носящей название Иосафатовой, сплошь заросло

[11] *Шапшал С.М.* О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму // Вопросы истории. 1955. № 8. С.144–146.

[12] Записи сделаны на развороте двух тетрадных листах в «клетку», текст на караимском языке написан крымским караимским полукурсивом. Караимский текст предваряет фраза на русском языке: «*(Из записи на венецианском сиддуре 1528 г.)*», справа от него на полях по вертикали записано на л. к.: «*Возликуют жители скалы с вершины гор*».

[13] Слова, выделенные курсивом, в караимском тексте отсутствует.

[14] Записано на л. к.

[15] Сноска к тексту: «Татарское название старинного караимского кладбища при их крепости Кырк-Ер (позднее Чӱфт-Кале. – *С.Ш.*)».

вековыми дубовыми деревьями, рубить которые у караимов считалось за великий грех, отчего оно и называлось татарами «балта тиймез», буквально – «топор не коснется». Пережитки подобного древопочитания, по-видимому, унаследованы караимами от их предков хазар».

Приведенная цитата крайне важна для правильного понимания рассматриваемого вопроса, т. к. на основе ее можно предположить следующее:

– определяя уважительное отношение караимов к кладбищенским деревьям как пережитки *древопочитания*, С.М.Шапшал, как ученый, не совсем уверен в этом сам, поэтому высказывает всего лишь догадку, вводя предположительное дополнение «по-видимому»;

– речь идет не о языческих ритуалах древопоклонения, а всего лишь о *древопочитании,* зачастую не имеющего ничего общего с язычеством (например, почитают старцев, а поклоняются Богу-Творцу);

– во всем тексте статьи ни разу не употеблены такие слова, как язычество или древопоклонение;

– название «балта тиймез» кладбищу дали не караимы, а крымские татары;

К обозначенному выше можно также добавить, что кровная месть, о которой говорится в приписке, не является признаком язычества, т.к. дозволяется Торой[16].

Следует отметить, что обычай почитания дубов на кладбище отмечается только у караимов, проживавших в Кале. Отсутствие аналогичной традиции у других караимских общин Крыма, а также караимов Литвы, Галича и Луцка свидетельствует не о всенародном, а всего лишь о ее локальном значении. Время возникновения этой традиции у жителей Кале неизвестно, но отсутствие таковой у караимов, издавна проживающих в других регионах, является косвенным подтверждением ее формирования не ранее начала XV века.

Б.Я.Кокенай в своей неопубликованной работе «Крымские караимы»[17], приводя полный текст приписки, ссылается на С.М.Шапшала, который предоставил ему караимский текст. Комментируя события, описываемые в документе, Б.Я.Кокенай выделяет только обычай кровной мести, существовавший у караимов, но о языческих традициях ничего не сообщает.

Ни слова о поклонении дубам не говорит в своих работах С.И.Кушуль. По какой-то причине она, имея полное право распоряжаться интеллектуальным наследием Б.Я.Кокеная, при подготовке к публикации его упомянутой рукописи, изъяла из текста сведения о приписке.

В работах старшего газзана Б.С.Ельяшевича дубам Иосафатовой долины вообще не отводится какая-нибудь заметная роль.

С.А.Бейм в своей книге «Память о Чуфут Кале»[18] ничего не сообщает о поклонении дубам.

А.С.Фиркович, долгое время проводивший исследования на кладбище Иосафатовой долины, проживший многие годы в самой крепости Кале, ни о каком почитании дубов не сообщает.

Хорошо известный в Крыму историк и краевед Александр Иванович Полканов, женатый на караимке, в своей работе «Крымские караимы», написанной в

[16] Числа, 35:19-21.

[17] *Кокенай Б.Я.* Крымские караимы. Рукопись депонирована в «Карай Битиклиги».

[18] *Бейм С.* Память о Чуфут Кале. Одесса, 1961.

1942 году[19], широко осветил обычаи и традиции крымских караимов, имеющие, по его мнению, языческие корни. Однако о существовании культа «священных дубов» и «Балта тиймез» он ничего не сообщает. Поразительно, что «избранные», посвященные в тайну культа, даже во время смертельной опасности для крымских караимов хранили молчание и ничего не сообщили о поклонении дубам.

При опросе старейшин Евпатории (С.Л.Шпаковский – 93 года, С.С.Юхневич – 88 лет, Почетный Председатель Духовного управления Д.М.Эль – 83 года и др.) все они сообщили, что *никогда не слышали о культе поклонения дубам ни от своих родителей, ни от караимских газзанов, ни от кого-то из караимов*.

Весьма критично воспринимала публикации о «языческих» традициях караимов староста караимской общины Галича Яна Львовна Ешвович.

Подводя итог вышеизложенному, и помня, что вероучение караимов дает каждому его последователю равное право оспорить утверждение любого религиозного авторитета, если оно не соответствует Святой Торе, можно выделить следующее:

В исторической литературе отмечено особое отношение караимов к деревьям (дубам) на кладбище «Иосафатова долина» при крепости Кале.

Эта традиция носила локальный характер и не была распространена у караимов, издавна проживавших вне Крыма.

Традиция почитание дуба, как кладбищенского ориентира, вокруг которого расположены родовые захоронения, базируется на библейских событиях и подтверждается текстом Священного Писания, следовательно она не ослабляла веру в Единого Бога и не могла служить доказательством языческих верований.

Впервые о сакральной значимости дубов кладбища Иосафатовой долины сообщил С.М.Шапшал.

До настоящего времени никто из авторов не привел достоверных сведений и убедительных доказательств распространения у караимов «языческих верований», проявляемых в виде поклонения деревьям. Комментарий профессора С.М.Шапшала о языческом ритуале на кладбище Иосафатовой долины, вероятнее всего, основан на недостоверной информации, сообщенной ему.

Известные и уважаемые старейшины Евпатории, чьи имена названы выше (один из них – Давид Моисеевич Эль почти 11 лет возглавлял Духовное управление), никогда не слышали ни об «избранных», ни о культе поклонения дубам ни от своих родителей, ни от караимских газзанов, ни от кого-то из караимов.

К сожалению, следует признать, что мифотворческий конструктив сакрализации язычества у караимов, созданный современными авторами, не имеющими никакого отношения ни к караимской религии, ни, зачастую, к караимам, является ничем иным, как осознанной попыткой дискредитации караимского вероисповедания и ослабления морально-нравственных устоев караимского народа.

Вера караимов по-прежнему остается верой в Единого Бога, в которой тягчайшим грехом является язычество.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 3 (12)–4 (13)

[19] *Полканов А.И.* Крымские караимы. Бахчисарай, 1994; Париж, 1995.

Сергей
Шайтанов

СУККОТ ИЛИ ОРАХ ТОЮ?

За последние десятилетия самоидентификация караимов претерпела значительных изменений, буквально – от почитания Торы до поклонения «священным дубам балта тиймез». Не обошла стороной современная караимская (вернее, мнящая себя караимской) мысль и традиционные караимские праздники: одни забываются, прибавляются другие, меняются их названия и суть. Какое имеют отношение к этим процессам крымские караимы, не литовские или польские, а именно крымские? Если просмотреть те календари, что составлялись крымскими караимами в советское время, то мы увидим там те же названия праздников и постов, что и в самом Священном Писании и дореволюционных караимских катехизисах Дувана, Прика, Шамаша и Фирковича. Замена библейских названий в караимских обществах России и Украины началась во времена караимского национального возрождения 1990-х годов под влиянием литовско-польских караимов, которые «освободились» от библейских наименований праздников с нежелательной еврейской коннотацией ещё в 1930-е годы. Лидеры национальных и религиозных обществ крымских караимов перенимают этот опыт только 20–25 лет назад: Пурим становится Кынышем, Песах – Тымбыл хыджы, Шавуот – Афталар хыджы, а Суккот стал именоваться не Алачых хыджы (калька с древнееврейского Хаг га-Суккот), как у литовско-польских соплеменников, а Орах тою, т. е. «Свадьба / Праздник серпа» (по названию местного праздника тракайских караимов). Что же нам известно об этом празднике? Вот что пишет о нем бывший Таврический и Одесский Гахам, Гахан караимов Польши, доктор филологических наук С.М.Шапшал в своей статье «Караимы в Тракай»:

«… после освобождения от военной службы караимы предались исключительно мирному труду земледельцев. Тут интересно отметить, что до наших дней у караимов сохранился их старинный земледельческий праздник "орах тою", что означает "свадьба серпа". По окончании жатвы, караимы ежегодно, с большой торжественностью, с соответствующими пениями, шли по улице до своего храма, неся в руках венок, сплетённый из свежих колосьев пшеницы и вешали его в соответствующем месте, против алтаря. Венок этот оставался в храме до следующего года, когда вносился новый венок, а зерна с колосьев старого венка сыпали во вновь спаханное поле. И поныне ещу такой венок, к сожалению, последний, висит уже более десяти лет, не будучи заменен, так как обрабатывание земли отпало от караимов после коллективизации, а попытка создать свой колхоз экономически не оправдалось из-за малочисленности его членов»[1].

[1] *Шапшал С.М.* Караимы в Тракай // Караимы в Тракай (Три статьи из Тракайской районной газеты 1957 года) / Общество охраны памятников и краеведения Литовской ССР; Секция караимоведения тракайского отделения. Тракай, 1969. С. 5.

Более полное и, можно сказать, исчерпывающее описание праздника приведено в книге Гахана литовских караимов М.М.Лавриновича. Для понимания вопроса приведем его полностью:

«Orach toju (Праздник серпа) – это светский, не упоминаемый в Священном Писании, праздник.

Караимы в основном были земледельцами, и земля была их единственным источником благосостояния, их кормилицей. Тракайская караимская община получила землю в вечное владение во времена Великого Княжества Литовского. Такие же наделы на землю получили и другие караимские общины (Биржай, Науместис, Пасвалис, Каунас и др.). Однако караимские общины полученной землей распоряжались по-разному.

В Тракайской общине земля всегда оставалась собственностью общины, и каждая семья получала участок земли в пользование на сезон. Размер выделяемого участка совершенно не зависел от положения человека в общине и его заслуг. Участок земли выделялся пропорционально числу едоков в семье. Ежегодно, после сбора урожая, на всеобщем собрании проводился пересмотр распределения земли. При увеличении семьи земельный участок увеличивался, при ее уменьшении – уменьшался (см. рассказ С.А.Фирковича "Bulhančy"). Этот принцип соблюдался столетиями до прихода Советской власти, при которой земля была национализирована. После восстановления независимости Литвы и провозглашения преемственности государственности Великого княжества Литовского земля не была возвращена караимской общине и остается невозвращенной по сегодняшний день. Аргументируя это тем, что по законам Литовской Республики церковная земля не возвращается ее владельцам, хотя "de facto" земля, выделенная караимской общине, никогда на протяжении более 600 лет не была церковной. Доказательством этого является то, что караимская община платила за землю налог, а церковные земли налогом не облагались. Так была прервана связь времен, и традиционный праздник "Orach toju" уходит в небытие, как красивое прошлое.

Несколько иная ситуация была с караимскими землями в других регионах Литвы. Там, по получении общинной земли, она была разделена на участки и отдана в частную собственность членам общины. С течением времени все они из-за различных жизненный обстоятельств (кто-то свой участок продал, у другого его отобрали за долги, третий умер и т. д.) их лишились. Исключением является лишь земля семьи Самулявичюсов в Науямястисе, которые по сегодняшний день являются собственниками полученной более 600 лет тому назад земли. Этой теме посвящена караимская легенда "Ata jerińdań kajyrylmam".

"Orach toju" (Праздник серпа), как праздник урожая, устраивался после уборки урожая с полей, в середине сентября. В мидраш устраивалась выставка плодов земли, куда каждый хозяин приносил лучшие плоды урожая со своего участка земли. К празднику плели венок из стеблей злаков, украшали его цветами и семенами различных овощей, которые, как бусы, нанизывались на нитки и вплетались в венок. Венок украшался трехцветной ленточкой (голубо-бело-желтой) и читалось благословение земледельцам "Joharhy Tieńri".

Сплетенный венок торжественно водружался на стене в кенеса. Последний раз в Тракае праздник урожая отмечался караимской общиной в 1938 году. Венок до сих пор, ожидая возрождения традиции, висит на стене в тракайской кенеса»[2].

Историк Р.И.Фиркович называл Орах тою «праздником урожая тракайских караимов»: *«Этот старинный праздник обычно сопровождался песнями, освящением венка. В междувоенное время (1920–1939) на этот праздник съезжались караимские представители не только из данного края, но и из других государств»*[3].

Тюрколог и востоковед А.И.Дубинский говорил, что у польских караимов сохранился с земледельческих времен праздник «Дожинок», носящий караимское название «Орах тою»[4].

Итак, как видно из вышеприведенных свидетельств авторитетных личностей в караимской истории, праздник Орах тою являлся локальным светским праздником урожая караимов Тракая, потомки которых ныне живут, в основном, в Прибалтике и Польше. Из караимских авторов крымского происхождения на этот праздник трокских караимов обратил внимание в 1990 году историк и археолог Михаил Яковлевич Чореф[5]. В целом, повторив известные сведения об Орах тою и приписав основным его обрядам языческие корни и языческие же практики самим караимам (к примеру, поклонение венку и Солнцу), автор ничего не упомянул о подобном празднике в Крыму. Если же взглянуть на имеющийся в нашем распоряжении календарь на 1938 год, то первый день праздника Кущей (Суккот) отмечался в воскресенье 9 октября, а Орах тою в Троках (Тракае) в том же году праздновался 13 ноября[6]. Это лишний раз подтверждает, что Суккот и Орах тою – два разных праздника и поставить между ними знак равенства не поднимется рука. Но кто-нибудь может сказать, что крымские караимы переняли и продолжили утраченную традицию тракайских караимов, и за это им можно сказать только спасибо. Тут можно ответить одно: в традиции празднования крымскими караимами Орах тою отсутствует главная составляющая – торжественное шествие с венком и его освящение специально составленными молитвами. Так что, утверждение о преемственности традиции можно отбросить за несостоятельностью. Сегодняшнее празднование Орах тою в Евпатории, Симферополе или Чуфут-Кале состоит из развешивания фруктов и овощей, застольях, веселье и играх, а молитвы, если и читаются, то приуроченные к празднику Суккот, а не Орах тою. Но преподносится это не как заповеданный в Торе праздник, а как национальный «праздник серпа/урожая». Караимами Евпатории до совсем недавне-

---

[2] *Лавриновичюс М.* Avaldan kieliasigia. Из далёкого прошлого в будущее. Тракай, 2011. С. 51–52.

[3] *Фиркович Р.* Караимика в Литве / Секция караимоведения Тракайского отделения Общества охраны памятников и краеведения Литовской ССР. Тракай, 1969. С. [8].

[4] *Wyszomirski T.* Polscy Karaimi // Myśl Społeczna. Warszawa, 1979. № 7 (739).

[5] *Чореф М.* Орах тойу – праздник урожая // Крымская правда. Симферополь, 1990. 16 октября.

[6] Troki : Kronika // Myśl karaimska. Wilno, 1939. № 12. S. 149; Краткий караимский календарь на 5699-й год (от сотворения мира) // Личный архив И.А.Шайтанова (Симферополь).

го времени Суккот также назывался Оракъ тою[7]. Такая странная «рокировка» названий вызывает только недоумение, но для занимающихся построением новой национальной идентичности это вполне приемлемо.

Таким образом, праздник Орах тою (в крымском прочтении принял вид Оракъ тойу), не имеющий под собой основания в Священном Писании, в некоторых караимских общества России и Украины стал альтернативным названием библейского праздника Суккот, и тем самым были устранены ненужные ассоциации с иудаизмом. В науке это принято называть «деиудаизацией караимизма». Думаем, что эта веха в караимской истории будет исследована этнографами и этнопсихологами ближайшего будущего. А для нас же, тех караимов, которым еще дорого их наследие, важно, отбросив комплексы, сохранить традиции своих предков и передать их последующим поколениям, не прибавляя, не убавляя и не искажая.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 29 (38)

[7] «Оракъ тою» – караимский праздник урожая. Евпатория, 2011. 14 с.

Виктор
Тирияки

ДОБЫЧА КАМНЯ ИЗ КАРЬЕРА МЕРТВЕЦОВ

При производстве ремонтных работ по улице Краснормейской (замена дорожного полотна и коммуникаций) на участке от турецких бань до бывшего кафе «Холодок» были обнаружены фрагменты известняковых надгробий и коньковые камни оград родовых захоронений со старого караимского кладбища Евпатории. Следует сказать, что для старожилов это было ожидаемо, так как они помнили, что до середины 1980-х годов вдоль тротуаров на бордюрах можно было видеть древние надписи. Затем следы вандализма были закрыты бетоном и асфальтом.

Проявившиеся следы преступлений являются доказательством первой волны уничтожения караимского кладбища Евпатории в 1935 году, две последующие прокатились в 1947 и 1987 годах.

В Государственном архиве Республики Крым хранится акт … «расследования обстоятельств, сопровождающих снятие надмогильных памятников на русском, еврейском и караимском кладбищах», датированный 25 августа 1935 г.[1]. В акте приведена характеристика состояния кладбищ на тот момент, составленная на основании осмотра подписантами акта:

а) Русское действующее кладбище находится в сравнительно удовлетворительном состоянии. Однако ряд могил и на данном кладбище носит следы разрушения надмогильных сооружений и снятия таковых.

б) Еврейское действующее кладбище – следов разрушений нет.

в) Еврейское недействующее кладбище[2] представляет собой в большей части груду развалин. Разрушены также зарегистрированные памятники. «Всюду валяются следы дробленого камня, мрамора, указывающие на то, что во многих случаях надмогильные сооружения разрушались безобразно».

г) Караимское действующее кладбище в юго-восточной и юго-западной стороне – сплошные руины. Остальные части кладбища пострадали меньше, т. к. последовало запрещение Прокурора Евпаторийского района на продолжение работ.

Разрушению надгробий и вывозу камня предшествовала формальная перерегистрация памятников, объявленная Евпаторийским РАЙФО с 15 июня по 1 августа 1934 года. Однако, регистрация могильных памятников была выполнена таким образом, «что ни сам УКХ, ни лица, зарегистрировавшие памятники, не могли проконтролировать впоследствии целостность и сохранность

[1] ГАРК. Р-663. Оп. 18. Л. 11.

[2] Здесь, предположительно, речь идет о примыкающей к караимскому кладбищу территории захоронения крымчаков.

памятников»[3], т. е. лицу, зарегистрировавшему ряд могильных памятников, выдавалась одна квитанция за номером, являвшимся общим для всех перечисленных памятников. Таким образом, под одним и тем же номером регистрировались несколько надгробий.

По «разнарядке» наибольший объем изъятия стройматериалов планировался на караимском кладбище: 500 м^3 камня, 70 м^3 мрамора и другие стройматериалы[4]. Достоверно известно, что работы на кладбище продолжались, как минимум, до 20 августа 1935 года[5].

Из пяти пунктов выводов с одинаково негативной характеристикой любопытен последний:

д) Мощение могильными плитами тротуаров улиц даже без предварительного уничтожения надписей на этих плитах доказывает, насколько отсутствовал какой бы то ни был контроль за разборкой камня на кладбищах[6].

В 1983 году автор этих строк провел фотофиксацию состояния караимского кладбища, уже тогда оно представляло удручающее зрелище. Практически все составные вертикальные надгробия из мрамора и ценных сортов камня были опрокинуты, повалены, разбиты, отсутствовали металлические ограды. Очевидно, так забавлялись учащиеся ПТУ, чья дорога на занятия проходила по территории кладбища. Все склепы состоятельных караимов были вскрыты и разграблены, у опрокинутого надгробия И.И.Казаса валялись кости великого просветителя, возле «дивана» С.М.Пампулова – теменная кость Гахама, под разрушенными надгробиями В.Б.Тонгура и его супруги зияли черные дыры лаза в склеп. Несмотря на полный разор, на кладбище находились около сорока больших мраморных надгробий. Вместе с С.И.Кушуль мы направили несколько писем с просьбой остановить надругательство над святыней, но ни первый секретарь горкома партии П.П.Пашков, ни председатель горисполкома В.В.Курашик, ни главный городской милиционер мер никаких не принимали.

А в сентябре 1985 года комиссия Евпаторийского горисполкома, рассматривавшая вопрос о переустройстве территории нефункционирующих караимского и еврейского кладбищ, вынесла решение о передаче Евпаторийскому краеведческому музею части надгробий с караимского кладбища в количестве 15 штук[7], представляющих этнографический и архитектурно-художественный интерес. Этим же решением предусмотрена была передача всех остальных мраморных, лабродоритовых и других памятников комбинату коммунальных предприятий для переработки на плитку и строительную крошку.

Из свидетельства сотрудника Евпаторийского краеведческого музея В.И.Павленкова, принимавшего участие в перевозке надгробий с караимского кладбища, следует, что «за период с ноября 1985 года с его территории (караимского кладбища) исчезли, по крайней мере, четыре надгробия из черного и

[3] Там же. Л. 12.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 5.
[6] ГАРК, Фонд Р-663. Оп. 18. Л. 14.
[7] Перевезенные 8 надгробий из намеченных 15 находятся в лапидарии Комплекса караимских кенас.

белого мрамора. Это два крупных надгробия семьи Гелиловичей, часть надгробия И.И.Казаса, надгробие жены В.Б.Тонгура и те детали надгробия самого В.Б.Тонгура, которые не смогли вывезти в текие в 1985 году.

В целом же за последние годы с караимского кладбища исчезло около половины ранее известных мне надгробий из ценных пород камня. На кладбище не осталось ни одной неразграбленной могилы»[8].

Следует добавить, что в период интенсивного развития дачного строительства (в конце запланированных сроков исполнения «продовольственной программы») с территории караимского кладбища был вывезен практически весь известняковый камень разрушенных оград родовых захоронений и простых надгробий.

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 23 (32)

[8] Объяснительная записка Павленкова В.И. от 30 июня 1987 г. директору Евпаторийского краеведческого музея Н.В.Чудинову. Материалы «Карай Битиклиги».

Виктор
Тирияки

О РОДНОМ РАЗМЫШЛЯЯ

Родился и воспитывался я в караимской семье. Дед мой, Морхай[1] Терьяки, рождения 1888 года, с бабушкой Ханыш из семьи стамбульских караимов Ефет-Костини общался только на родном караимском языке. По-русски говорил плохо, коверкал слова и не признавал женского рода: Витка, Митка, Сонка, талерка, мидро, индушка, степной собак. Его угрозы и ругательства в адрес многочисленных внуков-разбойников выражались исключительно на караимском языке, поэтому с малолетства я их такими и запомнил: йылдырым урсун сэни, Алла бойунны урсун, бокъ огълу бокъ, бир араба дэли и др.

На караимские праздники в дедовском доме обычно собиралась вся родня. Баянист, кларнетист и скрипач были из приглашенных, а на бубне играл дедов младший сын – Борис, виртуоз, подобных которому никогда встречать не приходилось. Пели много караимских песен: «Иракъдан сэни кӧрдим», «Йазгъа чыкъсам эв алсам», «Шу Йалтада», «Сычан», «Алтмышта йашында тувар» и другие. Мелодия «Къайтармы», под которую танцевали все, по-прежнему будоражит и волнует кровь, а ноги сами просятся в пляс. Пели и песни на русском языке, но, в основном, на военные темы – в родне было много фронтовиков. У деда был патефон и с крутившихся на нем пластинок раздавались звуки знакомых мелодий и песен. Правда, в детстве меня удивляло то, что на пластинках ниже названия песни помещалась надпись: *на крымско-татарском языке.*

С возвращением крымских татар на историческую родину язык, на котором говорили в родне старшие, стал звучать чаще, а в прекрасном исполнении артистов, как в сказочной постановке, ожили песни и танцы, знакомые с детства. Приятно было слышать комплименты старикам-караимам от пожилых татарок, торгующих на рынке: какой у Вас чистый выговор!

В юношестве я познакомился с классическими работами по караимскому языку, такими как «Грамматика караимского языка» К.Мусаева, его же «Краткий грамматический очерк караимского языка», «Караимско-русско-польский словарь» академического издания, «Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект)» О.Прик, классификацией тюркских языков Н.Баскакова. В них говорилось о самостоятельности караимского языка как языка тюркской группы, представленного тремя диалектами: крымским, тракайским и галицко-луцким. Отмечалось, что крымский диалект подвергся влиянию близкородственного крымскотатарского языка и турецкого[2], но два

[1] Сокращение библейского мужского имени Мордехай.

[2] Принято считать, что влияние турецкого языка в Крымском Ханстве распространяется только после 1478 г. – начала вассальной зависимости от Османской империи, хотя у крымских караимов влияние турецкого языка могло проявляться и в другой форме – через давние совместные браки с караимами Константинопольскими. Об этом могут свидетельствовать фамилии караимов Турции, как Ефет, Костини, Эрак, Стамболи, Эгиз и др., распространенные в Крыму.

других диалекта не утратили своей самобытности. Особый интерес у тюркологов вызывал лексический состав караимского языка, «который содержит значительное количество слов, характерных только для древних тюркских языков, в первую очередь, половецкого…»[3]. И в отношении родного караимского языка, его диалектов и месте среди других тюркских языков у меня сомнений не возникало.

Прошло время, наступил век двадцать первый, и я обратил внимание на то, что в работах крымских непрофильных ученых (историков, философов, социологов, археологов, краеведов) утверждается, что караимский язык не самостоятельный, а является этнолектом крымскотатарского языка. Работ крымских специалистов-тюркологов по караимскому языку не встречалось.

Однажды я прочел статью А.М.Меметова, академика Крымской АН «О так называемых тюркских народах Крыма»[4]. В этой работе меня удивило не столько смелое утверждение и однозначный вывод автора об этническом происхождении крымских караимов, как его – ведущего ученого-тюрколога Крыма – суждение о караимском языке.

Приведу две цитаты из этой статьи. Первая:

«Так называемый самостоятельный тюркский караимский язык в лексическом плане состоит из двух компонентов – тюркского (крымскотатарского) и семитского», утверждает А.Меметов на основании знакомства с караимско-русским словарем, составленным в свободное от работы время караимом З.Синани, юристом по профессии. При этом А.Меметов в списке использованной им литературы не приводит ни одной работы советских или зарубежных ученых-тюркологов, а исторические выводы строит на основе работ ученых конца XIX века.

Обратил я внимание также на то, что, если в вышеприведенной цитате слово «караимский» заменить на «татарский», то в полной мере ее можно отнести и к крымскотатарскому языку, ведь в нем присутствует большое количество слов тюркского компонента и слов из арабского языка, относящегося к семитской группе. А при консонантной записи, т. е. без гласных, просто невозможно различить, где слово из арабского, а где из древнееврейского языка: *султан*[5] – султан, *курбан* – курбан, *цадака* – садака, *нави* – наби, *шира* – сура, *шалом алейхем* – селям алейкум, *мидраш*-медресе, *хаг*-хадж, *Элоах* – Аллах, *Авраам* – Ибраим, *Захар* – Закир, *Аарон* – Гарун, *Давид* – Дауд, *Иосиф* – Юсуф, *Ицхак* – Исхак, *Иисус*-Иса, *Моисей* – Муса, *Соломон* – Сулейман, *Шемуэль* – Шамиль, *Ишмаэль* – Исмаил, *рахман-ве-рахим* – рахман-ве-рахим и т. д.[6].

---

[3] Караимско-русско-польский словарь (КРПС). М., Русский язык. 1974. С. 6.

[4] *Меметов А.* О так называемых тюркских народах Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 22 (61). № 3. 2009. С. 172–178.

[5] Слова на древнееврейском языке выделены курсивом.

[6] Все эти слова пришли в языки народов из священных религиозных текстов, и в крымскотатарском языке арабских слов (слов семитского языкового компонента) не больше и не меньше, чем в караимском из древнееврейского, т. е. процент использования слов семитской языковой группы абсолютно одинаковый.

Цитата вторая:

«В период Крымского Ханства (XV–XVIII вв.) караимы полностью потеряли свой родной древнееврейский язык и перешли на крымскотатарский…»

Не могу знать, было ли известно автору статьи то, что караимы Галича не только никогда не жили в Крымском Ханстве, но даже не соприкасались с крымскими татарами, а родной язык у них и не крымскотатарский, и не древнееврейский. В Крыму же, хотя Крымского Ханства уже нет, караимы до сих пор нет-нет, да используют в литургии язык Священного Писания – древнееврейский, который для них родным также никогда не являлся.

Со времен академика В.В.Радлова[7], утверждавшего, что «куманский (половецкий) язык сохранился в почти первозданной чистоте у литовских караимов», тюркология сделала колоссальный скачок в своем развитии, исследовании письменных тюркоязычных памятников – как древних, так и современных. И никто из ученых-тюркологов не отказывал караимскому языку в самостоятельности, никто не заявлял, что крымские караимы стали тюркоговорящим народом только после прихода в Крым ордынцев. Вот некоторые определения:

«Караимский язык представляет собой один из тюркских языков северо-западной, или кыпчакской, группы и расположен на самой западной границе территории распространения тюркских языков»[8].

Ларс Йохансон относит язык караимов Литвы к Западно-Кыпчакской группе Северо-Западной ветви тюркских языков, куда также входят, по его мнению, кумыкский, карачаево-балкарский и крымскотатарский[9].

По фонетическим особенностям в одну подгруппу тюркских языков вместе с каракалпакским и южными диалектами крымскотатарского языков относит караимский язык и турецкий профессор Т.Текин[10].

Ж.Дени в один язык под общим названием «команский язык» объединяет язык половцев, половецких армян и караимов[11].

Как можно удержаться от того, чтобы не привести определение профессора Н.А.Баскакова, которое он дал в совместном труде ученых-тюркологов советской, польской и литовской Академий наук: «По фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям караимский язык весьма близок из древних тюркских языков к половецкому, а из современных – к карачаево-балкарскому, кумыкскому, крымско-татарскому и другим кыпчакским языкам»[12].

---

[7] Радлов Василий Васильевич (1837–1918) – российский востоковед-тюрколог, этнограф, археолог.

[8] *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.,Наука, 1964, С. 6.

[9] Lars Johanson (1998) The History of Turkic. In Lars Johanson&ÉvaÁgnesCsató (eds) The Turkic Languages. London, New York: Routledge, 82–83. http://www.turkiclanguages.com/www/classification.html

[10] *Текин Т.* Проблема классификации тюркских языков // Проблемы современной тюркологии: материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 387–390.

[11] *Deny J.* L′Arméno-coman et les Ephemérides de Kamienies (1604–1613). Wiesbaden, 1957.

[12] КРПС, С. 6.

Того же мнения и Г.Рамстед[13], и А.Гаркавец[14], и А.Дубинский[15] и А.Зайончковский[16], С.Шапшал и другие, и вряд ли всех этих ученых-тюркологов можно назвать титулованными невеждами.

Вот какую мысль в отношении караимского языка высказывает доктор философии современной истории М.Кизилов (не караим): «Приехавшие в Литву и Польшу караимы говорили на кыпчакском, а не на татарском этнолекте, и это свидетельствует в пользу гипотезы о том, что большая их часть переехала туда не из Крыма, а из других регионов Золотой Орды. Удивительно, но приехав в Галицию, Волынь и Литву и не имея рядом с собой тюркоязычного этнического окружения, караимы упорно продолжали говорить на своем тюркском этнолекте вплоть до недавнего времени, т. е. в течение более 600 лет! Караимский язык, в довершение, – самый северный тюркский язык Европы.

По целому ряду причин не столько академического, сколько идеологического характера этнолект кыпчакского (половецкого) языка, на котором говорили караимы Литвы и Польши, ошибочно отождествляют с этнолектом крымскотатарского, на котором говорили караимы Крыма. Но это отождествление совершенно ошибочно. Караимы Крыма говорили на этнолекте крымскотатарского языка, значительно отличавшемся от кыпчакского этнолекта караимов Литвы и Польши»[17].

Позволю высказать свою точку зрения на процесс формирования диалектов караимского языка, а для представления о возможном влиянии иноязычного окружения на тот или иной диалект приведу караимскую традицию миграционных хронологий:

– время появления караимов в Крыму в «доордынский» период – неизвестно;

– переселение караимов в Галицию при князе Даниле Галицком – 1254 г.[18];

– взятие татарами под предводительством Ногая «еврейского городка Кырк» (Чуфут Кале) – 1299 г.[19];

– переселение караимов из Крыма в Литву при Великом Князе Витовте – 1396-1397 г.[20];

– приезд в Крым группы караимов Персии под руководством Хаджи Синана – 1500 г.[21].

---

[13] *Гаджиева Н.З.* Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 527–529.

[14] *Гаркавец А.Н.* Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 3.

[15] http://www.krimoved-library.ru/books/krimskie-karaimy5.html.

[16] *Zajączkowski A.* Krótki wykład gramatyki jezyka zachodnio-karaimskiego (narzecze łucko-halickie). Łuck, 1931.

[17] *Кизилов М.* Крымская Иудея. Симферополь: Доля, 2011. С. 111.

[18] *Дашкевич Я.* Міграція караїмів у Русь-Україну та Литву (IX–XIV ст.). Караїми Галича: історія та культура. Львів: «Сполом», 2002.

[19] *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк Крымско-татарского землевладения. ИТУАК № 22. С. 73.

[20] *Мусаев К.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., Наука, 1964. С. 5.

[21] *Синани И.О.* История возникновения и развития караимизма. Симферополь, 1888. Ч. I. С. 67.

Профессор Н.А.Баскаков выдвинул предположение о существовании Ч-диалекта и Ц-диалекта в хазарском языке[22]. Основываясь на этом, я, как дилетант, полагаю, что, исторически соприкасаясь с хазарами, предки караимов говорили на Ц-диалекте, и, ведя замкнутый образ жизни, являясь этаким этнорелигиозным изолятом, сохраняли родной язык. Караимы, переселенные в Галицию князем Данилой Галицким (из Крыма или из других мест) говорили (и говорят) на Ц-диалекте. Пришедшие в Крым ордынцы привнесли лингвистические различия, под влиянием которых у караимов начал формироваться Ч-диалект. За сто лет этот процесс не был завершен полностью, поэтому у караимов Литвы наблюдается использование фонем Ц и Ч. Дальнейшие исторические контакты караимов Крыма с татарами и турками и влияние языковой культуры этих, более многочисленных народов на язык караимов, привели к полной утрате у последних фонемы Ц.

В Крыму, до формирования нынешнего старожильческого населения, проживали представители различных тюркоязычных этносов: гуннов, хазар, печенегов, половцев. Их культура – как материальная, так и языковая – не могла исчезнуть бесследно, она сохранялась населением Крыма. Когда же на полуостров пришли ордынцы, то здесь они нашли развитую, очень близкую своей, тюркскую культуру, которую впитали, а позже внесли и свой вклад в дальнейшее формирование общекрымской культуры.

Взаимопроникновение культур в Крыму наблюдалось особенно явственно, а секреты ремесел и система образования не держались втайне. Так, караим И.И.Казас еще в 1867 г. разработал «Проект устройства образовательной части» мусульман губернии, т. е. татарской учительской школы[23]. По этическим мотивам просветитель караим И.И.Казас отказался от должности инспектора в татарской учительской школе, мотивируя свой отказ тем, что для успешного развития этого учебного заведения на пост инспектора необходимо избрать мусульманина. Великолепный знаток татарского и многих других языков, караим И.И.Казас составил учебник русского языка для татар Казанского и Одесского учебных округов, и целый ряд учебников и пособий для обучения крымскотатарских детей русскому языку. Составленные им учебники татарского языка были включены в программу обучения студентов Московского Лазаревского института восточных языков. На ниве просвещения крымских татар караим И.И.Казас 23 года прослужил цензором газеты «Терджиман». Утвержденный в эту должность по ходатайству И.Гаспринского, он, по выражению его ученика из крымских татар, «сеял в цветущий период свое жизни семена добра и знания на ниве мусульманства»[24].

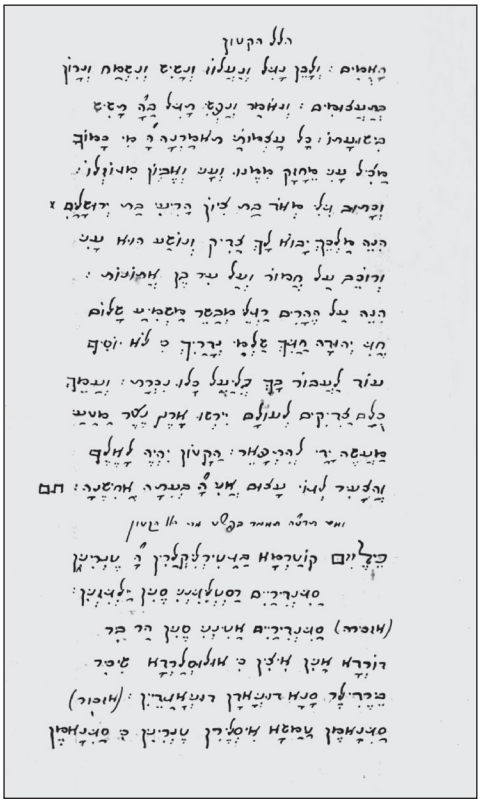
Симит Исааковна Кушуль[25], хорошо знакомая с подменой аспектов караимской религии, культуры и истории, свою тревогу в одном из писем выразила

[22] *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960. С. 111.

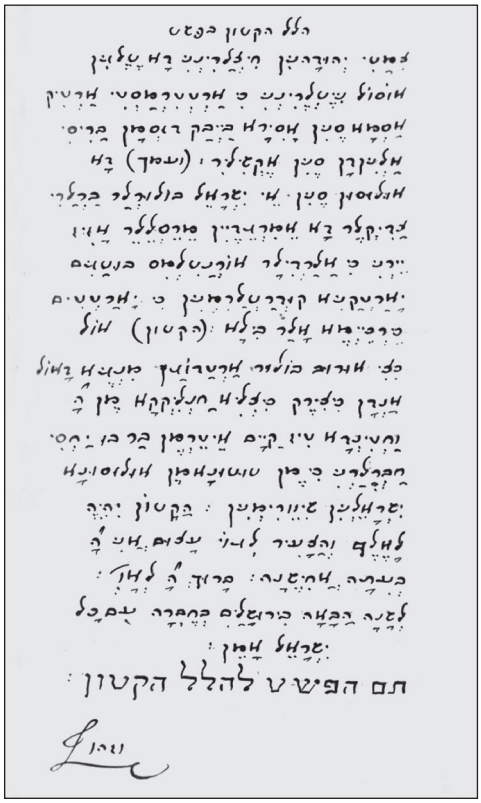
[23] *Прохоров Д.А.* Учивший заветам правды, добра и гуманности… Симферополь, 2008. С. 118.

[24] *Ельяшевич Б.И.* И.И.Казас. Евпатория, 1918. С. 17.

[25] С.И.Кушуль (1906–1996) – караимский общественный деятель; унаследовала, сохранила и расширила коллекции предметов караимской материальной и духовной культуры, которую передала евпаторийскому караимскому обществу.

Первая страница текста

Шестнадцатая страница текста

такими словами: «Наука в вопросе о караимах … фальсифицируется до наглости, а пресечь это явление некому. Сознание этого страшно угнетает и тяжелым камнем ложится на душу. Где искать выхода? Кто поможет?»[26]. Предвидя будущее развитие событий, незадолго до своей смерти на одной из конференций она произнесла следующее: «Я хотела бы обратиться к мировой науке с великой просьбой: защитить нас, крымских караимов от… посягательств и дать нам, как народу, возможность, уходя с арены жизни, остаться в истории тем, что мы представляем в действительности: народ тюркского происхождения, со своим родным, а не заимствованным караимским языком».

В качестве информации к размышлению, прочтению или просто ознакомлению, а может быть и материала к исследованию и сравнению с другими тюркскими языками, предлагаю текст на караимском языке из рукописного молитвенника караимов Галича.

Текст представляет хваление на караимский праздник Пасхи и читается в кругу семьи в первый вечер праздника. Текст этого хваления на древнееврейском языке помещен в молитвенниках, издаваемых караимами.

[26] Письмо к N… от 18.03.1986.

Молитвенник, в котором находится нижеприводимый текст, находился у Ады Зараховны Зарахович и был передан в 1994 году вместе с библиотекой ее отца Зараха Моисеевича Зараховича, служившего газзаном общины караимов Галича в 1933-34 гг., вместе с частью материалов, хранившихся у старосты общины Галича Янины Львовны Эшвович, общине Евпатории. В настоящее время молитвенник хранится в библиотеке «Карай Битиклиги», но, поскольку рукописный фонд еще не обработан, у него отсутствует учетно-регистрационный номер.

Всего в молитвеннике 378 листов размером 16,2x10,0 см без водяных знаков. Обложки выполнены из толстого бесцветного картона, корешок переплета отсутствует. При записи текстов караимским полукурсивом (в галичской традиции) использовались орешковые чернила, буквы четкие, текст читается свободно. Нижние части листов имеют сильные затертости от многократного использования, что, наряду с встречающимися обрезами текста верхнего колонтитула свидетельствует о частом функциональном использовании и не одном переплете молитвенника. На четной странице каждого листа в левом нижнем углу, за редким исключением, помещены кустоды[27]. Левее кустоды находится прописная латинская вензельная литера «L», нижний край которой переходит в написание литеры «e»[28].

В рукописном сборнике содержатся молитвы на Новолуние, вечерние и утренние на Субботу, Песах, промежуточные дни Песах, Шевии Ацерет, Шавуот, Йом Тэруа, Хъаг гъаСуккот, промежуточные дни Суккот, Шемини Ацерет, благословения на Пурим, текст повествования на Пасху (отдельно на древнееврейском и отдельно на караимском), праздничные и обрядовые песнопения – земерот (на древнееврейском и караимском).

Перевод литургических текстов (небиблейских) с древнееврейского языка на караимский у галицких караимов называется «пэсат»[29]. В молитвеннике пэсат «Галель гаккатон»[30] – Малое хваление – следует сразу за аналогичным текстом на древнееврейском языке, расположен на 16 листах и занимает почти 32 страницы, каждая из которых заполнена 20-ю палеточными строками текста. На каждой странице на верхнем колонтитуле предшествует название пэсата. Несмотря на наличие кустод, в тексте нарушен порядок следования

[27] Кустóда – слово, размещённое на нижнем поле страницы, и дублирующее первое слово на следующей. Использовалось в старых книгах для того, чтобы расположить страницы и тетради в правильном порядке.

[28] В хранящемся в библиотеке другом рукописном молитвеннике из Галича размером 18,5x11,5 см на листе 26 в разделе «селихот» ниже литеры «L» латинской графикой написано «Leonowich». Принимая во внимание тот факт, что фамилии у караимов Галича могли появиться, в соответствии с австрийским декретом, не ранее 1787 года, а отмена использования кустод, в связи с развитием книгопечатного дела, произошла не позднее средины XIX века, можно предположительно определить время написания молитвенника первой половиной XIX столетия. В хронологической таблице газзанов Галича, составленной газзаном Зарахом Зараховичем, можно найти двух руководителей общины с фамилией Леонович: Авраам Леонович, сын Леви (1810–1851) и его сын Иосиф (1851–1866).

[29] У караимов Литвы такие переводы называются «пэшат», у караимов Крыма этот термин не употреблялся.

[30] У караимов Литвы и Крыма использовалась вторая допустимая форма написания слова малый – «катан».

листов 15 и 16. В начале каждого стиха пэсата приводится его первое слово в языке оригинале.

Текст пэсата «Галель гаккатон» приводится по определенной причине: в нем присутствуют цитаты из Торы, которые, возможно, взяты из более ранних переводов библейских текстов на караимский язык. К тому же эти цитаты можно сравнить с аналогичным переводов у караимов Крыма по евпаторийскому изданию ТаНаХа 1841 года.

В пэсате совершенно отсутствуют османизмы, и это дает возможность предположить, что основной лексический массив галицкого диалекта караимского языка, в отличие от крымского, сформировался еще до XV столетия.

Некоторые пояснения к тексту рукописи и ее транслитерации:

При записи текста рукописи на караимском языке использованы галичский полукурсив букв еврейского алфавита.

По определению, данному в КРПС, в галицком диалекте имеется шесть гласных звуков: а, э, и, о, у, ы, которые передаются диакритическими знаками.

В рукописи фонемы «ц» и «дз» передаются абсолютно одинаково через букву «цади» (цади-софит), т. е. правильное чтение слов достигается из практических навыков знания лексики. Исключение составляет слово «дзан», когда за цади с камец следует алеф без знака. Такой же прием использован в элегии «Карангъы булут»[31] Иосифа бен Йэгъошуа из Деражни по прозвищу Гамашбир, скончавшегося в 1678 г. Для сравнения, написание фонемы «дз» в стихах галичского поэта Захария Абрахамовича, опубликованных в № 2 журнала «KARAJ AWAZY» передается латинскими буквами «dz».

Фонема «с» передается как через «син», так, и в редких случаях, через «самех».

Фонема «в» передается двойным «вав».

Фонема «б» передается через «бет» без даггеша.

При варианте транслитерации, отличном от КРПС, написание слова дается по последнему.

Собственные библейские имена, географические названия и их вариации в транлитерации обозначены курсивом с заглавной буквы. Комментарии к ним не даются из расчета на то, что читающий знаком с библейской историей.

Для обозначения заимствованных слов применяются следующие обозначения: (а) – арабский, (е) – древнееврейский, (п) – персидский, (р) – русский, (пол.) – польский, (сл.) – из славянских языков. Обозначением (а-е) указаны слова, относящиеся и к арабскому и к древнееврейскому языкам. Из всего количества заимствованных слов арабский компонент составляет 37 %, древнееврейский – 27 % (в т.ч. 16 % – слова религиозной терминологии), персидский – 20 %.

В 1900 году Ф.А.Малецкий издал в переводе на язык караимов Литвы Славословие на Пасху[32]. Это издание было использовано для транслитерации текста пэсат, когда требовалось восстановить утраченные или неразборчиво написанные слова рукописи.

[31] J.Grzegorzewski. Jězyk łach-karaitów… Krakow, 1917.

[32] *Малецкий Ф.А.* СЕДЕР ГАЛЛЛЕЛЬ ГАККАТАН. Славословие на пасху по обряду караимов. Вильна, 1900.

При записи библейских имен и географических названий в корневой основе в рукописи сохранена запись диакритических знаков и транскрипции оригинала.

Ссылки на соответствие стихов пэсата и стихов библейских даются выборочно.

В некоторых случаях, для сравнения диалектных различий, дается перевод текста оригинала на крымский диалект по евпаторийскому изданию ТаНаХа 1841 года.

В тексте пэсата нумерация стихов отсутствует.

Перевод на русский язык приводится по Ю.Д. Кокизову[33], в котором не всегда отражен точный смысл оригинального текста.

Перевод стихов пэсата на русский язык дан жирным шрифтом.

При транслитерации литера «е» используется для смягчения «л».

Размышляя о родном языке крымских караимов Крыма, а также крымских караимов, волею судеб оказавшихся в Украине (Галич, Луцк) и Литве (Тракай), я надеюсь, что нижеприводимый текст в большей или меньшей степени будет понятен народам, говорящим на этнолектах половецкого языка.

ГЪАЛЕЛЬ ГЪАККАТОН

1. Кэлейим[34] котарма багъатырлыкларын *Адонай*[35] Тэнринин[36] сагъындырайым растлыгъынны (п) Сэнин йалгъызнын.

Войду в размышление о силах Господа Бога; воспомяну правду Твою – единственно Твою.

2. Сагъындырайым атынны Сэнин гъар (п) бир дорда (е) анын ицин ки улусларда сикир (а) бэрэрилер Сана дунйадан дунйагъадейин[37].

Сделаю имя Твое памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки.

Сагъынамэн тамаса (а) ислерин Тэнринин ки сагъынамэн тамаса исинни ки кылдын авалдан (а).

Буду вспоминать о делах Господа; буду вспоминать о чудесах Твоих древних.

4. Да ухумэн барда адзайып (а) ислерин ни да бар тамаса ислеринни котарамэн.

Буду вникать во все дела Твои. Размышлять о великих Твоих Деяниях.

5. Э Тэнри кайамлыгъын (а) Сэнин азиз (а) кэктэди вале гъашгахан (е) Сэнин барды буда йувуз дунйада анын ицин йохтур бирдэ уллу тэнри Сэнин кибик э кицли Тэнри.

Боже! Свят путь Твой. Кто, бог, такой великий, как Бог (наш).

6. Сэнсэн ол Тэнри кылувцу тамаса ислер да бильдирэсэн улусларда куватынны.

---

[33] *Кокизов Ю.Д.* Повествование на Пасху. СПБ,, 1889. *Прик С.А.* ГАГАДА т.е. СКАЗАНИЕ НА ПАСХУ по обряду Караимов. Одесса, 1901. В 1907 г. в Вильно под редакцией М.Фирковича был выпущен сокращенный вариант Славословия на Пасху.

[34] Слово написано заглавными буквами. Начиная со второго стиха в начале каждого стиха в рукописи в скобках приводится написание первого слова соответствующего стиха на древнееврейском языке.

[35] Передано аббревиатурой «ה» с подстрочным «камец» во всей рукописи.

[36] В караимской традиции термин «Тэнри» относится к Богу-Творцу, Создателю, Всевышнему, а термин «тэнрилер» – к языческим богам.

[37] Написано слитно с послеслогом дательного падежа.

Ты Бог, творящий чудеса; Ты явил могущество Свое среди народов;

7. Ки йулудун куватын была улусунну уланларын *Йааковнун* да *Йосэфнын* гъаммэсэ (п).

Ты избавил мышцею народ Твой, сынов Иакова и Иосифа (Села)[38]**.**

8. Сэнсэн ол *Адонай* Тэнри ки сайладын[39] эзинэ *Аврагъамны*[40] да цыгъардын аны *Ур Хасдимдэн* да койдун атын анын *Аврагъам*.

Ты сам, Господи Боже, избрал Авраама, и вывел его из Ура Халдейского, и дал ему имя Авраама,

9. Да таптын осол йирэгин анын инамлы Сэнин алнында да кэцтин биргэсинэ анын сэртни бэрмэ анар осол йэрин *Кэнаан* нын ол *Хитинин* даол *Эморинин* ол *Пэризинин* ол *Йэвусынын* ол *Гиргасынын* бэрмэ урлугъуна анын да кайам (а) осол сэзинни ки раст Сэнсэн.

и нашел сердце его верным пред Тобою, и заключил с ним завет, чтобы дать (ему и) семени его землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Иевусеев и Гергесеев. И Ты исполнил слово Свое; потому что Ты праведен.

10. Да кэрдин осол кыйынын аталарымызнын *Мицридэ* да осол фирйатларын (п) аларнын эситтин тэнгизи катына *Йам Суфнун*.

Ты увидел бедствие отцов наших в Египте и услышал вопль их у Чермного моря[41]**.**

11. Да бэрдин бэльгилер да нисанлар (а) *Паръода* да бар кулларында да бар улусунда йэринин ки Сэн бильдин нэцик цэйалык эттилер *Мицрилилер* баттырма *Йисраэль* уланларын *Нилдэ* алай дагъын каттырдын энсэлерин ки кувдулар алар артына да баттырдын аларны *Йам Суф* та[42] да кылдын эзинэ сыйлы шэм (е) бар дунйада успу кин кибик.

И явил знамения и чудеса над Фараоном, и над рабами его, и над всем народом земли его, так как Ты знал, что они надменно поступали с ними, и сделал Ты Себе имя до сего дня.

12. Да картыдэн бильдирдин *Аврагъамгъа* атамызгъа осол кыйынын урлугъунун йэрдэ тивил эзлеринин (да куллук этэрлер алар была)[43] ки нэцик йазылгъанды азиз *Тора* да Сэнин.

И дал ты знать Аврааму о бедствиях потомков его, которые будут терпеть в земле своей, как написано в завете Твоем.

13. Да айтты *Аврамгъа*[44] бильмэ бильгин ки гъарип (а) болур урлугъун сэнин йэрдэ тивил аларнын да куллук этэрлер алар была да кыйнарлар аларны дэрт йиз йыл.

---

[38] Это слово вошло в употребление в псалмах как музыкальный знак. В настоящее время при молитвах произносится всеми прихожанами.

[39] Два предыдущих слова дублируются в пэсате без знаков огласовки.

[40] В рукописи имя патриарха записано как Авраам, но в оригинале на древнееврейском языке имя значится как Аврам.

[41] Чермное море традиционно отождествляется с Красным морем.

[42] Подчеркнутый текст (Египтяне топили сыновей израильтян в Ниле, преследовали их, чтобы убить, а Ты утопил их в Чермном море) отсутствует в классическом тексте «Хваления» печатных караимских молитвенников, а также в переводах караимов Литвы.

[43] Слова, помещенные в скобках, в рукописи записаны без огласовки.

[44] Библейский патриарх в то время еще носил имя Аврам.

И сказал Он Аврааму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей; и поработят их и будут угнетать их четыреста лет.

14. Да дагъын осол ол ханлыкны ки куллук этэрлер алар была йаргъу йарармэн Мэн анда сортун цыгъарлар уллу мал была[45].

Но над народом, у которого они будут в порабощении, Я произведу суд; после сего они выйдут с великим имуществом.

15. Да йазылгъанды ол киндэ ол кэсти *Адонай Аврам* была сэрт айтадогац урлугъуна сэнин бэримэн осол ол йэрни ол успу баслап эзэниндэн *Мицринин* ол уллу эзэнгэдэйин эзэнинэдэйин *Пратнын*[46].

И написано: в этот день заключил Господь завет с Аврамом, сказав: потомству твоему даю я эту землю, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата.

16. Да кэльди *Йисраэль Мицригэ* да *Йааков* тирильди йэриндэ *Хъамнын*.

Тогда пришел Израиль в Египет и поселился Иаков в землю Хамову.

17. Да йайдырды осол улусун эзинин астры да кицлирэк этти аны тарбэривцилериндэн анын.

И весьма размножил Бог народ Свой и сделал его сильнее врагов его.

18. Цивирди йирэклерин аларнын клегин айтма *Мицрилилернин* дусман (п) болма улусуна анын йаман сагъыс этмэ куллары истинэ *Йисраэль* истинэ.

Возбудил в сердце их ненависть против народа Его, и ухищрение против рабов Его. И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами.

19. Да койдулар анын истинэ агъаракларын йасак алувцуларнын кыйнамак ицин *Йисраэльни* иклери была да кондарды *Йисраэль* хазна (а) сахарларын (п) *Паръогъа* осол *Питом* даосол *Раамсэсни*.

И построил он Фараону города для запасов: Пифом и Раамсес.

20. Да ки нэцик кыйнасыйдылар аларны *Мицрилилер* алай артарэди да алай йайылырды да ададылар *Мицрилилер* алнында уланларынын *Йисраэльнин*.

Но чем более изнуряли его, тем более он умножался и тем более увеличивался; и опасались египтяне сынов Израилевых.

21. Да куллук эттирдилер *Мицрилилер* осол уланларын *Йисраэльнин* хохимлик (а) была.

И Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам.

22. Да ацы эттилер осол тирликлерин аларнын каты куллук была балцык была да кирпицлер (р) была да бар каты куллук была тиздэ осол барда куллуклар была ки куллук эттилер алар была хохимлик была[47].

И делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами, и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью.

---

[45] Стихи 13–14. См.: Бытие, 15:13–14. Для сравнения см.: таргум ТаНаХ издания 1841 г., Евпатория: 13. Даайтты Аврам гъа бильмэ бильгин ки гарип олыр урлугъын йэрдэ ки озлеринин дугуль дакъулланырлар аларны дакъыйнарлар аларны дорт йўз йыл. 14. Дадагъын ол улускъа ки къуллукъ этсэлер шараат этэрмин даандан сонъра чыкъарлар чокъ мал билен.

[46] Бытие, 15:18. «Ол гўндэ кэсти Адонай Аврам билен шарт дэмэ (п) урлугъынъа вэримин ушбу йэрни озэниндэн *Мисирнин* ол буйук озэнгэ дэгин озэни *Прат* нын.

[47] Стихи 19–22 представляют перевод текста из Исход, 1:11-14.

23. Да эки каты буйруклар буйурдулар аталарымыз истинэ *Паръо* да *Мицрилилер*.

И два жестокие приказания повелел Фараон египтянам над нашими предками.

24. Бурунгъу буйрук ол анацыларнын исиндэ.

Первое приказание через повивальных бабок,

25. Ки нэцик йазылгъанды[48]: да айтты бийи *Мицринин* ол анацыларгъа ол *Йисраэлькаларгъа*[49] ки аты ол биринин *Шифра* дааты ол экинцинин *Пуа*[50].

как написано: и сказал царь Египетский повивальным бабкам евреянок, из которых одной имя Шифра, а другой – Фуа;

26. Да айтты тувдуртка-нынызда[51] осол ол *Йисраэлькаларны* да багъыныз ол тэрэйдогъан орун истине эгэр (п) увул эсэ ол да элтириниз аны да эгэр кыз эсэ ол да кири[52] болсун[53].

и сказал: когда вы будете повивать у евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его; а если дочь, то пусть живет.

27. Да кабул (а) этмэдилер анацылар кэнэсин анын да буйругъун анын.

Но они не исполнили совет и приказания его,

28. Ки нэцик йазылгъанды: да корктулар ол анацылар ол Тэнридэн да къылмадылар ки нэцик сэзледи аларгъа бийи *Мицринин* да кири калдырдылар осол ол йэр уланларны.

как написано: но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский и оставляли детей в живых.

29. Экинци буйрук буйурду бар улусуна аскара (п) да йаравлы этти канын уланларынын *Йисраэльнин* элтирмэ аларны да баттырма *Нилдэ*.

Второе приказание повелевал Фараон открыто своему народу и разрешил им убивать детей израильтянских и потопить их в реке,

30. Ки нэцик йазылгъанда да буйурду *Паръо* бар улусуна айтадогъан бар увулну ол тувгъан ны *Йисраэльликтэ Нилгэ* тасланыз аны да бар ол кызны тири калдырныз.

как написано: и повелел Фараон всему народу своему, говоря: всякого новорожденного у евреев сына бросайте в реку; а всякую дочь оставляйте в живых.

31. Да алар истинэ навилик[54] (е) йазысы айтады.

И как над ними писание (пророков) говорит:

---

[48] Здесь, как и в других случаях, в рукописи стоит знак двоеточия, отсутствующий в оригинале текста; обычно знак двоеточия в виде ромбиков (соф-пасук) означает окончание стиха.

[49] В оригинале указано слово «у евреек», в галицком переводе – «у израильтянок», где категория женского рода представительницы национальности образована с помощью аффикса «–ка». В крымском переводе категория женского рода передана совершенно иначе: «Да айтты догъурткъанынызда ол Йисраэль хатынларыны дабакъыныз ол искэмле ўстўнэ эгэр огъул эсэ ол даолдуруныз аны даэгэр къыз эсэ ол дадырыкъалсын».

[50] Исход, 1:15.

[51] Слово написано на разных строчках со знаком переноса.

[52] Синоним слова *тири* (живой) только в галицко-луцком диалекте по КРПС.

[53] Исход, 1:15.

[54] Вместо *навилик* (пророчество) в переводе Ф.А.Дубинского употреблено Тора. В оригинале на древнееврейском языке употреблено слово *писание*.

32. Да тувмусларын сэнин тувгъан киндэ сэн кэсилмэди киндигин сэнин да сув была йвунмадын арынма да тузланма тузланмадын да билинмэ билинмэдин.

При рождении твоем, в день, когда ты родилась, пупа твоего не отрезали, и водой ты не была умыта для очищения, и солью не была осолена и пеленами не повита.

33. Хайыфсынмэди (а) сэнин истинэ бирдэ киз[55] кылма сана бирисин булардан хайыфсынмэ сэнин истинэ анцак тасландын излери истинэ ол тизнин бырцланмагъы была гуфуннун (е) тувгъан кининдэ сэнин.

Ничей глаз не сжалился над тобою сделать тебе что-нибудь из этого; но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего.

34. Да керди Тэнримиз осол аванлыгъын *Паръонун Йисраэльгэ* дарахмэтлэнди (а) бизнин истимизгэ ки нэцик ол азиз йазыс анлатады нависи асыра.

И видел Боже наш жестокость их и умилостивился над нами, как в писании объясняет через пророков:

35. Да астым сэнин катына да кэрдим сэни *Мицридэ* авкэ-ледогъанны[56] канларын ицинэ даайттым сана канларын была тири болурсэн канларын была тири болусэн.

и проходил Я мимо тебя и увидел тебя брошенную на попирание в кровях твоих и сказал: «в кровях твоих живи», так Я сказал тебе: « в кровях твоих живи».

36. Сагъыныныз тамасалыкларын Анын ки кылды нысанларын да тэрэлерин буйругъунун.

Воспоминайте чудеса Его, которые сотворил, знамения Его и суды Его,

37. Э урлугъу *Аврагъамнын* кулунун да уланлары *Йаковнун* сайланмуслары Анын.

вы, семья Авраамова, рабы Его, сыны Иакоова, избранные Его.

38. Олду *Адонай* Тэнримиз бизнин бар ол йэрдэ биливлиди тэрэлери ат Анын.

Он Господь Бог наш, по всей земле суды Его.

39. Сагъынды дунйа-гъадэйин[57] сэртин эзинин сэзни ки буйурду мин доргъадэйин.

Вечно помнит завет Свой, слово (которое) заповедал в тысячу родов,

40. Ки кэсти сэрт (а) *Аврагъам* была да антын эзинин кайам (а) этти *Йицхъакка*.

которое завещал Аврааму, и клятву Свою Исааку.

41. Да кайам этти Аны *Йаковгъа* рэсимгэ *Йисраэльгэ* эмирлик сэрткэ.

И поставил то Йакову в закон, и Израилю в завет вечный,

42. Айтадогъан сана бэримэн осол йэрин *Кэнааннын* тийис илисинизни.

говоря: тебе дам землю Ханаанскую в удел наследия вашего.

43. Болгъанларында санлы эль азлар да да тирилирэдилер анда.

---

[55] В рукописи, очевидно ошибочно, написано «киз» вместо «кез».

[56] Слово написано на разных строчках со знаком переноса.

[57] Написано с переносом слова.

Когда их было еще мало числом, очень мало, и они были пришельцами в ней,

44. Да иридилер ханлыктан ханлыкка да бийликтэн эзигэ улуска.

и переходили от народа к народу, из царства к иному племени,

45. Эрк бэрмэди адамгъа (е) зулумлама (а) аларны анцак карат этти алар ицин бийлерни.

Никому не позволял обижать их, и возбранил о них царям:

46. Айтадогац тиймэниз силтирмислеримэ да навилеримэ йаман этмэниз.

«не прикасайтесь к помазанникам моим, и пророкам моим не делайте зла».

47. Да айтты *Йэгъошуа*[58] ол улуска айтадогац булай айтты *Адонай* Тэнриси *Йисраэльнин* кицивиндэ ол эзэннин кэциктилер аталарымыз аввальдан *Тэрах* атасы *Аврагъамнын*[59] да атасы *Нахъорнун* да куллук эттилер эзгэ тэнрилергэ.

И сказал Иисус всему народу: так говорит Господь, Бог Израилев: за рекой жили отцы наши издревле: Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам.

48. Да алдым осол атанызны осол *Аврагъамны* кицивиндэн ол эзиннин да йэриттим аны бар йэриндэ *Кэнааннын* да арттырдым осол урлугъун анын да бэрди анар осол *Йицхъакны*.

Но Я взял отца вашего Авраама из-за реки и водил его по всей земле Ханаанской и размножил семя его, и дал ему Исаака.

49. Да бэрдим *Йицхакка* осол *Йаковну* да осол *Эсавны* да бэрдим *Эсавгъа* осол тавын *Сэирнин* мэрэслемэ (а) аны ваэли *Йааков* да увуллары анын эндилер *Мицригэ*.

Исааку дал Йакова и Исава; Исаву дал Я гору Сеир в наследствие; Йаков же и сыны его перешли в Египет.

50. Да ийдим осол *Мошэни* да осол *Агъарон* ну да карат эттим осол *Мицрини* бар тамаса каранйаларым (пол.) была ки кылдым ортасында анын да андан сортун цыгъардым сизни.

И послал Я Моисея и Аарона, и поразил Египет язвами, которые делал Я среди его, и потом вывел вас.

51. Да кабул этти Тэнри осол фирйатын *Йисраэль* улусунун да сагъынды Тэнри осол сэртин эзинин ки кэсти *Аврагъам* была *Йицхъак* была да *Йааков* была.

И услышал Бог стенания их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом.

52. Да кэрди Тэнри осол увулларын *Йисраэльнин* да сивди аларны Тэнри.

И увидел Бог сынов Израилевых, и призрел Бог.

53. Да айтты Адонай кэрмэ кэрдим осол кыйынын улусумнун ки *Мицридэ* да осол фирйатларын аларнын эситтим алнынды кыстав-цуларынын ки билемэн осол сызлавларын анын.

---

[58] Имя Йэгъошуа (бен Нун=Иисус Навин) в тексте оригинала пишется через «куббуц», в рукописи применяется «шурук».

[59] В написанном слитно слове Аврагъамнын использованы мэм-софит и нун-софит.

И сказал Господь: Я увидел бедствия народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его от приставников его; потому что знаю страдания его,

54. Да эндим гъашгахам была куткарма аны колундан *Мицрилилернин* да цыгъарма аны ол йэрдэн ол йахсы йэргэ да кэн авлак йэргэ агъадогъан сит да бал орнуна ол *Кэнаанынын* ол *Хитинин* да ол *Эморинин* да ол *Пэризинин* да ол *Хивинин* да ол *Йэвусинин*.

и иду избавить его от руки египтян, и вывести его из этой земли в землю хорошую и пространную, в землю, текущую молоком и медом, в место Хананеев, и Хиттеев, и Амореев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев.

55. Да халигинэ муна фирйаты уланларынын *Йисраэльнин* кэльди алныма да дагъын кэрдим осол ол кысыклыкны ки *Мицрилилер* кысыклык этэдилер аларгъа.

И ныне вот, вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я увидел угнетение, каким угнетают их египтяне.

56. Да гъалигинэ (а) э *Мошэ* кэль да ийим сэни *Паръогъа* бийинэ *Мицринин* да цыгъаргъын осол улусумну осол уланларын *Йисраэльнин Мицридэн*.

И так поди: Я пошлю тебя к Фараону, и выведи народ Мой, сынов Израилевых, из Египта.

57. Да айтты *Мошэ* алнында Тэнринин кимдир мэн ки баргъаймэн *Паръогъа* да ки цыгъаргъаймэн осол уланларын *Йисраэльнин Мицридэн*.

И сказал Моисей Богу: кто я, чтобы идти мне к Фараону, и вывести сынов Израилевых из Египта?

58. Да айтты Тэнри ки болур болуслугъум биргэнэ да будур сана ол бэльги ки Мэн ийэмэн сэни цыгъаргъанында осол ол улусну ол успу *Мицридэн* куллук этэрсиз ол Тэнригэ ол успу тав истинэ.

И сказал Бог: Я буду с тобою, и вот знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите Богу служение при этой горе.

59. Да йазылгъанды ол азиз навиликтэ[60]: ки цыгъардым сэни йэриндэн *Мицринин* да куллар эркиндэн – йулудум сэни даийдим алнын да сэнин осол *Мошэ* ни *Агъарон* ни да *Мирйам* ни.

И вывел тебя из земли Египетской, и из дома рабства избавил их, и послал Я пред тобою Моисея, Аарона и Мариам.

60. Да йазылгъанды азиз йазыста айтадогац ийди *Мошэни* кулун эзинин *Агъарон* ну ки сайлады аны.

Как написано в святом писании: послал Он Моисея, раба Своего, Аарона, которого избрал.

61. Койдулар *Мицрилелердэ* ислерин бэльгилеринин да нисанларын йэриндэ *Хъамнын*.

Они совершили меж египтянами дела чудес Его и знамения в земле Хамовой.

62. Ки нэцик йазылгъанды ол азиз *Торада*.

Как написано в святом законе Твоем:

63. Да Мэн билемэн ки бэрмэсти сизгэ бийи *Мицринин* барма да тивил кицли кол была.

[60] Подчеркнутый текст («И записано в святом пророчестве») отсутствует в классическом тексте «Хваления» печатных караимских молитвенников, а также в переводах караимов Литвы.

Но я знаю, что не позволит вам царь Египетский идти, ни даже под рукою крепкою.

64. Да сунармэн осол хыссымымны (п) да кырармэн осол *Мицрини* бар тамаса къаранйаларым была ки кылармэн ортасында анын да андан сортун ийэр сизни.

И Я простру руку Мою, и поражу египтян всеми чудесами Моими, которые совершу среди его; и после сего он отпустит вас.

65. Да йазылгъанды *Торада* айтадогъац да дагъын мэндэ иситтим осол фирйатын уланларынын *Йисраэльнин* ки *Мицрилилер* куллук эттирдилер аларны да сагъындым осол сэртимни.

И написано: и Я же услышал стон сынов Израилевых о том, что египтяне порабощают их, и вспомнил завет Мой.

66. Анын ицин айткын уланларына *Йисраэльнин* Мэнмэн *Адонай* да цыгъарымэн сизни иклери тибиндэн *Мицринин* да куткарымэн сизни куллукларындан аларнын да йулурмэн сизни сунулгъан куват была да уллу каранйалар была.

Потому скажи сынам Израилевым: Я Господь, и выведу вас из-под ига Египетского; и избавлю вас от рабства их, и спасу вас мышцею простертою и судами великими.

67. Да алымэн сизни эзимэ улуска да болурмэн сизгэ Тэнригэ да билирсиз ки Мэнмэн *Адонай* Тэнринин сизнин ол цыгъарувцу сизни иклери тивиндэн *Мицринин*.

И приму вас Себе в народ и буду вам Богом, и вы узнаете, что Я Господь, Бог ваш, выведший вас из-под ига египетского.

68. Да кэльтиримэн сизни ол йэрни ки ант (п) эттим кудратымдан бэрмэ аны *Аврагъам* гъа да[61] да *Ицхъакка* да *Йааковгъа* дабэримэн аны сизгэ мэрэслик ки[62] Мэнмэн *Адонай*.

И поведу вас в ту землю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие. Я Господь.

69. Да айткын *Паръогъа* булай айтты *Адонай* тунгъуц увлумду *Йисраэль*.

И скажи Фараону: так говорит Господь: Израиль сын Мой, первенец Мой.

70. Да айттым сана ийгин осол увлумну да куллук этсин мана да клемэйсэн иймэ аны муна Мэн эльтиримэн осол тунгуц увлун ну сэнин.

Я говорю тебе: отпусти сына Моего, чтобы он совершил Мне служение; а если не отпустишь его, то вот, Я убью сына твоего, первенца твоего.

71. Да тынламасты сизни *Паръо* да бэримэн осол хыссымымны (а) *Мицридэ* да цыгъарымэн осол цэривлеримни осол улусумну уланларын *Йисраэльнин Мицридэн* уллу каранйалар была.

И не послушает вас Фараон, и Я наложу руку Мою на Египет. И выведу воинство Мое, народ Мой, сынов Израилевых из земли Египетской судами великими.

---

[61] Союз да стоит последним словом на странице и повторен на следующей.

[62] Союз «ки» записан через коф.

72. Да алардылар бу он каранйалар ки карат этти *Адонай* алар была *Паръону* да *Мицрилилерни* улусу ицин эзинин да котармак ицин сыйын атыннын.

Вот они десять поражений, которые навел на них Господь Фараону и египтянам ради Своего народа и повествовать имя Свое.

73. Бурунгъу каранйасы Тэнринин *Мицридэ* кан эди.

Первое, кровь.

74. Ки нэцик йазылгъанды *Торада*: да кылдылар алай *Мошэ* да *Агъарон* ки нэцик буйурду *Адонай* да кэтирди тайагъын да ватты осол ол сувларны ки *Нилдэ* да кэзлерицэ *Паръонун* да кэзлерицэ кулларынын да цивирилдилер бар ол сувлар ки *Нилдэ* кангъа[63].

Как написано: И сделал Моисей и Аарон так, как повелел Господь. И взмахнул жезлом, и ударил по воде, которая в реке, пред глазами Фараона и пред глазами рабов его, и превратилась вся вода, которая в реке, в кровь.

75. Экинци каранйа эди багъалар: нэцик йазылгъанды: да сунду *Агъарон* осол тайагъын сувлары истинэ *Мицринин* да цыкты ол багъа да къаплады осол йэрин *Мицринин*[64].

Второе, жабы, как написано: И простер Аарон руку свою на воды египетские; и вышли жабы и покрыли землю Египетскую.

76. Ицинци каранйа эди битлер: нэцик йазылгъанды: да кылдылар алай да сунду *Агъарон* осол колун тайагъы была да ватты осол топрагъын йэринин *Мицринин* да болду ол бит адамда да туварда бар топрагъы ол йэрни болду битлер бар йэриндэ *Мицринин*[65].

Третье, мошки, как написано: Простер Аарон руку свою с жезлом своим, и ударил в персть земную и явились мошки на людях и на скоте. Вся персть земная сделалась мошками по всей земле Египетской.

77. Дэртэнци каранйа эди катыс кийик: нэцик йазылгъанды: да кылды *Адонай* алай да кельди катыс кийик кицли ивинэ *Паръонун* да ивинэ кулларынын да бар йэриндэ *Мицринин* цайпалды ол йэр алнында ол катыс кийикнин[66].

Четвертое, песьи мухи, как написано: И сделал Господь так: налетело множество песьих мух в дом Фараона, и в домы рабов его, и на всю землю Египетскую; погибала земля от песьих мух.

78. Бэсинци каранйа элет: нэцик йазылгъанды: да кылды *Адонай* осол ол исни ол успу тан быладан да эльди бар тувары *Мицринин* да да туварындан увулларынын *Йисраэльнин* эльмэди бирдэ[67].

Пятое, мор, как написано: И сделал это Господь на другой день, и вымер весь скот египтян; из скота же сынов Израилевых не вымерло ничего.

79. Алтынцы каранйа цыбан: нэцик йазылгъанды да алдылар осол сопхасын ол кирэц пэцнин (сл.) да турдулар алнында *Паръонун* да сыпты аны *Мошэ* ол йогъарыгъа да болду цыбан томалцыклар йаыладогъан адамда да туварда[68].

---

[63] Исход, 7:20.
[64] Исход, 8:2.
[65] Исход, 8:13.
[66] Исход, 8:18.
[67] Исход, 9:6.
[68] Исход, 9:10.

Шестое, воспаление с нарывами, как написано: И взяли они сажи из печи и предстали пред лицо Фараона. И бросил ее Моисей к небу, и сделалось воспаление с нарывами и созревавшее на людях и на скоте.

80. Йэдинци каранйа эди буз: ки нэцик йазылгъанды: да сонду *Мошэ* осол тайагъын ол йогъарыгъа да *Адонай* бэрди авазлар да буз да цагъылды от йэргэ да йавдурду *Адонай* буз йэри истинэ *Мицринин*[69].

Седьмое, гром и град, как написано: И простер Моисей жезл свой к небу; и Господь произвел громы и град, и пошел огонь на землю, и послал Господь град на землю Египетскую.

81. Сэгизинци каранйа эди цэгэрткэ: нэцик йазылгъанды: да сонду *Мошэ* осол тайагъын йэри истинэ *Мицринин* да *Адонай* кэндэрди кадым (е) йэлин йэрдэ бар осол кинни ол да бар ол кэцэни ол тан болду да ол кадым йэли кэтирди осол ол цэгэрткэни[70].

Восьмое, саранча, как написано: и Господь навел восточный ветер на эту землю, продолжавшийся весь тот день и всю ночь. Настало утро, и восточный ветер нанес саранчу.

82. Тогъузунцу каранйа карангъалык: нэцик йазылгъанды: да сонду *Мошэ* осол колун ол йогъаръыгъа да болду карангъалык туман бар йэриндэ *Мицринин* иц кинлер[71].

Девятое, тьма, как написано: И простер Моисей руку свою к небу, и стала густая тьма по всей земле Египетской три дня.

83. Онунцу каранйа тунгъуцларны кырма да элтирмэ: нэцик йазылгъанды: да эди ол йарты кэцэдэ да *Адонай* ватты бар тунгъуцну йэриндэ *Мицринин* баслап тунгъуцун дан *Паръонун* ки хадир (а) эди олтурма тахты истинэ анын тунгъуцунадэйин ол йэсирнин ки ол зындан (п) ивдэ да бар тунгъуцун туварнын.

Десятое, поражение и смерть первенцев, как написано: и было в полночь, Господь поразил всех первенцев в земле Египетской от первенца Фараонова, сидящего на престоле, до первенца узника, который в темнице, и все первородное из скота.

84. Да турду *Паръо* кэцэ была ол да бар куллары анын да бар *Мицрилилер* да болду уллу фирйат *Мицридэ* ки йогэди[72] иви ки болмагъай анда эли.

И встал Фараон ночью сам, и все рабы его, и весь Египет; и был великий вопль в Египте, потому что не было дома, где бы не было мертвеца.

85. Да цагъырды *Паръо Мошэни* да *Агъарон* ну кэцэ была да айтты турунуз цыгъыныз ортасындан улу-сумнун дагъын сиздэ дагъын уланлары *Йисраэльнин* да барыныз куллук этиниз *Адонай* гъа сэзлегэнинизгэ кэрэ.

И призвал Фараон Моисея и Аарона ночью, и сказал: встаньте, выдьте из среды народа моего, как вы, так и сыны Израилевы, и подите и совершите служение Господу, как говорили вы.

---

[69] Исход, 9:23.
[70] Исход, 10:13.
[71] Исход, 10:22.
[72] Вариант написания слова с отчетливо видимой буквой *гимель* по КРПС не встречается ни в одном из диалектов.

86. Дагъын къойунузну дагъын сыгъырынызны алыныз ки нэцик сэзлединиз да барыныз да алгъысланыз дагъын мэнидэ[73].

И мелкий скот ваш, и крупный скот ваш возьмите, как говорили вы, и подите; благословите также и меня.

87. Махтав бэриниз улуслар Тэнримизгэ да иситтириниз аваз была махтавун анын.

Благословите, народы, Бога нашего, и провозгласите хвалу Ему.

88. Олду койувцу тирликтэ дзанымызны (п) да бэрмэди тайылмакка айагъымызны[74].

Он сохранил душе нашей жизнь, и ноге нашей не дал поколебаться.

89. Анын ицин зынгъарлады бизгэ *Адонай* Тэнримиз бизнин куллары асира *Мошэ* нин риббимизнин (е).

За то повелел нам Господь Боже наш, чрез законодателя нашего Моисея:

90. Да баслагъын да айткын алнында *Адонай* Тэнриннин *Лаван* катына *Арамда* кэцикти атам да энди дагъын *Мицригэ* да тирилди анда аз эль была да болду анда уллу ханлыкка кицли да кэп.

Ты же возгласи и скажи пред Господом, Богом твоим: Аррамитянин блуждающий был отец мой, и пошел в Египет, и поселился там с немногими людьми, и произошел там от него народ великий, сильный и многочисленный;

91. Да йаман эттилер бизгэ ол *Мицрилилер* да кыйнадылар бизни да бэрдилер бизнин истинэ каты куллук.

и худо поступили с нами египтяне, и притесняли нас, и налагали на нас тяжкие работы;

92. Да фирйат этти *Адонай* гъа Тэнримизгэ аталарымызнын да эситти *Адонай* осол авазымызны да бэрди осол эмгэклигимизни да осол кысыклыгымызны.

и возопили мы к Господу, Богу отцов наших, и услышал Господь Голос наш, и увидел бедствие наше, и труды наши, и угнетение наше;

93. Да цыгъарды бизни *Адонай Мицридэн* кицли кудрат (а) была да сунулгъан куват (а) была да уллу коркувлар была да кэльгилер была да нисанлар была.

и вывел нас Господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, и посредством великого ужаса, и знамений и чудес.

94. Сикирлик махтав бэриниз *Адонай* гъа цагъырыныз аты была бэльдириниз улусларда тамаса ислерин анын.

Славьте Господа, призывайте имя Его, возвещайте в народах дела Его.

95. Ки койду *Мицридэ* бэльгилерин да нисанларын эзинин тизиндэ *Цоан* нын.

Он сотворил в Египте знамения Свои, и чудеса Свои на поле Цоан,

96. Да цивирди кангъа *ниллерин*[75] аларнын да агъын сувларын аларнын ки ицмэгэльдэ.

и превратил реки их в потоки их в кровь, чтобы они не могли пить.

---

[73] Стихи 82–85 представляют цитату из: Исход, 12:29–32.

[74] Стих 86 и 87 – цитаты из: Пс., 65:8–9 в Синодальном переводе.

[75] Употреблено в смысловом значении «реки».

97. Ийди алар гъа катыс кийик да тавусту аларны да багъалар да цайпадылар аларны.

Послал на них насекомых, чтобы жалили их, и жаб, чтоб губили их.

98. Да бэрди хасилгэ асама битислерин аларнын да захмэтлерин (а) аларнын цэгэрткигэ.

Земные произрастения их отдал гусенице и труд их саранче.

99. Ватты буз была борлалыкларын даиндзирликлерин (п) аларнын йас йаснамак была.

Виноград их побил градом и сикиморы их льдом.

100. Да цыгъара бэрди бузгъа туварларын аларнын да ыйынларын уцкунларгъа.

Скот их предал граду и стада их молниям.

101. Ийди аларда кахыр (а) ацувун кахыр да ацув да тарлык иймэгин йаман эльцилеринин.

Послал на них пламень гнева Своего, и негодование, и ярость, и бедствие, посольство злых ангелов.

102. Тиз этти из къахырына эзинин айамады элимдэн дзанларын аларнын да тирликлерин элеткэ цыгъара бэрди.

Уровнял стезю гневу Своему, не охранял души их от смерти и скот их предал моровой язве.

103. Да ватты бар тонгъуцну *Мицридэ* илькин[76] кицлернин цатырларынды *Хъамнын*.

Поразил всякого первенца в Египте, начатки сил в шатрах Хамовых.

104. Да *Мошэ* да *Агъарон* кылдылар осол бар нисанларны успуларны алнын да *Паръонун*[77] да иймэди осол уланларын *Йисраэльнин* йэриндэн.

А Моисей и Аарон сделали все эти чудеса пред Фараоном; но Господь ожесточил сердце Фараона, и он не отпустил сынов Израилев из земли своей.

105. Да айтты *Адонай Мошэгэ* да *Агъарон* га йэриндэ *Мицринин* айтадогац.

И сказал Господь Моисею и Аарону в земле Египетской, говоря:

106. Ол ай ол успу сизгэ баслыгъыда айларнын бурунгъуду ол сизгэ айларына ол йылнын.

Месяц этот да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас среди месяцев года.

107. Сэзлениз бар дзыматына (а) *Йисраэльнин* айтадогъац онунцу кининдэ ол успу айнын да алсынлар эзлеринэ гъар киси бир койы иви сайын аталарнын койы ивгэ.

Скажите всему обществу Израиля: в десятый день этого месяца пусть возьмут себе каждый агнца по поколениям, по агнцу на семейство.

108. Да эгэр аз болса эли ол ивнин болмактан йэткилигиндэн асамакнын бир койну да алсын ол да консусу анын ол йвукрак анын ивинэ кыйасы была дзанларнын киси йэминэ кэрэ цалысыныз ол койгъа.

---

[76] В КРПС в галицком диалекте это слово не указано, здесь оно приводится по написанию в крымском диалекте.

[77] Между этим и последующим словом в рукописи пропущен перевод части стиха оригинала: «…но Господь ожесточил сердце Фараона…»

А если семейство так мало, что не съест агнца, то пусть возьмет с соседом своим, ближайшим к дому своему, по числу душ; по той мере, сколько каждый съест, расчислитесь на агнца.

109. Тигэль койы эркэк йыллыкъ баласы болсун сизгэ ол козулардан да ол ицки-лердэн алыныз.

Агнец у вас должен быть без порока, мужеского пола, однолетний; от овец и от коз можете взть.

110. Да болсун сизгэ саклавгъа он дэртэнци кининдэйин ол успу айнын да сойсунлар аны бар кагалы (е) дзыматынын *Йисраэльнин* он дэртинци киндэ ол эки энгирлер арасына.

И пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня этого месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израиля к вечеру.

111. Да алсынлар ол кандан да бэрсинлер ол эки одвэрйалар (пол.) истинэ да ол исттэги одвэрйа истинэ ол ивлердэ ки асасалар аны аларда.

И пусть возмут от крови его, и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его.

112. Да асасынлар ол этни ол успу кэцэдэ сислегэнин отнун да мацалар (е) марорлар (е) была асасынлар аны.

Пусть съедят мясо его в эту самую ночь, испеченное на огне; с опресноками и горьким травами пусть съедят его.

113. Асаманыз андан йымсак сисьлик кайсы гъануз (п) ций болса да бисирилмэ сувлар ицинэ ки анцак сислегэнин отнун басын анын тизлери была да ици была.

Не ешьте его недопеченного, или сваренного в воде, но спеченного на огне с головою, ногами и внутренностями.

114. Да калдырманыз андан танда-гъадэйин да ол калгъанны андан тангъадэйин отта кивдириниз.

Не оставляйте от него до утра; но оставшееся от него к утру сожгите на огне.

115. Да булай асаныз аны бэльлериниз болсунлар байлагъанлар ийтиклериниз айакларынызда да тайагъыныз колунузда да асаныз асыкмак была курбаныды (е-а) пэсахнын (е) ол *Адонай* гъа.

Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны; обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью; это Пасха Господу.

116. Да асармэн йэриндэ *Мицринин* успу кэцэни да ватымэн бар тунгъуцну йэриндэ *Мицринин* адамдан туваргъадэйин да бар абакларында (гр.) *Мицринин* кылармэн каранйалар Мэнмэн *Адонай*.

А Я пройду по земле Египетской в эту самую ночь, и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь.

117. Да болур ол кан сизгэ бэльгигэ ол ивлердэ ки сиз анда да бэрэрмэн ол канны да хайыфсынымэн (а) сизнин истинэ да болмасты сизгэ кыранц цайпавцугъа ватканымда тунгъуцларны йэриндэ *Мицринин*.

И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь; и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда Я буду поражать в земле Египетской.

118. Да болсун ол кин ол успу сизгэ сагъынцлыкка да хыдзланыз анын хыдз *Адонай* гъа дорларыныз саин эмирлик рэсим хыдзцланыз аны.

И да будет этот день вам памятен и празднуйте его как праздник Господу, в роды ваши; как установление вечное празднуйте его.

119. Йэди кинлер мацалар асаныз тэк бурун ол бурунгу киндэн экситиниз кудзурткуну ивлериниздэн ки бар асавцу хамэцни (е) ол бурунгу киндэн ол йэдинци кингэдэийн да эксилсин ол дзан ол *Йисраэльдэн*.

Семь дней ешьте опресноки; и в первый же день уничтожьте квасное в домах ваших; потому что кто будет есть квасное с первого дня до седьмого дня, душа та истреблена будет из среды Израиля.

120. Да ол бурунгъу киндэ азиз ухумак да ол йэдинци киндэ азиз ухумак болсун сизгэ гъэц (п) ис кылынмасын аларда тэк нэ ки асалады бар дзангъа ол йалгъыз эзи кылынсын сизгэ.

А в первый день священное собрание и в седьмой день священное собрание да будет у вас; никакой работы не должно делать в те дни; только что есть каждому, одно то можно делать вам.

121. Да сакланыз осол хыдзын ол мацаларнын *ки кэнсисиндэ ол успу киннин цыгъардым осол*[78] ол цэривлеризни йэриндэн *Мицринин* да сакланыз осол ол кинни ол успу дорларыныз сайын эмирлик (а) сэрткэ.

Соблюдайте заповедь об опресноках, потому что в этот самый день Я вывел сонмы ваши из земли Египетской, и соблюдайте этот день в роды ваши, как установление вечное.

122. Бурунгъу айда он дэртэнци кининдэ айнын энгирдэ асаныз мацалар эгирми биринци кининэдэйин айнын энгирдэ[79].

С четырнадцатого дня первого месяца с вечера ешьте опресноки до вечера двадцать первого дня месяца.

123. Йэди кинлер кудзуртку табулмасын ивлериниздэ ки бар асавцу хамэцни да эксильсин ол дзан ол *Йисраэльдэн* гъарибдэ да йэрлисиндэ ол йэрнин.

Семь дней квасное не должно находиться в домах ваших; потому что кто будет есть квасное, душа та истреблена будет из общества Израилева,

[78] Выделенный курсивом текст, как пропущенный при переписке, добавлен справа на полях страницы.

[79] В переводе стихов 118–122 (Исход, 12:14–18) на крымский диалект отчетливо видно использование османизмов; в переводе стиха 18 в одном предложении употреблены две различные корневые основы слова «день»: 14 (118). Да болсын ушбу гун сизгэ сагъынмакълыкъкъа да хъар этиниз аны хъаг Адонай гъа давурларынызгъа рэсими дунйанын хъаг этиниз аны. 15 (119). Йэди гунлар мачалар ашаныз тэк ол бурунгъы гундан бурун экситиниз майаны эвлериниздэн зира джумла ашавчы хъамэч ол бурунгъы гундан ол йэдинджи гунны сонына дэгин дакэсильсин ол джан Йисраэль дэн. 16 (120). Даол бурунгъы гунда чакъырмакъ къодэш да ол йэдинджи гунда чакъырмакъ къодэш олсун сизгэ хъэч иш къылынмасын аларда салт нэ ки ашалыр хъэр джангъа ол йалгъыз къылынсын сизгэ. 17 (121). Да сакъланыз ол мачалар ки гэндисиндэ ушбу гуннын чыгъардым эскэрлеринизни йэриндэн Мисирнин да сакъланыз ол ушбу гунны давурларынызгъа рэсими дунйанын. 18 (122). Ол бурунгъы айда дордунджы гунунда ол айнын ахшамда ашаныз мачалар йигирими биринджи кўнўнэ дэгин ол айнын ахшамда.

пришлец ли то или природный житель земли той.

124. Гъэц кудзурткуну асаманыз бар ултурусларынызда асаныз мацалар.

Ничего квасного не ешьте; во всяком местопребывании вашем ешьте опресноки.

125. Саклавлар кэцэсиди ол *Адонай* гъа цыгъарма аларны йэриндэн *Мицринин* олду ол успу кэцэ саклавлар *Адонай* гъа саклавларды бар уланларына *Йисраэльнин* дорлары сайын.

Ночь бдения это Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь бдения Господу у всех сынов Израилев в роды их,

126. Да айтты *Адонай Мошэгэ* да *Агъарон* гъа будур рэсими курбанынын ол пэсахнын бар йат киси асамасын аны.

и сказал Господь Моисею и Аарону: вот устав Пасхи: никакой иноплеменник не должен есть ее.

127. Да бар кулу кисинин сатыналагъаны кимиснин да хатна кылсын аны ол вахта (а) асасын аны.

А всякий раб, купленный за серебро, когда обрежешь его, может есть ее.

128. Оцар да йалцы асамасын аны.

Поселенец и наемник не должен есть ее,

129. Бир ивдэ асалсын цыгъармагъын ол ивдэн ол эттэн тыскарыгъа да сивэктэ сындырманыз анда.

В одном доме должен есть ее не вынося мяса вон из дома, и кости ее не сокрушайте.

130. Бар дзыматы *Йисраэльнин* кылсынлар аны.

Все общество Израиля должно совершать ее.

131. Да ки тирильсэ биргэнэ сэнин гъарип да кэлесэ кылма курбанын пэсахнын *Адонай* гъа хатна кылынсын анар бар эркэк да ол вахтта йувусун кылма аны да болсун йэрлиси кибик ол йэрнин валэ бирдэ аклафлы асамасын аны.

Если же поселится у тебя пришелец, и захочет совершить Пасху Господу, то обрежь у него всех мужского пола, и тогда он приступит к совершению ее, и будет как природный житель земли; а никакой необрезанный не должен есть ее.

132. Бир иврэтив болсун йарлыгъа да гъарипгэ ол тириливцигэ ортанызда сизнин.

Один закон да будет и для природного жителя, и для пришельца, поселившегося между вами.

133. Да цагъырды *Мошэ* бар картларына *Йисраэльнин* да айтты аларгъа салысыныз да алыныз эзинизгэ кой урувларыныз сайын да сойунуз курбанын ол пэсахнын.

И созвал Моисей всех старейшин Израилевых, и сказал им: выберите и возьмите себе агнцев по семействам вашим и заколите Пасху.

134. Да алыныз бавын цаборнун (е) да манцыныз кангъа ки савутта да тыйыныз ол исттэги одвэрйагъа да ол эки йандагъы одвэрйаларгъа ол кандан ки савутта валэ сиз цыкманыз киси исигиниздэн ивинин ол эртэ былагъадэйин.

И возьмите пучок иссопа, и обмочите в кровь, которая в сосуде и помажьте перекладину и оба косяка дверей кровью, которая в сосуде; а вы никто не выходите за двери дома своего до утра.

135. Да асар малахи (е-а) *Адонайнын* кырма осол ол *Мицрини* да кэрэр осол ол канны ол исттэги одвэрйа истинэ да ол эки йандагъы одвэрйалар истинэ да асар малахи *Адонай* нын ол эсик асыра да бэрмэсти эрк ол цайпавцугъа кэльмэ ивлеринизгэ сизнин кырма.

И пройдет Господь, чтобы поразить Египет, и увидит кровь на перекладине и на обоих косяках дверей, пройдет Господь мимо дверей, и не попустит губителю войти в дома ваши для поражения.

136. Да сакланыз осол ол исни ол успу болма ол рэсимгэ сана да уланларына сэнин дунйа-гъадэйин.

И храните это, как закон для себя и для сынов своих во веки.

137. Да болгъай ки кэльсэниз ол йэргэ ки бэрир *Адонай* сизгэ ки нэцик сэзледи да сакланыз осол ол куллукну ол успу.

И будет, когда придете в землю, которую Господь даст вам, как Он говорил, то соблюдайте это служение.

138. Да болгъай ки айтсалар сизгэ увулларыныз сизнин нэдир ол куллук ол успу сизгэ.

И будет, когда скажут дети ваши: что это за служение?

139. Да айтаныз дэбэхасыды (е) пэсахнын *Адонай* гъа ки хайыфсынды ивлери истинэ увулларынын *Йисраэльнин Мицридэ* кыргъанында осол *Мицрилилерни* валэ осол ивлеримизни куткарды да эльдилер ол улус да басурдулар алнында *Адонай* нын ки нэцик тойдулар бу йахсы хабарны (а) авзундан *Мошэнин* нависинин ол Тэнринин[80].

То скажите: это пасхальная жертва Господу, который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал египтян, и дома наши избавил. И преклонился народ и поклонился.

140. Да бардылар да кылдылар бар увуллары *Йисраэльнин* алай ки нэцик буйурду *Адонай Мошэгэ* да *Агъаронгъа* алай кылдылар.

И пошли и сделали сыны Израилевы как повелел Господь Моисею и Аарону, так и сделали.

141. Йэди кинлер асагъын мацалар да ол йэдинци киндэ хыдз болсун сана алнында *Адонай* нын.

Семь дней ешь опресноки, в седьмой же день праздник Господу.

142. Мацалар асалсын осол йэдисидэ ол кинлердэ ки кэринмэсин сана хамэц аны кэринмэсин сана куцурткъу бар цэгиндэ сэнин.

Опресноки должны есть семь дней; и не должно находиться у тебя квасного во всех пределах твоих.

143. Да анлаткын увлуна ол киндэ ол айтадогъац бунун ицин кылды *Адонай* мана йарлыгъас цыкканымда *Мицридэн*.

И объяви в тот день сыну твоему, говоря: это для того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта.

---

[80] Подчеркнутый текст («пред Господом, так как удовлетворились этим добрым известием из уст Моисея, пророка Божьего») отсутствует в классическом тексте «Хваления» печатных караимских молитвенников, а также в переводах караимов Литвы.

144. Да болсун сана бэльгигэ колун истинэ да сагъынцлыкка кэзлерин арасына болмак ицин азиз *Тора Адонай* нын авзунда сэнин ки кицли была цыгъарды сэни *Адонай Мицридэн*.

И да будет тебе это в знак на руке твоей и в памятник пред глазами твоими, чтобы закон Господа был в устах твоих; потому что рукою крепкою вывел тебя Господь из Египта.

145. Да саклагъын осол ол рэсимни ол успу вагъдасында (а) йылдан йылгъа.

Исполняй же устав этот в назначенное время, из года в год.

146. Ки сорса сэндэн увлун тан была айтадогъац нэдир ол сарайат (а) да ол рэсимлер (а) да ол тэрэлэр ки буйурду *Адонай* Тэнримиз сизгэ.

Если спросит у тебя сын твой в последующее время, говоря: что значат эти свидетельства, уставы и законы, которые заповедал вам Господь Бог наш?

147. Да айткын увлуна куллар эдик *Паръогъа Мицридэ* да цыгъарды бизни *Адонай Мицридэн* кицли кудрат была.

То скажи сыну твоему: рабами мы были у Фараона в Египте, и Господь вывел нас из Египта рукою крепкою.

148. Да бэрди *Адонай* бэльгилер да нисанлар уллулар да йаманлар *Мицридэ Паръода* дабар элиндэ ивинин анын кэзлеримизцэ бизнин.

И явил Господь знамения и чудеса великие и бедственные над Египтом, над Фараоном и над всем домом его, пред глазами нашими.

149. Да бизни цыгъарды андан кэльтирмэк ицин бизни бэрмэ бизге осол ол йэрни ки ант (п) этти аталарымызгъа бизнин.

А нас вывел оттуда, чтобы ввести нас и дать нам землю, о которой клялся Он отцам нашим.

150. Да буйурду *Адонай* бизгэ кылма осол бар ол рэсимлерни ол успуларны коркма биз осол *Адонай* дан Тэнримиздэн йахсы этмэк ицин бизгэ бар ол кинлерни тири тутма бизни успу кин кибик.

И заповедал нам Господь исполнять все эти уставы, бояться Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как и теперь.

151. Да зэхут (е) болур бизгэ ки сакласак кылма осол бар ол мицваларны (е) ол успу алнын да *Адонай* Тэнримизнин ки нэцик буйурду бизгэ.

И праведность наша будет в том, если мы будем стараться исполнять весь этот закон пред лицом Гопода, Бога нашего, как Он заповедал нам.

152. Да анын ицин котаргъайсэн кулакларыца увлуннун да увлуну увлуннун осол нэни ки йэнгиллик кылдым *Мицридэ* да осол бэльгилеримни ки койдум аларда да билирсиз ки Мэнмэн *Адонай*.

И чтобы ты рассказал сыну твоему и внуку твоему о том, что Я сделал в Египте, и о знамениях Моих, которые сделал Я в нем, и чтобы вы знали, что Я Господь.

153. Нэни ки эситтикъ да билибиз аларны да аталарымыз котар-дылар бизгэ.

Что слышали мы и узнали. И отцы наши рассказали нам,

154. Йасармайбыз увулларындан аларнын уланларымыздан бизнин ки аларда йасырмагъайлар эз увулларындан анчак болгъайлар котарувчулар сон-

драгъы доргъа махтавларын *Адонай* нын да кичин анын да тамаса-лыкларын анын ки кылды бизгэ.

не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господу, и силу Его, и чудеса Его, которые он сотворил,

155. Ки ватты тунгъуцларын *Мицринин* баслап адамдан туваргъадэйин.

и поразил первенцев Египта от человека до скота;

156. Ватувцугъа *Мицрини* тунгъуцлары была ки дунйагъадэйин савагъаты (а) анын.

поразил Египет в первенцах его, ибо во век милость Его.

157. Да цыгъарды *Йисраэльни* орта-ларындан ки дунйагъадэйин савагъаты анын.

И вывел Израиля из среды его, ибо во век милость Его

158. Кицли кудрат была да сунулгъан куват была ки дунйагъадэйин савагъаты анын.

Рукою крепкою и мышцей простертою, ибо во век милость Его.

159. Сикир бэрэсинлер *Адонай* гъа савагъаты ицин да тамасалыкларын анын котарсынлар адам уланларына.

Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих!

160. Айтадогац сикир махтав бэрэдилер улусу *Йисраэльнин*[81] атына анын ол уллу да ол коркунцлу азизди ол.

Да славят великое и страшное имя Твое, свято оно!

161. Сикир бэрэмэз *Адонай* гъа бар йирэгиз была котарамэн бар тамасалыкларынны сэнин.

Буду славить Господа всем сердцем моим, возвещать все чудеса Твои.

162. Бийэнэмэн да куванамэн сэнин была зэмэр (е) ухумэн атына сэнин э Йогъаргъы Тэнри.

Буду радоваться и торжествовать о Тебе, петь имени Твоему, Всевышний.

163. Кайтканда дусманларым мэним кэдэрги сиринирлер да тасполурлар тигэлицэ алнындан сэнин.

Когда враги мои обращены назад, то преткнутся и погибнут пред лицом Твоим.

164. Ки кылдын тэрэмни да йаргъумну олтурдун тахтын (п) истинэ э раст тэрэци.

Ибо Ты производил мой суд и мою тяжбу. Ты воссел на престол, Судия праведный.

165. Кахырлендин ханлыкларда тас айттын рашаны (е) атларын аларнын сирттин дунйагъадэйин даэмиргэдэйин.

Ты вознегодовал на народы, погубил нечестивого, имя их изгладил на веки и веки.

166.[82] Махтавлудур *Адонай* ки бэрмэди бизни йэм тислеринэ аларнын.

Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их.

[81] Подчеркнутый текст («народ Израиля») отсутствует в классическом варианте «Хваления» печатных караимских молитвенников.

[82] Пропущенный стих дописан более мелким шрифтом.

167. Махтавлудур *Адонай* ки гъар кин бэрэди йэткилигимизни бизгэ олду йарлыгъасымыз бизнин гъаммэсэ.

Благословен Господь всякий день, Бог возлагает на нас бремя, но Он же и спасает нас.

168. Ол Тэнри бизгэ Тэнрисиди йарылыгъасларнын да эркиндэди *Адонай* Тэнринин цыгъыслары элимнин.

Бог для нас – Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти.

169. Махтавлудур[83] *Адонай* Тэнримиз бизнин да Тэнриси аталарымызнын ки кылды ныслар да тамасалыклар багъатырлыклар бэльгэлер аталарымыз была ол успу вахтларда да успу замандан (е-а) амэн (е).

Благословен Боже наш и Боже предков наших, который творил чудеса, могущества и знаменье чудное предкам нашим в те дни, и в это время. Аминь.

170. Да йулуду аларны куллугъундан *Мицринин* ол каты азатлыкка (п).

Освободил их от жестокого рабства египтян на волю.

171. Да куткарды аларны хокимлигиндэн кыйнавцуларынын азат бийликкэ.

Спас их от притеснений мучителей их на свободу.

172. Да йулуду аларны эрки тибиндэн *Паръонун* бийинин *Мицринин* тынцлыкка.

И избавил их из-под рук Фараона, царя Египетского на спокойствие.

173. Бэльгилер была да нисанлар была да цэрив была да кицли кудрат была да сунулгъан куват была да уллу коркувлар была.

Посредством знаменья, чудес, сражения, мощною рукою, простертою мышцею и посредством великого ужаса.

174. Да цыгъарды аларны кимис была да алтын была бийэнц была да куванц была да сатырлык была куллуктан азатлыкка.

Вывел их с серебром и золотом, радостью, весельем и ликованьем от рабства на волю.

175. Да иритти аларны ирэ торадо-гъан ларны ки аларны сайлады *Адонай* болма эдирэк бар ол улуслардан онца улуска.

И повел их бодрыми, потому что в них избирал Господь быть Ему собственным народом.

176. Да хоцалатты аларны да сыйлы этти аларны йогъары йогъары.

Взял и носил их очень высоко.

177. Да дусман ларын да аларнын кылды *Адонай* каранйалар да уллу эцлер.

А над врагами их делал суд и великое мщение.

178. Да кысыклык этивцилерин аларнын таслады ортасына тэрэн сувларнын.

Притеснителей их бросил среди глубины моря;

179. Вале аларны йарлыгъаслатты эмирлик йарлыгъас была.

а им послал спасение (села).

180. Да андан алды аларны да кэльтирди *Синай* тавына кэлинни кибик.

И оттуда (из Египта) взял их Господь и привел на гору Синай, как нареченную свою.

[83] Написание слова карандашом дублировано сверху.

181. Да элис бэрди аларгъа *Торасын* ол сыйлы.

И уделил им поучение свое высокое,

182. Рэсим была да мицва была[84] да адзайып тэрэлер была.

Заповеди, закон и наставления судейские.

183. Да буйурду аларгъа кылма бийэнцли моэдлер (е) да куванцлы.

И повелевал им праздников радости и веселья,

184. Да анын ицин усайды бизгэ ки айткайбыз махтавлудур ол да махтавлудур шэми (е) анын да бийик кэтирилегэнди бар тирли махтавлар истинэ дунйадан дунйагъадэйин гъаммэсэ.

за что скажем: Благословен Он и благословенно имя Его, и превыше всякого славословия и хвалы имя Твое во веки веков и вековечно (села).

185. Да дагъын айтайык махтав-лудур Тэнримиз ки тирликтэ тутту бизни да кайамлыкта тутту бизни да йэтистирди бизни тынцлыкта ол успу заман гъа амэн.

И еще скажем: Благословен Боже наш, который дал нам дожить, просуществовать и достигнуть с миром до этой поры. Аминь.

186. Алай болгъай кабуллук алнын дан алнын дан[85] *Адонай* Тэнримизнин да Тэнрисинин аталарымызнын ол уллу Тэнри ол багъатыр да ол коркунцлу ки дзахтлагъай да тэзлеткэй бизгэ бизнин заманында да сизнин заманынызда барда улусунун ивинин *Йисраэльнин* ол йахъсы хабарларны да ол цэбэрлерни да ол йуванцлыкларны ол бэльгиленгэнлерни ол айтылгъан ларны да йазылгъанларны авзундан бар навинин да бэрим бэривцинин.

Так же да будет благословенна от лица Твоего Превечный Господь Боже наш, и наших отцов, Боже Великий, Сильный и Могущественный, чтобы Ты поспешил и ускорил нам в наши дни и в дни всего народа, дома Израилева все благое, сладостное и утешительное предвещание, которое сказано и написано от уст кажого пророка и введителя.

187. Да дагъын зохэ эткэ бизни кэрмэ заманын онармагъымызнын.

Также дал Ты нам достигнуть и видеть время нашего благодатия,

188. Да кэрмэ йарлы-гъаслы[86] кинлеримизни.

и созерцать дни спасения

189. Да битисин масийахымызнын[87] (е).

и время помазанника[88] нашего

190. Да ол вахтта биз барыбыз *Цион* гъа *Адонай* Тэнримизгэ вахтында ол иц курлаларнын да заман ларында ол хыдзларнын ол моэдлерни бийэнэдогъанлар да сатырланадогъанлар бийэнци была *Йэрушалайим* сахарымызнын.

И тогда взойдем на Сион Господу Богу нашему в дни шествия праздников и торжества, веселый, и обрадованные радостью о Иерусалиме, граде нашем

---

[84] Оставшиеся два листа текста переплетены с нарушением порядка следования: далее следует текст последнего листа, а за ним – предпоследнего.

[85] Повтор, скорее всего, ошибочен, т. к. в нем отсутствуют знаки огласовки; повтор в переводе Ф.А.Дубинского отсутствует.

[86] Записано с переносом слова.

[87] В тексте оригинала и переводе Ф.А.Малецкого нет разделения между 188-м и 189-м стихами.

[88] Мессии.

191. Да бийэнци была кондарылмагъынын гъэхалыгъын (е) да дэвиримизнин (е).

И радостные совершенством храма и алтаря нашего.

192. Да ол вахтта йувутурбыз дэбэхаларын пэсахларнын да олаларнын (е) да нийэтлеринин курбан ларнын тиркилер была да нэсэх (е) лер была.

И тогда поднесем жертвоприношение Пасхи и всесожжение и обеты с мучной жертвой и возлиянием.

193. Да сикир бэрибиз да сэвах (е) айтыбыз йаратувцусуна дунйаларнын.

И будем благодарить и восхвалять Твердыню вечную.

194. Ки олду ол раст Тэнри индэльгэн аты анын да иси анын тигэл.

Боже Великий, совершенны дела Его;

195. Да ол дзахтлавцу йарлыгъас тигэллергэ.

ускоряющий спасение.

196. Ки[89] бурундан айрыцлы этти бизни бар ол улуслардан.

Ты прежде посвятил нас от всех народов,

197. Да сондрада сайлады бизни эзинэ эгирэк бар ума (а) лардан.

и впоследствии избрал нас от всех племен.

198. Да анын ицин бийэнэбиз да куванабыз дасатырланабыз да бийэнцли сарнав айтабыз кицли махтавлар была.

За Твои благодеяния сподобает нам радоваться, ликовать, веселиться и торжествовать с доблестями.

199. Да айтабыз гъар биримиз да дзаным мэним куваналы да сатырланабыз да бийэнцли[90] *Адонай* была бийэнэди йарлыгъасы была анын.

И скажем: дума моя будет радоваться, о, Господи, будет веселиться спасение Его.

200. Бар бувунларым мэним айтадылар э *Адонай* ким бармоду Сэнин кибик кицли Тэнри куткарувцу мискинни кицлирэктэн андан да мискинни да йарлыны талавцусундан анын.

Все кости мои скажут: «Господи: кто подобен Тебе, избавляющий слабого от сильного, бедного и нищего от грабящего его;

201. Да йазылгъанды бийэнгин астры э дзыматы *Цион* нун цагъыргъын бийик аваз (п) была э дзыматы *Йэрушалайимнин* муна бийин сэнин масийах келир сана раст да йарлыгъаслы болур ол йовас да атланувцу исэк истинэ да катыр истинэ баласы истинэ киси эсэкнин[91].

и написано: ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: сей царь твой грядет к тебе, праведный, спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле;

202. Муна ол тавлар истинэ айаклары хабар бэривцинин *Йисраэльгэ* эсити-ривцинин базлыкны айтадогац хыдзлагъын э дзыматы *Йэгъуданын* хыдзла-

[89] В оригинале стих начинается словом «ашер», в рукописи в скобке начальное слово стиха оригинала «ки».

[90] Подчеркнутый текст (и возвеселимся и возрадуемся) отсутствует в классическом тексте «Хваления» печатных караимских молитвенников.

[91] Сообразно толкованию иносказательного текста передан стих Захария, 9:9, в котором употребляется дщерь Сиона и дщерь Иерусалима.

рынны да тэлегин осол нийэтлеринни ки арттырмасты артык асма сэнин асыра байбак дусман барысы алнын дан сэнин эксилир.

Вот на горах стоны благовестника, возвещающего мир; празднуй, Иудея, праздники Твои, исполняй обеты твои, и не будет более проходить по Тебе нечестиый; он совсем уничтожен.

203. Да улусун сэнин э *Йисраэль* болурлар барлары цадыклер[92] (е) да эмиргэдэйин мэрэслелер азыз йэрни ки алардылар орнатылмыс бутагъым йараткаиы кудратларымызнын ки йараттым кэркэймэ алар была.

И народ Твой все будут праведники, на веки наследуют землю – отрасль насаждения Моего, дело рук Моих к прославлению Моему.

204. Ол кици урув болур артадогъан мингэ да ол андан кицирэк кицли ханлыкка Мэн *Адонай* вахтында тиз кайам этэрмэн бар бу йахсы хабарларны ки Мэн тутунамэн улусуна *Йисраэльнин* сивэримнин[93].

От малого произойдет тысяча, и от самого слабого – сильный народ. Я, Господь, ускорю это в свое время.[94]

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 22 (31)

[92] В рукописи употреблен афикс «лер» вместо «лар».

[93] Подчеркнутый текст (все эти хорошие вести, которые Я обещал народу Израиля, возлюбленному моему) отсутствует в классическом тексте «Хваления» печатных караимских молитвенников, а также в переводах караимов Литвы.

[94] После окончания текста на караимском языке следует текст на древнееврейском: «От малого произойдет тысяча, и от самого слабого – сильный народ. Я, Господь, ускорю это в свое время. Благословен Господь во веки! В грядущем году в Иерусалиме в обществе со всем Израилем. Аминь. Окончание перевода Малого хваления».

ВОСПОМИНАНИЯ

Виктор
Тирияки

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАДГРОБИЯ АВРААМА ФИРКОВИЧА (по материалам архива С.И.Кушуль)

Приближалось 100-летие со дня смерти Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874).

Отдавая дань памяти великому сподвижнику науки, советские ученые готовились (хотя и очень скромно) отметить эту дату.

А в Крыму долгие годы стояло осквернённое место захоронения археолога – исчезло надгробие. Неизвестно, кто и когда совершил этот акт вандализма, быть может, неизвестным остался бы для нас и текст надписи на могиле ученого, если бы Борис Яковлевич Кокенай в 1935 году не записал его. Позже, в 1965 году, Б.Я. Кокенай передал текст Давиду Марковичу Гумушу, который его перевел. На передней вертикальной плите у ног по-русски было написано:

Здесь покоится прах
Археолога Авраама Самойловича
ФИРКОВИЧА
Скончался 1874 г.
июня 17-го дня 88 лет
от рождения.
Мир праху твоему!

На задней вертикальной плите у изголовья этот текст был повторен по-французски.

На горизонтальной плите надгробия надпись была сделана на лешон кодеш:

Здесь лег на покой
Великий учитель у караимов, да сохранит Создатель!
Уважаемый гражданин для поколений великий учитель Авраам
Ерусальми сын почтенного рибби Самуила судьи. Мир праху его!
Фиркович, который создал себе громкую славу
В (неразборчиво) народах величием мудрости своей и множеством
Сочинений своих и исследований древностей, которые
Он собрал в коллекции в своих поездках по странам
Европы, Азии и Африки.

Скончался в понедельник, 23 числа месяца
Сиван 5634 г. большого исчисления 88 лет
Душа его да будет в раю (связана в узле жизни)
Этот памятник поставил сын его Моисей
Фиркович для воспоминания об отце своем.

В 1973 году Симит Исааковна Кушуль обратилась в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина с сообщением о хранящихся у нее восточных рукописях из наследия Б.Я.Кокеная. Непременным условием передачи рукописной коллекции С.И.Кушуль выдвинула *восстановление памятника* на могиле А.Фирковича. Симит Исааковна надеялась, что к 100-летию со дня смерти ученого памятник будет восстановлен. ГПБ-ка проявила интерес к предложению С.И.Кушуль и даже пообещала оплатить стоимость рукописей.

30 июня 1974 года, в день 100-летия со дня смерти А.Фирковича, его могилу посетили С.И.Кушуль и Елена Варнавовна Ногаевская – известный в Крыму художник. Добрались они на такси, пригласив вместе с собой фотографа. С.И.Кушуль привезла заказанную ею в Симферополе надгробную табличку с датами жизни Фирковича, в Бахчисарае купила цветы. Надгробие восстановлено не было.

Через несколько минут после прибытия С.И.Кушуль и Е.В.Ногаевской на кладбище появился Михаил Яковлевич Чореф с сотрудником Бахчисарайского музея, а затем подошли еще трое мужчин; они безмолвно наблюдали за происходящим. Как позже выяснила С.И.Кушуль – эти трое были сотрудниками МВД.

Женщины оставили табличку на кладбище, возложили цветы. Перед уходом, стоя одна у могилы, С.И.Кушуль мысленно прочла поминальную молитву.

Долгие годы обещаний со стороны ГПБ выполнить условия передачи коллекции рукописей убедили С.И.Кушуль в бесперспективности продолжения отношений.

В 1980 году через доцента Вильнюсского государственного университета Роландаса Павилениса С.И.Кушуль обратилась в Институт истории Академии наук Литовской ССР с предложением передать рукописи. Условиями безвозмездной передачи коллекции рукописей являлось:

Зачисление их и дальнейшее хранение в караимском фонде.

Установка исчезнувшего надгробия археолога А.Фирковича на его могиле силами Института.

Позже С.И.Кушуль выдвинула дополнительное условие передачи рукописей: установка безмогильного памятника Борису Яковлевичу Кокенаю рядом с могилой А.Фирковича. Это было вполне логичным условием, т. к. Б.Я.Кокенай долгие годы, во многом отказывая себе, разыскивал, приобретал и хранил эти рукописи.

После трехмесячного молчания Институт ответил С.И.Кушуль, что относящаяся к нему библиотека АН не располагает соответствующим сектором для хранения таких ценных рукописей, и в качестве альтернативы были пред-

ложены Республиканская библиотека или Научная библиотека Вильнюсского университета.

Работы по восстановлению надгробного памятника А.С.Фирковичу и установке безмогильного памятника Б.Я.Кокенаю были завершены 19 июня 1981 года (фото от 29.10.81). В тот же день в Евпатории был составлен акт о бесплатной передаче 50 единиц рукописей XV–XIX веков и одной печатной книги Научной библиотеке Вильнюсского госуниверситета для хранения их в фонде Кокеная-Кушуль.

По настойчивым требованиям активиста крымчакского общественного движения Льва Исааковича Кая памятник Б.Я.Кокенаю был демонтирован властью в 1983 году, но в 1989 году караимами он был возвращен на место.

По ведомости затрат на установку памятников Аврааму Фирковичу и Борису Кокенаю, считая транспортные расходы по Крыму, было израсходовано 428 советских рублей.

Приблизительная оценка коллекции рукописей неспециалистами составила 15 000 рублей.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 5 (14)

Симита
Кушуль

НАСЛЕДИЕ БОРИСА ЯКОВЛЕВИЧА КОКЕНАЯ[1]

Борис Яковлевич Кокенай родился 28.12.1893 года в Феодосии в семье скромного караимского учителя. По линии отца он – правнук крупного караимского ученого и поэта своего времени. От отца Б.Я.Кокенай унаследовал любовь, глубокую привязанность и интерес к своему народу.

В детстве Б.Я.Кокенай учился в караимской школе – мидраше, потом – в Феодосийской гимназии. Но в шестом классе из-за серьезной болезни вынужден был прервать учебу. Позже преподавал в татарских школах крымских деревень.

В 1921–22 гг. ужасный голод вынудил Бориса Яковлевича оставить Крым и переехать в Ростов-на-Дону, где много лет он проработал на телеграфе.

Не имея возможности продолжать образование в учебном заведении, Б.Я.Кокенай активно занялся самообразованием. В результате упорного труда он прекрасно изучил язык и литературу караимов, отечественный – русский – язык, древнееврейский язык Библии, турецкий, арабский и французский. Б.Я.Кокенай был большим знатоком караимской старины. В юности он все каникулы проводил в родовом гнезде крымских караимов – Джуфт-Кале[2], в семье смотрителя А.С.Дубинского, и некоторые принимали его за одного из сыновей смотрителя.

Борис Яковлевич – автор ряда работ по караимской тематике. В их числе публикации в журналах «Мысь караимская» (г. Вильнюс, на польском языке), «Онормах» (г. Паневежис). К сожалению, остались неизданными основной его труд «Крымские караимы» и несколько статей, не потерявших научное значение и по сей день. Б.Я.Кокенай собирал караимский фольклор – пословицы, поговорки, загадки, легенды, предания, песни… Составил ценные картотеки народных изречений (около 1500 единиц) и караимско-русского словаря.

Несмотря на крайне скромный материальный достаток, Борис Яковлевич, ограничивая себя во многом, изыскивал возможности для приобретения древних караимских рукописей и литературы, создал прекрасную библиотеку и неплохую коллекцию предметов караимской старины.

Я познакомилась с Борисом Яковлевичем в конце 1950-х годов. Произошло это так. Р.Я.Кальфа, бывший во время оккупации газзаном – священником евпаторийской кенаса, друг моего отца, глубоко любившего «свой маленький народец», составил и подарил мне календарь караимских праздников на 20 лет

[1] Примечание С.И.Кушуль: «В переработке Ю.А.Полканова 11.05.93. При редактировании Ю.А.Полкановым опущен весь абзац (последний перед «Селихот») о работе Б.Я.Кокеная «Крымские караимы» и моей попытке издать ее, рецензии Л.Н.Черенкова на нее (отрицательной) и моего ответа Черенкову (работа 60 л. машинопись)».

[2] Чуфут-Кале (прим. ред.).

вперед. После смерти Р.Я.Кальфа и моего отца в в память о них я размножила и разослала этот календарь караимам по адресам, которые мне удалось узнать, чтобы желающие могли отмечать свои праздники. С отправки календаря началась наша переписка, которая продолжалась до конца жизни Б.Я.Кокеная. Борис Яковлевич часто приезжал в Евпаторию, и я многое об истории караимов узнала от него. Таким же образом я познакомилась с караимом из Севастополя Д.М.Гумушем. Он тоже нередко приезжал в Евпаторию и останавливался в моем доме, где и познакомился и с Б.Я.Кокенаем. По мере возможности все мы занимались караимскими проблемами того времени…

За несколько лет до кончины, Борис Яковлевич, с моего согласия, перевез ко мне основную часть своей библиотеки. Его дом в Ростове подлежал капитальному ремонту, что угрожало сохранности книг. Кроме того, Борис Яковлевич надеялся в ближайшее время вернуться на жительство в Крым. Приезжая летом, он работал у меня над своей библиотекой. Когда же Б.Я.Кокенай серьезно заболел в Ростове, он прислал «завещание» о передаче в мою собственность всех материалов, бывших к тому времени у меня на квартире.

Борис Яковлевич скончался 24.07.1967. Я присутствовала на его похоронах. Позже перевезла указанные в завещании картотеки караимско-русского словаря и пословиц и поговорок. Участь материалов, унаследованных мною от Бориса Яковлевича, такова.

1. Самыми ценными в его библиотеке были рукописи на языке Библии караимских и еврейских авторов. 52 сочинения я передала в 1981 году в дар Научной библиотеке Вильнюсского университета. Библиотека учредила фонд имени Б.Я.Кокеная – С.И.Кушуль (дар был оценен тогда библиотекой в 15 тыс. руб.). С помощью библиотеки был установлен скромный памятник археологу А.Фирковичу на кладбище в Джуфт Кале (взамен исчезнувшего) и приведена в порядок ограда захоронения, где находится и могила с памятником жены археолога. В той же ограде установлен Б.Я.Кокенаю безмогильный памятник – «йолджи таш». У караимов в прошлом было принято умершему и похороненному вдали от Родины ставить на родовом кладбище безмогильный памятник (вертикальная прямоугольная стела) с указанием имени, даты и места захоронения.

2. Составленный Б.Я.Кокенаем караимско-русский словарь (и картотека к нему) особенно ценен наличием слов, отсутствующих в лексике родственного языка крымских татар, что подтверждает самостоятельность и древность (реликтовость) караимского языка. В 1974 году вышел в свет караимско-русско-польский словарь, составленный трудами Академии наук СССР, Литвы и Польши. Но у Ленинградского института востоковедения при составлении каталога караимских рукописей дополнительно появилась надобность в словаре Б.Я.Кокеная. По их просьбе я переслала картотеку этого словаря (зачислена в фонд института).

3. Картотека собранных Б.Я.Кокенаем караимских пословиц и поговорок (более 1500 изречений) составлена на отдельных листках в записи караимским курсивом, нередко без перевода на русский язык. По моей просьбе Д.М.Гумуш систематизировал ее, переписал и перевел на русский язык (набралось 20 уче-

нических тетрадей). Позже исследователь караимской истории и культуры Ю.А.Полканов дополнительно обработал и подготовил их к публикации.

4. Унаследованные предметы караимской старины (одежда, ритуальные принадлежности) находятся у меня в ожидании организации караимами Евпатории национального музея[3].

В унаследованных мною материалах имеется рассказ, написанный Б.Я.Кокенаем в юношеские годы в виде личных воспоминаний. Привожу ниже эту колоритную картинку из жизни крымских караимов.

Б.Я.Кокенай был бесконечно предан родному караимскому народу и оставил светлую память о себе среди соплеменников.

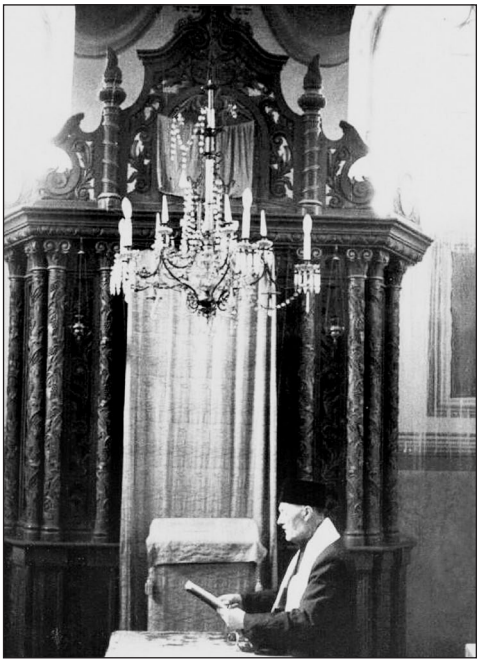
Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 6 (15)

[3] Музей истории и этнографии крымских караимов им. С.И.Кушуль был открыт в Евпатории 10 августа 1996 г.

Виктор
Тирияки

АЛТАРЬ КАРАИМСКИЙ С ЗЕМЛИ УКРАИНСКОЙ

(воспоминания очевидца 20 лет спустя)

Алтарь в кенасе г. Галича.
50-е годы XX ст.

Завершался год 1994-й. Еще выпадали теплые солнечные денечки, дозревали поздние сорта винограда, по улицам бродили редкие отдыхающие, но нам, местным, по множеству признаков было ясно: сезон, а вместе с ним и год, окончен. Для евпаторийского общества караимов уходящий год выдался напряженным и плодотворным, а его итоги настраивали на оптимистический лад. Впервые удалось открыть воскресную школу, занятия которой проходили в марте-июне, улица Дувановская обрела свое историческое название, на ней был установлен памятный знак городскому голове Семену Дувану. В июне правительство Крыма начало финансирование реставрационных работ во Дворе ожидания, Евпаторийским исполкомом было принято решение о переименовании ул. Матвеева в столь дорогую и знакомую с детства каждому караиму Караимскую. Ожидала установки мемориальная доска, посвященная Александровскому Караимскому духовному училищу, 100-летие которого планировалось отметить вскоре. У кенасных ворот громоздились завалы из караимских надгробий Евпаторийского кладбища, перевезенных из Текие дервиш и Симферополя: всех их планировалось установить во дворе Соборной кенасы, который был освобожден по нашему требованию. Срок открытия лапидария приурочили к 125-летию С.Дувана, в подготовке этого мероприятия община принимала активное участие. Была подготовлена и проведена масштабная встреча караимской молодежи Литвы и Крыма. Начало работать кафе, а проведенные летом Т.Мусиенко и А.Кефели экскурсии впервые принесли доход в общину. На январь будущего года была намечена установка мемориальной плиты заложникам Евпаторийского десанта, ремонтировались помещения,

устанавливались металлические решетки на окна и двери, строились планы, ожидались новые свершения…

В сентябре в Евпаторию вновь приехал Алексей Зотиков – документалист, этнограф, историк. Он сообщил, что работает по программе МАТНА КАР**,** снимает фильмы о малочисленных народах Украины, в данный момент – о караимах. От него же мы узнали, что в Галиче караимы хранят алтарь разрушенной кенасы, свитки Торы, книги, храмовую утварь, и все это староста общины – Яна Львовна Эшвович – готова передать в Евпаторию, и, в случае организации нашей экспедиции в Галич, он постарается найти средства на проезд и транспортировку имущества. По его планам в конце октября–начале ноября должна была открыться караимская выставка в киевской кенасе, поэтому было бы целесообразно отправиться в Галич накануне.

С великой радостью и воодушевлением мы приняли эту весть и стали готовиться к отъезду. Яна Львовна через Марию Иосифовну Чельтек прислала рисунок алтаря, мы общались с Зотиковым по телефону.

Приобретя билеты, 28 октября поездом из Симферополя во Львов отправились трое евпаторийцев: Давид Моисеевич Эль, Виктор Захарович Тирияки и Константин Самойлович Батозский. С собою мы везли около семидесяти экспонатов для будущей выставки в Киеве.

Следующим днем около 15 часов мы прибыли на железнодорожный вокзал Львова. Наш вагон вместе с почтовым отцепили от основного состава; воспользовавшись продолжительной стоянкой, мы отправились осматривать достопримечательности древнего города. Когда вернулись на посадку, обнаружили купе открытым, однако наши волнения были напрасны: все экспонаты и книги были в целости. В Ивано-Франковск мы прибыли глубокой ночью и, дождавшись электрички, отправились в Галич. У выходящего мужчины поинтересовались, далеко ли остается до Галича, и он ответил, что через две остановки на третьей. Но как только он вышел, женщина предупредила нас, что мужчина ошибся, и выходить надо на одну остановку раньше. Мы прибыли в Галич 30 октября.

По договоренности нас на вокзале в Галиче должен был встречать Алексей Зотиков, но в назначенное время его на месте не оказалось. Около получаса мы шли в предрассветных сумерках от вокзала, задавая редким прохожим, встречающимся нам на пути, один и тот же вопрос: «Как пройти на Караимскую?». Подходя к дому № 25 на Караимской, увидели выходящую навстречу Яну Львовну. Она признала в нас караимов из Евпатории ранее, чем смогла рассмотреть наши лица.

Сразу же Яна Львовна усадила нас за стол, на котором красовался такой румяно-запеченый, такой аппетитный и такой знакомый с детства *кӧп этэ*. Еще не окончили завтракать, как у дома остановился КаМаЗ, на котором приехал А.Зотиков, а вместе с ним прибыли водитель Леонид и экспедитор Сергей. Сменив сервировку стола, Яна Львовна принялась угощать прибывших гостей. В разговоре она напомнила всем присутствующим, что сегодня воскресенье, и в этот день в городе не принято производить какие-либо работы. Это со-

общение расстроило водителя, так как увеличивало время его командировки, однако Давид Моисеевич, как педагог с большим стажем практический работы и тонкий психолог, молниеносно привел убедительный аргумент консенсуса – выставил на стол бутылку коньяка.

После продолжительного завтрака Яна Львовна повела всех нас на улицу Ярослава Осмомысла в дом Сабины Самойловны Зайончковской, где она в течение тридцати пяти лет хранила алтарь галичской кенасы. Запомнилось, что в доме у Сабины Самойловны чувствовался сильный аромат осенних яблок. На тот момент хозяйке было восемьдесят два года, но она еще брала заказы на пошив одежды, выполнение которых являлось надбавкой к ее небольшой пенсии. Отведав чаю с печеньем, приготовленным хозяйкой, мы прошли в деревянную недостроенную часть дома, где вплотную к стене, скрытый от посторонних глаз, заваленный дровами, ящиками с углем и садовым инвентарем, находился разобранный трехмодульный алтарь.

Процесс «освобождения» алтаря снимал на видеокамеру А. Зотиков – позже эти кадры появились в фильме «Късмет болса». Габариты святыни ясно указывали, что вынести ее на погрузку в автомобиль через двери невозможно, придется разбирать деревянную стену пристройки. Общим советом решили, что завтра, в понедельник, в 8 утра Константин Самойлович Батозский, Леонид и Сергей приступят к разборке стены и погрузке, а Я.Л.Ешвович, Д.М.Эль и я направимся в горисполком за разрешением на вывоз.

Мы возвратились в дом Яны Львовны, угостившей нас обедом.

Сразу после обеда А.Зотиков уехал в Киев, а мы попросили гостеприимных галичан провести нас на караимское кладбище в Залукву, и отправились туда в сопровождении трех женщин. Вид ухоженного караимского кладбища резко контрастировал с разгромленным кладбищем Евпатории. По просьбе Яны Львовны я прочел зехер ее умершим родственникам, а затем общую поминальную молитву. Чтение молитв на священном языке, безусловно, возымело действие на дальнейшие отношения, а полное доверие к евпаторийцам наступило после того, как чуть позже из рукописного молитвенника на караимском языке были прочитаны и переведены несколько молитв. Звучание оживших текстов вызвало у караимок Галича слезы, т. к. долгие годы они только по памяти читали молитвы, начитанные на магнитофонные ленты. После возвращения с кладбища Яна Львовна сообщила нам, что караимы Галича приняли решение передать в Евпаторию не только алтарь, но и многое другое.

Вечером Яна Львовна повела нас к своей сестре Людмиле Иосифовне Шугуровой, дом которой также находился на улице Караимской. Хозяйка с мужем уже снесли с чердака Сефер Тора в «Тора упракъ»[1] и массахи, аккуратно все уложили в комнате в ожидании завтрашней погрузки. Вернувшись от Шугуровых к Яне Львовне, мы поднялись на чердак и вместе с нею из сундука достали и опустили вниз две Сефер Тора, подсвечники и книги. Привлекал внимание серебряный семисвечник необычной формы: в нем чашечки располагались не в одну линию, а над четырьмя, расположившимися крестом, из центра воз-

[1] Чехлы из материи, в которых хранятся Сефер Тора.

вышались еще три. Яна Львовна пояснила, что такую форму семисвечника порекомендовал Гахам С.Шапшал при его посещении караимов Галича. При тщательном рассмотрении становилось заметным, что в центральную чашечку пятисвечника был вставлен трехсвечник, а одинаковые, на первый взгляд чашечки, в действительности различны по форме, размеру и исполнению.

На ночлег мы все трое были определены в дом Ады Зараховны, которая показала библиотеку своего отца – Зараха Моисеевича Зараховича, галичского газзана, и предложила взять все, что мы сочтем нужным. Но перед тем, как мы приступили к осмотру материалов, она подарила герб, вышитый ею собственноручно в молодости. Среди связки ключей от кенасы, переданных Константину Самойловичу, нашелся один, подошедший впоследствии к дверцам алтаря. Несколько часов мы осматривали материалы, укладывая их в коробки, и настоятельно упрашивая хозяйку оставить дубликаты себе. После осмотра библиотеки Ада Зараховна предложила подняться на чердак, где долгие годы хранились караимские вещи. Наше путешествие наверх напоминало сказочный сюжет: впереди с керосиновой лампой в руках, освещая дорогу к заветному сундуку, идет старушка, за ней, отбрасывая живые тени, следуют искатели сокровищ. У сундука старушка передает нам лампу, снимает с него покрывало, отпирает замок, отворяет крышку сундука. Нашим взорам предстала фантастическая картина из тысячи и одной ночи: сундук с сокровищами, заполненный доверху не драгоценными каменьями, золотыми монетами и кубками, а огромными фолиантами, книгами, рукописными сборниками, подсвечниками и свитками Торы. Находясь под сильным эмоциональным воздействием от всего увиденного за день, во сне я произносил молитвы на древнееврейском, отчего К.С.Батозский ночью неоднократно будил меня.

Утром следующего дня мы действовали согласно намеченному плану: Давид Моисеевич и я направились в райисполком, остальные – на ул. Я.Осмомысла. Заместитель головы райисполкома В.Федорняк, выслушав просьбу о получении разрешения на вывоз «шафи для молитовників», посоветовал нам совместно с Яной Львовной прийти к 14 часам, ко времени появления головы райисполкома В.Крука. Потянулись часы тревожной неизвестности.

Погрузка алтаря шла полным ходом: деревянная стена дома С.С.Зайончковской была разобрана, а алтарь с дополнительной помощью галичан был водружен на КаМаЗ. Сосед Сабины Самойловны вынес полиэтиленовую пленку, чтобы алтарь не намок по дороге в случае дождя. Водворив назад разобранную стену, все направились на ул. Караимскую для погрузки остальных вещей, книг, рукописей.

В назначенное время мы сидели в кабинете В.Крука, где также присутствовали два его заместителя. Первым действием администрации была просьба к нам предъявить паспорта для подтверждения караимской национальности. Следующим актом – убеждение оставить алтарь в Галиче для создания караимского музея. Однако Яна Львовна решительно заявила, что предназначенное для религии в музей не попадет, она готова передать для музея книги, рукописи, журналы, письма, печать общины и многое другое, но не предметы

культа. Так же она заявила, что однажды уже поступала просьба от караимов Литвы передать алтарь им, но Литва – другое государство, а Крым – это Украина. После долгих обсуждений и увещеваний приступили к написанию акта передачи, который, впрочем, голове не понравился – не было указано, каким образом алтарь попал к Яне Львовне.

Во время переписывания акта все изменилось неожиданным образом: работники райисполкома стали чрезвычайно вежливы, акт был подписан сразу, вызваны представители прессы и местного телевидения. Изменение отношения к нам объяснялось просто: раздраженный неизвестностью Сергей позвонил в Киев А. Зотикову, тот связался с референтом президента, который и позвонил в Галич.

В начале шестого мы были на Караимской, где заканчивалась погрузка. Когда заместитель головы увидел величественный резной алтарь, он обратился с вопросом к Яне Львовне:

– Та хіба це шафа?

– Та раніш аби як не робили. Це ж було для храму, – последовал ответ.

В половине седьмого вечера были проведены съемки, даны интервью, озвучены благодарности, окончена погрузка. Давид Моисеевич сопровождал груз в Евпаторию, куда по плану должны были приехать через сутки. Внезапно мы все осознали, что самое опасное – еще впереди. Однако и здесь наши тревоги не оправдались: миновав восемнадцать милицейских постов, через сутки КамАЗ был в Евпатории. Изумленные евпаторийцы с возгласами восхищения на устах разгружали машину. Алтарь и книги были занесены в мидраш, Сефер Тора спрятаны в гараже Давида Моисеевича, тканные вышивки и серебряные предметы взял на хранение В.С.Казас. Приходилось только удивляться совокупности благоприятных обстоятельств, позволивших успешно завершить эту фантастическую авантюру[2].

Вечер мы провели у Яны Львовны, расспрашивая ее о традициях и обычаях галичской общины. Я делал записи, чертил планы помещений кенасы, когда она уже использовалась под клуб, зарисовывал формы таракълар[3] и тылкъы[4], делал оттиски печати общины.

Следующим днем мы выезжали в Киев. На вокзале Галича нас провожали Яна Львовна и Ада Зараховна. Расставаясь, Яна Львовна сказала, что теперь караимы Галича спокойны, так как чувствуют исполненным свой долг – все хранимое передано караимам для использования по назначению. Что-то в Литву, большая часть – в Евпаторию. В будущем мы еще не раз встречались с ними – в Евпатории, Галиче, Кале, но впечатления от первой встречи были самыми сильными.

В Киеве мы проживали на квартире у Алексея Зотикова по ул. Институтской. Почти все время проводили в подготовке к выставке, открытие которой

---

[2] Авантюра (*фр.* aventure) – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех (по словарю Ожегова), приключение, опасное по своей природе, сопровождаемое риском неожиданных событий.

[3] Деревянные гребешки для нанесения узоров на пасхальные опресноки.

[4] Приспособление для замешивания теста в большом количестве.

было намечено на 6 ноября в Доме актера[5]. Зотиков куда-то исчезал, потом появлялся с продуктами, отпечатанными проспектами, рекламами, деньгами и новыми идеями. По ночам он занимался монтажом фильма. Постоянно курсировали между кенасой и квартирой, переносили стенды и экспонаты. Все размещали на хранение в гримерке за сценой – там, где когда-то располагался алтарь. Посильное участие в подготовке принимал А.Я.Арабаджи.

Алтарь кенасы г. Галича Ивано-Франковской обл., установленный в Малой кенасе г. Евпатории

Выставка, собравшая человек семьдесят, открылась в намеченное время. В вестибюле Дома актера были оформлены стенды и витрины, на которых были представлены более восьмидесяти экспонатов: посуда, книги, вышивки, рукописи, фотографии, документы. В зале кенасы перед премьерным показом фильма «Късмет болса» речь держал Алексей Зотиков, с концертом и авторским исполнением некоторых композиций выступил Авраам Кефели. Москвич Б. Таймаз также сыграл несколько музыкальных номеров. После окончания торжественной части Зотиков угощал всех шампанским, заработанным от сдачи в аренду своей профессиональной видеокамеры. Выехали в Евпаторию 7 ноября.

После этого связь евпаторийских и галичских караимов никогда не прерывалась. Через полгода они приехали в Евпаторию на 125-летие С.Э.Дувана и открытие в здании мидраша молельной комнаты, где был установлен алтарь. В дальнейшем мы, по мере возможностей, старались помочь галичанам: каждый год к Пуриму посылали финансовую адресную помощь, передавали книги, молитвенники, периодические издания, деньги на установку кладбищенского забора. При создании караимского музея в Галиче, по их просьбе мы возвратили часть предметов галичской кенасы. Делегации от Евпатории побывали в Галиче на мероприятиях в 1998 и 2002 годах. В мае 2013 года направили в командировку в Галич В.Ельяшевича и Е.Миронову.

На момент перевозки алтаря в Евпаторию в Галиче уже не было здания караимской кенасы, сейчас, 20 лет спустя, в Галиче уже нет и караимов. Но алтарь, предметы ритуалитета и молитвенники по-прежнему служат своему

[5] Здание киевской кенасы.

предназначению – в восстановленной пятнадцать лет назад Малой кенасе Евпатории. Пошел отсчет второго столетия звучания у алтаря одних и тех же молитв с той только разницей, что ежемесячно к ним добавляются поминовения праведников – живших по Торе караимок из Галича.

Духовность – категория нравственная, и не имеет количественного измерения или качественного сравнения, она не бывает мужской или женской. Поэтому каждый, совершивший духовный подвиг, достоин того, чтобы о нем с искренним уважением сказали: «Барух гъаб-ба бе-шем Адонай» – благословен грядущий во Имя Превечного.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 13 (22)

Вячеслав
Ельяшевич

ТРИ ДНЯ В ГАЛИЧЕ
(Поездка Вячеслава Ельяшевича и Екатерины Мироновой 21—27 мая 2013 года)

Когда стало известно о смерти дочерей газзана Зараха Моисеевича Зараховича, Ады и Амалии Зараховны, джанлары джанетте олсун, руководство караимской общины Евпатории приняло решение в знак уважения к сестрам собрать деньги им на памятники, и отправить в Галич двух делегатов. Всего караимами Евпатории было собрано 4000 гривен на памятники и 1000 гривен в качестве материальной помощи караимке Галича Людмиле Иосифовне Шугуровой. После переговоров председателя Духовного управления В.З. Тирияки с племянницами Ады Зарахович, проживающими в Ивано-Франковске, поездка в Галич состоялась. В качестве делегатов Духовным управлением был направлен Вячеслав Ельяшевич, и Приходским советом Караимской религиозной общины – Екатерина Миронова.

Мы прибыли в Галич в шестом часу утра. Еще во Львове мы созвонились с сотрудником «Музея караимской истории и культуры» Надеждой Васильчук, которая сообщила нам, что будет нас встречать. Действительно, несмотря на столь ранний час, на вокзале нас уже ожидали. Надежда с мужем Ростиславом приехали за нами на такси, на котором мы и доехали до гостиницы. Здесь для нас уже были забронированы номера директором музея. Было очень приятно встретить такое внимание к нашим персонам со стороны незнакомых нам людей.

Отдохнув немного в гостинице, и имея в своем распоряжении несколько часов до встречи с Еленой Ильиничной Вострецовой, мы решили познакомиться с Галичем. Первое, что привлекло наше внимание – это старинная башня на лесистом холме, возвышающемся над городом. Холм имеет романтическое название Замковая гора, а сама башня является остатком крепости, защищавшей некогда торговую пристань, которая дала начало современному городу Галич. Мы поднялись на холм, чтобы осмотреть башню, и были восхищены открывшейся перед нами панорамой города и его окрестностей. Галич – маленький городок. Он состоит из двух главных артерий, одна из которых направлена вдоль реки Днестр, другая – вдоль реки Луква, впадающей в Днестр. Обе артерии сходятся в месте, называемом майданом Риздва (Площадь Рождества), которая является центром города. От площади Рождества на другой берег Днестра ведет старый мост, построенный еще в то время, когда Галич входил в состав Австро-Венгрии. Он так и называется – Австрийский мост. Сейчас этот мост в плохом состоянии и используется только для пешеходных прогулок.

Неподалеку от него в 1986 году построен другой мост, по которому мы приехали в Галич с железнодорожного вокзала. Когда-то, когда в Галиче не было мостов, караимы владели здесь паромом, который приносил им доход.

Спустившись с Замковой горы, мы вышли к берегу Днестра. В прошлом Днестр был оживленным торговым путем, соединяющим Европу и Азию. Именно поэтому на его берегу вырос город Галич, а позже возникла караимская община. Согласно одной из версий караимы были переселены в Галич из Крыма в 1243(6) году. В 1838 году галицкий газзан Авраам Леонович написал письмо историку Денису Зубритскому, в котором процитировал полностью переведенную им на польский язык маргинальную запись в старинной караимской рукописи, сгоревшей во время пожара в 1830 году. Согласно этой маргиналии в 1243 году между Данилой Галицким и ханом Батыем был заключен мир, в результате которого 80 караимский семей из Солхата, Мангупа и Каффы были переселены в Галич. Этот год и стал с тех пор отправной точкой появления караимов в Галиче. Несмотря на то, что версия о переселении караимов в Галич Данилой Галицким оспаривается современными историками, сотрудники «Музея караимской истории и культуры» основываются на ней в вопросе возникновения галицкой караимской общины.

Однако, вернемся к настоящему. Около двенадцати часов нам позвонила Елена Ильинична Вострецова и сказала, что ожидает нас на Караимской, 17. Елена Ильинична – племянница Ады Зараховны Зарахович. Она проживает в Ивано-Франковске и приехала в Галич на встречу с нами вместе со своей сестрой Татьяной Ильиничной Дудневой. Еще одним нашим собеседником оказалась Светлана Кукула, бывший директор «Музея караимской истории и культуры». Дому Зараховичей, в котором нам была назначена встреча, около девяноста лет. Это один из девяти сохранившихся старых караимских домов на Караимской улице. Атмосфера патриархального дома настроила мои чувства на особый лад и перенесла меня в то время, когда в Галиче жила своей повседневной жизнью караимская община. Картины прошлого ясно представились моему внутреннему взору. Находясь впервые в караимской общине за пределами Крыма, я почувствовал ту духовную связь, которая соединяла караимов всех городов и стран, где бы они не находились, и благодаря которой караимы, несмотря на большие расстояния, разделяющие их, сознавали себя одним народом. Пожалуй, надо было побывать в этом старом караимском доме, чтобы почувствовать это.

Племянницам Ады Зараховны мы передали деньги на памятники Аде и Амилии Зарахович, собранные караимской общиной Евпатории, и караимскую литературу, изданную в последнее время: выпуски журнала «Известия духовного управления караимских религиозных организаций Украины», Караимский календарь на 2013–2018 гг. и книгу В.М.Заскоки и В.С.Кропотова «Караимы Евпатории: история, культура, архитектура». После чаепития мы поехали на караимское кладбище, находящееся в примыкающем к Галичу селе Залуква (то есть за рекой Луква), к могилам Ады и Амалии Зарахович. После кладбища мы распрощались.

Музей караимской истории и культуры

Во второй половине дня мы встретились с Надеждой Васильчук и посетили «Музей караимской истории и культуры». Надо сказать, что музей этот является единственным на сегодняшний день государственным караимским музеем. Он создан в 2004 году в отремонтированном старом караимском доме конца XIX века на площади Рождества. Музей небольшой, состоит из трех залов: двух на первом этаже и одного на пристроенном втором этаже. В одной из комнат первого этажа воссоздан интерьер караимской комнаты из вещей и мебели, подаренных караимскими семьями. В другой комнате экспонируются главным образом вещи из разрушенной караимской кенасы. Здесь можно увидеть свиток Торы, два семисвечника, облачение газзана, алтарный парохет, молитвенники, календари и другое. Обращает на себя внимание красивый макет караимской кенасы Галича, в котором даже есть освещение. Нажав выключатель, можно увидеть, как в миниатюрных окнах зажигается свет и кенаса как бы оживает. На второй этаж ведет деревянная лестница, вдоль которой висят портреты караимских Гахамов и галицких газзанов. Это еще раз напоминает нам о единстве караимского народа. На втором этаже экспонируются главным образом письма и фотографии, и имеется макет Караимской улицы Галича. Большая часть экспонатов была бесплатно передана в музей Яниной Эшвович и Адой Зарахович.

Экспозиция Музея караимской истории и культуры

Музей радует тщательной продуманностью деталей (автор концепции музея – Наталья Юрченко и Иван Юрченко), видно, что все здесь сделано с любовью и большим уважением к истории караимов. Сотрудники музея в количестве пяти человек, не являясь караимами, изучают караимскую историю, поддерживают связь с караимами из разных городов и открыты для нового сотрудничества. Ведется научная работа. Недавно сотрудница музея Надежда Васильчук издала за свой счет небольшой буклет о сохранившихся караимских домах Галича. Маленький, но нужный вклад в изучение истории караимов Галича. У музейного коллектива много планов. Планируется создать мемориал на месте разрушенной кенасы, а во дворе музея – виноградный дворик по образцу дворика евпаторийских кенас и скульптуру караимского мудреца. В планах также создание музейного комплекса, в который бы помимо музея входили мемориал кенасы, девять караимских домов и караимское кладбище. После посещения музея наше общение закончилось, и мы вернулись в гостиницу на отдых.

Второй день прошел под эгидой международной научной конференции «Авраамичные религии в Украине: этнокультурные взаимовлияния и межконфессиональные взаимоотношения», на которой мы присутствовали как гости. Конференция проходила в конференц-зале центрального здания историко-культурного заповедника «Давний Галич». Здесь сосредоточена научная

и культурная жизнь Галича, в течение многих лет в этом здании проходят конференции, на которые приезжают ученые из таких культурных центров Галичины, как Львов и Ивано-Франковск. Имеется выставочный зал, в котором выставляются работы художников. В Галиче проходили две конференции, посвященные истории караимов: первая, под названием «Караимы Галича: история и культура», проходила в 2002 году, вторая под названием «Караимы в контексте мирового сообщества» – в 2012 году.

Выслушав несколько докладов, во время перерыва «на каву» мы пошли в «Музей караимской истории и культуры» на встречу с его директором Ярославом Миколаевичем Поташником, который в первый день был занят и не смог уделить нам внимания. На этот раз наше посещение музея было более официальным. Мы представились как делегаты от Духовного управления и караимской общины Евпатории и вручили Я.М.Поташнику семь номеров журнала «Известия духовного управления караимских религиозных организаций Украины». Произошел обмен контактными телефонами и адресами, и было сказано много слов о сотрудничестве между коллективом музея и Караимским духовным управлением. Мне приятно было слышать слова, сказанные директором: «Очень хотелось бы, чтобы в нашем музее прозвучала караимская речь». Я.М.Поташник – уже третий директор музея. Первым директором музея и его организатором, оставившим яркий след в его истории, был Иван Юрченко, вторым –

Караимское кладбище в Залукве

Светлана Кукула, с которой мы имели удовольствие общаться в первый и второй день нашего пребывания в Галиче.

После музея мы вместе с Надеждой Васильчук поехали на караимское кладбище, на луцко-галицком диалекте караимского языка называемое «зэрет». Галич совсем небольшой городок, и здесь нет городского транспорта. Всюду можно добраться пешком, за исключением железнодорожного вокзала, находящегося в отдалении от города, на другом берегу Днестра. Но караимское кладбище находится не в самом Галиче, а в селе Залуква, и поэтому мы поехали туда на такси – единственном местном транспорте. На кладбище я прочитал зехер умершим Аде и Амалии Зарахович, а также всем караимам Галича: «зехер чаддыким ливраха…» – «Да будет благословенна память праведных…». Среди старых каменных стел выделяются две свежие могилы, украшенные венками. Две сестры, дочери Зараха Зараховича, Ада Зараховна Зарахович и Амалия Зараховна Зарахович, умерли с разницей в четыре дня, первая 19-го марта этого года, вторая – 23-го марта также этого года. Их смерть стала косвенной причиной нашего появления в Галиче.

Старое караимское кладбище находится в живописном месте – на высоком берегу Днестра, откуда просматривается русло реки, два моста в Галиче и башня на Замковой горе. Вокруг кладбища расположены частные дома и поэтому среди памятников можно увидеть спокойно бродящих домашних птиц, пролезающих через бреши в заборе. Место здесь умиротворенное.

Галицкое караимское кладбище существенно отличается от караимских кладбищ Крыма. Здесь отсутствуют привычные для крымчан двурогие надгробия, и все без исключения памятники, а их сохранилось более двух сотен (219 целых и фрагментов), представляют собой вертикально стоящие стелы. Если в Крыму форму памятников и резной орнамент определяла восточная культура, то здесь, в Галиче, господствует культура западная. Это видно не только по форме надгробий, но и по сюжетам вырезанных в камне рисунков, преобладающим из которых являются фигуры львов, зачастую держащих корону Торы или семисвечник. Этот классический символ иудаизма совсем не характерен для караимских некрополей Крыма. Его присутствие здесь говорит нам о сильном влиянии на культуру местных караимов еврейских традиций. На рубеже двух тысячелетий, в 2000 году коллективом авторов был издан каталог караимского кладбища Галича: И.Юрченко, А.Кефели, Н.Юрченко, О.Береговский «Караимское кладбище возле Галича. Каталог надмогильных памятников».

Побыв какое-то время на кладбище, мы втроем направились к дому Людмилы Иосифовны Шугуровой – последней караимке, проживающей в Галиче. Людмила Иосифовна живет в доме № 29 на Караимской улице, ей 88 лет, и вот уже больше трех лет она не встает с постели. За ней ухаживает Першина Валентина Степановна и ее дочь Елена Бродович, с кем мы имели удовольствие побеседовать за чашкой чая. Состояние Людмилы Иосифовны очень тяжелое, память зачастую отказывает ей, и она не узнает знакомых людей. Нас об этом предупредили и даже сказали, что вряд ли может состояться беседа с ней. Однако, на удивление, Людмила Иосифовна чувствовала себя в этот день хорошо. Екатерина представилась ей сама и представила меня, рассказала, откуда мы

Екатерина Миронова и Л.И.Шугурова

приехали и кем делегированы в Галич, а также новости евпаторийской общины. За все время беседы с Екатериной Людмила Иосифовна улыбалась, и было приятно видеть живую, искреннюю улыбку на лице этого старого и больного человека, прикованного к постели. Людмила Иосифовна – последний угасающий уголек караимской общины Галича, с ее смертью здесь не останется ни одного караима.

Печально сознавать это, горько становится на душе от такой мысли. Однако радует сердце то, что в Галиче трепетно сохраняется память о галицких караимах стараниями местных ученых, из года в год создающих интересный исторический ансамбль, рассказывающий об истории уникального караимского анклава в Галичине. Особенно хочется выразить благодарность ныне покойной Янине Эшвович, которой принадлежала идея создания караимского музея, Ивану Юрченко, сумевшему воплотить эту идею в жизнь, проживающему ныне в Санкт-Петербурге, а также Надежде Васильчук, сотруднице музея, проживающей в Галиче, которая с большим энтузиазмом изучает караимскую историю и сама пишет научные статьи. Ей принадлежат следующие опубликованные работы: «Караимская улица в городе Галиче», «Кенаса в Галиче – ячейка духовности галицкого караимского общества», «Кысмет болса», «Особенности караимской кухни». Научная работа сотрудников «Музея караимской истории и культуры» представлена целым рядом публикаций. Первая совместная рабо-

та Янины Эшвович, Наталии Юрченко и Ивана Юрченко была опубликована в 1998 году под названием «Из истории общины. Галицкие караимы». Вторым директором караимского музея Светланой Кукулой были написаны такие работы, как «Галицкие караимы: живая история» и «Похоронный обряд у караимов». Третьим директором, Ярославом Поташником, написаны статьи «Выходец из галицкой общины – Зигмунт Абрагамович», «Особенности этнической культуры караимов» и «Влияние древних верований на религию караимов».

Надежда Васильчук уделила нам много времени и часто сопровождала нас во время наших экскурсий и визитов. С ней мы были в караимском музее, на кладбище, на конференции и в доме Людмилы Иосифовны Шугуровой. После посещения Людмилы Иосифовны мы вместе с Надеждой Васильчук прошлись по Караимской улице, которая тянется вдоль берега Днестра, и осмотрели сохранившиеся караимские дома. На месте, где раньше находилась кенаса, сейчас пустое место, поросшее травой. Рядом расположен девятиэтажный дом, для строительства которого в 1986 году кенаса была варварски снесена. Кстати, первое каменное здание кенасы было построено в 1836 году на пожертвования караимов Крыма.

Затем вдвоем с Екатериной мы также побывали на улице Осмомысла и посмотрели дом, принадлежащий Анне Самуйлович, в котором хранился гехал из кенасы Галича. В 1994 году гехал был перевезен в Евпаторию и занял свое место в Малой кенасе, где стал зримым свидетельством духовной связи между галицкими и крымскими караимами. В конце XIX века караимы перенесли в Чуфут-Кале святыни своей кенасы из разрушенного Мангупа, в 1830 году из ликвидированной кенасы в Дамаске в Евпаторию были перевезены рукописи, в 1994 году из разрушенной кенасы Галича в Евпаторию переехал гехал. Так осуществлялась и осуществляется до сих пор преемственность караимских общин, находящихся в разных регионах и странах, которая помогает им сохранить свою религию и культуру в самые тяжелые времена.

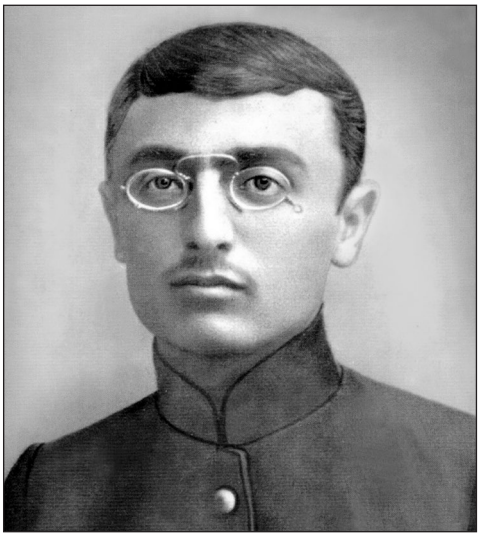
Наш третий день в Галиче оказался свободным от визитов, и мы решили посвятить его городу Ивано-Франковску и осмотру заповедника «Княжеский Галич», что нам посоветовал сделать директор музея Я.М.Поташник. Но это уже тема для другого рассказа. Я покидал Галич с горьким чувством тревоги, но в тоже время обогащенный новыми незабываемыми впечатлениями. Маленький городок Галич на берегу Днестра, увижу ли я тебя еще раз? Три дня в Галиче изменили меня и сделали намного богаче – я увозил в своей душе кусочек Западной Украины.

Не могу не высказать слов благодарности руководству караимского джамаата Евпатории, принявшего решение направить меня делегатом в Галич, и взявшего на себя все расходы, связанные с этой поездкой. Как говорится: «Орех йамим»!

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 8 (17)

Яков
Авах

ПЕРВЫЕ КАРАИМСКИЕ ГАХАМЫ СИМХА И НАХАМУ БОБОВИЧИ

**Яков Иосифович Авах. 1920 г.
(Караимы в Крыму: истоки
и современность / сост. О.В.Горюнова.
Симферополь, 2007. С. 20)**

«Первые караимские Гахамы Симха и Нахаму Бобовичи» – название рукописи, написанной в период Первой мировой войны Яковом Иосифовичем Авахом (1893–1922) под псевдонимом Чумбушли Яквака. Написана она черными чернилами пером на двух тетрадках в линейку по 10 страниц каждая. Сочинение это в 1980-х годах в Симферополе было передано молодому караимскому активисту Игорю Александровичу Шайтанову Виталием Марковичем Авахом, сыном выпускника Александровского караимского духовного училища и деятельного участника симферопольского клуба Крымского объединения караимских общин Марка (Мордехая) Иосифовича Аваха (1902–1988) – родного младшего брата Якова. Автор данной рукописи не указал своего настоящего имени, а только написал едва заметно карандашом на обеих тетрадях свой псевдоним – Чумбушли Яквака, что можно перевести на русский язык как «Яков весельчак». Под этим же псевдонимом в 6-м номере журнала «Караимское слово» (Вильна, 1914 г.) была опубликована заметка под названием «Учителя!.. Учителя!..».

На данный момент на основании переписки М.И.Аваха с Д.М.Гумушем достоверно установлено, что автором этого сочинения является именно Я.И.Авах. Родился он 30 июня 1893 года в Евпатории в семье евпаторийского мещанина Иосифа Абрамовича Коген-Аваха[1]. Учился в караимской приходской школе в течение четырех лет. В 1913 году окончил евпаторийскую мужскую гимназию, с 1913 по 1918 год был слушателем экономического отделения Московского коммерческого института[2]. 25 мая 1919 года на общем собрании Евпаторийской караимской общины Я.И.Авах вошел в правление

[1] ГАРК. Ф. 241, Оп. 1. Д. 1240. Л. 56.
[2] ЦИАМ. Ф. 417. Оп. 7. Д. 537.

библиотеки известного караимского библиофила А.Ю.Мичри[3]. По сообщению Александра Федоровича Рофе, Яков Авах учился в евпаторийском караимском мидраше, имел высшее образование и был активным работником Караимского молодежного клуба в здании Эвра (женской караимской школы) в Евпатории с 1917 по 1920 год[4]. Я.И.Авах умер и похоронен в 1922 году в Симферополе.

Сохраняя авторский стиль изложения, представляем на суд читателя интересное повествование о деятельности членов знаменитой караимской семьи Бобовичей.

Подготовка публикации, предисловие и комментарии С.И.Шайтанова.

Первые караимские Гахамы Симха и Нахаму Бобовичи

«Караимы без истории» – вот фраза, которой вас встречают очень многие из тех, кто должен бы знать прошлое этого народа, кто руководит его жизнью теперь. Учителя народные, манеги – старосты общины, шамаши и подчас газзаны, часто оказываются в силах сообщить вам лишь самые скудные сведения. Это служит ясным показателем того, до какой степени мало распространены среди нас сведения о себе же. Лишь немногим доступны те заметки, статьи и более или менее крупные исследования о караимах, ~~на разных языках~~[5], разбросанные по многочисленным органам периодической печати или изданные отдельно. В наших же школах, начиная с приходских и кончая высшим караимским училищем – Мидраш газзаним[6], до сих пор не преподается караимская история. Правда, мы народ, не имеющий своей территории и своего самостоятельного политического устройства, но ведь, с другой стороны, наше существование факт, а с фактом считаться приходится. Правда, наша жизнь не блещет яркими событиями, она ~~не разукрашена~~[7] не соткана из исторических эпизодов, но все-таки и среди нас случаются же сравнительно крупные события, достойные внимания хотя бы родного историка. Но отсутствие среди нас, в большинстве увлекающихся мировыми задачами, большого интереса к судьбам родного народа, часто индифферентизм к его переживаниям – причина. И все же, как мало они удостаиваются внимания, как мало о них пишут. Даже о событиях, случившихся сравнительно недавно, очевидцы которых, правда убеленные глубоко сединами, среди нас – как мало сохраняется даже о них сведений! Сима Бобович и Бабакай Бобович – два имени, с которыми тесно связано в течение полувека с лишним наше прошлое, – два имени, сыгравшие среди нас очень крупную роль – много ли о них сохранилось у нас сведений? Мало, так мало, что с этими сведениями я осмеливаюсь тут выступить лишь для того, чтобы напомнить о них, и ~~если возможно, то только оттенить немно-~~

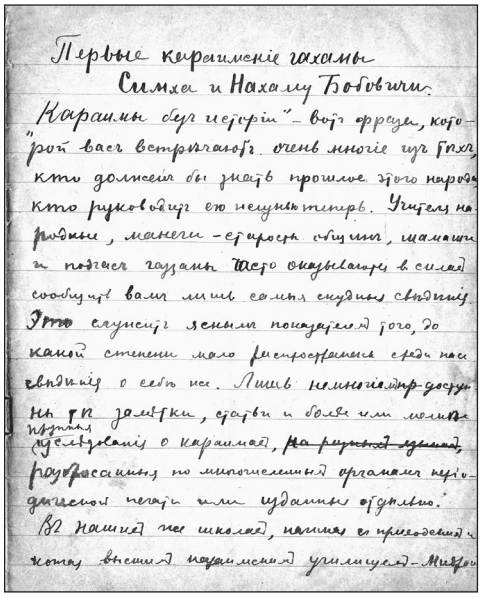
[3] *Парафило Д.М.* К вопросу о формировании книжной коллекции «Карай Битиклиги» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 115.

[4] Архивная страница // Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины. Евпатория, 2012. № 5 (14). С. 19.

[5] Зачркнуто рукой автора.

[6] Александровское караимское духовное училище в Евпатории.

[7] Зачеркнуто рукой автора.

Первые караимские хахамы
Симха и Нахаму Бобовичи.

Караимы без перерыва – вот фразы, кото-
рой вас встречают очень многие из тех,
кто должен бы знать прошлое этого народа
кто руководит ею теперь. Учителя на-
родные, манеги – ерархи общин, шамаши
и подчас газзаны тоже охотно в силах
сообщить вам лишь самые скудные сведения.
Это случится лишь после того, до
какой степени мало распространены среди нас
сведения о себе все. Лишь немногие доступ-
ны для детей, отрывки и более или менее
подробные сведения о караимах, разбросанные
разбросанные по многочисленным органам пери-
одической печати или изданиям отдельно.
В нашей же школе, начиная с приготовит.
конца высшего караимского училища – Мидро

Первая страница рукописи Я.И.Аваха

~~го~~[8] лишь робко, слегка оттенить контуры их деятельности. Может быть, это кому-нибудь из вас даст повод хоть немного задуматься над нашей родной историей и самостоятельно исследовать еще ее страничку. Тогда мы считали бы себя вполне вознагражденными за труд, потраченный на изучение страничек караимской истории, посвященной Симе Бобовичу и его брату Нахаму Бобовичу. Эти два брата, вся деятельность которых ~~развернулась~~[9] прошла, главным образом, тут, в Евпатории, ведут свой род от караимской фамилии, переселившейся сюда из г. Армянска. Родоначальником этой фамилии является некто Бабакай Чабак[10], получивший известность ~~лишь~~[11] в пятидесятых годах 18 столетия. Бабакай Чабак был шапочником, отчего его и прозвали Калпакчи, что по-татарски значит «шапочник». Он был человек очень трудолюбивый и своим скромным заработком прокармливал свою семью. У него было 4 сына: Шолеме (по-русски произносится Соломон), Илья, Самуил и Юфуда. Хотя все они учились по обычаю того времени в мидраше, но, как видно, никто из них не посвятил себя серьезному изучению лешон-кодеша[12] и богословия, ибо в этой области никто из них не выдвинулся. Причиной, пожалуй, служило то, что дела отца часто понуждали его пользоваться их услугами, тем самым отрывая от школы. Но Бабакай Чабак всячески старался вывести их в люди, т. е. по обычаю своего времени стремился пристроить их в торговле. Это ему удалось. Старший сын Шолеме, вообще отличавшийся смышленостью, трудолюбием и настойчивостью, сумел вскоре накопить капиталец и открыл мелочную торговлю. Это было в начале восьмидесятых годов 18 столетия. Крым тогда переживал ужасы междоусобной войны. Ханом тогда был Девлет Гирей, но эмиссары Шагин Гирея бродили по всему Крыму и склоняли народ на его сторону. Сочувствие значительной части народа, в особенности татарской знати, было на стороне Шагин Гирея. У Перекопа стоял князь Федоровский с многочисленным войском, готовым каждую минуту поддержать домогательства Шагин Гирея. В Крыму царила анархия. Караим Азарья бен

[8] Зачеркнуто рукой автора.
[9] Зачеркнуто рукой авторам.
[10] Подтверждение этой фамилии находится даже и ныне на ложках у наследников III сына его Самуила, ныне носящих фамилию Бобовичей [примечание автора].
[11] Зачеркнуто рукой автора.
[12] Лешон кодеш – священный язык, т. е. древнееврейский, на котором написана Тора.

Ильягу из Чуфут-Кале, оставивший записки о событиях, случившихся в то время в Крыму, ~~так описывает своё~~[13] дает такую картину событий: «Посланные из Чуфут-Кале, для отыскания погибших в упомянутом нападении на Узен-Баш, привезли их мертвые останки; весь наш народ зарыдал, плач и стон были всеобщие, потому что эти несчастные жертвы были люди честные и благонамеренные. Некоторые из них погибли, не оставив потомства, другие оставили малолетних сирот, а оставшиеся в живых отведены в плен, о котором из них сетовать? После погребения этих несчастных, все наше общество положило на себя семидневный траур. В это время находились у нас почти все жители города Козлова[14], бежавшие оттуда пред грозящей опасностью. Армяне же и греки собрались в Бахчисарай, где раздавались тоже плач и стоны, потому что со всех сторон окружили нас смуты и опустошения гражданской войны. Татары, жившие по деревням, спасались тоже в окрестности Бахчисарая, в Экчияк, Качи, Алма. В деревне Алма разлили все вина, находившиеся в погребах, сожгли бочки и виноградные заведения, и грабили в дороге, так что все деревни, дороги и горы были наполнены уходящими перед грабителями, а между тем сами грабили первого встречного…»[15].

Полнейшая разруха господствовала во всех областях народного хозяйства, следствием чего являлось, как это наблюдается и теперь во дни мировой войны, чрезвычайная дороговизна и повышено нервное настроение населения. От купца в то время требовалось необыкновенное умение, честность и тактичность, чтобы вести и развивать дело при подозрительном отношении покупателей. Шолеме Чабак сумел в такое критическое время снискать уважение своих покупателей, и имя его, как честного купца, идущего навстречу нуждам своих клиентов, становится все более и более популярным. Вскоре имя его становится известным далеко за пределами г. Армянска, и дело его растет. Между тем происки Шагин Гирея, хотя и увенчались успехом, но властью он пользовался недолго: лишь только ушли русские войска, как в Крыму опять начались смуты, и Шагин Гирею пришлось бежать. Он снова был водворен на престол, но удержаться опять не мог. Наконец, в 1783 г. Крым был присоединен к России. Тогда исправником 2 новообразованных уездов – Перекопского и Евпаторийского – был назначен мурзак Кая бий Балатуков, пользовавшийся тут фактически всей полнотой власти. Ему по делам службы часто приходилось бывать в Армянске и вполне понятно, что здесь он познакомился с Шолеме Чабаком, ставшим к тому времени довольно значительным коммерсантом. Сам Кая бий был крупным помещиком и все нужное для своих имений он стал забирать у Чабака. Будучи занят по делам службы, он часто поручал Чабаку и реализовать урожаи своих экономий. Безупречная честность, услужливость и тактичность Шолеме Чабака вызвали к нему уважение и симпатию со стороны

[13] Зачеркнуто рукой автора.

[14] Т. е. Гёзлева, или Евпатории.

[15] Автор цитирует с небольшими сокращениями историческую хронику Азарии бен Ильягу в переводе на русский язык А.С.Фирковича [см.: События, случившиеся в Крыму, в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод с рукописи караима Азарьи-бен-Ильягу) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6 (октябрь–ноябрь). С. 61.].

всесильного на местах Кая бия. Это давало Шолеме Чабаку возможность всегда бывать успешным ходатаем по делам своих знакомых. В первые годы после присоединения Крыма сюда понаехало множество авантюристов – любителей быстрой и легкой наживы, которые всячески старались обобрать полутемное местное население. От них не отставала и местная администрация, старавшаяся взыскать с местного населения подати по несколько раз в год. Поэтому близкое знакомство с Кая бием являлось в то время важным преимуществом и давало Чабаку возможность всегда заступаться за обижаемых, останавливать незаконные притязания притеснителей и требовать над ними суда. Благодаря этому имя Чабака стало еще более известным и популярным далеко вокруг, и многие старались все необходимое покупать именно у него, хотя бы для этого приходилось часами стоять в очереди – явление ~~до того~~[16], невиданное дотоле в Крыму. Росту оборотов и обогащению Чабака способствовало в значительной степени ~~и то, что~~[17] ещё и открытие близкой от Армянска русской границы. В эпоху присоединения Крыма к России Армянск приобретает большое значение и становится крупным (конечно, по масштабу того времени) торговым центром; на его рынки съезжаются купцы, как со всего Крыма, так и с Кавказа и России. Ногаи, колонисты и татары привозят сюда хлеб, пригоняют стада, а закупают мануфактуру и изделия у москалей[18], приехавших за солью и хлебом.

Однако ни блестящие дела, ни широкие перспективы в будущем не смогли удержать Чабака в Армянске, когда Кая бий стал убеждать его переселиться в Евпаторию управляющим делами крупного местного купца – какого-то француза, к которому Кая бий питал особенное расположение. Много лет он управлял делами француза, участвовал в его ~~предприятиях~~[19] коммерческих операциях, как пайщик, и нажил себе крупное состояние. На службе же у этого француза устроились и 3 его брата – Самуил, Илья и Юфуда. Это послужило поводом к прозванию всей этой фамилии «француз». Но в Крыму постепенно утверждалась русская власть, прививались русские обычаи; Шолеме-Чабаку-французу приходится иметь дела с русскими, которые ~~величали~~[20] называли его по отчеству Бабакаевич или более удобно Бобович. Отсюда и пошла фамилия Бобовичей.

В Евпатории тоже он снискал к себе всеобщее уважение и симпатию. Просто и естественно он выдвинулся в манеги[21] – старосты местной караимской общины. Понятно, что когда в 1795 г. было решено послать особую делегацию в Петербург ходатайствовать перед Екатериной II об освобождении караимов от установленного для всех торговцев евреев двойного налогового обложения, и Шолеме Чабак-Бобович вошел в эту депутацию. Депутация состояла, кроме него, еще из 2 лиц – тогдашних караимских ~~знаменитостей~~[22] светил. Первым

[16] Зачеркнуто рукой автора.
[17] Зачеркнуто рукой автора.
[18] Москаль – москвич, русский [см.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. СПб.–М.: Издание Т-ва М.О.Вольф, 1905. Т. II. Стлб. 912].
[19] Зачеркнуто рукой автора.
[20] Зачеркнуто рукой автора.
[21] От др.-евр. «манһиг» – предводитель, лидер.
[22] Зачеркнуто рукой автора.

был Вениамин Ага, бывший управляющим финансами и директором монетного двора при Шагин Гирее; а вторым был известный караимский ученый Исаак бен Соломон из Кале, автор книги «Ор Халлевана» по астрономии и «Пиннат Икрат» – трактата о догматах караимской веры. Их ходатайство поддержал Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор граф Зубов, и оно было удовлетворено. На имя Зубова поступил рескрипт Екатерины II от 8 июня 1795 г., в котором она в уважение обстоятельств, им предложенных, повелевает не брать с караимов двойных податей «с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, кои известны под названием раббинов, и о которых изданные узаконения долженствуют исполняемы быть во всей точности». В память поездки этих лиц в Петербург – явления, поражавшего умы многих, вследствие необыкновенных трудностей пути – во дворе евпаторийской кенасы была воздвигнута большая мраморная плита со стихотворной надписью в знак признательности караимов.

Особенную же признательность местной караимской общины Шолеме Чабак заслужил благодаря своему участию в постройке местной кенасы. Она, являющаяся красивейшим памятником Евпатории, была построена в 1801 году, и крупная сумма, пожертвованная Шолеме Бобовичем, послужила началом для фонда на ее постройку.

Шолеме Бобович пользовался уважением не только среди своих единоверцев. К нему за судом или советами нередко обращались и русские, и татары, и евреи. Неизменно ласковый, чуткий нуждам бедного люда, всегда лояльный – он вызывал симпатию у всех, кто только его знал. Двери его всегда были открыты для бедных. Будучи назначен в начале 19 века евпаторийским городским головой, он сумел вести городское хозяйство так умело, что неоднократно удостаивался от губернатора и других своих начальников самых лестных отзывов о своей деятельности. В 1812 г. по «засвидетельствованию начальства об отличном и долговременном служении в настоящем звании и успехах, оказанных им в пользу казны и города Евпатории» он награждается золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «за усердие». Когда он вскоре умер, то его смерть была большим горем для очень многих.

У Шолеме Бобовича осталось 2 сына, впоследствии получивших известность. Первый из них, Симха, родился в 1790 г., а второй, Нахаму-Бабакай, через 9 лет – в 1799 г.[23]. Старший из них, Симха, еще в детстве стал проявлять большие свои способности и с юных лет помогал отцу как в его коммерческих предприятиях, так и в делах общественных. Постоянное участие во всех делах общины выдвигает его постепенно. Красивый, статный, рослый, унаследовавший от отца его сметливый ум и доброе, ласковое отношение к людям – он пользуется любовью общины. На него еще при жизни отца смотрели, как на его преемника – как на будущего манега местной общины, после же смерти отца народ все свое уважение и любовь перенес на него, и он вскоре же, в дни народного горя, показал, что он этого достоин.

Русское правительство, присоединив при Екатерине II и ее преемниках

[23] Бабакай Бобович родился в 1801 г. (согласно архивным данным).

новые территории, не успело ещё в достаточной степени ознакомиться с новыми областями и народами, их населяющими. Правительство караимов регламентировало наравне с евреями-раббанитами. Мы говорили, что караимы, послав делегацию к Екатерине II, добились признания с ее стороны, что закон 1795 года о взимании двойного промыслового обложения не относится к караимам. Между прочим, в то время проявилось стремление русского правительства оказывать предпочтение караимам перед евреями. В своем рескрипте на имя Зубова Екатерина II предоставила его распоряжению оказание караимам «по возможности и других выгод и облегчений». Зубов в своем отношении к правителю Таврич<еской> области развил мысль указа об оказании льгот караимам и об уравнении их в отбывании важнейших государственных повинностей, не исключая и воинской повинности с прочими обывателями.

Но в сентябре 1827 года вышел указ о взятии с евреев рекрутов, о привлечении их к натуральной повинности, причем для них откупы были запрещены; подставить тоже вместо себя в рекруты евреи могли только коренного же еврея. В указе 1827 г. не было указано, что он не относится к караимам. Правда по этому закону надо было поставлять только 2 с каждых 500 мужчин и по официальным сведениям времен Екатерины караимов числилось всего 2400 человек, но эта повинность могла быть гибельной для этого народца. ~~Караимы~~[24] Наши старики тогда опасались, что евреи, пользуясь темнотой и особенностью караимов ~~не протестовать~~[25] молча сносить свои невзгоды, будут свои недоимки пополнять ими, как это и наблюдалось впоследствии, что при долголетней службе при Николае I повело бы караимский народ к гибели. Этот указ в Крыму был получен в праздник Суккот-Кущей, когда ~~многие~~[26] караимы выехали в свои виноградные и фруктовые сады на «бах бузум»[27], а тогда многие имели, хотя бы по клочку баха – сада. Плач и стенание стояли в домах оставшихся в городах. Конные поспешно поскакали по садам, всюду разнося горестную весть и сзывая на общие собрания. Нужно было действовать экстренно и решительно. В такую минуту Симха Бобович ~~оказал народу неоценимую услугу~~[28] пришел на помощь своему народу. ~~Он тотчас же бросил свой сад~~[29]. Он при первой вести поспешил из сада в Евпаторию и всецело отдался борьбе с надвигающейся бедой. В виду спешности дела, евпаторийская община устроила собрание, не дожидаясь того, чтобы съехались все члены общины. На собрании было указано на стремление Екатерины II отделять караимов от евреев, на даровании ею на этом основании некоторых льгот, и поэтому было решено и Николаю I указать на различие между караимами и евреями и ходатайствовать перед ним не распространять закона о натуральной повинности на караимов. Когда на собрании была принята эта резолюция, все обратились к Симе Бобовичу с просьбой, чтобы он поехал в Петербург ходатайствовать об этом перед правительством. Симха Бобович заявил, что он поедет, но только

[24] Зачеркнуто рукой автора.
[25] Зачеркнуто рукой автора.
[26] Зачеркнуто рукой автора.
[27] «Багъ бузумы» (*караимск.*) – уборка винограда.
[28] Зачеркнуто рукой автора.
[29] Зачеркнуто рукой автора.

с Яшаром. Так назывался по своей аббревиатуре Иосиф бен Шеломо[30] Луцкий – известный караимский ученый и педагог. Община на это согласилась с радостью.

Так как приближался срок, когда евпаторийская община должна была поставить причитающихся на ее долю 3 рекрутов, то Симха Бобович поехал сначала в Симферополь просить у губернатора, чтобы он как-нибудь отсрочил применение указа в отношении к караимам и согласился принять, пока выяснятся результаты поездки делегации, по 2000 руб. в залог за каждого рекрута-караима (люди других исповеданий, за исключением евреев, могли откупаться за такую сумму совершенно от натуральной повинности). Губернатор Дмитрий Васильевич Нарышкин согласился на это, а деньги немедленно были внесены в казначейство. Нужные 6 тысяч рублей, по тому времени крупная сумма, составились из добровольных пожертвований народа; женщины продавали свои драгоценности, чтобы вносить свою лепту.

В Симферополь же приехали и представители двух крупнейших тогдашних наших общин Чуфут-Кале и Феодосии, чтобы посоветоваться с ~~Шолеме~~[31] Симха Бобовичем, как быть. ~~Когда они~~[32] Узнав про постановление евпаторийской общины, они одобрили его и заявили, что лучшего выбора депутатов и сделать нельзя. Представители этих общин немедленно выдали Симхе Бобовичу и Иосифу Луцкому полную нотариальную доверенность действовать и от имени их общин. По возвращении из Симферополя оба депутата, поспешно приготовившись в путь, выехали 18 октября вместе с неким Леоном Яворским, взятым в качестве писца-канцеляриста. На почтовых, после ряда мытарств, преодолев все трудности пути, 23 ноября, т. е. через месяц и 5 дней, они доехали до Петербурга. При содействии графа Кочубея и князя Воронцова, с которым Симха Бобович был знаком ещё в Крыму, он был представлен Николаю I и добился разъяснения, что действие указа не относится к караимам. С торжеством вернулись депутаты домой, до их приезда взятые было рекруты были освобождены; все караимские общины, лежавшие по пути, встречали депутатов на обратном их пути с глубокими почестями, песнями и радостными конушма[33]. Из Евпатории выехала особая делегация, чтобы с почетом встретить их. В Евпаторию они вернулись к субботе, когда полагалось читать параша[34] «Ки тисса». Было постановлено каждый год, когда надлежало читать эту параша, вынимать свиток Торы и при этом читать специальную молитву, сочинённую на этот случай Иосифом Луцким. Эта поездка, сопряженная с большими лишениями, аудиенция у царя и приемы у высокопоставленных лиц, наконец, положительные результаты всех хлопот – были причиной того, что на депутатов караимы смотрели, как на героев, их имена окружили ослепительным блеском и почётом. В память ~~милости Николая I~~[35] этого события были у входа большой кенасы в Евпатории поставлены 2 плиты с соответствующей надписью, а в 1853 г.

[30] Правильнее Йосеф-Шеломо бен Моше.
[31] Зачеркнуто рукой автора.
[32] Зачеркнуто рукой автора.
[33] «Пир», «веселье» (*караимск.*).
[34] Недельный раздел Торы.
[35] Зачеркнуто рукой автора.

издан был сборник под названием «Зивхе Тода»[36]. Эта поездка была описана участником ее Яшаром в его книге «Тешуат Исраэль»[37], изданной в 1840 г. Фирковичем с ~~параллельным~~[38] татарским переводом и замечательной, как по множеству разбросанных там бытовых штрихов, так и по описанию царского двора и Петербурга[39]. Через 3 года после поездки в Петербург, в 1830 г., Симха Бобович совершил другое путешествие, ещё более отдалённое и сопряженное с большими лишениями: он отправился паломником в Иерусалим в сопровождении учителя своих детей А.С.Фирковича. Он отправился туда не только влекомый рвением видеть святые места, но и для того, чтобы познакомиться с жизнью и других общин. Он по пути вникал во все интересы караимских общин Константинополя, Дамаска, Иерусалима и друг<их> и вернулся в Евпаторию знакомым со многими сторонами караимской жизни. По возвращении из паломничества его стали по караимскому обычаю называть ерушалми подревне-библейски и хаджи-ага по-татарски: и то и другое значит «паломник». Паломник лишь после целого ряда обрядов отправлялся в дорогу, провожала его вся община; встречали тоже очень пышно. Когда вся община высыпала на берег встречать Хаджи-агу Бобовича, то известный тогда Абен-Яшар – сын Иосифа Луцкого, приветствовал его красивым стихотворением, написанным в честь его (Это стихотворение помещено в 4 томе караимских молитвенников в Виленском издании на с. 229).

Симха Бобович с А.Фирковичем по возвращении из Палестины всецело отдались работе для поднятия национального самосознания среди караимов. Он уже был знаком с целым рядом караимских ученых, а путешествие за пределы Крыма в старинные наши общины расширило ~~их~~[40] его знакомство. Многие труды этих ученых, веками лежа в рукописях, терялись. Поэтому Симха Бобович при живом содействии А.Фирковича организовал общество для издания классических памятников караимской письменности. Это общество вскоре собрало значительный капитал, обзавелось собственной типографией и стало печатать в 30 гг. труды караимских писателей. Между прочим, могу указать, что первая караимская типография была учреждена в 1734 г. в Чуфут-Кале и таким образом наши предки являются первыми печатниками и в Крыму. В Евпаторийской типографии было напечатано сочинение Ахарона I Гарофе «Мивгар» с комментарием к нему «Тират Кесеф» Яшара; «Эч Хаим» Ахарона II с комментарием С.И.Луцкого под заглавием «Ор Хаим»; «Сефер Диним» Нагавенди, которому было дано новое название «Масъат Виньямин»; свод законов Илии Башьячи – «Аддерет Илияху»; полный комплект караимских молитв и еще целый ряд других сочинений.

Поднятие национального самосознания вело к необходимости национальной организации. К тому же приводил и здравый расчет. Самостоятельная «политика» отдельных общин часто шла вразрез с общенациональными интересами. В тогдашнем караимском обществе уже созрела идея о необходимости

[36] Правильнее – «Шивхе Тода» («Слова благодарности»).

[37] В пер. с др.-евр. «избавление Израиля».

[38] Зачеркнуто рукой автора.

[39] Описание депутации Симхи Бобовича и Иосифа-Соломона Луцкого в Петербург автор почерпнул из упомянутой им книги «Тешуат Исраэль».

[40] Зачеркнуто рукой автора.

соорганизоваться ~~и мысль об религиозной автономии~~[41]. Тогда-то по инициативе Симхи Бобовича и по его ходатайству по указу 3 марта 1837 г. было учреждено Караимское Духовное Правление и духовенству были дарованы некоторые из тех прав, которыми пользовалось местное магометанское духовенство. Я теперь не стану останавливаться на подробностях ~~этого указа об устройстве~~[42] Положения Таврич<еского> Кар<аимского> Духовного Правления, отмечу только, что по нему гахам свое содержание должен был получать от караимских общин, которые актом от 25 сентября 1835 г. обязались выдавать ему по 2 тысячи рублей, что составляет серебром всего около 600 рублей. В том же 1837 г. съехались представители всех крымских общин в Евпаторию и единогласно избрали в гахамы Бобовича. С первого взгляда может показаться странным, что караимы во главе духовенства поставили человека, который ни духовником, ни ученым не был и в литературе или науке не известен – и это еще во время, богатое такими даровитыми учёными и духовниками, как Яшар или Абен-Яшар, но это явление станет ясным, если принять во внимание, что пост гахама с самого дня его учреждения носит скорее характер светского представительства, чем духовного руководителя. Имя Бобовича до такой степени было популярно и у всех на устах, что поэтому на выборах не наметили даже кандидата в гахамы, как это требовалось по закону[43]. По сенатскому указу от 4 апреля 1839 года Симха Бобович был утвержден гахамом караимского духовенства, но было прибавлено «распоряжение, дабы на будущее время, по точной силе помянутого Высочайше утверждённого положению §8, избираемы были в сию должность по 2 кандидата».

В том же 1837 г. на юг собиралась Царская семья. Николай I, бывший в Крыму и в 1828 г., и интересовавшийся его прошлым, приказал реставрировать к своему приезду Бахчисарайский ханский дворец. Это, по рекомендации Николая[44] Семёновича Воронцова, генерал-губернатора Новороссийского края, было поручено гахаму Симе Бобовичу[45]. Ему было предоставлено плыть на военном корабле в Константинополь для приобретения всего нужного для реставрации дворца и его убранства в восточном стиле; ему было дано открытое письмо к нашему послу, чтобы он оказывал Бобовичу всяческое содействие. Из Константинополя, благодаря содействию посла и тамошних караимов, Бобовичу удалось привезти искусных мастеров и интереснейшие предметы

[41] Зачеркнуто рукой автора.

[42] Зачеркнуто рукой автора.

[43] На самом деле, кроме Симхи Бобовича на пост гахама также претендовали Авраам Бейм, Моше Панпулов и Моше Ефет. Второе место по количеству голосов занял одесский 3-й гильдии купец Авраам Бейм [см.: *Прохоров Д.А., Белый О.Б.* Обзор документов фонда Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления из Государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сб. / ред.-сост. В.Н.Зинько. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 522–523].

[44] Следует читать *Михаил* Семенович Воронцов.

[45] Симхе Бобовичу было дважды доверено приводить в порядок интерьер Ханского дворца: в 1837 г. к приезду Императора Николая I и в 1845 г. к визиту Великого Князя Константина Николаевича (сына Николая I) [см.: *Домбровский Ф.* Дворец крымских ханов в Бахчисарае. Симферополь, 1863. С. 26].

восточного обихода, посуду, мебель, ковры и проч. Благодаря этому он смог реставрировать дворец и убрать его так умело, что удостоился благодарности царской семьи. Супруга Николая I Александра Федоровна в память своего пребывания тогда в древнем караимском городке Чуфут-Кале прислала в дар серебряный кубок[46].

~~Особенное~~[47] Большое понимание духа старины, проявленное С. Бобовичем в реставрации дворца, особенно заметил Ник. Сем. Воронцов. Когда вскоре по старанию Надеждина[48] в Одессе было основано общество истории и древностей, которое поставило себе целью освещение прошлых судеб юга России и народов, там обитающих, президентом которого был Воронцов, то он в 1839 году обратился к Бобовичу официально через Таврического губернатора Муромцева с вопросом о прошлом и происхождении караимов. Гахам Бобович немедленно пригласил к себе Яшара, Абен Яшара и Авраама Фирковича и, познакомив их с письмом начальника губернии, предложил им сообща составить верные исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Но тут же на совещании выяснилось, что на предложенные вопросы безошибочно они ответить не могут ввиду отсутствия всяких документов об их прошлом, так как все ценные исторические книги и документы караимской старины были уничтожены дикими народами в момент их набегов на наших предков, которые от таких набегов, побросав все на произвол судьбы, бежали в леса и скрывались в пещерах. Но Авраам Фиркович выразил уверенность, что можно будет найти памятники нашего прошлого, если их искать, так как не могло быть, чтобы караимы, бывшие в Крыму раньше столь многочисленными, не оставили бы после себя памятников о своей жизни. Тогда Фирковичу было поручено немедленно ехать искать памятники прошлого караимов, и был выхлопотан открытый лист на производство археологических раскопок и на собирание материалов по истории караимов в Крыму и на Кавказе. В 1839 г. Фиркович производит раскопки в старинном кладбище в Чуфут-Кале, в Мангубе, Карасубазаре, Феодосии, а в следующие 2 года он производил раскопки и собирал рукописные памятники на Кавказе. В 1843 г. Фиркович предпринял путешествие по Египту и Востоку и привез собрание древнейших рукописей. Еврейские ученые и писатели Симха Пинскер, Самуил Иосиф Финн, Юлий Фюрст и Генрих Грец, а в особенности Бецалэль Штерн способствовали тому, что открытия Фирковича получили известность. Только часть своих рукописей А.Фиркович в 1856 г. продал Импер<аторской> Пуб<личной> Библиотеке за сто тысяч рублей, после же смерти у его наследников за такую же крупную сумму была приобретена 2 его коллекция, еще более богатая. Наибольший интерес для нас в данный момент представляют сочинения в его коллекциях, в которых говорится о караимах и многочисленные приписки к началу или концу книг. Ведь известно, что у караимов было в обычае брошюровать книги таким образом, чтобы в

[46] В 1910 г. этот серебряный кубок был украден из бахчисарайской кенасы и впоследствии переплавлен вместе с другими похищенными оттуда серебряными вещами [см: Ограбление кенаса в Бахчисарае // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6 (октябрь–ноябрь). С. 126.].

[47] Зачеркнуто рукой автора.

[48] Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – русский ученый, философ и этнограф.

начале и в конце книги осталось по несколько листов для разного рода заметок и записей – исторических, дарственных или запродажных. Эти-то приписки и труды караимских писарей обратили на себя особенное внимание и произвели ошеломляющее впечатление. По ним выходило, что караимы поселились в Крыму в 6 веке до Р. Х. в эпоху персидского царя Камбиза. Новые поселенцы построили тогда крепость Села Юхудим[49], с конца 17 века называвшуюся Чуфут-Кале, а с 15 по 17 век – Киреры[50]; караимы уже в первом веке носили имена тюрко-татарские; они в свою веру обратили хазар с их царем Буланом и т. д. Правда, некоторые ученые указывают на неверность целого ряда открытий Фирковича, некоторые обвиняют его даже в том, что он подделывал памятники, но разбор этого в данный момент не входит в наши задачи, и мы отметим лишь то значение, которое имели для караимов открытия Фирковича. Еще со времен Екатерины караимы стремились в Крыму произвести резкую грань между собой и родственными народностями[51], стремились к национальной индивидуализации и обособленности. Учреждение Духовного Правления и открытия Фирковича укрепили это стремление ~~и дали основание~~[52]. Важны открытия Фирковича и в другом отношении; благодаря им и непрестанным заботам А.Фирковича и Симхи Бобовича мы добились равноправия в России. Процесс добывания прав шел таким образом. Мы указывали, что само правительство выказывало стремление со времен Екатерины II проводить грань в правовом отношении между караимами и евреями. Законом 1795 г. была положена грань между караимами и евреями, как между двумя группами, пользующимися правами в различном объеме, но вместе с тем означенный указ не выделял караимов из недр еврейского народа. Караимы и в дальнейшем именуются в законодательных актах евреями, а при установлении для евреев ограничений, которые не должны были распространяться на караимов, делалась оговорка, что ту или другую стеснительную меру не следует применять к караимам. Так, например, законом 1829 года, запретившим евреям пребывание в Севастополе и Николаеве, было предусмотрено, чтобы «все сии меры не должны относиться до евреев-караимов». То же мы видим в законе 1830 г., которым были введены меры к удалению евреев из указанных городов. Наиболее резкую грань между евреями и караимами установил закон 1827 г. и 1828 г. По первому указу крымские, а по второму – литовские и волынские караимы были освобождены от натуральной рекрутской повинности. Между прочим, можно заметить, что оба эти указа не помещены в Полном собрании законов. Не останавливаясь на целом ряде более мелких законов и указов, касавшихся и караимов и предоставлявших им те или иные права и преимущества, мы отметим, что установленная в 1852 году черта оседлости для евреев не коснулась караимов, а в 1855 году вышел указ «О нераспространении на караимов, получающих ученые и медицинские степени ограничений, постановленных вооб-

[49] «Скала иудеев» (*с др.-евр.*).
[50] Т. е. Кырк-Ер.
[51] Над строкой рукой автора написано «евреями».
[52] Зачеркнуто рукой автора.

ще для евреев относительно вступления на службу». Все эти преимущества и права получались караимами, главным образом, благодаря ходатайству Симхи Бобовича, имевшего важную поддержку в князе Воронцове, графе Кочубее, графе Палене и других. Но получения караимами равноправия Симхе Бобовичу видеть не удалось. Равноправие получили караимы в 1863 г., благодаря ходатайству караимов, заявлявших на основании открытий Фирковича[53], что они коренные жители Крыма, живущие здесь с 6 века до Р. Х. и потому не причастные к мучениям Иисуса Христа. До этого Симхе Бобовичу дожить, повторяю, не удалось. Он скончался в июле 1855 года в своём имении Ган-Яфе[54] в Симф<еропольском> уезде, куда он переселился после занятия Евпатории во время Крымской кампании 1854 г. Официальные сведения удостоверяют полнейшую лойяльность его во время кампании. В его имении был открыт военный госпиталь, и тут, ухаживая за ранеными севастопольскими героями, он заразился тифом и скончался 65 лет от роду.

«Да знают, – говорится на памятнике, поставленным в его память во дворе кенаса, – последующие поколения, что лишь по недостатку слов для выражения славы великого человека и его дел в пользу собратьев, поставлен этот памятник в знак благодарности караимов его памяти, которая не изгладится из памяти их потомков». Что же касается до караимских ученых, хотя бы Ильи Ильича Казаса, то они отмечают все единогласно его великий ум, благородный характер и доброту по отношению ко всем без различия вероисповедания и национальности. ~~После Крымской кампании~~[55] Мы же отметим маленький штрих – он очень много забот обращал на наши школы – мидраши и много труда потратил на приведение евпаторийской кенассы в благолепный вид. Например, двор кенасы мрамором выложил он.

По окончании крымской кампании в 1857 г. были выборы гахама. В народе особенной популярностью пользовался Бабакай Бобович, брат Симхи, благодаря своей доброте, щедрости и чуткости к нуждам бедняков. Особенно настаивал народ на его кандидатуре потому, что за столетие привык уважать этот род. ~~Имя Симхи~~[56] Фамилия Бобовича тянула к его урне шары многих делегатов. Знавшие же его представители народа из высших слоев тоже не очень возражали против его кандидатуры, так как он своей мягкостью и ограниченностью ума казался очень удобным для управления народом за его спиной. гахамом он был до 1876 г. Он как вождь народа был очень слаб[57] и организатором какого-либо живого дела тоже не был. И как светский представитель и ходатай он себя не проявил. Когда приезжали цари в Крым, он заболевал. Правда, во время его гахамства, в 1863 г., караимы получили равноправие, но это был плод деятельности его брата. Мягкий, добрый, но человек ограниченных способностей и ограниченного горизонта, он стал вызывать по отношению к

[53] Над строкой рукой автора написано: «Вот когда они пригодились!»

[54] Об имении Ган-Яфе см. статью В.Ельяшевича «Из истории усадьбы Симы Соломоновича Бобовича «Ган Яфе» в Карасубазаре» настоящего сборника.

[55] Зачеркнуто рукой автора.

[56] Зачеркнуто рукой автора.

[57] На строчкой рукой автора написано «не на должной высоте».

себе большое неудовольствие, с постепенным ростом нашей интеллигентности караимы того времени не решались еще выносить обсуждение своих дел на страницы общей прессы, они в случае необходимости обыкновенно прибегали к изданию давулов[58] – рукописных газет и журнальчиков. Вот в этих «давулах» появились статьи, неодобрительно отзывавшиеся о деятельности Бабакая Бобовича и указывающие, что ~~по духу времени~~[59] нужен более деятельный и талантливый гахам, который дал бы новое русло застывшей караимской жизни. ~~Конечно, он тоже читал~~[60] ~~Важнейшую~~ ~~Главную роль среди лиц, требовавших~~[61] Особенно настаивали на уходе этого престарелого гахама ~~сыграли~~[62] виднейшие представители тогдашнего караимского общества: С.М.Панпулов, впоследствии гахам, И.И.Казас, Шакай Садук, именем которого назван у нас сад. Статьи этих лиц заставили, как видно, подумать над желанием тогдашней интеллигенции, ~~обсудить и чистосердечно признаться этого~~[63] гахама, что караимское общество переросло ~~его~~[64], и он, ~~несмотря на ограниченность своего ума~~[65], считаясь с мнением караимской интеллигенции, решил уйти в отставку, не желая тормозить развитие караимского общества. Отказался он от гахамства в 1876 году[66]. Скончался он через 6 лет в 1882 г. Современники и потомство, благодарное ему за его доброту, почтили его память установкой красивого мраморного памятника во дворе кенасса.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 17 (26)

[58] Давул – «большой барабан»; «вихрь, буря» (*с караимск.*).
[59] Зачеркнуто рукой автора.
[60] Зачеркнуто рукой автора.
[61] Зачеркнуто рукой автора.
[62] Зачеркнуто рукой автора.
[63] Зачеркнуто рукой автора.
[64] Зачеркнуто рукой автора.
[65] Зачеркнуто рукой автора.
[66] В действительности это произошло в 1878 г.

Виктор
Тирияки

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Паломничество в Святую Землю (хадж) в жизни крымских караимов всегда являлось неординарным событием, поступком осознанным, ответственным, а иногда и не безопасным.

Согласно нашей народной традиции, перед хаджем необходимо прочесть в кенасе поминальные молитвы, раздать долги, оказать помощь вдовам и сиротам, посетить могилы предков, святыню-колыбель Кале, помолиться в ее древней кенасе и побывать на кладбище Иосафатовой долины. Соблюдая обычай, мы с сыном Аароном по возможности выполнили предписанное и пригласили к участию в поездке в Кале караимов из других общин.

8 ноября на двух легковых машинах мы направились в Бахчисарай в количестве 6 человек. Двое симферопольцев, участвовавших в мероприятии, должны были встретиться с тремя феодосийцами и вместе приехать в Бахчисарай. Встреча была назначена на 11 часов у Ханского дворца. Утро выдалось морозным, в небольших лужицах блестели ледяные корки, но день обещал быть солнечным и теплым.

Мы встретились в условленное время, пересели в два джипа и направились в Кале. Всех не покидала тревога и волнение: как встретит нашу группу охрана караимской крепости Кале, не будет ли она чинить препятствий к посещению? Однако наши опасения оказались напрасными: никаких преград к исполнению наших обычаев ни со стороны администрации Бахчисарайского государственного заповедника, ни со стороны охраны не было.

Благополучно добравшись до кенасного дворика, мы омыли руки и прошли внутрь нашей древней святыни. В холодном, нетопленном помещении звучали молитвы и псалмы, читаемые перед поездкой в Святую Землю. В заключение мы прочли зехер нашим Гахамам и Аврааму Фирковичу. Когда после молитвы мы фотографировались возле кенасы, мне вспомнился стих из Когелета (1:4), только вместо слова «земля» невольно прозвучало «Кале». Сменялись в Крыму эпохи, правители, государственные режимы, культуры и религии, руководители заповедника, а древние караимские храмы по-прежнему возвышались над всем этим. Из кенасы все пошли к Восточным воротам. Старший сын поцеловал мне и Аарону руки и вместе со всеми остался в крепости. Мы направились на кладбище, чтобы прочесть молитвы поминовения всем нашим умершим за все времена.

Недалеко от входа громоздилась куча мусора из пластиковых и стеклянных бутылок, разовых стаканов и тарелок, оберток от чипсов и сигаретных пачек – всего того, чем бездуховные туристы сопровождают свое посещение кладбища. Арка входа была завалена ветками, колючим терновником и стволами небольших деревьев. Эту преграду соорудили караимы, дабы воспрепятствовать замыс-

лу организаторов шоу «Восточные ворота», состоявшегося на территории заповедника 15 октября – прогнать через кладбище колоритную отару овец и баранов.

Возвратившись в крепость, мы вместе со всеми прошли в дом археолога А.Фирковича, где пообедали привезенными с собой продуктами. В холодном помещении нас согревало красное вино, дружеские пожелания и напутствия нашего старейшины – Давида Эля. Несмотря на теплую атмосферу общения, неприятно было смотреть на голые стены и пустые рафы, с которых вынудили убрать все атрибуты караимского народного быта.

Благополучно вернувшись в Бахчисарай, мы поблагодарили всех участвующих в мероприятии, попрощались с сопровождающими из других общин, пересели в наши машины и возвратились в Евпаторию.

Следующий день прошел в сборах и подготовке к отъезду: мы везли с собой крымское вино, караимские сувениры, сладости, вышивки, акъалву и хъайвэр, брошюры о кенасах и молитвенники. Самолет из Симферополя на Киев вылетал в 7 утра, в половине четвертого ночи мы уже проснулись. Волнение не покидало нас до тех пор, пока мы не вылетели из аэропорта «Борисполь»: а вдруг…, а если…, а может быть… Но все обошлось благополучно: в назначенное время в аэропорту Тель-Авива нас встретил сын Авраама Кефели Даниил и сопроводил в Ашдод. По любезному приглашению семьи хахама Авраама Кефели мы остановились у него в доме – прекрасная возможность для общения с двоюродной сестрой Ириной Чельтек и племянницей Татьяной Кефели.

Под вечер Татьяна сопроводила нас в старую кенасу Ашдода, где была запланирована встреча с руководителями караимской общины Израиля. В небольшом помещении около пятнадцати человек изучали недавно переизданную книгу нашего земляка Мордехая Султанского «Петах тиква» – о крымско-караимской грамматической традиции священного языка. Преподавание вел Авраам Кефели, он предложил присоединиться к уроку и нам.

После занятия состоялась беседа. Отсутствие разговорного опыта, особенности крымско-караимской специфики произношения фонем и мое волнение мешали общению, поэтому роль посредника выполнял Авраам Кефели. Вопросы в основном задавали Моше Феруз и Нерья гъа-Роэ – недавно избранные руководители общины. Их интересовало буквально все: в каких городах есть караимские общины и какова их численность, где постоянно проводятся богослужения, где возвратили здания кенас, как выглядит организационная структура караимских объединений, отношения с властью, на какие средства содержатся кенасы, как проходит суббота и праздники, соблюдаем ли мы кашрут, проводятся ли занятия по изучению религии и священного языка, придерживаемся ли караимской обрядовости, как подготавливаем молодежь, сохранились ли среди нас Когены и Леви и еще многое, многое другое.

Когда беседа прервалась, мы все выпили чаю со сладостями и нашей акъалвой; восторженные отзывы о вкусовых качествах блюд крымских караимов тешили национальную гордость. После чаепития вопросы возобновились. Аарон прочел на священном языке субботний псалом, и его чтение, хотя и не безошибочное, было встречено с удовлетворением. Основная помощь, предлагаемая

нам караимами, заключалась в связях молодежи, обучении языку и общении в будущем. В заключение встречи мы сфотографировались у входа в кенасу.

В пятницу утром Авраам пошел за продуктами, т. к. на субботу все магазины закрываются. Весь день Татьяна не отлучалась с кухни, готовя на субботу множество блюд: «бакъла ашы», «көбэтэ», «пиширильгэн йумурта», запекала красную рыбу, курицу, рулет из индюшки, баклажаны и многое другое; ей помогала дочь Мирьям. Термосы наполняли кипятком и плотно закупоривали, а горячие блюда накрывали одеялами: в шаббат, чтобы попить горячего чаю или насладиться чашкой «къара къахъвэ», в домах караимов огня не зажигают. Не включают также телевизоров и компьютеров. Даже маленький Иосиф-Иммануэль, любитель мультфильмов, понимает торжественность святого дня и сознает ответственность за соблюдение и исполнение субботних правил.

Когда приготовление еды и уборка были окончены, Авраам Кефели, его сыновья Даниил и Иосиф-Иммануэль, я и Аарон пошли в кенасу на вечернюю молитву. Мы сняли обувь, омыли руки и прошли в огромный зал, где Авраам представил меня и Аарона. До начала молитвы мужчины по очереди читали вслух книгу караимского ученого из Литвы Исаака бен Авраам Троки «Хыззук эмуна».

Постепенно кенаса заполнялась прихожанами, вместе с мужчинами старшего поколения было много молодежи. Вечерняя молитва длилась около часа, в этот вечер обязанности митпаллеля исполнял Авраам Кефели. В подарок ему я привез наш крымский таллет с вышивкой под золото, и караимы Ашдода критически изучали этот невиданный атрибут, теребили кисти, рассматривали узоры, задавали вопросы.

Наступившая суббота была особенная – «шаббат хатан»[1].

Под балконом в инвалидной коляске сидел седовласый глубокий старик, крымский типаж которого меня сильно поразил. Восхищенный немощным величием старца, я подошел к нему и поцеловал руку. Впоследствии мне сообщили, что это был бывший главный рав из рода Феруз и что почти у половины караимов, переехавших в Израиль из Египта, есть крымские корни.

После молитвы все вышли во двор; на просторном крыльце у входа в кенасу расставили столы с вином и сладостями, прочли молитвы освящения. Затем все присутствующие исполнили песнопение для жениха. Отовсюду слышались дружеские пожелания «шаббат шалом».

В доме Авраама Кефели нас ожидал субботний ужин. Мне предложили читать «киддуш», я произнес молитвы освящения. Остаток вечера мы посвятили беседе на религиозные темы и родственным воспоминаниям.

На утреннее богослужение мы отправились к 6 часам в том же составе, что и накануне. В «шаббат хатан» молитвы длятся дольше обычного, вот и в этот день богослужение длилось более 4 часов, а присутствующих было вдвое больше, чем накануне. Мне была оказана честь вместе с другими обнести Сефер Тора по залу. Авраам Коэн прочел благословение нашей семье. Во все время молитвы я находился недалеко от алтаря рядом с Авраамом Кефели – он

[1] Согласно караимской традиции, первая суббота после свадьбы называется «суббота жениха».

следил за правильностью чтения текста параша «Вайера» по печатному изданию и поправлял чтецов, когда те допускали редкие ошибки при чтении «Сефер Тора».

После смены привычного для меня режима и продолжительной молитвы я чувствовал усталость и напряжение, но вместе с тем был горд от сознания религиозной сплоченности и духовного единства с незнакомыми мне людьми.

К 16 часам мы вновь пришли в кенасу. Перед началом молитвы несколько мужчин читали параша на следующий шаббат; один из них, со слабым зрением, читал текст с расстояния в несколько сантиметров. В чтении приняла участие также одна женщина, находящаяся на балконе.

Когда закончилась вечерняя молитва, все перешли в «клуб», где были накрыты столы с напитками, соком, вином и сладостями. «Гъавдала»[2] прочел жених. Суббота завершилась… После ужина отправились на набережную, чтобы выпить по бокалу пива. Мой сын Аарон с удовольствием выкурил первую сигарету с окончания пятницы.

В воскресенье, 13 числа, мы совершили поездку в Иерусалим. Нас сопровождала Татьяна (Тотэкэ, как называл ее дедушка и мой родной дядя Иосиф-Шалом Терьяки).

По улочкам Старого города сновали тысячи туристов разных народов, стран, континентов и рас. Все они двигались в одном направлении – к Западной стене, или, как ее назвали арабы, «Стене плача». Моя супруга Галина направилась в ту часть, где у Стены молились женщины, а мы с Ааароном пошли к мужчинам. Во время молитвы я прикасался к Стене и чувствовал исходящую от нее энергетику: стучало в висках, учащенно билось сердце. Возможно, я прикасался к тем же камням, к которым 180 лет назад касались Симха и Нагъаму Бабовичи, Авраам Фиркович, а позже – Серайа Шапшал – да будут души их связаны в узле жизни Превечного, Бога нашего.

От Стены по бесчисленным ступенькам каменных лестниц мы направились вверх к караимской кенасе, которая расположена в бывшем караимском квартале на одноименной улице. Нас встретили смотритель Иегошуа Леви, газзан Моше Даббах и его супруга Сусанна. Они стояли на улице у калитки кенасы, над которой так же, как и над входом в кенасу Ашдода, были написаны слова из Исайи: «Ибо дом Мой домом молитвы назовется для всех народов»[3].

Сняв обувь во дворе перед входом, мы спустились по ступенькам в помещение кенасы. Зал оказался даже меньше, чем можно было предположить по фотографиям. Вместе с Ааароном, И.Леви, М.Даббахом, С.Даббах и Т.Кефели мы молились около 10 минут. Я прочел зехер Анан бен Давиду, память праведников да будет благословенна, а затем заключительную молитву.

М.Даббах рассказал разные предания, связанные с кенасой и ее основателем, показал мемориальные доски А.Фирковичу и другим крымским караимам, жертвовавшим значительные суммы на поддержание и ремонты Иерусалимской кенасы.

[2] Молитва, составленная из псалмовых и др. стихов, в которой прославляется суббота, ее святость и «отделение» от других дней. См.: Сиддур. Ч. IV. С. 12–13.

[3] Исаия, 56:7

Давид Тирияки и Моше Даббах в кенасе Иерусалима

В комнате наверху, где, по преданию, жил Анан, мы выпили чаю со сладостями; там же мы передали пожертвование и сразу же получили квитанцию. М.Даббах сообщил, что руководством общины была подана жалоба на экскурсоводов, неверно освещающих историю и религию караимов. На прощание он пригласил в следующий наш приезд остановиться у него в доме. В ответ я пригласил его посетить караимские святыни в Крыму.

В день отъезда мне сообщили, что в Рамле завершился суд по иску раббанитов к местной общине караимов: те требовали закрыть караимский кошерный магазин, хоронить караимов на общих кладбищах, венчать и разводить в соответствии с раббанитскими правилами. Наверное, были услышаны и приняты молитвы караимов, потому что окончательным решением суда требования «истцов» остались неудовлетворенными…

Мы покидали Святую Землю – страну, где, как и всюду, праведники живут рядом с грешниками, где величие соседствует с низостью, а богатство часто не замечает нищеты. Я уезжал и был рад тому, что выполнил почти все намеченное, что мои юношеские желания, ставшие в зрелости обетом, под старость исполнились: по воле Всевышнего, благословен Он и благословенно имя Его, я смог посетить кенасы в дорогих для меня, близких сердцу и далеких по расстоянию общинах Тракая, Стамбула и Иерусалима.

Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины, № 2 (11)

Александр Рофе

ВОСПОМИНАНИЯ

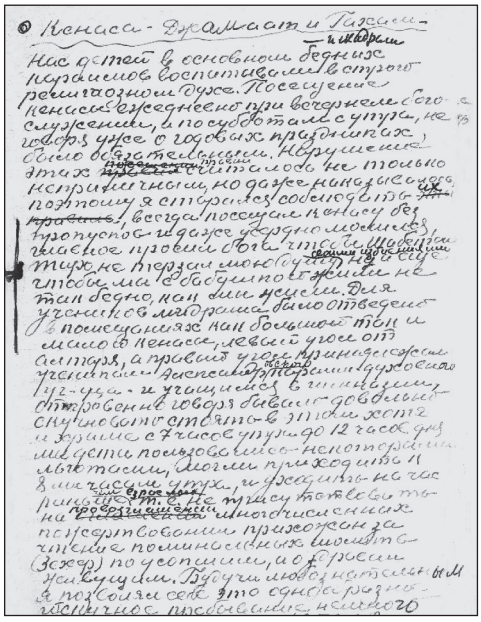
Александр Федорович (Исаак Юфудович) Рофе родился 10 сентября (29 августа) 1892 года в Евпатории в семье евпаторийских мещан Юфуды Исааковича Рофе и Анны Марковны Дуван. Имел младшего брата Марка (Мордехая). Его дед – евпаторийский фельдшер Исаак Геким-Рофе, по прозвищу Аптек Сияка, в качестве медицинского персонала участвовал в первой обороне Севастополя, за что был награжден серебряными медалями для ношения на шее и на груди. А.Ф.Рофе окончил евпаторийский мидраш, где являлся учеником Ш.М.Тиро, Я.Б.Шамаша и С.И.Шайтана. Затем поступил в Александровское караимское духовное училище, где проучился до 1907 года, но курса не окончил по независящим от него обстоятельствам. Воспитанием А.Ф.Рофе занималась его бабушка по отцу – Тохтар Рофе. В юности он служил под протекцией родственников в различных магазинах и лавках, принадлежавших караимам, в Киеве, Одессе, Николаеве, а также на машиностроительном заводе Я.М.Айваза в Петербурге. Участник Первой мировой и гражданской войн. Придерживался революционных коммунистических идей. Работал бухгалтером. В 1960 году, желая жить на родине, переехал из Москвы в Симферополь, где занялся изучением караимского народного творчества. Ездил по многим городам и селам Крыма и записывал фольклор на собственный магнитофон. В 1962 году участвовал вместе с Д.М.Гумушем и С.И.Кушуль в записи на магнитофонную ленту караимских песен и религиозных мотивов в Евпатории. Умер в 1978 году в Симферополе. Близкие знали его как порядочного, честного и отзывчивого человека.

Представляемые на страницах «Известий» мемуары А.Ф.Рофе переданы для публикации В.А.Миреевым (Симферополь). Изначально хранителем данных воспоминаний был родственник А.Ф.Рофе, Б.Б.Бобович (Москва), передавший большую их часть Т.С.Бабаджан, а та в свою очередь В.И.Кефели (США) для издания их в журнале «Caraimica», которое не состоялось в связи с ликвидацией Международного института крымских караимов. Это уже не первая публикация воспоминаний А.Ф.Рофе на страницах «Известий». В № 5 (14) в «Архивной странице» был издан «Список школьников приходской караимской школы (мидраша) в г. Евпатории, сфотографированных в 1903 году», составленный Александром Федоровичем в 1965 году.

Знакомство с публикуемым материалом позволит читателю проникнуться атмосферой караимской старины, столь живо описанной автором – свидетелем тех ушедших от нас дней, и воочию представить обстановку в караимской общине, мидраше, молитвенных домах в конце XIX–начале XX в. Подобные воспоминания помогут нам, по крупицами собирающих растерянную информацию о нашем прошлом, по-настоящему понять, каково это – быть караимом в те далекие времена.

Подготовка публикации, предисловие и комментарии С.И.Шайтанова.

Кенаса, Джамаат, Гахам и мидраш

Страница рукописи Александра Рофе

Нас, детей в основном бедных караимов, воспитывали в строго религиозном духе. Посещение кенасы ежедневно при вечернем богослужении, а по субботам с утра, не говоря уже о годовых праздниках, было обязательным. Нарушение этих правил считалось не только неприличным, но даже наказывалось, поэтому я старался соблюдать ~~эти правила~~[1] их, всегда посещал кенасу без пропусков и даже усердно молился. Главное, просил бога, чтобы Шабетай Тиро[2] не терзал мою душу своими избиениями, ну и еще, чтобы мы с бабушкой жили не так бедно, как мы жили. Для учеников мидраша был отведен в помещениях как большой, так и малой кенасы, левый угол от алтаря, а правый угол принадлежал ученикам Александровского караимского духовного училища и учащимся в гимназии. Откровенно говоря, бывало довольно скучновато стоять в этом хотя и храме с 7 часов утра до 12 часов дня. Мы, дети, пользовались некоторыми льготами, могли приходить к 8 часам утра и уходить на час раньше, чем взрослые, т. е. не присутствовать на ~~оглашении~~[3] провозглашении многочисленных пожертвований прихожан за чтение поминальных молитв (зехер) по усопшим и о здравии живущим. Будучи любознательным, я позволял себе это однообразное и скучное пребывание немного разнообразить, для чего я оборачивался назад, что запрещалось. Нужно было все время читать молитвы и смотреть на юг (к алтарю), а я осматривал очень внимательно всех присутствующих, особенно важных и богатых караимов. Над бедняками я не мог такую операцию проделать, т. к. им в кенаса отводились места не столь почетные, они сидели ближе к выходу. В первом ряду скамеек с правой стороны места занимали Гахам Пампулов, а рядом с ним инспектор Александровского караимского духовн<ого> уч<или>ща Илья Ильич Казас (впоследствии мой учитель). Одет он был всегда в учительский мундир на зеленой подкладке. Такие мундиры могли носить действительные статские советники (гражданские генералы). В левой стороне места занимали Бота Мошака[4], Токлы Бераха

[1] Зачеркнуто рукой автора.

[2] Шаббетай Маркович Тиро (1861–1939) – меламмед (вероучитель) в караимских учебных заведениях Евпатории. «Прославился» своим жестоким обращением с учениками.

[3] Зачеркнуто рукой автора.

[4] Возможно, Моисей Соломонович Коген-Бота (1821 – ?) – евпаторийский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин.

(Шишман)[5], Гелелович Арнака[6]. Последний считался первым миллионером, говорили, что богаче его караима в Евпатории нет. Все его состояние осталось сыну Исааку и дочери Аджикей. Он [Исаак] погиб в Варфоломеевскую ночь, как и многие богатые караимы, а дочь Аджикей была замужем за непрактикующим врачом Мичри Федором Абрамовичем (сын известного караимского ученого Мичри Аврамака[7], оставившего после себя богатейшую караимскую библиотеку).

Одним из торжеств, проводившимся в кенаса, были молебствия, совершаемые в табельные дни о ниспослании многих лет царствующему дому. В такие дни открывалась большая кенаса при полном электрическом освещении всех великолепных люстр, совершалось молебствие с пением хора учеников Александров<ского> караим<ского> духовного уч<или>ща. В такие дни Гахам Пампулов приезжал в своем голубом халате с лентой через плечо при всех своих орденах и медалях, малых и больших (таким был – Владимира II степени). Нам, детям, доставляло большое удовольствие после окончания молебствия в кенаса направляться на соборную площадь наблюдать парад расположенной в Евпатории одной роты солдат, которые под звуки духового оркестра гимназистов проходили церемониальным маршем. Богослужения совершали при моей памяти несколько газзанов и в разные периоды, а именно Дубинский[8], С.М.Нейман, Б.С.Ельяшевич, А.И.Катык, и еще, как его называли, маленький Ельяшевич[9]. Из перечисленных пяти газанов лучше других совершали службу с пением древних караимских молитв газаны Дубинский, умерший 1902 или 1903 году, и ныне здравствующий Б.С.Ельяшевич. Обычно после окончания службы в кенаса весь джамаат во главе с Гахамом Шапшалом (до него покойный Гахам Пампулов не принимал участия в таких визитах в караимские дома) и с двумя газанами совершали визиты в караимские дома, где были семейные торжества по случаю брака или рождения, а также в поминальные субботы, совпадающие в первую субботу после похорон и также после сорокового дня. Во всех этих визитах особенно у состоятельных караимов, накрывались столы со всевозможными национальными блюдами. На такие торжества даже и скупые караимы не жалели средств, так как «Джамаат» пользовался большим авторитетом у всех караимов. В иную субботу Джамаату приходилось посещать несколько домов в зависимости от количества торжеств, и везде нужно было покушать вкусных национальных караимских приготовлений, чтобы не обидеть хозяев. Спрашивается, какие же нужно было иметь желудки, чтобы все это вместить и переработать? Один мой дальний родственник, возвращаясь после визитов домой в кругу своей семьи рассказывал, перечисляя, в каком караим-

[5] Бераха Моисеевич Шишман (1844–1916) – потомственный почетный гражданин, общественный деятель, член национального совета при Гахаме С.М.Панпулове, более 25 лет был габбаем иерусалимской кенасы и в течение 25 лет попечителем Александровского караимского духовного училища.

[6] Арон Моисеевич Гелелович (1832–1912) – потомственный почетный гражданин, общественный деятель и благотворитель, член национального совета при Гахаме С.М.Панпулове.

[7] Авраам Юфудович Мичри (1830–1917) – потомственный почетный гражданин, завещал караимскому народу свою личную библиотеку, насчитывающую более 17 тыс. томов, которая согласно его воле получила название «Библиотека имени А.Ю.Мичри».

[8] Симха Хилькиевич Дубинский (1856–1902) – старший газзан большой кенасы с 1898 по 1902 г.

[9] Возможно, имеется в виду и. о. газзана малой кенасы в 1958–1959 г. Яков Самойлович Ельяшевич (1899–1984).

ском доме какие замечательные и вкусные блюда подавались Джамаату. Хочу несколько слов написать о нашем духовенстве и руководстве народом. При моей памяти их было двое: Самуил Мойсеевич Пампулов, занимавший этот пост с _ по _[10] и Серая Маркович Шапшал с _[11] по 1920 г., эмигрировавший в Турцию, затем в Литву, где в Вильнюсе умер 18 XII[12] 1961 г. Пампулов был человеком с довольном скромным образованием по-русски, зато ближайшим его другом и соратником по национальным вопросам был Илья Ильич Казас, один из первых караимов, получивших университетское образование в бывшем Петербурге. Пампуловым руководили не столько интересы караимского народа, а сколько в основном интересы собственного честолюбия. Льстили его самолюбию торжественные представления русским государям, за что получал высшие награды и ценные подарки (лично видел золотой портсигар с короной, усыпанной бриллиантами и еще многое). Ведь такой Гахам мог сделать большие преобразования и улучшения во всех областях караимского народа. В первую очередь нужно было ликвидировать феодальную систему обучения в караимских мидрашах, ввести латинизированный алфавит и обучать детей на родном караимском языке всем наукам, преподаваемым в начальных русских школах, а то ведь по десять лет обучали никому не нужному и многим не понятному мертвому библейскому языку. Нужно было ликвидировать позорную систему «маттана»[13] (приданое у девушек), а вместо нее открывать хорошие многоотраслевые профессиональные школы, по окончании которых молодые люди и девушки могли, применяя полученные знания, добывать себе средства к жизни, а имеющее Когеновское ремесленное училище и женское профессиональное училище (Эвра) не обеспечивали необходимым требованиям жизни. В результате молодых людей отрывали с учебы в школах и отправляли в крупные города России на службу к грубым и малокультурным торгашам хозяевам-караимам (и это называлось сераат чикты[14]), а молодые люди, не все конечно, радовались возможности избавиться от однообразного прозябания в скучных крымских городах, а главное, от угнетающего душу мидраша. И, таким образом, оставался он полуграмотным человеком на всю жизнь, а там на чужбине, где нет ни надзора, ни опеки над ним, соприкасаясь, он знакомился с иноверками и обзаводился семьей, и таким образом караимство сокращалось и в наши дни сошло на нет. Служители нашего культа (газаны) во главе с Гахамом твердили в один голос, что мы караимы – «Бенэ Исраэль»[15], а теперь мы кричим: «Караул» и что мы совсем не Бенэ Исраэль. Разве нельзя было прислушаться к высказываниям и утверждениям русских ученых авторитетов, что мы являемся потомками древних хазар, о чем я слышал, еще будучи учеником Александр<овского> караим<ского> духовн<ого> уч<или>ща в 1905 году.

[10] Пробелы в тексте, следует читать – с 1879 по 1912 г.

[11] Пробел в тексте, следует читать – с 1915 г.

[12] Ошибка автора. С.М.Шапшал умер 18 ноября.

[13] «Дар, подарок» (*с др.-евр.*).

[14] Буквально с караимского языка – «отправился в путь». По словам Б.Я.Кокеная, «так называли уход из Крыма части молодежи в другие некрымские города в поисках работы. Еще арх. Фиркович восставал против обычая посылать молодежь из Крыма на заработки, т. к. эта часть молодежи, воспринимая обычаи той среды, где они жили, не так крепко соблюдала обычаи старины, которые сохранялись в Крыму в патриархальной чистоте».

[15] «Сыновья Израиля» (*др.-евр.*).

После смерти Пампулова начались долгие поиски достойного кандидата на пост Гахама. Споры и суждения по этому вопросу были очень горячие и длительные среди караимов, они появлялись на страницах крупных газет провинции и 2-х столиц. Передовая часть караимов предлагала в Гахамы людей с более прогрессивными взглядами того периода, как присяжного поверенного Шабетая Вениаминовича Дувана (гор. Симферополь), С.С.Крыма, председателя Таврической губернской земской управы, а впоследствии члена Государственного Совета (по-английски это палата лордов). Были и такие кандидатуры, как С.Э.Дувана, евпаторийского городского головы, А.И.Неймана, начальника Евпаторийской таможни, и многих других. Другая группировка предлагала С. М. Шапшала, служившего в Министерстве иностранных дел, учитывая его бюрократические связи в высших сановных сферах Петербурга. На состоявшихся выборах в Евпатории первоначально был избран Гахамом Ш.В.Дуван, но он отказался занять этот пост, мотивируя семейными обстоятельствами. На состоявшихся вторых выборах был избран С.М.Шапшал. Тогда он поставил предварительное условие, а именно, что займет пост Гахама в том случае, если караимство обеспечит его 12 000 годовым окладом (из них 3000 на содержание канцелярии Духовного Правления). Тогда организовалась национальная комиссия во главе с Моисеем Абрамовичем Айвазом (отец пианиста Айваза), которая выехала во многие города России, где проживала крупная караимская буржуазия, для сбора средств для создания фонда по содержанию Гахама. В результате сбора быстро был создан фонд в 200 000 руб. золотом, которые должны были приносить из расчета 6 % годовых 12 000 руб. в год. Не лишне упомянуть, что бывший Гахам Пампулов С.М. только перед смертью удостоился получить всего 4000 в год, расходуя на представительство свои личные средства.

Моя учеба

После смерти отца бабушка по имени Тохтар еще больше привязалась ко мне, видимо, находя в этом утешение в своем большом горе – безвременной смерти отца, которого она очень любила. Эту ее любовь, привязанность и постоянную заботу обо мне я установил из многих последующих фактов моего 8-милетнего проживания у бабушки. Будучи очень ограничена в материальных средствах, эта уже старая, но еще крепкая старуха (ей шел восьмой десяток) решила учить меня грамоте, нанимая за плату домашнего учителя ~~для меня~~[16], не ожидая, когда меня примут в бесплатное обучение в школу. Учился я у Марьям Вениаминовны Кискачи[17], когда она сама училась в гимназии (внучка Бабаджан Бубушты[18], подруги моей бабушки, жили мы с ними по Училищному пер., где весь квартал домов принадлежал Бубуште). Второй моей учительницей была Софья Марковна Бебеш[19] (внучка бабушкиной сестры Седетты). Была она очень трудолюбивой девушкой,

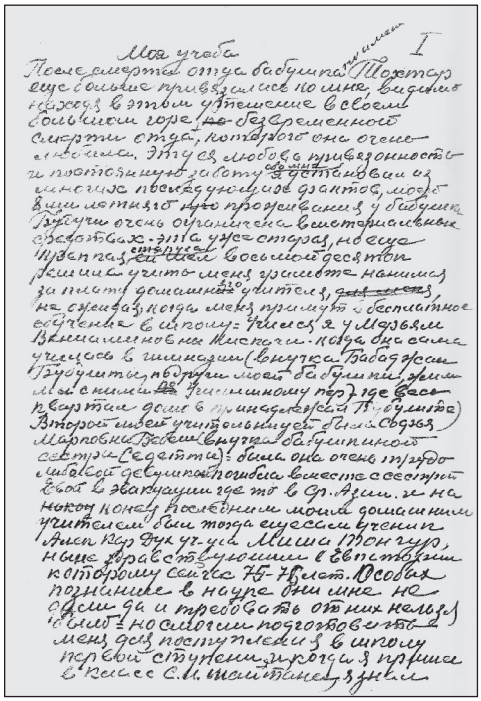
[16] Зачеркнуто рукой автора.

[17] Родилась в 1884 г. в Евпатории в семье евпаторийского купца Вениамина Исааковича Кискачи и Бикенеш Исааковны Бабаджан.

[18] Бюбюш Абрамовна Бабаджан (урожд. Шайтан) – жена потомственного почетного гражданина Исаака Эзровича Бабаджана.

[19] Софья (Седета) Марковна Бебеш – дочь Марка (Мордхая) Ильича и Беймы Абрамовны Бебешей.

погибла вместе с сестрой Евой в эвакуации где-то в Ср<едней> Азии. И, наконец, последним моим домашним учителем был тогда еще сам ученик Александровского караимского духовного училища Миша Тонгур[20], ныне здравствующий в Евпатории, которому сейчас 75–76 лет. Особых познаний в науке они мне не дали, да и требовать от них нельзя было, но смогли подготовить меня для поступления в школу первой ступени и, когда я пришел в класс С.И.Шайтана[21], я знал многое, чего другие еще не знали. Но что самое замечательное в действиях бабушки – это то, что будучи сама неграмотной и очень религиозной, она из последних своих средств нанимала учителей и обучала меня не мертвым караимским религиозным наукам и законам, а живой русской грамоте, которая так необходима каждому человеку, вступающему в жизнь. Кажется, года через два после смерти отца в 1901 году меня отдали на обучение в караимскую национальную церковно-приходскую школу, именуемую по-караимски мидраш, в котором преподавателями были: Яков Борисович Шамаш[22], к которому попадали все вновь поступающие учиться. После годичного, а иногда двухгодичного обучения учеников переводили на следующую ступень обучения, где свирепствовал и буйствовал, я бы сказал, не совсем нормальный Шабетай Тиро. Обучались у первого и у второго исключительно по караимским религиозным наукам. Первоначально обучались чтению (и письму) библейского шрифта – Тора (Пятикнижие Моисея) или как называют по-русски «Ветхий завет», после, переводили на разговорный караимский язык Пятикнижие Моисея и библию, а также библейской грамматике (Лерегель гайладим[23]). Все эти первоначальные науки преподносились ученикам по системе зубрежки. Учащиеся параллельно ещё посещали класс третьего учителя Шайтана

Страница рукописи Александра Рофе

[20] Вениамин Симович Тонгур (1885 г. р.) – выпускник Александровского караимского духовного училища (1904 г.).

[21] Самуил Исаакович Шайтан (1866–1942) – народный учитель и общественный работник.

[22] Яков Борисович Шамаш (1880–1945) – с 1916 г. служил шамашем евпаторийской большой кенасы, в 1917–1928 гг. – младший газзан харьковской кенасы, в годы немецко-фашистской оккупации и до весны 1945 г. – газзан в Симферополе. Автор «Краткого катехизиса» и «Самоучителя древнебиблейского чтения у караимов «Кол Яаков» для учащихся караимских школ. В марте 1945 г. арестован НКГБ Крыма по 58 статье, умер в тюрьме в июне 1945 г. Реабилитирован в 1999 г. прокуратурой АР Крым [см.: Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга седьмая. Симферополь: АнтиквА, 2012. с. 117].

[23] «Лерегель гайладим» (рус. «Поступью детей») – учебник древнееврейского языка караимского педагога И.И.Казаса.

Самуила Исааковича, который преподавал исключительно русский язык и арифметику. Должен с большой горечью в душе и сильной обидой за униженное свое детское самолюбие сознаться, что в те годы существовала в этой так называемой школе ~~просвещ~~[24] караимов унизительная палочная система обучения и воспитания молодого подрастающего поколения караимов. И в ~~такой~~[25] этой системе обучения особенно изощрялся злой и больной неврастеник Шабетай Тиро. Конечно, не без греха был и Яков Борисович Шамаш, но этот, будучи молодым еще педагогом, видимо, немного стеснялся этих диких способов обучения. Самым симпатичным из учителей того мидраша был Самуил Исаакович Шайтан. Посещение его класса мне лично доставляло только удовольствие, и мы, дети, попадали в другой мир, и я в этом мире дышал полной грудью. Он старался даже привить нам чувство бережливости, для чего ввел продажу сберегательных марок достоинством в 1 и 5 коп., и я был его постоянным клиентом. Эта бережливость сыграла в моей жизни в будущем немаловажную роль.

Не та обстановка и не то настроение охватывало меня в школе Тиро. Этот человек редко бывал в уравновешенном состоянии и ему ничего не составляло, как озверело набрасываться на малыша, поднимать его в воздух и бросать на скамью, ведь таким его инквизициям подвергался я сам, и только за то, что я плохо разобрался в караимских гласных пунктирах, называемых пета и камеч, а линейка с проволочными углами никогда не сходила с его рук, в минуты его бешенства на старших учеников выпускников линейка эта летела с одного конца класса в другой, ведь бить взрослых парней ему было уже стыдно. ~~Из выпускников тех лет еще в 1959 году был жив Габай, живущий в Баку~~[26]. Учащиеся у такого педагога, как Тиро, ничего разумного и поучительного не могли обрести, ведь это был тиран, он никогда не улыбался, никогда с его уст не услышишь ласкового ободрящего слова. Торжествовала система тупой зубрежки.

Ведь меня просили писать в основном о наших караимах, так вот они воспитанники Тиро, которых он осчастливил, сделав их эрбы. Буду описывать в порядке успеваемости в учении.

1) Габай[27] (имел кличку дубонос). Отец его был служащим в зерновых амбарах богатых караимов, происходил из турецких караимов. У него были еще две дочери, имя одной из них было Афедра Габай. Проживает в Баку.

2) Каракаш Мордхай[28]. Служил у страхового агента Тизона. Был женат на караимке из бывшего Екатеринославля; эмигрировал, умер в Стамбуле.

3) Кумыш[29] – сын солдата Мордхая. Отец его одним из первых караимов был призван на военную службу. Ранее караимы освобождались от рекрутских наборов. Отец его торговал кашкавалом, и только кашерным, некашерное караимам не разрешалось употреблять в пищу, а был ли его кашкавал кашер-

[24] Зачеркнуто рукой автора.

[25] Зачеркнуто рукой автора.

[26] Зачеркнуто рукой автора.

[27] Возможно, Юфуда Аронович Габай – учащийся мидраша Ш.Тиро в 1900 г. [см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. Л. 46об.]

[28] Мордехай Пашевич (Марк Павлович) Каракаш умер в 1957 г. и похоронен на караимском кладбище Стамбула.

[29] Соломон Маркович Кумыш (1888–1955) – газзан, служил в Кременчуге, Бердянске, Мелитополе и Симферополе.

ным или некашерными, знал он сам, но зато этот вкусный караимский сыр из овечьего молока продавался у него всегда дороже, чем у других торговцев, но зато на больших круглых кусках этого кашкавала было вытеснено библейским шрифтом слово «Кашер». Кумыша сын по окончании курса учения у Тиро был газаном в Мелитополе и Симферополе, где женился на вдове Борю, урожденной Тотеш из Херсона[30]. Она проживает в Симферополе, он умер.

4) Чореф Илья – знал я его хорошо по той причине, что дружил с его младшим братом Эфраимом, и очень часто бывал у них. Два брата и оба были очень злыми[31]. Илья играл неплохо на кларнете. Эфраим, будучи моим одноклассником в мидраше у Тиро, потом перешел в ремесленное Когеновское уч<или>ще и приобрел профессию столяра. В годы учения был большим драчуном и придирой, и я всегда старался не перечить ему, а гладить по шерсти. Уже при высылке из Крыма татар он по ошибке был принят за такого и выслан. Ошибка выяснилась и ему разрешили вернуться. Живет в Бахчисарае. Илья долгие годы ухаживал за одной интересной караимкой, он даже официально считался ее женихом, но по одной причине брак не состоялся. Илья женился на Лизе Мурзаевой, тоже довольно интересной девушке, и умер еще не старым в Севастополе. Были у них две сестры, туберкулез молодыми унес их. Младшая Вера, очень симпатичная, окончила гимназию, служила на почте и была невестой моего приятеля Марка Исааковича Майтопа, но болезнь стала на пути их счастья. Есть еще брат Яша. Занимается овощеводством и проживает в Бахчисарае.

5) И, наконец, пятым эрби был Эринчек Исаак (сын сторожа кенасы Мошаки Эринчек). Старик был очень трудолюбивым работником кенасы и дворы всегда содержались в безукоризненной чистоте. Сын его Исаак играл на скрипке. В 1915 году я встретил его в тогдашнем Петербурге, где он служил на каком-то заводе, потом он переехал в Евпаторию, где, кажется, и умер.

Продолжительность дневных занятий в мидраше не нормировалась в соответствии с правилами охраны здоровья детей. Зубрежка продолжалась с утра до вечера с двухчасовым перерывом на обед. Восьмичасовое гудение 30–40 мальчиков в одной душной и затхлой комнате могло привести этих несчастных детей бедных родителей не к просвещению, а к тупоумию и болезням, и на эти жестокие условия мидраша никто из влиятельных караимов не обращал вмешивался[32], чтобы облегчить состояние детей и повести обучение детей в нормальных условиях. Частенько Тиро на занятиях после обеда задерживался или просто не являлся, тогда снаряжалась депутация из среды старших учеников к нему домой. С каким трепетом и волнением мы, дети, ждали возвращение их. Какая радость и веселье охватывало нас, детей, когда возвратившиеся говорили «Болен, не придет» и какое разочарование и уныние производили на нас слова, когда говорили «Придет».

Говорят, что я еще учился в счастливое время и мне не пришлось ~~испытать~~[33] видеть широко применявшуюся систему наказания учеников посредством фалака – когда ученика клали на стол связанного и по голым пяткам били линейкой[34]. Тиро, я полагаю, очень сожалевал наверно об отмене этой инквизиции.

[30] Анна Давидовна Борю (урожд. Тотеш) (1894–1975).

[31] Илья Самуилович (род. в 1888 г.) и Эфраим Самуилович (род. в 1892 г.) Чорефы.

[32] Так в тексте.

[33] Зачеркнуто рукой автора.

[34] Фалака – заимствованное караимами у мусульман орудие наказания. Описано у И.И.Казаса [см.: *N. N.* Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4 / (август–сентябрь). С. 63].

Был у Тиро единственный сынок по имени Иосиф, которого он любил, конечно, не так, как нас, и учил его, конечно, не в мидраше, а в гимназии. Носился он с ним, как с дорогим сокровищем, даже лично занимался с ним физкультурой (а с нами?), и Иосиф окончил медицинский факультет Новороссийского университета в Одессе. В годы гражданской войны его контузило, еще сравнительно молодой он с палочкой еле передвигался. Кое-как занимался медицинской практикой. Будучи еще студентом, пристрастился к спиртным напиткам и потом уже не мог отвыкнуть. Умер ~~неженатым~~[35] в одиночестве в Евпатории.

В 1956 году, когда я гостил в Евпатории, один мой старый знакомый караим (не верить ему я не могу) сказал мне, а знаете ли Вы, что Тиро[36] не был караимом, его родителями были греки, и когда он осиротел, его малолетнего усыновил караим Тиро, ставший его приемным отцом.

Единственным приятным воспоминанием того периода моего детства это были устраиваемые ежегодные маевки для учащихся мидраша в Шакаевском саду (ныне территория детского санатория Министерства обороны). Как мне рассказывали: Шакай[37], филантроп и благотворитель, завещал средства на устройство этих маевок в саду, приобретенном им для этой цели. Там мы, дети исключительно бедных караимов (а в мидраше учились дети только бедняков), резвились, веселились, как мы это умели, на лоне хотя и бедной растительности, и однообразной природы. Мне, слишком впечатлительному по натуре ко всему окружающему меня, эта прогулка в Шакаевский сад, тогда еще находящийся на краю города, доставляла много удовольствия. В саду этом была бедная растительность и вдоль прорытого пруда стояли местами кое-какие деревья акации и кусты. Невдалеке от сада на берегу моря находились мрачные деревянные бараки с большими окнами. Это были казармы для временно призываемых на обучение ополченцев старой Русской армии. Их не обмундировывали, ходили они в своих штатских одеждах, но в различие от остальных на головных уборах носили православные кресты из меди, ~~не православные~~[38] а иноверцы круглые бляхи. Большим соблазном было купание в море, но в мае вода еще была холодная и нам купаться запрещали, но смельчаки все же купались. По приходе нашем в сад нам давали по турецкому бублику и стакан молока, и на 10 человек детей по белому [?] кожаному мячу для игры, потом кормили нас обедом на столах, накрытых на открытом воздухе и при уходе домой каждому давали бумажный кулек со сладостями, а в закрытом помещении накрывались столы для особо приглашенных гостей из джамата, большей частью из среднего сословия во главе с Нос Аврамакой[39] (дед двух караимок Кефели Чалборю, живущих в Севастополе <*неразборчиво*>). Богачи на это торжество сами не шли, а бедняков видно не приглашали.

Известия Духовного управления караимов
Республики Крым, № 22 (31) – 23 (32)

---

[35] Зачеркнуто рукой автора.

[36] Имеется в виду Иосиф Шаббетаевич Тиро. Тем не менее, в делах Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления имеется запись о его рождении 1 мая 1893 г. в Евпатории у евпаторийского мещанина Ш.М.Тиро [см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1240. Л. 56об.].

[37] Садук Ильич Шакай (1825–1895).

[38] Зачеркнуто рукой автора.

[39] Неясно, кого из караимов имел в виду Александр Федорович под прозвищем Нос Аврамака.

Игорь
Шайтанов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА

В этом году исполняется 185 лет со дня рождения Самуила Моисеевича Панпулова (1832–1912)[1] – третьего Таврического и Одесского караимского Гахама, возглавлявшего наш народ 32 года. Благодаря ему в разных городах Крыма были построены красивые кенасы, созданы начальные школы – мидраши и училища, благотворительные общества. Самуил Моисеевич пользовался огромным авторитетом у своих соплеменников, заботился об их материальном благополучии. Он был другом и сподвижником караимского просветителя, педагога и поэта Ильи Ильича Казаса (1832–1912).

С.М.Панпулов скончался в субботу 31 декабря 1911 года (по «старому» стилю) и был похоронен с большими почестями в Евпатории, где прожил всю свою жизнь. Его память почтило все многонациональное население города. На могиле С.М.Панпулова установили красивый помпезный памятник из черного лабрадорита. Был объявлен конкурс на лучшую надпись на памятнике Гахаму, но он, к сожалению, затянулся на несколько лет, а последовавшие затем революционные события и периодическая смена власти в период Гражданской войны оставили памятник Гахаму безымянным. На протяжении прошедших более чем 100 лет старинное караимское кладбище за пределами Евпатории пришло в полный упадок. Неоднократно я бывал на этом кладбище и видел его из окна электрички, когда ездил в Евпаторию из Симферополя. Тяжело было видеть постепенное разрушение этого древнего караимского некрополя. В 1980-е годы наиболее ценные надгробия были переданы Евпаторийскому краеведческому музею и находились на территории мечети Джума-Джами, в которой тогда функционировал так называемый Музей истории атеизма. Часть памятников, в том числе Вениамину Бабакаевичу Тонгуру, – на территории Текие дервишей. Но мало кому известно, что примерно десяток памятников, среди которых был и памятник С.М.Панпулову, были перевезены в Симферополь во двор Крымской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской.

Летом 1988 года во время своего отпуска я примерно одну неделю проживал у Симиты Исааковны Кушуль, уважаемой нашим народом исследовательнице прошлого караимов. Во время одной из бесед с ней она заметила, что исчезнувший памятник Гахаму С.М.Панпулову находится в Симферополе во дворе реставрационных мастерских. Симита Исааковна для опознания памятника дала мне его фотографию. После возвращения домой я поехал в эти мастерские, которые находились на Николаевской трассе по ул. Узловой, 2 за

[1] С.М.Панпулов родился 14 февраля 1832 г. (по ст. стилю), или 24 адара 5592 г. (по караимскому календарю) в семье евпаторийского 2-й гильдии купеческого сына Моше Панпулова и его законной жены Биче (см. ГАРК. Ф. 499. Оп. 1. Д. 8. Л. 44об.)

железной дорогой. Я встретился с директором Крыловым Виктором Федоровичем. Он попросил проводить меня к месту складирования надгробий, перевезенных со старинного караимского кладбища. Там я увидел около десятка памятников, среди которых выделялся памятник С.М.Панпулову в виде ладьи из черного лабрадорита. На одних памятниках сохранились имена, а на других имена были стерты. Видно, они уже предназначались на продажу, т. к. все были сделаны из мрамора. Вот имена, которые удалось прочесть: Самуил Исаакович Ходжаш, Шаул Исаакович Танагоз, вдова Ильи-Паши Синани Фирсин Исааковна Синани (ур. Ходжаш) (из черного мрамора), вдова Моисея Борючука Алтын Пашевна Борючук (ур. Синани) (из белого мрамора). Все надгробия начала XX века. Длина верхней части (ладьи) памятника Панпулову 1 м 75 см, ширина 80 см, высота 75 см. Общий вес – 6–8 тонн. Чтобы получить этот памятник, пришлось пройти через разные инстанции. Чиновники, от которых зависела передача памятника, ознакомились с биографией С.М.Панпулова, составленной мной. 23 февраля 1989 года я встретился с председателем комиссии содействия контролю соблюдения законодательства о религиозных культах Евпаторийского горисполкома Е.В.Ткаченко. В результате было направлено письмо В.Ф.Крылову и директору Евпаторийского краеведческого музея Н.В.Чудинову от 01.03.1989 о том, что Горисполком не возражает против переноса памятника на территорию Евпаторийского краеведческого музея (ул. Матвеева, 68), в ведении которого тогда находились караимские кенасы.

В связи с некоторыми обстоятельствами и изменениями в моей личной жизни перенос памятника С.М.Панпулову затянулся на пять месяцев. Летом 1989 года во время своего отдыха в Евпатории у сестры Татьяны Тонгур я посетил С.И.Кушуль, и она мне вновь напомнила о памятнике. На следующий день, 8 августа, уже в Симферополе я поехал в Крымстроймеханизацию, расположенную в пгт Грэсовском по ул. Монтажной, 11. Обратился к руководителю этой организации Удовенко Виктору Петровичу. Он обещал мне выделить автокран «Днепр» для погрузки памятника. В тот же день я поехал на другую окраину города – улицу Кубанскую, 18, что на Феодосийской трассе, где находилось автотранспортное предприятие № 14355. Диспетчер АТП Фишман Михаил Александрович для перевозки памятника по моей просьбе выделил КАМАЗ. Сразу же из ближайшего телефона я позвонил в Евпаторию Александру Вениаминовичу Кискачи, племяннику С.И.Кушуль, и сообщил ему время моего приезда с памятником. Окрыленный таким успехом, я отправился на очередную окраину – Николаевскую трассу, в реставрационную мастерскую, где встретился с В.Ф.Крыловым и предупредил его, что приеду за памятником на следующий день утром 9 августа. Я чувствовал, что Крылову не очень хотелось отдавать мне такой красивый и ценный памятник, но он уже ознакомился с вышеупомянутым письмом Евпаторийского горисполкома от 1 марта 1989 года. На следующее утро я вновь отправился на ул. Кубанскую, где сел в выделенный КАМАЗ и отправился с водителем в реставрационную мастерскую. Во дворе уже стоял автокран «Днепр». Памятник Панпулову был в разобранном виде. Вместе с верхней ладьей насчитывалось 12 частей, его составляющих.

Погрузили вначале 7 частей. Мне при этом впервые пришлось стропалить. Делал я это с опаской, чтобы не уронить мрамор. Приехали в Евпаторию к караимским кенасам. В ожидании моего приезда там собрались члены местной общины: С.И.Кушуль, А.В.Кискачи, проживавший в Симферополе, Н.Б.Паша, руководитель одной из строительных организаций города, и другие. Тут уже стоял автокран, заказанный Николаем Борисовичем Пашой. Началась разгрузка частей памятника. Их сложили возле ворот кенас. Но еще пять частей оставались в Симферополе. Чтобы не упускать момент и не ехать за ними в другой день, я договорился с водителем вновь вернуться в мастерскую и привезти в Евпаторию оставшиеся части. Было примерно 5 часов пополудни, но необходимо было все завершить в тот же день. Прибыли в реставрационную мастерскую, рабочий день уже заканчивался, большинство рабочих разошлось. Пришлось мне самому собрать трех человек, среди них был Фуки. Заплатил им за внеурочную работу. Погрузили оставшиеся пять частей и отправились в Евпаторию. Подъехали к кенасам, но возле них уже никого не было. Зашел в дом С.И.Кушуль, где застал А.В.Кискачи. Вместе с ним пошли к Борису Мордхаевичу Терьяки в Тихий переулок, оповестили караимов, вызвали Н.Б.Пашу. Подъехал автокран. Наконец, разгрузили оставшиеся пять частей памятника и сложили их рядом с предыдущими. Я расплатился с водителем КАМАЗа. На перевозку памятника Республиканским фондом культуры было выделено 500 рублей. Эти деньги позже нами были возвращены в Фонд.

В 1995 году памятник С.М.Панпулову вместе с другими памятниками с караимского кладбища был перенесен на территорию хоздвора Большой кенасы, где позже был создан лапидарий. Я благодарен Богу, что мне за два дня удалось совершить то, что было задумано еще за год до этого. Теперь, спустя почти 28 лет, я решил подробно описать это знаменательное событие для последующих поколений.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 25 (34)

БИОГРАФИИ ГАЗЗАНОВ

(Темунот ле-газзаним)

Сергей Шайтанов

ИСААК ИОСИФОВИЧ СИНАНИ (1833–1890)

В 2015 году исполняется 125 лет со дня смерти караимского историка, газзана и учителя Исаака Иосифовича (Осиповича) Синани. Более тридцати лет своей жизни И. И. Синани посвятил служению собственному народу. Это и пастырская, и учительская, и писательская деятельность. Исаак Синани – автор первой книги по истории караимов и караимской религии на общедоступном русском языке. На сегодняшний день ни один человек, интересующийся караимами, не может обойти вниманием данное сочинение. В честь 125-летия со дня смерти И. И. Синани мы посвятим ему памятную статью в виде биографического очерка, в котором постараемся осветить этапы жизни этого выдающегося караимского деятеля XIX века, основываясь на работах Б.С.Ельяшевича[1], В.И.Синани[2], а также на материалах из архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (ТОКДП)[3].

Исаак Иосифович Синани родился в 1833 году в г. Одессе Херсонской губернии в семье одесского мещанина и его жены, дочери караимского богослова, астронома и Гахама Исаака бен Шеломо (1754/1755–1826). Как и любого караимского мальчика того времени, родители отдают своего сына в местный мидраш, по окончании которого Исаак Иосифович получает звание «рибби». Учителями Исаака Синани становятся Авраам Давидович Бейм и Исаак Мордехаевич Султанский. В возрасте 10 лет по неизвестным нам причинам Исаак лишается родителей. Оставшись круглым сиротой на попечении близких родственников, он все же оканчивает мидраш. Склонному к наукам юноше знаний, полученных в мидраше, было недостаточно, и Синани готовится к вступительным экзаменам в гимназию. Одновременно с этим, чтобы заработать себе на жизнь и на обучение, он дает уроки по древнееврейскому языку. Поступив в Одесскую вторую гимназию и проучившись в ней до 5 класса[4], И.И.Синани вынужден оставить обучение из-за трудного материального по-

[1] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / Под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова. Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 177–178. (Материалы к серии «Народы и культуры»).

[2] *Исаков В. [Синани В.И.]* Памяти караимского историка // Караимская жизнь. М., 1911. № 2. С. 64–67.

[3] Государственный архив в Республике Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1.

[4] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 6.

ложения. В это время в Одессе гостил Таврический и Одесский караимский Гахам Симха Соломонович Бобович. Узнав, что в Одессе живет подающий надежды молодой человек Исаак Синани, Бобович знакомится с ним и приглашает на службу учителем древнееврейского и русского языков в Крым. Синани сразу же соглашается, ведь учительство – это главная мечта его жизни. В Крыму начинается новая страница в биографии И.И.Синани – преподавание, служба в кенасе, литературная деятельность, создание семьи. Здесь он смог воплотить все свои знания, навыки и умения. Судьбоносная встреча с Симхой Бобовичем кардинально изменила жизнь молодого караимского ученого.

Прибывшего в Крым в 1851 году восемнадцатилетнего Исаака Синани назначают на должность младшего газзана (по другим данным – шаммаша) и меламмеда при бахчисарайской кенасе[5]. Некоторое время И.И.Синани также преподает в севастопольском караимском мидраше. В годы своей службы при бахчисарайской кенасе он знакомится с Соломоном Авраамовичем Беймом, который был старшим газзаном в Бахчисарае. И.И.Синани и С.А.Бейм были первыми, кто стал внедрять в караимские приходские школы изучение русского языка. Они были также первыми караимскими авторами, которые писали и издавали свои труды на русском языке.

27 января 1856 года[6] в Бахчисарае двадцатиоднолетний И.И.Синани женится на семнадцатилетней Акбике Мордехаевне Кокенай, дочери бахчисарайского мещанина[7]. Отец невесты с одной стороны был родственником Соломону Бейму[8], а с другой – был женат на дочери Исаака бен Шеломо, внуком которого являлся И.И.Синани. Следовательно, Исаак Синани и Акбике Кокенай были двоюродными братом и сестрой. Такого рода браки отнюдь не запрещались в караимской общине, а были весьма распространены. О детях и других родственниках Исаака Синани еще будет идти речь ниже. 1 сентября 1856 года караимским обществом Симферополя И.И.Синани избирается в должность газзана и утверждается указом исполняющего обязанности Таврического и Одесского Гахама С.А.Беймом. После избрания в 1857 году Гахамом Бабакая Соломоновича Бобовича, Синани направляет в адрес Духовного Правления прошение об утверждении его старшим газзаном при симферопольской кенасе, которое было удовлетворено 3 июня 1859 года[9]. Однако вплоть до 1861 года И.И.Синани так и не был утвержден в должности газзана Таврическим губернским правлением и потому подписывался в документах как «исполняющий должность газзана» или «законоучитель». 31 марта 1861 года члены симферопольской караимской общины направили в Духовное Правление общественный приговор, по которому на должность симферопольского старшего газзана был избран двадцатисемилетний одесский мещанин Исаак Иосифович Синани, «…имеющий отличные

[5] Синани Исаак Осипович // *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 10: [Русские писатели и писательницы, умершие в 1890 году] / [Соч.] Д.Д.Языкова. М.: Университетская типография, 1907. С. 70; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 6, 7.

[6] Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

[7] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1666. Л. 9–10.

[8] «Авнэ Зиккарон»: путевые заметки Авраама Фирковича // Караимская жизнь. 1912. Кн. 12 (май). С. 10.

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

способности и усердие к богослужению и вполне достойного этой должности, также с отличным и редким поведением…»[10] 20 мая 1861 года Таврическое губернское правление утвердило И.И.Синани в звании старшего газзана при симферопольской кенасе, а по принятии присяги Уездный Суд вручил ему открытый лист на службу[11]. После своего утверждения И.И.Синани пишет в адрес Духовного Правления рапорт с сообщением о том, что в Симферополе евпаторийский мещанин М.С.Леви-Топал исполняет функции, которые по закону закреплены за старшим газзаном, коим является И.И.Синани. Поэтому он просил разобраться в этом правление[12]. Из этого несущественного случая мы видим, насколько пунктуален был Исаак Синани в некоторых вопросах.

Вениамин Иосифович Синани, внук газзана, описывал своего деда как первого караимского духовника, проповедовавшего необходимость общего образования. Вдохновленные этой позицией, симферопольские караимы стали отдавать своих детей в казённые учебные заведения, благодаря чему из караимской среды вышли знаменитые в будущем врачи, инженеры и представители других полезных обществу профессий. К И.И.Синани также обращались при семейных и различных коммерческих тяжбах, как к человеку, который умел дать нужный совет и найти выход из сложной ситуации.

28 июля 1861 года И.И.Синани совершает обряд бракосочетания между купеческими детьми Самуилом Давидовичем Шишманом и Хавой Моисеевной Пандул, сиротой[13]. Опекуны невесты не были поставлены в известность о заключении брака своей подопечной и подали в суд на газзана якобы из-за того, что Хава Пандул была несовершеннолетней, то есть не достигшей шестнадцати лет. Назначенная комиссия по расследованию дела не нашла состава преступления и полностью оправдала Синани[14]. По утверждению В.И.Синани, данный инцидент «…создал вокруг него [И.И.Синани] атмосферу интриг и сплетен». Пользовавшийся всегда большим уважением среди членов местной караимской общины, И.И.Синани стал в один момент неугоден многим, в том числе некоторым влиятельным караимам Симферополя, что порождало раздоры и распри внутри общества. В конечном счете, все это привело к тому, что общество стало задерживать своему газзану выплату жалованья. В 1867 году екатеринославская караимская община приглашает Синани «для исправления духовных по караимскому закону треб» и обещает ему содержание и квартиру. ТОКДП определило командировать И.И.Синани в Екатеринослав для исполнения должности газзана «на определенное время»[15]. Во время отсутствия И.И.Синани в Симферополе его замещал младший газзан М.С.Леви-Топал. По всей видимости, пробыв в Екатеринославе «определенное время», И.И.Синани возвращается в неблагополучную для него в финансовом отношении симферопольскую общину и продолжает исполнять обязанности старшего газзана.

[10] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
[11] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.
[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 52. Л. 8.
[13] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1485. Л. 34.
[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 197. Л. 2–3.
[15] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.105. Л. 5.

9 ноября 1869 года он обращается в ТОКДП с просьбой о представлении его к званию личного почетного гражданина ввиду того, что им по закону уже выслужено более двенадцати лет в звании старшего газзана[16]. Окончание этого дела нам неизвестно, но ни в одном архивном или биографическом материале о И.И.Синани не было упомянуто, что он был причислен к личному почетному гражданству. Возможно, причиной этому могло быть нахождение под следствием по делу Самуила Шишмана и Хавы Пандул.

13 ноября 1870 года общество караимов Симферополя обращается к Гахаму Б.С.Бобовичу с просьбой об отстранении И.И.Синани с должности газзана, так как последний уже более трех месяцев не исполняет вверенных ему обязанностей. До официального избрания газзана предлагают временно утвердить в этой должности бахчисарайского мещанина Авраама Катламу. В своем объяснительном письме в ТОКДП Синани излагает всю сложившуюся ситуацию с невыплатой подолгу положенного ему жалованья. Под давлением обстоятельств И.И.Синани вместе с семьей вынужден покинуть Симферополь и переехать в Феодосию «…для отыскания себе и семейству дневного пропитания»[17]. Здесь местная община предоставляет Синани должность младшего газзана[18], так как на тот момент старшим газзаном в Феодосии уже был М.М.Ходжаш, а также квартиру и регулярную оплату труда. М.М.Ходжаш сообщает Духовному Правлению, что в Феодосии И.И.Синани занимается преподаванием, а в субботние и праздничные дни проводит богослужения[19]. В 1877 году во время русско-турецкой войны И.И.Синани возвращается в Симферополь и живет там до 1884 года, где занимается частным преподаванием, приведением должностных лиц из караимов к присяге[20]. За время его отсутствия в этом городе обязанности старшего газзана с 16.11.1870 по 16.11.1872 исполнял бахчисарайский старший газзан Ю.Ш.Хаджи-Узун[21], а 14.12.1872 в этой должности губернским правлением был утвержден перекопский мещанин Илья Калевович Синани[22]. В мае 1881 из-за пошатнувшегося здоровья И.К.Синани увольняется[23], и в октябре этого же года И.И.Синани рапортует в ТОКДП о том, что на основании Указа Таврического губернского правления от 20.05.1861 года он заступает на должность старшего газзана при симферопольской кенасе. Далее выясняется, что ТОКДП не сообщило в Таврическое губернское правление о самовольном оставлении И.И.Синани в 1870 году занимаемой им должности и тот не был официально смещен с поста симферопольского газзана. Поэтому 11 ноября 1881 года Таврическое губернское правление определило: «считать старшего газзана Исаака Синани уволенным от должности»[24]. 30

[16] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.151. Л. 3.
[17] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 2.
[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 143. Л. 135.
[19] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 10.
[20] Постановления Симферопольского экстренного и очередного уездного земского собрания созыва 1877 года с приложением докладов уездной земской управы. Симферополь, 1878. С. 1, 5; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь. С. 177.
[21] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 126.
[22] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 189. Л. 1.
[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
[24] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 10, 11.

декабря того же года ТОКДП вновь возложило на Ю.Ш.Хаджи-Узуна исполнение обязанностей старшего газзана симферопольской кенасы[25].

По сообщению В.Исакова (псевдоним В.И.Синани), «с 1884 г. прекращается деятельность И.И.Синани как учителя и наставника». Зарабатывая на жизнь частной судебной практикой, Синани занялся составлением обширного сочинения на русском языке по истории караимов и выдающихся караимских богословов и ученых. Работая с трудами еврейских историков и гебраистов Симхи Пинскера, Генриха Греца, Ионы Гурлянда, а также оригиналами произведений караимских авторов, в 1888 году в Симферополе И.И.Синани издает плод последних лет своей жизни – 1-ю часть «Истории возникновения и развития караимизма». На книгу подписалось более 900 караимов из тридцати четырех городов Российской империи. И.И.Синани самостоятельно развозил экземпляры книги по местам, где жили караимы, и лично вручал их подписавшимся. В июне 1889 года И.И.Синани приезжает в Санкт-Петербург, где оканчивает работу над второй частью «Истории караимизма» под названием «Краткая история литературной деятельности караимских писателей», которая основана главным образом на книге о караимах еврейского историка С.Пинскера (1801–1864) «Ликкуте кадмонийот» («Собрание древностей»). Вторая часть «Истории караимизма» издается в 1890 году в Санкт-Петербурге на средства табачного фабриканта Я.И.Эгиза. Помощь и поддержку при издании труда И.И.Синани оказывали, кроме Я.И.Эгиза, Гахам С.М.Панпулов и симферопольский присяжный поверенный С.С.Исакович[26].

Безусловно, нельзя не согласиться с мнением Б.С.Ельяшевича, В.И.Синани и некоторых других историков, которые считали, что книга И. И. Синани, особенно первая ее часть, изобилует разного рода неточностями в датировке и описании некоторых событий караимской истории. Но, на наш взгляд, ни в коем случае нельзя умалять всю значимость этого труда для современных караимов, благодаря которому они имеют возможность ознакомиться с произведениями караимских авторов прошлого, чтобы постичь некоторые основы религии и истории караимов и тем самым усовершенствоваться в своих знаниях. Изданная на русском языке «История караимизма» и была задумана автором, чтобы караимы составили себе представление об их прошлом на понятном для них же языке. В этом отношении заслуга И. И. Синани безмерна.

После выхода второй части «Истории караимизма» И.И.Синани заболел воспалением легких. 9 февраля 1890 года в Санкт-Петербурге в возрасте 57 лет Исаак Иосифович скончался. Погребен он был на Караимском Преображенском кладбище Санкт-Петербурга[27]. «На похоронах была произнесена

[25] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 126.

[26] *Синани И.О.* История возникновения и развития караимизма на основании монографических очерков Анана-бен-Давид, Саадии Аль-Пифоми, Соломона-бен-Ерухам и Мордехая Куматяно: По Пинскеру, Грецу, Иона Гурланду и др. источникам / Сост. б. ст. газзан Исаак О.Синани. Ч. [1]-2. Симферополь : тип. Спиро, 1888–1889. 2 т.; 22. Ч. 2 / Изд. иждивением С.-Петербургского фабриканта Я.И. г-на Эгиз. СПб.: тип. Дома призрения малолетних бедных, 1889 (обл. 1890). 296, VII с.

[27] Петербургский некрополь / сост. В.Саитов. – СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1913. Т. 4 (С–Ф). – С. 81.

речь, в которой выражена заслуга покойного, как первого литературного деятеля караима на русском языке и указано на значение его труда», – написано в некрологе Синани[28]. От брака с А.М.Кокенай у него родилось трое сыновей: Иосиф (1857 – 1888, Симферополь), Мордехай (род. 1866, Симферополь) и Вениамин (1874, Феодосия – 1879, Симферополь)[29], а также дочери: Эстер (1853 г. р.), Беим (род. 1868, Симферополь), Сарра (1870 г. р.) и Анна (род. 1872, Феодосия)[30]. Известно, что старший сын И. И. Синани, одесский мещанин Иосиф (Осип) Исаакович Синани, имел сына Вениамина (1883, Симферополь – 1946), ставшего редактором-издателем ежемесячного культурно-просветительского журнала «Караимская жизнь»[31].

Стоит отметить и неподдельный поэтический дар И.И.Синани, сочинившего несколько элегий на древнееврейском языке, по словам Б.С.Ельяшевича, «…отличавшихся художественностью своих образов и истинным чувством». Среди учеников Исаака Синани особо выделяется Шаббетай Маркович Тиро (1861–1939) – богослов и меламмед, преподававший в Александровском караимском духовном училище караимское вероучение и древнееврейский язык[32].

И.И.Синани, как отмечали до нас исследователи его биографии, оставил о себе память как один из первых караимов, писавших свои труды на русском языке. Его имя вошло в один из самых полных биографических ресурсов на русском языке – Русский биографический словарь[33]. Имя Исаака Иосифовича Синани не должно быть забыто караимами и их потомками, как имя человека, который стремился просвещать свой народ, спасти его от незнания собственных истоков и привести в будущее достойных сыновей своего народа, каким был и есть Исаак Иосифович Синани.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 15 (24)

---

[28] Смесь: Некрологи : И.О.Синани // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Год одиннадцатый. Том XL. СПб., 1890. С. 245–246.

[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 606. Л. 90об.

[30] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 6, 7; д. 197, Л. 2, 3; д. 523, Л. 161, 172.

[31] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 877. Л. 31об., 32; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 177; В первоначальном варианте статьи, опубликованном в «Известиях», нами была допущена ошибка: как выяснилось, Савелий (Садук) Семёнович Раецкий не являлся племянником газзана Синани. Действительно, в архиве есть данные, что троцкий мещанин Шимон Раецкий в 1860 г. женился на Мурат Иосифовне Синани из одесских мещан, но в списках родившихся в 1883 г. родителями С.С.Раецкого указаны херсонские мещане Шимон Эзрович и Султан Исааковна (ср. псевдонимы С.С.Раецкого – «Султанов» и «Чадук бен Шимон») [см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1475. Л. 23; там же. Д. 877. Л. 28об.], что не дает нам возможности говорить о родстве С.С.Раецкого с газзаном И.И.Синани. По данным Б.С.Ельяшевича, вышеупомянутый Вениамин Иосифович Синани являлся племянником Раецкого, что косвенно подтверждается архивными документами – мать Вениамина звали Саррой Шимоновной [см.: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 649. Л. 22; там же. Д. 877. Л. 31об.].

[32] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 186–187.

[33] *Гуревич П.* Синани, Исаак Осипович // Русский биографический словарь: Сабанеев – Смыслов / Изд. под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А.Половцова. Санкт-Петербург: тип. В.Демакова, 1904. Т. 18. С. 500.

Вячеслав
Ельяшевич

ИСААК ЮФУДОВИЧ ОРМЕЛИ[1]

Исаак Юфудович Ормели родился 13 апреля (по старому стилю) 1882 года в городе Екатеринославе (современный Днепр). Его родителями были переехавший в Екатеринослав евпаторийский мещанин Юфуда Исаакович Ормели и Назлы Ешувовна Мичри родом из Карасубазара (современный Белогорск). Юфуда и Назлы вступили в брак в 1881 году, и через год у них родился первенец, которого они по караимскому обычаю назвали именем деда по отцовской линии – Исааком. Всего у супругов было пять детей, в 1886 году Яков, в 1887 году родилась Сарра, в 1892 году Анна, и в 1894 году – Лиза.

Юфуда Исаакович Ормели был владельцем книжных магазинов в Екатеринославе. В 1894 году он обанкротился, и, не пережив этого, скончался, оставив жену с пятью детьми без средств к существованию. Однако, караимская община Екатеринослава не осталась равнодушной к судьбе семьи Ормели и взяла под покровительство детей вдовы Назлы, которые были поселены при кенасе. Деятельное участие в этом деле принимал младший газзан местной кенасы Самуил Шемарьевич Пигит (1849–1911). Именно по его инициативе старший сын Назлы, Исаак, был отправлен на учебу в открывшееся в 1895 году Александровское караимское духовное училище (АКДУ), которое принимало до десяти иногородних мальчиков из бедных семей с полным их обеспечением на время учебы. 26 января 1895 года на имя Попечительского совета АКДУ было отправлено письмо от общины Екатеринослава с просьбой принять кандидатуру «ученика Исаака, сына вдовы Евпаторийского мещанина Юфуды Исааковича Ормели, который по возрасту и познанию вполне согласен быть кандидатом»[2]. Попечительский совет одобрил кандидатуру Исаака Ормели и весной этого же года он прибыл в Евпаторию для подготовки к занятиям в училище, которые должны были начаться в июне. Александровское караимское духовное училище, или «мидраш газзаним», готовило газзанов (священников) и меламмедов (учителей), что и определило дальнейшую судьбу И.Ю.Ормели.

В числе учеников первого выпуска АКДУ были также Берахья (Борис) Ельяшевич (1881–1971) и Аарон Катык (1883–1942), ставшие впоследствии газзанами и известными караимскими общественными деятелями. Инспектором и учителем караимского вероучения и древнееврейского языка в училище в то время был талантливый педагог Илья Ильич Казас (1832–1912), личность которого оказала большое влияние на воспитанников, и в том числе на Исаака Ормели, который не забыл своего учителя и после окончания обучения. С Борисом Ельяшевичем Исаака Ормели связывала не только учеба. С первого курса

[1] Очерк написан на основе рассказа внучки И.Ю.Ормели Г.П.Гладиловой (со слов своей матери Т.И.Ормели).

[2] ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 7.

Исаак и Сарра Ормели.
Фото с официального сайта Музея М.А.Булгакова

мальчики подружились, и как оказалось впоследствии, на всю жизнь. Их дружбу отражает одна фотография, на которой запечатлены учащиеся первого выпуска АКДУ вместе с педагогическим составом – Исаак Ормели стоит рядом с Борисом Ельяшевичем. Известно, что во втором классе училища Исаак Ормели сочинял любимые караимским народом песни «Агават Пурим» («Любовь Пурима»), которые в день праздника Пурима исполнялись учениками мидраша.

Исаак Ормели закончил полный курс обучения в «мидраш газзаним» в мае 1902 года и этим же летом познакомился в Евпатории с шестнадцатилетней девушкой Саррой Фиркович из Москвы, только что закончившей Институт благородных девиц в Риге и приехавшей в Крым погостить у своей двоюродной сестры Сарры Гелелович. Молодые люди полюбили друг друга и желали как можно скорее повенчаться, но… на их пути встало социальное неравенство. Сарра Фиркович по отцовской линии была правнучкой известного караимского ученого Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874), внучкой его сына Якова. По материнской линии она была племянницей богатого табачного фабриканта Ильи Давидовича Пигита, основавшего в Москве фабрику «Дукат» и принимавшего финансовое участие в образовании детей своей сестры Евы. Родителями Сарры были Исаак Яковлевич Фиркович и Ева Моисеевна Пигит. Узнав о любви Сарры и Исаака, они категорически запретили их брак. Сарра вернулась в Москву, а Исаак уехал в Екатеринослав, где вступил в должность меламмеда (учителя).

В 1903 году по достижении призывного возраста Исаак Ормели был зачислен ратником ополчения I разряда. В 1908 году он с отличием окончил бухгалтерские курсы «Математик». В 1909 году Сарра решилась на отчаянный и смелый поступок – без ведома родителей она уехала к своему любимому Исааку в Екатеринослав. Вслед за ней туда же поехала ее мать и стала уговаривать дочь вернуться в Москву. Убедившись в безрезультатности уговоров, она сообщила об этом отцу Сарры, и тот, наконец, дал свое согласие на брак. Бракосочетание Исаака и Сарры состоялось в 1909 году в Москве. Свадьба, на которой присутствовала вся караимская община, была богатой и пышной, и проходила в самом центре Москвы в гостинице «Метрополь». Каждому гостю вручали на память сувенир с дарственной надписью. В январе 1911 года у Исаака и Сарры в Москве родился первый ребенок, которого они также по караимской традиции назвали в честь деда Юфудой (Федором).

В Москве дядя Сарры И.Д.Пигит устроил Исаака на работу в магазин табачных изделий. Но очень скоро Исаак Ормели, не имевший никакого желания заниматься торговлей и отчаявшийся перед перспективой посвятить этому делу всю свою жизнь, пишет письмо в Евпаторию своему бывшему учителю И.И.Казасу с просьбой помочь найти место по образованию, то есть место газзана или меламмеда. Илья Ильич Казас не оставил без внимания просьбу своего бывшего ученика, и когда в Феодосии в 1911 году освободилось место меламмеда, он сообщил об этом Исааку. Так Исаак с Саррой и маленьким сыном Юфудой оказались в 1911 году Феодосии. В Феодосии у Исаака и Сарры Ормели родился второй ребенок – Лида. Из архивных материалов известно, что в Феодосии семья Исаака Ормели проживала сначала в доме С.Я.Арабаджи на ул. Дворянской, затем в доме А.В.Рыль на ул. Военной, и в последнее время в доме Ш.А.Мурза на ул. Караимской[3]. Известно, что в 1912 году И.Ю.Ормели вместе с А.И.Катыком и А.С.Айвазом был членом правления Феодосийского караимского благотворительного общества[4].

В июне 1915 года старший газзан симферопольской караимской кенасы Б.С.Ельяшевич был утвержден в должности старшего газзана Малой кенасы Евпатории, куда вскоре и переехал. Хорошо зная о желании своего друга быть газзаном, Б.С.Ельяшевич сообщает Исааку Ормели об вакансии газзана в Симферополе и тот пишет прошение в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление о принятии его на эту должность. Духовным Правлением, а также караимской общиной Симферополя кандидатура Исаака Ормели была рассмотрена и одобрена. К сентябрю 1915 года Исаак Ормели переехал в Симферополь, где первое время занимал должность исполняющего обязанности газзана, а затем, 15 октября 1915 года, был утвержден в должности газзана Таврическим губернским правлением и после приведения к присяге 18 октября приступил к своим обязанностям, которые добросовестно исполнял на протяжении многих лет[5]. Одновременно с этим Исаак Ормели работал преподавателем караимского вероисповедания в Караимском женском бесплатном училище имени Эстер Чефаньевны Коген. В Симферополе семья Ормели

[3] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1312. Л. 4.
[4] Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. 1912. Кн. 8–9. С. 119–120.
[5] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1312. Л. 1, 4, 6, 10 (предоставил С.И.Шайтанов).

жила в первое время на улице Малобазарной, дом № 30, в доме Иванова (современная ул. Некрасова), а с 1916 года на ул. Фонтанной, дом № 13 (современная ул. Сергеева-Ценского), рядом с кенасой. Осенью 1915 года Исаак Ормели вместе с еще тремя караимскими газзанами (Т.С.Леви-Бабович, А.И.Катык, С.М.Кумыш) был призван в действующую армию, но из-за вмешательства Духовного Правления в Департамент духовных дел, призыв был отменен[6].

Б.С.Ельяшевич (слева) и И.Ю.Ормели (справа) во время посещения евпаторийских кенас Императором Николем II (1916).
Из фондов «Карай Битиклиги»

Исааку Ормели выпала честь участвовать в приеме императора Николая II во время его посещения караимских кенас 16 июня 1916 года. Вот как это произошло. Когда Серайя Маркович Шапшал, ставший к тому времени караимским Гахамом, поднял вопрос о приглашении в Евпаторию ко дню визита императорской семьи еще одного газзана, Б.С.Ельяшевич предложил кандидатуру своего друга Исаака Ормели. Гахам С.М.Шапшал не был знаком с Исааком Ормели и поэтому поехал в Симферополь, чтобы познакомиться с ним лично и решить вопрос о его кандидатуре. Приехав в Симферополь, Гахам не застал газзана дома, но узнав от его жены Сарры, что ее муж в кенасе, отправился туда. В кенасе С.М.Шапшал услышал пение симферопольского газзана, которое ему очень понравилось, и, по всей вероятности, он тут же принял решение пригласить его в Евпаторию. На ставшей уже хрестоматийной фотографии, на которой запечатлено шествие Николая II по дворику караимских кенас Исаак Ормели и Борис Ельяшевич снова вместе: Исаак Ормели идет слева от императора, Борис Ельяшевич – справа. В этом же году, в августе, у Исаака и Сарры родился третий ребенок – Тамара. В 1922 году родится последний, четвертый ребенок – сын Элиша (Алексей). В 1917 году Исаак Ормели как газзан симферопольской общины участвовал в Общенациональном караимском съезде, проходившем в Евпатории[7].

В 1917 году грянули судьбоносные для России события, Февральская революция, свергнувшая царскую власть и установившая власть Временного Правительства, а затем и Октябрьская революция, свергнувшая Временное Правительство. Караимы повсеместно присягали новой власти. Известно, что Исаак Ормели вместо скончавшегося газзана М.Л.Фенерли совершал богослужение в харьковской кенасе во время торжественной присяги Временному Правительству и произнес большую речь, «в которой обрисовал важность происшедшего переворота и значение его для будущих судеб России и населяющих ее

[6] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1275. Л. 15, 18–19, 20.
[7] Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 5.

народностей»[8]. Вскоре власть Временного Правительства была свергнута Советской властью, которая окончательно утвердилась в Крыму в 1920 году, а вместе с ней и идеология атеизма, не сулившая ничего хорошего представителям духовенства, в том числе и караимским газзанам. В непростой ситуации оказались друзья Исаак Ормели и Борис Ельяшевич. Дважды Исаак Ормели был арестован только за то, что исполнял положенные ему обязанности газзана.

Первый арест произошел примерно в 1927–1928-х годах. Случилось это после того, как в кенасу пришли уполномоченные для описи имущества, у которых Исаак Ормели попросил при входе в храм снять обувь, так как по караимской традиции, основанной на тексте Священного Писания (Торы), в кенасу строго запрещено входить в обуви. Исаака Ормели арестовали на следующий день. Узнав об аресте из письма Сарры Ормели, Б.С.Ельяшевич приехал в Симферополь ходатайствовать за своего друга, для чего он собирал у караимов положительные о нем отзывы. По сведениям Б.С.Ельяшевича, Исаак Ормели был обвинен в неподчинении местной власти и приговорен к трем годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Но через месяц дело было пересмотрено по предложению Москвы на основании поданной Исааком Ормели апелляции, и решение суда признано неверным. По всей видимости, после ареста Исаак Ормели уже не вернулся к обязанностям газзана, так как, по свидетельству Б.С.Ельяшевича, он пробыл в этой должности до 1928 года[9].

Со слов Г.П.Гладиловой известен один интересный случай. Однажды, это было в 1926 году, Б.С.Ельяшевич пригласил жену Исаака Ормели Сарру вместе с дочерьми погостить у него в Евпатории. Встретив их на вокзале, он на бричке отвез гостей в свой дом на улице Нижней, где в то время находилась караимская библиотека «Карай Битиклиги». Тамара Исааковна Ормели, которой тогда было десять лет, вспоминает о том, как она проснулась утром среди множества книг под пристальным и строгим взглядом Гахама С.М.Панпулова, смотрящего на нее с портрета и напугавшего ее. К удивлению Б.С.Ельяшевича, девочка заинтересовалась книгами, и он рассказал ей о меджума, сиддурах и других книгах, хранящихся в библиотеке. Тамара Исааковна Ормели на всю жизнь сохранила в своей душе впечатление, полученное ею от книжных богатств «Карай Битиклиги». Она и сейчас, будучи в преклонном возрасте, вспоминает увиденные ею однажды фолианты в кожаных переплетах с серебряными застежками, а некоторые даже инкрустированные драгоценными камнями.

После отстранения от должности в 1928 году и национализации здания кенасы в 1930 году, Исаак Ормели по мере возможностей продолжал выполнять свой долг перед общиной и перед Богом. Тайком и негласно он проводил венчания караимов, читал поминальные молитвы (зехер) на похоронах, словом, невзирая на запрет, проводил положенные религией обряды. Это и стало причиной второго ареста, произошедшего примерно в 1932 году по доносу, после того, как им была прочитана поминальная молитва на похоронах. На этот

[8] Известия Харьковского губернского общественного комитета. 4 апреля 1917 г. (предоставил О.Дзюба (Харьков)).

[9] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Кн. 2. М., 1993. С. 154.

раз Исаак Ормели провел в заключении восемь месяцев и вернулся домой в ужасном состоянии, измученный душевно и физически. Своим домашним он рассказал о том, как тюремщики издевались над арестантами-священниками: выстроив в ряд священнослужителей всех религий, они стреляли им по ногам, предупреждая стрельбу криком: «Ну-ка, попики, попляшите». Кто-то успевал подпрыгнуть, а кто-то, кто был постарше возрастом, не успевал и получал тяжелые ранения, которые приводили к смерти.

Нам неизвестно, когда Исаак Ормели лишился избирательных прав, или как говорили в народе, стал «лишенцем». Г.П.Гладилова предполагает, что это произошло после его второго ареста, но вполне вероятно, что и раньше. С лишением избирательных прав человек полностью лишался социальной поддержки, он не имел права работать в госурреждениях, поступать в высшие учебные заведения, исключался из профсоюзов, лишался пенсии, одним словом, становился изгоем общества. Выжить «лишенцу», особенно после введения в 1928 году карточной системы на продукты (а лишенцы карточек не получали) было очень сложно. Семье Ормели в это трудное время помогали из Москвы братья Евы Фиркович, матери Сарры, посылая в Симферополь продукты. В этом же году «за сокрытие социального положения» сына Исаака Ормели Федора исключили с четвертого курса сельхозинститута, а дочь Тамару со второго курса медицинского института. Это было тяжелое время для семьи Ормели, сам Исаак Юфудович переживал тогда глубокий душевный кризис, считая себя виновником всех несчастий.

Спустя несколько лет положение семьи по неизвестным нам причинам стало легче: дочь Тамара поступила в Московский химико-технологический институт имени Д.И.Менделеева, Исааку Ормели удалось устроиться в школу учителем математики, где он работал до пенсионного возраста. Как сообщает Т.П.Гладилова, в 1934 году Исаак Ормели был приглашен караимской общиной Каира на пост Гахама египетских караимов. Исаак Ормели дал свое согласие, но во время оформления документов выяснилось, что его старшие дети, Федор и Лида поехать с ним не могли, так как к тому времени были уже совершеннолетние и имели паспорта. Узнав об этом, Исаак Ормели отказался от переезда. Известно, что кандидатами на этот пост были также Б.С.Ельяшевич и Т.С.Леви-Бабович, последний из которых и был выбран египетскими караимами. В 1934 году, во время поездки с дочерью в Москву на поступление в институт, Исаак Ормели последний раз встретился с Б.С.Ельяшевичем. Борис Саадьевич вернется в Крым в 1946 году, когда его друга уже не будет в живых. Исаак Юфудович Ормели скончался в 1940 году на 58-ом году жизни.

«Научно-литературной работой Ормели не занимался, но был хорошим педагогом и большим патриотом, преданным всецело своему народу, благодаря чему пользовался среди караимов почетом и уважением», – такую краткую характеристику дал И.Ю.Ормели его друг Б.С.Ельяшевич в составленном им «Караимском биографическом словаре»[10].

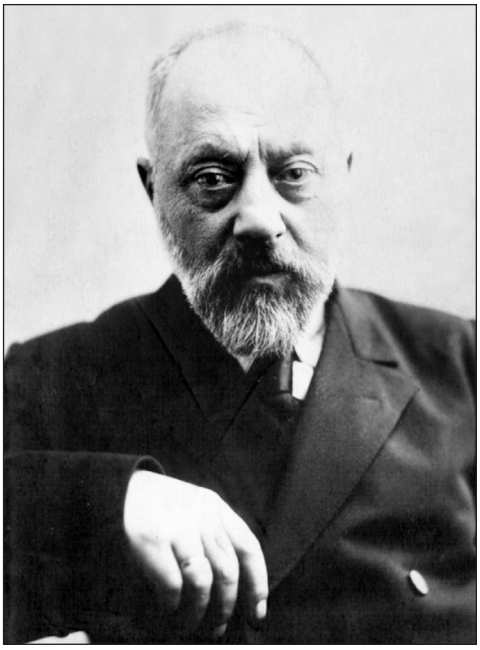
Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 16 (25)

[10] Там же.

Вячеслав
Ельяшевич

САДЬЯ ЭЛИША СИМОВИЧ ЕЛЬЯШЕВИЧ: РЕМЕСЛЕННИК И ФИЛОСОФ

Памяти Тамары Саадьевны Бабаджан (Ельяшевич) посвящается

Саадья Элиша Симович Ельяшевич.
Из архива Т.С.Бабаджан

О его рождении отец записал на странице молитвенника следующие слова на древнееврейском языке: *«День, в который любимая моя жена родила сына, в четвертый день недели, в первый день месяца шеват, в году 614 по малому счислению [1854]. И наречен в Израиле именем Саадья Элиша. Взрастит Бог его Торой и благими делами»*[1]. Через девять месяцев после рождения сына мещанин города Троки Сима Аронович Ельяшевич скончался на пятьдесят четвертом году жизни. По словам его внука Б.С.Ельяшевича, он был «хорошо образованным по-караимски родителем»[2] – вот и все, что нам известно об этом человеке. Когда Саадье Элише исполнилось шесть лет, мать отдала его в караимскую школу (мидраш), но через три года из-за тяжелого материального положения семьи учебу пришлось оставить. Бедность, в которой вырос Саадья Ельяшевич, будет преследовать его всю жизнь. *«Я сын живущего и поныне в г. Москве старого зонтичного мастера, всю свою жизнь проведшего в бедности и нужде»,* – писал о себе сын Саадьи Ельяшевича Борис Ельяшевич[3].

Благословение отца, написанное в молитвеннике, исполнилось – имея от природы пытливый и глубокий ум, Саадья Ельяшевич еще в раннем возрасте стал проявлять большой интерес к Священному Писанию

[1] Рукописный молитвенник С.А.Ельяшевича // Личный архив Т.С.Бабаджан (Москва).

[2] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры»». Выпуск XIV. «Караимы». Кн. 2. М., 1993. С. 58.

[3] Заявление Б.С.Ельяшевич в КрымЦИК // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

(ТаНаХу)[4]. Не имея возможности учиться, он самостоятельно освоил грамматику древнееврейского языка и стал изучать всю доступную ему религиозную литературу, в основном доставшуюся ему от отца. *«Весьма серьезный, мыслящий и глубоко верующий по своей натуре, Е. вместе с тем очень любил заниматься также и философско-богословскими вопросами. Заинтересовавшись с молодых лет религиозной философией вообще, и библейской экзегетикой, эсхатологией и караимским богословием в особенности, – Е. с тех пор всю долгую жизнь страстно увлекался этими предметами»*, – пишет о своем отце Б.С.Ельяшевич[5]. Еще в юном возрасте, выучив русский язык, любознательный Саадья Ельяшевич увлекся философией и естественными науками, открыв для себя популярное во второй половине XIX века учение материализма. С одной стороны, соглашаясь со взглядами ученых-материалистов на природу, с другой стороны, веря в догмат о совершенстве Торы, Саадья Ельяшевич стал искать причины противоречия между наукой и Божественным Откровением. *«Для этого,* – напишет он много лет спустя, – *я стал искать серьезные книги, и их читать; как-то химию, физику, астрономию и философские мнения»*[6]. Кроме этого, по его собственным словам, он «беседовал с лицами, в которых какое-либо знание надеялся встретить»[7].

В возрасте шестнадцати лет жизнь юного Саадьи резко изменилась – воспользовавшись случаем, мать отправила его в Севастополь на работу в один из местных магазинов, принадлежащий карааму. В те времена бедные караимские семьи нередко отправляли своих детей служить в магазины, которые держали более удачные и предприимчивые родственники или знакомые. Делалось это родителями в надежде на то, что прослужив какое-то время мальчиком, их дитя дослужится до приказчика, а, возможно, пойдет и дальше по торговой карьере, обеспечив себе и своей будущей семье безбедное существование. Саадья Ельяшевич, повторяя судьбу многих караимских юношей, сперва служил мальчиком, потом стал приказчиком, но… стать коммерсантом ему было не суждено. Может быть, потому, что он любил посещать библиотеки, в которых пытался найти ответ на мучивший его вопрос: почему ученые отвергают участие Творца в управлении вселенной, тогда как в Торе ясно сказано, что все происходит только по Его воле? Ответ, по его словам, нашелся в книге Отто Улле «Природа и люди», из прочтения которой он сделал следующий вывод: ученый ошибается, считая, что нет никакой высшей воли, способной изменить действующие в природе незыблемые и неизменные законы, тогда как, напротив, само существование этих законов как раз и говорит о существовании высшей воли, разумно создавшей их. *«Тогда я понял ошибку Отто Улле*, – пишет он, – *который полагает всемогущего Бога там, где бы не было никакого порядка, а из того, что природа построена на разумных и прочных порядках, то*

[4] Аббревиатура из трех слов: Тора (Пятикнижие Моисея), Навиим (Пророки) и Кетувим (Писания) – три книги, составляющие караимский и еврейский канон.

[5] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 59.

[6] Доклад С.С.Ельяшевича С.М.Шапшалу 22.02.1916 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[7] Там же.

он не понимает, где место мудрому Богу. Так я открыл первую причину разноречия, которая состоит в том, что ученые полагают необходимым личные командования в природе всеми ея движениями, если Бог существует»[8].

Вторая причина «разноречия», как выражается Саадья Ельяшевич, состоит в том, что и караимские комментаторы ошибаются, полагая то, «что раз существует Бог, то будто Он обязан двигать всеми движениями материи». Итак, противоречие между Божественным Откровением и наукой заключается в том, что как ученые, так и караимские экзегеты, допускали только *личное* участие Творца в управлении вселенной и упускали из виду то, что вселенная может управляться не *лично*, а посредством законов, Им созданных и установленных. *«Присутствие законов в системе небесной механики служит доказательством существования мыслящего создателя»,* – приводит Саадья Ельяшевич мысль одного астронома, которая становится основополагающей в его философии. Но для того, чтобы привести к согласию науку и богословие, по его мнению, необходимо избавиться от средневекового и устаревшего понимания текстов Священного Писания. Саадья Ельяшевич пришел к выводу, что караимские толкования Священного Писания уже давно устарели (например, такой авторитетный богослов как Эльягу Башиячи не знал о движении земли вокруг солнца) и потому требуют изменений с учетом последних научных открытий. Лишь в том случае, если, как выражается Саадья Ельяшевич, поставить ученых и богословов «на логику верную», возможно примирение науки и караимской веры. «*Когда комментарии будут исправлены от всех своих ошибочных мнений*, – пишет он, – *тогда учение религии караимской станет истинной наукой»*[9].

Именно такую задачу и взял на себя Саадья Ельяшевич. Уже в возрасте восемнадцати лет он стал составлять свои собственные комментарии к ТаНаХу, а в 1872 году приходит к разгадке загадочного пророчества Даниила о времени пришествии Мессии и окончании «изгнания», эпохи рассеяния по всей земле израильских племен. «И услышал я, как муж, одетый в льняные одежды, – читаем мы в 7-ом стихе 12-ой главы книги Даниила, – что был над водами реки, подняв правую и левую руку свою к небесам, клялся Вечноживущим, что *по истечении круга времени и двух с половиной кругов* (др.-евр. «моэд моадим вэ-хаци». – *В.Е.*), когда полностью сокрушены будут силы народа священного, закончится все это». Над разгадкой загадочных *кругов времени*, указанных пророком, ломало головы не одно поколение богословов, как иудейских, так и христианских. Ведь если приравнять их к приведенным далее, в одиннадцатом и двенадцатом стихам, цифрам, служащим пояснением к неясным словам, то Мессия должен был прийти задолго до наступления христианской эры, что, конечно, не согласуется ни с христианской догматикой, и, уж тем более, ни с иудейской.

Саадья Ельяшевич решил эту задачу арифметическим способом. Вот как описывает это решение его сын Б.С.Ельяшевич в «Караимском биографическом словаре»:

[8] Там же.
[9] Там же.

«В данном случае Е. в предсказании пророка Даниила усмотрел алгебраическую задачу и изложил ее следующей алгебраической формулой: X + 2,5X = ? Затем Е. эту задачу решает таким способом. Принимая во внимание, что первым кругом времени в Библии считается обычно число 7 и что древнебиблейское слово «моэд», которым пользуется пр. Даниил, иногда означает второй круг времени в 50 дней или лет, каковое число является результатом умножения 7×7 = 49–50, – Е. поэтому умножает 50×2,5 и в результате получает 125 лет. Далее, для того, чтобы найти, чему равняется первый X или, по объяснению Е., третий круг времени, – Е. последовательно умножает 50×50 и получает в результате число 2500 лет. После того Е. складывает эти обе суммы и получает общее количество лет: 125 + 2500 = 2625. столько именно лет, то есть 2625, по толкованию Е., и будет продолжаться великая эпоха гонений, предсказанная пр. Даниилом. Чтобы проверить себя, правильно ли решена задача, – Е. сложил цифры, указанные пр. Даниилом в поясняющих его загадку 11 и 12 строках той же XII главы, а именно: 1290 + 1335; и в результате получил то же самое число 2625. Таким образом, Е. первому посчастливилось найти правильное решение для загадочного предсказания пр. Даниила... При этом Е. считает началом кары 428 год до христианской эры, концом ее – 2187 год христианской эры»[10].

По словам самого Саадьи Ельяшевича, после разгадки пророчества Даниила ему стал раскрываться смысл неясных мест из ТаНаХа: *«После сего шаг за шагом мне стало раскрываться все тайное в словах Библии, и до сих пор почти ничего не осталось в Библии, чтобы не понято было мне»*[11]. Свои комментарии Саадья Ельяшевич считал самым значительным написанным им трудом и возлагал на них большие надежды в плане развития караимской экзегетеки на более современном уровне. В то время, когда Саадья Ельяшевич жил в Вильне, он ознакомил со своими комментариями учителя города Трок, будущего виленского газзана Ф.А.Малецкого, признавшего их убедительными. Примерно в 1896 году, в Санкт-Петербурге, он предпринял неудачную попытку издать свои комментарии и даже нашел подписчиков из числа влиятельных караимов местной общины. В 1905 году Саадья Ельяшевич выслал комментарии для ознакомления Гахаму С.М.Панпулову, но также безрезультатно[12]. К сожалению, рукопись комментариев Саадьи Ельяшевича так и не была издана и бесследно исчезла. Последний след рукописи оборвался в Литве, после того как дочь Саадьи Ельяшевича Тамара Саадьевна Бабаджан, уже после смерти отца, выслала их одному из караимских общественных деятелей для ознакомления и перевода[13].

По свидетельству Б.С.Ельяшевича, его отец жил в Севастополе до призывного возраста, то есть до двадцати одного года. *«Затем Е. возвратился в свой родной край,* – пишет Б.С.Ельяшевич, – *где вскоре женился в г. Поневеже на*

[10] *Ельяшевич Б.С.*Караимский биографический словарь… С. 60–61.

[11] Доклад С.С.Ельяшевича С.М. Шапшалу 22.02.1916 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1069. Л. 143.

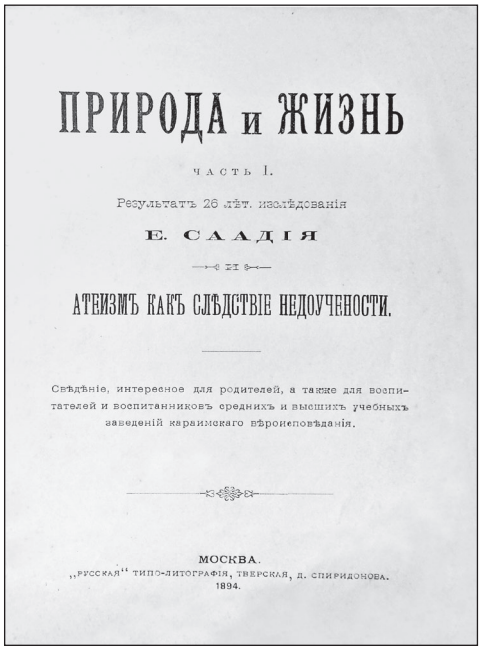
[13] Написано со слов Т.С.Бабаджан.

двоюродной сестре Рахили, дочери габбая местной кенасы Адония Пилецкого, пользовавшегося большим уважением у трокских караимов». Из слов Б.С.Ельяшевича не совсем ясно, служил его отец в армии или нет. Всеобщая воинская повинность в Российской империи была введена в 1874 году, когда Саадье Ельяшевичу исполнилось двадцать лет и вполне вероятно, что он был призван. Возможно, возращение на родину было связанно именно с воинской обязанностью. Об этом говорит и тот факт, что примерно через три года (срок службы в армии. – *В.Е.*) Саадья Ельяшевич вернулся в Севастополь, где в 1879 году у него родился первенец Сима (Семен)[14]. Затем, вероятно, в 1880 году, Саадья Ельяшевич вместе с семьей снова переезжает в родной город жены Поневеж (современный Паневежис). Здесь в 1881 году у него родился второй сын Берахья-Эзриэль (Борис). К сожалению, о времени рождения третьего сына Михаила и дочери Лиды, умершей в юном возрасте, нам ничего неизвестно.

С переезда в Поневеж для семьи Ельяшевичей начинаются годы странствий. *«После женитьбы Е., живя в разных городах, неоднократно пытался создать себе независимую жизнь, но это ему все никак не удавалось»,* – напишет об этом периоде в жизни семьи Б.С.Ельяшевич. Вскоре после рождения второго сына семья Ельяшевичей переезжает в Вильно (современный Вильнюс), где Саадья Ельяшевич открыл торговое дело в двух бакалейных лавках. В Вильне Саадья Ельяшевич пользовался авторитетом знатока Священного Писания и «при всяком случае разъяснял вопросы религии», как он сам позже напишет. По его инициативе в этом городе было организовано общественное богослужение в одном из частных караимских домов. По всей видимости, торговля у Саадьи Ельяшевича не пошла на лад, так как в 1891 году он вместе с семьей переезжает в город Елец Орловской губернии[15]. Не прожив здесь и года, семья Ельяшевичей в 1892 году переезжает Москву, где обосновывается уже окончательно. Здесь Саадья Ельяшевич «по совету разумной жены»[16], как пишет его сын, научился зонтичному ремеслу и открыл свою мастерскую, в которой занимался ремонтом зонтиков. Это ремесло приносило скромный, но надежный доход, на который и жила вся семья. *«Работая же зонтичником*, – вспоминает Б.С.Ельяшевич, – *Е. зарекомендовал себя с лучшей стороны благодаря своей честности, добросовестности и внимательному отношению к делу. Вследствие этого, Е. приобрел в городе доброе имя и довольно обширный круг своих постоянных клиентов-заказчиков, среди которых пользовался редким уважением и доверием»*[17].

В 1894 году Саадья Ельяшевич издал в Москве первую часть своего сочинения «Природа и жизнь» под названием «Атеизм как следствие недоученности» – небольшую брошюру в шестнадцать страниц. Остальные части этого сочинения были конфискованы царской цензурой за открытую критику христианства. Из полного названия сочинения «Природа и жизнь. Результат 26

[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 103. Л. 81.
[15] ГАРК. Р–3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 19.
[16] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 59.
[17] Там же.

ПРИРОДА и ЖИЗНЬ

ЧАСТЬ I.

Результатъ 26 лѣт. изслѣдованія

Е. САДДІЯ

АТЕИЗМЪ КАКЪ СЛѢДСТВІЕ НЕДОУЧЕНОСТИ.

Свѣдѣніе, интересное для родителей, а также для воспитателей и воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній караимскаго вѣроисповѣданія.

МОСКВА.
„РУССКАЯ" ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, ТВЕРСКАЯ, д. СПИРИДОНОВА.
1894.

лет. исследования. Сведение интересное для родителей, а также для воспитателей и воспитанников средних и высших учебных заведений караимского вероисповедания»[18] следует, что философские вопросы стали интересовать Саадью Ельяшевича еще в четырнадцатилетнем возрасте. В книге мы видим продолжение внутреннего диалога Саадьи Ельяшевича, начатого еще в юном возрасте, когда он ознакомился с учением материализма. В предисловии он рассказывает об увлечении его современников материализмом, согласно которому миром управляют незыблемые законы природы, которые являются «самопроизводящей» силой, приводящей материю в порядок, и предупреждает, что такое учение может увести человека далеко от Бога. Действительно ли законы природы сами по себе управляют миром, или законы эти были установлены Богом, этот вопрос Саадья Ельяшевич считает чрезвычайно важным для человеческой души, от решения которого зависит ее жизнь или смерть. *«Потому что, если проиграем,* – пишет он, – *то не капитал нажитый, и не временный труд свой проиграем, а проиграем вечное блаженство бессмертной души нашей, или променяем на вечное страдание ее*»[19].

Свое сочинение Саадья Ельяшевич начинает с едкого замечания материалистам: «В наше время уже нет того человека, который бы не имел никакого понятия о природе; точно также как нет и такого, кто бы имел о ней *полное* и совершенное *понятие*, так, чтобы исключалась всякая нужда говорить о природе». Далее он говорит о том, что его современники, отвергнув религию, и увлекшись материалистическим учением о законах природы как причине всего существующего, не вникли в суть этого учения, и потому судят очень поверхностно. Сама по себе материя не обладает духовной жизнью, то есть она является неодушевленной и неразумной, и потому она не может быть производной и созидающей силой, устанавливающей законы природы. *«Законодательство,* – читаем мы, – *есть действие умное, а ум без духовной жизни не существует и неосуществим. Если же существуют законы, управляющие материей, то это служит нам убедительным доказательством того, что существует и*

[18] Хранится в личном архиве Т.С.Бабаджан (Москва).

[19] *Ельяшевич Саадья.* Природа и жизнь. Ч. I. Результат 26 лет. изследования. Атеизм как следствие недоученности. Сведение интересное для родителей, а также для воспитателей и воспитанников средних и высших учебных заведений караимского вероисповедания. М., 1894. С. III.

Премудрый Законодатель, с известной целью предписавший законы». Только духовная, разумная жизнь может предшествовать установлению мирового порядка, «это есть та жизненная сила, которая была причиной проявления материй, их свойств и законов, та собственно жизненная сила, которая с целью создала весь материальный мир и которая изображает собой начало всех начал, и которая есть личная сила, или Бог».

Далее Саадья Ельяшевич высказывает мысль о том, что через открытие действующих законов природы человек постигает величие Творца, и уже не только верит, как предписано Законом Божьим, но и понимает, сознает, что Бог есть всему начало. Другими словами, по Ельяшевичу, наука есть путь человека к постижению Божественного величия. *«Отсюда является то*, – говорит он, – *что как только наука открыла нам существование законов над безжизненной материей, вслед за тем она открыла нам и возможность по ним понимать всемирного Законодателя уже с точки зрения естественных исследований…»*.

В заключительной части Саадья Ельяшевич пишет о том, что «недоразумение науки, породившее атеизм», возникло из примитивного представления о Боге, как о «безграничном произволе», управляющем миром без всякого порядка. Именно такое представление о Боге стало причиной того, что человек, открыв совершенные и незыблемые природные законы, усомнился в том, что законы эти могли быть утверждены своевольным и деспотичным Богом, и потому легкомысленно решил, что законы сами по себе управляют миром. Таким

Дом и мастерская Ельяшевичей на Пречистенке.
Из собрания Государственного музея А.С.Пушкина

образом Саадья Ельяшевич утверждает, что причина атеизма кроется в недопонимании природы Бога, или, другими словами, в «недоученности».

Кроме этого сочинения и комментариев к ТаНаХу Саадья Ельяшевич написал целый ряд произведений на русском языке, таких как «Логическая философия истории караимской культуры», «Самокритика атеиста», «Сущность философии схоластической и логической», «Ключ к библейской философии» и другие. Все эти сочинения бесследно исчезли вместе с его библиотекой. На основе философских трудов Саадьи Ельяшевича его сыном Семеном Ельяшевичем будет написано свое собственное сочинение «Два завета», которое даже будет издано в 1912 году отдельной книгой.

Приехав в Москву, семья Ельяшевичей первое время жила в Замоскворечье, где снимала квартиру на улице Пятницкой, а позже переехала на улицу Пречистенку, дом № 3 (в Советское время – ул. Кропоткина). Спустя какое-то время, примерно в самом конце XIX века, семья снова переехала на новое место, правда, в пределах этой же улицы – Саадья Ельяшевич снял дом на Пречистенке, № 12/1 (на углу Пречистенки и Чертольского переулка), бывший садовый павильон, находящийся на территории особняка Д.С.Селезнева. В этом здании ранее была щляпная мастерская, а с переездом семьи Ельяшевичей на его фасаде появилась вывеска «Зонты Ельяшевичъ». В 1906 году дочь Д.С.Селезнева, Е.Д.Матвеева, пожертвовала усадьбу отца со всеми прилегающими к ней строениями московскому дворянству для устройства в нем детского приюта, который получил название «Московского дворянства приют для малолетних имени Д.С. и А.А.Селезневых». В этом бывшем садовом павильоне Саадья Ельяшевич много лет держал свою зонтичную мастерскую, здесь он прожил около сорока лет до самой своей смерти.

В 1895 году из Москвы на учебу в Евпаторию уезжает Б.С.Ельяшевич и остается жить в Крыму[20]. В 1913 году умирает жена Саадьи Ельяшевича, Рахиль Адонияшевна, мать Симы, Бориса, Михаила и Лиды. В 1914 году Саадья Ельяшевич женится второй раз на Егошоват (Евгении) Исааковне Юткевич[21]. В 1915 году у них рождается дочь Анна, в 1917 году – дочь Тамара. В 1914 отчий дом покидает старший сын Семен Ельяшевич, куда вернется спустя семь лет.

Несмотря на свою занятость в мастерской, Саадья Ельяшевич принимал активное участие в жизни московской караимской общины. По его словам, он застал общество в состоянии раздробленности и разобщенности. В то время в городе еще не было общественного помещения для кенасы, и богослужения проводились разными частными лицами на дому, что порою приводило к спорам и конфликтам[22]. Саадье Ельяшевичу, по его словам, удалось приобрести у московских караимов авторитет, опять-таки не без помощи своих комментариев, и убедить их в необходимости открыть общественную кенасу и ми-

[20] *Ельяшевич Б. С.* Борис Саадьевич Ельяшевич. Автобиография // Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.). Материалы к серии «Народы и культуры»». Вып. XIV. «Караимы». Книга 3. Очерк 7. Издательство РАН институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 1994. С. 168.

[21] Написано со слов Т.С.Бабаджан.

[22] Краткий исторический очерк московской общины // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7. С. 120; Доклад С.С.Ельяшевича…

драш, и тем самым добиться некоторого примирения. Сам Саадья Ельяшевич предполагал занять должность учителя, которую, однако, пришлось уступить менее обеспеченному и нуждающемуся кандидату. А вот должность газзана в Москве какое-то время Саадья Ельяшевич занимал, о чем известно из краткого сообщения в журнале «Караимская жизнь»[23] и со слов его сына Бориса. Сам же Саадья Ельяшевич писал, что он исполнял должность газзана после смерти московского газзана в 1912 М.С.Бейма и до избрания И.Э.Аппака в 1913 г., всего один год и два месяца[24].

Саадья Ельяшевич был глубоко религиозным человеком, очень строгим в вопросах веры и не признающим никаких отступлений от заповедей Торы. Именно поэтому, выслушав отчет обществу московских делегатов о результатах Первого национального всероссийского караимского съезда, проходившего в ноябре 1910 года в Евпатории, он написал докладную записку одновременно в Трокское Караимское Духовное Правление и Гахаму С.М.Панпулову с просьбой пересмотреть решения съезда по некоторым вопросам. Об этом была написана заметка в журнале «Караимская жизнь»: *«С.С.Ельяшевичем, исполнявшим в Москве одно время обязанности газзана, послана на имя гахама докладная записка с протестом против постановлений съезда в области религиозных обрядов и с просьбой приостановить действия постановлений, касающихся вопроса о зажигании огня в субботу, о праздничной езде, о допустимости браков с своячницами – с целью передать все вопросы на разсмотрение исключительно лиц духовного звания»*[25]. Собственно Саадьей Ельяшевичем были опротестованы все постановления съезда по вопросам религиозного характера. *«В праве Съезда,* – резонно считает он в своей докладной записке, – *разрешать баллотировочным способом лишь комментарии, законы же пророческого Завета мы можем разрешать лишь только глубоким изучением философии их истинного смысла»*[26]. К решению съезда издать общедоступный караимский катехизис на двух языках, Саадья Ельяшевич добавил, что необходимо издавать не только катехизис, дающий представление лишь о форме вероучения, но и караимскую экзегетику, как «науку, объясняющую св. Писание, долженствующую выяснить сущность всех основ пророческого Завета, дающую глубокое понимание его законов и сознательную веру юношам», и предложил объявить конкурс на написание такой книги.

Что касается постановления съезда о допустимости зажигания свечей в канун субботы в кенасе, то здесь Саадья Ельяшевич отметил, что такая допустимость может повлечь за собой полное нарушение заповеди Торы «не зажигайте огня во всех местах вашего пребывания в день субботний»[27], которая неразрывно связана с предыдущей заповедью, запрещающей в субботу всякую работу. По его мнению, запрет на зажигание искусственного огня предотвра-

[23] Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. Кн. II. 1911. С. 94.
[24] Доклад С.С.Ельяшевича…
[25] Там же.
[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1069. Л. 148.
[27] Исх., 35:3.

щает возможность всякой работы, а допустимость зажигания огня, пусть даже свечей в канун субботы в кенасе, дает возможность совершать работу и тем самым нарушить заповедь[28]. Что же касается признания съездом допустимости брака на своячнице после смерти жены, браков двух братьев с двумя сестрами и браков брата и сестры одной семьи с сестрой и братом другой семьи, то здесь Саадья Ельяшевич высказался еще более категорично. Кстати, этот вопрос вызвал большего всего прений на заседании съезда 9 ноября и был решен после бурных обсуждений далеко не единогласно. По вопросу о допустимости езды в праздничные дни кроме субботы и Йом Киппура, Саадья Ельяшевич высказался в том смысле, что езда во все времена относилась к работе, «ибо вообще езда связана с чьим-либо трудом и участием в последнем пассажира, как нанимателя труда в заветные дни»[29]. *«Для исполнения этого,* – заканчивает свою докладную записку Саадья Ельяшевич, – *прошу Ваше Превосходительство обсудить все затронутые мною вопросы, разобрать справедливость моих доводов и сделать надлежащую резолюцию – разослать копию моего письма и резолюцию по нем всем обществам, подведомственным Вашему Превосходительству и о последующем почтить меня с уведомлением»*[30].

Причина нашего пристального внимания к этой докладной записке заключается в том, что она является одним из двух сохранившихся и известных нам документов, принадлежавших Саадье Ельяшевичу, и дающим нам представление о личности этого человека. Вторым документом является хранящееся в архиве его сына Б.С.Ельяшевича («Карай Битиклиги», Евпатория) письмо С.М.Шапшалу, написанное 22 февраля 1916 года, то есть вскоре после избрания С.М.Шапшала Гахамом. В этом письме Саадья Ельяшевич пишет о своих достижениях в области караимской экзегетики и ходатайствует об открытии в Евпатории религиозного училища с углубленным изучением Торы – ешивы, предлагая себя в качестве участника этого проекта.

В 1917 году Саадья Ельяшевич вместе с двумя своими сыновьями Семеном и Борисом участвовал в Общенациональном караимском съезде, проходившем в Евпатории с 27 августа по 3 сентября. При обсуждении самоопределения караимской народности на второй день заседания Съезда им было предложена следующая формулировка: *«Караимы суть остаток Израиля, признавшего Тору и пророческие книги божественными и не подлежащими никаким изменениям»*[31]. Такое определение своей однозначностью и невозможностью интерпретаций по всей вероятности не соответствовало задачам съезда дать максимально обобщенное определение, а потому, как и определение его сына Семена Ельяшевича сугубо в религиозном духе, было отклонено.

Надежды Саадьи Ельяшевича на переезд в Евпаторию и участие в создании ешивы не оправдались. Зимой 1918 года, спасаясь от начавшегося в Москве голода, Саадья Ельшевич решает закрыть свою зонтичную мастерскую и пере-

[28] Там же. Л. 144.
[29] Там же. Л. 148.
[30] Там же. Л. 147.
[31] Протоколы заседаний общенационального караимского съезда // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 8.

Т.С.Бабаджан показывает зонт из мастерской своего отца на встрече в Государственном музее А.С.Пушкина. *2013 г.*

ехать вместе с семьей в Поневеж. Первым делом он отвез своих маленьких дочерей, Анну и Тамару, оставив их у родственников своей первой жены Пилецких. Вернувшись в Москву, чтобы закончить все дела по закрытию мастерской, Саадья Ельяшевич заболел воспалением легких. Тем временем граница между Литвой и Советской республикой закрылась, и чета Ельяшевичей оказалась отрезанной от своих детей в Поневеже. Лишь в 1924 году Ельяшевичам удалось добиться разрешения в ОГПУ пересечь границу и забрать своих детей, и Евгения Исааковна перевезла их из Поневежа в Москву[32]. Так, долгие шесть лет родители были разлучены со своими маленькими детьми. В Поневеже Анна и Тамара первые четыре года жили у Пилецких, но присматривали за ними пожилые супруги Тынфовичи. После их смерти две сестрички оказались на улице, и их приютили Семен и Елена Григулевич. Вот как в беседе с автором этой статьи вспоминает спустя много лет Тамара Саадьевна Бабаджан (Ельяшевич) о годах своей жизни, проведенных у Григулевичей: *«Мы у них прожили два года, они к нам хорошо относились, кормили и одевали. Дядя Семен был очень верующий, каждую субботу ходил в кенаса, а мы ходили учиться в мидраш (школа), утром и вечером молились, говорили на родном языке, ходили в кенаса и т. д.».* Семен Григулевич, которого девочки называли «дядя Семен», так привязался к детям Ельяшевичей, что даже не хотел отпускать их

[32] Написано со слов Т.С.Бабаджан.

обратно в Москву. На всю жизнь между ним и дочерями Ельяшевичей установились теплые и близкие отношения[33].

После неудачной попытки вернуться в родные края Саадья Ельяшевич навсегда остался в Москве, где прожил в своей мастерской на улице Пречистенка до самой смерти. К большому сожалению, мы не располагаем никакими сведениями о его жизни в советский период. Лишь иногда его образ проскальзывает тенью в письмах сына Бориса, и только один раз фигура старого кустаря и философа выходит из тени забвения в воспоминаниях его внучки Ирины Борисовны Ельяшевич-Поповой. Эпизод, описываемой внучкой Саадьи Ельяшевича, происходил в Москве примерно в 1936 году в старом доме на Пречистенке: *«Вернувшись домой (из Евпатории – В.Е.), поступила в М.Г.П.И. имени К.Либкнехта на физико-математический факультет, хотя мечтала стать архитектором; так уж сложились обстоятельства – не могла попасть на экзамен по рисунку: все лето болела бабушка, за которой я ухаживала, пока ее в очень тяжелом состоянии не увезли в больницу. Появилась я у дедушки поздно вечером, такая огорченная случившимся, что сомневалась – смогу ли собраться с мыслями, чтобы на следующее утро, согласно расписанию, писать в институте сочинение по литературе. В беседах с нами внучками дедушка был особенно внимательным, он сказал: «Ты всегда хорошо училась и не виновата, что болела бабушка… Сколько дней тебе надо, чтобы подготовиться к экзамену? Я ответила: «Хотя бы день, чтобы успокоиться». Он стал долго молиться… Каково же было мое удивление: придя в институт, я прочитала объявление, что для тех, кто не знал, что экзамен начинается раньше, он будет проводиться в следующий день…»*[34].

Саадья Симович Ельяшевич скончался в Москве 27 января 1940 года на восемьдесят шестом году жизни. По сведениям дочери Ельяшевича Тамары Саадьевны Бабаджан (Ельяшевич) ее отец был похоронен на татарском кладбище (Даниловском), а затем, после его закрытия, перезахоронен на Востряковском кладбище. Организацию похорон взял на себя Борис Саадьевич Ельяшевич, который жил тогда в Подмосковье, в деревне Ново-Александрово.

По призванию «торани»[35], а не ремесленник, Саадья Ельяшевич был вынужден заниматься всю жизнь ремеслом, но душа стремилась к постижению тайн Торы – он не только досконально изучил тексты Священного Писания, но также составил к ним свои собственные комментарии. Любовь к Торе, к своей религии и своему народу жила в сердце Саадьи Ельяшевича с того самого момента, когда он осознал свою принадлежность к караимскому народу и караимской религии и до той секунды, когда сердце это остановилось в один из холодных зимних дней. Вот что напишет о своем отце Б.С.Ельяшевич в «Караимском биографическом словаре»: *«В заключение следует отметить, что Е. был большим и сознательным патриотом и весьма активным членом тех караимских обществ, среди которых ему приходилось жить. При этом*

[33] Написано со слов Т.С.Бабаджан.

[34] *Попова И.Б.* Вспоминая самое святое (неопубликованное) // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги».

[35] Торани – знаток Торы.

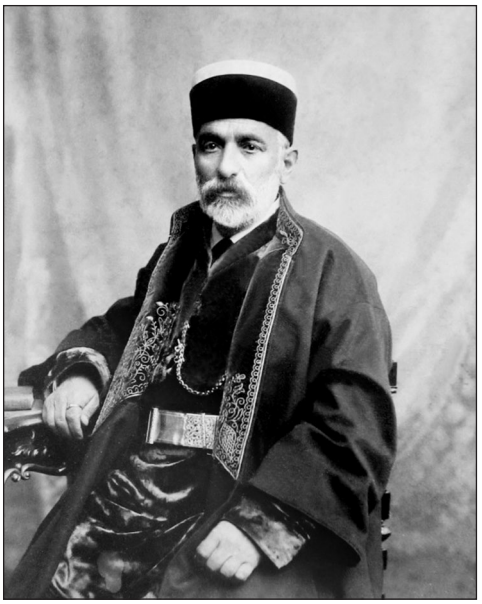
Е., обладавший приятным тенором и хорошо знавший караимские духовные мотивы, неоднократно бесплатно исполнял обязанности газзана в своих общинах, по их просьбе, когда они оставались без газзана». Конечно, невозможно рассказать о человеке, основываясь лишь на немногих фактах из его жизни. Но, возможно, не было бы и этого очерка, если бы не личное общение автора с дочерью Саадьи Ельяшевича Тамарой Саадьевной Бабаджан, рассказавшей некоторые интересные факты из жизни ее семьи и оживившей в долгих разговорах о прошлом образ своего отца.

Известия Духовного управления религиозных организаций караимов, № 18 (27)

Сергей
Шайтанов

ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ И ААРОН МОИСЕЕВИЧ КЕФЕЛИ

В караимской истории не раз встречалось, когда несколько поколений одной семьи посвящали свою жизнь служению у алтаря и духовному взращиванию своей паствы. Так, например, одесский газзан А.Д.Бейм имел двоих сыновей, Соломона и Исаака, которые служили газзанами. Сыновья С.А.Бейма, Абрам и Моисей, также пошли по стопам своих отца и деда. Нельзя не упомянуть в данном контексте и семьи Султанских, Нейманов и так далее. Тому есть масса примеров, когда воспитание в духе родной религии является залогом существования караимской общины, что способствует выдвижению из ее среды таких преданных своей вере и своему народу людей, какими были Иосиф Моисеевич и Аарон Моисеевич Кефели. Свое повествование мы начнём со старшего брата – Иосифа.

Иосиф Моисеевич Кефели.
Фото из архива С.М.Кефели

Иосиф (Иосиф-Соломон[1]) Моисеевич Кефели родился в 1846 году. Он был сыном евпаторийского мещанина Моисея Яковлевича Кефели, по определению Б.С.Ельяшевича «скромного и благородного евпаторийского меламмеда»[2]. Мать, Сарра Мишаэлевна, происходила из семьи Ходжаш. Воспитание И.М.Кефели получил домашнее. Вместе с младшим братом Ааароном проходил обучение в мидраше своего отца в Феодосии[3] и в 1861 году получил от караимского Духовного Правления свидетельство о прохождении «известного курса библейского [т. е. древнееврейского] языка»[4], что давало ему право занимать духовные должности в караимской общине и преподавать в караимских приходских училищах. Но поначалу Иосиф Моисеевич выбрал для себя

[1] ГАРК. Ф 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 80об.

[2] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова. Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 96. (Материалы к серии «Народы и культуры»).

[3] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1743. Л. 8.

[4] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 773. Л. 8.

другой путь – он занялся коммерцией, что позволило ему перейти в сословие николаевских купцов. В г. Николаеве он занимался реализацией мануфактурного и галантерейного товаров[5]. Одновременно вел общественную и благотворительную деятельность. В 1884 году И.М.Кефели стал одним из трех уполномоченных николаевского караимского общества (вместе с И.И.Бороховичем и М.И.Когеном) по сбору добровольных пожертвований «на усиление средств николаевского караимского училища» среди единоверцев Российской империи, получив на это разрешение императора[6]. Иосифу Моисеевичу вместе с коллегами удалось многое сделать для николаевского мидраша и его учащихся. Ему же была поручена обязанность попечителя для наблюдения за преподаванием древнееврейского языка[7].

12 сентября 1899 года симферопольским караимским обществом был составлен приговор, по которому на должность старшего газзана симферопольской кенасы был избран николаевский купец И.М.Кефели. 29 ноября вместе с семьей он переезжает в Симферополь, а 28 февраля 1900 года Таврическое губернское правление утверждает И.М.Кефели в должности младшего газзана при симферопольской кенасе[8]. В Симферополе И.М.Кефели проживает в собственном доме по ул. Фонтанной, 18 (ныне ул. Сергеева-Ценского, 16). Занимаясь большую часть своей жизни торговлей, И.М.Кефели нажил себе некоторый капитал, который позволял ему иметь и содержать одновременно три дома: в Евпатории в переулке № 13, в Николаеве по ул. Столярной, 5, а также в Симферополе[9]. Помимо службы газзаном И.М.Кефели преподавал караимское вероучение в симферопольском караимском бесплатном женском училище, заведующей которым в то время была Рахиль Яковлевна Хаджи[10]. В Симферополе И.М.Кефели прослужил до начала 1904 года. 9 марта 1904 года он был утверждён одесским градоначальником в должности старшего газзана одесской кенасы вместо умершего еще в 1900 году Ю.И.Савускана[11]. 1 января 1905 года И.М.Кефели был Высочайше пожалован серебряной медалью для ношения на груди на Аннинской ленте[12]. В Одессе И.М.Кефели прослужит газзаном до дня своей смерти в 1927 году. Здесь он имел честь дважды предстать перед российским императором Николаем Александровичем. Первый раз И.М.Кефели представлял караимскую общину во время приезда императора в Одессу 2 июня 1914 года. Тогда на железнодорожном дебаркадере «Одесса-Главная», куда должен был прибыть царь, собрались многочисленные депутации чинов гражданского ведомства. Среди них был и газзан И.М.Кефели, который произнес в адрес императора следующую речь:

[5] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Том первый. 1899. С. 1423.

[6] Разные известия // Русский еврей. СПб., 1884. № 34 (2 сентября). Стб. 10.

[7] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 826. Л. 2–3.

[8] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 773. Л. 1, 3, 7–9, 16.

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 902. Л. 252.

[10] Адрес-календарь служащим в Таврической губернии на 1904 год. Симферополь, 1904. С. 66.

[11] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 6об.

[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1205. Л. 3об.

«Ваше Императорское Величество! Одесское караимское общество счастливо повергнуть к священным стопам обожаемого Монарха свои верноподданнические чувства беспредельной любви и преданности и всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество осчастливить принятием хлеба-соли»[13]. На следующий год 14 апреля Николай II вновь посетил Одессу. Тогда опять же у одесского вокзала собрались различные делегации, в том числе и караимская, состоящая из старшего газзана И.М.Кефели, председателя выборных[14] Авраама Моисеевича Майкапара, членов общества: врача Симы Ааронович Кальфе и инженера Аарона Самойлович Панпулова. Представители караимской общины выразили императору свои верноподданнические чувства и преподнесли на серебряном подносе государю пять тысяч рублей для распоряжения ими Его Императорским Величеством. «Государь Император соизволил выразить благодарность одесскому Караимскому обществу за приветствие и за сделанное пожертвование на нужды, вызванные войной», – освещала это событие печать[15].

15 мая 1908 года одесский газзан И.М.Кефели принял участие в торжестве освящения новой кенасы в г. Севастополе. Севастопольская газета «Крымский вестник» в статье «Освящение караимской кенасы в Севастополе» писала: «Все начальствующие лица остановились у стены здания новой кенасы, обращенной к зданию старой кенасы, откуда вскоре газанами, во главе с одесским газаном г. Кефели были вынесены свитки Священного писания и при пении гимна: «Счастлив ты еси, Израиль», торжественная процессия, при пении хора стоявшего на верхней террасе двора, направилась к новой кенасе и совершила троекратный обход вокруг здания»[16]. Фотография с освящения, на которой запечатлены газзаны со свитками Торы в руках, была напечатана в журнале «Караимская жизнь» в июле 1911 года[17].

С 1 по 9 ноября 1910 года в Евпатории проходил первый национальный караимский съезд, на который съехались представители от разных общин караимов Российской империи. От караимской общины Одессы в этом съезде участвовали старший газзан И.М.Кефели, врач С.А.Кальфа и потомственный почетный гражданин М.С.Сарач. В ходе заседаний И.М.Кефели вошел в три рабочие комиссии съезда: по рассмотрению проекта об изменении и дополнении устава духовных дел караимов, о выработке необходимых мер для упорядочения религиозно-нравственного воспитания караимского юношества и по рассмотрению порядка исполнения некоторых ритуальных обрядов и религиозных установлений, которые подлежат изменению «по духу времени»[18].

12 января 1911 года И.М.Кефели был представлен новому одесскому градоначальнику И.В.Сосновскому, а также поздравил его от имени караимского

[13] Херсонские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Херсон, 1914. № 12. С. 382.
[14] Имеется в виду «манег», от др.-евр. «мангиг» – руководитель, предводитель.
[15] Херсонские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Херсон, 1915. № 7–8. С. 160.
[16] Освящение караимской кенасы в Севастополе // Крымский вестник. 1908. № 111 (17 мая).
[17] Торжество освящения севастопольской кенаса // Караимская жизнь. 1911. Кн. 2 (июль). С. 47.
[18] Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. 1911. Кн. 1 (июнь). С. 70–86.

общества с назначением на этот ответственный пост[19]. 13 ноября 1911 года по случаю дарения свитка Торы А.М.Майкапаром И.М.Кефели провёл богослужение с освящением дара и внесением новой Торы в кенасу. Отмечалось, что подобного торжества одесскому караимскому обществу «видеть давно не приходилось»[20]. И.М.Кефели был одним из участников делегации одесских караимов на похоронах Таврического и Одесского Гахама С.М.Панпулова 4 января 1912 года в Евпатории, где произнес речь на разговорном караимском языке[21]. От мелитопольской общины был делегирован его младший брат, Аарон Моисеевич, произнесший на похоронах слово на древнееврейском языке. В том же году И.М.Кефели за свои заслуги был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте[22]. 1 июля 1912 года на одесском караимском кладбище состоялось освящение старшим газзаном И.М.Кефели и младшим газзаном И.С.Хаджи памятника на могиле бывшего одесского старшего газзана И.А.Бейма, умершего 1 февраля 1892 года.[23] И.М.Кефели и И.С.Хаджи охарактеризовали покойного газзана «как пастыря, память о котором еще живет и будет жить среди благодарных членов его паствы». После Февральской революции летом 1917 года в Одессе по инициативе местной караимской молодежи было организовано «Одесское общество объединения караимов», целью которого было «объединение и национальное самоопределение караимов на культурно-просветительской почве»[24]. При Обществе была организована религиозно-национальная секция, в деятельности которой активное участие принимал газзан И.М.Кефели[25]. Также И.М.Кефели был членом Одесского караимского благотворительного общества, в котором он состоял казначеем[26].

В Одессе И.М.Кефели проживал вместе со своей семьей в общинном доме по ул. Ришельевской, 33[27]. Жена его, Арзу Вениаминовна Сакизчи, была дочерью николаевского купца Вениамина Давидовича Сакизчи и Берухи Иосифовны Ага[28]. У четы Кефели было семеро детей: Яков (1876–1962), Вениамин (1891 г. р.), Моисей (1893–1966), Эстер (1881 г. р.), Сарра (1883 г. р.),

[19] Одесса: хроника. Новый градоначальник и караимы // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7 (декабрь). С. 128–129.

[20] Одесса: хроника. Дар А.М.Майкапара // Караимская жизнь. 1911. Кн. 5–6/(октябрь–ноябрь). С. 140–142.

[21] Похороны Таврического и Одесского Гахама С.М.Панпулова // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7 (декабрь). С. 101; Отклики на смерть С.М.Панпулова: хроника // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7 (декабрь). С. 112.

[22] Одесса: хроника. Высочайшее пожалование // Караимская жизнь. 1912. Кн. 8–9 (январь–февраль). С. 123.

[23] Исаак Абрамович Бейм прослужил в Одессе старшим газзаном с 1867 г. до смерти [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 6об., 8]; Одесса: хроника. Освящение памятника И.А.Бейму // Караимская жизнь. 1912. Кн. 12 (май). С. 100–102.

[24] Одесса: хроника // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 4. С. 29–30.

[25] Одесса: хроника // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 1 (июль). С. 32.

[26] Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 3. С. 17.

[27] Вся Одесса: Адресная и справочная книга г. Одессы на 1906 г. Одесса, 1906. С. 7.

[28] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 77об.; там же, д. 985. Л. 252.

Аарон Моисеевич Кефели. *ЕКМ*

Анна (1887 г. р.) и Беруха (1900 г. р.)[29]. Старший сын, Яков Иосифович Кефели, в 1901 году с отличием окончил Санкт-Петербургскую Императорскую военно-медицинскую академию, участвовал в Русско-японской, Первой мировой и гражданской войнах. В 1919 году Я.И.Кефели эмигрировал в Константинополь, откуда в 1926 году переехал в Париж, где работал в амбулатории Российского общества Красного Креста и был членом правления караимского общества[30]. Младший сын И.М.Кефели, Моисей (Михаил), адвокат по профессии, в гражданскую войну служил прапорщиком. В декабре 1918 года в Одессе был приглашен на должность адъютанта командующего десантной армии по захвату Петрограда[31]. Эмигрировал сначала в Константинополь, а затем в Париж. Как и его брат, М.И.Кефели состоял членом правления парижского караимского общества[32]. Эстер Иосифовна и Сарра Иосифовна Кефели также, как и их старший брат Яков, посвятили свою жизнь врачебному делу. Анна Иосифовна служила чиновницей почтово-телеграфного ведомства.

Последний одесский газзан Иосиф Моисеевич Кефели умер в 1927 году. С его смертью караимская религиозная жизнь в Одессе прервалась, возможно, навсегда.

Младшим братом Иосифа Моисеевича Кефели был Аарон Моисеевич Кефели, родившийся в 1849 году. Он окончил мидраш со званием «рибби». По данным за 1880 год А.М.Кефели проживал в Николаеве вместе с женой, семьями отца и брата Иосифа[33]. В 1892 году началась пастырская деятельность Аарона Моисеевича, когда он приехал в Кременчуг для исправления обязанностей газзана. 27 сентября 1894 года предписанием Полтавского губернского правления он был утвержден младшим газзаном кременчугского караимского молитвенного дома[34]. Следует отметить, что в г. Кременчуге Полтавской гу-

[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 252.

[30] *Васильев К.К.* Доктор медицины Я.И.Кефели (1876–1962) // Сумська старовина. Суми, 2010. № 31–32. С. 157–8.

[31] *Волков С.В.* База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2014. Бука «К» // [Персональный сайт С.В.Волкова]. Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc–01.htm (дата обращения: 30.01.2016).

[32] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1979. Том 3. И-К / Российская государственная библиотека; Сост. В.Н.Чуваков. М., 2001. С. 266.

[33] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 80 об.

[34] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1023.

бернии молитвенный дом караимов был утвержден еще в 1870 году Полтавским губернским правлением[35]. С 1871 по 1891 год старшим кременчугским газзаном служил Магол Якутиелевич Калиф[36]. В Кременчуге А.М.Кефели прослужил до 5 апреля 1907 года, когда был уволен по собственному желанию. За время проживания в Кременчуге А.М.Кефели был награжден в 1897 году темно-бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи, а в 1904 году он был Высочайше пожалован золотой медалью для ношения на груди на Станиславской ленте. В 1906 году кременчугская караимская община ходатайствовала о награждении своего газзана медалью «За усердие» за его «...продолжительное, беспорочное и особо полезное духовное служение…» и ввиду того, что благодаря стараниям А.М.Кефели община обогатилась купленной недвижимостью[37]. Увольнение А.М.Кефели с поста кременчугского газзана в 1907 году было связано с заключением им 1 февраля 1907 года с караимской общиной Каира договора, согласно которому А.М.Кефели три года должен был занимать должность «Гахам Акбар» египетских караимов. Приехав в Каир, Аарон Моисеевич планировал провести реформы в укладе местных караимов, но нашел это невозможным. Незнание арабского языка и обычаев каирских караимов во многом мешало продуктивной деятельности нового Гахама на своем посту. Религиозный совет предложил в помощь А.М.Кефели Юсуфа аль-Гамиля, который в качестве проводника сопровождал бы его везде, куда бы он ни ходил. Тем не менее, из-за разногласий с обществом караимов Египта по поводу вопроса о наследовании женой Лиэто Исхака Леви имущества ее брата Юсуфа Абу Камара, срок пребывания в должности Гахама А.М.Кефели был досрочно прекращен. Домой он вернулся 27 августа 1907 года. Подробности своего нахождения в Каире, который он называл «Матерью чудес», А.М.Кефели описал в дневнике, позже опубликованном в России[38]. Возвратившись домой, он снова занял должность младшего газзана при кременчугском караимском молитвенном доме, где прослужил вплоть до ноября 1908 года. Тогда же он был переведен старшим газзаном в мелитопольскую кенасу, заменив умершего старшего газзана С.-Ш.И.Бобовича[39].

В ноябре 1910 года А.М.Кефели принял участие в проходившем в Евпатории первом караимском национальном съезде, где вместе с М.С.Камбуром представлял мелитопольскую общину[40]. На известной фотографии участников съезда А.М.Кефели запечатлён рядом со своим братом, одесским газзаном И.М.Кефели. Прослужив в Мелитополе газзаном пять лет, А.М.Кефели скончался 2 сентября 1913 года. На похороны своего пастыря собралась вся мелитопольская община. Во дворе кенасы свои речи о покойном произнесли: харьковский газзан М.Э.Фенерли, одесский газзан И.М.Кефели, бывший фе-

[35] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 13.
[36] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 35–36.
[37] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1023. Л. 1.
[38] *Mourad El-Kodsi.*The Karaite Jewsof Egypt.1882–1986 [2nd Edition]. 2006. P. 296.
[39] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 26–27.
[40] Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. 1911. Кн. 1 (июнь). С. 73–4.

одосийский газзан Б.М.Бабаев[41] и М.Я.Фиркович. На кладбище сказал слово ученик А.М.Кефели, Ю.М.Фиркович, отметивший его ровный голос во время проведения богослужения, добрый и отзывчивый нрав. «Только своими положительными качествами завоевывал он нашу всеобщую любовь и преданность… он был чужд национальной нетерпимости и оделял всех обращавшихся к нему ровной любовью и помощью», – произнес Ю.М.Фиркович[42]. Б.С.Ельяшевич так отзывается об А.М.Кефели: «Своими знаниями А.М.Кефели не выделялся и научно-литературной работой не занимался. Но был большим патриотом и истым караимом, горячо любил все родное, национальное и такую же любовь ко всему караимскому старался возбуждать и у всех своих собратьев. Кроме того, Кефели обладал ровным, красивым голосом, хорошо знал все караимские напевы и своим задушевным богослужением производил впечатление на молящихся»[43].

Аарон Моисеевич Кефели был женат на Гулюш Бераховне Ходжаш, дочери бахчисарайского мещанина Берахи Моисеевича Ходжаша и Эстер Авшаломовны Танатар[44]. Имел троих детей: сына Моисея (1885 г. р.), окончившего в 1915 году с отличием Санкт-Петербургский практический технологический институт[45], дочерей Сарру (1893 г. р.) и Эсфирь (1900 г. р.)[46].

Таковы судьбы двух братьев и двух газзанов Иосифа Моисеевича и Аарона Моисеевича Кефели.

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 19 (28)

[41] Бабаджан Моисеевич Бабаев был женат на родной сестре А.М. и И.М.Кефели, Султан Моисеевне [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 133; там же. Ф. 499, Оп. 1. Д. 32. Л. 10].

[42] Мелитополь : хроника текущей жизни // Караимское слово. Вильна, 1913. № 3–4 (сентябрь–октябрь). С. 19–20.

[43] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 96.

[44] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 78об., 80об.

[45] Список лиц, окончивших Технологический институт за 100 лет / Технологический институт имени Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Т. 1. Ленинград: Издание Технологического института, 1928. С. 632.

[46] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1023.

Вячеслав
Ельяшевич

СУЛТАНСКИЕ: ОТЕЦ, СЫНОВЬЯ И ВНУК

К семье Султанских в Крыму, пожалуй, можно применить библейскую аллегорию о виноградной лозе, перенесенной из Египта на благодатную почву Святой Земли[1]. Приехав в Крым с Волыни, Султанские преуспели как священнослужители и учителя, чем принесли немало пользы караимской общине. «Фамилия эта, – пишет И.И.Синани, – подобно Кокизовым, прославилась среди нас своей ученостью и достойными представителями среди нашего духовенства»[2].

Самый известный представитель семьи, Мордехай Иосифович Султанский, родился в городе Луцке в 1771 году в семье местного газзана и учителя[3]. Сам Мордехай Иосифович становится газзаном примерно в 1804 году. По сведениям Б.С.Ельяшевича, в 1811 году М.И.Султанский по приглашению С.С.Бобовича переехал из Луцка в Чуфут-Кале, где занял должность газзана, однако, архивные документы и другие письменные источники говорят нам о том, что это произошло значительно позже. Во-первых, сам Мордехай Султанский упоминает случай, когда в 1813 году в Луцке сгорела караимская кенаса со всеми близлежащими домами, и в том числе с его собственным домом, пожар распространился так быстро, что он почти ничего не смог вынести из горящего дома[4]. Во-вторых, как следует из предисловия к сочиненному Мордехай Султанским адресу в честь российского императора Александра I, в 1818 году он был избран в «архи рабины над всема в Караимском Луцком кагале находящимися рабинами», а его сын Исаак – «кантором или вице рабином»[5]. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить о пребывании Мордехая Султанского в Чуфут-Кале не ранее 1826 года. Так, например, во время посещения Чуфут-Кале в 1826 году библеист Эвенезер Гендерсон встречался с «главным раввином по имени Исаак», которым, без всякого сомнения, являлся Исаак бен Шеломо (1754/55–1826), автор известного астрономического трактата «Ор га-левана» («Лунный свет»), в течение долгих лет занимавший должность газзана в этом старинном городке[6]. Исаак бен Шеломо скончался в 1826 году, и после него газзаном в Чуфут-Кале служил Мордехай Соломонович Казас (1779–1835)[7].

[1] Пс., 80:9.

[2] *Синани И.И.* История возникновения и развития караимизма. СПб., 1890. Ч. II. С. 278.

[3] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». Издательство Российской академии наук институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 1993. Вып. XIV. Караимы. Кн. 2. С. 182.

[4] *Дейнард Э.* Массо Крым. Варшава, 1878. С. 18 (перевод с иврита В.А. Ельяшевича).

[5] РГБ. Ф.142. № 425.

[6] *Гендерсон Э.* Библейские разыскания и странствия по России, включая Путешествие по Крыму и переход через Кавказ (перевод с английского В.Л.Вихновича, А.А.Алексеева). СПб., 2006. С. 202; *Исаак бен Шеломо*. Ор га-левана. Житомир, 1872. С. 1–6.

[7] Тешуат Йисраэль. С. 58.

Как видим, должность газзана в Чуфут-Кале в 1820-е годы занимали другие люди. Лишь с 1833 года в письменных источниках Мордехай Султанский упоминается как газзан Чуфут-Кале, из чего следует, что примерно в это время он и переехал из Луцка в Крым. Так как Чуфут-Кале имел популярность в качестве туристического объекта, если выразиться современным языком, в 1830-х годах Мордехаю Султанскому нередко приходилось принимать в этом старинном городке почтенных и знатных гостей, которым он показывал кенасу и свитки Торы. В 1833 году по приглашению П.И.Кеппена Мордехай Султанский исследовал караимский некрополь Мангупа, найдя в нем самый ранний памятник 1274 года, и выступал в качестве консультанта по истории караимов[8]. В 1837 году вместе с Гахамом С.С.Бобовичем Султанский принимал в Чуфут-Кале императора Николая I с супругой Александрой Федоровной[9].

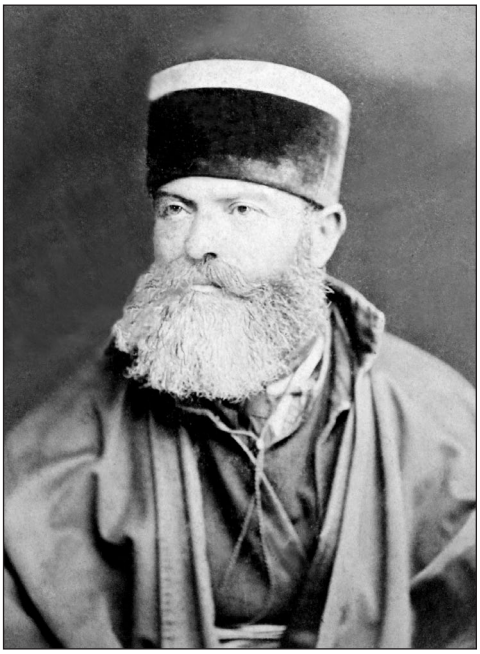
Мордехай Султанский известен также как учитель Авраама Самуиловича Фирковича, однако, между учителем и учеником еще в Луцке произошел конфликт, сделавший их врагами на всю оставшуюся жизнь, причину которого историк И.И.Синани видит в разногласии в богословских вопросах, но есть и другие точки зрения[10]. Другим известным учеником Мордехая Султанского был Соломон Авраамович Бейм (1817–1867)[11].

Известно, что Мордехай Султанский был газзаном в Чуфут-Кале как минимум до 1841 года[12]. В 1840-х годах, точнее сказать пока мы не можем, он переехал в Евпаторию, по словам Б.С.Ельяшевича «на некоторое время», а затем, вероятно, во время Крымской войны, – в Херсон, где служил старшим газзаном. По словам И.И.Синани последние годы своей жизни Мордехай Султанский жил в семье своего старшего сына Исаака. Скончался 20 сентября 1862 года в Николаеве в возрасте девяноста двух лет[13]. *«Мордехай Султанский*, – пишет И.И.Синани, – *можно сказать, что не умер, а механизм его организма просто перестал действовать от дряхлости»*[14].

Мордехай Иосифович Султанский, он же Луцкий, известен как автор сочинений на древнееврейском языке религиозно-дидактического содержания, два из которых, «Тетив даат» и «Петах тиква», даже были изданы при его жизни в 1857 и 1858 годах[15]. Его перу также принадлежит сочинение на историческую тему под названием «Зехер чаддыким», первый в истории крымских караимов опыт караимской историографии. Книга «Зехер чаддыким» была издана в Варшаве в 1920 году под редакцией Самуэля Познанского.

Мордехай Султанский был женат на Биче Мортхаевне (в девичестве Болек), 1801 года рождения (скончалась в 1874 году в Бахчисарае). Из его детей известен сын Исаак, так же, как и отец, служивший газзаном в Луцке. Есть все

[8] *Кеппен П.* Крымский сборник. СПб., 1837. С. 289; *Фиркович А.С.* Сефер авнэ-зикарон. Вильна, 1872. С. 14.
[9] *Синани И.И.* История возникновения… С. 278.
[10] *Синани И.И.* История возникновения… С. 282.
[11] Пигит С.Ш. Дни минувшие // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6. С. 10–11.
[12] Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192.
[13] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 462. Л. 109.
[14] *Синани И.И.* История возникновения… С. 278.
[15] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 183–184.

Исаак Мордехаевич Султанский.
ЕКМ

основания полагать, что Исаак Мордехаевич умер в молодом возрасте. На это нам указывает, во-первых, тот факт, что его имя не встречается в документах того времени, когда семья проживала в Крыму, а во-вторых, что в 1828 году у четы Султанских родился сын, который также был назван Исаак, а у караимов было принято передавать имя умершего ребенка следующему, рожденному за ним. Кроме умершего Исаака, у М.И.Султанского было три сына: Исаак, 1828 года рождения, Моисей, 1834 года рождения и Илья, 1835 года рождения. Известно, что младший сын Мордехая Султанского, Илья, обосновался в Николаеве, где проживал вместе с женой Алтын и детьми Яковом, Самуилом, Мордехаем и Ривкой[16]. Старший и средний сыновья, Исаак и Моисей, так же, как их отец, стали газзанами, но наиболее яркий след в истории оставил старший, Исаак.

Исаак Мордехаевич Султанский (1828–1899) занимал должность газзана и учителя в разных городах на протяжении более чем сорока лет. Историк И.И.Синани сообщает о его пятидесятилетней службе газзаном, а биограф Б.С.Ельяшевич и вовсе о шестидесятилетней, но архивные документы говорят нам о том, что Исаак Султанский перешел в духовное сословие в 1860 году. В конце 1850-х годов он переехал (вероятно, из Одессы) в Евпаторию, где открыл частную школу. В контексте биографии И.М.Султанского большой интерес представляет эпизод одного из его уроков, описанный в книге Я.В.Дувана «Мои детские и юношеские годы»[17]. Я.В.Дуван характеризует И.М.Султанского как «усердного педагога», который помимо дневных занятий проводил еще дополнительные двухчасовые занятия у себя дома.

Впервые в должность газзана Исаак Султанский вступил 2 октября 1859 года по избранию Евпаторийского общества[18]. Переведен из мещанского в духовное сословие 22 августа 1860 года. Однако, прослужив несколько лет в большой кенасе Евпатории, Исаак Султанский был уволен за «поступки, противные духовным обязанностям», которые заключались в том, что он «бывает на всех светских представлениях, как то: в кофейнях и театрах, употребляет

[16] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 81.
[17] Мои детские и юношеские годы. Из автобиографии Я.В.Дувана // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7. С. 69.
[18] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 1.

горячие напитки, шатаясь по кофейням и винным погребам, распространяет разные ложные слухи, касающиеся части порядочных семейств, и пристрастен к лихоимству»[19]. Во всяком случае, именно так, слово в слово, написано в ходатайстве караимской общины перед Таврическим и Одесским Караимским Духовным Правлением (ТОКДП) об увольнении газзана Султанского. В результате этого ходатайства Исаак Султанский в 1863 году был отстранен от должности, и по постановлению ТОКДП над ним было назначено следствие. Как выяснилось позже, следствие это, которое было поручено помощнику Евпаторийского исправника Августиновичу, так и не было начато, а согласно отзыву самого Султанского, по делу о его неблаговидных поступках его никто не допрашивал[20].

В 1869 году Исаака Султанского на должность газзана избрала севастопольская караимская община. В Севастополе он находился на неофициальном положении до 1 июня 1882 года, когда Севастопольским градоначальником он был утвержден на должность старшего газзана[21]. В общей сложности Исаак Султанский прослужил газзаном в Севастополе двадцать лет – с 1869 по 1889 год. Согласно заявлению ТОКДП никаких жалоб на него со стороны караимов за все это время не поступало[22].

Зная о высоком авторитете Султанского в караимском обществе, а также о данной ему Я.В.Дуваном характеристике трудолюбивого учителя, трудно представить этого человека «шатающегося по кофейням и винным погребам», как написано в ходатайстве евпаторийской общины. Возможно, тот факт, что следствие так и не было начато, а сам Султанский через несколько лет вновь занял должность газзана и был утвержден в ней Духовным Правлением, дает нам возможность оправдать караимского газзана и отнести случившийся инцидент к интригам.

С 1889 по 1894 год Исаак Султанский служил старшим газзаном в Симферополе, с 1894 по 1899 год, до самой своей смерти – старшим газзаном в Бахчисарае[23]. Пройдя долгий путь учителя и газзана, Исаак Султанский оставил о себе добрую память в народе как педагог и замечательный певчий (митпалель). Среди многочисленных учеников Исаака Султанского такие известные личности, как Исаак Иосифович Синани (1833–1890), автор сочинения «История возникновения и развития караимизма», и севастопольский газзан Товия Симович Леви-Бабович (1877–1956). Вот, что пишет об Исааке Султанском в «Караимском биографическом словаре» Б.С.Ельяшевич: *«Султанский славился в народе не только как даровитый ученый и педагог и прекрасный проповедник, но еще и как один из лучших митпалелей (певчих) своего времени, владевший красивым, приятным и довольно сильным голосом тенором, и отлично знавшим все напевы и мотивы крымских караимов. Султанский написал изрядное количество проповедей, но, к сожалению, все они погибли»*[24].

[19] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
[20] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 291. Л. 6–7.
[21] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 3.
[22] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 291. Л. 6–7.
[23] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 16–17.
[24] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 181.

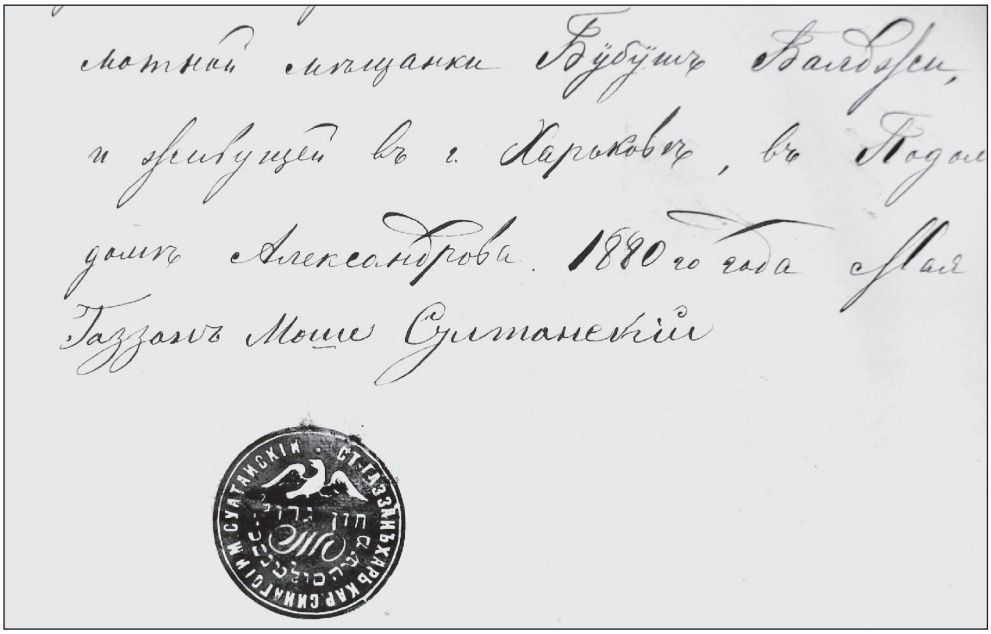
Печать И.И.Султанского. *ЕКМ*

Скончался Исаак Султанский 21 мая 1899 года и похоронен в Иосафатовой долине. 27 мая в столичной газете «Салгир» была опубликована речь, произнесенная на похоронах И.М.Султанского неизвестным автором из севастопольских караимов, в которой потеря газзана сравнивалась с потерей таких известных караимских деятелей, как Абен Яшар и А.С.Фиркович. *«Не стану я распространяться о его заслугах, дорогие братья!* – читаем мы в некрологе. – *О них вам известно не хуже, чем мне, о них же вам могут сообщить его ученики и все обездоленные, униженные и оскорбленные судьбою, которые всегда находили в его великодушном сердце гостеприимный уголок и которым он никогда не отказывал в своей помощи и утешении; о них же могут вам поведать и многочисленные его друзья и почитатели, которых души покоряла ему его обаятельная личность; о них же могут свидетельствовать и те общины, в которых в течение своей трудовой жизни он служил посредником между Богом и людьми»*[25].

Исаак Мордехаевич Султанский был женат дважды. Первый раз на Назлы Моисеевне, и от этого брака родились дети: Иосиф, будущий киевский газзан, в 1851 году, Реввека в 1853 году, Беим в 1854 году и Рахиль в 1857 году (все три дочери умерли молодыми). Вторым браком был женат на Деворе Юфудовне Эгиз[26], от которой имел сыновей Мордехая (Марка), родившегося в 1875 году, и Симу, родившегося в 1878 году[27]. Известно, что Марк Исаакович Султанский в 1920 году проживал вместе со своей женой в Симферополе на улице Серова, в самом центе города напротив Александро-Невского собора[28].

Старший сын И.М.Султанского, Иосиф (1851–1922), так же, как и его дед и отец, стал караимским священнослужителем. В 1876 году он закончил обучение в евпаторийском мидраше, выдержав экзамен на звание рибби. Когда в 1879 году был учрежден караимский молитвенный дом в Полтаве, Султанский занял в нем должность младшего газзана. В 1883 году утвержден в должности младшего газзана киевского молитвенного дома. С этого времени Иосиф Султанский – бессменный газзан в Киеве вплоть до 1920-годов. В 1892 году утвержден в должности старшего газзана в Киеве. Имел несколько наград: золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской и Станиславской лентах, серебряную медаль с надписью «За усердие»

[25] Речь, произнесенная на похоронах И.М.Султанского // Салгир. 27.05.1899. С. 1–2.
[26] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.
[27] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 403. Л. 7.
[28] ГАРК. Р–219. Д. 62в.

Печать Моисея Султанского. *ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 281. Л. 46.*

для ношения на шее на Станиславской ленте, медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904–1905 гг., светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, а в 1903 году удостоен звания Потомственного Почетного Гражданина[29].

Иосиф Исаакович Султанский был женат на Эстер Соломоновне, урожденной Илик, и имел детей: Бераху (1881 г. р.), Рахиль (1882 г. р.), Исаака (1885 г. р.), Ревекку (1887 г. р.), Анну (1891 г. р.), Соломона (1895 г. р.). Караимский биограф Б.С.Ельяшевич сообщает нам о том, что Иосиф Султанский *«имел прекрасный голос – бас и музыкальный слух, и отличался редким добродушием и располагающим характером, благодаря чему пользовался среди караимов всеобщим уважением»*. В заслугу Иосифу Султанскому, оказавшему влияние на киевских табачных фабрикантов братьев Когенов, Б.С.Ельяшевич ставит строительство кенасы в Киеве[30]. Современник Иосифа Султанского газзан и историк И.И.Синани писал о нем как о «весьма прославленной и уважаемой личности»[31].

И, наконец, надо упомянуть второго сына Мордехая Иосифовича Султанского – Моисея (1834–1890), который с 1872 года и до самой своей смерти в 1890 году служил газзаном в Харькове. А до того как в Киеве газзаном был избран его племянник Иосиф, к его приходу в Харькове причислялась и киевская община. Моисей был женат дважды: первый раз на Эстер Юфудовне

[29] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 224–227.
[30] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 180–181.
[31] *Синани И.И.* История возникновения… С. 278.

Шайтан, второй – на Беим Абрамовне Тепси[32]. Известно, что у него были сыновья Иосиф-Шалом, Юфуда, Исаак и дочери Бекинеш, Эсфирь и Биче. Сын Исаак с семьей в 1920 году проживал в Симферополе на улице Караимской, д. 2, через дом от караимской кенасы[33]. Вероятно, в Симферополе проживал и его старший сын Иосиф, подписавшийся «вместо когена» в симферопольском шетаре 1924 года[34]. К сожалению, ничего более этого о Моисее Султанском мы не знаем, а в биографическом словаре Б.С.Ельяшевича ему посвящено ровно четыре строки. Так же, как и его племянник Иосиф Султанский, который был первым газзаном в Полтаве, Моисей Султанский был первым утвержденным газзаном в Харькове.

Таким образом, мы видим, что из семьи Султанских вышло четыре газзана, несущих службу во многих городах Крыма и за его пределами. Например, в Киеве Султанские бессменно были газзанами более пятидесяти лет! Семья Султанских – одна из самых известных караимских семей в Крыму, да и во всей Российской империи, которая в течение почти ста лет, со времени приезда в Евпаторию в 1830-х годах Мордехая Султанского и до смерти его внука Иосифа в 1922 году служила у алтаря караимскому народу.

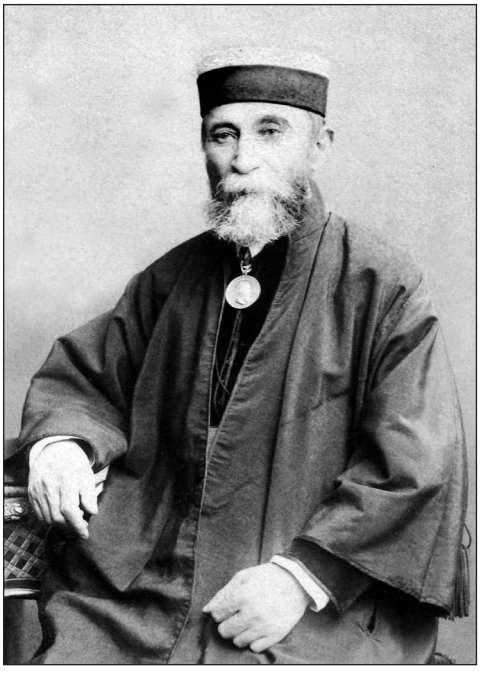
Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 25 (34)

[32] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 127.
[33] ГАРК. Р–219. Д. 64а.
[34] ЕКМ, шетар 1924 г.

Сергей
Шайтанов

ИСААК АБРАМОВИЧ БЕЙМ (1828—1892)

Исаак Абрамович Бейм – старший газзан, представитель известной караимской династии Беймов, младший брат Соломона Абрамовича Бейма (1817–1867) – старшего газзана в Чуфут-Кале и Одессе, просветителя и общественного деятеля, исполняющего обязанности Таврического и Одесского Гахама в 1855–1857 годах. Отец их, гевир и газзан Авраам Давидович Бейм, родом из Чуфут-Кале, в 1818 году был избран на должность бургомистра в Бахчисарайскую ратушу[1]. В Одессу А.Д.Бейм перебрался, вероятно, в 1820-х годах, так как известно, что в 1827 году в этом городе вместе с другими местными караимами он принимал делегацию во главе с С.С.Бобовичем, направлявшуюся в Санкт-Петербург с ходатайством об отмене для караимов рекрутской повинности[2]. Основным занятием А.Д.Бейма была коммерция. По словам И.И.Казаса, в Одессе он вел «довольно обширную торговлю»[3], но, потерпев финансовую неудачу, в 1844 году был избран на должность старшего газзана в Одессе[4]. Малоизвестен тот факт, что Авраам Бейм, состоя одесским 3-й гильдии купцом, весной 1839 года был одним из кандидатов на пост Гахама караимского духовенства Таврической губернии и г. Одессы и занял по результатам подсчетов второе по-

Исаак Абрамович Бейм.
Фото из фондов Музея истории и этнографии крымских караимов имени С.И.Кушуль

[1] *Прохоров Д.А.* Караимская община Бахчисарая в конце XVIII – начале XX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2015. Выпуск XX. С. 466.

[2] *Луцкий Йосеф-Шеломо бен Моше*. Иггерет Тешуат Исраэль. Евпатория, 1841. С. 17.

[3] *Казас И.* О мерах для поддержания Чуфут-Кале // ИТУАК. Симферополь, 1890. № 10. С. 61.

[4] *Прохоров Д.А., Белый О.Б.* Обзор документов фонда Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления из государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сб. / ред.-сост. В.Н.Зинько. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 526.

сле Симы Бобовича место[5]. А.Д.Бейм также имел большую библиотеку, в которой хранились редкие рукописи, как, например, «Шеол Шаал» – труд о шехите (ритуальном убое скота) караимского богослова первой половины XVIII века Авраама бен Йошиягу Йерушалми[6]. Богатствами этого собрания пользовались такие известные учёные, как С.Пинскер, А.Готлобер и другие[7]. Умер А.Д.Бейм в 1856 году в Одессе[8]. После его смерти обязанности старшего одесского газзана до 1867 года исполнял Соломон Абрамович Бейм. В том же году 5 сентября в этой должности Указом Таврического губернского правления был утвержден Исаак Абрамович Бейм[9], биографию которого мы и попытаемся восстановить в данной статье.

Родился И.А.Бейм в 1828 году, предположительно, в Одессе. Окончил чуфуткальское караимское училище, русскому языку обучался в домашних условиях. Б.С.Ельяшевич называет учителем И.А.Бейма его старшего брата – Соломона Бейма[10]. Далее Исаак Абрамович переселяется в Феодосию, причисляется к феодосийскому мещанству. В 1862 году избирается торговым депутатом (лицом, состоящим при городской думе и осуществляющим надзор за торговлей) и кандидатом в городские головы Феодосии, а затем в течение трёх лет исправляет должность феодосийского городского головы[11]. В 1865 году И.А.Бейм покидает Феодосию и переезжает в Херсон, где становится учителем древнееврейского языка при местном караимском училище. В 1866 году у него умирает жена – Анна Ароновна, урожденная Казас, родившая ему в Феодосии троих детей: Абрама (1860), Аарона (1862), Беруху (1864) и в 1866 году в Херсоне сына Давида, умершего в 1868 году в Одессе[12]. В 1867 году Исаак Абрамович заключает брак с дочерью старшего газзана г. Армянска Давида Ботука – Рагелью Давидовной. В том же году, как уже было сказало, И.А.Бейм утверждается старшим газзаном одесской кенасы. Наверное, Исаака Бейма можно назвать единственным газзаном в караимской истории, который занял духовную должность, будучи до того городским головой! Если переквалификация из купцов в газзаны у караимов была обыденным явлением, то жизненный путь И.А.Бейма, в таком случае, заслуживает особого внимания у исследователей биографий караимских деятелей.

В 1870 году И.А.Бейм издает в Одессе трактат караимского богослова XV века Элиягу Башиячи «Аддерет Элиягу»[13]. Совместно с перекопским газзаном

---

[5] Там же. С. 523.

[6] Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1. А – Алмемар. СПб., 1908. Стлб. 286.

[7] Там же. Т. 4. Бе-Абидан – Брес. СПб., 1909. Стлб. 41.

[8] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 233. Л. 30.

[9] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 7.

[10] *Ельяшевич Б. С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / Под ред. М.Н.Губогло, А.И.Кузнецова. Л.И.Миссоновой, Ю.Б.Симченко, В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Кн. 2. С. 20. (Материалы к серии «Народы и культуры»; Вып. XIV).

[11] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 902. Л. 262.

[12] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 427. Л. 11.

[13] Еврейская энциклопедия : Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 4. Бе-Абидан – Брес. СПб., 1909. Стлб. 42.

Зарахом Хорченко им был подготовлен к печати «Молитвенник по обряду караимов. Часть 2», изданный в 1872 году в Одессе в типографии М.Бейленсона. С 1873 по 1885 год И.А.Бейм являлся попечителем одесского караимского училища, а в 1873 году был избран директором одесского Общества караимов для распространения просвещения и взаимного вспомоществования. В 1876 и 1883 годах И.А.Бейм участвовал в съездах караимского духовенства в Евпатории[14]. В 1886 году был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте. В Одессе И.А.Бейм проживал по ул. Троицкой, 29 в домовладении караимского общества, где также располагалась и кенаса, построенная в 1860 году[15].

От второй жены, Рагели Давидовны Ботук, И.А.Бейм имел детей, родившихся в Одессе: Давида (1875), Соломона (1877), Анну (1869), Мирьям (1872) и Мильке (1883)[16]. Старший сын, одесский 2-й гильдии купец Абрам Исаакович Бейм, занимался торговлей[17]. Аарон Исаакович Бейм имел в Одессе собственную типографию, в которой в 1898 году издал свой «Ответ на брошюру г-на С.Б. “К некоторым вопросам караимской общественной жизни”». А.И.Бейм был женат на Арзу Яковлевне Пенбек из г. Каменца-Подольского и имел от нее 4-х детей: Исаака, Анну-Рахиль, Илью и Якова[18]. Их внук – шахматист, гроссмейстер Валерий Ильич Бейм (род. 1950)[19]. Третий сын И.А.Бейма, Давид Исаакович Бейм, избрал военную карьеру: участвовал в Первой мировой войне, дослужился до звания штабс-капитана, имел ордена Св. Анны 2-й и 3-й степеней[20]. Также некоторое время состоял учителем «закона караимской веры» при одесском караимском училище, а затем переехал в Санкт-Петербург[21]. После смерти С.М.Панпулова среди караимских общин обсуждалась кандидатура Д.И.Бейма на вакантный пост Таврического и Одесского Гахама, что говорит о большом уважении и доверии, которыми пользовался Давид Исаакович[22]. Младший сын И.А.Бейма, Соломон Исаакович, после окончания одесской 4-й гимназии в августе 1900 года поступил на медицинский факультет Императорского Новороссийского университета[23].

---

[14] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1575. Л. 64-69.

[15] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1885 год. Одесса, 1885. С. 86; Путеводитель по Одессе. Одесса: издание Ю. Сандомирского, 1901. С. 46.

[16] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 902. Л. 262.

[17] Список торговых домов и купечества г. Одессы на 1894 год. Одесса, 1894. С. 37.

[18] Сообщение В.И.Бейма от 16.07.2013; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 523. Л. 60.

[19] По сведениям, сообщенным В.И.Беймом автору 16.07.2013 г. при личной переписке, Аарон Исаакович Бейм также был газзаном в Одессе.

[20] Высочайший приказ о чинах военных 16-го июля 1916 г.; Высочайший приказ о чинах военных 12-го сентября 1916 г.; Высочайший приказ о чинах военных 17-го июня 1916 г.; ГАРК Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 21.

[21] Памятная книжка Херсонской губернии на 1901 год. Херсон, 1901. С. 96; Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга // Весь Петербург на 1910 год: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1910. С. 66.

[22] К выборам Гахама. Кандидатуры : Хроника текущей жизни // Караимское слово. 1913. № 2 (август). С. 17.

[23] Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета в весеннем полугодии 1901–1902 учебного года. По медицинскому факультету. Одесса, 1902. С. 4–5.

Старшая дочь И.А.Бейма, Беруха Исааковна, была замужем за бахчисарайским мещанином Яковом Иосифовичем Кальфой, в 1894 году в Севастополе у них родился сын Исаак[24].

Исаак Абрамович Бейм умер 1 февраля 1892 года[25]. Спустя двадцать лет, 1 июля 1912 года, на одесском караимском кладбище состоялось освящение памятника на могиле И.А.Бейма, совершенное старшим газзаном И.М.Кефели и младшим газзаном И.С.Хаджи. Памятник из цельного мрамора в виде алтаря был сооружен за средства одесского караимского общества, а надпись на нем гласила: «Незабвенному достойному пастырю благодарное караимское общество». И.М.Кефели и И.С.Хаджи охарактеризовали покойного газзана, «как пастыря, память о котором еще живет и будет жить среди благодарных членов его паствы»[26].

Известия Духовного управления караимов Республики Крым, № 28 (37)

[24] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 523. Л. 20; там же. Д. 1260. Л. 23об., 24.

[25] ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 8.

[26] Одесса: хроника. Освящение памятника И.А.Бейму // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12 (май). С. 100–102.

Вячеслав Ельяшевич

Сергей Шайтанов

ЛУВАХ ГАЗЗАНИМ[1]

Годы службы	Газзан		Источник
	ФИО	Старший/ младший/ исполняющий обязанности (исправляющий должность)	
г. Бахчисарай			
1843–1846	Соломон Авраамович БЕЙМ (1819?–1867)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 53; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 39–41. Новороссийский календарь на 1845. Одесса, 1844. С. 204
1846–1860		Старший	
[1844–1846][2]–1858	Давид БОЛЕК	Младший	Новороссийский календарь на 1845. Одесса, 1844. С. 204; Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 318; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 143; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144
?–1856	Исаак Иосифович СИНАНИ (1833–1890)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151. Л. 6
[1858]	Авраам Симович ТЕПСИ (1815–1865)	Исполняющий обязанности младшего	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 32–33; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. Л. 35; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 42; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 42; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1867 год. Одесса, 1866. Отделение III. С. 55–56.
1859–1865		Младший	

[1] Слово «луах» (*евр.*, в произношении крымских караимов – «лувах») имеет несколько значений: «доска», «плита», «таблица», «календарь». Это слово использовалось также в значении «список», например, «лувах хаверим» – список подписчиков (на книгу). В данном случае мы используем это слово в значениях «таблица» и «список» одновременно. «Лувах газзаним» – список, или таблица газзанов Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления (за исключением газзанов Тракая и Галича, которые до 1863 г. также подчинялись ТОКДП).

[2] Квадратные скобки означают, что из архивных документов известен не весь срок службы, а определенная дата или период.

[1864]	Самуил Ноевич КОГЕН-ЧАВУШ		Список подписчиков на книгу «Ган Эден» Аарона бен Ильягу. Евпатория, 1864
[1865]	Авраам КАТЛАМА	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241, Оп. 2. Д. 52. Л. 12; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1655
1867–1893	Юфуда Соломонович ХАДЖИ-УЗУН (1836–1893)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 18–19; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.105. Л. 1; Новороссийский календарь на 1868 год. Одесса, 1867. Отделение III. С. 69–70; Брачный договор 1881 года (Бахчисарай) // Карай Битиклиги.
[1893]	Иосиф Яковлевич БОНДАРЬ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.582. Л. 1
1894–1899	Исаак Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1828–1899)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 18–19; Брачный договор 1896 года (Бахчисарай) // ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1476. Л. 362; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1473. Л. 362; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 682. Л. 199
1904–1930	Исаак Самуилович САПАК-КАРАБАДЖАК (1854–1943)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 19–20; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 902. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5; ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 277. Л. 7–8; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40. http://bakkal.ru/rod/SapakIS.htm
г. Бердянск			
[1859–1868]	Ефет Иосифович ХОДЖАШ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 42; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 199; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 87. Л. 8; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 146. Л. 2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 305. Л. 9; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72
1869–?		(Старший?) газзан	
[1874]	Чадук МИЧРИ	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.201. Л. 4
1881–1889	Бабаджан Моисеевич БАБАЙ (БАБАЕВ) (ок. 1846–?)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 28–29; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 133; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 479; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 33
[1871–1879]	Яков Ильич КУЛЬТЕ (1853–1899)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 28–29; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 178. Л. 39; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 201. Л. 4; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 41.
1889–1899		младший	

1906–1912	Самуил Ильич КУЛЬТЕ (1845–1912)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 28–29; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 256; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40
1914–1926	Соломон Маркович КУМЫШ (1888–1955)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 28–29; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1250. Л. 1, 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5; ГАРК. Р. 3295. Оп. 3. Д. 7. Л. 23; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 6
г. Евпатория			
Большая кенаса			
1804–1844	Иосиф-Соломон Моисеевич ЛУЦКИЙ (1768–1844)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–65; Похвальный лист (ЕКМ–8805. Д. 51); Брачный договор 1843 года (фонды Евпаторийского краеведческого музея (ЕКМ)); Надпись на мраморной плите во дворе кенас в Евпатории
[1822] [1833] [1843–1844]	Авраам Самуилович ФИРКОВИЧ (1787–1874)		ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16219; Лувах хаверим // Сефер Гамивхар, т. е. Коментар на 5 Книг Мойсеевых. Сочинение Главного Караимского рабина Арона, сына Иосифа лекаря. Евпатория, 1833; Авнэ зиккарон // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2 декабрь. С. 9; Новороссийский календарь на 1843 год. Одесса, 1842. С. 198; Новороссийский календарь на 1844 год. Одесса, 1843. С. 202
[1841]	Давид Абрамович БОЛЕК	Младший	Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192.
[1844]	Аарон Авраамович АЛТЫ-ОКА (ок. 1797–1865)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–65; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 21; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь // Материалы к серии «Народы и культуры»», выпуск XIV. Караимы. М., 1993. Книга 2. Ч. 2. С. 21; Новороссийский календарь на 1845 год. Одесса, 1844. С. 204
1845–1849		Исполняющий обязанности старшего газзана	
1849–1865		Старший	
1859–1863	Исаак Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1828–1899)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 1; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1872 год. Одесса, 1871. Отделение III

1865–1875	Яков Берахович ШАМАШ (ок. 1799–1875)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. Л. 19; ГАРК. Ф. 499. Д. 9. Л. 13
[1873]	Авраам Моисеевич ЕФЕТ (1833–1896)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 102–107; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 86. Л. 9; Брачный договор 1875 года (Евпатория) // «Карай Битиклиги»; Брачный договор 1873 года // ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1473. Л. 347
1875–1896		Старший	
1882–1894	Моисей Самуилович НЕЙМАН (1814–1894)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 108–112
1898–1902	Симха Хилькиевич ДУБИНСКИЙ (1856–1902)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 3; Брачный договор 1899 года (Евпатория) из архива Т.С.Бабаджан (Москва)
1895–1912	Самуил Моисеевич НЕЙМАН (1844–1916)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 178–186; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1165. Л. 38–39; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1011. Л. 3, 38; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.853. Л. 2
1896–1898		Исполняющий обязанности старшего газзана	
1903–1912			
1912–1916		Старший	
1916–1925	Берахья (Борис) Саадьевич ЕЛЬЯШЕВИЧ (1881–1971)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1333; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5; Из архива Б.С.Ельяшевича в «Карай Битиклиги»
Малая кенаса			
1825–1846	Давид Мордехаевич КОКИЗОВ (1797–1855)	Старший	Кокизов Д. М. Чемах Давид. СПб., 1897. С. XIV-XV; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.3. Л. 62–65; Новороссийский календарь на 1847 год. Одесса, 1846. С. 204; Брачный договор 1832 года (Евпатория) // «Карай Битиклиги»
[1831]	Моисей ХОДЖАШ	Младший?	Список подписчиков на книгу Иосифа Соломона Моисеевича Луцкого «Петах тева». Константинополь, 1831. С. 60
[1844]	Авраам Ааронович КЕФЕЛИ	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–65; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 143; Новороссийский календарь на 1845 год. Одесса, 1844. С. 204; Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 1848. С. 230; Новороссийский календарь на 1848 год. Одесса, 1847. С. 227; Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 308
[1844]–1847		Исполняющий обязанности	
1847–1858		Старший	

1842?–1854	Авраам Исаакович БАБАДЖАН (1790–1855)	Исполняющий обязанности младшего газзана	Надпись на мраморной плите во дворе кенас в Евпатории. № 44 (по нумерации Р.Я.Кальфа); Ельяшевич Б.С.Караимский биографический словарь… С. 4
1859–1863	Яков Берахович ШАМАШ (ок. 1799–1875)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. Л. 19; ГАРК. Ф. 499.Оп. 1. Д. 9. Л. 13; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса, 1864. Отделение III. С. 56
1864–1865		Старший	
1859–1861	Садук Моисеевич МИЧРИ (ок. 1804–1888)	Исполняющий обязанности младшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 5; Брачный договор 1870 г. (фонды ЕКМ); Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332
1861–1880		Младший	
1867–1872	Авраам Моисеевич ЕФЕТ (1833–1896)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 102–107; Новороссийский календарь на 1868 год. Одесса, 1867. Отделение III. С. 69–70
1872–1875		Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 102–107; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 86. Л. 9
[1873]	ИльяАаронович ОКСЮЗ (ок. 1815–1880)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 190. Л. 2; ГАРК. Ф. 499, Оп. 1. Д. 9. Л. 7
1875–1882	Юфуда Исаакович САВУСКАН (1832–1900)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 5
1915–1916	Берахья (Борис) Саадьевич ЕЛЬЯШЕВИЧ (1881–1971)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1309; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1358
1916–1921	Аарон Ильич КАТЫК (1883–1942)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 4; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5
1942–1944	Рафаэль Яковлевич КАЛЬФА (1873–1951)		Письмо Р.Я.Кальфа Б.Я.Кокенаю № 2768 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги»; «Календарь караимских праздников и постов на 14 лет с 5720 по 5733 г. от сотворения мира (1959–1973 н.э.) / сост. Р.Я.Кальфа (1874 – 5.9.1951) при участии И.С.Кушуля // Архив И.А.Шайтанова
1945–1946	Соломон Юфудович ДЖИГИТ (1874-?)	Газзан	ГАРК. Р–3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 11, 13.

1946–1958	Берахья (Борис) Саадьевич ЕЛЬЯШЕВИЧ (1881–1971)		ГАРК. Р–3295. Оп. 3. Д. 8. Л. 17; ГАРК. Р–3295.Оп. 1. Д. 21. Л. 186–190; ГАРК. Р–3295. Оп. 1. Д. 12. Л. 91; Письмо Б.С.Ельяшевичу от караимской общины г. Евпатории (без даты) // «Карай Битиклиги». Архив Б.С.Ельяшевича; Письмо Я.А.Фарумды Б.Я.Кокенаю № 2912 от 22.04.1858 // «Карай Битиклиги». Архив Б.Я.Кокеная.
1958–1959	Яков Самуилович ЕЛЬЯШЕВИЧ[3] (1899–1984)		ГАРК, Р–3295, оп. 3, д. 8. Л. 52, 56
г. Елисаветград (Кировоград)			
[1859]	Илья Самуилович КАРАКОЗ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 2
[1879]	Илья Соломонович КАТЫК[4] (ок. 1832-?)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 107 (об), 108
г. Екатеринослав (Днепропетровск)			
[1859]	Яков Авраамович ФИРКОВИЧ (1811–1865)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 3
[1864–1867]	Иосиф ЧУЮН	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–2; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21
[1867]	Исаак Иосифович СИНАНИ (1833–1890)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 105. Л. 5
[1879]	Мордехай Юфудович КОГЕН-МИНАШ (ок. 1840–1882)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 86
1882–1895	Самуил Шемарьевич ПИГИТ (1849–1911)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 39–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 166
1895–1898		Младший	
1908–1911		Старший	
[1913]-[1917]	Аарон Иосифович ЛЕВИ (1873–1926)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1333. Л. 10; Справочный отдел//Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 6; Объезд караимских общин Высокостепенным Гахамом Таврическим и Одесским // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. №5–6. С. 36

[3] Сын мелитопольского газзана Самуила Елисеевича (Абрамовича) Ельяшевича.
[4] Отец Аарона Ильича Катыка (1883–1942) – газзана в Феодосии, Евпатории и Москве.

			Справочная книга «Весь Екатеринослав». Издание Л.И.Сатановскаго. 1913 г. С. 267
г. Киев			
[1874]	Моисей Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1832–1890)	Исполняющий обязанности Старший газзан харьковской кенасы	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 201. Л. 21
1883–1892	Иосиф Исаакович СУЛТАНСКИЙ (1851–1922)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 37; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь…С. 180
1892–1922		Старший	
г. Карасубазар (Белогорск)			
[1859 – 1874]	Ешува Елисеевич МИЧРИ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 33; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1676. Л. 10, 13; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1676. Л. 4
1868–1876	Самуил Шемарьевич ПИГИТ (1849–1911)	Исполняющий обязанности (временно заменяющий Е.Е. Мичри)	*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь…С. 166; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1679. Л. 1
1876–1902	Эфраим Самуилович КЕФЕЛИ (1859–1909)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Л. 395. Л. 3, 4, 7
1902–1909		Старший?	
г. Керчь			
1876–1879	Бабаджан Моисеевич БАБАЙ (БАБАЕВ) (ок. 1846-после 1918)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 896; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 254. Л. 1
1879–1881		Младший	
1883–1889	Авраам Моисеевич АЗАРЬЕВИЧ (1843–1908)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 38–3; ГАРК. Ф. 241. Д. 4. Л. 38
г. Кременчуг			
[1859–1867]	Садук Бабакаевич ДУРУНЧ (1822–1880)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 105. Л. 9. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1460. Л. 30
1871–1891	Магол Екутиэлевич КАЛИФ (КАЛЬФА) (1825–1891)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 35–36; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 201. Л. 11

1894–1908	Аарон Моисеевич КЕФЕЛИ (1849–1913)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 35–36; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1072. Л. 11
[1909]	Самуил Моисеевич КОГЕН	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1125. Л. 179
1913–1914	Соломон Маркович КУМЫШ (1888–1955)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 35–36; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1251. Л. 1, 4
г. Мелитополь			
[1855–1857]	Юфуда ДУВАН		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 28
1857–1863	Авраам Соломонович КОГЕН-ЧИЧКЕ (ок. 1809–1863)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 19. Л. 44; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 28; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1789б
1863–1866	Илья Бабакаевич БОБОВИЧ-ХАДЖИ (ок. 1842–?)	Исправляющий обязанность	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 57; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985, Д. 143; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 76. Л. 4, 6–8; Новороссийский календарь на 1868 год. Одесса, 1867. Отделение III. С. 69–70; Новороссийский календарь на 1873 год. Одесса, 1872. Отделение III. С. 45
1867–1876		Старший	
1877–1908	Симха-Шалом Ильич БОБОВИЧ (ок. 1832 –1908)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1607; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д.666. Л. 27; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 33; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 220. Л. 24
1908–1913	Аарон Моисеевич КЕФЕЛИ (1849–1913)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 26–27; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 96
1915–1926	Самуил Елисеевич (Авраамович) ЕЛЬЯШЕВИЧ (1867-?)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 232; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 26–27; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1310. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 7
1926–1929 1943	Соломон Маркович КУМЫШ (1888–1955)		ГАРК. Р. 3295. Оп. 3. Д. 7. Л. 23; ГАРК. Р. 3295. Оп. 1. Д. 3. Л. 50; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 38–39
г. Москва			
	Авраам ЗУРНА		Краткий исторический очерк Московской общины // Караимская жизнь. 1911. № 7 (декабрь). С. 119

1876–1886	Иосиф Давидович КОКИЗОВ (1827–1886)	Исполняющий обязанности	*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 110; Краткий исторический очерк Московской общины // Караимская жизнь. 1911. № 7 (декабрь). С. 119; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 378. Л. 108
1883–1903	Самуил Ильич ЧАДУКОВ (1847–1906)	Исполняющий обязанности	Краткий исторический очерк Московской общины // Караимская жизнь. 1911. № 7 (декабрь). С. 119–120
1903–1905	Моисей Соломонович БЕЙМ (1859–1912)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 39–41; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; Краткий исторический очерк Московской общины // Караимская жизнь. 1911. № 7 (декабрь). С. 120
1905–1912		Младший	
[1911]	Давид Исаакович ТОПАЛ (1870–?)	Исполняющий обязанности	Собрание караимов // Караимская жизнь. – № 7 (декабрь). 1911. С. 126
1912–1913	Саадья Симович ЕЛЬЯШЕВИЧ (1854–1940)	Исполняющий обязанности	Письмо С.С.Ельяшевича С.М.Шапшалу от 22.02.1916 // «Карай Битиклиги». Архив *Б.С.Ельяшевича*; Хроника текущей жизни. Москва // Караимская жизнь. Москва, 1911. Кн. II–июль. С. 94
1913–1922	Иосиф Эльчафанович АППАК (1875–1940)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 39–41; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3
1922–1928	Аарон Ильич КАТЫК (САРИБАН) (1883–1942)	Старший	*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 93
г. Николаев			
[1847–1855]	Исаак КОГЕН		Новороссийский календарь на 1848 год. Одесса, 1847. С. 227; Новороссийский календарь на 1856 год. Одесса, 1855. С. 264
[1846–1849]	Яков Екутиэлевич КАЛИФ (КАЛЬФА) (ок. 1816–1885)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 9–10; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 6–7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 134; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 39; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 199. Л. 42; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон, 1864. С. 204
1849–1885		Старший	
1890–1903	Михаил Афедович КОГЕН (Михаил Элиэзерович КОГЕН-АФЕД) (ок. 1834–1903)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 9–10; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1144. Л. 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 174; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 74 (об)

1901–1903	Моисей Соломонович БЕЙМ (1859–1912)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1144. Л. 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 41; Краткий исторический очерк московской общины // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7. С. 119; Хроника. М.С.Бейм // Караимская жизнь. 1912. Кн. 8–9. С. 104
1905–[1917][5]	Самуил Симович ИРТЛАЧ-МАНГУБИ (1870–1922)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 9–10; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 7
г. Одесса			
[1828]	Исаак Абрамович СИНАНИ		Путеводитель по Одессе. Одесса, 1901. С. 46
[1831]–1856	Авраам Давидович БЕЙМ[6] (?–1856)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 21; Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192; Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 318; Список подписчиков на книгу Иосифа Соломона Моисеевича Луцкого «Петах тева». Константинополь, 1831. С. 66; Фиркович А.С.Сефер Авнэ зиккарон. Вильна, 1872. С. 19, 24; Список подписчиков на книгу «Сефер Эч хаим». Сочинение Аарона II. Евпатория, 1847; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 233; Брачный договор 1849 года (Одесса) // «Карай Бити-клиги»
[1838]	Мордехай Исаакович ДЖИГЕРСИЗ (?–1845)		Список подписчиков на книгу А.С.Фирковича «Масса у-Мрива». Евпатория, 1838. С. 11; Фиркович А.С.Сефер Авнэ зиккарон. Вильна, 1872. С. 242
[1838]	Авраам КАТЛАМА		Список подписчиков на книгу А.С.Фирковича «Масса у-Мрива». Евпатория, 1838. С. 11

[5] По сообщению Б.С.Ельяшевича, С.С.Иртлач-Мангуби Духовным Правлением по ходатайству Николаевского Караимского Общества был уволен со службы [Борис Саадьевич Ельяшевич. Автобиография // Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.) / Б.С.Ельяшевич. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Кн. 3: Караимы. С. 177 / (Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. XIV].

[6] Отец газзанов Соломона Абрамовича и Исаака Абрамовича Беймов, дед газзанов Моисея Соломоновича и Абрама Соломоновича Беймов.

?–1859	Исаак Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1828–1899)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 1; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 181
1859–[1864]	Авраам Моисеевич ЕФЕТ (1833–1896)	Исполняющий обязанности старшего	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 102–107; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 462. Л. 30; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332
[1865]–1867		Старший газзан	
1860–1867	Соломон Авраамович БЕЙМ (1819–1867)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 84. Л. 1; *Белый О.Б.* Новые материалы к биографии Соломона Бейма // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинароной конференции по иудаике. М., 2000
[1859–1863]	Зехарья Авраамович МАКСИМАДЖИ	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 40; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон, 1864. С. 204
[1867]	Самуил КОГЕН-ПЕМБЕК	Врио	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 427. Л. 25 (об)
1867–1892	Исаак Авраамович БЕЙМ (1828–1892)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 7–8; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 105. Л. 8
[1882]	Илья Соломонович КОКЕЙ	И. д. младшего	Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1883 год. Одесса, 1882. С. 70
1892–1900	Юфуда Исаакович САВУСКАН (1832–1900)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 7–8
1904–1927	Иосиф Моисеевич КЕФЕЛИ (1846–1927)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 96; Объезд караимских общин Высокостепенным Гахамом Таврическим и Одесским//Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 33

[1885–1917]	Иосиф Симович ЕРУ-ХАДЖИ (? – 1917/1918)	И. д. младшего	Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1885 год. Одесса, 1885. С. 86; Новороссийский календарь на 1891 год. Одесса, 1890. Отделение III. С. 38; Адрес-календарь одесского градоначальства на 1901 год. Одесса, 1900. С. 75; Адресная и справочная книга Одессы на 1910 г. Стлб. 304; Вся Одесса : Адресная и справочная книга на 1904/5-й год. Часть 2. Одесса, 1904. С. 9. Отчеты караимских общин, представленные Духовному Правлению: Одесская Караимская Община // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2. С. 27
		Младший	
[1900–1904]		Временно и. д. старшего	
г. Перекоп и Армянский Базар[7]			
[1841]	Ильяго Ганукеевич РОФЕ		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1625; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Имена и фамилии подписчиков на книгу «Масса у-Мрива». – Евпатория, 1838. С. 12; Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192
[1838]	Илья Моисеевич МАЗЛИМ		Имена и фамилии подписчиков на книгу «Масса у-Мрива». Евпатория, 1838. С. 12;
[1831, 1844]–1858	Давид Авраамович ЛЕВИ-БОТУК (?–1859)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1625; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 143; Список подписчиков на книгу Иосифа Соломона Моисеевича Луцкого «Петах тева». Константинополь, 1831. С. 68; Имена и фамилии подписчиков на книгу «Масса у-Мрива». Евпатория, 1838. С. 13; Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 308
[1858]		Старший	
[1858]	Авраам КАТЛАМА	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 11; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 18
1844–1858	Бераха Юфудович САПАК (ок. 1827-?)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 143; Новороссийский календарь на 1845. Одесса. 1844. С. 204; Новороссийский календарь на 1859. Одесса. 1858. С. 308; Имена и фамилии подписчиков на книгу «Ор га-Левана». Житомир, 1872

[7] Также известно о газзанах Илье Синани, Исааке Саатчи, Берахе Карагозе (и. о.), но годы их службы установить не удалось [ГАРК, Ф. 241, Оп. 2, Д. 52., Л. 18.]

1859–1863	Исаак Соломонович ТАНАКОЗ	Исполняющий обязанности	Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85
1860–1861	Зарах Шаалтиэлевич ХАРЧЕНКО (ок. 1822–1888)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 176. Л. 15–17; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 196. Л. 8, 11; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 15–16; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 13; Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса, 1864. Отделение III. С. 56
1861–1888		Старший	
1860–1861	Ильяго Соломонович КАТЫК (ок. 1820–1882)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 43; ГАРК. Ф. 241.Оп. 1. Д. 176. Л. 12; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 13; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 15; ГАРК. Ф. 241. Оп 1. Д 260. Л. 87 (об); Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса, 1864. Отделение III. С. 56.
1861–[1871]		Младший	
1892–1896	Берахья Шаалтиэлевич ХАРЧЕНКО (ок. 1833-?)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 15
[1905]	Авшалом Едидьевич БАБАДЖАН (ок. 1845–1909)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 15–16; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 968. Л. 207
1906–1909		Младший	
1910-[1919]	Авраам Соломонович БЕЙМ (1857–?)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 15–16; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1224. Л. 29–30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 5; Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 7
г. Полтава			
1879–1883	Иосиф Исаакович СУЛТАНСКИЙ (1851–1922)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 34–35
1884–1895	Симха Хилькиевич ДУБИНСКИЙ (1856–1902)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 34–35
1895–1898		Старший	
г. Санкт-Петербург			
1901–[1913]	Захарья Юфудович КЕФЕЛИ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1252. Л. 1–3; Петербург. Хроника текущей жизни // Караимская жизнь. Кн. 2. 1911. С. 93

[1889]	Яков Вениаминович ДУВАН (1842–1901)	Исполняющий обязанности	Прибавление к Церковным ведомостям // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1889. 21 октябрь (№ 43). С. 1298
г. Севастополь			
(1833–1840)?	Авраам Самуилович ФИРКОВИЧ[8] (1787–1874)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.
1840–1850	Гавриил Симович ФИРКОВИЧ[9] (1805–1869/70)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192; Новороссийский календарь на 1843 год. Одесса, 1842. С. 198; Новороссийский календарь на 1844 год. Одесса, 1843. С. 202
[1842–1844]	Самуил Вениаминович САРАФ		Новороссийский календарь на 1845. Одесса, 1844. С. 204; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 5. Л. 26
1851–1854	Авраам Симович ТЕПСИ (1815–1865)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11.
[1845–1847]	Аарон КАЗАС (ок. 1789–1847)		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 233; Новороссийский календарь на 1846 год. Одесса, 1845. С. 210
[1854–1863]	Исаак Яковлевич ЛЕВИ-МИКЕЙ	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 19. Л. 47; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332. Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72
1860–1869	Давид Авраамович АСАБА	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 53. Л. 49; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. Л. 6.
1869–1882	Исаак Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1828–1899)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 20–21; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; *Терещук Н.М.* Караимские священнослужители в контексте «инородческого» населения г. Севастополь // Материалы XX ежегодной Международной конференции по иудаике. Т. II. М., 2014. С. 169
1882–1889		Старший	
1889–1908	Авраам Моисеевич АЗАРЬЕВИЧ (1843–1908)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 20–21; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1201

[8] Со слов газзана Т.С.Леви-Бабовича. Не подтверждено архивными документами.
[9] Со слов газзана Т.С.Леви-Бабовича. Не подтверждено архивными документами.

1908–1911	Авраам Яковлевич КОКЕЙ (ок. 1852–1917)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 11
1911–1930	Товия Симович ЛЕВИ-БАБОВИЧ (1877–1956)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 20–21; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1201; ГАГС. Р–79. Оп. 2л. Д. 345. Л. 2, 3
г. Симферополь			
[1838–1840]	Гавриил Симович ФИРКОВИЧ (1805–1869/70)	Старший	*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 193.
[1845, 1846]	Самуил КЕФЕЛИ		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; Новороссийский календарь на 1846 год. Одесса, 1845. С. 210
[1856]	Моисей Мордехаевич КОКИЗОВ (1831–?)	Исполняющий обязанности	Брачный договор 1856 г. (фонды ЕКМ)
1856–1861	Исаак Иосифович СИНАНИ (1833–1890)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 16–17; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 4; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 52. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 143. Л. 135; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 151, Л. 3, 6–7; Постановления Симферопольского экстренного и очередного уездного земского собрания созыва 1877 года с приложением докладов уездной земской управы. Симферополь, 1878. С. 5
1861–1870, 1877, 1881		Старший	
[1860–1861], 1867	Моисей Самуилович ЛЕВИ-ТОПАЛ (ок. 1826–?)	Исполняющий обязанности младшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 22; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 105. Л. 5
[1870]	Авраам КАТЛАМА	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 1
1870–1872, 1881–[1883]	Юфуда Соломонович ХАДЖИ-УЗУН (1836–1893)	Исполняющий обязанности Старший газзан бахчисарайской кенасы	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 126
1872	Илья Калевович СИНАНИ (СИНАНИ-КОСДИНИ) (1831/2–1893)	Исполняющий должность	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 157. Л. 32; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 189. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1
1872–1881		Старший	

1878–1882	Самуил Шемарьевич ПИГИТ[10] (1849–1911)		Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь… С. 166
1883	Абрам МИЧРИ		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 327. Л. 96.
1889–1894	Исаак Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1828–1899)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 16–17
1895–1900	Шаббетай Берахович (Борисович) КОЙЧУ (ок. 1845–?)	Исполняющий обязанности	По данным, не подтвержденным архивными документами
1900–1904	Иосиф Моисеевич КЕФЕЛИ (1846–1927)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–18; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1071. Л. 39; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 826. Л. 2–3
1905–1907	Юфуда Шелумиэлевич БЕЗЕКОВИЧ (ок. 1858-?)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–18; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 988; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1064
1907–1909	Исаак Самуилович САПАК (1854–1943)	Исполняющий обязанности Младший газзан бахчисарайской кенасы	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1064. Л. 7; там же, Д. 1103. Л. 6
1909–1913	Берахья (Борис) Саадьевич ЕЛЬЯШЕВИЧ (1881–1971)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–18: ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1103
1913–1915		Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–18; ГАРК, Оп. 1. Д. 1248; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1309
1915–1928	Исаак Юфудович ОРМЕЛИ (1882–1940)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–18; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1312. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 154
[1942?]–1944	Яков Борисович ШАМАШ (1880–1945)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Р3295. Оп. 3. Д. 7. Л. 4, 6; Письмо С.М.Кумыша Б.С.Ельяшевичу от 26.12.1945 г. // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги»
1944–1945			
1945–1949	Соломон Маркович КУМЫШ (1888–1955)		ГАРК. Р3295.Оп. 1. Д. 3. Л. 50; ГАРК. Р3295. Оп. 3, Д. 7. Л. 21, 25, 30, 56; Письма С.М. Кумыша Б.С. Ельяшевичу, 1945 // Архив Б.С. Ельяшевича. «Карай Битиклиги»

[10] Не подтверждено архивными документами.

г. Феодосия			
конец XVIII – начало XIX века	САР ШАЛОМ		Фиркович А.С. Сефер Авнэ зиккарон. – Вильна, 1872. С. 24; Письмо Т.С.Леви-Бабовича Б.Я. Кокенаю от 24.02.1929 // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги»
[1821]–1844	Йешува Давидович КОГЕН БАБА (1774–1844)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 233. Л. 61–66; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 21; *Фиркович А.С.* Сефер Авнэ зиккарон. Вильна, 1872. С. 19, 24; Опись имущества караимской кенасы Феодосии. 1906 // «Карай Битиклиги». Л. 5
1845–1858	Исаак САМУЙЛОВИЧ (ШАМОЙЛОВИЧ)	Старший	Новороссийский календарь на 1846 год. Одесса, 1845. С. 210; Новороссийский календарь на 1859. Одесса, 1858. С. 308; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144
[1850]	Исаак Самуилович КЕФЕЛИ		Брачный договор 1850 года // Карай Битиклиги; Новороссийский календарь на 1850 год. Одесса, 1849. С. 232; Памятник на караимском кладбище Феодосии
1855–1863	Мордехай Мишаэлевич ХОДЖАШ (ок. 1819–1877)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 178. Л. 18–19; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 19. Л. 7; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 35. Л. 89; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72; Брачный договор 1864 года (Феодосия) // «Карай Битиклиги»
1864–1876		Старший	
1859–1863	Моисей Яковлевич КЕФЕЛИ[11] (ок. 1812–?)	Исполняющий обязанности младшего газзана	Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332; Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1863. Отделение III. С. 72
[1870–1873]	Исаак Иосифович СИНАНИ (1833–1890)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 143. Л. 135; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 606. Л. 54
[1874]		Старший	
1876–1888	Илья Бабакаевич БОБОВИЧ-ХАДЖИ (ок. 1823–?)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 22–23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 476; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985; Брачный договор 1882 года (Феодосия) // «Карай Битиклиги»; Брачный договор 1873 года (Феодосия) // «Карай Битиклиги»; Брачный договор 1887 года (Феодосия) из архива Т.С.Бабаджан (Москва)

[11] Отец газзанов Иосифа Моисеевича и Аарона Моисеевича Кефели.

1888–1889	Бабаджан Моисеевич БАБАЙ (БАБАЕВ) (ок. 1846–после 1918)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 22–23; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 986; Брачный договор 1897 года (Феодосия) // «Карай Битиклиги»
1889–1910		Старший	
1904–1910	Товия Симович ЛЕВИ-БАБОВИЧ (1877–1956)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 23–24; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 2
1910–1911		Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 948. Л. 1–6; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 948. Л. 1201; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1
1911	Аарон Ильич КАТЫК (1883–1942)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 23–24; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1200; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1358
1912–1916		Старший	
[1917]	Абрам Яковлевич БАРАШ (ок. 1851–?)	Исполняющий обязанности	Объезд караимских общин Высокостепенным Гахамом Таврическим и Одесским // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 38
1919–1921	Илья Яковлевич КРУГЛЕВИЧ (1890–1959)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 92; ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 15. Л. 12
[1923]	Илья Яковлевич КУЛЬТЕ (1885–?)	Временно исполняющий обязанности	ГАРК. Р–663. Оп. 10. Д. 384. Л. 5; Письмо И.Я.Культе Б.С.Ельяшевичу от 2.12.1923 // Архив Б.С.Ельяшевича. «Карай Битиклиги»
1920 – 1930-е годы	Иосиф Шаббетаевич АРАБАДЖИ (1859–?)		Письма И.Ш.Арабаджи Б.Я.Кокенаю // Архив Б.Я.Кокеная. «Карай Битиклиги»
г. Харбин			
1910-[1926]	Авраам Азарьевич ЭЛЬ (1860–?)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 41; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1224. Л. 29–30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 6; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 8; *Лаврин Л.М*. Караимы в Харбине // Крымские караимы Крымкарайлар. Симферополь, 1998–июнь. С. [4]

?–1932?	Роман ЮТКЕВИЧ		*Лаврин Л.*, *Лебедев В.* Караимская религиозная община в Харбине // Аврамічні религії в Україні: історія, етнокультурні взаемовпливи, міжконфесійні взаемини. Матеріали наукової конференції. Галич, 2013. С. 329–333
1932/33–1940-е	Иосиф Романович ЛОПАТО		Там же
	Рафаил Моисеевич ГРИГУЛЕВИЧ		Там же
г. Харьков			
[1863]	Авраам Давидович КАПОН (ок. 1830–?)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 65. Л. 1
[до 1873]	Авраам Вениаминович КОЙЛЮ (ок. 1824–?)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 4. Л. 5
1872–1890	Моисей Мордехаевич СУЛТАНСКИЙ (1832–1890)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 29–30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 165. Л. 4
1890–1909	Мордехай Элиэзерович ФЕНЕРЛИ (1847–1917)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 29–30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 165; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40
1909–1917		Старший	
1917–1928	Яков Борисович ШАМАШ[12] (1880–1945)	Младший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 6; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления1917. № 1. С. 8; Хроника // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 5–6. С. 52–53
г. Херсон			
[1841]	Шемарья Яковлевич ФУКИ	Исполняющий обязанности	Новороссийский календарь на 1846 год. Одесса, 1845. С. 210; Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 308; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 17; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 87. Л. 26; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1457; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1490; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон, 1864. С. 204
1846–1858		Старший	
1858-[1864]		Младший	

[12] Внук старшего газзана малой кенасы Евпатории Якова Бераховича Шаммаша.

[1854]	Мордехай Иосифович СУЛТАНСКИЙ[13] (1771–1862)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 221. Л. 2; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 183
1859–1871	Исаак Яковлевич ПЕНБЕК (ок. 1808–1881)	Исполняющий обязанности старшего газзана	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 11–12; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 161. Л. 1; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 165. Л. 8; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. Л. 40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1457; ГАРК. Ф. 241. Оп.1. Д. 1490; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 123; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон, 1864. С. 204; Новороссийский календарь на 1860 год. Одесса, 1859. С. 331–332
1871–1881		Старший	
1882–1892	Юфуда Исаакович САВУСКАН (1832–1900)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 11–12
1892–1899?	Михаил Афедович КОГЕН (Михаил Элиэзерович КОГЕН-АФЕД) (ок. 1834–1903)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 985. Л. 174; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 74 (об)
1899–1903	Анания Ефремович ДУБИНСКИЙ (1857–1913)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 864. Л. 30; Памяти Анании Ефремовича Дубинского // Караимское слово. 1913. № 1– июль. С. 11–13
[1911] – [1917]	Еремия Шемарьевич (Соломонович) ФУКИ	Исполняющий обязанности	Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 1. С. 8; Справочный отдел // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. 1917. № 2. С. 16; Памятная книжка (Адрес-Календарь) Херсонской губернии на 1912 год. Херсон. 1912. С. 27
Чуфут-Кале			
	Исаак Иосифович КАЛЬФА (?–1801)	Старший	*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С.86
1776–1826	ИСААК бен ШЕЛОМО (1755–1826)	Старший	Исаак бен Шеломо. Ор га-левана. – Житомир, 1872. – С.1–6
[1827]–1835?	Мордехай Соломонович КАЗАЗ (?–1835)		*Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 84–85; Иосиф Соломон Моисеевич Луцкий. Тешуат Йисраэль. С. 58

[13] Отец газзанов Исаака Мордехаевича и Моисея Мордехаевича Султанских, дед газзана Иосифа Исааковича Султанского.

[1833–1841]	Мордехай Иосифович СУЛТАНСКИЙ (1771–1862)	Старший	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 247; *Кеппен П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 289; *Фиркович А.С.* Сефер Авнэ зиккарон. Вильна, 1872. С. 12, 26; Новороссийский календарь на 1842 год. Одесса, 1841. С. 192
1842–1846	Соломон Авраамович БЕЙМ (1819?–1867)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 53; ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6221. Л. 2; Новороссийский календарь на 1845. Одесса, 1844. С. 204; *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь… С. 21; Дни минувшие. Из воспоминаний С.Ш.Пигита // Караимская жизнь. 1911. Кн. 5–6. Октябрь-ноябрь. С. 9–10; *Белый О.Б.* Новые материалы к биографии Соломона Бейма // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000
1846–1860		Старший	
[1889]	Илья КАТЫК	Исполняющий обязанности	*Филиппов С.Н.* По Крыму. Отражения. М., 1889. С. 182
1919 – 1927	Авраам Симович ДУБИНСКИЙ (1856–1927)	Младший	Известия Караимского Духовного Правления. 1919. № 1. С. 1
г. Ялта			
[1859]	Ефет Иосифович МАЙТОП	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 9
[1862]	Нагаму (Бабакай) ИЛИК		ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 20.
1869–1892	Соломон Иосифович ГУМУШ (КУМЫШ) (1848–1913)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 24; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1425. Л. 37–40; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1224. Л. 29–30; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1367. Л. 39
1892–1913		Младший	
[1879]	Симха Хилькиевич ДУБИНСКИЙ (1856–1902)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 666. Л. 24. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 64 (об)
1882–1884		Младший	
[1913–1919]	Ефет Иосифович МАЙТОП (1850–?)	Исполняющий обязанности	ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 6–9

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ ВЫПУСКОВ «ИЗВЕСТИЙ» 2011–2019

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 1 (10) – октябрь 2011

[Обращение к читателю редакторского коллектива]. С.1.

Официальный отдел. С. 2.

Протокол IV отчетно-выборной конференции Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины. С. 2–5.

Хроника. С. 5–8.

Дзюба А. Гахам серебряного века караимов. С. 9–10.

Детский лагерь в Евпатории. С. 10.

Юридический отдел (юридические адреса Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины и входящего в него зарегистрированных религиозных организаций). С. 11.

Вековой юбилей журнала «Караимская жизнь». С. 12.

Архивная страница [об устройстве фонтана во дворе кенасы Евпатории, 1916 г.]. С. 13.

Новолуния 5772 года от сотворения мира (29.09.2011 – 16.09.2012 н. э.). С. 14.

Праздники и посты на 5772(15) год от сотворения мира (29.09.2011 – 16.09.2012 н. э.). С. 14.

Отличительные субботы. С. 14.

Годичный цикл чтения разделов Тора на 5772 год от сотворения мира (29.09.2011 – 16.09.2012 н.э.). С. 14–15.

Объявления. С. 16.

Информация. С. 16.

Известия Духовного Управления караимских религиозных организаций Украины

№ 2 (11) – январь 2012

Народ, ходящий во тьме, увидел великий свет… С. 1.

Айваз О.М. Семинар в Евпатории. С. 2.

Официальный раздел. С. 3.

Дзюба А. Вернувший из забытья караимские древности [об А.С.Фирковиче]. С. 3–4.

Правила посещения религиозной святыни крымских караимов – комплекса кенас в Евпатории. С. 4.

Хроника. С. 5–7.

Тирияки Д. Живая традиция [паломничество В.З.Тирияки]. С. 7–10.

«Карай Битиклиги»: история и современность. С. 10–12.

Архивная страница [об отказе ТОКДП сделать запись в караимской метрической книге о рождении сыну караима А.Эмельдеша и еврейки Цивель Шик, 1915 г.]. С. 13.

Локализация топонима «Бур-к» в письме хазарского царя Иосифа. С. 14–16.

Объявления. С. 16.

Информация. С. 16.

Известия Духовного Управления
караимских религиозных организаций Украины

№ 3 (12) – апрель 2012

«И просвещающие других будут сверкать, как свет небесный, и обратившие многих к правде – как звезды, во веки веков». *Щедровицкий Д.* Авраам Фиркович. С. 1.

Официальный отдел. С. 2.

Отчетно-выборное собрание караимской религиозной общины Евпатории. С. 2–3.

Перспективный план мероприятий религиозной организации «Караимская религиозная община» на 2012–2016 гг. С. 3.

Хроника. С. 3–7.

Тирияки Давид. Дубы в сакральном пространстве караимов. С. 7–8.

«Авнэ Зиккарон» на русском языке. С. 9–10.

«Книга Авнэ Зиккарон», главы 38–43 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 11–18.

Архивная страница. Песнь на Песах. С. 18–20.

Информация. С. 20.

Известия Духовного Управления
караимских религиозных организаций Украины

№ 4 (13) – август 2012

К 175-летию Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. С. 1–2.
Официальный отдел. С. 2.
Хроника. С. 2–5.
Ельяшевич Вячеслав. Поездка на Мангуп. С. 5–6.
Тирияки Давид. Дубы в сакральном пространстве караимов. С. 6–10.
«Авнэ Зиккарон», главы 44–58 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 10–17.
Айваз О.М. Выбор. С. 17–18.
Архивная страница [письма А.С.Фирковича об устройстве дороги в Чуфут-Кале]. С. 18–20.
Информация. С. 20.

Известия Духовного Управления
караимских религиозных организаций Украины

№ 5 (14) – ноябрь 2012

Официальный отдел. С. 1.

Шайтанов С. День памяти Авраама Фирковича. С. 1–2.

Приветствие почетного председателя Духовного управления Давида Эля 9 сентября 2012 г. С. 2–3.

Тирияки В. Восстановление надгробия Авраама Фирковича (по материалам архива С.И. Кушуль). С. 3–4.

Хроника. С. 4–7.

Павленкова Н.В. «Двадцатки» караимов Евпатории. Архивные свидетельства 1920 – 30-х годов. С. 7–9.

«Авнэ Зиккарон», главы 59–69 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 10–15.

Чтение разделов Тора в 5773 году от сотворения мира (2012–2013). С. 16.

Архивная страница [фото с подписями учеников евпаторийского мидраша]. С. 16–20.

Субботнему молитвеннику 10 лет. С. 20.

Объявление [об установке в мемориале комплекса кенас дополнительной плиты с фамилиями караимов, погибших в ВОВ]. С. 20.

Информация. С. 20.

Известия Духовного Управления караимских религиозных организаций Украины

№ 6 (15) – январь 2013

Памяти Б.Я. Кокеная. С. 1.
Официальный отдел. С. 2.
Кушуль С. Наследие Бориса Яковлевича Кокеная. С. 2–4.
Паша А. Архив Б.Я. Кокеная в «Карай Битиклиги». С. 4.
Предутренние молитвы – селихот (прощение). С. 4–5.
Программа селихот в кенасе Иерусалима. С. 5.
Шайтан И.А. Долгожданный молебен [о проведении молебна в помещении симферопольской кенасы]. С. 5–6.
Вновь выявленные фамилии караимов, погибших в ВОВ. С. 6–9.
Тирияки Д. Литературное наследие И.И.Казаса в «Карай Битиклиги» (к 180-летию со дня рождения Ильи Ильича Казаса). С. 9–10.
Хроника. С. 10–14.
«Авнэ Зиккарон», главы 70–83 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 14–23.
Архивная страница [Авраам Кефели. Пийют из «Пинкаса Кефе»]. С. 23.
Даты праздников и постов на 2013 год. С. 24.
Объявление. С. 24.
Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления
караимских религиозных организаций Украины

№ 7 (16) – апрель 2013

Последний Гахам крымских караимов? С. 1.

Официальный отдел. С. 1.

Тирияки хаджи Д. К 140-летию со дня рождения Гахама С.М.Шапшала. С. 2–4.

Бабаджан А.А. Фонд С.М.Шапшала. С. 4–6.

Янбаева Я. Автобиография С.М.Шапшала. С. 6–7.

Письма С.М.Шапшала к Б.Я.Кокенаю, хранящиеся в «Карай Битиклиги». С. 7.

Инаугурация С.М. Шапшала. С. 8.

Дзюба А. Копье и щит. Как древние тамги стали гербом караимов. С. 8–10.

Ильченко Л. Феодосийский Пурим – 5573. С. 10.

Хроника. С. 10–14.

Вновь выявленные фамилии караимов, погибших в ВОВ (продолжение, начало в № 6). С. 14–16.

«Авнэ Зиккарон», главы 84–93 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 16–23.

Архивная страница [свидетельство Штаба Заведующего морской частью в Николаеве 1856 г. севастопольскому мещанину Якову Асаба]. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимских религиозных организаций Украины

№ 8 (17) – август 2013

Официальный отдел. С. 1.

В Евпатории открыта третья очередь мемориала. С. 1–2.

Чествование памяти С.М. Шапшала в Евпатории. С. 2–3.

Хроника. С. 3–7.

Решение правления евпаторийского национально-культурного караимского общества «Кардашлар» [письмо председателю Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар» В.Ю.Ормели о выходе из состава Ассоциации]. С. 7.

Социальная служба в Евпатории. С. 7.

«Авнэ Зиккарон», главы 94–106 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 8–13.

Айваз О. Хадж в Святую Землю. С. 14–17.

Ельяшевич Вячеслав. Три дня в Галиче (поездка Вячеслава Ельяшевича и Екатерины Мироновой 21–27 мая 2013 г.). С. 17–20.

Информация. С. 20.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 9 (18) – октябрь 2013

Официальный отдел. С. 1.

Миронова Е. Пятая ежегодная летняя школа-лагерь «Достлар» в Евпатории. С. 1.

К столетию со дня постройки и освящения здания Александровского караимского духовного училища. С. 1–2.

Ельяшевич В. Из истории усадьбы Симхи Бабовича в Карасубазаре. С. 2–6.

«Авнэ Зиккарон», главы 107–111 (перевод В.А. Ельяшевича). С. 7–14.

Хроника. С. 15–17.

Освящение севастопольской кенасы в 1908 г. (Программа торжества освящения севастопольской караимской кенасы). С. 18–20.

Шайтанов С. Журналу «Караимское слово» – 100 лет. С. 20.

Бабаджан Р. Две школы караимского языка. С. 20–21.

Баккал Е.Г. Севастопольской ассоциации крымских караимов «Фидан» – 15 лет. С. 21–22.

Обращение участников научно-практической конференции, посвященной 15-летию Севастопольской ассоциации крымских караимов «Фидан». С. 22–23.

Архивная страница [письмо И.И. Казаса Б.С. Ельяшевичу, 1907]. С. 23–24.

Информация. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 10 (19) – январь 2014

«Известия Духовного управления» – 2 года издания. С. 1.

Официальный раздел. С. 2.

Тирияки В. Религиозный семинар в Евпатории. С. 2–3.

Тирияки Д. Закрытие Малой кенасы в 1959 г. и ликвидация караимской общины в Евпатории. С. 3–6.

Ельяшевич В. Из истории усадьбы Симхи Бабовича в Карасубазаре (окончание, начало № 9). С. 7–10.

«Авнэ Зиккарон», главы 112–117 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 10–15.

Хроника. С. 15–18.

Архивная страница [Информация о пребывании караимских научных сотрудников в Евпатории в 1959 г. и отношение к ним исполнительного органа и газзана караимской кенасы]. С. 18–20.

Информация. С. 20.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 11 (20) – апрель 2014

Официальный раздел. С. 1.

Тирияки В.З. Закрытие Малой кенасы в 1959 г. и ликвидация караимской общины в Евпатории (продолжение, начало № 10). С. 1–6.

Ельяшевич В. О моей работе в Евпатории. С. 6–8.

Веселый праздник «Ага Думпа» (от редактора). С. 8–9.

Альянаки А.С. Ага Думпа (Господин перевернулся) (пьеса в стихах из истории средневековой Кефе). С. 9–13.

Хроника. С. 13–16.

Миронова Е. Детский утренник в Евпатории. С. 16.

«Авнэ Зиккарон», главы 118–126 (перевод В.А.Ельяшевича). С. 16–22.

Архивная страница [письмо А.С.Фирковича из Иерусалима, 1865 г.]. С. 22–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 12 (21) – июль 2014

Официальный раздел. С. 1.

Шайтанов С.И. Из истории симферопольской кенасы и ее настоятелей. С. 1–5.

Тирияки Д. Надпись над входом в Малую кенасу Евпатории. С. 5–7.

Караимская свадьба в Евпатории. С. 7.

«Авнэ Зиккарон», главы 127–133 (перевод В.А. Ельяшевича). С. 7–13.

Хроника. С. 13–16.

Поездка в Белогорск. С. 16–17.

Ельяшевич В.А. Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в советской России. Севастополь. С. 17–21.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [архивные дела № 1–4]. С. 21–23.

Архивная страница [общественный приговор о предоставлении награды симферопольскому габбаю Берахе Койлю, 1869 г.]. С. 23–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины

№ 13 (22) – октябрь 2014

Официальный раздел. От главы Российского императорского дома. С. 1.

Тирияки Х.Д. Алтарь караимский с земли украинской (воспоминания очевидца 20 лет спустя). С. 2–6.

Евпаторийские торжества. С. 6–7.

Венчание в Евпатории. С. 7.

Ельяшевич В. Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в советской России. Севастополь. С. 7–12.

Хроника. С. 12–16.

Ельяшевич В. Верноподанные своего народа: Моисей Самуилович и Самуил Моисеевич Нейманы (К 200-летию Моисея Самуиловича Неймана и 170-летию Самуила Моисеевича Неймана). С. 16–20.

Архивная страница [письмо Т.С. Леви-Бабовича С.М. Шапшалу, 1938 г.]. С. 21–23.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [№ 5–9]. С. 23–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов

№ 14 (23) – январь 2015

О возврате здания Александровского караимского духовного училища. С. 1.

Официальный раздел. С. 1–2.

V конференция Духовного управления религиозных организаций караимов Украины. С. 2–6.

Ельяшевич В.А. «Мудростью дом устрояется…». С. 6–8.

Ельяшевич В.А. Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в Советской России. Севастополь. С. 8–12.

Проект положения об учрежденном в г. Евпатории Александровском караимском духовном училище. С. 13–17.

Ельяшевич В.А. Верноподанные своего народа: Моисей Самуилович и Самуил Моисеевич Нейманы (К 200-летию Моисея Самуиловича Неймана и 170-летию Самуила Моисеевича Неймана). С. 18–21.

Хроника. С. 21–24.

Тирияки В.З. Караимский музей в Евпатории периода немецкой оккупации. С. 24–27.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [№ 10–16]. С. 27–28.

Архивная страница [клятвенное обещание С.М. Шапшала при вступлении в должность Таврического и Одесского Гахама, 1915 г.]. С. 28.

Информация. С. 28.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов

№ 15 (24) – апрель 2015

Официальный раздел. С. 1.

В общественной палате Крыма. С. 1–2.

[Письмо председателю национально-культурной автономии караимов города Москвы А.Е.Майкапару от и.о. директора Департамента межнациональных отношений Министерства культуры РФ, 2014 г.]. С. 2.

Паша А.В. Встреча в Александровском караимском духовном училище. С. 3–4.

Ельяшевич В.А. Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в советской России. Севастополь. С. 4–8.

Хроника. С. 8–11.

Тирияки В.З. Караимские брачные договоры в фондах МИЭКК им. С.И.Кушуль. С. 11–14.

Темунот ле-газзаним (Портреты газзанов). *Шайтанов С.И.* Иосиф Исаакович Синани (1833–1890). С. 14–18.

Баккал Е.Г. Из истории караимской общины Севастополя. С. 18–19.

Ильченко Л.Л. Яшка. С. 19–20.

Архивная страница [доклад Б.С. Ельяшевича на собрании выбранных караимского московского общества, 1907 г.]. С. 20–23.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [№ 16–23]. С. 23–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов

№ 16 (25) – август 2015

Тиряки В.З. Караимские брачные договоры в фондах МИЭКК им. С.И.Кушуль. С. 1–4.

Ельяшевич В.А. Хранитель талисмана жизни. О судьбе караимского газзана в советской России. Симферополь. Каир. С. 4–12.

Ельяшевич В.А. К истории названия караимского кладбища близ Чуфут-Кале. С. 12–15.

Темунот ле-газзаним. *Ельяшевич В.А.* Исаак Юфудович Ормели. С. 15–19.

Хроника. С. 19–22.

Паша А.В. Евпатория. 1995 год, 14 апреля. С. 23.

Архивная страница [гет питтурин]. С. 23–26.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [№ 24–40]. С. 26–28.

Информация. С. 28.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов

№ 17 (26) – ноябрь 2015

Тирияки Д. Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников…. С. 1–2.

Первые караимские Гахамы Симха и Нахаму Бобовичи [рукопись Чумбушли Яквака – Якова Аваха]. С. 2–9.

Шайтанов С.И. Бабакай Соломонович Бабович – второй Таврический и Одесский караимский Гахам. С. 9–11.

Ельяшевич В.А. Некоторые сведения о землевладениях С.С.Бабовича в Крыму и за его пределами. С. 11–13.

Барабанлар чалыныр [песня из меджума М.И.Тиро]. С. 13–14.

Тирияки А. Юбилей святыни [о мероприятиях, посвященных 10-летию восстановления и 210-летия строительства Соборной кенасы]. С. 14–15.

[Родословное древо семьи Бабович]. С. 15–17.

Хроника. С. 18–20.

Архивная страница [завещание братьев Симхи и Бабакая Бабовичей, 1840 г.]. С. 20–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов

№ 18 (27) – январь 2016

Официальный раздел. С. 1.

Хроника. С. 1–6.

Никифорова Л.Л. Посещение Евпатории императором Александром I. С. 6–7.

Темунот ле-газзаним. *Ельяшевич В.А.* Саадья Элиша Симович Ельяшевич. С. 7–14.

Главы из книги «Аддерет Эльягу». Молитва (перевод В.А.Ельяшевича). С. 14–19.

Ельяшевич В.А. Путеводитель по архиву [№ 41–51]. С. 19–21.

Архивная страница. Из архива Б.С.Ельяшевича в Карай Битиклиги [доклад С.С.Ельяшевича, 1916 г.]. С. 21–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 19 (28) – апрель 2016

Поминовение заложников евпаторийского десанта. С. 1–2.

Темунот ле-газзаним. *Шайтанов С.И.* Иосиф Моисеевич и Аарон Моисеевич Кефели. С. 2–6.

Ельяшевич В.А. «Карай Битиклиги». Краткий исторический очерк. – Досоветский период (1916–1920). С. 6–10.

Бурмистров К. Книги караимов Крыма в собрании Российской государственной библиотеки. С. 10–12.

Главы из книги «Аддерет Эльягу». Молитва (перевод В.А.Ельяшевича). С. 13–17.

Хроника. С. 17–20.

К вопросу о датировке надписи на гехале Большой кенасы Чуфут-Кале. С. 20–21.

Архивная страница [акт передачи по завещанию библиотеки А.Ю.Мичри в караимскую библиотеку «Карай Битиклиги», 1918–1921]. С. 21–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 20 (29) – июль 2016

Караимской национальной библиотеке «Карай Битиклиги» – 100 лет

Высочайший визит [о посещении комплекса кенас Евпатории Главой Российского Императорского Дома Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Владимировны и ее сына Великого Князя Георгия Михайловича, 16 мая 2016 г.]. С. 1–3.

Архивная страница [дело Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления о посещении Государем Императором с Августейшей семьею Соборной кенасы в г. Евпатории 16 мая 1916 года]. С. 3–4.

Поездка по святым местам [о поездке С.Б.Синани с супругой Ириной в Израиль, Иорданию и Египет]. С. 4–5.

Хроника. С. 5–7.

Ельяшевич В.А. «Карай Битиклиги». Краткий исторический очерк. – Советский период (1920–1931). Под сенью науки. С. 7–12.

Парафило Д.М. Письма М.Н.Соколова о работе в «Карай Битиклиги». С. 12–13.

Главы из книги «Аддерет Эльягу». Молитва (перевод В.А.Ельяшевича). С. 13–19.

Ельяшевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя. С. 19–21.

Путеводитель по архиву [№ 52–61]. С. 21–23.

Речь Б.С.Ельяшевича, произнесенная в Большой кенасе в канун праздника Йом Теруаг 15 сентября 1916 г. С. 23–24.

Лебедев В. Разъединительный съезд, или Общенациональное надувательство. С. 24–28.

Баккал Е.Г. Севастополь [презентация работы по переводу материалов Д.М. Гумуша на электронные носители]. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 21 (30) – ноябрь 2016

[о регистрации Централизованной религиозной организации «Духовное управление караимов Республики Крым»]. С. 1.

Официальный отдел. С. 2.

Ельяшевич В.А. «Карай Битиклиги». Краткий исторический очерк. Советский период (1920–1931). Разгром. С. 2–7.

Архивная страница. Караимская национальная библиотека-музей «Карай Битиклиги». С. 7–9.

Тирияки В.З. Современное состояние «Карай Битиклиги». С. 9–10.

Ельяшевич В.А. Собрание шетаров в Евпаторийском краеведческом музее из коллекции «Карай Битиклиги». С. 11–15.

Евпаторийские юбилеи [100-летие караимской национальной библиотеки «Карай Битиклиги», 25-летие религиозной организации «Караимская религиозная община», 20-летие Музея истории и этнографии крымских караимов им. С.И.Кушуль, 5-летие «Известий Духовного управления караимов Республики Крым»]. С. 15.

Хроника. С. 16–18.

Ельяшевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя. С. 18–23.

Из ответа газзана Исаака Султанского на предписание Таврического и Одесского караимского Гахама (перевод с караимского языка В.А.Ельяшевича). С. 23–25.

Имущество севастопольской общины и утварь кенасы (перевод с караимского языка В.А.Ельяшевича). С. 25–27.

Пампу И. Караимские встречи [«Караимские встречи–2016» для детей из караимских семей]. С. 27

Путеводитель по архиву [№ 62–69]. С. 27–28.

Информация. С. 28.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 22 (31) – январь 2017

Тирияки В.З. Размышления о караимском языке. С. 1–15.

Хроника. С. 15–19.

Ельяшевич В.А. История караимского молитвенного дома (кенасы) Карасубазара. С. 19–23.

Архивная страница. Опись имущества кенасы Карасубазара (перевод с караимского языка В.А.Ельяшевича). С. 23–25.

Съезд караимского духовенства в г. Евпатории (по материалам «Известий Караимского Духовного Правления» № 3 за 1917 год). С. 26–27.

Тирияки В.З. Исчезнувшая надпись портала киевской кенасы. С. 27–28.

Из воспоминаний Александра Федоровича Рофе. С. 28–31.

Путеводитель по архиву [№ 70–75]. С. 31–32.

Информация. С. 32.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 23 (32) – апрель 2017

[Караимская община Евпатории выражает глубокую благодарность гевиру Синани Соломону Борисовичу за его старания по ремонту надгробий, наведению порядка, обрезке деревьев, уборке мусора и благоустройству на караимском секторе городского гражданского кладбища]. С. 1.

Официальный отдел. С. 1–2.

Отчетно-выборное собрание. С. 2–3.

Научно-практическая конференция в Феодосии. С. 3–4.

Хроника. С. 4–8.

Мастер-класс в Евпатории [накануне праздника Пурим]. С. 8–9.

Тирияки В. Добыча камня из карьера мертвецов. С. 9–10.

Главы из книги «Аддерет Эльягу». Глава «Жены» (перевод В.А.Ельяшевича). С. 10–13.

Шайтанов С. К истории Симферопольского караимского женского бесплатного училища. С. 14–18.

Из воспоминаний Александра Федоровича Рофе. Моя учеба. С. 18–20.

Архивная страница. Караимские учебные заведения Симферополя. С. 21–22.

Путеводитель по архиву [№ 76–85]. 22–24.

[Письмо Караимского Санкт-Петербугского общества]. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 24 (33) – август 2017
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Ельяшевич В.А, Шайтанов С.И. «ЛУВАХ ГАЗЗАНИМ». С. 1–18.
Хроника. С. 18–22.
Путеводитель по архиву [№ 86–94]. С. 22–24.
Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 25 (34) – ноябрь 2017

Официальный раздел. С. 1–2.

Тирияки В.З. Эмблема централизованной религиозной организации «Духовное управление караимов Республики Крым». С. 2.

Мероприятия 15–17 сентября [180-летие Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления, 100-летие «Известий Караимского Духовного Правления», 230 лет со дня рождения А.С.Фирковича]. С. 2–4.

Посещение председателя Государственного Совета Республики Крым. С. 4–5.

Хроника. С. 4–8.

Темунот ле-газзаним. *Ельяшевич В.А.* Султанские: отец, сыновья и внук. С. 8–12.

Главы из книги «Аддерет Эльягу». Глава «Жены» (перевод В.А.Ельяшевича). С. 12–15.

Шайтан И.А. Возвращение памятника [С.М.Панпулова]. С. 15–16.

И снова караимская хуппа в Евпатории. С. 17.

К изданию дневника Б.Я.Кокеная (от редактора). С. 17–18.

Съезд 2007 года. С. 18–22.

Архивная страница. Из письма Б.Я.Кокеная к С.М.Шапшалу. С. 22.

Путеводитель по архиву [№ 95–104]. С. 22–23.

Казас М.В. В копилку коллекционеров [к выпуску серебряной монеты «Малый Иерусалим. Караимские кенасы XVIII в.»]. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 26 (35) – январь 2018

[фотографии интерьера Малой кенасы Евпатории в разные периоды]. С. 1.

Поздравление председателя Государственного Совета Республики Крым с праздником Суккот. С. 2.

Официальный раздел. С. 2.

Мероприятия Духовного управления на 2018 г. С. 3.

Темунот ле-газзаним. *Шайтанов С.И.* «Просветитель своей нации»: к судьбе феодосийского старшего газзана Бабаджана Моисеевича Бабаева. С. 3–8.

Кефели Авраам, д-р. Похороны газзана Иосэфа сына Элиягъу Саддыка в Стамбуле. С. 9.

Хроника. С. 9–14.

Ельяшевич В.А. Традиционная караимская религиозная терминология по материалам имущества кенас и других источников. С. 14–20.

Архивная страница [письмо Иосифа Еремеевича Ельяшевича о бухарских евреях, 1915 г.]. С. 20–21.

Тирияки В.З. Надписи на мраморных плитах комплекса кенас Евпатории. С. 21–23.

Путеводитель по архиву [№ 105–115]. С. 23–24.

Зотиков А.Л. Караимы [стихотворение]. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 27 (36) – апрель 2018

Тирияки В.З. Надписи на мраморных плитах комплекса кенас в Евпатории. С. 1–7.

Ильченко Л.Л. День спасения караимов Феодосии – Ага Думпа. С. 7–8.

Отчетное собрание религиозной организации «Караимская религиозная община» г. Евпатории. С. 8–9.

Хроника. С. 10–13.

Ельяшевич В.А. Коллекция свитков Торы в караимской кенасе Феодосии. С. 13–18.

Архивная страница. «Мы обязуемся быть верными стражниками Торы…» (пер. с древнееврейского языка В.А.Ельяшевича). С. 19–22.

Памяти Карамана. С. 22–23.

Путеводитель по архиву [№ 105–115]. С. 23–24.

Интересный факт [Бабаджан Бабаев, о введении органа в синагогальное богослужение, 1898]. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 28 (37) – июль 2018

[Фотография с подписью: «Русские караимы во главе с газзаном крымских караимов Иртлач-Мангуби Самуилом Симовичем (1870–1922). Сняты в их кенасе – храме; г. Царев Астраханской губернии»]. С. 1.

Исаак Трокский и его книга «Хиззук эмуна» [с переводом А.В.Кефели предисловия и первой части книги]. С. 2–6.

Ельяшевич В.А. Пятикнижие 1275 года. Об одной реликвии из феодосийской кенасы. С. 6–9.

Юбилей Гахама Шапшала С.М. С. 9.

Чествование Давида Бабакаевича Паша. С. 9–11.

Хроника. С. 11–14.

Темунот ле-газзаним. *Шайтанов С.И.* Исаак Абрамович Бейм (1828–1892). С. 14–16.

Караимы глазами современников. Из «Путевых записок» Г.Спасского. С. 16–17.

Архивная страница [интервью С.М.Шапшала газете «Крымский вестник», 1908 г.]. С. 18–19.

Из караимских архивов [протокол собрания Евпаторийского Караимского Общества, состоявшегося 20-го августа 1913 года с участием лиц, уполномоченных отдельными Караимскими Обществами на выборы Гахама и других членов иногородних общин, 1913 г.]. С. 19–21.

Шайтан И.А. Каким требованиям должен отвечать караимский газзан? С. 21–22.

Путеводитель по архиву [№ 116–127]. С. 22–24.

Вопросы и ответы. Села. Амен. С. 24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 29 (38) – октябрь 2018

Выставка «Къарай эдим, къарай бармэн…» в Крымском этнографическом музее. С. 2.

В будущем году в «Достлар». С. 4–5.

Памяти С.А.Бабовича. С. 5–6.

Евпатория А.П. Поездка в Кале. С. 6–7.

*Яф Тамара.*Йом Киппур в стамбульской кенаса. С. 7–8.

Хроника. С. 8–11.

Шайтанов С.И. Суккот или Орах тою? С. 11–13.

Архивная страница. *М.-И. Пилецкий.* Религиозно-бытовые обрядности трокских караимов. – 1. Смерть и погребение. С. 13–16.

Ельяшевич В.А. Караимская книга в Крыму. Исторический очерк караимского книгопечатания. С. 16–21.

Караимы глазами современников (из книги княгини Н.Горчаковой «Воспоминания о Крыме». М., 1883. С. 24–28). С. 21–22.

Баккал Е.Г. О новом проекте региональной общественной организации «Национально-культурное общество караимов Севастополя «Фидан». С. 22–23.

Путеводитель по архиву [№ 128–138]. С. 23–24.

Информация. С. 24.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 30 (39) – январь 2019

Ельяшевич В.А. К читателю. С. 1.

Эль Давид Моисеевич (22.12.1928–29.11.2018). С. 2.

Конференция Духовного управления. С. 3.

Ельяшевич В.А. Караимская книга в Крыму. Исторический очерк караимского книгопечатания. С. 3–10.

Благодарность. С. 10.

Хроника. С. 10–13.

[*Тирияки В.З.*]. Евпаторийское издание ТаНаХа на караимском языке. С. 13–20.

Караимы глазами современников [отрывок из письма Х.Жевусского о встрече караимов и А. Мицкевича в Евпатории в 1825 г.]. С. 20–21.

Памяти А.В.Хаджи. С. 21.

Архивная страница. *М.-И.Пилецкий.* Религиозно-бытовые обрядности трокских караимов. – 2. Рождение ребенка. 3. Свадебные обряды. С. 22–24.

Еще о караимском гербе. С. 24–25.

Путеводитель по архиву [№ 138–148]. С. 25–27.

Вопрос – ответ. Израиль. Джаны джанэттэ олсун. С. 27–28.

Информация. С. 28.

Известия Духовного Управления караимов Республики Крым

№ 31 (40) – апрель 2019

Тирияки В. [без названия]. С. 1–11.

Архивная находка [из архива С.И.Кушуль, переписка С.М.Шапшала, кончина С.М.Шапшала в 1961 г.]. С. 11–15.

Заседание совета Духовного управления. С.15–16.

Хроника. С. 16–19.

Религиозно-бытовые обрядности трокских караимов. – Свадьба. С. 19–24.

Общее собрание религиозной организации «Караимская религиозная община». С. 24–25.

Современники о караимах [цитата Ф.Домбровского, «Новороссийский календарь», 1846]. С. 25.

Круглый стол по караимскому языку в КИПУ. С. 25–26.

Прощай, «караим»? «Караю» vivat! С. 26–28.

Информация. С. 28.

ГЛОССАРИЙ

Азара́ – портик, крытая галерея с колоннами, примыкающая к зданию кенасы с северной стороны

Ареха́ – членский взнос

Аро́н ha-ко́деш – священный ковчег караимской кенасы, центральная часть гехала (см.), в которой хранятся свитки Торы

Бене́ Микра́ – историческое самоназвание караимов, букв. «сыны Писания»

Бераха́ – благословение

Бет ha-кне́ссет – тоже, что кенаса

Габба́й – староста общины, заведующий общественным движимым и недвижимым имуществом (кенаса, мидраш)

Газза́н – священнослужитель

Гаха́м (букв. – «мудрец») – религиозный авторитет, в контексте законодательства Российской империи с 1837 года председатель Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления, глава караимских общин Российской империи

Геви́р – предводитель общины, финансист

Гени́за – хранилище вышедших из употребления свитков Торы и иных рукописных и печатных книг

Геха́л – (букв. – «чертог», «дворец») возвышенное место в южной части кенасы с арон ha-кодеш в центре

Духа́н – столик для молитвенника

Кена́са (кенаса́) – дом молитвы у караимов

Коге́н – представитель рода священников, принадлежащего к израильскому колену Леви, с XIX века также караимская фамилия

Лешо́н ко́деш (букв. – «священный язык») – древнееврейский язык, на котором написан канонический свод священных книг (Тора, Невиим, Кетувим).

Маски́л – лицо, получившее религиозное образование, образованный человек

Мидра́ш – религиозное училище (или школа) у караимов

Параша́ – еженедельный раздел Торы для чтения в кенасе

Паро́хет – завеса в кенасе, закрывающая священный ковчег (арон ha-кодеш) со свитками Торы

Пи́нкас – общинная книга

Раввинист (раббанит) – еврей, исповедующий талмудический иудаизм

Рибби́ (ребби́) – лицо, закончившее религиозное училище (мидраш)

Сефер Тора́ – свиток Торы

Сидду́р – молитвенник

Талле́т – молитвенное облачение караимского газзана в виде покрывала из ткани белого цвета с длинными синими кистями на четырех концах, одеваемое на голову и на плечи во время Богослужения

Таппу́вах (мн. ч. «таппухим» – букв. «яблоко»/«яблоки») – украшение обычно шарообразной формы, одеваемое сверху на стержни (эч хаим) свитка Торы (сефер Тора)

Тефилла́ – молитва
Тора́ – Пятикнижие Моисея
Чичи́т – молитвенное облачение в виде шарфа, свернутый в несколько раз таллет
Шабба́т – суббота, праздничный день, в который Тора предписывает полный покой
Шамма́ш – должностное лицо, прислуживающее во время Богослужения, а также ответственное за хозяйственную деятельность в кенасе
Шета́р – брачный договор у караимов
Эрби́ – то же, что рибби
Эч хаи́м (букв. – «древо жизни») – деревянные стержни, к которым крепился свиток Торы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКДУ – Александровское караимское духовное училище
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ГАРК – Государственный архив в Республике Крым
ЕКМ – Евпаторийский краеведческий музей
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КЭМ – Крымский этнографический музей
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИЭКК – Музей истории и этнографии крымских караимов имени С.И.Кушуль
РАН – Российская Академия наук
РО – Рукописный отдел
ТОКДП – Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление

Знак информационной продукции **16+**

Научное издание

Составители В.З.Тирияки, В.А.Ельяшевич, А.В.Ефимов

КАРАИМЫ КРЫМА
исторические очерки

Ответственный редактор *В.В.Лебединский*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Подписано к печати с оригинал-макета
05.05.2022.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,8. Тираж 300 экз. Заказ № 86.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук.
107031, Москва, ул. Рождественка, 12.

Полиграфическое исполнение:
АО «Издательство и типография „Таврида”»
Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.
Тел.: 8 (3652) 58-32-20